

Владимир В. Видеманн

Тайна Черного Идола

*или У истоков адвайты: индийская мистическая философия
в практическом ключе*

ॐ

Часть I. Волшебный мурти - 4

- I.1. Магическая книга - 4
- I. 2. Мистерия самадхи - 7
- I. 3. Магический маятник - 9
- I. 4. Адвайта-парампара - 14
- I. 5. Гностическая трансляция - 19
- I. 6. Сквозь тернии – к звездам! - 27
- I. 7. Лондонское Общество Теогуманистов ...32

Часть II. Путешествие в Бадринатх - 40

- II. 1. Транзитная зона: изолированный делириум - 40
- II. 2. Первые впечатления: Ворота Индии - 43
- II. 3. Ришикеш – город ашрамов над Гангой - 45
- II. 4. Омкарананда Сарасвати: в поисках сподвижников гуру - 48
- II. 5. По следам Господа Рамы: глядя из космоса - 53
- II. 6. 1. Бху-мандала: геоцентрическая модель вселенной - 55
- II. 6. 2. Мифология – небесная механика древних - 57
- II. 6. 3. Неолитические культы, первые храмы и священный календарь - 58
- II. 7. Пандукешвар: ущелье Рудры - 65
- II. 8. 1. Бадринатх – священный город Вишну - 70
- II. 8. 2. Пуджа: священная литургия индуизма - 80
- III. 8. 3. Бхарат и ведическая кухня: шиваит из Ришикеша- 88
- III. 8. 4. Храм Шивы: шактизм в действии - 90
- II. 8. 5. Мана – родина Вед - 92
- II. 8. 6. Пранаяма и йога сновидений - 97
- II. 8. 7. Японка в белом сари и речной бодхисаттва - 103
- II. 8. 8. Муни-баба: колдун с серебряным трезубцем - 107
- II. 8. 9. Аптека на площади: форпост аюрведической традиции - 114
- II. 8. 10. Йоги Пир Махарадж: индусский Харон - 117
- II. 8. 11. Великое Время и его запредел - 130
- II. 8. 12. Махалакшми-пуджа - 135
- II. 8. 13. Метод и мудрость / праджня-упая - 138
- II. 8. 14. Магический менталитет - 142
- II. 8. 15. Кришна-джанмаштами - 145
- II. 9. Джошиматх / Джйотирматх - 148
- II. 10. 1. Ришикеш – по храмам и гхатам - 153

- II. 10. 2. Лакшман-джула - 157
- II. 10. 3. Бхарат-мандир - 160
- II. 10. 4. Прогулка по городу с Филиппом - 162
- II. 10. 5. Священные пространства, живительные потоки -164
- II. 11. Лондон – 172

Часть III. Дхармическая перспектива - 172

- III. 1. Астральные конт(р)акты – 172
- III. 2. Особенности дхармического мировоззрения – 176
- III. 3. Обратная связь - 185

Часть IV. Путешествие в Кедарнатх - 187

- IV. 1. Ришикеш - 187
- IV. 2. Харидвар - 190
- IV. 3. 1. Пещера Васиштли (Васиштха гуфа) – 196
- IV. 3. 2. Девапраяг / Рагхунатх-мандир - 197
- IV. 3. 3. Джошиматх / Нарасимха-мандир - 199
- IV. 4. 1. Бадринатх / Бадрикашрам – 205
- IV. 4. 2. В пещере над городом – 209
- IV. 4. 3. Один Бог – один банкомат... - 214
- IV. 4. 4. Чаран-падука – след Вишну - 218
- IV. 4. 5. Тропик Рака - 222
- IV. 4. 6. Магическое наследие Зервана - 227
- IV. 4. 7. Учение о пяти огнях: Панча-агни-видья - 234
- IV. 4. 8. Ритуал как стиль жизни - 242
- IV. 5. Через Чопту в Утхинд - 245
- IV. 6. 1. Путешествие в Кедарнатх – 250
- IV. 6. 2. Мистерии шиваизма – 256
- IV. 7. Нисхождение в сансару – 264
- IV. 8. Ришикеш битловский – 269

Часть V. Адвайта-Веданта - 273

- V. 1. Три типа человеческой религии - 273
- V. 2. Санатана-дхарма - 276
- V. 3. Истоки философии адвайта-веданты - 279
- V. 4. Матхи адвайта-веданты - 281
- V. 5. Нео-индуизм (нео-веданта) - 282
- V. 6. Рама-ашрама - 283
- V. 7. Рама-парампара - 288
- V. 8. Веданта как сумма Вед - 291
- V. 9. Самадхи – последнее прибежище йога – 294

Приложение - 299

Мандукья Упанишада - 299

Р. М. Тамм. Философия Адвайты - 301

Часть VI. Краткая история раннего буддизма - 303

VI. 1. Южная Азия во времена Будды Шакьямуни 303

VI. 2. Путь Будды 304

VI. 3. Первые буддийские соборы 306

VI. 4. Северный буддизм 311

VI. 5. Школы тибетского буддизма Ваджраяны 320

Часть VII. Зов архата - 321

VII. 1. Шангшунг и Шамбала 321

VII. 2. Хельсинки 326

Часть VIII. Путешествие в Шангшунг - 328

VIII. 1. Врата Бога: райский чертог в горячем аду 328

VIII. 2. Долина Алакнанды: Девапраяг-Пандукешвар-Бадринатх 333

VIII. 3. Гималайская мистика 338

VIII. 4. Форпост адвайты: Джошиматх 346

VIII. 5. Столица йоги: Ришикеш 350

VIII. 6. Мекка архитектуры: Чандигарх 353

VIII. 7. Долина Беаса: Куллу-Наггар-Манали 353

VIII. 8. Долины Ченаб-Спити: Каза-Табо 358

VIII. 9. Бон – религия свастики 363

VIII. 10. Астральный гнозис 371

VIII. 11. Колесо времени 374

VIII. 12. Дзогчен: Гью 376

VIII. 13. Долина Сатледжа: Нако-Кальпа 378

VIII. 14. Менри 383

VIII. 15. Чандигарх-Курукшетра-Дели 388

VIII. 16. Небесный пояс цивилизаций: Путь из Варяг в Шамбалу 389

VIII. 17. Тайна Черного идола 392

Часть IX. E pluribus unum – 396

IX. 1. Дхармизм и монотеизм 396

IX. 2. Аватары индуизма 401

IX. 3. Будды, бодхисаттвы и защитники веры 406

IX. 4. Джайнские тиртханкары 409

IX. 5. Ось мира 411

NB. Большая часть ссылок дается на основании статей Википедии, при этом местами могут быть внесены авторские изменения, сокращения или дополнения.

Часть I. Волшебный мурти

I. 1. Магическая книга

«Основной парадокс достижения адвайты состоит в том, что последняя находится за пределами глубокого сна, в так называемом четвертом состоянии [сознания], называемом турией (turīya). Желаящий реализовать турию должен это сделать посредством майи (māya). Прямой путь к такой реализации идет через диалектику сна и гипнотического состояния за пределами свободной от иллюзий без-душевности [т. е. за пределами опыта души-psyche как источника майи].

Реализующий майю через майическую не-майю становится нуль-майей. В результате достижения турии через данный процесс-курс/путь мы получаем состояние суггестии и гипнотизации в [формате] шизоидно-параноидно/мезоидной мании многочисленных умодробительных парадоксов. В подобном состоянии не существует ни стремящегося [к освобождению субъекта], ни освобожденной, ни не-освобожденной души. Все есть фантастика, не-интеллектуализация и не-философизация...»

Р. М. Тамм. Философия Нуля (S. R. M. Tamm. "The Philosophy of Null", Boston, 1989)

Однажды, переставляя культовые фигурки на своей этажерке, я загляделся на случайно попавший в поле зрения корешок книги «Философия Нуля» Рама Михаэля Тамма¹. Достав томик, я стал его спонтанно перелистывать и остановился на статье «Адвайта». Видимо, пришла пора перечитать... Погружение в подобного рода тексты всегда чревато непредвиденными состояниями и после-шоками.

Рам был мастером магического программирования. Он не раз говорил, что человек – это не только то, что он думает, но и то, что он излучает. Это тонкое излучение передается во все продукты человеческого творчества, в том числе – письменного. В подавляющем большинстве случаев авторская суггестивная энергия проецируется в объекты творения бессознательно, просто как составная часть естественного процесса. Но если эту тему уловить и разработать, то из ваших рук выйдет уже самый настоящий магический предмет, способный влиять на обстоятельства в соответствии с заданной программой.

«Натуральными» магическими предметами являются, практически, любые культовые объекты, церемониальный инструментарий и священные книги, предназначением которых является передача не просто информации, но информации за пределами формализованного понимания.

¹ **Михаэль Тамм** (Sri Rama Michael Tamm), 09 февраля 1911 (Элиствере, Эстония) – 22 ноября 2002 (Бостон, США) – эстонско-американский философ, автор Нуль-Гипотезы-Теории (универсальная знаковая система, позволяющая совмещать «оптику» западного и восточного философского мышления). С 1956 по 1981 г жил в СССР (Эстония) на правах апатрида (лицо без гражданства).

Пример действия магической книги, в несколько ернической манере, описал Михаил Елизаров² в фантастическом романе «Библиотекарь». Тут речь идет о том, как после прочтения как бы совершенно банального произведения у человека раскрываются как ментальные, так и физические сверхспособности. Причем читать нужно оригинальную книгу, оригинального издания, поскольку текст копии магического эффекта не дает. Но даже влияние оригинала длится лишь ограниченное время, всего лишь несколько часов, поэтому, чтобы быть в форме, такие магические книги нужно постоянно перечитывать.

Сам по себе «Библиотекарь» к магической литературе не имеет отношения, автор просто использовал оригинальный литературный прием, но суть явления нащупана верно. Творческие личности часто, чисто бессознательно, интуитивно, рефлексивно, достаточны глубокие дискурсы, выступая в роли неких шаманов, сообщающих аудитории, будучи в особом творческом состоянии, знаменательные истины. Недаром древние обожествляли искусство и артистов, видя в последних разновидность жрецов или шаманов, непосредственно контактирующих с высшими силами всемирного всезнания и всемогущества...

Я давно обратил внимание на то, что при чтении любой книги на процесс понимания и усвоения текста влияет энергетика не только автора, но и всех предыдущих читателей именно этой книги, оставляющих на страницах произведения некий персональный импринтинг: мысли, чувства, догадки, интуиции... Образно говоря, если умную книгу прочтет дурак, то, перечитывая ее после него, вы столкнетесь с непониманием элементарных фигур, и наоборот – после вдумчивого читателя даже сложный материал идет легче. Например, берешь из библиотеки какого-нибудь философа, читаешь, и вроде как чисто формально все понятно. И в то же время, некое поле явственно блокирует мозги, усложняя работу интеллекта. А это может означать, что до вас книга побывала в руках очередного тупицы, который сломал над ней свой мозг и мало что понял. И вот теперь его энергия непонимания действует на вашу собственную понимающую способность.

Этот эффект я впервые заметил на учебных материалах нашей институтской библиотеки. Берешь, скажем, грамматику старославянского языка – и тонешь в ней, несмотря на, казалось бы, совершенно ясное изложение. А все потому, что до вас ее читали десятки студентов-эстонцев (существенная часть контингента русской кафедры), для которых и русский язык не родной, а старославянский – так вообще почти «санскрит».

²Михаил Юрьевич Елизаров (род. 28 января 1973, Ивано-Франковск) — русский писатель, лауреат литературной премии «Русский Букер» 2008 года за роман «Библиотекарь».

То же самое с книгами на иностранных языках. Если взять, скажем, томик Хаксли³, который вам подарил прочитавший его англосакс, то после него читаешь и, даже при дефиците словарного запаса, все понимаешь. Почему? Потому что энергия понимания предыдущего читателя этому способствует. И совсем наоборот: брать иностранные книги из местной библиотеки, перечитанные соответствующим контингентом – значит завязнуть в капканах двусмысленности и ложных ассоциаций. Поэтому лучше всего читать или совершенно новые книги, нечитанные, или те, которые до вас прочли специалисты своего дела, чья энергия понимания поможет вам, чисто телепатически, преодолеть барьеры когнитивного диссонанса.

Все книги Рама являются абсолютно магическими – как по содержанию, так и с точки зрения аккумулированного в них авторского импульса. Не была исключением и «Философия Нуля». Перечитав «Адвайту», я проникся желанием систематически изложить свое собственное понимание теории и практики веданты⁴. Тем более, что сижу в этой теме почти сорок лет. Погружение в дискурс адвайта-веданты⁵ предполагает систематические медитации, позволяющие поддерживать интуитивную связь с гуру и стоящей за ним традицией.

Это – известные на Востоке практики, но на Западе сложно найти квалифицированного мастера, который мог бы не только адекватно растолковать суть философской недвойственности, но и включить «спящие» интуиции в глубинах вашего бессознательного. Рам был одним из редких людей, эффективно объединявших в своем лице традиции как восточного, так и западного гнозиса. В своих работах он перекидывает концептуальный мостик между греческой и санскритской философской терминологией, между позитивной диалектикой Платона⁶ и негативной диалектикой Нагарджуны⁷.

³ **Олдос Лёонард Хаксли** (англ. Aldous Huxley; 26 июля 1894, Годалминг, Суррей, Англия, Великобритания — 22 ноября 1963, Лос-Анджелес, США) — английский писатель, новеллист и философ. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».

⁴ **Веданта** (санскр. वेदान्त, vedānta, «окончание Вед») — одна из шести ортодоксальных школ (*даршан*) в философии индуизма. В сущности, веданта является общим названием ряда философско-религиозных традиций в индуизме. Первоначально это название относилось к философским текстам, примыкавшим к Ведам — Брахманам, Араньякам и Упанишадам, которые являются пояснительной и дополнительной частью четырёх Вед.

⁵ **Адвайта-веданта** (санскр. अद्वैत वेदान्त) — индийская философская система, наиболее известная разновидность веданты. Основной тезис: «Брахман реален, мир нереален, джива (индивидуальная душа) и Брахман — одно и то же». Основоположники — Гаудапада и Шанкара.

⁶ **Платон** (др.-греч. Πλάτων, 428 или 427 до н.э., Афины — 348 или 347 до н.э., там же) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

⁷ **Нагарджуна** (санскр. नागार्जुन, Nāgārjuna — «серебряный змей») — выдающийся индийский мыслитель, развивший идею о «пустотности» дхарм; основатель буддийской школы Мадхьямаки и ведущая фигура в буддизме Махаяны.

I. 2. Мистерия самадхи

Главная цель практической адвайты – достижение состояния самадхи⁸, трактуемого самими адвайтинами как «просветленность за пределами глубокого сна». Такая просветленность не имеет, выражаясь риторически, ничего общего с каким-либо осмыслением или осознанием в привычном смысле слова, т. е. с интеллектуальным опытом бодрствующего эго. Скорее, тут можно говорить о парадоксальной интуиции, проявляющейся не прямым (ибо всякое проявление – уже множественность), но косвенным путем, в качестве своеобразного после-действия к трансцендентальному трансу как высшей ступени йоги познания.

Достичь состояния самадхи, как его понимают практикующие йогины, не очень просто. Здесь требуется выдержка и большая усидчивость. Ведь речь идет о том, чтобы достичь очень тонкого баланса состояний на грани бодрствования-сновидения, на стадии формирования в сознании так называемых гипнагогических образов⁹. Самое главное – удержаться в таком состоянии, не засыпая и не просыпаясь. В этом случае становится возможной парадоксальная реализация третьего состояния – глубокого сна с элементами предельного бодрствования. Это то, что называется «прозрением души» или «мистическим всеведением» как пороговым переживанием на грани истинного самадхи.

Символические образы, предваряющие самадхи, могут быть самыми разными, но все они, как правило, так или иначе связаны с кармической проблематикой первого лица, стремящегося к самореализации в духе дхармического знания (гьяна¹⁰, гнозис¹¹) «о главном». Как-то раз, в процессе медитации, мне представился как бы фиолетовый свет Парабрахмана, на фоне которого блокирующим черным пятном вырисовывался силуэт Стража порога. «Пароль!» – спросил он зычным голосом. Вопрос застал меня

⁸ **Самáдхи** (санскр. समाधि, samādhī, «целостность, объединение; осуществление, завершение; собранность; совершенство») — в восточных медитативных практиках — состояние, при котором исчезает сама идея собственной индивидуальности и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого, микро- и макрокосма.

⁹ **Гипнагогические** и гипнопомические образы (от греч. hypnos «сон» и agoge «видение, приведение») – образы, подобные галлюцинациям, возникающие вначале засыпания. Проявляются преимущественно в виде зрительных и слуховых образов, напоминающих пережитые события, при переходе от бодрствования ко сну и от сна к бодрствованию соответственно.

¹⁰ **Гьяна**, джняна, джняна (санскр. ज्ञान, jñāna) — санскр. «знание». В философии индуизма обычно используется для указания на «истинное знание». В монистических направлениях индуизма, таком как адвайта-веданта, совершенством гьяны является осознание единства индивида, или в санскритской терминологии атмана, с безличным аспектом Абсолютной Истины — Брахманом.

¹¹ **Гно́зис** (гно́сис) (от греч. γνώσις — «знание») — высшее, эзотерическое, откровенное, мистическое знание. Центральное понятие гностицизма. В раннем христианстве эзотерическому знанию гностиков противопоставляется идеал «истинного», христианского гнозиса — высшего проникновенного богопознания.

врасплох, поскольку я не имел о каком-либо пароле ни малейшего представления. Видимо, карма еще не созрела... Я вспомнил эпизод тридцатилетней давности, когда мое продвижение к самадхи было прервано стуком соседки:

«Тук-тук-тук! Какие-то странные стуки проявились на периферии сознания, их сила нарастала. Я окончательно пришел в себя. Тук-ту-тук! Это кто-то стучал в окно. Что за наваждение? Гости, что ли, приехали? Я открыл глаза, встряхнулся, подошел к окну, завешанному кисейной занавеской. В этот момент стук раздался с другой стороны дома, в дверь. На пороге стояла соседка с другого хутора:

– Вы дома? У вас все в порядке?

– Да вроде как все. А в чем дело?

– Вы знаете, я заметила с дороги, что у вас в окне что-то горит. Подумала, может огонь какой... Мало ли – пожар! Решила на всякий случай проверить. Постучала в окно, никто не ответил. Потом пошла стучать в дверь... Ну, слава богу, если все в порядке! С наступающим!

Все ясно: огонек свечи соседка приняла за пожар. Молодец, не поленилась сойти с дороги и пройти пару сот метров, сквозь интенсивно заснеженное поле, прямо к дому! С такими соседями не сгоришь. Но и не улетишь! По иронии судьбы, своим стуком она спугнула Парабрахмана, вернув меня на землю в самый неподходящий момент...»¹²

И вот, опять тормозящий момент: «Пароль!..» В этот самый момент, слева от меня, появляется какая-то собачонка, которая начинает тявкать на Стража порога, отвлекая, тем самым, его внимание от меня. Моментально все смекнув, я тут же шагнул в спасительный фиолет и... проснулся. С этого момента все стало предельно понятно: я должен «протявкать» *пароль* Стражу своего собственного порога¹³, и этим паролем должна стать моя книга об адвайта-веданте. Но это должна быть не просто «адвайта» как микс из других книг об адвайте, но адвайта как прямой опыт состояния философской недвойственности и мистической свободы в духе (мокша¹⁴).

Инициатический сюжет со Стражем порога я впервые услышал от Рама. Он рассказал историю про Лао-Цзы¹⁵, который написал «Дао Дэ Цзин» в качестве «пароля» для магической стражи, остановившей философа при пересечении западной границы Поднебесной. Рам тоже имел свой пароль, которым стала его Нуль-Гипотеза-Теория (нуль-философия), открывшая двери к личному освобождению.

¹² Фрагмент из книги автора «Школа магов»

¹³ Пороговый триггер (англ. Threshold trigger) – термин Р. М. Тамма, означает механизм, управления промежуточными состояниями, тенденциями.

¹⁴ **Мокша** (санскр. मोक्ष mokṣa, «освобождение») или **мукти** (санскр. मुक्ति) в индуизме и джайнизме – освобождение из круговорота рождений и смертей (сансары) и всех страданий и ограничений материального существования.

¹⁵ **Лао-цзы** (Старый Младенец, Мудрый Старец; кит. упр. 老子, VI век до н.э.), древнекитайский философ VI — V веков до н.э., которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин».

Моя книга об адвайте построена на шифрограммах индивидуализированного мировосприятия. При том, что основной тон повествования здесь, как того требуют жанровые особенности, задает деперсонализированная прагья¹⁶ – пустотная интуиция, пронизывающая все существующее и не-существующее, сущее и не-сущее. Эта прагья и есть, согласно веданте, высший Брахман¹⁷ как Парабрахман, ультимативная суть мироздания, и она же – существо индивидуального атмана¹⁸.

I. 3. Магический маятник

Взявшись за написание трактата об адвайта-веданте, я быстро пришел к мысли, что без прямого посещения Индии в этом деле не обойтись. Стало быть, надо реально ехать. Но куда конкретно? Может быть, отправиться в Бенгалию, в Калькутту, откуда был родом Рамакришна Парамаханса¹⁹ – основатель парампары²⁰, в которую был некогда инициирован Рам? Или же сразу – в божественный Варанаси? Но можно и в мировую столицу йоги, священный Ришикеш, поближе к гималайским пещерам святых садху и просветленных санньясинов²¹. Учитывая специфику предстоящего тура, я решил «засечь» источник обратной связи посредством магического маятника. Подобный опыт у меня уже имелся.

Впервые я серьезно прибег к помощи магического маятника четверть века назад, в Южной Америке.

¹⁶ **Прагья**, праджня (санскр. प्रज्ञा, prajñā) — познание, мудрость. В буддизме – понятие, обозначающее высшую трансцендентальную интуитивную просветлённую мудрость, в которой отсутствуют какие-либо признаки или качества. Прагью можно постигнуть лишь с помощью интуитивного прозрения, а не путём анализа.

¹⁷ **Брахман** (санскр. ब्रह्मन् от बृह्, brh, «расти, нарастать» и मन्, man, «отражать, верить, мыслить, разум»; первоначально — «молитва») — в индийской идеалистической философии – понятие, обозначающее надличностный, индифферентный абсолют, «душу мира», первооснову всех вещей и феноменов.

¹⁸ **Атман** (санскр. आत्मन्, ātman, «самость, дух», высшее «Я») — одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма: вечная, неизменная духовная сущность. Абсолют, осознающий своё собственное существование. Термин, используемый для описания высшего «Я» человека и всех живых существ.

¹⁹ **Рамакришна Парамаханса** (имя при рождении — **Гададхар Чаттопадхьяй**, бенг. রামকৃষ্ণ পরমহংস, бенг. গদাধর চট্টোপাধ্যায়; 18 февраля 1836, Камарпукур, Бенгалия — 16 августа 1886, Калькутта) — индийский гурӯ, реформатор индуизма, мистик, проповедник.

²⁰ **Парампара** (санскр. परम्परा, paramparā, букв. «от одного к другому») или **Амная** (санскр. आमनाय, āmnāya) — цепь преемственности от учителя к ученикам в индийской культуре. В буквальном переводе с санскрита *парампара* означает «непрерывная цепь преемственности».

²¹ **Санньяса** (деванагари: संन्यास, sannyāsa — «отречение») — этап жизни в индуизме, который характеризуется отказом от материальной жизни и сосредоточением на духовном. Человек на этапе санньясы называется санньяси, или **санньясин**.

«Мне было интересно выяснить конфигурацию эфирных сил в Западном полушарии, и прежде всего — в окружавшем меня пространстве. Я разложил на полу приобретенную в Институте картографии политическую карту мира. К полной неожиданности, прямо по центру здесь красовался Американский субконтинент, тогда как Старый Свет оказывался расчлененным надвое: от Чукотки до Индии слева от Америк и от Испании до Пакистана — справа (в конце концов, я повесил эту карту на стену "вверх ногами", севером вниз). Я вдел в иглу нить и пронзил ей обернутый в фольгу пластилиновый шарик, получив примитивный вариант маятника. Затем поднял инструмент над картой. Шарик тянул нить вертикально вниз, к центру Земли как трехмерного тела.

Если вы хотите погадать на маятнике, то прежде всего нужно научиться с ним работать, его спрашивать. Язык маятника прост: он может совершать движения вперед-назад (понимаемые как "да"), вправо-влево ("нет") или круговые — по и против часовой стрелки (позитивное и негативное вращение). Прежде всего маятник (или соответствующего духа) следует спросить, хочет ли он разговаривать. Если "да", то опрос можно продолжить. Маятник, двигаясь в разных амплитудах, сам может вести достаточно чувствительную руку над гадальными картами. Минуты две шарик безжизненно висел над южноамериканским континентом, не подавая никаких сигналов. Я уже хотел, было, заканчивать эксперимент, как тут маятник шевельнулся... Будем разговаривать? Да! Шарик начал раскачиваться вперед-назад, вдоль континента, с севера на юг. Через некоторое время я понял, что он "работает" вдоль Андского хребта. Видимо, вдоль него, представляющего собой некий, глядя из космоса, титанический позвоночник свернувшегося "зародыша", активировались какие-то силовые линии планетарного организма — с канадским "мозгом" и патагонским "копчиком", где карибский бассейн представлялся своеобразной "внутренней полостью".

Я начал сканирующее движение маятника от самой южной оконечности континента, с мыса Горн, над которым игла стала активно описывать круги против часовой стрелки. "Видимо — южный полюс негатива", — подумалось мне. По мере продвижения вверх, на север, это вращение маятника против часовой стрелки продолжалось, усиливая амплитуду над одними участками суши и снижая над другими. Я дошел уже практически до самой северной оконечности Южной Америки, готовясь переместиться в Панаму, как тут маятник неожиданно остановился и начал раскручиваться в противоположную сторону, по часовой стрелке. Это было крайне странно и неожиданно. Эпицентр правостороннего вращения был локализован на северо-восточном побережье Колумбии, зона его действия распространялась в радиусе сотни-другой километров. Я сначала подумал, что этот фон дает Картахена — мощнейший центр индустрии развлечений, сравнимый с Майами и Лас-Вегасом по количеству адреналиновых шоков на душу населения. Однако, при дальнейшей проверке выяснилось, что ни вокруг Майами, ни Лас-Вегаса (ни даже Нью-Йорка!) подобного рода аномалий маятник не фиксирует. Возможно, причина правостороннего завихрения эфира у северного побережья Новой Гранады вызвана вовсе не антропогенным фактором? Точный ответ на этот вопрос я знал уже на следующий день...»²²

Я пошел гулять и спонтанно зашел в тот самый Институт картографии, где накануне покупал карту мира, и где работал руководителем кафедры мой приятель Хайро.

«В его кабинете мне сразу бросилась в глаза огромных размеров, метра два на три, висевшая на стене карта Южной Америки. Весь континент был покрыт концентрическими кругами синего цвета, фиксировавшими, как сказал Хайро, некие контуры геомагнитного поля. И только на ограниченном участке, у самого Карибского побережья, эти контуры были обозначены красными линиями. Это было единственное целостное красное пятно на всей, преимущественно синей, карте, а его эпицентр приходился не на Картахену, а на покрытый вечными снегами шеститысячник прибрежного горного массива Сьерра-Невада-де-Санта-Марта Кристобаль-Колон — белую, покрытую вечными снегами вершину, возносящуюся правильной пирамидой к экваториальным небесам на высоту почти шести километров. Как пояснил наш друг, синие и красные круги на карте отмечали зоны распространения негативного и позитивного магнетизма. Мне сразу все стало ясно: так вот почему маятник

²² Фрагмент из книги автора «Белый Снег Колумбии»

закрутился в этой точке в противоположную сторону! Выходило, что Санта-Марта — и в самом деле уникальное место, единственное во всей Южной Америке по своему геомагнитному потенциалу.»²³

В другом случае гадания на маятнике, уже в Лондоне, я поставил конкретную цель: найти прародину человечества. Результаты этого опыта были записаны в тот же день.

«Когда нельзя использовать научный аппарат, прибегают к магическому. Меня давно интересовал вопрос изначальной прародины человечества, т. е. той территории, где появился человеческий первопредок. Наука на этот счет не имеет единого мнения, тем более, что даже сама теория африканского происхождения анатомического человека ставится под сомнение. Поэтому я решил прибегнуть к старому, проверенному способу магического гадания с маятником. Я взял карту мира и вслепую положил ее на пол, изображением вниз. Так, чтобы потом не знать, где у карты верх и низ (север и юг). После этого взял маятник, который указал мне одну точку. Я проколол эту точку иглой, и сверил с обратной стороной карты. Игла вышла не территории Северного Мозамбика, к востоку от озера Ньяса. Я глянул на Google Earth. Интересный ландшафт, весьма подходящий для прямоходящих приматов: тропическая зелень, реки, озера, легкая холмистость с периодическими выходами скальника. Посмотрел по базе объектов палеолита в Мозамбике. Оказывается, что в пещере Нгалуэ, расположенной в этой самой местности, нашли *самые древние из ныне известных* следов выпечки человеком хлеба. Более ста тысяч лет назад. До этого наиболее древним местом выпечки хлеба считалась пещера в Израиле (28 тысяч лет назад). Так что если считать человека по хлебу, то получается, его прародина — Мозамбик. Чуть севернее от пещеры Нгалуэ была найдена знаменитая Люси, но тут речь шла о допалеолитическом питекантропе, бегавшим по этим просторам 2 млн. лет назад. Тем не менее, магический маятник указал на правильное место. Вот так и двигаем науку...»

Судя по практическим опытам, маятник работал безукоризненно. Не спросить ли его еще раз? Я взял карту мира и попытался, с помощью того же самого прибора, определить местонахождение индийского «маяка». Да, нет, вправо, влево, по и против часовой стрелки... Наконец, маятник завис где-то у индо-китайской границы. Может быть, мне нужно в Тибет? Нет, туда маятник явно не тянет... Но поскольку масштаб карты очень мелкий, никаких населенных пунктов под поисковой иглой обозначено не было. Я пометил нужную точку и решил поглядеть на этот район в большем разрешении. Открываю Google Map, фокусируюсь над выбранным районом... На экране стали возникать отдельные географические названия: реки, долины, города, деревни. Я двигаюсь дальше на север, к самой индо-китайской границе. А вот, похоже, это то самое... Бадринатх. Дальше — только горы и Китай. Никогда раньше не слышал этого названия. Ну, что ж, надо бы поизучить, что там вокруг. Иду на Википедию:

«Бадринатх — это священный индуистский город. Как священное место упоминался в писаниях и легендах на протяжении тысяч лет. Он наиболее важный из четырех городов в паломничестве по маршруту Чар-дхам (санскр. चार धाम, букв. «четыре обитатели»). По преданию именно здесь были оформлены Веда и сложены многие Пураны...»

²³ Ibid.

Ну надо же! Это ведь как раз то, что мне надо! Кто бы мог подумать! Ай да маятник! Я решил поднять больше информации о Бадринатхе и окружающем регионе. Оказалось, что Бадринатх (санскр. «владыка в форме развесистой клюквы»)²⁴ является одним из ключевых точек паломничества чар-дхам (санскр. «четыре места»), расположенных в четырех разных местах индийского субконтинента: Бадринатх на севере (Уттаракханд), Пури на востоке (Орисса), Рамешварам на юге (Тамилнад) и Дварака на западе (Гуджарат). Считается, что идея ятры (санскр. «паломничество») по этим четырем святым местам принадлежит великому индийскому философу VIII века Шанкарачарье (Ади Шанкара)²⁵, основателю даршана (школы) адвайта-веданты.

Город Дварака на западе субконтинента был, согласно «Махабхарате», около пяти тысяч лет назад столицей царства Кришны²⁶, седьмого аватары бога Вишну, а расположенный там храм Дваракадиши (санскр. «владыки Двараки») построен на месте главного дворца Кришны. Другой город, связанный с Кришной, с кремацией его тела – Пури, на востоке субконтинента. Здесь центром паломничества является храм Джаганнатхи (санскр. «владыки вселенной»). Город Рамешварам на южной оконечности Индостана связан с восьмой аватарой Вишну, Рамой²⁷, а также храмом Раманатхсвами, где Рама воздвиг шивалингам в знак поклонения богу Шиве. Наконец, цель паломничества на север страны, в Бадринатх – храм Шри Бадринараяна (местной ипостаси Вишну-Нараяны), именуемый также Бадри-Вишал-мандиром.

Помимо этого четырехчленного паломничества по крайним точкам индийского субконтинента, или Большого чар-дхама, существует также Малый чар-дхам, или чота-чар-дхам, также связанный с инициативой Шанкарачарьи. Это северная ятра по четырем священным городам индуизма, расположенным высоко в Гималаях, вдоль границы с Тибетом. Помимо Бадринатха сюда входят Кедарнатх (храм Шивы, Кедарнатх-

²⁴ **Бадринатх** – плоды дерева «бадри», напоминающие крупную клюкву + «натх» (владыка).

²⁵ **Шанкара (Ади Шанкара** санскр. आदि शंकर, **Шанкарачарья**; 788—820) — индийский мыслитель, ведущий представитель Веданты, религиозный реформатор и полемист, мистик и поэт. На основе Упанишад создал последовательную монистическую систему — адвайта-веданту.

²⁶ **Кришна** (санскр. कृष्ण, kṛṣṇa — одна из форм Бога в индуизме, восьмая аватара Вишну, часто описывается как один из наиболее популярных индуистских богов. В монотеистической традиции кришнаизма почитается как верховная и изначальная форма Бога. Согласно индуистским священным текстам, в конце IV тысячелетия до н. э. Кришна снизошёл на землю из духовного мира, родившись в городе Матхура.

²⁷ **Рама** (санскр. राम, rāma) или **Рамачандра** — аватара Вишну, легендарный древнеиндийский царь Айодхьи. Рама почитается в индуизме как седьмая аватара Вишну, сошедшая в мир в последнюю четверть Трета-юги около 1,2 млн лет тому назад. Большинство индуистов считают Раму реально существовавшей исторической фигурой, царём, правившим большей частью современной Индии из своей столицы Айодхьи.

мандир), Ганготри (храм богини реки Ганги) и Ямуотри (храм богини реки Ямуны). Шанкарачарья лично бывал во всех этих местах, а в Кедарнатхе, рядом с мандиром, находится его самадхи (т. е. усыпальница на месте финального самадхи).

Если говорить в терминах нашего времени, то Бадринатх – это большой высокогорный кишлак, с населением около пяти тысяч человек. Он знаменит, прежде всего, бьющим из скалы горячим источником и расположенным рядом древним храмом со священным мурти²⁸ (идолом) бога Вишну-Бадринараяны (Бадри-Вишала) из черного камня-шалаграма²⁹. Кроме того, в городе и его окрестностях находится великое множество других храмов, святилищ и ашрамов разной степени святости, а пещеры на склонах горных хребтов вдоль Алакнанды заселены отшельниками и мистагогами. Это, собственно говоря, те самые «пещерные города», о которых сообщала в своих записках из Индии известная русская путешественница и мистик Елена Петровна Блаватская³⁰, а также другие авторы теософской и пара-теософской направленности.

В четырех километрах выше, в сторону тибетской границы, есть небольшая деревенька Мана. Это последняя деревня на территории Индии. Население тут уже наполовину тибетское. Главная достопримечательность Маны – пещера легендарного древнего мудреца Вьясы³¹, записавшего здесь Веды и сложившего национальный героический эпос «Махабхарата». Можно сказать, что именно с этого места начинается ведическая Индия. Таким образом, если веданта считается философским завершением Вед, то мой веданта-трип должен был представлять собой как бы акт символического возвращения к истокам ведической традиции: от аналитической адвайты Рама – к нео-веданте его индийских учителей, классической веданте

²⁸ **Мурти** (санскр. मूर्ति; mūrti, букв. «проявление») в индуизме — статуя или изображение определённой формы Бога, *дэвы* или святого.

²⁹ **Шалаграм** (санскр. **Шалаграма-шила**, букв. «камень Вишну-Шалаграмана») — разновидность окаменевшего аммонита в виде овального камня, внешняя поверхность которого покрыта древовидными узорами. Дикий камень абсолютно бесформенный. Чтобы его «открыть», его нужно аккуратно обстучать легкими движениями молотка, после чего он раскалывается на две половинки, показывая всю свою истинную красоту. Шалаграмы бывают двух видов: с рисунком в виде спирали или кругов, тогда они связываются с женским аспектом, и с рисунком в виде лингама, тогда они связываются с мужским аспектом. Камень считается одной из форм бога Вишну. Его происхождение подробно описано в Скандха Пуране (*Skanda Purana*).

³⁰ **Елена Петровна Блаватская** (урождённая Ган, нем. von Hahn; 31 июля [12 августа] 1831, Екатеринослав, Российская империя — 26 апреля [8 мая] 1891, Лондон, Англия[3][4][5]) — русская дворянка, гражданка США, религиозный философ теософского (пантеистического) направления. литератор. публицист. оккультист и спириталист. путешественница.

³¹ **Вьяса** (санскр. व्यस, Vyāsa — «дробность», «деление», «разделение», «подробность», «подробное изложение»), также известный как **Ведавьеса**, **Вьясадева**, **Бадараяна** или **Кришна-Двайпаяна** — мудрец, считающийся автором или редактором-составителем многих глубоко древних и обширных по объёму памятников — Вед, Пуран, философской системы веданты, а также знаменитого эпоса «Махабхараты».

Шанкарачарьи и его махатм, и дальше – от философии Упанишад к магической реальности ведической культуры. Финальной – наиболее удаленной и возвышенной точкой моего маршрута становилась пещера Вьяса-гуфа, где были начертаны первые ричи³² Ригведы:

«Агни призываю я – во главе поставленного Бога жертвы (и) жреца, Хотара обильнейше-сокровищного. Агни достоин призываний риши – как прежних, так и нынешних: да привезет он сюда богов! Агни, посредством (него) пусть достигает он богатства и процветания – изо дня в день – сияющего, мужеобильнейшего! О Агни, жертва (и) обряд, которые ты охватываешь со всех сторон, именно они идут к богам.»

Ригведа. 1.1. К Агни

I. 4. Адвайта-парампара

Изучение адвайта-веданты я начинал у Рама, который познакомил меня не только с классиками этой школы, но и с достижениями мастеров неоведанты – Рамакришны, Раманы Махариши³³, Махадевана³⁴ и других. В нашей Лесной Академии мы разбирали тексты Шанкарачарьи, Шри Гаудапады³⁵, Упанишад, буддийские трактаты и другие источники восточной мистической философии. Будучи специалистом в санскритской и греческой *философской терминологии*, Рам перебрасывал уникальные интуитивные мостики между западной и восточной интеллектуальными традициями, интерпретируя многогранные познавательные фигуры через Нуль-куб своей Нуль-Гипотезы-Теории.

Интеллектуальное наследие Рама совершенно уникально. Оно состоит из рукописей и печатных фолиантов на нескольких языках: эстонском, английском и немецком. На немецком всего несколько монографий, написанных вскоре после возвращения в родную Эстонию из Германии (ФРГ) в 1956 году. Потом полтора десятка лет Рам писал на эстонском и немного – на английском. После 1976 английский становится его основным письменным языком, а с 1982 (после переезда в Америку) – и устным. Себя Рам считал адептом джняна-йоги, йоги знания. С самого начала своего духовного пути он поставил целью достичь возможных пределов человеческого познания. Как далеко может нас увести познавательная интуиция? В чем состоит крайняя истина для человека? Наиболее исчерпывающие ответы давала, на его взгляд, философия адвайты-

³² **Рич** (санскр. ऋचि, ऋचि) – хвала, гимн, стихи

³³ **Шри Рамана Махарши** (урождённый **Венкатараман Айяр**, 30 декабря 1879 — 14 апреля 1950) — известный индийский философ и мудрец. Практически всю жизнь прожил у священной горы Аруначала (гор. Тируваннамалай, штат Тамилнад).

³⁴ **Т. М. П. Махадеван** (1911 – 1983) – индийский философ, профессор Мадрасского университета. Ученик Раманы Махариши. Состоял в переписке с Р. М. Таммом.

³⁵ **Гаудапада** — (дев. गौडपाद, около VI века) — индийский мыслитель, наставник Говинды Бхагаватпады (иногда сомнительно отождествляемого с Патанджали, учеником Говинды был Шанкара), основатель нового философско-религиозного направления в индуизме, получившего название адвайта-веданта.

веданты, которую он видел как технически (т. е. с точки зрения достижений) тождественную философии мадхьямики. То есть где-то дхармы индуизма буддизма совпадают? Интересная мысль. Дхарма джайнизма, вероятно, тоже должна совпасть... Позже Рама самостоятельно утвердился в Дхарме, следуя пути пратьека-будды, т. е. просветленного лица, не связанного в своих достижениях с поддержкой какой-либо сангхи (институционализированной традиции). При этом он говорил о негласной поддержке всех продвинутых адептов, резонирующих с вашим медитационным диапазоном. Гуру неоднократно давал понять, что его познания глубин космического эфира и святая святых сакральных мистерий совершенно беспрецедентны, и что в его власти передать эти провидческие способности кому-либо еще. Но само его физическое присутствие уже как бы давало ответ на все возможные (и даже невозможные) вопросы со всей ясностью божественного откровения: Тат твам аси – То ты еси.

На мой взгляд, значение Рама для современной философии и интеллектуальной культуры в целом состоит в том, что ему удалось навести терминологический мост между санскритскими и греческими понятиями, а также интуитивную связь между восточной и западной моделями мышления. Как истинный садху, гуру не стремился к активному распространению своей точки зрения на вещи, он вообще далеко не с каждым снисходил до дискурса определенной глубины или соответствующего уровня сложности.

xxx

Традиция адвайты, или *адвайта-гуру-парампара*, формально состоит из трех, последовательно нисходящих из высшего принципа, фаз (или ступеней): это дайва-парампара (традиция богов), риши-парампара (традиция полу-божественных мудрецов-риши) и манава-парампара (традиция людей). Изначальным источником адвайты как божественного знания считается сам Вишну в форме четырехрукого Нараяны (санскр. «владыка людей»), пребывающего, согласно вайшнавской космологии, на высшей духовной планете (плане бытия) под названием Вайкунтха. В шиваитской традиции вместо Нараяны это может быть Сада-Шива (санскр. Вечный Шива).

Свое знание адвайты Нараяна передал богу творения (тварного мира) Брахме (Падмабхуве). Последний, в свою очередь, посвятил в таинство адвайты собственного духовного сына, великого риши Васиштху³⁶. Далее,

³⁶ **Васиштха** (санскр. वसिष्ठ, Vasiṣṭha «самый богатый», «великолепнейший») — в ведийской и индуистской мифологии один из семи божественных мудрецов, риши, духовный сын Брахмы, один из прародителей земных существ, муж Арундхати. Считается автором трактата, посвященного ведийской астрологии «Васиштха-самхита». Семейный наставник царей Солнечной династии, гуру Господа Рама (седьмой аватары Вишну).

опыт состояния адвайты последовательно передавали друг другу потомки Васишти – риши Шакти (сын), Парашара (внук), Вьяса (правнук) и Шука (праправнук). Следующими гуру адвайта-парампары считается Шри Гаудападачарья (основатель манавы-парампары, VI век), его ученик Говинда Бхагаватпада (VII-VIII вв.) и ученик последнего – Шанкара (VIII-IX вв.). Далее следуют четыре ученика Шанкары – Падмапада, Хастамалака, Тотака и Вортикакара (Сурешвара), утверждающие собственные инициатические линии, в соответствии с возглавленными школами.

Эта базисная линия мастеров адвайты может варьироваться и быть дополнена другими именами, в зависимости от традиций отдельных школ. Например, адвайта-парампара, к которой принадлежал известный йогин Свами Шивананда³⁷, включает между Брахмой и Вьясой фигуру Дакшинамурти (аспект Шивы как вселенского гуру, бога мудрости и медитации), Даттарею (воплощение Тримурти: Брахма-Вишну-Шива) и четырех Кумаров (божественные близнецы, рожденные из ума Брахмы). Одним из учеников Свами Шивананды был Свами Вишнудевананда³⁸, по книге которого я начинал изучать хатха-йогу в середине семидесятых. Так что, можно сказать, некоторым образом эта парампара не является для меня совсем чужой.

Рам также принадлежал к одной из адвайта-парампар. Его дикша³⁹ относится к матху⁴⁰ Рамакришны Парамахансы, передаваясь от бенгальского мастера далее, по цепочке учеников – Свами Вивекананды⁴¹, Свами Парамананды⁴² и Шримата Гаятри Дэви⁴³.

³⁷ **Сва́ми Шива́нда Сара́сва́ти** (имя при рождении — **Куппусвами**; 8 сентября 1887, Паттамадай — 14 июля 1963, Ришикеш) — индийский гуру и йогин. Основатель Общества Божественной Жизни (Ришикеш, Индия).

³⁸ **Вишнудевананда Сарасвати** (31 декабря 1927 – 9 ноября 1993) – индийский йог и активист международного движения пацифистов. Ученик Свами Шивананды и организатор Международных йога-веданта центров им. Шивананды. Автор бестселлеров «Полная иллюстрированная книга йоги» (1959) и «Медитация и мантра» (1978).

³⁹ **Ді́кша** (санскр. दीक्षा, dīkṣā) — обряд посвящения в ученики в индуизме. Является древней религиозной практикой основных направлений индуизма — вайшнавизма и шиваизма, где она рассматривается как абсолютно необходимое условие для достижения освобождения.

⁴⁰ **Ма́тха** или **матх** — индуистский монастырь, монашеский духовный орден. Представляет собой крупнейшую организационную единицу, центр религиозной жизни индуистских сампрадай. Ядром матха, как правило, являются санньяси во главе с махантом, авторитетным духовным лидером.

⁴¹ **Сва́ми Вивека́нда** (имя при рождении — **Нарендранатх Датта**, 12 января 1863, Калькутта, Бенгалия – 4 июля 1902, Белурский монастырь вблизи Калькутты) — индийский философ Веданты и йоги, общественный деятель, ученик Рамакришны и основатель Ордена Рамакришны (Рамакришна Матх) и Миссии Рамакришны.

⁴² **Сва́ми Парамана́нда** (имя при рождении — **Суреш Чандра Гуха Тхакурта**; 5 февраля 1884, дер. Банарипара, окр. Барисал, Вост. Бенгалия/Бангладеш — 21 июня 1940, Кохассет, Массачусетс) — индийский поэт, философ, мистик, ученик Свами Вивекананды. Один из первых учителей адвайты-веданты в США.

Учителем адвайты у самого Рамакришны был бродячий аскет Свами Тота Пури⁴⁴, принадлежавший к дашанами-сампрадае (санскр. «традиция десяти имен»), из санньясинов которой (ēkaṇḍisannyāsi, санскр. «санньяса единой сущности») Шанкарачарья некогда сформировал свои четыре матха адвайта-веданты. Отличительной особенностью дашанами- (или экаданди-) сампрадаи, испытавшей сильное влияние шраманизма⁴⁵ (прежде всего – аскетическая практика и йога), является ее открытость для всех желающих, вне зависимости от касты или принадлежности к какому-либо течению индуизма (шиваизму, вишнуизму, шактизму или тантризму).

К дашанами-сампрадае принадлежат так называемые нага-садху (санскр. «нагие подвижники»), одним из которых был Тота Пури. Имя «Пури» традиционно дается членам Южного матха Шанкарачарьи в Шрингери (Карнатака). К этому же матху также относится имя «Сарасвати», которое носили некоторые известные члены Ордена Рамакришны (в их числе – Вивекананда и Парамананда), а также Шивананда и Вишнудевананда. Третье имя, присущее Южному матху – «Бхарати». Другие матхи – Северный, Западный и Восточный – также имеют специальные посвячительные имена, по которым можно определить инициатическую принадлежность (сампрадаю) того или иного санньясина.

Рам, фактически, основал в Эстонии свой собственный матх адвайта-веданты, в котором, помимо философии и медитации, изучали ритуалы в контексте йогической практики.

«В древнеиндийской традиции умозрение — как зрение (dhi) с помощью ума (manasa) — предполагало под собой не столько рассуждения (mīmāṃsā) по поводу какого-либо объекта (это был лишь начальным и подготовительным этапом), сколько полное (пределе) мысленное погружение в него во время медитации, с помощью которой упасак приводит

⁴³ **Гаятри Дэви** (1906–1995) — индийский мистик, была близка к Рабиндранату Тагору и Махатме Ганди. Под влиянием Вивекананды эмигрировала в Америку в возрасте 19 лет и стала первой женщиной в индийской монашеской общине. В 1927 году она стала первой индийской женщиной, получившей право преподавать веданту на Западе. В знак признания ее глубокой просветленности Свами Парамананда (основатель первого в Америке центра Ордена Рамакришны) объявил Шримату Гаятри Дэви своим духовным наследником. После этого она на протяжении 55 лет возглавляла миссию Ордена в Бостоне, также администрируя отдельные группы в Швейцарии и Германии.

⁴⁴ **Тота Пури** (хинд. तोतापुरी, около 1816, Хингладж, Белуджистан/Пакистан — 16 ноября 1884) — бродячий монах и мистик. Принадлежал к ордену Пури, филиация Нага (обет ходить без одежды, не спать под крышей). Наги практиковали медитацию в окружении четырех костров (т.н. медитация пяти огней, где пятым огнем выступало солнце над головой).

⁴⁵ **Шрамана** (санскр. श्रमण śramaṇa, от глагольного корня śram: «прилагать усилия») — странствующий монах, аскет, религиозный подвижник в Древней Индии. Важной отличительной чертой шраманов являлось отрицание авторитета Вед. Шраманы отказывались от семейных связей, путешествовали, жили подаянием, многие из них практиковали умерщвление плоти. Главная цель любого живого существа — вырваться из круга рождений и смертей, что может быть достигнуто не через отвергаемые шраманами ритуалы, но через различного рода духовные практики, йогу в широком смысле этого слова.

себя в состояние, когда можно чувственно пережить свое полное тождество с объектом медитации, а в предельном случае, если дело касалось Брахмы, то и своего тождества с Брахмой.»

В. Н. Романова. Шатапатха-брахмана (перевод и комментарии)

Рам последовательно прошел все восемь ступеней йоги Патанджали⁴⁶: яму (нравственное очищение), нияму (физическое очищение), асану (физические упражнения), пранаяму (дыхательные упражнения), пратьяхару (отвлечение сознания от внешних раздражителей), дхарану (фокусировка сознания, концентрация), дхьяну (расфокусировка сознания, медитация), самадхи (адвайта, состояние сам-ям). Он также прочитал все 108 Упанишад.

Упанишады создавались в Золотой век индуизма, в период между восьмым и третьим веками до нашей эры. Он практически соответствует Золотому веку классической Эллады – от Гомера⁴⁷ до Платона. Рам считал, что Упанишады, по качеству своей философской мысли, ничем не уступают лучшим образцам древнегреческой философии, а иногда даже превосходят их. Например, в Мандукья-Упанишаде описывается «четвертое состояние» познания – *турия*, неведомая греческим умам, ориентированным на «третье состояние» познания, *прагью* как санскритский эквивалент состояния *сна без сновидений*, оно же – абсолютное единство, *hen to pan* (греч. «все едино»), позитивный максимум.

Адвайта (в концепции Упанишад), как состояние «недвойственности», может быть философски приравнена к греческому *Логосу*⁴⁸ как состоянию «не-противоречивости». Слава об индийских гимнософистах, восточных «нагих мудрецах», была распространена, после завоеваний Александра Великого⁴⁹, во всем эллинистическом мире, включая Египет, Сирию и саму Элладу. Аналогом «эллинских Араньяк», трактующих мистическую природу ритуала, являются писания пифагорейцев, неоплатоников и гностиков, стремившихся к истокам знания за пределами рациональной очевидности.

⁴⁶ **Патанджали** (санскр. पतञ्जलि, patañjali) — основатель Йоги, философско-религиозной школы (даршаны) в Индии II в. до н. э.

⁴⁷ **Гомэр** (др.-греч. Ὅμηρος, VIII век до н. э.) — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиады» (древнейшего памятника европейской литературы) и «Одиссеи».

⁴⁸ **Логос** (от греч. λόγος — «слово», «мысль», «смысл», «понятие») — термин древнегреческой философии, означающий одновременно «слово» (высказывание, речь) и «понятие» (суждение, смысл). Гераклит, впервые использовавший его, называл логосом «вечную и всеобщую необходимость», устойчивую закономерность.

⁴⁹ **Алекса́ндр Македо́нский** (*Александр III Великий*, др.-греч. Ἀλέξανδρος Γ' ὁ Μέγας, лат. *Alexander III Magnus*, у мусульманских народов *Искандер Зулкарнайн*, предположительно 20 июля 356 — 10 июня 323 г. до н. э.) — македонский царь с 336 до н. э. из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. В западной историографии более известен как **Алекса́ндр Вели́кий**.

I. 5. Гностическая трансляция

Трансляция священных символов энергично связана с божественным Логосом как смыслообразующим центром сакральной семиотики. Вследствие такого подхода ритуальность обращается ипостасированным откровением свыше, где *акт веры* (порт. *auto da fe*) играет роль посредничающего природного начала в институциональном дискурсе человеческого. На вере в ближнего, в его онтологическую соипостасность собственной манифестанте прежде всего, и построено то, что называется межчеловеческим доверием, без которого невозможно формирование какого-либо гуманного общества в принципе. Но должны ли доверительные отношения между людьми основываться исключительно на религиозных традициях? Неужели невозможна безрелигиозная, чисто светская гуманная этика, спланивающая человечество в единое братство?

Между гностическим знанием и научным разница в том, что первое является тайным, эзотерическим, тогда как второе – открытым, общедоступным. Такое разделение имеет место и в плане субъекта знания, и в плане методологии познания. Научное познание построено на логике фактологии, на воспроизводимом эксперименте, тогда как гностическое – насквозь интуитивно, сингулярно. Оно воспроизводимо лишь в традиционалистском ритуале – неотъемлемой составляющей гностической практики, *алхимического делания* в терминологии эллинистических герметиков, вокабулистику которых переняли в эпоху Ренессанса первые европейские, а за ними – и другие ученые, сформировавшие позднее дискурс регулярной, академической (в анти-платоновском смысле слова) науки.

Сциентизм прямо противоположен гностицизму, несмотря на историческую примарность гностицизма как метода человеческого познания глубин вселенского бытия во всей полноте их неисчерпаемости. Речь здесь идет, прежде всего, о мистическом, интуитивном познании, проявившемся в определенный исторический период человеческого развития. По всей видимости, это познание, собственно *прямой гнозис*, было в максимальной степени присуще человеку в архаичный период зарождения членораздельной речи и изобразительного искусства, где-то около 50 тысяч лет назад. Позже эта интуитивно-телепатическая способность была вытеснена в маргинальные структуры мозга прагматической семантикой второсигнального моделирования, связанного с развитием человеческого мышления и языка.

xxx

Согласно мнению ряда антропологов, генетическая память человека хранит модели предкового поведения всей цепочки предшествовавших поколений,

вплоть до архантропов и даже дальше. Но эти модели заморожены позднейшей культурной надстройкой сапиенсного порядка. Тем не менее, он могут быть разморожены в силу разных причин, и тогда вместо интеллигентного профессора перед нами оказывается кровожадный троглодит (результат зависит от глубины разморозки).

То же самое касается мозгов: на катушке ментальной памяти записаны программы не только самой личности, начиная с первого дня ее рождения, но и всей предковой линейки, вплоть до первых второсигнальных пращуров. И здесь та же картина: древние паттерны мышления заморожены последующими напластованиями культурного порядка. Вместе с тем, архаичные программы никогда не заблокированы полностью, всегда существуют каналы утечки, поскольку без них невозможна работа механизма тормозной доминанты и связанного с последним процесса мотивационного смыслообразования.

Размораживание архаичных программ возможно с помощью магии как продвинутого гипноза, действующего в обход обычному рассудку и даже – бессознательным установкам суб-личностного порядка. Такие трюки составляют основу тайных магических практик, не имеющих ничего общего с популярным пониманием слова «магия». В этом смысле магические эффекты невозможно проследить с позиций критического разума, они не поддаются рациональной интерпретации. Магическая прагматика никак не привязана к культурному наследию, но она может его инструментально использовать в виде конструктивных кирпичиков при выстраивании запредельных второсигнальному охвату перспектив.

Способность воспринимать и транслировать магическую суггестию укоренена в глубинных структурах психики, связанных с архаичной наследственностью пара-человеческого характера. Здесь речь идет о своеобразном проявлении из глубин бессознательного поведенческой матрицы тотемного (родового) архетипа. В культурологии под «тотемом» обычно понимается некий сверхъестественный покровитель рода, ритуальный контакт с которым обеспечивает популяции выживание и процветание. Примером генерирования магической энергии (мана) является камлание, в процессе которого шаман воспроизводит телодвижения и «речь» тотемного патрона. При этом истинным тотемным архетипом является не само животное, но пара-человеческий первопредок рода, обладающий сверхъестественными (т. е. аномальными, патологическими с точки зрения естественного развития) способностями, позволяющими ему имитативно «перевоплощаться» в соответствующее животное.

Магический первопредок – это одна из разновидностей архантропа на стадии формирования у древних гоминин (подсемейство гоминид как высших приматов) зачатков второсигнальной деятельности, основанной на

эффекте управляемого истериозиса (состояние повышенной возбудимости, вызванное ритмичным раздражением афферентного нерва) как следствия способности к повышенной имитативности. С точки зрения палеоистории, современное человечество не является генетически монолитным, и отдельные его линии несут в себе наследие разных парачеловеческих популяций (неандертальцы, денисовцы, синантропы и др.). Каждая из этих популяций имела свою историю становления доречевой второсигнальности, свои формы имитативных стратегий, которые были впоследствии адаптированы условными кроманьонцами.

Древнейшая магия парачеловека была основана на способности к синэстезии, практически утраченной человеком разумным вследствие культурно-интеллектуальной блокады архаичного наследия предков. Однако, это наследие может быть частично реанимировано через практику инверсивных состояний шаманского транса.

Описание опыта подобных состояний весьма затруднено из-за несовпадения суггестивных параметров современной и древней «ментальности», раскрытие которой сопряжено с возвратом «первого лица» к синестезии магической реальности. Основы такой синестезии укоренены в структурах, связанных с состоянием глубокого сна – своеобразной эфирной призмы, позволяющей видеть мир в состоянии неделимого единства единичностей. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о философском, умозрительном единстве, а о некой магической интегральности – на грани перехода условного рефлекса в фазу присущего только сапиенсам «креативного истериозиса» (суггестивно управляемый невроз).

Примером подобной интегральности может служить восприятие человеком «музыки сфер» при одновременном физическом, даже – тактильном ощущении всего окружающего пространства в пределах линии горизонта. Действующий в этом случае скрытый биолокатор позволяет точно определить наличие в этой магической сфере других живых существ, а также скрытых источников воды, полезных ископаемых или иных востребованных элементов природы. Такого рода магическим видением, без сомнения, обладали палеолитические охотники и собиратели, включая неандертальцев и иных архантропов.

Впоследствии, по мере развития образного мышления и интеллекта, древние люди начали отслеживать движения небесных тел, вплоть до едва видимых невооруженным глазом созвездий и даже – совершенно невидимых, но интуитивно угадываемых посредством гравитационной инфрасенсорики галактических скоплений. Историческая эволюция мозга, второй сигнальной системы и членораздельной речи последовательно блокировала основанные на эфире синергетики глубокого сна способности

магического восприятия, последовательно занижая порог критического восприятия до уровня рациональной дискурсивности.

xxx

В традиционалистской иерархии ценностей древнейшие артефакты социальной истории человека одновременно являются и наиболее священными. Образно говоря, чем древнее идол – тем он эффективнее. Чем древнее искусство – тем ближе оно к совершенному мудрым древности, которые «ночью не видели снов, а днем не помнили себя». Именно их опыт, как древнейших мудрецов-риши у истоков человеческой речи, лежит в основе гностической традиции, отождествлявшей «познание» с «обожением», гнозис с теозисом. До того, как обрести свое законченное членораздельное состояние, культура речи должна была пройти длинный путь развития – от неадекватного рефлекса и невротического жеста до осознанной контрсуггестии и философского абстрагирования.

Последовательная рационализация речи ведет к снижению ее интуитивного аспекта, к подавлению прямого магического воображения суггестивными энергиями отраженного первоматерией ума. Этот же умный Логос как бы и есть Гнозис, неотделимый от Святого Духа и просветлительно обоживающий тянущееся к нему творение. Первичный, еще не отраженный первоматерией ум – святодуховный гнозис. Он еще дорационален, а значит – неделим, неразделён, неразде'лен, един, уникален, абсолютен, тотален, непротиворечив. Но это – лишь его словесная характеристика. Его сущностная характеристика реализуется в состоянии глубокого сна – единого и непротиворечивого по своей природе.

Интуитивная промыслительность ума имеет место до точки бифуркации в сознании лингвемы (бит речи) и философемы (бит мысли). Лингвему исповедуют схоласты, семиотики и нейро-психологи, философему – гностики, мистики и маги. На оппозиции лингвемы и философемы базируется многовековое противостояние номиналистов и реалистов, из которого, собственно говоря, и возник гуманизм последующих веков Возрождения и Просвещения. Традиция Философемы – Платон, лингвемы – Аристотель, философема – Палама⁵⁰, лингвема – Варлаам⁵¹, философема

⁵⁰ **Григорий Палама́** (греч. Γρηγόριος Παλαμᾶς; 1296, Константинополь — 14 ноября 1359, Фессалоники) — архиепископ Фессалоникийский, христианский мистик, византийский богослов и философ, систематизатор и создатель философского обоснования практики исихазма, православный святой.

⁵¹ **Варлаам Калабрийский** (в миру **Бернардо Массари**, итал. *Bernardo Massari*; ок. 1290 — 1348) — калабрийский монах, писатель, философ и богослов, закончивший свои дни в лоне Римско-католической церкви в сане епископа Джераче. Был инициатором и активным участником богословско-философского движения в Византии XIV века, выразившегося в борьбе двух партий — варлаамитов и паламитов.

– Лао-Цзы, лингвема – Конфуций⁵², философема – адвайта, лингвема – миманса⁵³.

До точки своей бифуркации лингвема и философема сосуществуют соипостасно в единстве психемы (как генерализованного биоса). Но чистая психема не содержит в себе никакого дискурса, здесь еще нет разделения единого онтологического потока (уподобляемому опыту глубокого сна) на рефлексирующие и свидетельствующие *частности* (состояния сновидения и бодрствования).

Дуальность лингвемы-философемы ведет к развитию метафизического и диалектического способов мышления, а также психотехник доказательства и разоблачения. При этом единственной ментальной фигурой, представляющей истинной с обеих перспектив, является трансцендентальная психема, опыт переживания которой, в самом деле, общий, но его интерпретация разнится в соответствии с упоминавшимися выше *частностями* вторичного и более порядков.

Конец античности. Символическим моментом завершения традиции античного гностицизма можно считать день закрытия Платоновской Академии (и вообще всех афинских философских школ) в 529 году указом императора Юстиниана Великого. С этого времени гностики уходят в подполье, продолжая свою познавательную практику в формате тайных кружков, осуществлявших собственные инициации. Некоторые неоплатоники, при этом, продолжают открыто работать в качестве апологетов монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам).

Исихазм⁵⁴. В Византии влияние гностической традиции нашло свое практическое продолжение, с одной стороны, в константинопольской учености, сохранявшей живую связь с культурной традицией эллинистической античности, с другой — в теургических практиках восточного монашества, заимствованных из инструментария инициатических мистерий дохристианского происхождения.

⁵² **Конфу́ций** (кит. 孔子, палл.: Кун-цзы, реже кит. 孔夫子, пиньинь: Kǒngfūzǐ, палл.: Кун Фу-цзы, латинизировано как *Confucius*; собственные имена 孔丘 Кун Цю и 孔仲尼 Кун Чжунни, ок. 551 до н. э. близ Цюйфу — 479 до н. э. Цюйфу) — древний мыслитель и философ Китая. Его учение оказало глубокое влияние на жизнь Китая и Восточной Азии, став основой философской системы, известной как конфуцианство.

⁵³ **Миманса**, или **мимамса**, (санскр. मीमांसा — «исследование», «изучение», «размышление») — одна из ортодоксальных *даршан*, то есть «воззрений», школ индуистской философии. Иное название — **пурва-миманса** («первая миманса», или «предшествующее, первое исследование», в отличие отведанты, называемой **уттара-мимамса**, или «последующее, дальнейшее исследование»).

⁵⁴ **Исихазм** (от др.-греч. ἡσυχία, «спокойствие, тишина, уединение») — христианское мистическое мировоззрение, древняя традиция духовной практики, составляющая основу православного аскетизма.

С этими мистериями было, в частности, связаны движения богомилов, стригольников и исихастов. При этом если первые два официальная церковь продекларировала ересью, то последнее захватило в ней самой ведущее положение. По крайней мере, паламизм (восточный вариант неоплатонической мысли), как своеобразная исихастская теология, был признан Константинополем каноническим учением церкви, наподобие томизма (западного варианта неоплатонизма) — Ватиканом.

Практики афонских монахов напоминают в своей технической части дохристианскую магию: роль дыхания, специфические автосуггестивные визуализации, нечленораздельное бормотание и глоссолалия, представления о "связывании" божества и его последующем "освобождении" — все это демонстрирует прямую причастность адептов исихии к гностической теургии в духе Прокла и Ямвлиха, и косвенную — к пифагорейским и орфическим мистериям, уходящим в неолитические оргии прото-религии каменного века.

В своих "Триадах" Палама приводит ветхозаветные примеры теозиса — трансовых состояний, в которые впадали пророки под влиянием божественных энергий. Обычно переживающий подобные состояния субъект глубоко погружен в себя, не замечает окружающей действительности, нечувствителен к внешним влияниям. Именно такого состояния пытается достичь практикующий исихаст, используя в качестве инструмента трансцендирования умопостигаемой реальности Иисусову молитву. Эта молитва представляет собой разновидность теургического призывания божества по имени, с последующим удержанием его в "магической клетке" (которой может выступать тело самого мистагога) для дальнейшего общения.

«Магическая практика под названием «сопряжение» представляет собой «собеседование», или «общение» (но не «слияние»!), теурга с тем или иным божеством или духом. [...] «Сопряжение» достигалось преимущественно посредством инвокаций: маг призывал божество, произнося его имена, состоявшие из «бессмысленных» (с точки зрения обычной человеческой речи) звукосочетаний. Эти так называемые «варварские», или «иноземные», имена составляли основу всей позднеантичной магической практики. Несмотря на кажущуюся бессмысленность и произвольность «варварских имен», при тщательном анализе в них обнаруживаются четкие структуры, причем не только на уровне звуковых последовательностей, но и в области нумерологических соответствий.»

Анна Блейз. О "Халдейских оракулах"

Алхимия. Составной частью идеологии древних мистерий была алхимия как наука о превращениях вещества, имевшая дело с описанием экстраординарных эссенций и соответствующих психо(пато)логических эффектов (инициатических трипов). По мнению британского медиевиста Дэвида Перри (David Parry), алхимический дискурс появился в период раннего Средневековья (после упадка античного космополитизма) в качестве интеллектуальной площадки для обмена мистическим и

практическим опытом между представителями различных конфессий, вне зоны действия юрисдикции авторитарной догматики. Алхимический символизм связывает в единый культурный контекст такие, казалось бы, далекие друг от друга явления, как гностическую аллегорию и каббалистическую гематрию, исихастское богословие и даосский ци-гун, суфийскую поэзию и камлания бонского колдуна...

Гностики на Востоке. В результате исторических пертурбаций, большинство гностических школ с античными корнями перестало существовать, некоторые из них институционализировались в виде локальных или фамильно-клановых культов, какая-то часть гностического наследия была интегрирована "победителями", перейдя в эзотерический корпус авраамических и иных религий (индоиранских и дальневосточных).

Древнейшей из сохранившихся до сегодняшнего дня аутентичных гностических школ считается мандейская, восходящая к традициям сировавилонского гнозиса и функционирующая ныне как закрытая родовая община. Аналогичным характером обладают общины язданитов (йезиды, алевиты, али-илахи) и представителей т. н. гиндукушских религий, близких в ряде отношений к гнозису персидского зурванизма (тайное учение магов, оппозиционное официальному культу царской власти). Гностические корни прослеживаются у друзов, бекташей, алавитов, исмаилитов, суфиев, средневековых алхимиков и каббалистов, наследников манихейства и митраизма (альбигойцы, вальденсы, гуситы), в религии бон-по и традициях Калачакры.

Гностики и неоплатоники на Западе. Начиная с эпохи Возрождения в Западной Европе начинаются попытки восстановления *гностической традиции* как философии *научного познания*, одним из подразделов которого в те времена считалась магия. Первыми гностиками Ренессанса были богословы, ученые и артисты, оперировавшие в сферах философии, науки и культуры: Варлаам Калабрийский (оппонент Паламы в исихастских спорах) и его ученик Пико делла Мирандола, Джордано Бруно, Галилео Галилей, Леонардо да-Винчи. Фрэнсис Бэкон, Исаак Ньютон, Вильям Шекспир. Бенедикт Спиноза, Рене Декарт, граф Калиостро...

С началом Нового времени гностическая идеология был ассимилирована розенкрейцерами, мартинистами и масонами, а в 20 веке усвоена экзистенциальной философией — от Достоевского, Ницше и Хайдеггера до Сартра, Дерриды и других постструктуралистов. Западные неоплатоники-монотеисты, в свою очередь, наследовали интеллектуальную линию Альберта Великого и его ученика Фомы Аквинского, Марсилио Фичино, Николая Кузанского, Гегеля, Ясперса... Сегодня к неоплатонизму, в его политологической ипостаси прежде всего, апеллируют, в частности, американские неоконфы — идейные наследники Карла Шмитта и Лео Штрауса.

Рам создал собственную универсальную знаковую модель в виде трехмерного куба, на которой разместил условные символы различных философских понятий в их единой дискурсивной взаимозависимости. Он

называл эту модель нуль-кубом. Нуль-куб позволял категориально идентифицировать ключевой контекст практически любого философского контента, так же, как и ключевой концепт этого контекста.

Нуль-куб содержит 26 знаков, которые обозначают 6 сторон, 8 углов и 12 граней.

Шесть сторон символически представлены как: Нуль (0, пустота), Один (1, полнота), N (греч. nous, разум), M (греч. morphe, форма), а также знаки дефиниции-разницы (\setminus) и негации-отрицания (\neg).

Восемь углов гексаэдра (нуль-куба) соответствуют **четырем состояниям сознания:**

I = t (эго, я, бодрствование),

II = z (авто, сон со сновидениями),

III = y (психе, душа, глубокий сон без сновидений),

IV = x (пневма, дух, четвертое состояние, адвайта)

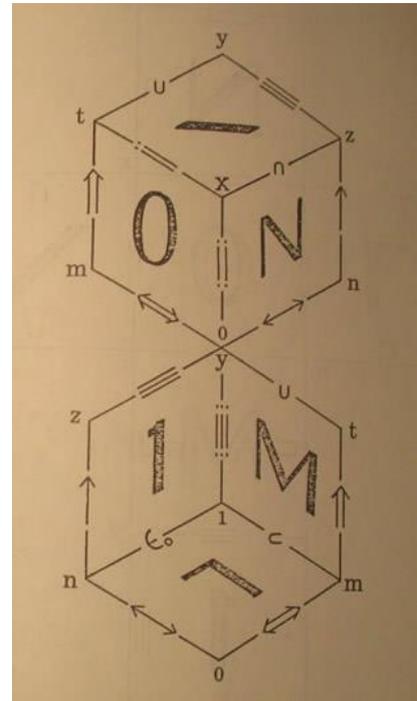
+ четырем категориям:

модель (m),

рассудок (n),

единичность (i),

нулевость (o).

Грани означены как:

диалектика, преобразование, нуль-элементность, метафизика, импликация, инклюзия, интуиция, присвоение, разность, скачок, сдвиг и объединение.

Эта взаимосвязь символов отражает их значение как суммы контекстуальной периферии граней. Например, фигура *Нуля* здесь обусловлена гранями *интуиции-импликации* и *метафизики-присвоения*, углами *эго-пневма-нулевость-модель*, сторонами *нус-морфе* и *отрицание-дифференция*. Точно так же, то есть в контексте примыкающих значений, можно описать любой знак Нуль-куба – базовой модели Нуль-Гипотезы-Теории (НГТ).

Со стороны может показаться странным, непривычным или даже абсурдным утверждение, что с помощью такой, казалось бы, запутанной и беспредметной знаковой системы, можно еще что-то систематизировать, т.е. выстроить логический дискурс вокруг чего-то предметного, рационального, если не сказать – вменяемого. Изучение нуль-куба, как и его магическое излучение, позволяет обрести определенный философский и, одновременно, аналитический спектр видения системы условностей, в которой человек пребывает как в «доме бытия».

Нуль-куб – апофеоз современной семиотики. Научиться работать с ним не очень сложно. Достаточно лишь иметь первичную склонность к философскому мышлению. Владение Нуль-кубом позволило мне увидеть не только, так сказать, эпистемологическую горизонталь платоновской

диалектики, но и ее онтологическую вертикаль как иерархию познавательных состояний: от рациональной очевидности бодрствования до абстрактной идеи глубокого сна и гностического запрдела.

С помощью Нуль-куба можно идентифицировать доказательный уровень истины любой другой философской системы, включая адвайта-веданту, шуньяваду, немецкую классику или англо-саксонскую аналитику. В известном смысле, НГТ представляет собой *аналитическую адвайту* как новый формат философского дискурса в целом. В аналитической адвайте главным является не мифологический символизм литературно-назидательного характера, но упор на саму технологию мышления и феноменологию процесса познания, на актуальное достижение состояния не-двойственности и связанных с ним эмансипативных интуиций.

I. 6. Сквозь тернии – к звездам!

Рам рассказывал, что, когда йогин медитирует, его поддерживают все остальные йогини, находящиеся на аналогичной волне. Причем, чем выше состояние, чем тоньше его излучение — тем более высокого духовного ранга мастера начинают вами резонировать. Таким образом, на подступах к самадхи вас начинают непосредственно «тянуть» супер-мэтры — как актуальные, так и те, души (дживы) которых уже оставили этот мир и пребывают в пространстве чистого Брахмана. Однако, это еще не есть окончательное освобождение.

По словам гуру, все дживанмукты⁵⁵, реализовавшие принцип «*aḥam brahmāsmi*», остаются в брахмалоке (мире Брахмы), как своеобразном космическом чистилище, до окончания маха-кальпы (великого эона) или «жизни Брахмы»⁵⁶. И лишь после этого, в период махапрали⁵⁷, им даруется полная нирвана⁵⁸. Рам также говорил, что во время глубоких погружений

⁵⁵ **Дживанмукта** (от санскр. *джива* и *мукти*, букв. «вживе освободившийся») — термин в индуизме, которым в философской школе адвайты называют святого человека, достигшего стадии самоосознания (нирвикальпа самадхи) и полностью, до физической смерти, освободившегося от желаний и карм Последователи Шанкары выделяют три вида прарабдха-кармы: *ичха* (лично желаемое), *аничха* (без желаний) и *паречха* (из-за желаний других). Для дживанмукты, не существует *ичха-прарабдха кармы*, но только аничха и паречха. В традициях шрамана, дживанмукту называют термином «архат».

⁵⁶ **Жизнь Брахмы** — космический период в индийской космологии, формально длящейся 100 лет Брахмы или 311 триллионов 40 миллиардов лет земных (по аналогии с 31104000 секунд в одном земном календарном году из 360 суток).

⁵⁷ **Махапрали** (санскр. महाप्रलय, Mahâ-pralaya, «великое разрушение») — полное разрушение Вселенной (по истечении махакальпы) со смертью творца Брахмы, которое происходит каждые 100 лет Брахмы (311,04 трлн земных лет).

⁵⁸ **Паринирвана** (санскр. परिनिर्वाण, parinirvāṇa; пали: parinibbāṇa; кит. 般涅槃, *бо-не-пань*; яп. 般涅槃, *хацунэхан*) — в буддизме — окончательная нирвана, которая может быть достигнута обычно лишь после физической смерти существа, достигшего полного просветления (бодхи). *Паринирвана* — главная цель буддийской практики, подразумевающая выход за пределы цепи перерождений и разрушение всех физических и умственных скандх.

йогин может испытывать действие гравитационного поля. Как конкретно это ощущается – точно описать невозможно, поскольку у обычного человека нет такого опыта. Видимо, это как-то связано с аспектом космического тела, генерирующего данную гравитацию и дающего, тем самым, ощущение вселенского единства.

Я впервые реально ощутил значение этих слов в горах Бадахшана, во время уединенного многодневного сидения в священной долине Вахъё, у мавзолея с пятерней памирского пира. У меня тогда открылось прямое ощущение окружающего пространства, вплоть до тактильности. Я увидел, что мое сознание, моя энергия, более того – моя природная сущность, полностью заполняет окружающее пространство, в том числе – небесное. Это физическое ощущение космоса представляется обратной стороной гравитационного эффекта, проявившегося в измененном особым образом познавательном фокусе йогина. Оседлав гравитационную волну йогин может выйти из центра космического циклона в запредельное измерение Парабрахмана.

«Записывая текст или же сосредотачиваясь на резке или каллиграфии, я вдруг стал замечать, что где-то на периферии сознания слышу звучание напоминающих церковное пение хоралов. Начинаешь прислушиваться — звучание становится более отчетливым. Потом выясняется, что каждый голос ведет уникальную мелодию, а все голоса вместе создают при этом нечто вроде глобальной симфонии. Пифагорейское «звучание сфер». Мелодии были совершенно захватывающими, их можно было слушать часами, погружаясь в гипнотическое полусамадхи. Вместе с тем я заметил, что прослушивать сферы можно не отовсюду, а лишь находясь в особых точках пространства — как бы в центрах пересечения координат. Значимым было даже положение тела — в смысле его ориентированности относительно розы ветров. Опытным путем я установил для себя «зоны слышимости», в которых проводил большую часть дня.

Наряду с яснослышанием все больше раскрывалось ясноощущение. В последнем случае окружающее пространство казалось заполненным некоей аурой, полем, представлявшим собой прямое продолжение личной психики. При желании и некотором умении можно было переносить сознание в любую точку этой психосферы, распространявшейся вплоть до гребней, окружавших меня со всех сторон горных хребтов. Луч сознания, по мере своего движения, считывал, подобно сканеру, отдельные характеристики материальных точек, по мере их касания. К примеру, задержавшись на дереве, можно было ощутить его «деревянность», вплоть до привкуса коры во рту. Скала давала ощущение «каменности», причем, в зависимости от породы, привкусы были разные. Полагаю, таким методом можно было бы, к примеру, определять породу на предмет наличия в ней полезных ископаемых.

Выход в космос. По мере вживания в ландшафт я решил совершить в одной из «звучащих зон» очередную агнихотру. На этот раз костры я сложил очень большие, используя остатки деревянных перекрытий в кишлаке шейхов. Как полагается, в полдень огни были возжены:

Един Огонь, многоразлично возжигаемый,
Едино Солнце, всепроникающее,
Едина Заря, все освещающая,
И едино То, что стало всем [этим].

Ригведа, VIII, 58

«Огненная баня» прочистила каналы восприятия до такого состояния, что горизонт психосканирования расширился до объема видимого космоса. Уже к вечеру того же дня я заметил, что могу ощущать лунную почву — неожиданно отдававшую серой и мелом. Вместе с тем, аура Луны распространялась «вниз», к земле, как своеобразный пар

алхимической воды, трансмутировавшийся в условиях земной атмосферы в H₂O. Через какое-то время я смог отличать планеты Солнечной системы от остальных звезд. Планеты, в отличие от звезд, подвергались вкусовому тестированию, сообщая свои свойства языку. После этого можно было установить следы различных планетарных влияний в атмосфере окружающего ландшафта или даже в составе конкретных тел. Однако планетарные ощущения были, на первых порах, значительно слабее лунных.

Чтобы сканировать космос дальше, требовалось каким-то образом разбавить лунное влияние. Лучшим средством для этого представлялось усиленное обезвоживание организма — то есть избавление его от паров алхимической «лунной» воды. Если быть более точным, требовалось обесточить отдельные субтильные каналы психофизиологического комплекса, что можно было достигнуть за счет строгого поста, в идеале — сухого. Конечно, совсем не пить в течение нескольких дней было невозможно, но и «влажного» поста хватило для сбрасывания критической «лунной массы» до такой степени, что стали прощупываться даже отдаленные галактики.

Вместе с тем, по мере расширения осваиваемой психосферы, к ангельскому хору сфер присоединялись новые голоса и даже целые хоровые объединения — сначала планетарные, потом астральные. Каждое созвездие звучало особым фоном, но, чтобы его выявить из общей симфонии, требовалось специально сосредотачивать луч разума в определенной директории. Созвездия вызывали не вкусовые, а больше осязательные ощущения, стимулировавшие, в свою очередь, отдельные эмоциональные реакции организма. Это можно себе представить так, как если бы от каждого астрального скопления исходил некий ветер, заряженный своеобразной эмоцией. Эти ветры, сопровождаемые пением ангелов соответствующих директорий, смешиваются в условиях земной атмосферы и обретают характер спиралеобразного движения воздушных масс, проникая в тело как «дыхание». Отсюда становится возможной обратная связь по цепочке дыхание–ветер–созвездие, инструментально используемая в пранаяме. С помощью пранаямы, то есть регуляции дыхания, можно достичь такого состояния, когда астральные ветры рассеиваются в чистоте созерцания: YOGA CITTA VRTTI NIRODHA...

Борьба со сном. Для того чтобы выйти из астрального вихря и двинуться дальше, вновь потребовалось применить специальную технику. Прежде всего нужно было избавиться от влияния планет, «глушившего» тонкий фон звездной сферы и не позволявшего проникать свидетельской интуиции за ее пределы. Чисто теоретически для этого следовало остановить дыхание, но поскольку сделать это простым усилием воли было невозможно, оставался один путь: максимально пригасить его. Практически это означало перейти на дыхание, свойственное глубокому или близкому к нему состоянию сна. Проблема, однако, заключалась в том, что в этом случае мы неизбежно засыпаем. Чтобы этого не происходило, то есть чтобы сохранять внутреннего свидетеля-антарьямина бодрствующим при одновременно спящей психике, требуется прервать соединяющую обоих гипнотическую связь. Это достигается с помощью практики сознательной борьбы со сном. Но здесь тоже нельзя идти слишком прямолинейно. Если просто ограничить себя в сне, то, рано или поздно, организм спонтанно заснет, утянув при этом за собой и антарьямина.

Чтобы противостоять такой психической реакции, необходимо приучиться «спать» в специальном положении — сидя, с прямой спиной и не заваливая голову. В таком случае позвоночник остается перпендикулярен к земле, в результате чего тело находится в активной «бодрствующей» позиции относительно геомагнитного поля. При искривлении спины или заваливании головы эффективность такой позиции снижается, тело начинает впадать в сон. Смысл трюка состоит в том, что утомленная бессонницей психика должна заснуть при сохраняющемся «бодрствовании тела». Тогда антарьямин может «онтологически» эмансипироваться и использовать тело как независимую от психики базу для активации собственной свидетельской способности. Для технического обеспечения трюка я прибегнул к импровизированному каркасу для тела и специальной подставке для подбородка. В результате засыпания психики амплитуда дыхания меняется в сторону глубокого сна, где планеты перестают фонить. Вместе с тем бодрствующий антарьямин получает возможность дальше погружаться в глубины мироздания. Астральные вихри, составляющие обратную сторону психики, как бы успокаиваются вместе с ней, а сквозь

голоса звездных ангелов начинает проступать некий парадоксально-утопический ультратон, называемый «нада». Слушание нады является одновременно способом удерживания «бодрствующего» антаръямина на нужном галактическом курсе.

Для того чтобы услышать наду, нужно увидеть космос во сне. Остающийся бодрствующим антаръямин, следуя наде, словно аудиокompасу, может, при дополнительных благоприятных обстоятельствах, определить источник этого изначального звука в психопространстве. Одним из таких обстоятельств является положение Луны в созвездии Близнецов. Это важно, поскольку источник нады находится в прямо противоположном направлении, в Стрельце, и чем ближе к нему Луна, тем сложнее услышать наду и определить ее эпицентр. Обращающийся вокруг этого эпицентра космос есть, по сути, наша галактика, летящая в запредельном пространстве метagalактики. Движение галактик вокруг центра метagalактики дает эффект гравитационного поля, которое может непосредственно ощущаться «бодрствующим телом» как специфическим органом восприятия, отличным от пяти чувств уснувшей души. Выступая в качестве оригинального биолокатора, такое бодрствующее тело позволяет антаръямину «засечь» локализацию метagalактического центра. Однако дальнейшие попытки двигаться в этом направлении приводят к размыванию самого антаръямина в гравитационной стихии, парализующей всякие попытки независимого путешественника приблизиться к «запретному городу».

Aham Brahmasmi! «Размывание антаръямина» означает субъективную утрату всех систем внешних координат и зависание в чистой открытости или тотальной неопределенности. Сугубо физиологически такое состояние представляет собой глубокий транс на грани комы, и весь жизненный процесс в данном случае поддерживается исключительно гравитационной «первоматерией» метagalактики. Сам по себе такой феномен крайне своеобразен, ибо представляет некое, фигурально выражаясь, «низведение на Землю небесного огня». Практически это значит, что тело продолжает жить исключительно силой мистического внутреннего воления, силой онтологической «воли к существованию». Такое состояние «Абхидхармакоша» описывает как «максимальную концентрацию воли при полном отсутствии сознания».

С алхимической точки зрения такой «волей тела» выступает «гравитационная первоматерия» центра метagalактики как онтологическая первооснова всего корпорального комплекса. Свою индивидуализацию гравитационная квинтэссенция обретает в силу специфических особенностей каждого отдельного тела, согласно принципу: «цвет воды — цвет ее сосуда». Консолидация подобного гравитационного воления, достигаемая пребыванием в коматозном самадхи в течение длительного времени, имеет необратимое влияние на психику. Познавательная интуиция в лице внутреннего свидетеля-антаръямина эмансипируется от закодированного в нервной системе кармического комплекса, что одновременно означает перерождение мотивационных установок личности. АНАМ BRAHMASMI! TAT TVAM ASI! Или, как говорили древние, «Я — Брахман! То Ты Еси!»

Вопрос о том, в каком направлении видимого космоса следует искать центр истинной, ультимативной метagalактики, тождествен проблеме локализации Демиурга. Какие из этого знания могут извлечь преимущества точные науки — я прогнозировать не берусь, но для магического психотрипа знание «генерального направления» эквивалентно обладанию «компасом мудрых», магнитная стрелка которого указывает на химический парадиз.

Согласно данным современной космологии, Солнечная система вращается вокруг пустого центра (где расположена гигантская черная дыра) галактики Млечного Пути (диаметр около 100 тысяч световых лет) и локализованного в созвездии Стрельца (на острове «стрелы»). Сам Млечный Путь, в свою очередь, находится в галактическом сверхскоплении Ланиакя (диаметром порядка 500 миллионов световых лет), гравитационный центр которого получил название Великого Аттрактора и расположен в южном созвездии Наугольника (невидимого с территории бывшего СССР). Существует ли полюс вращения для Великого Аттрактора — вопрос открытый, поскольку есть мнение, что «тела» сверхскоплений не подчиняются законам гравитации в современном понимании последней. Границы нашей метagalактики, как продукта Большого Взрыва, есть,

теоретически, границы космологической сингулярности⁵⁹, которая, возможно, каким-то образом связана с т.н. квантовой гравитацией⁶⁰. При этом пространство метagalактики продолжает расширяться со сверхсветовой скоростью. До каких пределов? Эти темы до сих пор не раскрыты современной наукой, однако на их «практическое» решение есть указания в ряде ведических текстов:

«Ты существуешь в начале, в середине и в конце всего, от самой маленькой частички космического проявления — атома — до гигантских вселенных и всей материальной энергии. Тем не менее, Ты вечен, не имея начала, конца или середины. Ты воспринимаешься, чтобы существовать в трех этих фазах, и таким образом Ты являешься неизменным. Когда это космическое проявление не существует, Ты существуешь, как изначальная потенция... Есть бесчисленные вселенные за пределами этой, и несмотря на то, что они бесконечно велики, они вращаются в Тебе, подобно атомам».

Бхагавата-Пурана 6.16.36-37⁶¹

В восточной философии существует формула: «Sarva dharma śūnyatā». То есть «всякий закон пуст» – в том смысле, что он имеет своей опорой пустоту четвертого состояния, и йогин, реализуя это состояние как самадхи, энергично уподобляется самому Нараяне как коренному гуру адвайты, живому источнику ведийской традиции и творцу вселенной. В своих медитациях я опирался на образ Вишну-Бадринараяны из бадринатхского мандира. Как точно выглядит мурти божества я не знал, но мог составить себе примерное представление по материалам из интернета.

Бадринараяна – центральный культовый объект в древнем бадринатхском мандире. Это сделанная из черного камня-шалаграма⁶² антропоморфная фигура в позе лотоса (падмасана) – единственное из известных изображений Вишну в виде медитирующего йогина. Существует каноническая форма Бадринараяна, представляющая собой четырехрукую ипостась Вишну в самадхи. Две руки бога воздеты вверх, в одной он держит раковину, на пальце другой крутит чакру. Две другие сложены на животе, ладонями вверх, в позиции йогамудры (санскр. «жест йоги»). Над головой

⁵⁹ **Космологическая сингулярность** — состояние Вселенной в начальный момент Большого Взрыва, характеризующееся бесконечной плотностью и температурой вещества. Космологическая сингулярность является одним из примеров гравитационных сингулярностей, предсказываемых общей теорией относительности (ОТО) и некоторыми другими теориями гравитации.

⁶⁰ **Квантовая гравитация** — направление исследований в теоретической физике, целью которого является квантовое описание гравитационного взаимодействия (и, в случае успеха, — объединение таким образом гравитации с остальными тремя фундаментальными взаимодействиями, то есть построение так называемой «теории всего»).

⁶¹ Из книги автора «Тропой Священного Козерога»

⁶² **Шалаграм** — разновидность окаменевшего аммонита. Это овальный бороздчатый камень черного цвета, внешняя поверхность которого покрыта древовидными узорами. Шалаграмы бывают двух видов: с рисунком в виде спирали или кругов, тогда они связываются с женским аспектом, и с рисунком в виде лингама, тогда они связываются с мужским аспектом. Камень считается одной из форм бога Вишну. Его происхождение подробно описано в Скандха Пуране (Skanda Purana).

медитирующего бога, подобно паланкину, распустился тысячеголовый змей Шеша – инвариант тысячелепесткового лотоса сахасрары-чакры («орган» самадхи). Считается, что непосредственное созерцание мурти Бадринараяны очищает душу от всех грехов Кали-юги и позволяет достичь спасительного самадхи еще в текущей жизни.

Медитируя на образ Нараяны, я настолько проникся вселенскими энергиями, что ко мне вернулось ощущение окружающего пространства, но на этот раз – не через какое-то последовательное «вживание» в него, а непосредственно, как опытная фиксация гравитационного поля. В таком случае становится понятным, что значит «оседлать гравитационную волну». Аналогичные состояния переживаются во время различных кислотных трипов, но только – аналогичные, но не тождественные, поскольку *тождеством* тут будет реальное *обожение* – как энергийная и сущая сопричастность движущим силам вселенной и великого Духа пустоты за ее мыслимыми и немыслимыми пределами.

I. 7. Лондонское Общество Теогуманистов

Тема обожения, теозиса, активно присутствует не только у индусов, но также у суфиев и близких к ним исихастов. *Исихазм*, как мистическое движение созерцателей божественного света, восходит к ранним христианским анахоретам, основателям египетского монашества. При этом культовая практика последнего во многом резонирует с магическими приемами неоплатонических гностиков, опиравшихся, в свою очередь, на традиции античных мистерий. Здесь везде в основу переживания ставилось «божественное тело», «божественная плоть», как бы доступная физическому восприятию, но при этом, парадоксальным образом, отменяющая это восприятие через «криогенный» эффект Святого Духа (перцептивная «отмороженность» в результате воздействия космического эфира).

Большинство известных религий, в той или иной степени, содержат практику погружения молящегося в священное трансовое состояние, имеющее разную богословскую и психотерапевтическую трактовку, но тождественное по своей нейрофизиологической функции запредельного торможения коры и подкорковых центров мозга (сосудодвигательного и дыхательного). Давно замечено, что опыт трансовых состояний сообщает его носителю некоторые экстраординарные способности и возможности, издревле отождествлявшиеся с божественной благодатью, особой энергийностью, сверхчеловеческой харизмой.

Погруженный в транс отшельник – обожествляемый идеал древнейших культовых традиций, пример для подражания предающимся тапасу⁶³ йогинам. Техника достижения трансa – составляющая часть традиционного жреческого образования, связывающая институционализированный космос религии с шаманистической стихией доисторических риши, созерцавших дхарму в дописьменную эпоху. Практика глубинного созерцания, помимо индуизма, присуща буддизму, джайнизму, сикхизму, даосизму, конфуцианству, а также таким монотеистическим религиям, как ислам (суфизм), христианство (исихазм) и даже иудаизм (в формате мистических течений). Это созерцание может быть более или менее пусто, более или менее наполнено какими-то идентифицирующими моментами.

Главный принцип здесь прост: чем пустотнее созерцание – тем ближе оно к самадхи, турие⁶⁴, мокше... В целях изучения опытным путем различных аспектов созерцательной жизни, включая радикальные инверсивные состояния психики в процессе специальных культовых практик, в Лондоне было основано международное Общество Теогуманистов, основу которого составили представители интеллектуальной элиты: философы, писатели, ученые, бизнесмены, юристы, архитекторы, изобретатели... Всех их объединяет интерес к паранормальному, засекреченному, эзотерическому. Время от времени Общество организует лекции, конференции, театральные представления и мистические собрания.

Термин «теогуманизм» отсылает нас к дискурсу паламических споров вокруг природы божественных энергий, посредством которых становится возможным т. н. обожение человека – т. е. осуществляется некая реализация последним предельных возможностей собственно человеческой природы, *нераздельно-неслиянной* (согласно православной формуле) с божественной. На деле же речь шла о широком спектре «сверхъестественных» явлений, фиксируемых различными религиозно-мистическими традициями, но имеющих при этом некий феноменологический параллелизм. Здесь можно вспомнить об алхимии –

⁶³ **Тапас** (санскр. तपस्, Tapas, «тепло», «жар», «истязание», «аскеза») — в древнеиндийской мифологии космический жар как универсальный космогонический принцип, лежащий и в основе мироздания, и в основе религиозного благочестивого поведения. Упоминается ещё в «Ригведе» (VIII, 59, 6; X, 109, 4; 136, 2; 190, 1), где описывается его творческий потенциал на космическом и спиритуальном уровнях. Позднее тапас стал одним из важнейших понятий в ряде систем индийской философии. Упанишады рассматривают тапас наряду с брахмачарьей как добродетель, порождающую огромную силу. Традиционная философия Индии утверждает, что тапасом можно достичь чего угодно, вплоть до владычества над всем миром.

⁶⁴ **Турия** (санскр. तुरीय, букв. четвертое [состояние]) — в индийской философии особое состояние сознания, в котором отсутствует субъектно-объектное разделение, область чистого сознания, лежащая в основе трёх остальных (джаграта, свапна, сушупти), но являющиеся наивысшей.

фундаментальной науке древности, позволявшей интеллектуалам и мистикам различных школ общаться и делиться опытом вне дискурсивных рамок теологического догматизма.

xxx

Незадолго до отлета в Индию я сообщил Дэвиду, председателю Общества, что улетаю на месяц в Гималаи.

– Вау! И куда конкретно ты собрался?

– Думаю, в Бадринатх...

– Надо же! Я как раз недавно слышал про Бадринатх от лорда Л. Точнее, о Великом мастере из Бадринатха, о котором лорд читал в одной книге.

– В Бадринатх ездила еще Блаватская, о чем есть упоминание в ее «Письмах из пещер и дебрей Индостана».

Когда-то через эти места шла одна из главных паломнических троп из Индии к священному Кайласу⁶⁵ и озеру Маносаровар⁶⁶, так что тут побывало много разного народа, в том числе – западного. Первыми европейцами, посетившими Бадринатх, были португальские иезуиты Антонию Андради и Мануэль Маркис, совершившие в 1624 году путешествие в Тибет и основавшие в столице королевства Гугэ, Цапаранге, постоянную католическую миссию.

В 1812 году этой же тропой, в сопровождении садху Свами Хариваллабха, прошли к озеру Маносаровар два британских путешественника: доктор Вильям Мооркрофт (Moorcroft) и капитан Херси (Hearsey). Примерно в то же время здесь побывал британский путешественник Джеймс Бейли Фрезер (James Baillie Fraser), описавший свои впечатления в книге «Гималайские горы» (The Himala Mountains, 1820).

В середине XIX века (около 1855-56) Бадринатх посетила Елена Блаватская, о чем есть ее упоминание в «Письмах из пещер и дебрей Индостана». В 1882 году через Бадринатх проезжал ирландский этнолог и юрист Эдвин Т. Аткинсон (Edwin Felix Thomas Atkinson), совершивший полный чар-дхам и достигший Кайласа. Из других известных западных

⁶⁵ **Кайлас**, Кангринбóче, Гангдiсе, Гандисышáнь (тиб. ཀང་རིན་པོ་ཆེ་ Канг Ринпоче, санскр. कैलाश पर्वत Kailāśa Parvata, кит. упр. 冈仁波齐峰, пиньинь: Gāng rén bō qí fēng) — гора в хребте Кайлас горной системы Гангдiсе на юге Тибетского нагорья (КНР). Высота 6666 м. Один из главных водоразделов Южной Азии. В районе Кайласа текут четыре главные реки Тибета, Индии и Непала: Инд, Сатледж, Брахмапутра и Карнали. Место паломничества индусов, джайнов, буддистов и последователей религии бон.

⁶⁶ **Маносаровар**, Мапам-Юмцо, Мапáмьюм-Цо, Мафамцо (тиб. མ་ཕམ་གཡུ་མཚོ། ma-pham gyu-mtsho, кит. трад. 瑪旁雍錯, упр. 玛旁雍错, пиньинь: Mǎpángyōngcuò, хинди मानसरोवर) — пресное озеро в районе Кайласа.

мистиков, побывавших в Бадринатхе, можно упомянуть шведского путешественника Свена Гедина, русского художника Николая Рериха.

«Кайлас, Манасаровар, Бадринат, Кедарнат, Трилокнат, Равалсар — эти великолепные жемчужины Всевышнего всегда наполняют сердце особенно благоговейным трепетом»

Н. К. Рерих. Химават

– Как ты думаешь, Гурджиев⁶⁷ тоже бывал здесь?

– Насчет конкретно Бадринатха мне ничего не известно, но, судя по его рассказам, он неплохо знал горные регионы Центральной Азии, включая Памир, Читрал, Кашмир и Трансгималаи.

Интеллектуальным и мистическим наследием Георгия Ивановича Гурджиева, как и подлинными источниками его учения, до сих пор продолжают интересоваться искатели чудесного на всех континентах. Я сам некогда активно изучал историю и технологии гурджиевского Четвертого пути, встречался с гурджиевцами старшего поколения и много путешествовал по советской Средней Азии в поисках следов описанных Георгием Ивановичем эзотерических школ. Благодаря рамовским технологиям «глубокого внедрения», мне удалось довольно основательно ознакомиться с подпольной жизнью мистических кругов Советского Востока, бережно хранивших последние крупницы досоветского и одновременно – до-вестернизированного гнозиса⁶⁸.

Существует фундаментальное сходство между религиозными практиками населения Памира, Гиндукуша и Западных Гималаев. В этом регионе Гурджиев особенно выделял Кафиристан (или Нуристан), землю калашей – гиндукушского племени на территории современного Пакистана, до сих пор хранящего доисламскую культурную традицию в форме так называемой гиндукушской религии⁶⁹, родственной авестийской и ведийской версиям архаичного маздаизма⁷⁰. Народы Афганистана, Таджикистана, Кашмира и Северной Индии говорят на родственных языках и являются

⁶⁷ **Георгий Иванович Гурджиев** (14 января 1866 [в других источниках 1874, 14 января 1877 или 28 декабря 1872], Александрополь [Гюмри], Армения) — 29 октября 1949, Нёйи-сюр-Сен, Франция) — философ-мистик, композитор и путешественник первой половины XX века. Отец — грек Иван Иванович Гурджиев (Ιωάννης Γεωργιάδης), мать — армянка из рода Тавризовых-Багратуни (арм.Թավրիզ - Բագրատունիներ).

⁶⁸ Существенная часть моего среднеазиатского опыта описана в книге «Тропой священного козерога» (под псевдонимом Владимир Джа Гузман).

⁶⁹ **Гиндукушская религия** — совокупность политеистических верований и культов архаичных нуристаноязычных и дардоязычных племён, распространённых в труднодоступных долинах бассейнов рек Кунар (Читрал) и Алинагар (притоки р. Кабул) к югу от Гиндукушского хребта. Связана происхождением с подвергшимися субстратному влиянию местного неиндоевропейского населения культурами индоиранских племён (ариев), вторгшихся в Южную Азию в середине II тыс. до н. э.

⁷⁰ **Маздаизм** (маздеизм) — название ряда древнеиранских религий, предшествующих зороастризму. Маздаизм совместно с ведизмом относится к индоиранским религиям, имеющие общую мифологию, ритуалы и схожие названия некоторых богов и героев.

представителями одной древней расы, разделившимися конфессионально, но сохраняющими единство быта и ментальности. Регион проживания этого суперэтноса совпадает с территориями древних Бактрии-Маргианы-Уддияны, где первые храмовые города появились уже в начале третьего тысячелетия до н. э. Эти же места считаются исторической прародиной зороастризма и ведизма, а с начала эллинистической эпохи (IV-III вв. до н. э.) тут пышным цветом расцвел северный буддизм Махаяны. В начале первого тысячелетия нашей эры на этой территории возникло мощное Государство эфталитов (V-VIII века). Последние принадлежали к этому же суперэтносу, но исповедовали уже несторианское (персидское) христианство, оказавшее сильное влияние на мистические традиции региона, включая местные формы суфизма.

Памирская религия Бадахшана, родственная *гиндукушской*, существует сегодня под маской исмаилизма⁷¹, однако сохраняет на уровне народного мистицизма явные черты индоиранского культа огня. Доктринально исмаилизм возник в Египте, и в его теологической основе лежала одна из версий правопреемства титула халифа как главы мировой исламской уммы. Исмаилиты выступали на стороне седьмого, «скрытого» шиитского имама Исмаила⁷², лишённого отцом, шестым имамом Джафаром-ас-Садиком⁷³, права на престол. В начале X века ими был основан – на территории Северной Африки, Восточной Аравии и Палестины – Фатимидский халифат, с центром в Каире, просуществовавший до конца XII века. При этом основные административные посты в этом государстве занимали христиане и иудеи, составлявшие культурную элиту старого, доисламского эллинистического Египта.

В фатимидском Египте, при дворе халифа, зародилось гностическое учение друзов, у истоков которого стоял царедворец халифа Аль-Хакима⁷⁴, уроженец южноказахстанского города Тараз (в советское время Джамбул) Абу Абдуллах Мухаммад ибн Исмаил ад-Дарази⁷⁵. От его имени, собственно, и происходит слово «друз», хотя сами друзы предпочитают

⁷¹ **Исмаилизм** (араб. الإسماعيلية — al-Isma'īliyya, перс. اسماعیلیان — Esmâ'īliyân) — совокупность религиозных движений в шиитской ветви ислама, восходящих к концу VIII века. Каждое движение имеет свою иерархию имамов.

⁷² **Исмаил ибн Джафар ал-Мубарак** (араб. جعفر بن إسماعيل; род. 719) – старший сын имама Джафара ас-Садыка.

⁷³ **Абу́ Абдулла́х Джафа́р ибн Муха́ммад аль-Кураши**, более известный как **Джафар ас-Садик** (араб. الصادق جعفر; 702, Медина — 765, Медина) — исламский богослов, потомок пророка Мухаммада, факих, мухаддис. Шииты-имамиты и исмаилиты почитают его в качестве шестого непогрешимого имама. Эпоним джафаритского мазхаба.

⁷⁴ **Абу Али Мансур ибн аль-Азиз аль-Хаким Биамриллах** (араб. علي أبو و، الال بأمير الحاكم. الامنصور), был прозван **Аль-Хаким би-Амр Аллах**, 985–1021) — исмаилитский халиф из династии Фатимидов. Прозван современниками «Безумным» за эксцентрический стиль правления.

⁷⁵ **Абу Абдуллах Мухаммад ибн Исмаил ад-Дарази**, более известен как **Ануштакин** или **Наштакин ад-Дарази** (араб. الدرزي إسماعيل بن محمد; предп. умер в 1018) – проповедник, маг, агент фатимидских спецслужб.

именовать себя «единобожниками» (араб. *موحدون*, муваххидун). *Религия друзов* представляет собой одну из выживших до нашего времени *гностических* школ или сект, наряду с мандеями, езидами, турецкими алевитами и сирийскими алавитами, из которых две последние, как и исмаилиты, восходят номинально к шиитскому исламу. Другой авторитет у друзов – Хамза ибн Али ибн Ахмад⁷⁶ из хорасанского города Завзана (Восточный Иран), изложивший свое учение в книге «Расалиль аль-хикма» («Послание мудрости»).

В учении Гурджиева имеется множество референций на опыт и символику этих гностических сообществ, разделяющих общую инициатическую парадигму и традиционно распространенных от Марокко до Восточного Туркестана и Тибета. При этом арабский исмаилизм носит эллинистическую природу, а индо-иранский – эллино-дхармическую. Еще одним проводником традиций и тайн эллинистического гностицизма выступали представители различных мистических и суфийских орденов, в том числе – суннитского толка. Аналогичные ордена и сообщества существовали также в христианском мире, в особенности – на христианском Востоке. Сам Гурджиев был православным греком, близким в своих культурных корнях к афонскому эзотеризму паламитов, известного как исихазм. Он также неоднократно упоминал эфиопское христианство, наследующее традиции греко-египетского гнозиса в формате православного мистицизма и духовно близкое исихастским анахоретам, а канонически – коптской (египетской) и армянской церквам.

В Лондоне, вообще в Великобритании и англо-саксонском мире в целом, Гурджиева помнят и уважают, к его наследию существует устойчивый интерес. Это происходит во многом благодаря обаянию и интеллигентности писателя Петра Демьяновича Успенского⁷⁷, бывшего одним из первых учеников мэтра и культурно изложившего гурджиевское учение в виде увлекательного интеллектуального путешествия в тайны человеческой природы и мироздания. Успенский, друг известного балтийского мистика Германа Кайзерлинга⁷⁸, долго жил в Лондоне и Нью-Йорке, на его лекции

⁷⁶ **Хамза Ибн Али** (род. в 985 г.) — крупный друзский богослов и философ, современник Дарази и Аль-Хакима. Родился в г. Завазан в Хорасане (Персия). Предположительно, именно он систематизировал религию друзов как самостоятельную парадигму, по друзским легендам — оппонент Дарази; по сведениям противников друзов, единомышленник и ученик Дарази.

⁷⁷ **Пётр Демьянович Успенский** (5 [17] марта 1878, Москва — 2 октября 1947, Лайн-плейс, Суррей, Англия) – русский философ, теософ, эзотерик, оккультист, журналист и писатель, математик по образованию. Автор книг «Tertium Organum», «Новая модель Вселенной» и др., сподвижник Георгия Гурджиева.

⁷⁸ **Герман Кайзерлинг** (нем. *Hermann Alexander Graf Keyserling*; 20 июля 1880, Кёни, ныне Латвия — 26 апреля 1946, Инсбрук) — немецкий философ и писатель из знаменитого балтийского дворянского рода,

ходили многие известные писатели, такие как Томас Элиот⁷⁹ и Олдос Хаксли⁸⁰.

В 1938 году Успенский основал в Лондоне Историко-психологическое Общество (The Society for the Study of Normal Psychology), действующее до настоящего времени под вывеской The Study Society. Пик новой активности Историко-психологического Общества приходится на 60-е годы, в эпоху становления на Западе контркультуры Нью Эйдж⁸¹. Общество привлекало к сотрудничеству главу суфийского ордена «вращающихся дервишей» Мевлеви, шейха Ресухи Байкару (Стамбул), а также руководителя северного матха адвайты, Шанкарачарью Джйотирматха, Свами Брахмананду Сарасвати – учителя знаменитого гуру битлов и основателя движения трансцендентальной медитации, Махариши Махеш Йоги⁸². В настоящее время The Study Society возглавляет доктор Питер Фенвик (Peter Brooke Cadogan Fenwick), нейрофизиолог и нейропсихиатр, специализирующийся на изучении предсмертных состояний.

Помимо Общества Успенского, в британской столице имеется великое множество других организаций аналогичного профиля, объединяющих мистических интеллектуалов и литературно-театральную богему: Теософское Общество, основанное еще Еленой Петровной Блаватской, ложи в парампаре Алистера Кроули⁸³, Джона Ди⁸⁴ и различные рыцарские деноминации – от тамплиеров до мартинистов и нео-тевтонов. Здесь же, в

⁷⁹ **Томас Стернз Элиот** (англ. *Thomas Stearns Eliot*; более известный под сокращённым именем **Т.С.Элиот** (англ. *T. S. Eliot*), 26 сентября 1888, Сент-Луис, Миссури, США — 4 января 1965, Лондон) — американско-английский поэт, драматург и литературный критик, представитель модернизма в поэзии.

⁸⁰ **Олдос Лео́нард Ха́ксли** (англ. *Aldous Huxley*; 26 июля 1894, Годалминг, Суррей, Англия, Великобритания — 22 ноября 1963, Лос-Анджелес, США) — английский писатель. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».

⁸¹ **Нью Эйдж** (англ. *New Age*, буквально «новая эра»), **религии «нового века»** — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. В более узком смысле этот термин используется для описания идеологически и иногда организационно связанных религиозных движений, идеологи которых оперируют понятиями «Новая эра», «Эра Водолея» и «Новый век», а также иногда именуют себя таким образом.

⁸² **Махари́ши Махэ́ш Йо́ги**, более известный как **Махари́ши**; (урождённый **Махеш Прасад Варма**, 12 января 1917, Индия — 5 февраля 2008, Флодроп, Нидерланды) — индийский гуру, основатель трансцендентальной медитации (ТМ) и программы ТМ-Сидхи, автор книг по ведической философии.

⁸³ **Алистер Кроули** (англ. *Aleister Crowley*; урождённый **Эдвард Алекса́ндр Кроули** (англ. *Edward Alexander Crowley*); 12 октября 1875 — 1 декабря 1947) — английский поэт, оккультист, каббалист и таролог. Был известен как чёрный маг и сатанист. Основатель учения Телемы и автор оккультных произведений, в том числе «Книги закона». Создатель колоды «Таро Тота». участник нескольких оккультных организаций, включая «Орден Золотой Зари», «Серебряную Звезду» и «Орден Храма Востока».

⁸⁴ **Джон Ди**, иногда **Дии** (англ. *John Dee*; 13 июля 1527, Тауэр Уард, Лондон, Англия — 26 марта 1609, Мортлэйк, Лондон, Англия) — английский математик, географ, астроном,

Лондоне, находится центральное представительство Фонда имама исмаилитов-низаритов Ага-Хана⁸⁵, а также штаб-квартира общины индо-британских мусульман-ахмадитов.

*Мирза Гулям-Ахмад Кадиани*⁸⁶, их первый пророк, объявил себя новым Иисусом Христом как Мессией Второго Пришествия, а также новым воплощением пророка Мухаммада и обещанным Махди одновременно. При этом евангельский Христос, по утверждениям Мирзы Гуляма, не умер на кресте, но скрылся в Кашмире и умер там, дожив до глубокой старости. Считается, что его мощи покоятся в мавзолее Роза-бал, в Шринагаре. Кроме того, Мирза Гулям провозгласил себя инкарнацией Шри Кришны, «царя ариев, пришедшего в последние дни мира», в чем мы можем увидеть намек на Калкина как последнюю (десятую) аватару Вишну в конце Кали-юги.

Дэвид имеет с ахмадитами близкие отношения, его привлекает их универсалистский пафос, гностическая заточенность и открытость к британскому культурному влиянию. Он сам некогда изучал теологию в Оксфорде и хорошо знаком с эзотерической средой не только Лондона, но и вообще всего англо-саксонского инициатического ареала, включая Ирландию и Северную Америку. Как гностический епископ и викканский жрец, Дэвид проводит литургии по энохианскому чину мессира Джона Ди. В этой среде можно встретить много литераторов, поэтов, режиссеров, артистов. Наш друг совмещает в себе все эти качества, будучи профессиональным театральным директором. Вместе с тем, его погружение в мистический дискурс европейского эзотеризма, христианской теологии и адвайта-веданты носит глубокий, искренний характер. Дэвид вполне осознает трикстерский характер реальности и отдает полный отчет магическому фактору.

На мероприятиях Лондонского Общества Теогуманистов выступают с докладами представители разных культурно-религиозных и общественно-политических (от либертарианцев до консерваторов) кругов, проявляющих интерес к философской антропологии. Так что свое путешествие в Гималаи я рассматривал, отчасти, как исследовательскую экспедицию нашего Лондонского Общества по пещерам и дебрям Индостана.

xxx

алхимик, герметист и астролог валлийского происхождения, один из образованнейших людей своего времени.

⁸⁵ **Принц Карим Ага-хан IV** (араб. *الراب خان آغا الاحسديني كريم شاه الأمير سمو*, род. 13 декабря 1936 года, Женева, Швейцария) — духовный лидер, имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов. Сеид, мультимиллионер, основатель курорта Порто-Черво.

⁸⁶ **Хазрат Мирза Гулам Ахмад** (13 февраля 1835 года — 26 мая 1908 года) — индийский религиозный деятель и основатель ахмадийского движения.

Часть II. Путешествие в Бадринатх

II. 1. Транзитная зона: изолированный делириум

Теплым августовским вечером мы с Филиппом поехали в аэропорт. Уже в Хитроу, при регистрации, я обнаружил, что в транзитном Шереметьево мы будем сидеть часов пятнадцать! Вылетаем туда по московскому времени где-то в полночь, прилетим в четыре утра – и до семи вечера там куковать! Да, не обратил внимания заранее, повелся на дешевую цену билетов... Ну, теперь уже поздно рассуждать. Ничего, как-нибудь прорвемся!

В полете совсем чуть-чуть покемарили, прибыли на место сильно сонные. Пытаюсь узнать в информации, есть ли здесь, в транзитной зоне, какой-нибудь отель. Да, есть. Под сотню долларов с человека! Дело понятное – цены московские. Ладно, притулимся часиков на шесть где-нибудь на лавочке, но сначала пройдем в наш терминал, откуда будем вылетать. По пути смотрю, что тут вокруг происходит. Народу, слава тебе, Господи, не очень много. Но это только по пути. В самом же терминале, откуда придется вылетать, толпа – не протолкнуться! И духота... Тут, конечно, не то что пятнадцати часов, пятнадцати минут не высидишь! Зато, по крайней мере, знаю, где это находится.

Идем назад, в точку прилета. Там более-менее пусто, свежо. Но скамейки неудобные, с подлокотниками. На такие не приляжешь! Вспоминаю, что проходили мимо большого зала, где вдоль стены, как мешки, лежало два десятка тел, вероятно – других транзитников. Снова идем назад. М-да, спальники-то у нас в рюкзаках остались, а рюкзаки сданы. Ничего, мне спать на твердом не привыкать, Филиппу, думаю, тоже сейчас уже все равно. Главное, чтобы во время сна рюкзачок с компом не унесли. Все же Москва... В общем, упали мы прямо на бетонный пол, покрытый тонюсеньким полистиролом. Жестковато, конечно, но другого варианта нет. Филя тут же зарубился, не снимая обуви. Ну и я за ним, точно таким же образом...

Назвать следующие два-три часа отдыхом язык не поворачивается. Однако, как-то мозги переключились. Я сел. За мной – Филипп. Время – около восьми утра. Остается еще часиков десять, а там – и посадка! Сейчас, видимо, самым разумным будет пойти в кафешку и что-нибудь поесть. Да и лэптоп у меня в рюкзаке, можно убить время. Идем в пищевой отсек. «Бургер Кинг», «Шоколадница»... Цены московские. В общем, перекусили долларов на тридцать. Хорошо хоть, что вай-фай есть. Я достал лэптоп.

Прилетели в Москву.
Цены вызывают тоску.
Посидели в Бургер Кинге -
Нет на них шивалинги!

За 20 фунтов поели.
Скоро вылетаем в Дели...

Аркадий Филатов: А что же в гости не заехал?

Andrew Garanin: Володя а фули хочешь, богатая страна, не то что Грейд Бритишь или Дойтлянд..... Там с конца в конец за неделю пешком пройдёшь...

Igor Kuznetsov: Скоро вылетаем в Дели - хорошо, что вы поели, потому что у индусов будешь только травку кушать.

Владимир Видеманн: Аркадий, сидим в аэропорту, в транзитной зоне.

Сидеть в транзитной зоне и ждать рейса – задача не из приятных. Поели, попили, погуляли вокруг, походили по бутикам. Опять перекусили. Снова поспали, но опять неудобно. Кое-как промаялись несколько часов. Наконец, объявили номер гейта на Дели. Подходим – там, в самом деле, много индийцев. Ворота закрыты, все ждут. Когда они открываются, оказывается, что это рейс в Сингапур. То-то я вижу вокруг подозрительно много китайцев! А я-то думал, они все в Индию на шоппинг! Да, но где же наш рейс? Ищу табло. Нахожу строчку с Дели. Это совсем другой выход! Когда успели поменять? Пока мы шли сюда из другой зоны? Ну ничего, главное – успеем.

Подходим к гейту. Там опять полно индийцев. Несколько европейцев. Китайцев, практически, нет. Посадку вот-вот объявят. И тут женский голос через радиосвязь сообщает, что рейс на Дели откладывается часа на четыре! Один из индийцев спрашивает меня по-русски:

- Вы русский? Не могли бы вы пойти и узнать у этой девушки подробнее, когда будет самолет?
- А почему бы вам это самому не сделать? Вы же говорите по-русски!
- Да, но это ваша страна!
- Извините, – говорю, – но я здесь такой же иностранный гость, как и вы...

В самом деле, что за лошадиные предьявы? Это Россия, детка!

Вот опять задержка рейса
На четыре, брат, часа!
Как ни парься, как ни бейся -
По-любому - колбаса!

Lager Igor: ei tule velle правильно написал? а из аэропорта можете выйти? вы где?

Владимир Видеманн: ei tule välja. выйти, что б не войти? найн, данке!

Lager Igor: вы на самом деле зря затеяли такую поездку...Вальдемар между нами, как вы только сказали Я еду в Индию"-мне поплохело и потом я подумал а на хуя!? тем более через МСК. кривой ход - говорят в шахматах! ну ничего всё будет ништяк)

Владимир Видеманн: Игорь, не гони волну и не ругайся как сапожник!

Александр Сорокин: Что, хуже, чем поезд в Каракумах?

Владимир Видеманн: Пока все кролики живы...

Andrew Garanin: Наслаждайся жизнью сходи в дьюти фри... Во всём надо искать кайф

Irina Anatoljevna: Да, Володь, по-любому!

Irina Sommer: Удачи, Владимир, и терпения. Индия учит терпению. Так что МСК — это только предбанник.

Владимир Сазонов: Давно ты не катался по настоящей индийской железной дороге.

Владимир Видеманн: В московских дьюти фри только косметика для баб и бухалово для мужиков. Ничего лишнего. Жесткий минимализм. Даже понравилось. Московский концептуализм без дураков?

Валери Пронкин: С удовольствием поехал бы с тобой в Индию, но ... как бы, живу не для себя. Не знаю, чем и когда это закончится, но уверен - буду свободен.

Владимир Видеманн: ты пока в Швеции?

Юрий Казаков: Валери, что значит для тебя свобода?

Проходит четыре часа, снова идем на выход. А его опять сменили! А также продлили задержку на неопределенное время... Вот попали так попали! Что делать? Для начала, выпьем кофе рядом в кафешке. Цены московские. Чашечка десять долларов. Взял Филиппу пару пирожных с соком, себе – мокку. Ладно, лэптоп под рукой. Скоротаем время...

Постоянно скачет вайфай...

Азохен вей, ай-вай-вай!

"Москва - это центр ада", -

Говорили друзья мне когда-то...

Lager Igor: есть такое дело Вальдемар, не всем везет гтгг

Владимир Видеманн: русские долго запрягают...

Михаил Шульгин: только не посещайте точки общепита есть риск отравится

Владимир Видеманн: только водка и табак!

Lager Igor так точно)

Михаил Шульгин: и не вслушивайтесь в объявления они наполнены лингвистическими вирусами с целью не дать улететь а находиться здесь как можно дольше в идеале навсегда

Harel-Feinberg Maxim: "Раритеты из дацана собирали 2 пацана: галахический азЕр и остзейский дульцимер"))

Элеонора Рубинштейн: жопа мира

Lager Igor: но в этой жопе бродит столько кэша! столько нет нигде! но надо быть немножко умным и собирать деньги как фантики)! я умею, ничего не делая всегда 1000 евреев в месяц мои гтгг

Элеонора Рубинштейн: Lager Igor, Ваши представления о Москве, жопе и деньгах - преувеличены... В Швейцарии, например, сосредоточено 90% мирового капитала и при этом - никакой жопы...

Игорь Дудинский: Насчет центра ада - известно, чье определение.

Евгений Казбич: москва это третий рим, а гельвеция это албания.

Через полчаса объявили посадку. С этого же выхода, что удивительно! В самолете получилось немного расслабиться. Принесли поесть. Бесплатно! Теперь можно и вздремнуть...

– Папа, смотри! – проснулся я от голоса Филиппа. – Смотри, горы!

Я глянул в иллюминатор. Там, на фоне красной полосы предрассветного неба, с нависающей над ним звездной бездной, тянулась черная горная цепь, среди которой выделялась гигантская равнобедренная пирамида. Вот они, Гималаи и Меру! Я посмотрел на навигатор. Мы где-то над Равалпинди. Слева от нас, в направлении этой пирамиды, должен быть восьмитысячник Чогори (вершина К2), славящийся своей классической пирамидальностью и считающийся одним из самых красивых пиков в мире. Безусловно, это он и есть! А за ним простирается укрытая вечными снегами горная страна Гималайского массива. И эта страна – наша цель. Там нас уже ждут мистические гиды и магические партнеры, которым я сигнализировал о нашем приближении и сейчас, с борта аэрофлотовского лайнера, еще раз спал соответствующую телепатему...

II. 2. Первые впечатления: Ворота Индии

У выхода из самолета нас встречает человек сорок полицейских. Чувствуется, что тут население приближается к полутора миллиардам! У паспортного контроля чиновник говорит Филиппу:

– Ты очень похож на Александра Великого! Знаешь такого?

Филипп скромно отмалчивается.

– Нет, не знаешь? Великий завоеватель! Его изображают похожим на тебя: блондин с голубыми глазами...

– Я не Александр, я Филипп!

– О, так Филиппом звали отца Александра! Так что все равно похож!

Пройдя паспортный контроль, я решил поменять фунты на рупии. Купить индийскую валюту заранее в Лондоне не представлялось никакой возможности, поскольку, как меня предупредили в посольстве, рупии не подлежат ввозу или вывозу из Индии под угрозой уголовного наказания. Взял сразу пятьдесят тысяч, поскольку неизвестно, как это оно тут обстоит с обменниками. В туалете вижу, как какой-то человек пьет из ручейника воду захлеб. А ведь меня специально предупреждали, что ни в коем случае здесь нельзя пить воду из-под крана или открытых источников. Только бутилированную, иначе будут проблемы. Я обращаюсь к человеку по-английски:

– Сэр, я бы не рекомендовал вам пить тут воду из-под крана!

Он, видимо, слышал, как мы до этого разговаривали с Филиппом на русском и отвечает мне на нем же:

– Ничего, я привык! Я тут уже восемь лет живу – и ничего!

Тем не менее, я не стал повторять его жест и купил запечатанную бутылку минералки в буфете. Мы с Филиппом вышли в зал прибытия. Теперь главное – найти нашего водителя. Он должен стоять с табличкой. Тут я слышу крик:

– Мистер Владимир!

Оборачиваюсь – и вижу, как к нам подходит молодой человек с табличкой в руках, на которой карандашом написано мое имя. Это наш водитель, которого послал Радж. Он отвезет нас напрямик в отель. Ехать часов шесть. Это больше, чем мы сейчас летели. Зато – последний бросок. Следующий будет только в постель... Мы вышли из здания аэропорта «Индира Ганди» в серый туман утреннего Дели. Тепло, но терпимо. Погрузились в джип, водитель нажал на газ. Мы гладко покатали по еще почти пустым магистралям индийской столицы.

Первый крупный объект, который я увидел – это обелиск «Ворота Индии» в виде античной триумфальной арки с местными архитектурными особенностями. Так что въехали. Потом поехали через район иностранных посольств, включая заброшенное здание посольства (видимо, бывшего)

Родезии. Слева пронеслась гигантская коробка Национального Парламента. Филипп обращается ко мне и говорит, что знал, кто такой Александр Великий. Они в школе проходили. Я спрашиваю, почему же он пограничнику это не сказал? Ведь Александр Македонский – знаменитый герой древности...

– Я знаю, но я не хочу быть на кого-то похожим. Хочу быть уникальным!

Вот она, практическая адвайта! Человек интуитивно чувствует свою уникальность как самодостаточное единство, не-двойственность. *Auamatma Brahma*. Что значит «всякий атман есть Брахман».

Через какое-то время улицы начали интенсивно наполняться транспортом, мы въехали в район новостроек вперемешку с какими-то руинами. Подчас, сложно было определить на глаз, то ли здание строят, то ли сносят. Отовсюду, включая многоэтажки, из серого бетона, торчали длинные концы ржавой арматуры. Пространство между этими коробками было сплошной стройплощадкой, густо засыпанной строительным и прочим мусором. Люди, причем – в немалом количестве, тоже как-то перебирались через этот мусор к плотно лепившимся друг к другу торговым будкам с прод- и промтоварами вдоль шоссе.

Наконец, выехали за черту мегаполиса и помчались на север, в сторону Харидвара. Природный пейзаж в этих местах, порой, очень напоминает российский или центральноевропейский: лиственный лес, придорожный кустарник, зеленые поля с пасущимися коровами. Ничего необычного, кроме того, что какой-нибудь редкий пастух или иной сельский труженик может оказаться в чалме. По пути остановились в придорожном кафе. Водитель взял завтрак, мы с Филиппом – только воды. Я был наслышан о необходимых мерах предосторожности, которые нужно соблюдать при привыкании к местной воде и пище, поэтому решил воздержаться от еды, как минимум, до Ришикеша, то ведь, не дай Бог, прихватит в пути живот – и некуда деться!

К восходу солнца мы прибыли в Харидвар⁸⁷ (санскр. «врата к Богу»), расположенный в сакральном месте силы, где Ганга вырывается из горной долины на просторы Индо-Гангской равнины. Город знаменит, прежде всего, проходящими здесь ритуалами массового купания в наиболее священной реке Индии и многомиллионными мистериями Кумбха-мела⁸⁸. Считается, что совершивший сюда паломничество достигнет мокши, или полного духовного освобождения от цепей кармического существования.

⁸⁷ **Харидвар** (Майяпури) – один из священных городов индуистского Семиградья (санскр. саптапури), куда также входят Айодхья, Матхура, Варанаси (Каши), Канчипурам (Качи), Авантикапури (Удджейн) и Дварка. Наряду с Авантикапури (Уджейном), Харидвар также входит в священную четверку городов – вместе с Праягом (Аллахабад) и Нашиком, – где упали на землю капли божественной амриты бессмертия, вылившиеся из сосуда пролетавшей мимо волшебной птицы Гаруды.

⁸⁸ **Кумбха-мела** («праздник кувшина») — обряды массового паломничества индусов к святыням индуизма, проводящиеся с периодом в несколько лет. Целью паломников по очереди становятся города Аллахабад, Харидвар, Уджайн и Нашик. Корни Кумбха-мелы уходят в глубокую древность. В ведийской религии "праздник кувшина" ассоциируется с битвой богов и асуров за кувшин амриты, спаханной из молочного океана.

Сияющая колесница Сурьи едва, появившись над невысокими холмами – первыми предвестниками гималайских круч, высветила тянущиеся вдоль обоих берегов священного потока гхаты⁸⁹, а также многочисленные мандиры, купола, арки, башенки гостиниц и особняков. Прямо у воды стоит гигантская, ярко раскрашенная фигура Шивы с трезубцем. Махадев как бы обозревает свое хозяйство, будучи всем виден издали. Om Namaḥ Śivāya!

Остановившись не стали, пролетели дальше. Через некоторое время шоссе постепенно стало превращаться в городскую улицу с плотным траффиком и густеющей толпой оборванных бродяг и нищих. Вокруг – ужасающие грязь и раздолбанность. Все дома вдоль обочины, казалось, находятся в состоянии полуобрушения. Первые этажи везде заняты под лавки, торгующие одним и тем же набором товаров – от напитков и отверток до неведомых оберток. Это городок Рурки, один из центров – судя по англоязычным щитам вдоль трассы – индийского хай-тека. Среди толпы помятого народа мой глаз выделяет садху в желто-бело-оранжевых одеяниях. Кто-то идет в Ришикеш, кто-то – в Харидвар. Западных туристов совсем не видно. Видимо, не туристические места. В Ришикеше должно быть все по-другому...

II. 3. Ришикеш: город ашрамов над Гангой

К Ришикешу подъехали около трех часов пополудни. Город тянется вдоль Ганги, по берегам, как и в Харидваре, гхаты, мандиры и башенки, ашрамы и особняки. Центральная улица пошире, чем в Рурки, но такая же грязная и еще более оживленная. Очень много садху. Они идут вдоль проезжей части, сидят на ступенях бесчисленных лавок в каких-то нишах или под искусственными навесами из подручного материала. Кто-то просто лежит, но сразу чувствуется, что это не пьяные или обдолбанные бомжи, а просто тут так принято непринужденно расслабляться по ходу дела. Женщины в ярких сари, дети в школьной униформе, похожей на английскую.

Мы забираем вверх, по легкому серпантину въезжаем на склон, затем еще метров сто ползем по узкой крутой улочке вдоль желтых и розовых стен отелей и гестхаузов. Вот и наш, прямо по курсу: Hotel Swiss Cottage. На пороге своего туристического офиса нас встречает Радж. Наши рюкзаки подхватывают проворные молодцы и мы едва поспеваем за ними по ступеням на верхнюю террасу гостиничного комплекса. Через пару минут мы уже в номере. Филипп, не раздеваясь, сразу падает на кровать. Я включаю кондиционер, зашториваю окна и тоже отваливаюсь...

Проспал часов пятнадцать. Открываю глаза, гляжу – и вижу, что за шторами уже светло. Время – около шести. Выхожу из темного номера на залитую солнцем террасу, и у меня моментально запотевают очки от жаркой влаги. Это сразу напомнило мне джунгли Юго-Восточной Азии.

⁸⁹ **Гхат** (бенг. ঘাট, хинди घाट) — каменное ступенчатое сооружение, служащее для ритуального омовения индуистов и/или как места кремации, которые постепенно строились и перестраивались в течение нескольких тысяч лет. Гхаты располагаются на берегах всех священных рек Индии.

Прямо как в парилке, римская баня! Нет никакого смысла париться. Я скрываюсь в кондиционированной прохладе затемненного номера. Филипп еще спит. Я устраиваюсь за столиком в кресле, включаю лэптоп.

Прилетели в Индостан,
Простебались жестко:
Здесь у девок стройный стан,
А на спинке - шерстка...

Игорь Дудинский: Когда будешь в Москве не в зоне?

Владимир Видеманн: Пока сложно сказать. Дам знать))

Владимир Видеманн: Твой друг обращался за памирскими консультациями.

Игорь Дудинский: Ты ему помог?

Владимир Видеманн: Да, мы будем работать над темой. Послал ему для начала свой текст.

Игорь Дудинский: Ну и славно. А тут готовят к печати (Жигалкин) большой сборник, посвященный ЕВГ.

Владимир Видеманн: если что - я могу свои воспоминания подослать.

Игорь Дудинский: Сейчас Жигалкину позвоню - предложу!!! Они не знали, что у тебя есть. Звонил. Они говорят, чтобы СРОЧНО высылал. А ты сможешь срочно? А то книжка уже сдается в печать. А ты же не дома. Как быть? Знаешь мою почту?

Владимир Видеманн: отключался вайфай. пришлю на эту почту.

Сошин Юрий: А еще у них хвосты.

Владимир Протосевич: А я ездил на Кубань, там нет у девок шерсти... У казачек толстый стан и характер жёсткий! Я, кстати, казак. Терский. Сын атамана.

Наша четырех трехэтажная гостиница стоит на холме, покрытом джунглями. Вид с верхней террасы на город был вполне роскошным. В основном просматривался туристический район Лакшман-Джулы, с известным высотным храмом всех богов индуизма, который в местном народе зовут «сертин сториз», «тринадцать этажей». Это сообщил мне Нишант, администратор гостиницы. А вайфай, да, бывает отключёнка. Но временно. Потом снова работает.

В гостинице жили в основном западные хипстеры и дауншифтеры разных типов. Первым человеком, с которым я познакомился, был типичный растафарианин⁹⁰ с дредами ниже плеч. Я подумал, глядя на его смугловатую кожу, что, вероятно, человек откуда-то Америки. Оказалось, из Египта. Мустафа и его приятель, тоже растафари, египтянин. У них там вполне себе такая альтернативная тусовка есть. Сюда растаманы прибыли автостопом из Вьетнама. Еще тут жили две, насколько можно понять из акцента, швейцарки, вероятно – лесбийская пара. Они все время ходили за ручку, в цветастых пижамах и с большими фотоаппаратами. Видимо, приехали на курс аюрведического лечения: йога, массаж, горячие источники, диета. Массаж тут, в самом деле, очень качественный и очень дешевый. Ручная работа – ничего не скажешь!

Вайфай снова подали. Посмотрел фейсбук. Повесил свое селфи на фоне гималайского хребта, вид с балкона.

⁹⁰ **Растафарианство** — новое религиозное движение, его сторонники называются растаманами. Название *Растафари* происходит от имени последнего императора Эфиопии Хайле Селассие I, до коронации известного как Рас Тафари Маконнен (Тэфэри Мэконнын). Растафари считают, что Хайле Селассие I является воплощением Бога, которого растафари называют Джа.

Фото: Ришикеш. Индия

Валерий Инюшин: Был. Хорошо там.

Victoria Dmitrieva: Володя, как вы? я уже в Питере

Swetlana Wachsmuth: "Франсуаза, или путь к леднику"

Igor Andreev: Удивительно!

Название города Ришикеш происходит от имени Хришикеша (санскр. *Hṛīkeśa*, «владыка чувств»), одного из эпитетов бога Вишну, явившегося подвижнику Райбхья-риши, совершавшего здесь свою тапасью⁹¹. Древнейший в городе храм, Бхарат-мандир, расположен как раз на этом самом месте.

Согласно легенде, во время правления императора Ашоки (III век до н. э.) тут уже стоял буддийский храм, переделанный из более древнего индусского. В восьмом веке антибуддийский реформатор Шанкарачарья обновил служение в храме, главной святыней которого стал мурти Вишну в образе Шри Хришикеша Нараяна Бхарата из цельного черного камня-шалаграма, обрамленного в раку из серебра и золота. При храме есть исторический музей, где выставлены ритуальные предметы и статуи, найденные в результате археологических раскопок на этой территории. Старейший из артефактов, каменный мурти Шивы, относится ко второму веку. Тут же были найдены буддийские статуи. Предание утверждает, что Бхарат-мандир посещал сам Гаутама Будда как девятая аватара Вишну. Здание храма в его современном виде восходит к XII веку, но после погрома, учиненного Тимуром в 1392 году, оно претерпело существенную реконструкцию.

В двадцатом веке Ришикеш превратился в мировую столицу йоги. Еще до Второй Мировой войны здесь было основано Общество Божественной Жизни на базе ашрама Свами Шивананды, известного йогина и философа-шиваита того времени. Сегодня его центр в Ришикеше, где находится штаб-квартира этой международной организации, является одной из наиболее влиятельных гуманитарных миссий в городе. Другой влиятельной организацией является центр ученика Шивананды, Свами Омкарананды Сарасвати, также осуществляющей целый ряд гуманитарных миссий.

В шестидесятые-семидесятые года Ришикеш стал центром притяжения сторонников движения Трансцендентальной медитации, основанного Махариши Махеш Йоги, имя которого было пропиадено битлами на весь культурный мир. У Махариши тут был свой ашрам, состоявший из нескольких жилых корпусов, со специальными медитационными кельями, спрятанными среди густой зелени гималайских джунглей, кишаших змеями, обезьянами и яркими тропическими птицами. Здесь, под крики удонов, битлы и их подруги учились левитировать, здесь Харрисон брал

⁹¹ **Тáпас** (санскр. *तपस्*, *Tapas*, «тепло», «жар», «истязание», «аскеза») — в древнеиндийской мифологии космический жар как универсальный космогонический принцип, лежащий и в основе мироздания, и в основе религиозного благочестивого поведения. В практике йоги тапасья (генерирование тапаса) – означает самодисциплину, усилие воли.

первые аккорды на ситаре, тут дискурс адвайта-веданты вошел в дискурс группы The Beatles. *Jai guru deva Om*⁹².

– Послушай, ты случайно не из Израиля? – неожиданно спрашивает меня по-английски, на пороге офиса Раджа, человек с добрыми глазами.

– Нет. А ты с чего это взял?

– Как-то похож на израильтянина. Я подумал: наш! Меня зовут Сократ.

Сократ из Иерусалима, путешествует по Индии и Центральной Азии. Отсюда собирается на Кайлас.

– Так это же Китай. Нужна виза.

– У меня она есть. Я тут познакомился с одной подругой из Италии, она вроде как готова поехать со мной дальше вместе, но колеблется.

Подходят египтяне, потом еще какие-то люди из других номеров, кто-то отправляется в буфет. На площадке появляется человек с горящими глазами, в кожаных штанах и кожаной жилетке, весь в пирсинге и, как истинный шиваит, в свастиках и черепаках. Какой-то англосакс, похож на британца. Говорит, только что приехал на мотоцикле из Непала. Теперь оттянется несколько дней в Ришикеше, починится...

Съездили с Филиппом на тук-туке на базар в Старый город, прикупили фотоаппарат. Домой возвращались уже в сумерках. Город горел колдовскими огнями мелких лавок и подсвеченных статуй небожителей. Очень специфический, но мне кажется вполне достойный запах улицы. Если в Италии разруха и грязь воспринимаются как объекты искусства, то в Индии они же воспринимаются как часть философского дискурса. Да, здесь реальность раскрывается своей подвижнической стороной. Не каждому дано!

II. 4. Омкарананда Сарасвати: в поисках сподвижников гуру

На следующий день я решил сходить в центр Омкарананды, находившийся, судя по карте, совсем рядом с гостиницей. Парамахамса Омкарананда Сарасвати⁹³ был учеником Свами Шивананды и активистом основанного последним Общества божественной жизни⁹⁴. В 1967 году Омкарананда основал свой собственный Центр божественного света (Divine Light Zentrum) в Австрии, приехав туда из Ришикеша по приглашению своих европейских друзей. Главным мотивом, побудившим меня туда отправиться, были когда-то сказанные Рамом слова о Свами Омкаре, пригласившим его, в начале 50-х годов, в свой ашрам на постоянное жительство. Именно на пути туда (т. е. из Западной Германии в Индию), Рам заехал повидать своих родственников в Эстонию, где

⁹² **Jai guru deva Om** (санскр. जय गुरुदेव ॐ: «Ом, божественный гуру») – припев в композиции группы The Beatles «Across the Universe»

⁹³ **Омкарананда Сарасвати** (1929 – 2000) – индийский гуру, ученик Свами Шивананды.

⁹⁴ **Общество божественной жизни** (англ. *Divine Life Society*) — религиозная организация и ашрам, основанные Свами Шиванандой в 1936 году в Ришикеше, Индия. Организация имеет филиалы во многих странах мира. Ученики Свами Шивананды также основали несколько независимых религиозных объединений в США, Канаде, Австралии, ЮАР, Малайзии и ряде стран Латинской Америки.

оказался интернирован советскими властями на 25 лет. Выехать из СССР ему удалось лишь в 1981 году, но поехал он уже не в Индию, а в Америку.

Рассматривая карту Ришикеша, я обнаружил, что совсем рядом с гостиницей проходит улица Омкарананды Сарасвати. Я сразу вспомнил эту рамовскую историю и решил поподробнее проверить, не тот ли это «Свами Омкар»? Учитывая, что Рам также состоял в переписке со Свами Шиванандой, учеником которого являлся Омкарананда, я все больше склонялся к мысли, что, возможно, напал на след старой рамовской кармы и, будучи с гуру в мистическом резонансе, как бы был приведен высшими силами именно в это место в Индии, чтобы завершить за мастера его путешествие по приглашению Свами Омкара. Поставить точку над «i». Тем более, что представительство ашрама Омкарананды Сарасвати имелось в Австрии – т. е. в границах германского мира, где Рам получил свою дикшу (инициацию) от представителей неоведанты, через Гаятри Дэви.

Спустившись от отеля к дорожной развязке, я двинулся на запад, вдоль набережной Ганги. Слева – река, справа – крутой, поросший зеленью, скальник. На обочине сидят обезьяны. Много обезьян. Тут же, у куцых лавочек, индусы готовят ходовые блюда национальной кухни, многочисленные садху лежат, расслабляясь, в тени деревьев. Туда-сюда снуют группки женщин в пестрых сари, тук-туки тарахтят и коптят воздух. Иду минут пятнадцать, по правую руку появляется укрепляющая скальник грязно-розовая бетонная стена, на которой крупными буквами написано: Swami Shivananda Ashram. А чуть дальше вижу большую арку, от которой вверх ведет крутая и длинная лестница. Над аркой вывеска: The Divine Life Society. Иду дальше, дикая набережная превращается в ступенчатый гхат Омкарананды, но самого центра нигде не вижу. Спрашиваю у тук-тукеров:

– Где тут ашрам Омкарананды?

– Да вот же, пройдите еще чуть-чуть вперед и увидите справа гостиницу «Ганга». Там нужно будет подняться вверх по лестнице, а за территорией гостиницы – тот самый центр Омкарананды!

Иду дальше и, в самом деле, вижу «Гангу». Поднимаюсь вверх по лестнице, прохожу мимо серого бетонного гостиничного корпуса, прилегающей зеленой территории и снова оказываюсь на дороге, по ту сторону которой вижу каменную кладку невысокой ограды, еще одну арку и надпись: Swami Omkarandanda Ashram. Тут лестница уже значительно короче. Выхожу на ухоженную площадку. Тут все чисто, выметено, аккуратные клумбы с цветами, яркие крашенные фигуры небожителей, вокруг небольшие храмовые и жилые корпуса, вверх уходят пирамидальные стелы мандиров. Вокруг ни души и полная тишина. Наконец, замечаю какую-то фигуру. Спрашиваю, как найти администрацию. Человек ведет меня в главный корпус. Тут тоже все вычищено, белый мраморный пол, работают кондиционеры. Меня вводят в просторный кабинет, усаживают на диван и просят подождать.

Минут через десять входит высокий грузный мужчина, бритый и завернутый в белую тогу, наподобие римского сенатора. Мы знакомимся. Это Свами Сатчитананда, один из руководителей миссии. Я рассказываю

о цели своего посещения, немного рассказываю о Рама. Сразу объясняю, что никакой миссионерской деятельности наш матх не ведет (а то ведь подумает, что это конкурирующая фирма разведку проводит!). Единственное что мной движет – это дань памяти учителю и его друзьям, в данном случае – Омкарананде, пригласившего Рама в свой ашрам пятьдесят лет назад. Вот он, в моем лице, и прибыл...

Сатчитананда явно не индус. Оказывается, швейцарец. Я перехожу на немецкий, но он мне говорит, что за многолетнее пребывание здесь уже настолько привык общаться по-английски, что испытывает психологические сложности беседовать с гостями ашрама на родном языке.

– Вы уверены, что вашего гуру сюда пригласил именно Свами Омкарананда? Ведь он, пятьдесят лет назад, был еще совсем молодым человеком!

– Да, но он был учеником Свами Шивананды, а с последним Рам тоже состоял в переписке. Возможно, Омкарананда действовал по просьбе своего мастера и просто вел переписку с иностранцами?

– Возможно. Столько времени прошло...

Сатчитананда дарит мне подборку печатных материалов об их центре. Очень хорошая печать, роскошные цветные фотографии, все на самом высоком полиграфическом уровне. Я, в ответ, дарю ему портрет Рама. Он внимательно смотрит на фотографию, благодарит. Приглашает меня принять участие в местных мероприятиях, пуджах. Здесь проводятся дважды в день общие медитации, утром и вечером. Допускаются все желающие. А 18 августа будет особая служба по случаю дня рождения Кришны, Кришна Джанмастхами: аарти (подношение огня с песнопениями) и ритуальные танцы.

– Огромное спасибо за приглашения, но, вероятно, я буду в это время в Бадринатхе, куда собираюсь отправиться как можно быстрее и на как можно подольше. Вы же знаете, что такое Гималаи!

– Да, конечно. Спасибо за ваш визит! А вы где в Ришикеше остановились?

Узнав название моей гостиницы, Сатчитананда объясняет, как до нее отсюда лучше всего добраться. Оказывается, я шел сюда совсем не по той дороге! Ведь Омкарананда-Сарасвати-роуд начинается прямо за воротами ашрама, а я добирался по набережной, в обход! Вернувшись к отелю, я понял, что на развязке выбрал не ту улицу. Да как тут разберешь на такой жаре!

xxx

Позже, уже в Лондоне, я предпринял очередную попытку углубиться в биографию Омкарананды Сарасвати, чтобы наверняка понять, в самом ли деле он является тем самым мастером, пригласившим Рама в Индию? В конце концов, я понял, что это не тот Свами Омкар. Во-первых, он почти на 20 лет младше Рама. Во-вторых, он приехал в Европу лишь в 1967 году, когда Рам уже более десяти лет находился в СССР. При этом, в Хрониках

Акаши⁹⁵ мне пришлось натолкнуться на одну очень загадочную историю, связанного с австрийским периодом жизни Омкарананды Свами. В течение своей жизни Свами основал несколько духовных центров. Первый из них, Центр Божественного света, был инициирован в 1967 году, в городке Винтерур (Швейцария).

В ноябре 1975 года, в доме высокопоставленного швейцарского чиновника Якоба Штуки (Зойцбах под Винтеруром), прогремел взрыв. По счастливой случайности никто не пострадал, но дело завели. В организации взрыва полиция объявила членов Центра Божественного света, которые уже давно конфликтовали с властями. Те же, в свою очередь, обвинили полицию в провокации, цель которой – дальнейшая дискредитация миссии Омкарананды, с перспективой ее полного изгнания из Винтерура.

Местные газеты писали, что «сектанты» пригласили для подмоги из Индии черного мага, который активно колдовал в подвалах особняка миссии, ставя тем самым под удар психическое и физическое здоровье законопослушных швейцарских граждан. В конечном счете, в мае 1979 года швейцарский суд приговорил Омкарананду Сарасвати, как главного по кухне, в 14 годах лишения свободы! Отсидел ли мастер весь срок или был выпущен досрочно – мне узнать не удалось. Известно, однако, что в 1981 году, т. е. через два года после вынесения мастеру приговора, открылся Омкарананда-ашрам в Ришикеше (тот самый, где я побывал), а в 1986 году еще один Омкарананда-ашрам был основан в местечке Ланген под Брегенцем (Австрия). Здесь Омкарананда прожил до конца своих дней, тут же он и похоронен.

Эта история – типичный образец административной и одновременно магической войны между местными властями и сектантскими инициативами, под разными масками разлагающими общественную жизнь западных коммун.

Я помню, как в конце 80-х западноберлинская пресса обрушилась с критикой на единственный в те времена индуистский храм в Европе за пределами Великобритании, который был тогда только-только открыт в одном из особняков Тиргартена. Под пером борзописцев особняк превратился в «двухкомнатную квартиру», в которой каждый день проходят шумные прославления одного из 33 миллионов богов индуизма. Помножьте эти 33 миллиона на один миллиард живущих в мире индийцев, и теперь представьте себе, чего следует ожидать тихим немецким пенсионерам от грядущей волны ориентализации нравов, которая уже катит всю...

С другой стороны, прибегать к различным формам магии, магического влияния на ситуацию, не зазорно ни индуистам, ни буддистам, ни даосским мудрецам. Ислам, напротив, запрещает магию строго-настрога, но при этом арабская и персидская магия, активно использующая

⁹⁵ **Хроники Акаши**, также **акашические записи** — теософский эзотерический, а также антропософский термин, описывающий мистическое знание, закодированное в нефизической сфере бытия. Мистиками считается, что Хроники содержат в себе весь совокупный и коллективный человеческий опыт, и историю возникновения Вселенной.

исламскую символику и учения исламской каббалы, слывут ничуть не менее могущественными, чем индийская или китайская. Да и христианский мир никак не изолирован от магических практик – частично наследованных от эллинистических предшественников, частично вошедших в ареал черной мессы в результате знакомства европейцев с магическими культурами неевропейских популяций планеты. И процесс этот активно продолжается до сих пор!

xxx

Около гостиницы встретил Раджа. Он говорит, что джип на Бадринатх можно заказать прямо завтра с утра. Пока открыта дорога, но новые оползни могут случиться в любой момент. Я заказываю на семь утра. Чтобы доехать в течение дня, засветло. Это где-то отсюда триста километров, но не по автобану, а по горному серпантину. Не везде даже разъедешь. Сократ, слышавший часть нашего разговора, переспрашивает меня про джип. Я объясняю, что заказываю джип в Бадринатх.

– Можешь взять меня с подругой?

– Конечно! Там восемь посадочных мест. Поездка машины до Бадринатха стоит десять тысяч, если поедem вчетвером, то с каждого по две с половиной. А если будут еще попутчики, то и того меньше.

– Я знаю двух японцев, которые собираются на трекинг в Гималаи. Может быть, они тоже присоединятся?

– Давай, ты поищи, кто еще поедет. Встретимся здесь попозже, часов в десять.

Радж показывает мне, жестами, что мой собеседник не совсем в себе. Стучит пальцем по лбу и затем делает рукой жест раскрывающейся и закрывающейся пасти. Я ему улыбаюсь по-английски.

Под вечер, на площадке у ресторана, собрались Сократ с подругой, два японца, два египтянина-растамана, две швейцарки-лесби, англосакс-шиваит и еще несколько постояльцев. Японцы все никак не могут решить, ехать им или не ехать. Подруга Сократа тоже колеблется. Ведь он собирается из Бадринатха двинуться дальше, к тибетской границе и оттуда – к Кайласу. Но есть ли от Маны дорога до Кайласа? И можно ли в этом месте пересечь индо-китайскую границу даже при наличии действующей китайской въездной визы?

На ресторанной кухне работают непальцы. Они чем-то мне напоминают узбеков в таджикских чайханах. Потому что местные индийцы очень напоминают таджиков. Вот администратор нашего отеля, Нишад – типичный душанбинец! Да и Радж... Ресторанчик здесь вполне приличный. Можно овсянку заказать, можно пиццу. Есть немецкие булочки. Это филиал «German Bakery», местной сети европеизированных кафе. В конце концов я сказал, что отправка в семь утра. Кто хочет – может приходить. Мы с Филиппом едем в любом случае.

II. 5. По следам Господа Рамы: глядя из космоса...

Водителя нашего джипа зовут Ифтихар. Он включил музыку, и мы поехали. Вверх, вдоль Ганги, к божественным отрогам Гималаев на абсолютном севере страны. Вдоль трассы – туча обезьян. И большие, и маленькие. Сидят на корточках, смотрят... Временами попадаются группы людей, тоже на корточках: строительные рабочие, путешествующие садху, крестьяне и лесорубы. Навстречу, с вязанками хвороста за спинами, идут дровоносы. Мимо, на трех-четыре мотоциклах, промчалась паломническая группа сикхов. Только мужчины, все в оранжевых повязках, мотоцикл украшен оранжевым флагом с черной сикхской эмблемой, называемой кханда. Эта фигура графически чем-то напоминает шиваитский трезубец, но в действительности является комбинацией из двух кинжалов, меча и чакры.

Сикхизм относится к категории дхармических религий, но его также можно назвать религией гностической. Фактически, это культ Неведомого Бога, помыслов которого не знает ни один смертный. Поклоняться ему можно только через медитацию на его Имя и молитвенное пение. Здесь прослеживается манихейское влияние, некогда весьма сильное в Северной Индии, включая родину сикхов Пенджаб. На севере, неподалеку от Бадринатха, высоко в горах, на берегу озера Хемкунд, находится гурдвара⁹⁶ (святилище) десятого, последнего из проявленных гуру сикхов, Гобинд Сингха⁹⁷. Одиннадцатый сикхский гуру, подобно скрытому имаму исмаилитов, присутствует в мире невидимо. В этих же местах некогда медитировал Лакшмана⁹⁸, младший брат Рамы. Его храм также есть на берегу Хемкунда.

С самим Рамой больше связан город Девапраяг – следующий после Ришикеша крупный пункт на нашем маршруте. Здесь сливаются русла двух текущих с гималайских вершин рек, Бхагиратхи и Алакнанды, образуя собственно Гангу. Над местом слияния стоит знаменитый Рагунатх-мандир, в котором поклоняются чернокаменной статуе Господа Рамы в форме Шри Рагхунатха-джи. Как утверждает легенда, Рама, после победы над демоном Раваной, совершал в Девапраяге священные яджни (огненные жертвоприношения), отмаливая грех убийства. Отсюда же он вознесся на небеса, завершив свою божественную лилу (божественную игру) для данного воплощения (как восьмая аватара Вишну).

Воздвижение в храме мурти Рагхунатха (именуемого также Пурушоттамой) народная молва приписывает Шанкарачарье. В золотых воротах стоит,

⁹⁶ **Гурдвара** (пенджаб. ਗੁਰਦੁਆਰਾ, gurdwārā или ਗੁਰਦਵਾਰਾ, gurdwārā — Врата Гуру) — сикхское богослужбное архитектурное сооружение, центр религиозной и социальной жизни сикхской общины.

⁹⁷ **Гуру Гобинд Сингх** (в.-пандж. ਗੁਰੂ ਗੋਬਿੰਦ ਸਿੰਘ; 22 декабря 1666, Патна, Индия — 7 октября 1708, Нандет, Индия) — десятый и последний сикхский гуру.

⁹⁸ **Лакшмана** (санскр. लक्ष्मण, Lakṣmaṇa, «благоприятный») — герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна», сын Сумитры и Дашаратхи. Появился на свет после того, как Сумитра съела священный прасад. Мудрец Васиштха объявил Раму и Лакшману божественными воплощениями Нара-Нараяна.

укутанный в белый саван с серебряными блесками и золотой короной на голове, черный идол с огромными белыми глазами и черными зрачками. Из савана выглядывают две серебряные руки, в одной из которых зажат длинный посох. Так это же один-в-один древнеегипетский Птах⁹⁹! На груди идола висит золотое зеркало. Когда я взглянул ему в глаза, мне показалось, что в действительности это он смотрит на меня – как бы с точки зрения обратной перспективы, изнутри меня самого. Опять вернулись ассоциации с гравитационным полем как пустым барьером на границе вселенной. Вероятно, это и есть черное тело бога, мурти которого я созерцаю здесь и теперь. Я испытал чувство иррациональной, нарастающей где-то на периферии сознания дезинтеграции личного мироощущения, и лишь «гравитационный» каркас удерживал, подобно мистическому катехону¹⁰⁰, психическое тело от универсального распремечивания. Это была реальная магия идола, но не просто как колдовская мана внешнего управления, а как следствие долгосрочной автосуггестивной настройки самосознания на соответствующие сигнальные маячки. Голова кружилась, во избежание произвольного падения я сел на пол и закрыл глаза...

Однажды мне приснился удивительный сон. Я увидел, на частоте формирования гипнагогических образов, некую анимацию Солнечной системы и даже – всего Млечного пути. Вот планеты бегут вокруг Солнца, а само оно движется вокруг центра нашей галактики. Я еще удивился: как четко все работает! А потом эта гармоничная картина декартовского космоса неожиданным образом – вполне логичным с позиции наблюдателя из состояния сна, но совершенно иррациональным с точки зрения опыта бодрствующего эго – преобразовалась в золотую фигурку украшенной многочисленными самоцветами птицы. Причем пропорции птицы были далеки от натуральных. Как сейчас помню, ее отличала непропорционально большая голова с огромными, круглыми словно блюдца, глазами. Крылья сложены вдоль тела. Явно, какая-то культовая фигура, в стиле доколумбовой эстетики южноамериканских культур. В этот момент я начал просыпаться и тут понял, что эта птица символизирует собой нашу Солнечную систему в контексте Млечного пути. Т. е. это модель актуального космоса, нашей вселенной как среды обитания многопланового человека.

Судя по всему, черный идол Рагхунатха обладал схожим эффектом. Ведь его плотскими глазами на вас смотрит запредельная космическая бездна, персонализируемая через ваше собственное, уникальное свидетельство текущего момента.

Rama eva param Brahman
Rama eva param tattvam
Shriramo Brahma tarakam¹⁰¹

⁹⁹ **Птах** или **Пта**, — одно из имен Бога-Творца в древнеегипетской религиозной традиции. Птах изображался в виде человека в одеянии, плотно облегающем и закрывающем его, кроме кистей рук, держащих посох «уас». К имени Птах часто прилагался эпитет «Тот, Кто за южной стеной», (юг в египетской символике — образ вечности), иным словом Птах — это Бог по ту сторону творения, Тот, Кто в вечности, Бог Сам в Себе, Творец за пределами Своего творения.

¹⁰⁰ **Катэхон** (от греч. ὁ κατέχων — «Удерживающий») — богословское и политологическое понятие (теория), имеющая корни в христианской эсхатологии: исторический субъект, как правило понимаемый в виде того или иного государства, имеющего миссию препятствовать окончательному тождеству зла в истории и приходу антихриста.

¹⁰¹ **Рама** – это вечный Брахман, Рама – это божественное искупление, Рама – это тайная точка сочетания всего, Рама – это спасительный Брахма. (Рама-рахасья Упанишада)

II. 6. 1. Бху-мандала – геоцентрическая модель вселенной

Квинтэссенцией индийской космогонии является *бху-мандала* (букв. «земной диск»), представляющая собой, фактически, стереографическую модель Южной Азии, Солнечной системы и Млечного пути одновременно. В наиболее известной форме бху-мандала выглядит как лежащая на черепаше плоская Земля, с горой Меру в центре. Более сложный вариант — яйцо Брахмы с диском эклиптики посередине, разделенным на несколько концентрических кругов и пронизываемым центральной осью.

Такого рода космографика издревле давала пищу популярным представлениям о плоской земле, однако примитивный буквализм совершенно не соответствует объективной действительности, лежащей «за скобками» древнего космогонического символизма. В действительности, как уже сказано выше, земной диск бху-мандалы является моделью не только планеты Земля, но и всей Солнечной системы, действительно лежащей в одной плоскости и имеющей форму диска. Об этом говорит более внимательный анализ структуры бху-мандалы и пропорций составляющих ее элементов. Концентрические круги вокруг центра мира, горы Меру — это не что иное, как орбиты видимых с Земли планет в геоцентрической перспективе: от Меркурия до Сатурна. Здесь же присутствуют плоскости орбит Солнца и Луны. То есть бху-мандала — это стереометрическая планисфера (проекция сферы на плоскости) с подвижными элементами, подобная астрлябии.

Центральный сектор бху-мандалы представляет собой упрощенную географическую карту обширного региона Южной Азии, частично захватывающего территории Ирана, Туркестана и Тибета. Тут мы видим круг, разделенный шестью горизонтальными линиями, а средняя область поделена дополнительно двумя вертикалями на три сектора. Изучение карты показало, что горизонтальным линиям соответствуют тянущиеся с запада на восток горные цепи региона, а две вертикали в центре точно выделяют территорию Памира как своеобразного «квадратного стола».

Памир – подножие Митры. Может ли Памир быть историческим центром некой локальной культурной традиции, наследием которой является, в частности, бху-мандала? Или последняя непосредственно связана с шумеро-вавилонским влиянием? Древнейшие культурные артефакты Памира относятся к VIII-V тысячелетию до н. э. Это каменные орудия и наскальные изображения, обнаруженные на востоке региона (мезолитическая маркансуйская культура, родственная более поздней гиссарской культуре V-II тысячелетия до н. э.). Известны также петроглифы, относящиеся ко второй половине I тысячелетия до н. э., распространенные уже по всему Памиру. То была эпоха продвижения арийских завоевателей в Южную Азию, часть которых, по всей видимости, осела на Крыше мира (фольклорное название Памира). На это указывает как характер некоторых наскальных рисунков (колесницы как характерный признак раннего «арийского» искусства), так и ДНК-генеалогический анализ автохтонного населения.

Через Памир проходил Великий Шелковый путь из Китая в Индию, Среднюю Азию и Европу (со II века до н. э. по XV век н. э.). Скорее всего, на карту Южной Азии (в формате бху-мандалы) его нанесли именно купцы. Центральное место Памира на древней карте не удивительно, поскольку он находится как раз посередине между крайними западной и восточной точками Шелкового пути. Сама география Памира почти идеально «вкладывается» в традиционные параметры центральной части бху-мандалы, образуя квадрат из четырех хребтов и четырех рек. На севере Крыша мира ограничивается Алайским хребтом и рекой Сурхоб, на юге – Гиндукушем и Пянджем, на востоке – хребтом Куньлунь и рекой Ташкурган, на западе – Бадахшаном и Аму-Дарьей (продолжение Пянджа в перпендикулярном направлении). Эта территория соответствует на карте бху-мандалы центральной области под названием Илаврита-варша (Ilāvṛta-varṣa), в середине которой возвышается гора Меру с проходящей через нее осью вселенной (ось вращения Земли). Сама Меру описывается в Ведах как четырехгранный столп, каждой из сторон которого соответствует один из драгоценных элементов: золото (север), серебро (восток), лазурит (юг) и рубин (запад).

Все эти компоненты в действительности присутствуют на Памире, причем копи лазурита имеются именно на юге (месторождение Сары-Санг в районе афганского Файзабада), серебра – на востоке страны (в районе стоянок маркансуйской культуры), рубина – на западе (гора Кухилал в Шугнанском районе), золота – на севере (истоки реки Зеравшан, «золотоносной»). А ведь памирское (бадахшанское) месторождение лазурита было единственным во всем древнем мире! Если к тому же учесть, что традиционно Меру изображается как возвышенность с плоской вершиной, на которой обитает верховное божество (град Брахмы в индуизме), то памирское высокогорье еще больше вписывается в данный образ оси мира.

Само слово «памир» некоторые исследователи склонны толковать как производное от персидского «по-и-мехр» – подножие Солнца (т. е. солнечного бога Митры). На Памире и сопредельных территориях до сих пор существуют предания о волшебной стране Джаль-Хай-Дар, существующей где-то высоко в горах. Часть из них описана в книге моего друга Иоанна Горненского¹⁰², с которым мы, в свое время, путешествовали по святым местам этого региона.

«Киргизы Алая рассказывают, что за грядой гор, ограждающих эту долину, на южных склонах хребта находится чудесная страна – Джаль-Хай-Дар. Она возникла во времена золотого века человечества, когда все люди на земле были блаженны. Там находятся сады, в которых до сих пор растут неведомые плоды и неувядающие цветы. Женщины там не стареют и вечно остаются прекрасными. Золото там кишит и бурлит в родниках. Живут там одни святые. Все блага находятся в изобилии, смерть, холод и мрак изгнаны из той страны навсегда. Но смертному туда никогда не проникнуть. Предание гласит, что какой-то смельчак, увлекшись преследованием диких коз, попал на ту сторону гор, и взору его предстал дивный Джаль-Хай-Дар. Когда же по возвращении домой он собрал группу друзей и отправился с ними в удивительную страну, вместо земного рая они нашли бесконечный снег, стужу и непреодолимые ледники гор, в которых и погибли. Видимо, сейчас утратили люди первозданную чистоту, и недоступна для них страна небесного блаженства.»

¹⁰² **Иоанн Горненский.** Легенды Памира и Гиндукуша (Изд. Алетейя, М 2000)

Эти предания чем-то напоминают легенды о загадочной Шамбале, также располагающейся в горной области, в мистическом центре мира. Многие традиции считают этим центром гору Кайлас в Западном Тибете, к которой устраиваются массовые паломничества индусов, буддистов, джайнов и бонцев, а также носителей различных западных инициаций, попадающих к Кайласу под видом обычных туристов.

II. 6. 2. Мифология – небесная механика древних

Девапраяг является неформальным центром традиционной индийской астрономии. Здесь собрана огромная коллекция древних рукописей, отражающих развитие этой науки на протяжении веков. Этими манускриптами до сих пор пользуются не только академические исследователи, но и практикующие астрологи. Древнейшим текстом индийской математической астрономии считается трактат автора V века до н. э. Лагадхи¹⁰³ «Джьютиша-веданга», где рассчитываются параметры солнечной и лунной орбиты в целях согласования времени проведения ведических ритуалов.

Но в действительности индийская астрономия намного старше. Ведь текст Лагадхи – это уже письменная культура, тогда как существовала еще ее бесписьменная стадия, в том числе – в формате Хараппской цивилизации, архитектурные достижения которой не позволяют усомниться в математической и астрономической продвинутой ее носителей. Даже у Лагадхи точки солнцестояний и равноденствий отражают состояние небосвода за тысячу лет до написания самого трактата.

По всей вероятности, звездная наука пришла в Индию с запада, из Вавилонии и других ближневосточных центров, где она возникла уже на самой заре цивилизации, вместе с переходом человека к оседлой жизни и производительному хозяйству в результате т. н. неолитической революции. Первые зиккураты, как древнейшие обсерватории, появились в Месопотамии уже в конце IV тысячелетия до н. э. Позже аналогичные пирамидальные сооружения стали сооружать в других регионах раннего сельскохозяйственного производства: Египте, Иране, Средней Азии, Индии, Китае, Южной и Центральной Америке...

В основе мифа о мировой оси (горе, столбе, дереве) лежит древнее космогоническое знание как результат тысячелетних наблюдений жрецов за движением небесных тел и понимания законов небесной механики. Эти законы физически объективны, но могут излагаться посредством разных систем символического кодирования, включая привязку к конкретным объектам как точкам геоцентрического отсчета: горам, скалам, пирамидам, храмам и т. д.

¹⁰³ **Лагадха** (санскр. लगध) — древнеиндийский астроном и астролог. Автор трактата «Джьютиша-веданга», написанного между 450 и 350 годами до н. э. Эта работа представляет собой руководство по определению времени для исполнения ведийских жертвоприношений. «Джьютиша-веданга» сохранилась в том пересмотренном и исправленном виде, каким пользовались ригведийские брахманы. Это первая работа по математической астрономии в Индии. Влияние календаря Лагадхи на ортодоксальных брахманов длилось более двух тысячелетий. Одним из важнейших нововведений, сделанных Лагадхой, было использование *tithi* (1/30 синодического месяца) как стандартной единицы времени. Лагадха также ввел водяные часы и гномон.

Немецкий профессор Вернер Папке издал замечательную книгу о шумерской космогонии, которая так и называется: «Звезды Вавилона. Тайное послание Гильгамеша, расшифрованное через четыре тысячи лет»¹⁰⁴. В своей работе профессор детально показывает связь между клинописным текстом легенды о Гильгамеше, древними изображениями астральных сцен и различными фазами в перемещениях небесных тел и сфер. Получается, что шумерские жрецы, не имея развитого математического аппарата, кодировали астрономические закономерности с помощью мифов и пояснительных изображений, причем дешифровка их системы описания обнаруживает невероятную точность наблюдений и глубину понимания процессов небесной механики древними звездочетами.

Гурджиев утверждал, что в древних мифах нет ничего случайного, это – математика. Причем своего отца он представлял именно как сказителя Гильгамеша! Профессор Папке показал, что Гильгамеш (и, по аналогии, другие древнейшие космогонические мифы человечества) – в самом деле «математика» (если под последней иметь в виду систему математически точного описания). Такой же математической моделью является, как это недавно выяснилось западными учеными, бху-мандала. Нет сомнений в математической точности наблюдений древних майя, имевших совершенно отличную от принятой в Старом Свете систему расчетов и соотношений (пятеричный счет, иная конфигурация созвездий и т. д.).

Интересно, что практически повсеместно, вплоть до появления современных астрономических приборов и соответствующего математического аппарата, древнее знание о космосе было скрыто под вуалью вторичных мифов и ритуалов, носящих уже не столько математический, сколько гуманитарный, образный характер. Люди как бы забыли о первоначальном смысле священных легенд и диаграмм. Впрочем, это не удивительно, если вспомнить, что жреческая наука о космосе всегда считалась чем-то эзотерическим, обучить ей всех желающих было просто невозможно. Передача знаний, как и сама технология обучения, были монополизированы наследственными кастами, опиравшимися на общественный авторитет патриархальной геронтократии.

II. 6. 3. Неолитические культы, первые храмы и священный календарь

Геронтократия явилась первой патриархальной формацией, оспоровившей власть матриархата в эпоху неолитической революции¹⁰⁵. Ее влияние было основано, прежде всего, не на физической силе вооруженного мужчины (как это многим представляется), но на силе знания физических закономерностей и метафизических законов окружающей действительности. В эпоху матриархального пещерного палеолита все

¹⁰⁴ **Werner Papke.** Die Sterne von Babylon. Die Geheime Botschaft Des Gilgamesch – Nach 4000 Jahren Entschlüsselt (Gustav Lübbe Verlag, 1989)

¹⁰⁵ **Неолитическая революция** — переход человеческих общин от примитивной экономики охотников и собирателей к сельскому хозяйству, основанному на земледелии и животноводстве. По данным археологии, одомашнивание животных и растений происходило в разное время независимо в 7-8 регионах. Самым ранним центром неолитической революции считается Ближний Восток (т.н. Плодородный Полумесяц), где одомашнивание началось не позднее, чем 10 тыс. лет назад.

дееспособные мужчины занимались охотой, кочуя, вслед за дичью, по пространствам ойкумены. В пещерах же, помимо женщин, занимавшихся в пространстве локального ландшафта собирательством, из лиц мужского пола постоянно жили только дети и старики.

Если забота собирательниц и охотников о детях понятна, то старикам было нужно позаботиться о себе самим. Общественная ценность их – не в физической силе, а в жизненном опыте и профессиональных знаниях. Фактически, геронтократический патриархат начинается вместе с производящим хозяйством, на рельсы которого перевела человечество неолитическая революция. Переход от охоты и собирательства к животноводству и растениеводству требовал понимания закономерностей природных циклов, вписанных в макропроцессы небесной механики. Иначе говоря, был нужен адекватный сельскохозяйственный календарь.

Такой календарь и стал основой первой патриархальной религии неолита, традиции которой продолжают большинство существующих сегодня религиозных тел (корпораций общественного права). И практически все они ориентированы на приоритеты геронтократии, культ старчества, знания древних мудрецов преклонного возраста. Безусловно, в определенных дозах и аспектах современные религии содержат в себе также элементы древних матриархальных культов, магия которых была вытеснена впоследствии патриархальным гнозисом.

Современная наука насчитывает семь исторических центров автономного зарождения сельскохозяйственного производства:

12-10 тыс. лет до н. э. – Азия, Ближний Восток (Плодородный полумесяц)

7 тыс. лет до н. э. – Азия, Китай (долины рек Янцзы и Хуанхэ)

7-4 тыс. лет до н. э. – Азия, Новая Гвинея (высокогорья)

3-2 тыс. лет до н. э. – Северная Америка, Мексика (центральная часть)

3-2 тыс. лет до н. э. – Южная Америка (северо-запад)

3-2 тыс. лет до н. э. – Африка (южнее Сахары)

2-1 тыс. лет до н. э. – Северная Америка (долина реки Миссисипи)

По нашей логике, эти же регионы должны являться прародинами древнейших неолитических календарных культов и патриархальных религий, откуда они дальше распространялись в пространстве человеческой ойкумены, пересекаясь и взаимно влияя друг на друга. Но главное было не в их внешней образности или семантических особенностях паранаучного символического языка, но в том, насколько близко та или иная мифо-магическая система отражала действительные закономерности природных циклов, привязанных к ритмическим процессам небесной механики. Иначе говоря, кто лучше знает законы неба, тот ближе к истине. Во главе неолитического коллектива встал жрец-геронтократ, который владел тайнами не только календаря, но и архитектуры, поскольку сельскохозяйственные общины перешли от пещерного образа жизни к цивилизованному, т. е. поселенческому. Неолитическая стоянка представляет собой рукотворный объект, созданный с помощью продвинутых, в сравнении с пещерным веком, знаний и технологий.

Древнейшая неолитическая религия развилась на базе культа зерна, процесс производства которого, связанный с точным соблюдением

предсказанных жрецом сроков и приемов работ, был сакрализован и, со временем, обрел фору иносказательной мифологии и ритуалистики. В основе всякого подобного рода культа мы наблюдаем как бы разворачивающуюся циклически судьбу главного героя, состоящую в посеве, созревании, рождении колоса, жатве, новом посеве... Вместе с тем, зерно не посеянное, а обмолоченное и превращенное, посредством вмешательства огня, в хлеб, превращается в пищу человека, святое причастие, обретая как бы трансцендентное для «обычного» зерна измерение.

Не удивительно, что древнейшие святилища и храмы представляли собой зернохранилища общественного значения, вокруг управления которыми, собственно говоря, и сложился неолитический патриархальный культ зерна. Кто управлял зернохранилищами, думаю, читатель уже догадался. Вместе с культом зерна в неолите сформировался целый ряд других сельскохозяйственных и животноводческих культов, связанных с той или иной, сельскохозяйственной культурой или одомашненным животным. Одним из древнейших культовых животных отгонного скотоводства является коза (инварианты: баран, горный козел, архар). Другое известное культовое животное – конь.

В рамках земледельческих культов, на базе зернохранилищ, появились первые храмы как «дома бога» (зерна) или «жизни» (пищи). Отношение к зерну древнего человека было, воистину, мистическим. И для этого были свои веские основания. Для начала нужно себе представить роль злаковых в ранней истории человека. Около 20 тысяч лет назад, вместе с завершением очередного Ледникового периода, в ряде территорий планеты, сложился крайне благоприятный для человека режим пищевого парадиза, прежде всего – за счет изобилия съедобных злаков.

На территории Плодородного полумесяца, покрывающего пространство между Нилом и Евфратом, на протяжении нескольких тысячелетий злаки давали по несколько урожаев в год. Это позволило обитавшим здесь популяциям не только резко увеличить свое поголовье, заложив основы для будущих глобальных миграций, но и существенно снизить временные и физические затраты на поиски пищи. Ученые посчитали, принимая во внимание количество населения Плодородного полумесяца и приблизительную урожайность зерновых, что для создания годового продовольственного запаса на одного человека последнему нужно будет трудиться (на уровне технологий каменного века) не более двух недель. То есть, фактически, просто собрать и сложить зерно. На самом деле это все было просто как манна небесная, вечная пища.

Вероятно, это временное освобождение человека от битвы за существование, привело к увеличению времени досуга и, соответственно, стимулированию творческого мышления и изобретательства. Это тот самый парадиз, райский сад Эдем, где архаичное человечество существовало на всем готовом, в вечном блаженстве неги и прихоти. Вечный хлеб и вечное

вино – это и есть совершенное бытие античной философии, промыслительный образ Святого причастия как символа вечной жизни.

Тем не менее, такой божественный режим наибольшего благоприятствования, он же Золотой век, продолжался лишь до определенного момента, после которого, вследствие очередных макроклиматических изменений, урожайность «манны» начала снижаться (новый период глобального похолодания начался около 6200 года до н. э.). Только после этого человек был вынужден задуматься о проблеме своей продовольственной безопасности и овладеть первичными навыками производящего сельского хозяйства.

Научившись возвращать и обрабатывать зерно, древний человек воспринимал этот процесс как серию магических операций, имитирующих деятельность верховного творца вселенной. Сельскохозяйственные работы, в их наиболее архаичной форме, осуществлялись как особые ритуалы, сопровождаемые культовыми жестами и заклинаниями. Считалось, что чем корректнее исполнен ритуал, тем выше будет урожай. Очень важным было попасть точно в посевные и уборочные сроки, обеспечить строго дозированную ирригацию, предсказывать погоду и стихийные явления.

Храмы – это древнейшие центры зернопроизводства и одновременно – первые обсерватории, благодаря которым жрецы-астрологи рассчитывали отдельные закономерности в рамках агрикультурных циклов. В храме происходит апофеоз судьбы зерна – его воскрешение. Точно так же в храме воскресает Солнце, повторяющее на небе судьбу зерна с погребением и последующим возрождением. В астральной мифе вместо Солнца выступает уже антропоморфный солярный герой, передвигающийся в плоскости соответствующей семантической эклиптики.

Однако, неолитические культы не ограничиваются зернопроизводительной тематикой. Другой существенный аспект неолитической революции – животноводство, в том числе – отгонное. Древним популяциям скотоводов присущ культ одомашненного животного – тельца, коня, собаки. Причем религиозное служение у скотоводов осуществляется не в храме, а на специальной ритуальной площадке под открытым небом. Это связано с кочевым образом жизни большинства скотоводческих племен древности, перемещавшихся со своими стадами через еще малоосвоенные человеком пространства континентальной массы. У *скотоводов* был собственный календарь, построенный на лунных циклах и так же связанный с пониманием закономерностей небесной механики, но уже в контексте не «зернового», а «звериного» цикла.

В неолитическую эпоху скотоводческие племена кочевали к северу и к югу от земледельческого пояса между Восточным Средиземноморьем и

Северокитайской равниной. Древний социокультурный и магический антагонизм между земледельцами и скотоводами отражен, в частности, в библейском сюжете о Каине и Авеле. Причем история рассказана с позиций победивших скотоводов.

Кочевые пастушеские племена были в наименьшей степени подвержены матриархальному влиянию, т. к. оказывались во многом связаны мужскими традициями палеолитических охотничьих союзов. Часть этих союзов не приняла новшеств неолитической революции и еще долго следовала тропой охоты на диких животных, а впоследствии – и домашних, нападая на сельскохозяйственные поселения. Они образовали особую, военную касту, которая дала начало родовой военной аристократии (кшатриям) последующих веков бронзы и железа.

В среде кшатриев, в отличие от жрецов-брахманов, правят не старейшие, и даже не мудрейшие, а – славнейшие. Правит тот, кто наиболее достоин на текущий момент, в соответствии с кшатрийским инициатическим рангом. Это может быть как старец, так и младенец, но чаще здесь наибольшим авторитетом пользуются доминантные мужчины среднего возраста, полные физических и психических сил отстаивать свое военное лидерство. На следующей социальной ступеньке стоят земледельцы-вайшьи, основные клиенты жрецов-браминов. Их прерогатива – четкое исполнение сельскохозяйственных работ под чутким технологическим руководством жречества и кшатрийским щитом, прикрывающим поселенцев от несанкционированных набегов кшатриев иной сампрадаи (фамильной традиции). Еще ниже – слуги из касты шудр. К браминам они не имеют права даже прикасаться. Как и чандалы из внекастового общества – прикасаться к кастовым шудрам.

Разница между четырьмя варнами индусского общества считается онтологической. Санатана Дхарма освящает институционализированную сегрегацию социума по наследственным признакам, определяя допустимые биологические и культурные степени родства. При этом все четыре варны канонического индуизма следуют единой системе традиционной инициации, разделяющей весь период человеческой жизни на четыре ашрама, или стадии: детство-юность-зрелость-старость, которым соответствуют общественные статусы брахмачарина (ученика), грихастхи (домохозяина), ванапрастхи (отошедшего от дел главы семейства) и санньясина (ушедшего из семьи странника). Принимая санньясу, человек выходит из круга семейной ответственности и, тем самым, как бы оказывается вне кастовой системы, но не под, а над ней. В санньясе нет ни брахмана, ни шудры, здесь принципиально все равны. Санньяса – это почетный статус благочестивого старца, следующего Вечной Дхарме пробуждения внутреннего сияния атмана.

Индуизм как религия происходит из ритуала (Веды), который затем получает богословскую (Самхиты, Брахманы) и философскую (Упанишады) интерпретацию. Культовая примарность ритуала уходит корнями в ментальность человека каменного века, представлявшую собой радикальную форму магического сознания (онтологизация символического).

Исторически индуизм является синкретической религией, интегрирующей в себе культы разных исторических эпох и культур, начиная с прото-религии палеолита и заканчивая современными мистериями в духе Нью Эйдж.

Основными составляющими индуизма являются две фундаментальные религиозные традиции: городской культуры автохтонного населения Хараппы, восходящей к первым неолитическим поселениям долины Инда (начиная с VIII тысячелетия до н. э.) и кочевой культуры арийских племен, вторгшихся в Индостан около трех с половиной тысяч лет назад с территории Средней Азии.

Доарийская цивилизация Индостана развилась на базе одной из древнейших в мире неолитических культур, возникшей в нижнем и среднем течении Инда не менее десяти тысяч лет назад. Самое старое поселение этой культуры, Мергарх, датируется VIII-VII тысячелетием до н. э. Долгое время считалось, что традиции производящего хозяйства, перевернувшие общественный уклад всего региона, были принесены обитателями долины Инда из Плодородного полумесяца – древнейшего на земле эпицентра неолитической революции. Здесь самое старое поселение, Гебёкли-тепе, датируется IX-X тысячелетием до н. э. Однако в шестидесятые годы прошлого века на территории Северного Афганистана было раскопано неолитическое городище Ак-Кёпрюк, датируемое минимум IX тысячелетием до н. э., что поставило под вопрос прямой трансферт культурной традиции в долину Инда с Ближнего Востока. Не исключено, что обитатели Мергарха были в большей степени связаны с прото-цивилизацией Ак-Кёпрюка, лежащей в основе позднейших культур Бактрийско-Маргианского архитектурного комплекса.

Вместе с технологией зернопроизводства жители Индостана получили с Запада сельскохозяйственный календарь и методику наблюдения небесных явлений. Вероятно, жрецы древнего пояса неолитических поселений от Анатолии до Инда были интеллектуально связаны через общее понимание законов космоса. Звездочеты Вавилона и маги Мелуххи общались через эламитов и сабейцев.

Культ зерна процветал также в Египте, а позже был занесен с Ближнего Востока в Европу – на Балканы и северное побережье Средиземноморья. Таким образом, неолитическая религия, сакрализовавшая сельскохозяйственное производство как категорический приоритет человека (дхарма), распространилась от Иберийского полуострова до Бенгальского залива. Это была доарийская Евразия раннего патриархата, с сильным влиянием архаичной матриархальной магии (сбор снадобий и чародейство).

Доарийская «бронзовая» цивилизация долины Инда (3300-1300 до н. э.), судя по всему, прекратила свое «городское» существование еще до арийского вторжения на субконтинент, а местное население, по какой-то причине, вернулось от ремесленного производства к

сельскохозяйственному. Следующее тысячелетие считается эпохой «железной» ведийской цивилизации, связанной с расселением ариев на территории Индостана.

Индуизм, каким мы знаем его сегодня, окончательно сформировался в середине первого тысячелетия нашей эры, в результате синтеза доведийских культов с ведийской религией, испытавшей к тому времени мощное «разлагающее» влияние шраманских (т. е. отрицающих авторитет Вед) традиций буддизма и джайнизма, причем последний активно заимствовал отдельные элементы доарийской культуры Индостана.

В силу своей универсалистской установки, индуизм (санскр. *sanātana dharma*, «вечный закон») интегрировал в свой пантеон даже самого Гаутаму Будду как очередную (к настоящему моменту – последнюю) аватару Вишну, выступающую в данном случае как «божество обмана». Согласно вайшнавской теологии, в лице показного атеиста Будды бог Вишну испытывает своих преданных на верность. В Ведах и Бхагавата-пуране присутствуют имена некоторых джайнских тиртханкаров (учителей веры), в том числе – самого первого из них, Ришабхи (Ришабхадева), а книга тамильского поэта Тируваллуvara (предположительно от II в. до н. э. до VIII в. н.э.) «Тируккулар» считается в равной степени священной как у джайнов, так и у индусов.

У индусов, буддистов и джайнов существует несколько общих мест паломничества, из которых наиболее значимым является гора Кайлас, расположенная в Тибете, на расстоянии около ста километров к северо-востоку от Бадринатха. Индусы считают, что вершина Кайласа – это место медитации самого Шивы. Джайны полагают, что здесь медитировал и достиг освобождения их первый тиртханкар Ришабха (Адинатх). Согласно буддийской легенде, тут обитает тантрическое божество Самвара (Чакрасамвара), представляющее собой эманацию Будды Шакьямуни, обучающего йоге самого Шиву и его супругу Парвати. Кайлас также почитается в качестве священной вершины последователями древней тибетской (индоиранской по происхождению) религии бон. Они верят, что именно здесь сошел с небес на землю основатель бонской традиции пророк Шенраб.

Шанкарачарья до такой степени ювелирно совместил интеллектуальное наследие брахманизма (поздняя стадия ведийской религии), буддизма и джайнизма (предшественника буддийской метафизики и космологии), что до сих пор многие индусы принимают его за тайного буддиста. Именно с него начинается эпоха собственно индуизма как синкретической религии неоведического профиля (т. е. признающей авторитет Вед), принципы которой сформулированы в философии веданты (букв. «завершение Вед»). Шанкара в течение своей короткой жизни (33 года) основал на территории

Индии четыре коренных матха (санскр. «монастырь, религиозный институт») адвайта-веданты, локализация трех из которых соответствует местам Большого чар-дхама: Пури (восток), Дварака (запад) и Бадринатху (север). Южный матх был основан в городе Шрингери (Карнатака).

II. 7. Пандукешвар: ущелье Рудры

Наша задача – добраться до Бадринатха засветло, поскольку в темное время суток по гималайским дорогам передвигаться очень опасно. Тут и оползни, и камнепады, и размывающие трассу горные водопады, и встречный транспорт... А смеркается здесь уже после шести вечера. Не доезжая Девапраяга, мы уже попали в один камнепад. Вернее, наблюдали его последствия. Бульдозер отгребал огромный завал, где обрушившиеся сверху куски гранита достигали величины быка. Но здесь нам, можно сказать, еще крупно повезло. Поначалу водитель сказал, что это пробка часа на два минимум, но в действительности, как оказалось, работы уже заканчивались. Бульдозеру, работавшему с крупными осколками, помогало человек двадцать рабочих с кирками и лопатами. Они раскалывали более мелкие глыбы на части и относили их в сторону. И все это на солнцепеке, при тридцатиградусной жаре! Простояв минут двадцать, мы, наконец, медленно двинулись вслед за стоявшими перед нами пятью-шестью автомобилями, в основном из породы горных джипов.

После Девапраяга мы еще два-три раза оказывались в аналогичной пробке, но никогда не приходилось ждать больше двадцати минут. Нам явно везло. Ведь еще в Ришикеше Радж предупреждал, что в результате сильных дождей (а ведь август – это вполне муссонный сезон) оползни и камнепады сделали все гималайские трассы крайне опасными и малопроездными. Рейсовые автобусы здесь почти не ходят, да и частные машины периодически застревают в заторах от нескольких часов до нескольких дней. Незадолго до нашего прилета в Индию, в районе Ганготри – другой важной точки Малого чар-дхама – в пропасть упал большой автобус с паломниками.

Таких ужасов – Господь миловал! – нам видеть (тем более – пережить) не пришлось, но перевернутый бензовоз (надо думать, без бензина!) нам все же попался на глаза. В этом месте, в результате размывания грунта, полдороги как бы просело, образовав гигантскую ступеньку где-то в сотню метров длиной. Бензовоз, вероятно, находился ровно посередине линии разлома и просто опрокинулся набок, а потом, по инерции, лег на крышу. Так он и лежал вверх колесами, но никаких технических работ по выравниванию дорожного полотна здесь не происходило. Шоссе в этом месте достаточно «широкое», миновать место аварии можно вполне. А ведь сколько по всей трассе ежедневно возникает реальных заторов!

Наконец, мы миновали Джошиматх – последний крупный «город» на пути к Бадринатху. Здесь, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, находится один из четырех главных монастырей-матхов адвайта-веданты, основанных по инициативе самого Шанкарачарьи. Это так называемый Северный матх (uttarāmnāya matha), самый первый из всех, который иначе

называется Джйотирматх. Однако, учитывая сложную обстановку на дорогах и относительно позднее время, я решил сейчас здесь не останавливаться и посетить это фундаментальное для всей традиции адвайта-веданты место на обратном пути. До конечной цели остается меньше пятидесяти километров. Это, учитывая резкий подъем по горному серпантину на финальном отрезке пути, может занять часа два, а то и больше. Но пока мы едем вниз и дальше, набирая скорость, проносимся по хорошему покрытию, в горизонтальной плоскости и слегка петляя, под нависшими сверху, прямо над дорогой тяжелыми скальными массивами. Ох, если такая упадет – мало не покажется!

Нас в очередной раз обгоняет группа сикхских мотоциклистов под оранжевыми стягами духовной победы над майей. Где-то здесь, недалеко, должна быть означенная на карте большая гурдвара, а сразу за ней – висячий мост на ту сторону Алакнанды, за которым начинается подъем к святыне Хемкунд Сахиб, стоящей на берегу высокогорного озера. Постепенно накатывают тучи, начинает накрапывать мелкий дождик. Мы проезжаем гурдвару, потом очередную горную деревушку, еще одну... Впереди, прямо по курсу, стоит большая группа полицейских и еще какие-то люди. На обочине дороги – с десятков автомобилей и микроавтобусов. Ифтихар останавливается:

– Пойду, погляжу, что там впереди. Вероятно, опять оползень...

Прямо отсюда ничего не видно, поскольку в ста метрах от нас начинается резкий поворот. Через пять минут водитель возвращается:

– Ну да, авария. Там лежит на боку совсем разбитая машина. Джип, такой же как наш. А впереди дорога немного раскисла, полиция ее перекрыла.

Мы с Филиппом тоже выходим из машины, идем посмотреть, что же там впереди такое делается. За поворотом, действительно, лежит на боку совершенно смятый в лепешку джип. И откуда он сюда упал? Сверху? Но дорога идет прямо, наверху, кроме голых скал, ничего нет. Может быть, это его так камнепад покалечил? Во всяком случае, вряд ли это произошло сейчас, поскольку вокруг нет ни камешка. Значит – дело прошлого и дорога закрыта не поэтому. А вот оползень – это реально, да еще как! Дождь усиливается. Я спрашиваю у полицейского офицера, что здесь происходит, почему закрыта дорога?

Оказывается, прямо по курсу – опасный камнепад. Где-то на протяжении полукилометра. А дальше – снова все спокойно. Причем сама полиция – из Бадринатха. Они приехали по делам в Пандукешвар (т. е. последний населенный пункт, который мы миновали), но вернуться назад никак не получается. Вот, думают: ехать дальше или не ехать? Тут я вижу, как с той стороны сюда бежит человек. Заметив его, полицейские и публика начинают громко подбадривать бегуна. Офицер мне поясняет: в принципе, эти полкилометра можно пройти пешком, а на той стороне, наверняка, есть какие-то машины, которые точно так же застряли. Но они вполне могут довезти нас с Филиппом до Бадринатха. Да, идея хорошая, был бы я один...

А так – переться с ребенком, да еще с рюкзаками, под угрозой камнепада или вообще лавины, да еще под дождем, на ночь глядя... Ну и за машину уже заплачено, а тут придется снова разориться...

Ифтихар рвется на прорыв. Ведь через час уже стемнеет, а значит – он потеряет весь завтрашний день. Ему, по контракту, нужно меня доставить: хоть за день, хоть за три, все зависит от состояния дороги. Поэтому всякая задержка – не в его пользу. Полицейские готовы нас пропустить, на собственный страх и риск. Попробовать, что ли? Ведь до цели осталось каких-нибудь двадцать километров! Мы залезаем назад в машину, Ифтихар молится Аллаху и нажимает на газ. Джип, урча, дергается вперед, из-под колес во все стороны летят мелкие камни и мокрая грязь. Но едва мы собрались миновать полицейское заграждение, как буквально в полусотне метров перед нами на дорогу обрушился сильнейший камнепад. Все вокруг громко закричали, Ифтихар резко нажал на тормоз. М-да, явно нелетная погода!

Одним словом, мы вернулись в Пандукешвар, чтобы с утра пойти на новый прорыв. Здесь мы устроились в небольшой гостинице, прямо у дороги, буквально напротив полицейского поста. Сами полицейские тоже вернулись в поселок и сказали, что как только дорога будет открыта, они нас известят и даже культурно сопровождают до самого Бадринатха. Тем временем совсем стемнело, на небо, из-за черных гималайских хребтов, взошла сильно возросшая луна, осветив несколько дальних снежных пиков серебром волшебного нектара Амритамайи¹⁰⁶.

Мы с Ифтихаром и хозяином гостиницы сидим на террасе, пьем чай. Вдруг я слышу где-то совсем рядом с нами чудовищный грохот, будто бы из пушки палят. Все вскочили, лихорадочно оглядываясь вокруг. И тут – снова грохот. Я смотрю в направлении источника шума и вижу в белом лунном свете, что склон гигантского скальника по ту сторону реки, прямо напротив нас, охвачен как бы дымом и пламенем. Ух ты! Прямо не знаешь, то ли бояться, то ли радоваться... Первым делом в голову приходит ассоциация с ведическим Рудрой, грозой горных массивов. И снова грохот, снова дым, в клубах которого мерцают огненные вспышки. Такое ощущение, что склон подвергается интенсивному артиллерийскому обстрелу. «Камнепад, камнепад!» – кричит хозяин отеля.

Тут мне все становится более-менее ясно: ведь это просто рушащиеся скалы высекают друг из друга бесчисленные искры, а кажущийся дым – это поднятая огромными глыбами пыль! Вот такой разгул стихии. Можно сказать, действительно Рудра, собственным лицом, явился напомнить о себе смертным обитателям долины священной Алакнанды. Будь на той стороне реки дорога – ее бы пришлось не просто восстанавливать, а, вероятно, полностью строить заново! Все это стало поводом заказать еще

¹⁰⁶ **Амритамайя** (санскр. अमृता माया) – индуистское божество Луны. «Луна — господствующее божество ума, и поэтому бог Луны называется Маномайя. Он — Аннамайя, ибо дает силу всем растениям, он — Амритамайя, ибо источник жизни всего живого» (Бхагавата-пурана)

чаю и продолжить беседу о превратности земных судеб и непредсказуемости воли небес...

Вернувшись в номер, я застал Филиппа уже спящим. Однако, вместо того, чтобы сразу лечь, я сел медитировать, стараясь настроиться на магического хозяина местности, дабы попросить его открыть нам дорогу в заповедный Бадринатх. В том, что такой хозяин действительно существует, у меня не было ни тени сомнения. Тем более, что мне уже приходилось переживать подобный опыт.

«С утра мы обнаружили, что все подходы к перевалу завалило снегом, а черные тучи, нависавшие над нашим высокогорным цирком, обещали новые сюрпризы. Мы рассудили подождать и на перевал не идти. Это оказалось правильным решением, так как к середине дня сошла лавина, и если бы мы в то утро выступили, то, возможно, оказались бы как раз в неправильное время в неправильном месте. На следующую ночь Ирине приснился дух-хранитель перевала в облике великана — в звездном плаще, с Луной и Солнцем на золотой цепи в виде нашейного украшения и искрящимся волшебным посохом в руке. Дух сказал, что путь на перевал свободен. Мы решили выступить. И правильно сделали. Пройдя основную часть лавиноопасного склона и оказавшись уже непосредственно возле перевала, мы обнаружили с высоты своей позиции, что лавины-таки сошли, и вероятно — сразу же после нашего прохода.»¹⁰⁷

Я устроился поудобнее у себя на кровати и закрыл глаза. Спонтанно мне в голову пришла мысль, что обращаться за помощью надо к самому Нараяне, ибо это же именно его места, именно здесь предавались аскетическим подвигам его многочисленные почитатели типа риши Нарады, Вьясы, Мадхвы, Бабаджи и другие. Тут же в сознании проявилась и соответствующая мантра: Om Badrinarayanaaya Namah! Бадринараян – это ипостась Вишну-Нараяны, которой поклоняются в главном мандире Бадринатха. Его и нужно просить о помощи. В сущности, это моя первая гималайская медитация. Дышится здесь легко и свободно, горный воздух известен своими целебными свойствами. Комаров и прочей летучей живности тут нет. Просто идеальные условия!

Рассветает тут часам к шести, я проснулся около семи. Открываю глаза и в окне, прямо с кровати, вижу... огромное лицо, как бы приложившееся на склон горной гряды, словно на подушку. Очень интересно! Приглядываюсь – а лицо начинает обретать все более и более четкие очертания. Боже ж ты мой, прямо на меня глядит чем-то похожий на неандертальца гигант! Такое зрелище нельзя так просто пропустить. Я вскочил на ноги и бросился за камерой. Подбежал к окну, навел объектив... В действительности это, конечно, игра утреннего тумана, облаков и замысловатого горного рельефа, что дает в совокупности эффект титанической головы. Пока я настраивал камеру, лицо начало размываться, но пару кадров мне все-таки удалось сделать. Разумеется, еще лежа в кровати, я сразу смекнул, что это и есть Хозяин перевала, явившийся мне с утра сообщить о том, что дорога открыта. Так оно и оказалось. Снизу, из-под окна доносится голос Ифтихара:

– Мистер Владимир, дорога открыта, мы можем ехать!

¹⁰⁷ Из книги автора «Тропой Священного Козерога»

Быстро собираемся, пакуемся и выскакиваем на улицу. Дорога каждая минута, дорога в любой момент может снова стать непроходимой (точнее, не проезжаемой). Ифтихар нас ждет. Полицейские только что уехали. Мы с Филиппом бросаем рюкзаки в задний отсек джипа. Он уже оказывается плотно загруженным мешками с цементом. Видимо, это Ифтихар решил подхалтурить. Ну да, Индия! Главное сейчас – проскочить опасный участок, а там до цели и рукой подать. Трогаемся. Через пять минут мы у цели. Полицейское ограждение снято. Мы подъезжаем к тому месту, откуда вчера вернулись назад. Притормозили. Ифтихар внимательно вглядывается вперед, шарит взглядом по склонам: нет ли селей, все ли в порядке? Вроде как можно ехать. Я сказал «иншаллах» и провел ладонями по лицу. То же самое сделал наш водитель. Мотор взревел, джип рванул вперед.

Опасный участок – это неровная грунтовка, шириной едва с ось нашей машины. Слева над нами нависают устрашающие скалы, с которых льется вода, справа – шумящий каньон бурной Алакнанды. Тряска в кабине – двенадцать баллов. Ифтихар ведет машину, периодически пригибаясь и поглядывая вверх на скалы: не грозит ли оттуда какая-нибудь опасность? Навстречу нам, с той стороны, идет какой-то садху. Из-под огромного тюрбана торчит нечесаная борода, из-под оранжевой тоги – худые босые ноги. Он идет совершенно не торопясь. Садху – ему все пофигу! Вера в судьбу оставляет его равнодушным перед лицом грозящих сверху опасностей. Ифтихар притормаживает, чтобы пропустить путника. Иначе тут не разойтись-не разъехаться.

В этот момент сзади нас, метрах в десяти, с шумом, хотя и без искр, сходит мощный камнепад. Огромные валуны, частично завалив дорогу, проносятся в бурлящую реку. Ифтихар громко сигнализирует, а садху как нарочно застрял на месте. Он что-то высматривает на земле перед собой, словно обронил кошелек. Ну да, камни-то острые, а он – босиком. Так просто не шагнешь. А сзади нас снова летят вниз горные породы. Да, думаю, попали! Выскочить, что ли, и пробежаться вперед на своих двоих, а джип – если не сплющит или не снесет – догонит?

Ифтихар сигнализирует, садху тормозит. Я кричу шоферу: давай, газуй, он сам отскочит! Ифтихар газует, но колеса прокручиваются на месте, и машина с места никак не двигается, лишь раскачивается туда-сюда. Видимо, попали колесами между камнями, а джип-то груженный! Эти мешки по весу, все вместе, на полтонны потянут, а то и поболее! Вот же, блин, угораздило! М-да, жадность фраера погубит... Садху, тем временем, сдвинулся с места и, совершенно не глядя на нас, прочапал мимо. Ифтихар выключил мотор, снова его включил и опять нажал на газ. Нет, ну должны же мы отсюда выехать! Не зря Хозяин с утра явился. Ом Бадринараяная намах! Машина и в самом деле медленно пошла вверх, затем, чуть скособочась, перевалилась через какой-то каменный барьер и снова медленно двинулась вдоль каньона. Я выглянул в окошко. Колеса шли вплотную к обрыву, да еще поток воды со скал усилился, превратившись, по сути, в сплошной водопад. В такой ситуации даже по сторонам смотреть бессмысленно, остается лишь молиться или повторять защитную мантру.

Филипп, надо сказать, вел себя совершенно спокойно, не паниковал, не хныкал. Знает ребенок: если папа рядом – все будет о'кей. Так оно и было. Мы проехали опасный участок «без потерь», а оказавшись на той стороне, в самом деле, увидели два десятка джипов, автобусов и еще разных транспортных средств, на которых люди из Бадринатха двигались в сторону Пандукешвара. Еще удивительнее было то, что – как выяснил попутно Ифтихар у кутивших рядом со своими тачками водителей – дорога вновь была закрыта. Они и не удивительно, учитывая, что мы только что, своими глазами, видели всю убойную силу крутых гималайских камнепадов. Можно сказать, проскочили в игольное ушко.

Дальше было ехать – просто одно удовольствие. Дождик утих. Дорога некоторое время шла вдоль реки, мы переехали через железный мост и миновали небольшую гидроэлектростанцию. А дальше начался резкий подъем. В считанные минуты каменное русло Алакнанды оказалось далеко внизу, а открывавшийся нашим взорам пейзаж становился все круче и круче – и в прямом, и в переносном смысле слова. Местами вдоль трассы попадались небольшие кумирни под красно-бело-красными индусскими знаменами, с отвесных скал ниспадали фантастической красоты водопады, а еще чуть дальше, из-за ближних серо-зеленых хребтов появились первые, убеленные снегом, пики высшей категории. Вот они, реальные Гималаи! Вспомнились стихи в стиле хайку, написанные мной сорок лет назад, в родном Таллине:

Снежинка упала на ладонь и растаяла...
Высоки снежные вершины Гималаев!

И вот уже, из-за неспешно рассеивающихся туч, выглянуло яркое горное солнце. Еще немного – и подъем закончен, мы движемся почти по горизонтали. Легкий поворот руля... «Бадринатх, – радостно восклицает Ифтихар, – мы почти у цели!» Я выглядываю в окно и в самом деле вижу заветный город на крутых берегах священной реки, протекающей сквозь широкую долину в окружении зеленых хребтов, украшенных двойкой-тройкой, искрящихся в лучах бессмертного Сурьи белым снегом, пиков.

II. 8. 1. Бадринатх – священный город Вишну

«Верховный Господь, воплотившийся в образе мудрецов Нары и Нараяны, с незапамятных времён совершает великие аскезы на благо всех дорогих Его сердцу живых существ»

Бхагавата-пурана (3.4.22)

Бадринатх расположен в верховьях долины реки Алакнанды, сбегаящей на зеленеющие южные склоны Гималаев с ледников Тибетского нагорья, в районе Кайласа – священной горы четырех религий: индуизма, буддизма, джайнизма и бон. Согласно Пуранам, это место в разные юги¹⁰⁸ называлось

¹⁰⁸ Юга (санскр. युग, युगा, букв. «пара», «ярмо», лат. *iugum*) — в космологии индуизма — мировой век. Индуизм называет четыре юги, сменяющие друг друга циклически в указанной последовательности: Сатья-юга или Крита-юга, Трета-юга, Двапара-юга, Кали-юга. В каждой последующей из юг внутри цикла понимание истины и нравственность

по-разному: Муктипрада (Сатья- или Крита-юга), Йогасиддхи (Трета-юга), Вишала (Двапара-юга) и Бадрикашрам или Бадринатх (Кали-юга). Этот один из наиболее священных городов индуизма лежит на склонах гор Нара и Нараяна, расположенных по разные стороны потока. Нара-Нараяна¹⁰⁹ – двуединое воплощение Вишну в виде божественных риши-близнецов, при этом Нара отождествляется с атманом (индивидуальной душой), а Нараяна – с Параматманом (универсальной душой). Это разделение отражено в самой этимологии данного имени, где «нара» означает на санскрите «человек», а «нараяна» – «владыка людей».

Как сообщают пуранические легенды, Нара и Нараяна родились в Бадринатхе, и здесь же они призваны обитать и совершать свою йогическую аскезу (тапасью) вплоть до самого конца Кали-юги, помогая людям достичь духовного освобождения (мокши). В этом сюжете мы видим отражение традиционного представления о том, как медитация гуру помогает ученикам войти в мистический резонанс с самадхи мастера. Инвариантами инициатической связки шишья-гуру (ученик-мастер) или дживатман-Параматман (индивидуальная-космическая душа) выступают образы Рамы-Лакшманы или Кришны-Арджуны.

Некогда бог Вишну, в ипостаси Господа миров Нараяны, пришел в верховья Алакнанды для медитаций. Вот сидит он, медитирует, а погода в этих местах не жаркая. Задувает с ледников. Тогда жена Вишну, богиня Лакшми, обернулась деревом бадри с густой листвой (развесистая клюква), которое и прикрыло медитирующего Нараяну от пронзительного ветра. Отсюда и название знаменующего это событие образа медитирующего бога: Бадри-Нараян. Можно обратить внимание на имеющую здесь место интересную знаковую аберрацию: дерево-Лакшми, изначально прикрывшее Нараяну от ветра, впоследствии стало изображаться как тысячеглавый змей-Шеша. Древо жизни и Древо мудрости: аналогии прямые. Точно так же изображают медитирующего Будду: то в тени дерева Бодхи, то под сенью голов Шеши. Очень древняя образность, восходящая к истокам гностической мысли...

Мы въехали в город и минут через пять остановились у небольшого трехэтажного здания с вывеской над входом: «Nanda Devi Guest House».

– Все, приехали! – сказал Ифтихар.

– Ты уверен, что мы остановимся именно здесь?

– Это здесь самое лучшее для вас место. Я хорошо знаю город, часто сюда вожу паломников.

Мы вышли из джипа. Погода стояла ветреная, но солнечная. Душной жары как в Ришикеше не было и в помине. Ну, это уже вселяет надежду! К нам тут

уменьшаются, а невежество растёт. Конец Кали-юги должен ознаменоваться появлением Калки, 10-й аватары Вишну, очищающего мир и начинающего новую махаюгу.

¹⁰⁹ **Н́ара-Нара́яна** (санскр. नर-नारायण; nara-nāgāyaṇa) — одна из форм Бога в индуизме, двуединое воплощение Вишну в образе двух риши-близнецов, чьей миссией является защита дхармы и благочестия.

же подошло два-три местных хлопца. Ифтихар что-то с ними переговорил на хинди.

– Вот администратор гостиницы. Он вам все покажет и расскажет.

Администратора звали Ратниш. Это был невысокий молодой парень, очень вежливый. Я, откровенно говоря, не был уверен, что это именно та гостиница, о которой я мечтал на пути в Бадринатх. Мне представлялись апартаменты в самом центре городка, с прямым видом на храм, а тут какая-то коробка на окраине...

– Давайте, я вам сначала все покажу, а потом вы решите, как быть!

Ратниш повел нас вовнутрь строения. Мы поднялись на галерею второго этажа, администратор открыл дверь номера.

– Вот тут вам будет хорошо, мандир виден прямо из окна!

Я зашел в апартамент. Две кровати, диван, журнальный столик. На стене плазма. Подхожу к окну – и моему взгляду открывается абсолютно фантастическая картина: прямо напротив, чуть внизу, за как бы волнующейся поверхностью серо-розовых шиферных крыш, абсолютным алхимическим золотом сверкала отраженным солнцем кровля мандира! А дальше, во всю ширину обзора, вставала зеленеющая стена гималайского хребта, верхняя часть которого была укрыта оседающим белым туманом коагулированных небесных вод космического вседержителя Варуны¹¹⁰.

– Да, о'кей, меня устраивает! Горячая вода есть?

– Есть, конечно! Вот душевая.

В этом отеле из двенадцати номеров мы с Филиппом были на этот момент, практически, единственными постояльцами. Как сказал Ратниш, дорогу размыло, оползни, паломников нет. Весь город пуст. За исключением местных. Совершенно пустым оказался и большой вегетарианский ресторан «Сардешвари», прямо напротив нашей гостиницы. Место чистое, нормальное меню. Высокогорье: здесь ни мух, ни насекомых. Благодать! При желании заказ могут принести прямо в номер.

Ратниш отрядил мне человека, дежурного на рецепции, который должен был отвести меня в храм и представить браминам. То есть я тут не просто так, а гость заведения, уважаемое лицо из самого Лондона! Восток – дело тонкое, люди придают этикету немалое значение, даже в мелочах. Я уже

¹¹⁰ **Варуна** (др.-инд. वरुण, *varuṇa*) в Ведах — верховный хранитель справедливости и судья, а также бог мировых вод; он имеет тенденцию к совмещению этих функций, но в то же время он в первую очередь Бог-Владыка. Варуна — старший из братьев-Адитьев — наряду с Индрой являлся одним из главных богов ведийского пантеона, только Индру и Варуну называют «вседержителями» В зороастризме – одно из 101 имени Ахура-Мазды.

успел заметить, что все индийцы (по крайней мере те, с которыми мне до сих пор приходилось иметь дело) крайне сдержаны и вежливы. И одновременно – любопытны. Весьма дружелюбны, но не навязчивы. Не грузят, не хамят, очень тонко чувствуют собеседника. В меру наивны, но не идиоты. Ратнишевский привратник практически не говорил по-английски, но обращенные к нему просьбы понимал, реагируя на них жестами и односложными ответами: «нет», «да», «о'кей», «хорошо» и т. п.

Мы вышли из отеля и пошли вниз по склону. В ста метрах ниже находилось нечто вроде площади, обставленной невысокими домиками, первые этажи которых сплошь занимали разные лавки и чайные. Сразу за площадью начиналась прибрежная променада, а точнее – узкая улочка вдоль крутого скалистого берега Алакнанды, с точно такими же домиками. Только лавки здесь были сплошь и рядом сувенирные, разукрашенные яркими, блестящими лентами, золотящимися платками, новогодним дождем, набитые всевозможной женской бижутерией, бусами, браслетами, серьгами и кольцами, заставленные многочисленными фигурками и иконками многочисленных индуистских божеств разной формы и величины.

Напротив лавок, вдоль всей набережной, стояли оборванные нищие с протянутыми руками: босые, замотанные в какие-то дхоти¹¹¹, с тюрбанами на голове. «Хари Ом! – кричали они, – мани-мани!» Кроме этих нищих и торговцев в лавках на улице, практически, никого не было. Мы – чуть ли не единственные прохожие. Ну да, дорога на Бадринатх снова закрыта... Пройдя еще метров сто вниз по улице, мы оказались у большого пешеходного моста, у которого нищих было особенно много. А на той стороне реки, на высоком скалистом берегу, возвышался тот самый храмовый комплекс, ради которого я прибыл в этот удаленный уголок Индостана с противоположного конца Евразии.

Прейдя этот висящий над бурными водами мост, мы прошли вдоль набережной, сквозь белый пар расположенных вдоль нее священных купален – Тапта- и Нарада-кунды. Это два каменных бассейна, где-то пять на пять метров каждый. Первый под крышей, второй – под открытым небом. Рядом с Тапта-кундой, под растянутым пластиковым тентом, расположились вайшнавские музыканты, исполняющие духовные бхаджаны¹¹². Звуки мриданг¹¹³, цымбал и фисгармонии плывут над серой

¹¹¹ **Дхоти** (хинди धोती, dhotī) — традиционный вид мужской одежды, распространённый в Южной и Юго-Восточной Азии, в частности в Индии. Представляет собой прямоугольную полосу ткани длиной 2—5 м, обёртываемую вокруг ног и бёдер с пропуском одного конца между ног.

¹¹² **Бхаджан(а)** (хинди भजन от санскр. भज bhaj «почитать») — религиозное песнопение поэтов традиций бхакти в индуизме. Термин «бхаджана» часто используется как синоним «киртана».

Алакнандой, бегущей вниз, к Девапраягу, где, сливаясь с голубой Бхагиратхи, она превращается в священную Гангу.

Мы поднялись по широкой лестнице, с многочисленными факирами и садху на ее ступенях, на просторную площадку перед храмом. Мой проводник объяснил, что фотографировать храм позволительно только с этого места. Внутри всякая съемка запрещена. Перед нами, во всей своей красе, возвышалось трехэтажное строение из серого камня, с расписными сине-желто-красными резными наличниками на окнах и большой узорчатой аркой входа. Эта арка была увенчана как бы трехдольной башенкой с огромной золотой буквой **ॐ** (Ом)¹¹⁴ посередине.

Сняв на площадке обувь, мы поднялись по двенадцатиступенчатой лестнице ко входу в святилище. Пройдя под большим медным колоколом и сквозь тройную аркаду, я очутился во внутреннем храмовом дворе, а прямо передо мной возвышался, словно сотканный из снов, заповедный Бадринараян-мандир из серого камня с возвышавшейся над ним башней, покрытой чистейшим сусальным золотом. Прямо по курсу располагались главные, восточные врата храма, но они были закрыты. Мы обошли строение справа и оказались перед северным входом в мандир. Три ступеньки – и вы на пороге чуда. Привратник первым шагнул в темное пространство трансцендентального корабля и жестом пригласил меня следовать за ним...

Внутри святилища царил полумрак. Единственным источником света, кроме нескольких масляных светильников на алтаре, были открытые северные и южные двери храма. В воздухе висел густой запах мирра и ладана – ароматического масла и аграбатти. Алтарная часть располагалась на западе, напротив главного, восточного входа. В плане мандир представляет собой святилище квадратной формы (санскр. гарбхагриха¹¹⁵), к которой пристроен квадратный, только несколько больших размеров, корабль, или молитвенный зал для верующих (санскр. मण्डप, mandapa). Сам корабль имеет четыре несущие каменные колонны, украшенные резными

¹¹³ **Мрида́нга** (санскр. mṛdanga — от мрид («глина» или «земля») + анг («тело») — индийский музыкальный инструмент (барабан), распространён в основном в Южной и Восточной Индии.

¹¹⁴ **Ом** (санскр. ॐ) или **Аум** — в индуистской и ведийской традиции — сакральный звук, изначальная мантра, «слово силы». Часто интерпретируется как символ божественной триады Брахмы, Вишну и Шивы. Используется в практиках йоги и техниках медитации. В соответствии с ведийским наследием, считается, что звук *ом* был первым проявлением не явленного ещё Брахмана, давшим начало воспринимаемой Вселенной, произошедшей от вибрации, вызванной этим звуком.

¹¹⁵ **Гарбхагри́ха** (санскр. गर्भगृह, «держатель зародыша», «чрево храма») — святая святых индуистских храмов, кубическое святилище, в центре которой находится мурти основного божества.

изображениями божеств индуистского пантеона. Над гарбхагрихой возвышается башня в форме вытянутого эллипса, с небольшой деревянной надстройкой и крытая квадратной позолоченной кровлей с фигурным шпилем. Эта башня называется шикхара (вимана) и традиционно формируется за счет последовательно накладываемых друг на друга квадратных рам постепенно уменьшающегося размера. Чисто конструктивно это напоминает «окно» традиционного памирского дома, которое располагается над очагом квадратной формы в центре жилого помещения.

Святилище отгорожено от остальной части храма подобием массивных Царских врат¹¹⁶, над которыми можно прочесть санскритскую надпись: «ॐ नमो भगवते वासुदेवाय»¹¹⁷. По обе стороны от Царских врат стоят скульптуры Джая и Виджая в человеческий рост – божественных хранителей святилища, инвариант небесных близнецов, вооруженных палицами и другими орудиями кшатрийского труда. Перед гарбхагрихой, отделенной от корабля широким, в полметра высотой, каменным порогом, перпендикулярно расположены две скамьи, на которых, поджав ноги, восседают служители храма – брамины. А перед самими скамьями стоит большой прозрачный сундук для пожертвований, на крышке которого находится большое блюдо с мелконарезанной зеленью. Это прасад¹¹⁸ из листьев туласи, которые выдаются посетителям в обмен на жертвования храму. На стуле перед сундуком, тоже с поджатыми ногами, восседают еще один служитель, распределяющий прасад и ставящий на лоб жертвователям священный знак (санскр. тилака¹¹⁹).

Привратник что-то говорит с одним из брахманов, потом подзывает жестом меня. Брамин относительно неплохо владеет английским. Уже теплее. Спрашивает меня, кто, откуда, зачем... Я объясняю, что приехал сюда за личным опытом, чтобы потом написать про Индию книгу. Брамина зовут

¹¹⁶ **Царские врата** — двустворчатые двери напротив Престола (в алтаре), главные врата иконостаса в православном храме. Царские врата ведут в алтарную часть храма и символизируют собой врата Рая.

¹¹⁷ **Oṃ Namo Bhagavate Vāsudevāya** – Ом, почтение Господу Васудеве (т.е. Кришне как «сыну Васудевы», Vāsudeva). Имя Васудева (Vasudeva) означает «живущий повсюду», что указывает на всепроникающий аспект Бхагавана — Параматму.

¹¹⁸ **Прасáда**, также **прасáд**, **прасáдам**, **прашад** (санскр. प्रसाद, prasāda — «божественная милость», «божественный дар») в индуизме — вегетарианская пища, предложенная божеству (мурти) в храме или в домашних условиях и распространяемая после этого среди верующих как духовный и священный дар, как символ божественной благодати.

¹¹⁹ **Тíлака** или **тíлак** (санскр. तिलक, tilaka, бенг. тика) — священный знак, который последователи индуизма наносят глиной, пеплом, сандаловой пастой или другим веществом на лоб и другие части тела. Виды тилаки отличаются у последователей разных направлений индуизма и, среди прочего, служат опознавательным знаком, говоря о принадлежности к той или иной религиозной традиции.

Пандит (титул) Бхуван Чандра Униял Дхармаджикари. Он подводит меня к Царским вратам, мы садимся прямо на пол у самого порога. Мастер подробно объясняет, чьи мурти стоят на алтаре.

Вот в центре – сам Шри Бадринараян. Практически все его тело закрыто шелковой тканью, поверх которой надет множество венков из листьев туласи и красно-желтых цветов. На голове Черного идола покоится огромная, украшенная драгоценными камнями корона, очень похожая по форме на русский кокошник. Собственно, от самого мурти можно разглядеть лишь маленький фрагмент лица, величиной с детскую ладонь. Слева от Бадринараяна – фигуры бога богатства Куберы¹²⁰ и Гаруды¹²¹, ваханы (ездового животного) Вишну. Справа от мурти Бадринараяна – Нар-Нараян, Уддхава¹²², апсара¹²³ Урваши¹²⁴ и мудрец Нарада¹²⁵. Все они тоже, практически полностью, скрыты под шелком и венками.

xxx

Нарада-муни, автор «Рамаяны» и один из легендарных саптариши¹²⁶ – семи риши, рожденных из ума Брахмы – в своей земной форме был сыном служанки (его имя означает на санскрите «низший из людей»), который еще маленьким мальчиком, после смерти матери от укуса ядовитой змеи, скитался в Гималаях в поисках духовного просветления. В Махабхарате встречается рассказ о посещении Нарадой Бадарикашрамы с целью

¹²⁰ **Кубэра** (санскр. कुबेर — «имеющий уродливое тело») — одноглазый бог богатства и светлокожий владыка (махараджа) севера (один из локапалов), повелитель якшей, киннаров и гухьяков, дхармапала.

¹²¹ **Гаруда** (санскр. गरुड, garuḍa, «всепожирающее (Солнце)») — в индуизме ездая птица (вахана) бога Вишну, борец со змеями-нага. В буддизме Ваджраяны — идам, один из символов просветленного ума.

¹²² **Уддхава** (Uddhava) также известен как **Раванаядхи** — герой из пуранических текстов индуизма, где он описывается как друг (по некоторым версиям – двоюродный брат) и советник Кришны. Прибыл в Бадринатх после вознесения Кришны на высшую духовную планету Вайкунтху.

¹²³ **Апсары** (санскр. अप्सरस्, apsaras, «многоводные») — полубогини в индуистской мифологии, духи облаков или воды (ср. с нимфами в греческой мифологии). Изображались в виде прекрасных женщин, одетых в богатые одежды и носящих драгоценности.

¹²⁴ **Урваши** (Urvaśī, санскр. उर्वशी) — апсара, описываемая в индуистских текстах и легендах. Урваши служила при дворе Индры и была самой прекрасной из всех апсар. Она стала женой древнеиндийского правителя Лунной династии Пурураваса.

¹²⁵ **Нарада** (санскр. नारद, Nārada) в индуизме — полубожественный мудрец, которому приписывают несколько гимнов «Ригведы». Нараду причисляют к семи великим мудрецам (саптариши). Он известен тем, что предрёк грядущее рождение Кришны и первым научил людей знаниям в математике, астрономии и земледелии.

¹²⁶ **Саптариши** (санскр. सप्तर्षि saptarṣi «семь мудрецов») — семеро мудрецов, сыновей бога Брахмы, рождённые из его ума (см. параллели с зороастрийскими Амеша-Спента). Семеро риши считаются творцами Вселенной и прародителями всех ныне живущих. По именам сапта-риши в индийской астрономии называются семь основных звёзд созвездия Большой медведицы. Их имена варьируются.

увидеть Нару и Нараяну. Застав Нараяну совершающим религиозные обряды, Нарада в недоумении спросил его: неужели есть что-нибудь, чему верховный бог сам поклоняется? Нараяна ответил, что он поклоняется вечному духу, его первоначальной сущности. Стремясь увидеть этот вечный дух, Нарада направляется в Шветадвипу, где великое существо говорит ему, что оно невидимо для того, кто не предан ему до конца. Нараде объясняют религию Васудэвы. Васудэва – это высшая душа, внутренний повелитель всего. Живые существа представлены Самкаршаной, являющимся формой Васудэвы. От Самкаршаны берет начало Прадьюмна, или разум, а от Прадьюмны Анируддха, или самосознание. Эти четверо представляют собой формы верховного божества.

Однажды, сидя под деревом в медитации, Нарада узрел Нараяну, который сообщил ему так называемую Аштакшара-мантру: *Om namo Nārāyaṇāya!* По одной из легенд, Нарада, в своем духовном теле, до сих пор повторяет эту мантру где-то в тайном месте в окрестностях Бадринатха. Он также считается одним из учителей Вьясы, гуру Мадхвы¹²⁷. Форма, в которой Нараяна предстал перед Нарадой, была вырезана из черного камня творцом вселенной Вишвакарманом¹²⁸, иногда отождествляемого с Праджапати¹²⁹ или Тваштаром¹³⁰. Этот идол и есть главная святыня Бадринатха, который был помещен в мандир на берегу Алакнанды, построенный, по некоторым сведениям, не позже VI века до н. э.

Позже в этих местах обосновались буддисты. Согласно историческим преданиям, они увидели в медитирующем Бадринараяне изображение Будды и продолжили поклонение этому черному идолу, причем сам храм был превращен в буддийскую вихару. Позже, между адептами разных буддийских школ, возник жесткий идеологический конфликт по поводу понимания истинной природы Будды, и когда он эскалировал, хранители мурти решили спрятать святыню подальше от глаз иконоборцев, дабы обезопасить святыню от поругания и разрушения. Священный образ был спрятан в источнике близ храма, а потом и вовсе забыт.

¹²⁷ **Мадхва**, также известный как **Мадхвачарья**, **Пурна Прагнья**, **Ананда Тиртха** (1238-1317) — великий индуистский философ и проповедник, основатель религиозно-философской традиции двайта или таттвавада, являющейся одной из центральных монотеистических школ Веданты вайшнавского канона. В самой традиции таттвавада Мадхва почитается как воплощение Ваю.

¹²⁸ **Вишва́карман** (санскр. विश्वर्मन्, *viṣvakarman*, «творец всего») — в индуистской мифологии божественный мастер, творец вселенной.

¹²⁹ **Праджапати** (санскр. प्रजापति, *prajā-pati*, букв. «Владыка созданий») или **Праджапита** — божество в индуизме. В Ведах Праджапати является богом, породившим мир от своего семени. В гимне «неизвестному богу» говорится, что Праджапати был рождён из золотого зародыша (Хираньягарбха), стал «владыкой творения», поддержал землю и небо, укрепил солнце, измерил пространство, дал жизнь и силу. В Упанишадах Праджапати приобретает черты безличного Абсолюта, Брахмана. В Пуранах и индуистском эпосе Праджапати отождествляется с Брахмой.

¹³⁰ **Тваштар** (санскр. त्वष्टर्, *tvāṣṭar*) или Тваштри (санскр. त्वष्टृ, *tvāṣṭṛ*) – индуистское божество ведийской эпохи. Некоторые его черты напоминают греческого кузнеца-художника Гефеста.

Вновь идол Бадринараяны был найден Шанкарачарьей, прибывшим в Бадринатх уже в конце VIII века н. э. Знаменитый философ восстановил в храме индуистский чин служения и вернул святыню – уже в качестве изображения Нараяны – на место, извлеки ее из Нарада-кунда. Образ Вишну оказался слегка поврежденным, так что у брахманов возникло сомнение в подлинности святыни: не может у истинного бога быть каких-либо изъянов! Однако, по ходу дела выяснилось, что эти изъяны Вишну допустил сознательно, как бы сигнализируя через мурти своим почитателям, что в Кали-юге даже божественные пропорции искажены. При этом считается, что непосредственное созерцание Черного идола освобождает человека от всех грехов Железного века (Кали-юги).

Шанкарачарья, принадлежа формально к шайва-сампрадае, почитал Шиву и Вишну за одно целое. Он основал в Бадринатхе первый, Северный матх адвайта-веданты и поставил на служение в древнем храме жрецов из круга своих последователей. Но жреческая каста храмовых служителей с тех пор сменилась, и сегодня тут совершают пуджи брахманы из древнего керальского рода Намбудури¹³¹ – вайшнавы и сторонники школы мимансы¹³², наиболее традиционалистского даршана во всей Индии. Миманса¹³² непосредственно вырастает из древнейшего мифо-магического мировоззрения, феноменологию которого, собственно говоря, и взялась интерпретировать ранняя адвайта-веданта, в попытке протонаучной рационализации (философизации) мистической поэтики Вед. Жрецы Намбудури и сегодня совершают очень редкие ведические пуджи, секреты которых утеряны в других браминских кланах.

xxx

Другие мурти в гарбхагрихе мандира также, прямо или косвенно, связаны с Бадринатхом. Уддхав совершал здесь аскетические подвиги. Урваши появилась на свет благодаря магии Нараяна в качестве отвлекающей фигуры для других гандхарвов, пытавшихся мешать ему медитировать (ее красота отвлекла внимание небесных шалунов). Жилище Куберы, владыки севера, находится рядом с Кайласом. За Черным идолом стоит Древо жизни в виде золотой смоковницы – ипостась Махалакшми, супруги Вишну. А за

¹³¹ **Намбудури** (малаял. നമ്പൂതിരി, nambūdiri) — каста индуистских брахманов в Керале, высшая каста южно-индийского дравидоязычного народа малаяли. Намбудури считаются наиболее ортодоксальными из всех брахманских каст Индии. Намбудури совершают храмовые ритуалы, основываясь на Тантра-виддхи — сложной и древней ветви тантры, которая существует только в Керале. Намбудури также служат главными жрецами во многих известных храмах по всей Индии (например, в храме Бадринатха). Намбудури следуют консервативным ритуалистическим традициям шраута и философии мимансы, что отличает их от большинства других индийских брахманов, следующих веданте. Намбудури совершают такие ведийские ритуалы, как агничаяна и агништома, которые уже давно не проводятся другими брахманскими кастами.

¹³² **Миманса**, или мимамса, (санскр. मीमांसा — «исследование», «изучение», «размышление») — одна из ортодоксальных даршан, то есть «воззрений», школ индуистской философии. Иное название — пурва-миманса («первая миманса», или «предшествующее, первое исследование», в отличие от веданты, называемой уттарамиманса, или «последующее, дальнейшее исследование»).

самим алтарем до сих пор скрыт древний шивалингам¹³³, утвержденный здесь еще в доисторические времена, когда Господь Шива – еще до появления в этих местах Вишну с Лакшми – занимался тут божественной тапасьей.

Брахман любезно предлагает мне прийти на службу с утра, часам к пяти. Ну разумеется, большое спасибо. Дханьевад! Выйдя из южных дверей храма, я очутился напротив святилища богини Лакшми, супруги господина Вишну-Нараяны. Это мандир Махалакшми-Арвиндавалли (санскр. «лотосовая земля») – просто башня-гарбхагриха, без корабля. Я подошел рассмотреть святилище повнимательнее. Тут тоже стоит сундук-копилка, с двух сторон которого сидят служители божественной матери.

– Не хотите ли, сэр, что-нибудь пожертвовать великой богине и нашему храму?

Мне показали список треб, каждая из которых имела особую цену. Я объяснил, что мне бы хотелось получить заступничество богини для себя и своей семьи. Готов уплатить за это тысячу рупий. Мне выдали соответствующую квитанцию и в нагрузку жрец вручил несколько освященных бумажных пакетиков с различными специями, которые требуется употреблять в пищу, наподобие прасада. Поблагодарив служителей и ударив в висящий перед Махалакшми-мандиром колокол, я вновь пошел вокруг храма, желая разглядеть часовни и святилища вдоль стен внутреннего двора.

Помимо Махалакшми-мандира, здесь имеется еще с дюжину святилищ, в том числе Нараяны, Нарасимхи, Ганеши, Куберы, Уддхава и Навадурги. В юго-западном углу, под большим навесом, установлены раскрашенные в натуральный цвет каменные фигуры великих йогов и философов, включая Шанкарачарью с его четырьмя главными учениками (инициаторами коренных матхов адвайта-веданты), а также основателя вайшнавской школы шри-сампрадая Рамануджи¹³⁴ и его последователя Веданта Дешики¹³⁵. Здесь же можно видеть большое изображение, в духе

¹³³ **Лингам**, лінга, (санскр. लिङ्गं liṅgam — знак, метка, признак) — в древнеиндийской мифологии и некоторых течениях индуизма символ божественной производящей силы. Наибольшее распространение получил в шиваизме, как поклонение лингаму (символу Шивы) и женскому символу «йони» (символу шакти (женской стороны) Шивы в различных её проявлениях — Парвати, Кали и других).

¹³⁴ **Рамануджа** (1017 – 1137) — индийский религиозный реформатор XII века, гуру индуизма, ачарья-основатель вайшнавской школы шри-сампрадая. Как философ, Рамануджа ратовал против учения Шанкары о так называемой адвайте («недуализме»). Этому учению он противопоставил систему вишишта-адвайты, то есть отдельной и конечной реальности индивидуальных существ. Отсутствие двойственности он допускал только в верховном божестве Вишну. Рамануджа отвергал и учение о великой иллюзии майя.

¹³⁵ **Веданта Дешика** (1268-1369) – родился в деревне Тхупул, неподалеку от Канчи, в семье вайшнавов. Отцом его был Ананта Сури, брахман из Вишвамित्रа-готры, а мать звали

ретушированной старинной фотографии, сидящего в позе сиддхасаны йогина с растафарианскими дредами до самой земли. Санскритская надпись под фотографией гласит, что это Махайоги Сундернатх Бабаджи. В одной из лавок около храма я купил, в память об этом дне, четки из ароматического дерева туласи, фигурку Бадринараяна и еще кое-какие ритуалистические принадлежности для домашней пуджи.

II. 8. 2. Пуджа: священная литургия индуизма

Динь-динь-динь... Динь-динь-динь... Динь-динь-динь... Из состояния единства глубокого сна меня вывел трехчастный звон храмового колокола. Я открыл глаза. Тьма кромешная, и только звон: динь-динь-динь... Вспомнилось, как накануне брамин приглашал меня на утреннюю службу. Начинается она в предрассветный час Брахмы, в четыре утра. Нащупал на столике мобильник, включил циферблат. Так и есть, пять минут пятого. Храмовая служба начнется через полчаса. Пойти или остаться поспать? Ведь можно пойти на пуджу после обеда, или снова завтра с утра...

Пока я лежал и думал, звон закончился, и из динамика зазвучал колдовской голос атхарвана¹³⁶ – исполнителя индусских мантр. Я сел на кровати, ногой нащупал пол. Впереди, в противоположном конце комнаты, на фоне тотальной черноты синел прямоугольник окна, выходящего в западное небо. Я медленно двинулся, подобно священному скарабею, на свет далеких звезд, лившийся из космического пространства в этот прямоугольник, под звуки ведийских гимнов...

Выглянул в окно. Глухая ночь лежала на улицах Бадринахта, но посреди этой тьмы ярко вырисовывались неоновые профили ажурного входа в главный мандир города. Вероятно, самое лучшее сейчас – это просто сесть медитировать на постели, под пение мантр, в самый час Брахмы. Войти в резонанс с храмовой пуджей и духом самого Бадринараяны. Я вернулся к кровати, уселся в сиддхасану. Ом... Но что-то не давало мне успокоиться и настойчиво внушало пойти на службу в храм. Не просидев и десяти минут, я встал, быстро оделся и вышел из отеля на пустынную улицу.

Ночное небо было чистым и звездным. Над черным профилем одного из хребтов висела полная Луна, в лучах которой высвечивался белый пирамидальный пик Нилакантхи. Я спустился с пригорка на маленькую площадь у аптеки. Все лавки были еще закрыты. Вокруг – тьма кромешная, усугубляемая густым туманом. Вышел на набережную. Черные воды бурной Алаканды проносились мимо, на юг, к Девапраягу – месту слияния со светлыми водами Бхагиратхи, в результате чего в этом священном месте формируется магический нектар золотой Ганги...

Тотарамма (она была правнучкой Кидамби Аччана, одного из близких учеников Рамануджи).

¹³⁶ **Атхárван** — жрец культа огня, восходящего к индоиранскому периоду; также — имя мифического прародителя этих жрецов. Название «атхарван» носят также магические заклинания, видимо, изначально связанные с этим культом.

Бадринараян-мандир стоял в пелене предутреннего тумана и клубящихся парах кипящих источников Тапта-кунда иллюминированным островом. Путь к нему лежал через перекинутый над бурными водами мост, от которого, на той стороне потока, шли вверх ступени парадной лестницы Храма скалы. Вокруг – ни души. Голос из громкоговорителя продолжает оглашать округу ведическими мантрами. Поднявшись по ступеням на первый уровень, я оказываюсь на небольшой площадке. Тут тоже пусто, за исключением двух человек: привратника и продавца венков. Хари Ом!

Я прошу привратника кратко мне рассказать, как себя правильно вести в храме. Он по-английски не очень, но в двух словах доходчиво объяснил. Сначала нужно купить два венка: один для Вишну, другой – для его супруги Лакшми, у которой во дворе комплекса стоит свой маленький храм. Потом один венок нужно отдать жрецам Лакшми-мандира, а другой – жрецам Вишну-мандира (храма Бадринараяна). Беру два венка. Один – чисто из листьев, другой – из листьев со вставкой из оранжевых цветов. Снимаю сандалии, поднимаюсь по белым мраморным ступеням на следующий уровень, к порогу храмовых врат в форме узорчатой арки. Над аркой висит массивный колокол. Его звук – высокий и низкий одновременно. Ударяя в рынду, нужно мысленно вызывать соответствующее божество. Дзонг!..

Захожу на территорию храма. Прямо передо мной стоит главный мандир. Справа, под четырехугольным пирамидальным навесом, располагается трехступенчатый квадратный каменный жертвенник Агни. Углы навеса отмечены рогами архаров. Слева – храм Махалакшми-Арвиндавалли. По размерам это небольшая часовня, перед которой стоит стол и пара топчанов для жрецов культа. «Хари Ом!» – окликает меня вчерашний служитель Великой Матери, принимавший дотацию. Подхожу к мандиру. Паланкин у входа откинут. Внутри самой часовни другой брахман совершает какие-то телодвижения.

– Вот, – говорю, – венок для Махадэви!

Кладу его на порог гарбхагрихи. Бью в колокол. Брахман ставит мне на лоб тилаку. Я выдаю пожертвование.

– Махалакшми любит деньги! – с энтузиазмом замечает брахман.

Тем временем чтение мантр через мегафон заканчивается. Прямо напротив Махалакшми-мандира расположен вход в святилище ее великого супруга. Это южные, отделанные медью врата храма. Я переступаю через каменный порог и оказываюсь в пространстве внутренней мандалы. Тут уже собралось человек десять. Окидываю взглядом пространство, стараюсь понять, что теперь следует делать. Первое, что я замечаю – это отсутствие покровов на Бадривिशале и других фигурах его окружения. Все они стоят в совершенно натуральную «величину», просто как есть. Так вот ты какой, махамурти!

Настоящий Черный идол очень мало похож на свой «облагороженный» канонический образ, который в Бадринатхе можно видеть по всюду – в виде фигурок, иконок и стилизованных картинок. Тут нет ни четырех рук, ни нательных украшений, ни вообще каких-либо черт лица. Просто чистый овал, без глаз и прочих органов чувств. Перед вами – сидящая с поджатыми ногами и сложенными у живота руками антропоморфная фигура (точнее, выступающий из камня барельеф), высотой в локоть, причем сами ноги, руки и даже корпус идола совершенно не прописаны, но лишь угадываются по общему профилю образа. Вероятно, это в самом деле сваямбху – самовозникшая природная форма, возможно, лишь слегка тронутая резцом мастера в некоторых местах. Все остальное – игра воображения, ментальное достраивание, домысливание... Но именно эта неопределенность, недоделанность (как бы «изъян») придает Черному идолу какой-то особый шарм, если не сказать – совершенно магический, сверхъестественный характер. Om Namo Bhagavate Vāsudevāya!

Вслед за мной в храм входят два бородатых садху, замотанных в подобия римских тог. Они приближаются к Царским вратам гарбхагрихи, кладут на прилавок свои венки. Потом один встает на колени и касается лбом земли, а другой просто плашмя ложится на пол перед вратами, вытянув руки перед собой. После чего они макают средний палец правой руки в стоящую на прилавке серебряную чашу и мажут священным составом свой лоб. Я повторяю всю ту же последовательность телодвижений. Кладу венок на прилавок гарбхагрихи, совершаю поклонение перед священным мурти, окунаю палец в чашу и мажу лоб невероятно ароматным маслом. После чего занимаю место на полу, в первом ряду.

Народ продолжает прибывать: женщины в ярких сари, торговцы и пастухи в непальских шапочках и широких шароварах, йогины и аскеты, спустившиеся с пещер на окрестных склонах, пандиты и другие брахманы... Минут через десять на сцене появляется главный жрец храма, носящий титул *Равальджи*, в сопровождении герольда с булавой на длинном шесте, чем-то напоминающей церемониальную булаву, несомую парламентским приставом перед британским монархом во время церемонии открытия Парламента. Все брахманы одеты в однотонные зипуны и шаровары, на головах – круглые непальские шапочки, чем-то напоминающие своей стилистикой памирские тибетейки.

Местный народ вообще очень похож на памирцев и таджиков. В сущности, Памир, Гиндукуш, Гималаи – отдельные участки одной и той же горной системы, населенной родственными народами. Смесь классических санскрита и фарси, языков образованной элиты Индии и Персии, дает урду как универсальный язык региона. Его поймут и в Кашмире, и в Бадахшане. Люди, быт, природа – все выглядит совершенно одинаково, несмотря на

религиозную разницу ислама и индуизма, преобладающих на северо-западе и юго-востоке Памиро-Гималайского региона.

Гималайский индуизм – это совсем не индуизм южных регионов субконтинента. Формально это все – разные варианты Вечного Закона, Санатана-Дхармы. Фактически, я вижу внутреннее культурно-культовое единство того, что может быть названо памиро-гиндукушскими и тибето-гималайскими религиями (включая бон). Здесь везде центральное место играет культ огня, Агни, совмещаемый с поклонением магическим объектам природы (камням, горам, водоемам, рекам, деревьям) и предметам человеческой деятельности (поле, гумно, хлев, храм как общинное зернохранилище).

Служба в храме начинается с процедуры абхишеки¹³⁷, т. е. ритуала омовения и умощения стоящих на алтаре мурти (идолов). Абхишека является ведической формой обряда ритуального миропомазания. Его происхождение связано с мистерией посвящения бога Индры на космическое правление. Аналогично Индре, на земное царство помазывались крупные индийские раджи (в титуле *самараджа*, царь царей). Цель абхишеки – передать фигуре (живой или образной) магические силы «природы», символически представленные в элементах подношения: молоко, масло гхи, розовая вода, сандаловая паста и т. д. После чего, волей Святого Духа, природная субстанция приношения (жертвы) превращается в божественную энергию психофизической сопричастности.

Раваль-джи, верховный иерофант храма, садится перед алтарем. Перед ним стоит серебряный поднос с ритуальными плодами для подношения божееству: зернами, цветами, листьями туласи... На скамьях, по обе стороны от Царских врат, брамины начинают петь славословия высшим силам, призывая их на головы собравшихся. Раваль-джи манипулирует над подносом обеими руками, исполняя сложную пантомиму приглашения духов и предложения им прасада в виде зерен и цветов. Жестикуляция мастера отточена до совершенства, за каждой мудрой, как условным знаком тайной, негласной речи, стоит тысячелетняя традиция творческого вживания в жест на уровне подлинного магического отождествления символа и реальности.

Я с энтузиазмом наблюдаю за манипуляциями иерофанта, два брамина-пуджари продолжают пение заклинаний из Вишну-Сахасранамы и Шримад Бхагаватам. Черный идол Бадринараяна находится прямо напротив меня, в трех-четырёх метрах. Я могу непосредственно, вживую лицезреть это

¹³⁷ **Абхише́ка** (abhiṣeka; «омовение», «окропление») — санскритский термин, которым в индуизме и других индийских религиях называют ритуальное омовение и умощения *мурти*. Обряд абхишеки обычно сопровождается декламацией ведийских мантр и/или киртаном.

священное мурти, божественное тело, а значит – все грехи Кали-юги должны будут меня оставить! Om Namo Nārāyaṇāya!

Раваль-джи переходит к процедуре омовения мурти. Ассистент подает мастеру кувшин с водой из Тапта-кунда, и тот льет ее на головы идолов, на одного за другим, в строгой ритуальной последовательности: Бадринараян, Уддхава, Нар-Нараян, Кубера, Гаруда, Нарадамуни. Вода горячая, от идолов идет пар. А Равалю уже подносят следующий кувшин, с молоком, затем – снова с горячей водой. Последовательно омыв божества, иерофант умащивает их ароматической смесью из гхи и специальных добавок. Пуджари читают мантры, сзади себя я слышу усиливающийся звон колокольчиков, каратал¹³⁸ и другой перкуссии.

Аудитория начинает повторять мантры вслед за пуджари:

Pawan Mand Sugandh Sheetal
Hem Mandir Shobhitam
Neekat Ganga Bahut Nirmal
Shri Badri Nath Vishwambharam

Shesh Sumiran Karat Nishidin
Dhart Dhyan Maheshwaram
Shri Ved Brahma Karat stuti
Shri Badri Nath Vishawambharam

Shah Gauri Ganesh Sharad
Narad Muni Uchcharanam,
Yog Dhyan Apar Leela
Shri Badri Nath Vishwambharam

Indra Chandra Kuber
Dhoop Deep Prakashitam
Sidha Munijan Karat Jai Jai
Shri Badri Nath Vishwambharam.

Yaksha Kinnar Karat Kautuk
Gyan Gandharva Prakashitam
Shri Laksmi Kamla rhanwar Dolen
Shri Badri Nath Vishwambharam

Shri Badrinath Ki Karat Sluti
Hout Pap Vinashanam
Koti Tirath Bhayo Punya
Prapt Yeh Phal dayakam...

Раваль-джи, тем временем, соскабливает масло с мурти в серебряную чашу, которую передает через порог Царских врат своему ассистенту. Тот,

¹³⁸ **Каратáлы** — индийский ударный музыкальный инструмент. Караталы могут быть различного размера и формы (например, вогнутые диски из латуни или другого сплава).

помазав божественной миррой собственный лоб, стал медленно продвигаться среди сидящих тел, потянувшихся со всех сторон к волшебной чаше с вытянутыми двуперстиями из среднего и безымянного пальцев. Считается, что это жертвенное масло с идола является обоженной субстанцией тела живого Бога, творца всего сущего и не-сущего, столпа непоколебимой истины ведической мудрости и сат-гуру парампары адвайты-веданты, всеблагого Бадринараяна, избравшего главным местом своего земного обитания этот мандир.

Вслед за другими преданными, я макнул двуперстие в серебряную чашу, в нужный момент оказавшись прямо передо мной. Эта смесь, в самом деле, источала совершенно божественный аромат. Я помазал, следуя общему правилу, лоб, макушку, а затем, растерев немного между пальцами обеих рук, также мочки ушей, горло, тронул грудь и плечи. Все мое тело, как и тела сидевших вокруг, невероятно благоухали. Я закрыл глаза, представляя себя на Вайкунтхе, среди небожителей, в присутствии самого Господа Нараяны...

Колокольный звон заполнил все внутреннее пространство мандира, его интенсивность нарастала. Затрубили раковины. Как ни странно, все это не возбуждало, а, напротив, действовало крайне успокаивающе, как бы погружая внутреннего свидетеля в психоделическое состояние духовного экстаза при полном равновесии психики и душевной расслабленности. В этот момент я почувствовал на своем лице сильные брызги невероятно холодной воды. Это действовало невероятно освежающе, но совсем не раздражало, даже наоборот. Вот еще серия брызг...

Продолжаю сидеть с закрытыми глазами, под дождем святой воды. И тут сознание, как молния, пронзает мысль: вот оно, самадхи! Да, но ведь самадхи – это должно быть *четвертое состояние*, за пределами глубокого сна, а ты сейчас все вполне осознаешь, и даже вздрагиваешь от холодных капель ледяной горной воды! На периферии ментала¹³⁹ ненавязчиво заколебалась корректирующая формулировка разумного начала: «Какое же это самадхи?»

Открыв глаза, я увидел, как прямо перед моим лицом ассистент пуджари держит большой поднос с многоступенчатым светильником, в многочисленных чашечках которого ярко полыхали масляные фитили. Люди тянули к светильнику ладони, а затем как бы умывались огнем. Разумеется, я не смог остаться безучастным и тоже, обогрев над священным агни обе ладони, поднес их к о лбу, потрогал уши и провел руками вдоль всей груди, сверху вниз.

В это время Раваль-джи переходит следующей процедуре. Он снова поливает идолов горячей водой, затем тщательно их вытирает белым

¹³⁹ **Ментал** – здесь: ум (разг.)

полотенцем, после чего на них нужно положить ароматическую сандаловую пасту. Брамин начинает с главной фигуры, Бадринараяна. Сначала паста накладывается на пупок божества, затем, последовательно, круговыми движениями, покрывается живот, грудь, ноги, руки...

Я снова закрываю глаза, растворяясь в окружающей атмосфере. Брамины поют мантры, периодически звучат колокольчики, барабаны и раковины. Аудитория опять повторяет, вслед за ведущим, какие-то заклинания. Все очень похоже на исповедание прихожанами православного храма Символа Веры, вслед за священником. Здесь, однако, слова другие. Но какие до боли знакомые! Агни, Индра, мурти, мокша, самадхи, Парабрахман...

Интуиция подсказывает, что я нахожусь в особом состоянии «прямой благодати». Это как бы парадоксальное «самадхи бодрствования». То есть вы бодрствуете, осознавая все вокруг, и в то же время понимая, что все это – глубокий сон, некая магическая майя, и на самом деле все далеко не так, как вы видите и ощущаете. Сон наяву или бодрствование во сне? Скорее, бодрствование, в которое ворвались ветры из-за пределов глубокого сна, и пока ваше тело переживает регулярные сенсорные ощущения, ваша душа находится в состоянии трансцендентной самодостаточности, именуемой в индуистской мистике *кайвальям* (санскр. «изоляция»). Такое ощущение, что вас живыми взяли на небо.

В зал опять летит из Царских врат святая вода, а вместе с ней – и крошенная зелень туласи, которую публика тут же кладет себе в рот и распикивает по карманам. Кладу и я. Очень освежает. Неплохой мятный вкус с горчинкой. Раваль-джи снимает пасту с божественных идолов в большую миску, ее с чем-то смешивают и вновь разносят по храму. Люди макают в чашу пальцы, затем чертят ими на своих лбах тайные знаки сопричастности ритуалу. У нас тоже свои знаки, свои мантры...

Мурти снова поливают водой, вытирают и, после всех проследовавших процедур, наряжают. Сначала Раваль-джи прикрывает фигуры белыми лоскутками, подвязывая и сзади тесемками, затем, сверху накладываются яркие шелковые облачения. Особенно тщательно жрец наряжает Бадринараяна. После чего переходит к возложению венков на плечи наряженных фигур. Первый, конечно, будет Бадринараяну. И я вижу, как, перебирая венки из числа принесенных публикой, Раваль-джи выбирает именно мой, который я сразу узнал по оранжевым цветам. Стало быть, в течение всего дня Великий мастер будет медитировать в моем венке! В том, что именно Бадринараян указал иерофанту мой венок, я уже ни на йоту не сомневался.

В течение всей этой процессии, на скамейке слева от Царских врат, стоит старец с белой бородой почти до пояса, в лыжной шапочке – очень похожей

на ту, которую носил Рам – и медленно водит над воротами большим опахалом из белых перьев: туда-сюда, туда-сюда... Его движения, насколько мне показалось, имитируют веяние Святого Духа и сил небесных, которое воспроизводится в православной службе через движение рипид¹⁴⁰ (опахал) над Святыми дарами. В какой-то момент ассистент вновь появляется в зале, предлагая собравшимся нечто вроде прямого причастия. Для этого нужно вытянуть перед собой правую ладонь, лодочкой, поддерживая ее левой. Тогда служитель плеснет вам туда какой-то освященной жидкости, которую надлежит ловким движением вылить себе в рот, не расплескав вокруг и не обмочив одежды.

В конце концов, в качестве последнего торжественного акта на голову медитирующего Вишну возлагается огромная корона в форме русского кокошника, с огромным алмазом посередине. Почти не сомневаюсь, что по размерам это будет один из крупнейших в мире. Безусловно, еще в старой, доколониальной огранке, позволяющей – не в пример современным шлифовальщикам – не терять до половины и более веса камня на ненужные формальные изощрения. Этот алмаз засиял, воистину, как третий глаз божества, как фокус вселенной, как магический кристалл, преобразующий внешний свет в трансцендентальное сияние Парабрахмана и наоборот. Я смотрел, как замороженный, на этот кристалл, не в силах отвести глаз. По всей видимости, то же самое делали все остальные участники этой мистерии.

На серебряном подносе в руках иерофанта вспыхнул столб мощного пламени, в полметра высотой. Зал охнул. Пуджари с колокольчиками, гонгами и барабанами вновь оживились, сопровождая полыхание божественного Агни высоким звоном. Жрец, стоя напротив мурти и глядя ему в глаза, совершал этим пламенем круговые движения по часовой стрелке, делая «огненное предложение».

Весь народ поднялся на ноги и уже так стоял до конца службы. Огонь еще раз вынесли из царских врат в корабль, преданные снова им умылись. После этого пуджа завершилась. Кто-то, перед выходом из храма, вставал на колени, некоторые ложились плашмя, головой к алтарю. Я тоже лег в полный рост, вытянув перед собой руки. Падение ниц – древнейший религиозный жест, присущий всем традициям и восходящий к магической практике доречевой коммуникации.

По выходу из храма требовалось, согласно принятому здесь обычаю, трижды обойти мандир по часовой стрелке. Причем, самое интересное, что, поравнявшись с восточным входом, противоположным Царским вратам,

¹⁴⁰ **Рипи́да, рипи́ды** (греч. ριπίδιον — опахало, веер) — в Православной церкви богослужебная утварь в виде металлического или деревянного круга, ромба или звезды на длинной рукояти.

люди останавливались и, обратившись молитвенно сложенными ладонями лицом к алтарю, быстро шептали мантру, после чего продолжали обход. Это тоже весьма напоминает поведение верующих в православном храме, где пересечение осевой линии между алтарем и центральным входом также фиксируется особым образом: человек обращается лицом к Царским вратам и крестится. То же самое происходит при обходе храма по часовой стрелке.

Оказавшись вовне, я тоже двинулся вкруговую. Прямо за порогом, у южной стены, сидел на коврике брахман, перед ним стоял столик с подносом, напоминавшим палитру художника. Люди подходили, клали на столик мелкую купюру, а брамин взамен рисовал им на лбу специальной кисточкой тилаку, имитирующую «третий глаз» божественного всевидения. Нарисовали глаз и мне. На стене у западного торца мандира было каменное изображение свастики как символа Вишну и его Вечного закона, к которой вайшнавцы прикладывались лбом. У северной стены храма тоже сидел жрец с палитрой и кисточками. Он тоже ставил тилаки, но уже несколько иной конфигурации и другими красками.

В северо-восточном углу двора, под стоящим на четырех столбах тентом, находится квадратный алтарь Агни. Рядом сидит жрец-атхарван, читающий мантры и совершающий ритуальные манипуляции по просьбе верующих. Он периодически подливает в огонь масло длинной деревянной ложкой, а также бросает туда, особым жестом, зерна. Наступает моя очередь. Я присаживаюсь рядом со жрецом, он дает мне в руки чашку с готовой зерновой смесью, в соответствии с древней рецептурой.

Начинается процедура агнихотры. Время от времени атхарван просит меня называть имена своих родных и близких, во благо которых совершается магическая манипуляция в этом священном месте. Он также дает мне знать, когда нужно бросить в пламя очередную щепоть зерен. После окончания ритуала, той же самой ложкой, мне на лоб ставится отметка черной золой из священного огня. Посвящение в алхимическое нигредо¹⁴¹. После чего нужно три раза обойти алтарь по часовой стрелке и сделать пожертвование, только уже финансовое.

II. 8. 3. Бхарат и ведийская кухня: шиваит из Ришикеша

Вечером того же дня я познакомился с хозяином небольшого ресторанчика «Павитра», расположенного недалеко от моей гостиницы. Этого человека

¹⁴¹ **Нигредо** (лат. *Nigredo*), буквально «чернота» — алхимический термин, обозначающий полное разложение либо первый этап создания философского камня: образование из компонентов однородной чёрной массы. Считалось, что как тьма содержит в себе возможность света, так и в этой массе кроется возможность получения эликсира. Аллегорией нигредо в алхимической символике обычно являлся ворон, иногда *sol niger* (черное солнце).

звали Бхарат. Я зашел туда выпить чаю, а Бхарат в этот момент как раз собирался совершить вечернюю пуджу. Он откинул занавеску с небольшого домашнего алтаря, располагавшегося прямо у входа, за кассой, зажег фитилек и аграбатти, позвонил колокольчиком перед фигуркой почитаемого мурти. Это была статуэтка сидящего на тигровой шкуре Шивы, с характерным трезубцем.

Бхарат, как выяснилось, принадлежал к одной из шиваитских сампрадай, его гуру служил в святилище рядом с Бадринараян-мандиром. Мой новый знакомый сейчас проходил очередную инициатическую фазу, длившуюся около месяца. Ему предписывалось воздерживаться от жены, голодать по понедельникам (день Шивы), читать определенные мантры, делать особые пуджи и ежедневно посещать святилище. Завтра как раз понедельник. Бхарат сказал, что если мне интересно, то я могу пойти шиваитскую пуджу вместе с ним, где он будет проходить очередной ритуал посвящения. Разумеется, я согласился. «Только не ешь ничего с утра,» – напутствовал он меня.

Семья Бхарата жила в Ришикеше, в Бадринатхе он держал ресторанчик и переезжал сюда с мая по ноябрь, пока был открыт мандир, да и весь городок в целом. Обычно Бадринатх полон паломников, гостиницы и приюты забиты народом. Ведь это место – одно из главных святынь во всем индуизме, и народ сюда приезжает, соответственно, со всей Индии! Но в этом сезоне все было по-другому. Дороги, с самой весны, периодически размывало, да еще как! Сели, обвалы, лавины и прочие напасти держали город, практически, отрезанным от «большой земли».

Особенно сложно было проехать последние три десятка километров от Джошиматха, в чем я лично только что убедился. Конечно, наиболее сознательные пилигримы и профессиональные садху шли пешком, причем не только последних тридцать, но и все триста километров, от самого Ришикеша. Тем не менее, массового паломничества в этом году не было. Редкие джипы доезжали до этих высот, да и то – далеко не каждый день. Поэтому улицы Бадринатха были практически пусты, в храмах – никакой толчеи, искупаться в Тапта-кунде не составляло никакого труда. А ведь в горячий сезон, тут выстраиваются очереди до трех километров!

Искупаться в Тапта-кунде я уже попробовал накануне вечером, но не смог войти в воду и по щиколотку – настолько она была горяча! Ну прямо реальный кипяток! И как же – думал я – народ тут вообще барахтается? Несколько обнаженных йогов, с поджарыми телами, обливались рядом с кундом горячей водой из банок, как в бане из шаек. Над поверхностью священной купели висел густой пар, облака которого также заволакивали все пространство вокруг, медленно рассеиваясь в направлении фантастического гималайского неба.

В соседней Нарада-кунде, в трех-четыре метров от Тапты, плескались дети. Я попробовал воду: очень даже нормально, не больше тридцати градусов. Наверное, нужно лезть, другого варианта все равно не предвидится. Каменный бассейн строго квадратной формы оказался совсем не глубоким, максимум – по пояс. Я спустился по древним ступеням вниз и присел на корточки. Местами, на стенах кунда, можно было видеть вытесанные неизвестными мастерами изображения различных водяных божеств. Дети активно прыгали с бортика в воду. Долго тут сидеть никак не получалось. Проведя в воде минут десять, я вылез, вытерся и отправился в гостиницу.

– Так там же вечером никто не купается! – прокомментировал Бхарат мой рассказ о горячей воде. Там, где ты был – это место для женщин и детей, а в главном кунде делать омовение нужно по утрам. Тогда там вода вполне приемлемая. Но после обеда она уже так нагревается, что, в самом деле, и по щиколотку не зайти!

Он рассказал, что купается в священном бассейне каждое утро, часов в семь-восемь. А до этого, уже где-то в четвертом часу, омовение делают брамины из мандира. Видимо, тут существует какая-то система регулирования температуры воды, которая в своем естественном состоянии, в самом деле, почти кипятком, но, вероятно, ее можно как-то разбавлять ледяной стихией из протекающей рядом священной Алаканды. Бхарат объяснил мне, куда нужно приходиться завтра утром. Это шиваитское святилище было мне уже знакомо, оно располагалось почти напротив часовни Шанкарачарьи, где белая мраморная фигура философа, завернутая в оранжевую ткань, отстраненно взирает на снующие вверх и вниз по храмовой лестнице потоки бесчисленных пилигримов.

II. 8. 4. Храм Шивы: шактизм в действии

В девять утра я прибыл на место. У шиваитского святилища уже толпился народ. Видимо, это был особый для всех шиваитов день. Но Бхарата среди других я не увидел. Я решил разведать ситуацию самостоятельно. Подошел поближе к мандиру, положил на блюде перед сидевшим у входа служителем жертвенную купюру и, одновременно, задаю вопрос: не знает ли он, где тут человек по имени Бхарат, пригласивший меня на церемонию? Служитель предлагает мне обойти мандир вокруг.

Само святилище представляет собой типичную виману сигарообразной формы, высотой метра три, открытой с трех сторон и общей площадью где-то в четыре квадратных метра. Внутри стоит шивалингам, над которым висит нечто вроде дырявого сосуда, в который верующие льют воду, протекающую затем прямо на лингам. На стенах – изображения из шиваитского пантеона, венки туласи, цветы. Везде горят ароматические

палочки. Брамин, стоя чуть сбоку от лингама, читает мантры, периодически совершая манипуляции с водой и жертвенными плодами. Вот внутрь заходит очередной человек, бьет земной поклон, потом льет из принесенного с собой кувшина воду в сосуд над лингамом. Затем – следующий.

Я стою в одном из проходов, наблюдая. Толпа довольно плотная, люди шныряют туда-сюда. Я чувствую теплое прикосновение к своей руке. Поворачиваю голову. Чуть сбоку стоит молоденькая девушка, совершенно лолитистая¹⁴², в ярком гималайском платье, шелковых шароварах и газовой шали. Она глянула мне в глаза и улыбнулась подобно загадочной апсаре. Тут, конечно, не мечеть, но все же... Я тоже, чтобы не смущать девушку, улыбнулся ей, и она, отняв руку, растворилась в циркулирующем вокруг человекопотоке... Вот они, тайны Востока!

В это время чтец делает паузу, поднимает от книги глаза и спонтанно смотрит на меня. Я его узнаю! Это же, вроде как, один из служителей, которого я видел на пудже в Бадринараян-мандире! Он тоже узнает меня. Подходит, здоровается. Оказывается, он может служить как вишнуитские, так и шиваитские пуджи. Такая вот широкая квалификация. Для индуизма это понятно. Здесь не существует четкой разницы между Вишну и Шивой, как и вообще между различными богами.

Поклонники Вишну, вишнуиты (или вайшнавны) воспринимают Шиву как одну из ипостасей и Вишну, а поклонники Шивы, шиваиты, почитают аватаров Вишну как ипостаси Шивы. Существуют храмы, в которых Вишну и Шива объединены в единое божество создателя вселенной – Парабрахмана (Харихара¹⁴³). Поэтому не удивительно, что Господь Рама, будучи аватаром Вишну, воздвиг в храме Рамешварам алтарь господе Шиве, а шиваит Шанкарачарья, почитаемый другими шиваитами за инкарнацию самого Шивы, совершал паломничество по святым для вишнуитов местам.

Вспоминаю историю про одного нью-йоркского православного священника, которого, как специалиста по ивриту (ведь в духовных академиях изучают иврит как язык Библии), приглашали по пятницам читать в местную синагогу. И ничего – ходил, читал, никаких проблем. Думаю, правильно делал. Бог един! Я объясняю брахману, что меня сюда пригласил друг на его личную инициацию, но я его никак не могу найти. На что служитель предлагает мне зайти за угол соседнего корпуса, где расположено еще одно святилище. Там я и в самом деле вижу Бхарата, всего в ритуальном облачении и с шиваитской тикой на лбу. Я подхожу ближе, он представляет

¹⁴² **Лолитистая** – здесь: от имени Лолита (героиня одноименного романа Владимира Набокова, ставшая символом несовершеннолетней красавицы)

¹⁴³ **Харихара** — одна из форм Бога в индуизме, воплощение Вишну (Хари) и Шива (Хара) в одном лице. Харихара также известен как Шанкаранараяна. Харихаре поклоняются как последователи вайшнавизма так и шиваиты.

меня тамошнему служителю, и я тоже получаю тикку на лоб. Потом Бхарат предлагает мне совершить ритуальное возлияние на лингам. Мы возвращаемся к первому мандиру, там берем, у специального человека на раздаче, два кувшина, спускаемся по ступеням в Тапта-кунд и идем дальше, на набережную бурно несущейся Алакнанды.

Это место называется Брахма Капал Гхат, т. е. гхат головы Брахмы. Согласно легенде, именно на этом месте Шива отрубил Брахме «пятую» голову, освятившую все вокруг. Мы спускаемся по ступеням гхата к самой воде. Здесь к каменной набережной прикованы тяжелые железные цепи. За них нудно держаться, вступая в воду. Иначе снесет в момент, и никакой Брахма не поможет! Набрав воды в кувшины, мы вновь поднимаемся на набережную. Здесь Бхарат меня инструктирует, что нужно делать дальше. То есть взять кувшин обеими руками и совершить три оборота вокруг своей оси, по часовой стрелке, повторяя при этом особую мантру. После этого мы снова идем к мандиру. Дальше, по очереди, медленно выливаем эту воду в дырявый сосуд над лингамом. Брамин читает заклинания. Я совершаю перед идолом земное коленопреклонение, касаясь лбом сам священный камень. Om Namah Shivaya!

Бхарат говорит, что теперь ему нужно идти назад, в другой мандир, где происходит его инициация. А для меня мистерия закончена. Мы прощаемся, но я решаю еще постоять, посмотреть. И вот, опять вижу эту загадочную апсару. Она стоит чуть поодаль и внимательно наблюдает меня. Да, видимо, мистерия еще не закончена! Наши глаза вновь встречаются, я снова тупо улыбаюсь. Она тоже. Опять подходит ко мне, проходит мимо, легко касаясь моей руки своими длинным тонкими пальцами. Как понимать этот жест? С одной стороны, понятно: я редкий здесь иностранец, вызываю неподдельный интерес у местных жителей. С другой – а если это... Восток, конечно, дело тонкое! Апсара вновь исчезает в толпе, на прощание обернувшись ко мне и кинув многоговорящий взгляд. Вот такой, вероятно, и должна быть настоящая Парвати. Om Kleem Parvatiyei Namaha!

II. 8. 5. Мана – родина Вед

В тот же день, около полудня, я отправился вместе с Филиппом в Ману (древнее название: Манибхадрапурам или Манибхадра-ашрам). Эта деревня находится в четырех километрах от Бадринатха, в направлении тибетской границы. Последний населенный пункт на территории Индии. Дальше – только погранзаезда. Ехать недолго, с полчаса. Мы вышли из нашего джипа на деревенской площади и дальше, вместе с водителем-гидом, пошли пешком. Население в Мане уже преимущественно тибетское, но при этом исповедующее индуизм, связанный с бадринатхской культурной традицией. Женщины в национальной одежде глядят на вас из-за каменных

изгородей подозрительным колдовским взглядом. Это понятно, тут людей с европейской внешностью увидишь не каждый день!

Кишлячная тропа петляла вверх, между приземистых, сложенных их больших камней домов местных жителей, хлевов и загонов для мелкого и крупного рогатого скота. Козы и коровы – основное богатство обитателей Маны. Деревня живет лишь полгода, в период схода снегов и действия высокогорных пастбищ. Где-то к началу ноября жители, вместе со своими отарами и стадами, спускаются в нижележащие долины, где и остаются до следующего рабочего сезона, открывающегося с конца апреля. На зиму – как и в самом Бадринатхе – тут остаются лишь пограничники, редкие сторожа да отчаянные аскеты, привыкшие обходиться минимумом пещерного образа жизни.

Минут через десять небольшого подъема мы подошли к пещере Ганеши¹⁴⁴, так называемой Ганеша-гуфе. Это небольшое святилище, в котором находится мурти знаменитого сына Шивы и Парвати, со слоновьей головой. Вход в пещеру и прилегающее пространство превращены в небольшой храмовый комплекс, к которому ведет десяток ступеней. Внутри сидит жрец. Он ставит на лоб красную тилку и повязывает на правую руку оранжевый шнурок. Om Gaṇ Gaṇapataye Namaḥ!

Мы идем дальше, теперь к пещере ведического мудреца, махариши Вьясы¹⁴⁵. От Ганеша-гуфы до Вьяса-гуфы идти минут пять. Это – последняя и наивысшая (в том числе, по высоте над уровнем моря) точка моего адвайта-пилигримажа. Здесь тоже, как и в случае с Ганешей, площадка перед пещерой и вход в нее забетонированы. Мы подходим к дверям в крипту. Все открыто, но внутри, за исключением черного мурти самого Вьясы и белого идола его духовного последователя и комментатора, Мадхвы¹⁴⁶, никого нет.

Вьяса или Ведавьяса – одно из воплощений Вишну, легендарный риши, систематизировавший Веды с Пуранами и написавший Махабхарату. В некоторых буддийских джатаках он упоминается под именем бодхисаттвы Канха-Дипаяны, а в сикхизме почитается как воплощение Брахмы. Как

¹⁴⁴ **Ганéша**, или Ганапáти (санскр. गणेश; Gaṇeśa) — в индуизме слоновоголовый бог мудрости и благополучия. Один из наиболее известных и почитаемых во всём мире богов индуистского пантеона.

¹⁴⁵ **Вья́са** (санскр. व्यास, Vyāsa — «дробность», «деление», «разделение», «подробность», «подробное изложение»), также известный как Ведавьяса, Вьясадева, Бадараяна или Кришна-Двайпаяна — мудрец, считающийся автором или редактором-составителем многих глубоко древних и обширных по объёму памятников, а также философской системы веданты.

¹⁴⁶ **Мадхва**, также известный как Мадхвачарья, Пурна Прагнья, Ананда Тиртха (1238—1317) — великий индуистский философ и проповедник, основатель религиозно-философской традиции двайта или таттвавада, являющейся одной из центральных монотеистических школ Веданты вайшнавского канона. Почитается как воплощение бога ветра Ваю.

правнук Васиштхи, Вьяса является одним из адвайта-гуру в риши-парампаре. Традиционно считается, что махариши жил в четвертом тысячелетии до н. э., то есть – до начала Кали-юги. Вьяса.

Однако историки имеют серьезные основания полагать, что Веды были впервые кодифицированы не ранее эпохи Ахеменидов (VI – IV вв. до н. э.), когда в состав Персидской империи входили обширные территории Северо-Западной Индии. Именно к этому времени относится появление первых индийских алфавитов (письмена Хараппы – артефакт предшествовавшего цивилизационного цикла, не связанного с индо-иранской традицией) – кхароштли¹⁴⁷ (на основе арамейского письма, которым пользовалась имперская администрация) и брахми¹⁴⁸ (на основе южно-аравийского письма, занесенного, вероятно, купцами).

В период царя Ашоки Великого письмо брахми получило развитие, его использовали для записи императорских эдиктов. Однако, есть много аргументов в пользу того, что первая письменная фиксация Вед имела место на кхароштли, поскольку территории, исторически связанные с древней ведийской культурой, входили в состав Ахеменидской империи или прилегали к ней.

Как известно, в архаичной индоевропейской традиции существовал сакральный запрет на письменность, священные тексты профессиональные жрецы учили наизусть. Такая монополия на знание вполне понятна. Однако, персы требовали от своих подданных «душевной прозрачности», они хотели знать, с кем имеют дело, что чтят и что презирают эти люди. Существует гипотеза, что «священные писания греков» (Гомер), «священные писания евреев» (Ездра) и «священные писания индийцев» (Вьяса) были созданы местными жрецами по запросу имперской канцелярии. Характерно, что «священные писания» самих персов будут кодифицированы лишь через полтысячелетия. Вот она – монополия на знание!

Так что Ведавьяса – это культурный герой, принесший людям письменность. Он же – индийский Лютер, открывший возможность читать священные писания всем, обучившимся грамоте. Не удивительно, что почти одновременно с первыми Ведами появились первые писания буддистов и джайнов. Так стал складываться интеллектуальный дискурс индуизма и дхармической философии в целом. Одна из ее ипостасей – адвайта-

¹⁴⁷ **Кхароштли** — письменность, по-видимому, произошедшая от арамейского алфавита. Была распространена в Северной Индии и на юге Средней Азии (Бактрия, Согдиана) в III в. до н. э. — IV в. н. э.

¹⁴⁸ **Брахми** (санскр. ब्राह्मी, Brāhmī) — одна из древнейших разновидностей индийского слогового письма; пишется слева направо. Хотя брахми является предком практически всех аборигенных письменностей Южной и Юго-Восточной Азии (кроме основанных на китайских иероглифах или латинице), уже в Средние века эта письменность была забыта.

веданта, основателем которой считается риши Ведавьяса – Брахман – Парабрахман.

Мадхва, известный также как Ананда Тиртха или Пурна Праджня, последовательно воплощался как Хануман, Бхима (герой Махабхараты) и Ваю (божество ветра). Яркий представитель движения бхакти¹⁴⁹, является основателем ведантической школы двайты¹⁵⁰ (санскр. «двойственность») или таттва-вады (санскр. «высшая реальность»). Во время путешествий по Индии Мадхва посещал храм в Бадринатхе и пещеру Вьясы, где провел в медитации 48 дней, сподобившись инициатического даршана (видения) великого риши и самого Нараяны. В конце жизни, в семидесятидевятилетнем возрасте, он вернулся в Бадринатх и, согласно традиции его школы, до сих пор жив, медитируя в тайной гималайской пещере, вместе со своим божественным наставником Ведавьясой...

Я совершил перед мурти обоих мастеров полный земной поклон, полежал ничком на полу магической пещеры, на стенах которой Вьяса увидел тени персонажей древнейших ведических гимнов. Vyam Vedavyasaya Namah! Om Jum Sah Vyam Vyasadevaya Namah Sah Jum Om!

После посещения Вьяса-гуфы мы спустились к Сарасвати-мандиру на скалистом берегу бурной реки. Сарасвати – имя реки и одновременно супруги Брахмы, божественной покровительницы наук и искусств (аналог гностической Софии). Она является одним из лиц в женской ипостаси индуcской Тримурти: Сарасвати-Лакшми-Парвати.

Река и божество Сарасвати упоминаются уже в Ригведе, выступая в качестве одного из центральных персонажей этого древнейшего поэтического сборника. Впрочем, то, что можно наблюдать с площадки около Сарасвати-мандира, сложно назвать рекой. Скорее, это бурный горный поток, бьющий из-под скал и через сотню метров вновь ныряющий под землю. Чтобы соединиться – как утверждает легенда – с другими двумя священными реками индуизма, Гангой и Ямуной, в четырех-пяти сотнях километров отсюда, у древнего города Праяги (Аллахабад). Весь этот путь Сарасвати якобы проделывает под землей. Отсюда, в ней видят аналог Стикса – подземной реки мертвых в древнегреческой мифологии.

Некогда, как полагают исследователи, Сарасвати была крупной рекой, сопоставимой с современными Гангой или Индом, но около трех с половиной тысяч лет назад, в результате мощного тектонического события, ее русло, как и русла ее притоков, радикально изменили свои направления,

¹⁴⁹ **Бхакти** (санскр. भक्ति «преданность», «преданное служение») — собирательное понятие в индуизме, используемое для обозначения взаимовыражения эмоциональной привязанности и любви между преданным (бхактой) и Богом в различных формах.

¹⁵⁰ **Двайта**-веданта — направление индийской философии, дуалистическая разновидность веданты, созданная Мадхвой.

в результате чего ведическая Сарасвати, фактически, исчезла с геологической карты.

Существует ли в самом деле подземный поток и насколько он длинный – вопрос отдельный. Но то, что мы видим в Мане, впечатляет само по себе. Наблюдаемый здесь поток бьется в гигантском скалистом ущелье, а через ледяные бурные воды переброшен естественный каменный мост из гигантской глыбы. Легенда утверждает, что этот монолит утвердил здесь сам Бхима – один из пяти братьев-Пандавов, частичное воплощение бога Ваю – на пути их восхождения на небо, когда их общая жена Драупади не смогла перепрыгнуть через бешеный поток.

Мост через бурные воды на и пути к небесному восхождению – вполне инициатический образ. Как и сами персонажи легенды, записанной Вьясой в ста метрах отсюда, в его волшебной пещере, до сих пор хранящей творческие вибрации одного из главных авторитетов ведийской традиции. Сам Вьяса, являющийся общим дедом враждующих на Курукшетре Пандавов и Кауравов (потомков жен-сестер Амбики и Амбалики), иногда изображается в виде трехликого и четырехрукого Брахмы. В таком случае получается, что Сарасвати – это его шакти, творческая сила.

Исток Сарасвати – ближайший источник воды к пещере риши-отшельника. Стоящий здесь Сарасвати-мандир является типичным мелкогабаритным гималайским храмом – выкрашенная в желтый цвет каменная коробка, едва в человеческий рост, с пятиступенчатой, венчаемой небольшой полусферой, пирамидой розового цвета и парой красных треугольных индусских знамен на крыше. Внутри святилища находится укутанная шелковыми тканями с позолотой фигурка богини. Om Shreem Hreem Saraswatyai Namaḥ! Не поднимаясь назад к Вьяса-гуфе, мы проследовали каменной тропой вдоль скального обрыва, мимо небольшой кафешки «Himalayan Coffee Centre», обратно к деревне...

– Папа, обращается ко мне Филипп, – ты какой-то странный...

– Странный? Это почему?

– Ты зачем-то лег лицом на землю, а ведь тут грязь и микробы!

Я объясняю, что такие тут правила игры. Совершая поклоны или ложась на землю, люди выражают свое почтение к символам культурной традиции. А грязи и микробов высоко в горах практически нет. Тут все стерильно, даже мух не видно. Теологические споры с Филиппом мы ведем давно. Есть бог, нет бога? Я стараюсь на его вопросы отвечать философски, не загружая детский мозг прямой суггестией однобокого ответа. Моя теология: «Бог – это икс-фактор». Пусть сам делает нужные выводы. Но проблему нужно представить со всех сторон, чтобы было, о чем поразмышлять...

II. 8. 6. Пранаяма и йога сновидений

Вернувшись в отель, я выложил на домашний алтарь взятые из священных пещер мелкие камешки, зажег свечи с аграбатти и сел у открытого окна делать пранаяму. Сегодня это называется холотропным дыханием. Но традиционная пранаяма на порядок тоньше холотропной¹⁵¹ гимнастики: и по применяемым техникам, в том числе из области нейролингвистического программирования (НЛП), и по достигаемым эффектам.

Впервые с эффектом гипервентиляции я познакомился еще в средней школе, где-то в шестом классе. Тогда все мальчишки заразились эпидемией «усыпления». В действительности это выглядело следующим образом. Усыпляемый (психонавт) должен был сделать девять интенсивных и очень глубоких вдохов и выдохов подряд, а на десятом вдохе набрать максимально полные легкие и задержать дыхание. В это время другой человек обхватывал его сзади руками, сцепляя их на груди и сильно сдавливая грудную клетку. Усыпляемый в этот момент терял сознание.

Степень отключения зависела от мощи вдоха и силы внешнего давления. Как правило, человек начинал медленно оседать, потом совершенно заваливаясь, делая при этом некие нелепые телодвижения. Причем во внутренних ощущениях вы тоже покидаете эту реальность и видите странные сны. А потом неожиданно приходите в себя, как Пророк после путешествия в Иерусалим, обнаруживая, что еще вода не успела вылиться из кувшина...

Подобное «усыпление» наглядно показывает главный принцип действия любого холотропного дыхания, любой пранаямы. Гипервентиляция легких ведет к насыщению крови кислородом, что вызывает, при передозировках, обморочные состояния. Иными словами – способствует трансу. Шаманистические камлания, суфийские зикры, тантрические даршаны и манихейские радения – все эти мистические практики достижения особых познавательных состояний связаны с холотропными техниками, в сочетании с приемами автосуггестии (мантры-молитвы-визуализации).

Очень важное значение при пранаяме играет ощущение внутренней ритмики, пульсов организма. Эти пульсы, в сочетании с дыхательными ритмами, формируют как бы базисную «метапротоплазму» человека, его ритмическое тело, частотную матрицу нейрофизиологии. Большинство инструкторов пранаямы и ци-гуна (китайский вариант пранаямы)

¹⁵¹ **Холотро́пное** дыха́ние (ХД) — метод трансперсональной психотерапии, заключающийся в гипервентиляции лёгких за счет учащённого дыхания. В результате вымывается CO₂ из крови, сосуды мозга сужаются, начинается торможение коры головного мозга, и активируется подкорка, что вызывает вытесненные из сознания переживания]. Также наблюдается увеличение pH в крови, наступает респираторный алкалоз. Этот метод был разработан американским психологом чешского происхождения Станиславом Грофом и его женой Кристиной в 1970-е годы в качестве замены запрещенному ЛСД.

предписывают механическую систему упражнений, построенную на комбинировании различных временных периодов вдоха-выдоха или вдоха-задержки-выдоха.

Например, (если считать в секундах или ударах пульса): 8-8, 12-8, 4-16, 4-8-4, 8-16-4, 4-12-8 и т. д. Такие упражнения предполагают, что адепт, выполняя пранаяму, одновременно считает эти секунды или пульсы, стараясь следовать заданному алгоритму дыхательных фаз. Однако, подобная механическая муштра, имеющая некоторый дисциплинирующий смысл для новичков, начинает, в определенный момент, тормозить более продвинутое овладение пранаямой как составного элемента всего комплексного процесса тапасьи (пранаяма + дхарана + дхьяна + самадхи), требующего не механического, а интуитивного подхода в принципе.

Различные пропорции дыхательных ритмов могут способствовать усилению или снижению аспекта концентрации-медитации, дхараны-дхьяны, бодрствования-сна, однако механическое следование избранному алгоритму препятствует эффективному управлению оперативным состоянием нервной системы адепта, поскольку взаимодействие дыхания с психосоматическими ритмами организма не имеет линейной характера. Здесь большое значение имеет обратная связь сознания с телом, которая легко блокируется при фиксации на счете для формального соблюдения заданных дыхательных пропорций. Каждый йогин должен самостоятельно нащупать механизмы этой обратной связи, подчас парадоксальные, но от этого – не менее эффективные.

Продвинутые адепты обращают внимание не на счет или временные периоды вдохов-выдохов, но на автосуггестивный эффект пранаямы как инструмента подготовки тела к трансовому погружению в состояние самадхи. Лучше всего способствует овладению искусством пранаямы высокогорная среда, где воздух чист и окружающий эфир ближе по своему составу к астральной среде обитания небесных сущностей, помогающих йогину достичь высших духовных планет. Холотропное дыхание высоко в горах дает совершенно фантастические результаты, раскрывает сознание и проявляет тончайшие экзистенциальные интуиции, манифестируемые в качестве божественных откровений и запредельных всему сотворенному инсайтов.

Сидя перед открытым окном с видом на мандир, я углубился в пранаяму. Дышалось легко и радостно, тело насыщалось элементами высшего водорода, обожаясь не только в метафизическом, но и в практическом смысле этого слова. Tat tvam asi. Состояние сам-ям – это когда активности левого и правого полушария мозга уравновешены в срединной доминанте, удерживая которую йогин достигает трансцендентального самадхи. Aham Brahmasmi...

Назад в чувства меня привело ощущение теплоты в центре лба. Как будто третий глаз дал о себе знать, постепенно накаляясь. Неужто, в самом деле, возможны эффекты такой интенсивности? Причем теплота из эпицентра быстро распространилась на все лицо, а сквозь закрытые веки я однозначно «видел» перед собой некое увеличивающееся сияние. Я, в нетерпении, открыл глаза и увидел прямо перед собой сияющий диск яркого закатного солнца, висевшего над западным хребтом Нараяны, прямо напротив моего окна. Так вот что зажгло мой третий глаз, вместе со лбом! Небесное око Митры сверкало в ярко-синем безоблачном небе бриллиантовым пламенем.

Сила горного солнца известна. Много лет назад, во время своих путешествий по Средней Азии, я несколько раз осуществлял в горах ритуал йогической агнихотры, или медитации пяти огней, когда четыре из них представляют собой жертвенные костры по четырем сторонам света, а роль пятого играет само Солнце.

На этот раз все повторялось в формате скромной домашней пуджи. На превращенном в импровизированный алтарь подоконнике стояло четыре зажженных свечи, по одной на каждое состояние йогического познания, которые суть вайшванара (бодрствование), тайджаса (сон), прагья (глубокий сон) и турия (четвертое состояние). Ну и Солнце – пятый огонь. Я переставил свечи таким образом, чтобы сформировать вокруг себя огненный квадрат – по одной на каждую сторону света. Это, конечно, не костры, но символизм обряда вполне сохранен.

Я вновь закрыл глаза, продолжая медитацию. Бадринатх, в самом деле, волшебное место! Тут и дышится легко, и погода всегда летняя. Недаром, эта местность считается у мистиков и магов всего Индостана особенной. Склоны вокруг города усеяны кельями садху и украшенных красными флагами куполами святилищ, в которых черные мурти космических богов держат поле заповедных традиций Санатана-дхармы. И в центре этого гигантского пантеона – златоверхий мандир самого Махавишну-Нараяны, некогда удостоившего эти места личным присутствием. *Om Badrinarayana Namah!*

Боммм, – прогудел медный колокол у врат мандира. Бом, бом, боммм... Динь-динь-динь, – заголосили мелкие колокольчики вокруг. Начался безудержный перезвон, словно в православном монастыре. Это разбудило Филиппа, спавшего с самого момента нашего возвращения из Маны. Свежая горная прогулка сделала свое дело.

- Папа, это что такое?
- Колокола звонят, в храме начинается вечерняя церемония.
- Жаль, что они меня разбудили. Я такой интересный сон видел...
- Что за сон, – спросил я с надеждой, ожидая, что ребенку приснились

какие-нибудь небожители.

– Мне приснилось интересное решение одной задачи по программированию!

Ну вот, каждому – свое. Но суть ведь не в том, что снилось, а в качестве самих сновидений, которые в горах имеют совершенно особые свойства, происходящие из глубинных интуиций пробуждающейся души. Что касается темы с «интересным прерванным сном», то я ее, как мне кажется, давно раскусил на примере собственного опыта. Расскажу о самом ярком.

«Много лет назад, еще в СССР, мне нужно было найти доверенное иностранное лицо. А такие в ту пору, как известно, на улице не валялись. Вот, однажды, снится мне сон, как в таллинский порт заходит большой шведский лайнер, и с него на пирс сходит большая группа интуристов, среди которых – то самое теоретическое «лицо». Я, конечно, радуюсь случаю, собираюсь начать общение, и в этот самый момент... Дзинь-дзинь-дзинь! Что за дьявол? Клиент размывается в сновидной материи, а я пробуждаюсь по эту сторону магического порога от дребезжания телефона. Вот как не вовремя! Хотя, что значит «не вовремя»? Это же только сон, пусть и в тему. Лениво, с полуприкрытыми глазами, тянусь к трубке:

– Алло...

– Владимир, это Март. Есть вариант!

Март – один из тех людей, который обещал мне поискать нужного человека. У него родственники за границей, могут, возможно, как-то поспособствовать... Договариваемся на встречу, поскольку разговор – явно не телефонный. Через пару часов он появляется на пороге моей квартиры в сопровождении... шведского туриста! Тот только что прибыл, утренним рейсом, из Стокгольма!»¹⁵²

Дальнейшая история – это совсем другая тема, но сам по себе эпизод с пророческим сновидением включил во мне интуитивное понимание не просто этого конкретного случая, но вообще, как бы раскрыл глубинную природу такого рода феноменологии «прерванного сна». Суть явления, насколько я себе представляю, состоит в том, что образ этого шведа мне приснился в результате не предшествующего Мартовому звонку телепатического контакта с объективной реальностью, а вследствие самого этого звонка! Постараюсь объяснить подробнее.

Представим себе, что время во сне движется относительно времени режима бодрствования как бы в обратном направлении. Это, образно говоря, как если бы вы плыли по реке на лодке, а берега по разные стороны от вас двигались бы в противоположных направлениях. Эту сцену я тоже когда-то увидел во сне, и теперь она помогла мне понять, как это конкретно работает. Иначе говоря, время во сне движется из будущего в настоящее, а после просыпания – наоборот, от настоящего в будущее. Сам момент просыпания связан с парадоксальным состоянием двоевременья, когда вы видите оба «берега» одновременно.

¹⁵² Из книги автора «Школа Магов»

В итоге выявляется следующая ситуация. Я сплю, но то, что мне снится – не имеет никакого значения. Возможно, вообще ничего не снится. В этот момент физического времени мне звонит Март. Разумеется, еще до того, как набрать мой номер, он думает об этом шведе, в его сознании также присутствуют известные ему обстоятельства прибытия шведа в Таллин: т. е. приехал на теплоходе, с группой туристов...

Иначе говоря, Март, собираясь мне позвонить, уже в концентрированном виде как бы посылает соответствующий информационно-телепатический импульс. Разбуженный телефонным звонком, я начинаю просыпаться, и в этот момент полусна-полубодствования, в этот промежуток сам-ям (выражаясь йогически), в мое еще полусонное сознание проникает Мартовская телепатема, которую я воспринимаю в формате «сновидения о шведе». Да, но ведь сначала было сновидение, а звонок – лишь потом! Однако, вспомним о временной аберрации. С точки зрения физического времени, я просто спал и ничего не видел. Само сновидение возникло лишь вместе с побудительным звонком и отразилось в сознании словно бы в обратной временной перспективе.

Сами сновидения, как таковые, протекают вне физического времени. Вспомним известную историю о пророке Мухаммаде, когда он, впад в мистический транс, вознесся на небо и имел продолжительную беседу с ангелами, а придя в себя обнаружил, что за все это время даже не успела вылиться вода из опрокинутого им при падении кувшина! Так – и в случае с телефонным звонком, да и в любом другом, когда речь идет о «прерванном сновидении».

Повторюсь, что сновидная реальность находится за пределами физического времени. Сны приходят к нам, образно говоря, из будущего, проявляясь в законченных сюжетах лишь в моменты пробуждения. При этом сам материал, на базе которого конструируется сюжетная линия, может быть вполне заимствован из прошлого. В случае с Филиппом его «интересный сон» вызвал, по всей видимости, как раз удар колокола и последовавший перезвон. А до этого его пустая интуиция, как энергия глубокого сна, иррациональным образом текла из будущего в настоящее, вплоть до момента окончательного пробуждения...

Уже в седой древности люди заметили, что существует два типа сновидения: это так называемый «лошадиный сон» (пустой) и вещий, представляющий собой некий вид пророчества, предвидения.

«Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни *роговые*, другие из *кости слоновой*;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;

Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.»

Гомер. Илиада

Анализировать свои сны я привык с самого детства, поэтому свидетельская база у меня собралась приличная. Просыпаясь и вспоминая очередное сновидение, я всегда пытаюсь, прежде всего, понять, какие его элементы навеяны чем-то реальным, а какие – проявление телепатической интуиции, уникального инсайта, не имеющего базы в пережитом опыте. Про вещи сны как разновидность телепатии или интуирования будущих событий я уже писал. Теперь поделимся нашими соображениями по поводу «лошадиных». Такие сны представляют собой результат своеобразной мозговой комбинаторики, т. е. сочетанием уже имеющихся в памяти впечатлений, из которых выстраивается сновидный сюжет. Поясним на конкретном примере, как это работает.

В одном из своих сновидений я оказываюсь на морском побережье. Не буду подробно пересказывать всю канву последовавших событий, поскольку самое главное в этой истории – начало и конец. А конец такой. В результате сновидной многоходовки, весьма насыщенной впечатлениями и ассоциациями, я бегу по тропинке и оказываюсь в свинарнике, где разлеглась крупная хрюшка. Просыпаюсь и начинаю перебирать в сознании только что увиденное кино. И тут понимаю, откуда это побережье и свинья. Накануне вечером я пересматривал свои летние фотографии: наше семейство на морском побережье. Именно том самом, которое мне приснилось (Клоога-Ранд под Таллином, где у нас некогда была дача). А потом, после фотографий, я смотрел в ютубе Пинк Флойд: клип, где над лондонской электростанцией парит большая надувная свинья. Вот это и есть два ключевых «лошадиных» впечатления, застрявших в мозгу. А весь сюжет между ними мозг спрограммировал в виде отдельного, как бы логически (в логике сновидения) связанного сюжета.

Как это происходит? Точно так же, как в поэзии. Возьмите любую рифму с произвольно связанными словами – и ваш мозг всегда отстроит какую-нибудь субъективную ассоциацию. Так работает наша вторая сигнальная система, кодирующая и декодирующая знаки в значения. Наши «лошадиные» сновидения – эта такая поэзия ассоциаций. Но при этом в ней могут быть (но не обязательно) вкраплены элементы вещего сна. Так же, как и в вещем сне, вполне допустимо наличие «лошадиных» моментов. Прочтение всякого сновидения возможно только при наличии определенной интуиции, связывающей-разделяющей смысловые и парасмысловые элементы общей материи ментального перформанса. Впрочем, так же это действует в бодрствовании, но здесь доминирует позитивистская логика, затмевающая собой интуитивные скачки до-логического самосознания. А уже разобравшись в субъективной природе сновидений, несложно понять и объективную природу майической (иллюзорной) природы опыта бодрствования...

II. 8. 7. Японка в белом...

Колокольный звон побудил меня закончить мистическую сессию и отправиться на вечернюю службу в мандир. Глубокое синее небо было совершенно безоблачным, из-за зеленых склонов окружающих гор высвечивали белые снежки священных вершин Нилакантхи, Нары и Нараяны. Торговая улочка вдоль Алакнанды переливалась перламутром блестящей атрибутики индуизма: статуэток, светильников, украшений, амулетов, божественных изображений и кристаллических фигур... «Хари Ом!» – кричат слева три бродяги, усевшись напротив лотка с чаем и дешевой едой. Накануне дал им по сто рупий, но быстро понял, что если подавать каждый день, то и десяти хватит, иначе скоро самому придется встать с протянутой рукой.

Десять рупий – как раз цена одного чая. Четыре чая – как одно второе (дал или рис, чапати). Пятьдесят рупий – элементарно покушать. Все бродяги жутко худые. У одного вывернута нога, он ходит с костылем. У другого на руке какие-то наросты. Они все живут на маленькой торговой площади, под тентом, напротив аюрведической аптеки. Спят на одеялах, разложенных вокруг священного огня Шивы. «Хари Ом!» – кричат справа шиваитские садху, расположившиеся на площадке у огромного камня, нависшего над самой рекой. У них тоже горит огонь Шивы, из священного очага торчит трезубец Владыки вселенной. Садху сидят вокруг огня, их лица расписаны ритуальными цветами в соответствии с правилами сампрадаи. Они тут все из разных мест. Приходят пешком, иногда с самого юга страны, на летние месяцы в Бадринатх. Тут хороший климат, не жарко, идеально для медитаций. Святые места, истоки Вед. Много паломников, много жертвований...

Но в этот раз улицы Бадринатха пусты, размытые дороги, перекрытые оползнями, прекратилось регулярное транспортное сообщение. Еще дальше, справа – шеренга нищих с протянутыми руками: «Хари Ом!» Всем сразу не подать: очень много. Действовать избранно – обижать других. Спокойнее всего – просто пройти мимо. А вот и мост на ту сторону потока. Вход под аркой с колокольчиком. Ом Намо Нараяная Намах! С той стороны Алакнанды, над купальнями, стелются туманы белого пара. А над паром, как из облака, возвышается расписной мандир с золотой крышей и красно-бело-красным знаменем высшего закона, санатана дхармы, над ней. Из мандира и многочисленных молелен вокруг раздается звон колоколов разных тембров.

Я перехожу через мост и поднимаюсь по ступеням к мандиру. Повсюду садху и нищие. Торговцы, вайшьи, стоят за прилавками своих ларьков, в обрамлении священных символов и яркой, цветастой материи. Подхожу к ступеням храма, снимаю сандалии. Дальше поднимаюсь по теплому мрамору к воротам в виде арки, с очень громким колоколом посередине. Его звук напоминает голос корабельной рынды. Мандир плывет в тумане Тапта-кунда, сквозь спирали вселенной в пустоте Парабрахмана...

В храме пока тишина. Пусто. Я усаживаюсь в дальний угол, у задней

колонны, в разных местах мандапы замечаю еще два-три сидящих человека. Перед одним из них горит аграбатти. Проходит с полчаса. Храм постепенно наполняется прихожанами. Все опускаются прямо на пол, предварительно застеленный большим толстым ковром. Жрецы начинают пуджу... Существенная часть пуджи – пантомима. Это подлинное колдовство. Жесты сопровождают различные предложения идолам, символизирующим верховное божество и его ипостаси. Посредством голоса и жестов высшие силы призываются в идола, и жрец, глядя изваянию в глаза, начинает с ним ритуальное общение. Другие жрецы в это время поют мантры из Вед и Пуран, на один-два-три голоса, делая одной рукой дирижирующие движения, очень напоминающие жесты куликов православных псалмопевцев.

Еще о православной службе тут напоминает ритуал «движения воздуха», имитирующий присутствие божества как святого духа через созидание ветров: веяние антимином над Святыми дарами в церкви или опахалом над идолом или алтарем в мандире. Этот прием является основным также в джайнских святилищах и в сикхских гурудварах, где перманентное веяние опахалом над священной книгой Грант Сахибом, Великим Господином, имитирует его чтение ангелами. В бадринатхском мандире, в определенные моменты службы, один из браминов встает на скамью у алтаря и начинает медленно водить над Царскими воротами большим опахалом из белых перьев. Эта процедура предшествует возжжению священных огней, окончательно оживляющих магические силы мурти. Умывание этим огнем – кульминация пуджи как огненное причастие, практическая агни-йога.

Практически всю пуджу я просидел в углу, у колонны, на стопке очень удобно сложенных ковров. Где-то метре от меня сидел какой-то садху, читавший книгу и воскуривший прямо перед собой ароматическую палочку. Я периодически закрывал глаза, углубляясь в астральный план момента. Вернее, глаза сами закрывались, а если сказать еще точнее – непроизвольно закатывались. Видимо, такая спонтанная трансовая реакция. Временами сквозь храмовое пространство проносились легкие дуновения свежего ветра, завихряясь вокруг плотных тел аурой духовного катаклизма.

Не заметив завершения пуджи, я продолжал сидеть, спонтанно погружаясь в состояние сам-ям. Наконец, в какой-то момент придя в себя, чувствую, что пора вставать. Открываю глаза и вижу, что в храме все еще сидит, по разным углам, три-четыре человека, в том числе – мой сосед-садху. Вот он медленно поднимается и, произнеся краткую мантру, последовательно расплывается ниц, вытягивая руки в сторону алтаря. То же самое делают и другие посетители мандира. Я следую поданному примеру, принимая горизонтальное положение. Приятно лежать среди единомышленников!

Земные поклоны здесь распространены. Еще одно сходство с православной культовостью. Про исихазм даже говорить не приходится. Тут почти все садху – исихасты. Внутренняя молитва, концентрация на мантре, управление дыханием и озарение ума – все это в полной мере присутствует у индусов как нечто само собой разумеющееся. Подхожу к стоящему перед царскими воротами столику, за прасадом. Это не тот жрец, с которым мы знакомились, а его коллега по касте, Лингам (титул) Бхимашанкар. Он спрашивает меня: кто, откуда и куда? Объясняю, что я писатель из Лондона. Брахман улыбается:

- Я вас еще вчера заметил. Вот и сейчас наблюдал, как вы сидели в углу.
- Да, приятно осуществлять дхьяну в таком месте!

Я кратко рассказываю брамину, что совершаю свой адвайта-дхам в парадигме обратного времени: не от Вед к веданте, а от веданты – к истокам вечной Веды. Бхимашанкар одобрительно качает головой:

- Все правильно. Вы очень интересно рассказываете. А вон там, видите, дама в белом сидит? Это японка! Она сюда регулярно приезжает.

Дама сидит в пол-оборота, на полу, у самого порога Царских врат. В белом сари, на голове – белый платок. Если не знать, что японка, можно вполне принять за местную тибетку или непалку. Такие тут тоже есть. Брахмин ее окликает. Она смотрит в нашу сторону. Я ей говорю:

- Конничива!¹⁵³

Японка смотрит на меня с некоторым недоумением. Я перехожу на английский. Брахман улыбается:

- А это наш гость из Лондона!

Мы с дамой перебрасываемся короткими фразами. Я объясняю, что прибыл в Бадринатх пару дней назад, провести неделю-другую в святом месте. Она тоже только что приехала. Рассказала, что каждый год навещается сюда на месяц. Отключается от всех дел, полностью выпадает из привычного общения, отключает телефон и интернет... Каждый день приходит в храм и просто балдеет:

- Я совершенно не понимаю хинди. Да это и не нужно. Я просто слушаю, как они поют мантры, и мне хорошо. Вот так сидишь тут и во всем растворяешься...
- Lost in translation?¹⁵⁴

¹⁵³ **Конничива** (яп. こんにちは, kon'nichiwa) – здравствуйте

¹⁵⁴ **«Трудности перевода»** (англ. *Lost in Translation*; дословно — «Затерявшиеся в переводе») — американский художественный фильм режиссёра Софии Копполы (2003).

Она учтиво улыбается... Эта японка оказалась единственным западным туристом, которого я встретил на протяжении всего своего путешествия в Бадринатх, начиная от самого Ришикеша и далее.

Возвращаясь из храма домой, я задержался на мосту через Алакнанду, наблюдая, как она несет свои священные воды на юг, в бренный мир людей. В этом месте, по обе стороны бурлящего потока, встают мощные отвесные берега из серого гранита, превращая естественный каньон в некое подобие титанической набережной, созданной магическим искусством неведомых мастеров.

Прямо напротив Тапта-кунда, неподалеку от Черепа Брахмы, поток омывает мощный скальный блок, подобный панцирю гигантской, всплывающий на поверхность реки черепахи. Изрезанный и одновременно отшлифованный за бесчисленную череду земных и небесных лет, этот блок спонтанно останавливает на себе внимание всякого, случайно взглянувшего на него прохожего, изощренностью постоянно меняющихся визуальных сочетаний неподвижного каменного рельефа и скачущей на стремительных водных струях белой пены.

Подобного рода блоки, покрытые ритуальными свастиками, мне уже приходилось видеть на пути в Бадринатх. Безусловно, за такими объектами стоит некая мистическая сила, гипнотизирующая сознание человека аллюзиями божественной лилы¹⁵⁵ космических первоэлементов. Созерцание этой скалы навеяло мне воспоминания об одном сновидении, в котором я тоже стоял на гранитной набережной и так же созерцал выступивший на ее дне каменный рельеф.

А река — широченная, в километр! Сама же набережная — крайне высокая, напоминает обрыв в пару сот метров. И течет в этом гигантском русле совершенно прозрачная вода, прямо как из-под крана. Но самое удивительное — на дне потока. Я вижу здесь колоссальных размеров гранитные барельефы двух летящих бодхисатв в духе кушанского искусства, расположенные валетом, словно инь и ян. Эти барельефы настолько огромны, что занимают, практически, все русло — от берега до берега. Один бодхисаттва как бы "летит" по течению, другой — против. Сначала я подумал, что это просто две гигантские статуи, специально опущенные на дно реки в декоративных целях. Но, постепенно пробуждаясь, я все более отчетливо понимаю, что барельефы небожителей были выточены водным потоком самой реки. Как же такое возможно?

Мелодрама о двух американцах в Токио, выключенных, в силу непонимания японского языка, из местной реальности.

¹⁵⁵ **Лила** (санскр. लीला, līlā) — санскритский термин, который в буквальном переводе означает «игра», «времяпрепровождение». Является важным философским понятием в индуизме. В адвайте лила используется для описания всей реальности как результата творческой игры Верховного Абсолюта (Брахмана). В вайшнавском философском толковании лилы Бога находятся за пределами восприятия материального ума и чувств, и, обладая всецело духовной природой. Это божественные деяния, необъяснимые с точки зрения мирской логики.

Окончательно проснувшись, я понял аналогию. Река — это поток сознания, существования. А гранитное русло — его материальная основа. У каждого человека, в течение всей его жизни, этот символический поток как бы вытачивает на экзистенциальном дне подсознания некие образы. В зависимости от природы водных потоков как символа приложения психических сил, в конечном итоге, когда река жизни окончательно обмелеет, остается некая финальная фигура судьбы. Это как бы застывший, вечный слепок с нематериальной сущности индивида, полученный в результате "кармического трения". Но данная догадка задала новую загадку: следует ли мне теперь и дальше стремиться к максимальной отточке деталей, или же, напротив — к полировке донного образа до уровня зеркально-гладкой гомогенности? Но это уже размышления бодрого ума, не имеющего никакого отношения к интуициям сновидной не-реальности...

Уже много позже я понял, что образ летящего бодхисатвы на дне реки мне был навеян японкой в белом сари как тайным посредником алхимической инициации альбедо¹⁵⁶...

II. 8. 8. Муни-баба – колдун с серебряным трезубцем

В ресторане у Бхарата я познакомился с молодым пандитом по имени Арун Лехвар. Он, как и сам хозяин заведения, был из Ришикеша, на летний сезон приезжал в Бадринатх немного подзаработать. Он помогал Бхарату по кухне и обслуживанию клиентов. Дело было вечером, уже стемнело. Над священным городом зажглись звезды. Глядя на них, я заметил один очень странный огонек. Это была явно не звезда и не планета, а, скорее, какой-то костерок на черном склоне Нараяны. Я спросил у ребят, что это может быть. Чабаны, что ли?

- Это ашрам Муни-бабы! – ответил мне Арун.
- Муни-баба? Это кто такой?
- Это один садху-молчальник. Очень сильный человек. Иногда, очень редко, он спускается в город.
- Как же он там существует? Ведь ему нужны продукты, вода, дрова...
- Ему помогают его ученики. Муни-баба очень богатый, ему все приносят деньги.
- И как ты думаешь, туда можно подняться? Мне было бы интересно пообщаться с этим садху!
- Я же говорю, он молчальник. Практически не разговаривает. Да и что он скажет? Он только на хинди понимает.

¹⁵⁶ **Альбедо** (лат. albedo) буквально «белый цвет» — алхимическая стадия Великого Делания, следующая после нигредо. Стадию альбедо называют также «белое делание», «белый труд», возрождение. Альбедо символизирует собой очищение и сублимацию, при котором появляются зачатки сознания. Николя Фламель, известный средневековый алхимик, писал: *«Поскольку мы уже назвали черноту смертью, в рамках той же метафоры мы можем назвать белизну жизнью, которая приходит только лишь посредством воскрешения.»*

– Может быть, мы вместе поднимемся? Ты знаешь туда дорогу?

– Где дорога – знаю, но сам там никогда не бывал...

Дорога к отшельнику, по словам Аруна, начиналась сразу за ашрамом ниже по склону, принадлежавшем одному из учеников Муни-бабы. Я заметил этот ашрам в первый же день своего пребывания в Бадринаатхе. Издали он смотрелся как фантастический дворец ярко-красного цвета, с большими красными знаменами на крыше. По вечерам на стенах ашрама зажигалась яркая разноцветная иллюминация, что чисто визуально превращало его в некое подобие какого-то увеселительного заведения типа казино.

– Там живет йог, который всему научился у Муни-бабы. Тоже очень богатый человек! К нему постоянно приезжают какие-то иностранцы. Вот у нас в ресторане недавно была какая-то русская девушка оттуда...

Разговор становился все более интригующим. Я пытался побольше выяснить про этих двух странных молчаливых, ни Арун, ни Бхарат не могли мне рассказать чего-то конкретного. Так, все больше слухи и домыслы о загадочных садху на склоне горы. Я решил все разузнать самостоятельно, начав с интригующего Красного ашрама.

xxx

На следующий день, около полудня, я отправился к полному тайн Красному ашраму. Дойдя до центрального храма Бадринараяны, нужно свернуть налево и пройти по улочке, вдоль западного берега Алакнанды, где-то метров триста, откуда начинался подъем вверх. Еще пара сот метров – и перед вами встает красный корпус ашрама с огромными окнами, многоарочной, украшенной свастиками надстройкой на крыше и реющими на ней дюжиной огромных красных штандартов на фоне синего неба и белого пика Нилкантха. Чуть левее, как бы прямо с небес, низвергается на скальные породы гималайского хребта колоссальный водопад. Картина, достойная Болливуда!

Справа от Красного дворца стоит двухэтажная белая вилла, слева – высокая красная стена, также украшенная флагами. На стене висит огромный плакат с изображением медитирующего йога с длинными волосами и в красной одежде, на фоне другого йога, с обнаженным корпусом, широко раскрытыми глазами и желтым нимбом над головой. За обеими фигурами встают белые горные пики. Надпись на плакате гласит:

Kriyayog Teaching Centre. Himalaya Mahayogi Shri Dharmaraj Bharati Mounibaba

Тропинка переходит в ступеньки. Я поднимаюсь чуть выше и оказываюсь перед открытыми дверями прихожей. Над входом висит колокол, но я не звоню, а тихо переступаю через порог. В прихожей полно обуви. Ну да, на Востоке везде положено снимать ее перед входом в помещение. Никаких

других дверей, кроме входной, вокруг нет. Зато есть лестница, ведущая на верхние этажи.

Я поднимаюсь и оказываюсь перед большой верандой с сидящими на ней людьми: двое мужчин, три женщины. В одном из мужчин узнаю йога с плаката на стене. Он одет в красный бархатный балахон, рукава оторочены блестящими манжетами, на шее – толстая цепочка бус из белых кристаллов. Усики, борода – все как на картинке. Муни-баба собственной персоной? Здравуюсь, спрашиваю, говорит ли кто-нибудь по-английски. Молодая женщина в оранжевом сари поднимается мне навстречу:

– Сэр, позвольте проводить вас в комнату. Мастер сейчас освободится и примет вас.

Все присутствующие, включая красного мастера, со мной вежливо раскланиваются. Дама в сари ведет меня в большой зал, сверху донизу обклеенный большими цветными постерами с Кришной и его многочисленными гопи¹⁵⁷. Такими же постерами обклеен потолок. На полу – цветастые толстые ковры. Никакой мебели. У одной из стен я замечаю подобие алтаря с сидящей на ней белой фигурой в человеческий рост, с венком из листьев туласи на шее.

– Это наш зал для йоги и медитаций, – поясняет Оранжевая Леди.

– А что это за фигура, – интересуюсь я.

– Это мастер Бабаджи, учитель нашего гуру.

– Учитель Муни-бабы? – уточняю я.

– Да, сэр.

– Простите, Муни-баба – это человек в красных одеждах?

– Так точно, сэр. Извините, он сейчас занят с гостями, но вот-вот освободится и примет вас. Пройдемте, пожалуйста, в приемные покои.

Да, я не ошибся. Муни-баба – это и есть тот самый человек в красных одеждах. Конечно, молодовато выглядит для умудренного жизнью отшельника, но ведь Индия – страна чудес! Что касается фигуры Бабаджи, то в ней я сразу узнал второго йога на плакате, сидящего – с голым торсом и нимбом – за первым. В сущности, это не реальный, а как бы мифологический, если не сказать – «литературный» персонаж.

Махаватар Бабаджи (Нагарадж) известен в Индии со второй половины XIX века, прежде всего – через основателя школы крия-йоги Лахири

¹⁵⁷ **Гопи** (санскр. गोपी; gopī IAST) — санскритское слово, которое означает «девочка-пастушка». В индуизме словом «гопи» (иногда «гопика») принято называть группу девочек-пастушек коров, которые в ряде традиций кришнаизма почитаются как вечные спутники и возлюбленные Кришны в духовном мире Голоке Вриндаване.

Махасайю¹⁵⁸, а также популярного журналиста В. Т. Нилакантана, близкого ученика Анни Безант¹⁵⁹, председателя Теософского Общества¹⁶⁰ и ментора Кришнамурти¹⁶¹. Именно через публикации Теософского Общества получило распространение практически единственное изображение Бабаджи в виде молодого длинноволосого йогина. Этот образ, воспроизведенный на плакате Муни-бабы, можно также найти в многочисленных теософских и агни-йогических публикациях – откуда, собственно говоря, мне он и был известен.

Согласно сложившейся легенде, Махаватар Бабаджи являлся лично Лахири Махасайе, С. А. А. Рамайе, В. Т. Нилакантану, Свами Кебалананде и еще некоторым людям, включая известного йогина Йогананду¹⁶², впервые для западной аудитории поведавшего о феномене Баба-джи в книге «Автобиография йога» (1946). По свидетельствам «очевидцев», Бабаджи был учеником легендарного риши Агастья¹⁶³, а также философа и алхимика Богара¹⁶⁴. До сих пор появляются люди, утверждающие, что им лично встречался бессмертный, но невидимый для глаз обычных смертных, мастер Бабаджи.

По пути в приемный покой Оранжевая Леди показала мне личную комнату мастера – небольшой кубрик, в котором не было ничего, кроме большой высокой кровати, застеленной красным бархатным покрывалом, и алтаря, на котором стояло нечто вроде блестящей «новогодней елки» из венков туласи, цветов и листьев брахмакамалы, под которой сидела в позе лотоса

¹⁵⁸ **Йогараджа Шри Лахири Махасайя** (Шьяма Чаран Лахири, Shyama Charan Lahiri, Каши Баба, бенгали শ্যাম চরণ লাহিড়ী Shêm Chôron Lahiri, 30 сентября 1828 года, Бенгалия, Индия — 26 сентября, 1895 года, Варанаси, Индия) — индийский святой, йогин, основатель крия-йоги, ученик святого Шри Бабаджи.

¹⁵⁹ **Анни Безант** (англ. Annie Besant, урождённая Вуд (англ. Wood), 1 октября 1847, Клэпхэм, Лондон — 20 сентября 1933, Адьяр, Индия) — известный теософ, борец за права женщин, писатель и оратор, сторонница независимости Ирландии и Индии.

¹⁶⁰ **Теософское общество** (англ. Theosophical Society от theosophy) — международная общественная организация, основана 17 ноября 1875 года в Нью-Йорке Еленой Петровной Блаватской, полковником Генри Олкоттом и У. К. Джаджем (William Quan Judge).

¹⁶¹ **Джидду Кришнамурти** (англ. Jiddu Krishnamurti, телугу జిడ్డు కృష్ణ మూర్తి; 12 мая 1895 — 17 февраля 1986) — индийский философ. Был известным оратором на философские и духовные темы.

¹⁶² **Парамаханса Йогананда** (1893—1952) — йогин Индии, сыгравший значительную роль в распространении знания йоги на Западе. Принадлежал к Северному матху Шанкарачарьи. Популяризатор крия-йоги.

¹⁶³ **Агастья** (санскр. अगस्त्य) — один из семи мудрецов, которым боги снизпослали Веды, упоминается в «Ригведе», как создатель ряда гимнов. Родился в кувшине от противоположных друг другу по характеру богов Митры и Варуны, увидевших апсару Урваши.

¹⁶⁴ **Богар** (Бхогар, Бхоганатхар) — ученик сиддхи Каланги Натхара, принесшего в Китай искусство йоги, акупунктуры и внутренней алхимии. По инициативе гуру, Богар также совершил путешествие по Китаю. В традиции неоиндуизма Богара иногда отождествляют с Лаоцзы, а Каланги Натхара — с Конфуцием.

выкрашенная в красный цвет маленькая фигурка Бабаджи. На стенах – опять постеры Кришны. Такие же постеры сплошь покрывали стены и потолок приемного покоя, где Оранжевая леди усадила меня на обитый красным бархатом диван пить чай. Минут через десять тут появился Муни-баба. В руках у него был обвитый золотым дождем серебряный трезубец. Мастер, поставив трезубец у стены, полувозлег на стоявшую напротив меня, покрытую красным, в золотую сетку, шелковым покрывалом диван-кушетку. Намасте!

Я немного рассказываю о себе, о планах написать книгу про Индию. Объясняю, что слышал про мастера от разных людей в Бадринатхе и пытаюсь осторожно выведать, в чьем же доме мы все-таки находимся? Судя по всему, это ашрам самого Муни-бабы, а не какого-то там ученика. Тогда кто живет там, наверху? Мастер отвечает, что туда он тоже заглядывает, но основная база у него здесь, в Красном ашраме. Ну, вероятно Арун что-то напутал, все возможно. Ведь сам-то он никогда ни там, ни здесь не бывал, а земля слухами полнится. Индия все же! Так, слово за слово, мы разговорились...

Муни-баба поведал, что он двенадцать лет провел в отшельничестве у высокогорного озера, все это время соблюдал обет молчания. Вновь заговорил лишь два года назад. Этим и объясняется его плохое владение английским языком. Слишком долго молчал, теперь язык отказывается разговаривать! Разговор переходит на его гуру. Да, это был Махаватар Бабаджи, собственной персоной! Регулярно посещал его у озера, давал советы и напутствия, обучал крия-йоге и другим йогическим техникам. Теперь он может сам научить любого, как открывать чакры, как входить в самадхи и безопасно выходить обратно. Двенадцать лет в горах? Сколько же ему было в начале пути?

– Да, я еще довольно молодой человек, мне всего тридцать два года. Но я рано начал...

Муни-баба рассказал, что родился в Дели, в богатой семье, но чуть ли не с пятилетнего возраста ушел в санньясу и все это время практикует активную тапасью. Он дал мне лифлет¹⁶⁵ со следующим текстом:

«Свами Дхармарадж Бабаджи был рожден в состоятельной семье из Нью-Дели. С детства ему во сне являлся Махаватар Бабаджи, призывая его покинуть этот мир иллюзий. Следуя внутреннему голосу, Свамиджи, пятилетним ребенком, покинул свой дом и семью и пришел в Бадринатх, где ему было указано точное место для встречи с Махаватаром Бабаджи, он должен был стать совершенным йогином. С 12 лет Свамиджи безвыездно живет в Бадринатхе. Полных три года он провел у озера Сатопантх в обществе Бога и Махаватара Бабаджи. По возвращении в Бадринатх он принял обет молчания, который продолжался, по воле его великого сат-гуру, до 2010 года.»

¹⁶⁵ **Лифлет** (от англ. Leaflet) – листовка

Ученики Муни-бабы живут по всему свету, время от времени приезжая в Бадринатх. Вот и сейчас в его пансионате, то есть в той самой двухэтажной белой вилле, живет группа из Украины. Человек десять-двенадцать. «Так вот откуда эта русская девушка в ресторане Бхарата» – отмечаю я про себя.

– А меня научить йоге можете? Сколько это будет стоить? Я тут буду еще несколько дней, хочу воспользоваться шансом своего пребывания в этих святых местах!

Муни-баба зовет Оранжевую Леди, просит ее принести листок бумаги и карандаш, после чего погружается в расчеты. Через пару минут сообщает мне результат:

– День занятий вам встанет в одну тысячу долларов. Три дня – три тысячи. Если неделя – то пять тысяч. Но я бы рекомендовал вам пройти полный двадцатидневный курс обучения за десять тысяч долларов.

Услышав эту цифирь, я аж чаем поперхнулся. Вот-те нате! Но при этом мастер обещает полное раскрытие всех чакр¹⁶⁶, полное и самое высокое самадхи, абсолютную очистку организма и тотальную нейтрализацию кармы. Класс! Почувствовав мое сомнение, он говорит, что, в принципе, трех дней тоже будет достаточно. Для начала. А там я сам попрошу продолжить занятия. Разговор плавно переходит на другие темы. Я спрашиваю мастера, не кришнаит ли он? Ведь вокруг – одни Кришны! Нет, не кришнаит. Муни-баба – убежденный шиваит. Отсюда и серебряный трезубец.

– А как же Кришна?

– Так ведь Кришна и есть Шива!

Все становится на свои места. В самом деле, в индуизме все возможно. Кришна может быть Шивой, Шива – Вишну, Вишну – Кришной, а все они вместе – ипостаси Нараяны. Муни-баба рассказывает, что он собирается расширять свой центр, строить новый гостиничный корпус для гостей. Я ему сообщаю, что занят по роду своего бизнеса с девелоперскими и архитектурно-строительными компаниями. Могу присоветовать какие-нибудь варианты. Он оживает. Мы углубляемся в дискурс. Муни-баба говорит, что уже зарегистрировал специальный трест под строительство. Сейчас собирает средства. Для начала ему нужно десять миллионов долларов. Я советую зарегистрировать проект как «экологический», поискать средств у специальных фондов.

¹⁶⁶ **Чакра** (санскр. चक्र, сакра, букв. «круг», «колесо», «диск», «мандала» в духовных практиках индуизма — центры силы и сознания, расположенные во внутреннем (тонком) теле человека.

– Вот вы этим и займитесь. Я гуру, вы бизнесмен. Моя карма – учить. Ваша – делать деньги. Даю вам на это свое благословение.

Я прошу мастера показать мне участок под строительство, чтобы иметь больше представлений о конкретных параметрах проекта. Мы выходим на улицу, осматриваем прилегающую территорию. В самом деле, шикарное место. Есть готовая, выровненная площадка под гостиницу. Планируется сделать два этажа, шестнадцать номеров. Совсем рядом – совершенно фантастический водопад, не говоря уже о религиозных святынях и кельях продвинутых отшельников. Тут такой медитационный фон, какого нет больше нигде в мире! Да и сам Бабаджи где-то поблизости поле качает... Переходим к жесткой конкретике. Мой первый вопрос: с кем вести переговоры по проекту?

– Прямо со мной!

– У вас есть e-мейл для обратной связи?

– E-мейла нет, только мобильный телефон.

– А куда же письма писать?

– Можно слать эсэмэски. Ну или звонить непосредственно.

Это все, конечно, мягко говоря, озадачивает... Как же без e-мейла? А как пересылать техническую документацию? Обычной почтой? Так ведь письмо до Бадринатха будет идти из Дели минимум неделю, да и то лишь летом! Зимой-то как? А тут еще выясняется, что в городе вообще нет интернета. Так что про e-мейлы можно раз и навсегда просто забыть. Да что там интернет, обычные мобильники не работают! Есть один-единственный индийский провайдер, который худо-бедно еще как-то функционирует, да и то с перебоями. Такое место. Тут садху медитируют, зачем эфир всякой посторонней чушью засорять?

– Может быть, есть какое-нибудь официальное представительство треста в Дели или еще где-нибудь в доступном месте?

– Нет, никаких представительств. Только личный телефон.

– А как насчет англоязычного секретаря? Не все ведь потенциальные инвесторы говорят на хинди, а темы-то здесь профессиональные. Хватит ли у Бабы хватки все понять и разрулить?

Отвечает, что вот эта Оранжевая Леди по-английски разговаривает, если что – поможет. Муни-баба протягивает мне отскеренный листок с корявым английским текстом про его проект. Документ составлен какими-то его итальянскими учениками. Ну, это просто описание того, какое замечательное место Бадринатх и какой уникальный гуру в лице Муни-бабы здесь живет. М-да... Я обещаю подумать над проектом и сообщить свое мнение.

- Приходите ко мне завтра в два часа пополудни обедать.
- Непременно. Большое спасибо за приглашение!

II. 8. 9. Аптека на площади: форпост аюрведийской традиции

На следующий день я вновь отправился в Красный ашрам, взяв с собой Филиппа. Пусть ребенок посмотрит, как живут настоящие индийцы! Интерьер у Муни-бабы подстать заколдованному замку из какого-нибудь волшебного сериала про храм Анубиса, да и сам он вполне канонический персонаж! Заодно покушаем чего-нибудь местного. Интересно, чем кормят своих гостей высокие гуру? Может быть, познакомлюсь с кем-нибудь из украинской группы, попытаюсь у них разведать какие-нибудь детали, которые Муни-баба, в силу своего индийского интеллекта, возможно, просто опустил...

Мы с Филиппом заходим в дом, поднимаемся на второй этаж. На веранде никого нет. На мои окрики никто не реагирует. Я веду Филиппа привычным маршрутом: в медитационный зал, комнату гуру, приемный покой... Попутно показываю и рассказываю: вот так живут настоящие индийские йоги. Везде полная тишина. Возвращаемся на веранду. С нее открывается фантастический вид на окрестности. Внизу, чуть левее, словно в чаше, обрамленной зеленеющими горными кряжами и белоснежными пиками, лежит священный город Бадринатх со златоглавым храмовым комплексом Бадри-ашрама в центре. Пот склонам разбросаны купола многочисленных мандиров, увенчанные развевающимися на ветру красно-бело-красными флагами. Еще выше – кельи отшельников, лепящиеся к скалам словно орлиные гнезда. Вот она, реальная Шамбала!

Я подхожу к окну, чтобы сделать фотографию на память, и тут замечаю небольшой, пришпиленный к раме портретик. На меня смотрит лицо пожилого мужчины в оранжевой чалме, с поседевшими усами и бородкой. Незнакомец одет в оранжевую хламиду, на шее четки, в руке посох. Снят он на фоне скалы. Видно, что это реальная фотография, причем явно сделанная не с мифического Бабаджи. Этот портрет здесь явно не просто так. Вероятно, какое-то значимое для Муни-Бабы лицо. Я фотографирую этого Старца скалы «на всякий пожарный». Как-никак, серьезный бизнес требует серьезного исследования всех сопутствующих ему обстоятельств. Тем не менее, в доме, похоже, никого нет. Может быть, тут есть еще какие-нибудь помещения?

Мы с Филиппом следуем через лабиринты внутренних покоев, пока не оказываемся... на кухне! А здесь – аж целая компания. Но среди присутствующих лиц нет ни хозяина, ни его оранжевой секретарши. Я кратко объясняю присутствующим, что нас пригласил на обед Муни-Баба. Один из мужчин предлагает нам сесть на пол и отобедать вместе с ними. А

гуру сейчас, да, нет в доме. Он уже с утра куда-то отлучился, но мы можем спокойно его подождать. Я предлагаю Филиппу сесть и покушать, а тут, глядишь, и мастер объявится! Но ребенок категорически отказывается. Его не устраивает сидеть на полу (а столами и стульями тут и не пахнет), да и санитарное состояние кухни не внушает доверия. Одно дело – евроресторан напротив гостиницы, другое... Ссылаясь на занятость, я вежливо отказываюсь от предложенного угощения, прошу передать привет хозяину от лондонского писателя, и мы с Филиппом покидаем эту высокогорную обитель имени мастера Махаватара Бабаджи и его преданных учеников.

По пути домой Филипп почувствовал ужасную слабость и тошноту. Не иначе, как горянка. Я всегда ощущал себя в горах очень хорошо, даже лучше, чем в долинах, но для ребенка такой режим оказался вполне экстремальным. Да, пока ты сидишь на месте – все вроде бы и ничего, но стоит сделать несколько интенсивных движений, как резко начинает кружиться голова. Ведь на высокогорье чуть ли не на треть меньше кислорода, чем внизу, поэтому даже самая простая ходьба – тем более, вверх по склону – отнимает массу сил. Вот Филипп, видимо, и обессилел с непривычки. На торговой площади, прямо под нашим пансионатом, я, уже пару дней назад, заметил аюрведическую аптеку, предлагавшую, помимо всего прочего, также кислородные баллоны. Оно и понятно: паломники тут разные бывают, не все могут спокойно перенести три тысячи с хвостиком. Туда я и решил зайти.

Кое как добрались до места, причем Филиппа уже начало тошнить совсем не по-детски. Аптекарь предложил нам присесть у него в тенечке, сказал, что баллонов в данном случае вряд ли пригодится. Вместо этого выдал несколько упаковок различных таблеток и посоветовал Филиппу медленнее идти и глубже дышать. Чем глубже дышишь – тем больше кислорода накапливается в крови. Аптекарь неплохо говорил по-английски, так что наш вынужденный визит перетек в приятную беседу. Мастера аюрведической медицины звали Чохан. Это был примерно мой ровесник. В Бадринатхе проводит весь паломнический сезон, а на зиму возвращается к себе домой, в Дехрадун. Я рассказал своему новому знакомому про Красный ашрам и Муни-бабу. Спросил, знает ли он такого человека?

– Муни-баба? Да, конечно знаю! Но, откровенно говоря, он у нас считается шарлатаном. Просто Money-Baba! А что вас к нему занесло?

Я поведал Чохану всю историю моего интереса к этому персонажу, начиная с загадочного огонька высоко на склоне горы и комментариев Аруна.

– Ах вот оно что! Только имейте в виду, что там, наверху, живет не Муни-баба, а его учитель по имени Ганга Бхарати. Он на самом деле – аскет-молчальник, тогда как Муни-баба – просто молодой лоботряс и жулик!

Вот это да! Тут у меня в голове все встало на свои места. Более того, у меня в жизни уже был подобный опыт «переодевания» гуру. Лет тридцать назад, путешествуя по Средней Азии, я решил посетить широко известного в узких кругах дервиша Мирзу¹⁶⁷, жившего недалеко от узбекского города Беруни. Тогда я тоже сразу попал не на самого дервиша, а на его молодого ученика Абая¹⁶⁸, который выдал себя за Мирзу. Позже выяснилось, что если Мирза в самом деле был бродячим нищим каландаром¹⁶⁹, то Абай – расчетливым жуликом, использовавшим своего учителя в целях привлечения наивных западных искателей восточной мудрости и наживы за их счет. История эта очень плохо кончилась убийством одного из таких искателей¹⁷⁰ и посадками адептов Мирзы и Абая.

По всей видимости, такой алгоритм извращенных отношений гуру-шишья (пир-мюрид или мастер-ученик) вполне универсален и существует повсеместно, включая сам Запад. Но в случае Муни-бабы история обретала буквальное сходство с историей Мирзы-Абая. Впрочем, это не отменяло моего интереса к отшельнику на склоне. По крайней мере, теперь ясно, о ком идет речь. Я показал Чохану на дисплее камеры сделанный мной снимок Старца скалы в оранжевом одеянии.

– Да, именно это и есть Ганга Бхарати!

– Интересно, можно его как-то повидать? Ведь я пишу книгу про Индию, мне чрезвычайно интересны встречи в разными замечательными людьми...

Чохан рассказал, что Ганга Бхарати периодически бывает у него в аптеке. Два-три раза в месяц – обязательно. Вот и сейчас он должен появиться на днях. Но когда конкретно – никто не знает. Чохан пообещал мне передать отшельнику о моем желании, и даже послать ко мне в отель человека, чтобы известить о появлении старца. Филиппу, тем временем, стало лучше, и мы медленно поплелись вверх по склону к отелю. Однако, в ста метрах от цели ему вновь стало плохо, и мы решили присесть в одной маленькой чайной лавке на пути.

¹⁶⁷ **Мирзабай Кымбатбаев** (1935 – 2006) – девона (сумасшедший), бродяга из г. Беруни (Узбекская ССР), выдававший себя за дервиша

¹⁶⁸ **Абай Борубаев** (ок. 1953/55, Бишкек (бывш. Фрунзе, Киргизская ССР – ок. 1988/90) – мистический аферист, ученик Мирзы Кымбатбаева. Умер (или погиб) в местах лишения свободы.

¹⁶⁹ **Каландар** (перс., араб. *карандал*, тур. *календер*) — бродячий нищенствующий дервиш, исполняющий минимум исламских предписаний.

¹⁷⁰ **Талгат Кадырович Нигматулин** (тат. *Тәлгатъ Кадыр улы Нигъмәтулин*; 5 марта 1949, Кызыл-Кыя, Ошская область, Киргизская ССР — 11 февраля 1985, Вильнюс) — популярный советский киноактёр, наиболее известный по фильмам «Пираты XX века» и «Волчья яма».

Пока Филипп очухивался, я разговорился с одним из посетителей заведения. Это был, если можно так сказать, мой коллега по консалтинговому бизнесу. Но в данном случае в Бадринатх его привел не бизнес, а страсть к паломничеству по святым местам. Он, подобно мне, несколько дней назад прибыл в город, но уже на завтра собирался отправиться в Джошиматх и дальше, к сикхской святыне Хемкунд Сахиб у высокогорного озера. Виплав оказался на удивление глубоким философом. Мы довольно продуктивно обсудили с ним за чаем тематику не только адвайта-веданты, но и пурва-мимансы, на идеологию которой опиралась ритуальная практика служивших в бадринатхском храме браминов из касты намбудири.

II. 8. 10. Йоги Пир Махарадж: индусский Харон

За время своего пребывания в Индии я заметил, что народ здесь весьма религиозен, причем не просто в ритуалистическом, а именно философском смысле слова. Практически каждый готов обсудить с вами, по поводу и без (совсем как русские!), мировоззренческие проблемы на самом высоком уровне, обнаруживая при этом приличную осведомленность в теологическом дискурсе. Радж, Нишант, Ифтихар, Ратниш, Бхарат, Арун, Чохан, Виплав – все они, принадлежа к разным сампрадаям и даже религиям, живо интересовались вопросами мироздания и посмертного состояния человеческой души.

В очередной раз, проходя мимо аптеки, я зашел к Чохану поболтать, а заодно спросить, не проявлялся ли Ганга Бхарати. Молчальник пока никак о себе знать не давал. Однако, по реакции Аптекаря я заметил, что он говорит о нем как-то без особого энтузиазма. Типа раз Муни-Баба – жулик, то и мастер его не может быть честным человеком.

– Таких людей ничего, кроме денег не интересует...

Чохан также предостерег меня от слишком близкого общения с разными псевдо-садху, в большом количестве шастающих вокруг. Все эти люди, стоящие вдоль променада и около храма с протянутой рукой – вовсе настоящие подвижники, а просто нищие, и это – в лучшем случае. В худшем это могут быть закоренелые обманщики, которые, видя иностранца, запросто способны опоить или обкурить его какой-нибудь гадостью, чтобы потом просто банально почистить карманы!

– Вот эта компания, что живет здесь на площади пот тентом – именно такой народ. Что они делают? Пыхают, бухают, клячат деньги. Никакой садханой они не занимаются, просто приезжают сюда в Бадринатх на летний сезон, когда в городе много паломников, и садятся людям на хвост. Не давайте им никаких денег!

– Ну а настоящие садху тут же тоже есть, или как?

– Настоящие? Конечно есть! Но они денег не спрашивают. Они молча занимаются своим делом, совершают тапасью, медитируют...

– Вы могли бы меня познакомить с настоящими? Мне было бы очень интересно с ними пообщаться, получить для своей книги информацию из первых рук.

– Приходите завтра, часов в одиннадцать утра. Обычно в это время тут бывает один настоящий мастер.

На следующее утро, ровно в одиннадцать ноль-ноль, я подошел к аптеке. Чохан был у себя. Вообще, он в этой аптеке и днюет и ночует. Семья у него в Дехрадуне, а он, на паломнический сезон, переезжает в Бадринатх по своему аптечному бизнесу. Но дела в этом году идут не очень, паломников, из-за размытой дороги, почти нет.

– Намасте, мистер Владимир!

– Намасте, мистер Чохан! Как дела, что нового?

Аптекарь попросил помощника принести чаю. Я подарил Чохану портрет Рама в белой рамке, который предусмотрительно захватил с собой из отеля. На добрую память мистикам Бадринатха от мистиков Лондона. Чохан сердечно поблагодарил за доверие и долго рассматривал портрет, потом показал его помощнику:

– Вот, посмотри, западный гуру. Очень мудрое лицо, пронизательные глаза...

Я рассказал Чохану о том, как «наткнулся» на Бадринатх на карте Индии, как услышал внутренний зов из этих мест. А также про самого Рама, его школу адвайта-веданты и восточной философии в Европе и Америке...

– Так что теперь пришла пора нашей тайной мистической сампрадае Запада восстановить контакты с сампрадаей Востока, реализовав заветы Мастера, которому лично так и не пришлось достичь этих святых мест...

А вот и восточный мастер! Чохан что-то крикнул на хинди кому-то за моей спиной. Я обернулся. К аптеке подходил невысокого роста человек в желто-белом одеянии, с огромной копной волос, уложенной на голове в виде тюрбана, и завязанной в узел бородой. Это был тот самый настоящий мастер, о котором мне накануне говорил Чохан. Его полное имя было Йогирадх Сандхьянатх Аугхар Пир. Аптекарь представил нас друг другу, затем показал Йогирадху портрет Рама, что-то кратко объяснил на хинди. Восточный мастер долго и внимательно разглядывал мурти Западного мастера... Чохан предложил ему присесть на скамейку. Принесли еще чаю, беседа потекла...

У Йогирадха была очень темная кожа, практически как у негра, но черты его лица были вполне «европейскими» и исключительно утонченными: изящный

тонкий нос, большие выразительные глаза. Он производил впечатление крайне деликатного, воспитанного человека с большим интеллектом, о чем косвенно свидетельствовал его высокий открытый лоб. Йогираджд передал Чохану пучок каких-то трав. Насколько я понял, он собирал в горах для Аптекаря некие особые растения, которые потом тот использовал в своих аюрведических рецептах. Пользуясь случаем, я спросил мастера о соме¹⁷¹:

– Вот, говорят, рецепт сомы давно утерян, никто сегодня точно не знает конкретно, что это такое. Может быть, вы просветите меня в этом отношении? Что такое, по-вашему, сома?

Йогираджд улыбнулся. Сомы, в его интерпретации, это алкогольный напиток, который готовят из местных злаков. Что-то типа браги.

– Почему же утверждают, что рецепт его утерян?

– Так утверждают, потому что самостоятельное производство алкогольных напитков запрещено, и никто не хочет светиться. На самом деле все люди знают здесь, что такое сома и до сих пор ее делают, просто не афишируя этого!

От сомы мы перешли к другим темам: йоге, медитации, мистическим традициям и трансцендентальному опыту. Я разговаривал с Йогирадждем как с давним знакомым, которому не нужно объяснять детали и нюансы интеллектуального дискурса. Он все схватывал на лету. Иногда мне казалось, что Чохан, выступая в качестве переводчика, не вполне догонял всего смысла беседы, но я интуитивно схватывал воспроизводимые Йогираджем смыслы через знакомые санскритские термины, которые активно присутствовали в лексиконе нашего общения.

Йогираджд рассказал, что он родился в Махараштре. В трехлетнем возрасте родители его отдали в храм послушником. Там, при храме, он и вырос. Сейчас ему шестьдесят два. Получается, что свою садхану он творит уже, день за днем, более шестидесяти лет подряд. С ранних лет он получил дикшу (инициацию) в Горакшнатх-сампрадаю¹⁷², основанную великим йогойном Матсьендра-натхом¹⁷³ и его учеником Горакшнатхом¹⁷⁴. С этими

¹⁷¹ **Сомы** (санскр. सोम), от прото-индоиранского *sauma-* — ритуальный напиток у индоиранцев, в более поздних ведийской и древнеперсидской культурах персонифицируемый как бог.

¹⁷² **Натх-сампрадая** (санскр: नाथ संप्रदाय), изначальная Сиддха- или Авадхута-сампрадая

¹⁷³ **Матсьендранатха** (санскр. मत्स्येन्द्रनाथ - Matsyendranātha) или **Мачиндранатх** (X—XI вв) — один из 84 великих сиддхов. Основатель йогической традиции натхов в Северо-Восточной Индии, связанной с ваджраяной, особенно в Гималаях, где Матсьендранатх ассоциируется с первым сиддхом Луи-пада (Лухи-па), и с шиваизмом (Матсья — рыба, в образе которой Матсьендранатх внимал Шиве). Культ распространен по всей Индии, особенно в пригималайском регионе и в Махараштре, а также в сопредельных странах: Непале, Тибете, Пакистане, Афганистане, Бенгладеш и Шри-Ланке.

двумя мастерами связывается появление хатха-йоги как метода достижения бессмертия. В числе учителей Горакшнатха называются риши Агастья (один из легендарных семи риши – саптариши – индуизма), а также великий даосский алхимик Богар – гуру легендарного Бабаджи.

Гурудэвом самого Йогираджа был Махайоги Сундернатх Бабаджи – тот самый мастер с длинными растафарианскими дредами, изображение которого я видел в храмовом дворе. На протяжении всего летнего сезона Йогирадх находится в Бадринатхе, а на зиму спускается вниз, в Девапраяг, где его основной работой является ритуальное отпевание покойников у погребального костра и отправка их бранных останков в плавание по священной Ганге. Прямо настоящий индийский Харон...

Чохан мне потом рассказывал, что Йогирадх впервые появился в Бадринатхе лет десять тому назад. Первоначально он обосновался прямо на площади перед аптекой, под тем самым тентом, где теперь ночует компания мох знакомых бродяг. Он приходил на это место пять-шесть лет подряд, и лишь потом один местный брамин предложил ему более надежное укрытие у себя на участке. Сам Йогирадх никогда, ни у кого, ни о чем не просит, даже – денег на еду. Дадут – хорошо, нет – значит и суда нет. Как говорит восточная пословица, «совершенномудрый никогда, ни у кого, ни о чем не спрашивает, но и от предложенного не отказывается».

Так и Йогирадх. Такая у него садхана. Но главный элемент в садхане мастера – постоянно поддерживать священный огонь. Этот огонь горит у него в ретрите¹⁷⁵ и днем и ночью. Во время сезонных перемещений из Бадринатха в Девапраяг и обратно, священный огонь гасится со специальными ритуалами, а потом с такими же ритуалами возжигается на новом месте. Пока огонь горит, мастер может куда-нибудь удалиться, но главное – чтобы пламя ни на секунду не погасло. Вот и сейчас Йогирадх говорит, что ему пора идти «кормить» огонь. Он предлагает мне составить ему компанию. Я, разумеется, с готовностью соглашаюсь.

¹⁷⁴ **Горакшанатха**, «Го» (с санскр. गौ) — *вселенная, чувства, тело, корова* и «Ракца» (с санскр. रक्ष) — *владыка, защитник*, что буквально переводится как *владыка вселенной* или *защитник коров*. Горакшанатха — реформатор традиции натхов. Горакшанатха в Индии считают Шивой, покровительствующим всем йогинам, он же основал орден канпхатов или даршани. Сами натхи считают, что Горакшанатха являлся во все мировые эпохи — четыре юги. Согласно преданиям, Горакшанатх достиг физического бессмертия. Он также известен как великий алхимик, и считается, что именно от него развилась **хатха-йога**, элементы которой практиковали во многих религиозных традициях, таких как шиваизм, суфизм, буддизм и др.

¹⁷⁵ **Ретрит**, также Ритрит (англ. retreat — «уединение», «удаление от общества», рус. лит. «затвор») — английское слово, вошедшее в русский язык как международное обозначение времяпрепровождения, посвящённого духовной практике.

Мы вместе выходим из аптеки и идем вверх по улице, но не в сторону моей гостиницы, а в противоположную. По пути Йогираджа приветствует чуть ли не каждый второй прохожий. К нему подходят под благословение, как в христианском мире верующие подходят к «ручке» епископа. Мастер обеими раскрытыми ладонями излучает позитивную энергию, облегчающую существам этого мира кармический груз непросветленности. Кто-то дает ему мелкую купюру, кто-то просто благодарит сердечно за оказанную милость. Так мы идем минут десять.

Йогираджд заходит во двор одного из особняков. Оттуда открывается обалденный вид на Алакнанду и горы с белоснежными пиками по ту сторону горного потока. Мы спускаемся по склону немного вниз и оказываемся рядом с неким бункером серо-бетонного цвета, крыша которого покрыта травой. Это и есть ретрит мастера. Заходим. В бункере довольно большие окна с двух сторон. В одном направлении виден идущий вверх склон, по которому мы только что спустились, в другом – гималайская гряда во всей своей красе. У одной из глухих стен устроен импровизированный алтарь, на котором можно видеть портрет Махайоги Сундернатха, а также свечи, медные сосуды, чашки и цветы. А посередине комнаты – тот самый священный огонь, ради которого мы сюда и пришли.

Густо засыпанное пеплом кострище обложено крупными булыжниками, в его центре вертикально стоит большой железный трезубец Парашивы и под ним чуть колыхается священное пламя скромных размеров. Но главное – живое! Тут же устроен каменный очаг, на котором стоит совершенно черный котелок. У стен, под окнами – две импровизированные лежанки из толстых одеял. На одну из них Йогираджд садится сам, на другую – жестом предлагает сесть мне. Он заваривает специальный шиваитский чай, потом протягивает мне свернутую из каких-то листьев самокрутку. Закуривает сам. По запаху это явно не марихуана. Но это и не чарс¹⁷⁶, который курят шиваиты у Большого камня...

xxx

В Бадринатхе много священных камней, так или иначе связанных с местными легендами и мифологией Пуран, вплоть до шиваитских лингамов, головы Брахмы и гигантского отпечатка стопы самого Вишну. У одного из таких камней, по другую сторону реки от Тапта-кунда, обитала группа бродячих садху-шиваитов. Прямо у камня они развели ритуальный огонь, воткнули в него несколько тришул¹⁷⁷ и сами расположились полукругом, под сенью высокой зелени, всего человек пять-шесть.

¹⁷⁶ **Чарс** – курительная смесь.

¹⁷⁷ **Тришүла** (санскр. त्रिशूल trīṣūla «три копья») — традиционный индийский трезубец, также встречающийся в других странах Юго-Восточной Азии. Является религиозным символом

Один из них, Чхуннилал-баба, более-менее говорил по-английски, и с ним я общался больше всего. Своим лицом – очень темным, обрамленным седой бородой и такими же усами – он был похож на австралийского аборигена. Прямо, я бы сказал, тот же самый расовый тип. Есть основания считать, что древнейшие обитатели Индостана были родственны позднее откочевавшим из этих мест на юго-восток прото-австралийцам. На голове баба носил оранжевую шерстяную шапочку, из-под которой выбивались длинные пряди седых волос. Плоский нос, толстые губы. При этом невероятно интеллигентные черные глаза.

Чхуннилал-баба был родом из Кхаджурахо – того самого города храмов с эротическими барельефами. Причем среди двух десятков храмов есть и три джайнских. Происхождение правителей Чандела (IX-XIII вв.), чей столицей был Кхаджурахо, связано с жертвенным огнем (яджней) Махариши Васишты, зажженным на вершине священной горы Абу (Гуру Сиккар), знаменитой с XII века своими джайнскими храмовыми комплексами из белого мрамора, с фигурами тиртханкаров (XII век).

Джайнизм во многих отношениях схож с буддизмом, будучи едва ли не его предшественником в традициях настике (отрицание ультимативного авторитета Вед) и шрамана («киническое» отрицание любого авторитета в принципе). Однако, как буддизм наследует интеллектуальную школу и культурную эстетику ведизма, так и джайнизм уходит своими корнями в доарийскую традицию цивилизаций субконтинента (условные Хараппа и Мохенджо-Даро). Об этом говорят, в частности, разные канонические пропорции индусских и джайнских статуй, где последние отражают хараппские стандарты. Формальная логика джайнской мысли (ньяя) также специфична, ее фигуры не совпадают с аристотелевскими силлогизмами. Возможно, это практическое наследие доарийской мысли.

Будда, вероятно, посчитал джайнов за экстремистов аскезы, а индусов – за экстремистов наслаждения, и выбрал свой собственный, срединный путь. В Индии, подчас, имеют место случаи одновременного почитания какого-нибудь святого и индусами, и джайнами, и буддистами. Правда, каждый почитает по-своему. Как и Христа в разных церквях, кстати...

У индусов есть точно такие же дигамбары, т. е. «одетые воздухом» голые садху, как и у джайнов. Одним из них был Бабаджи Раджендар Гири Махарадж, друг Чхуннилала-бабы, деливший с ним место у камня. Это был совсем седовласый старец с густой бородой, очень худой, но постоянно улыбающийся. Нельзя сказать, чтобы он был совсем голый, однако его единственную одежду составляла оранжевая тряпичная накидка, не очень

в буддизме и индуизме. Помещается на макушках шиваитских храмов. Тришула является одним из основных атрибутов Шивы, означая его тройственную природу: творца, хранителя и разрушителя Вселенной.

большая, кстати. Еще одним постоянным членом клуба Камня был Элахабди-баба Рам Гири, из Пандукешвара. У него была длинная, до самого пупа седая борода, огромная оранжевая чалма, скрывавшая мощный хайр¹⁷⁸, черная безрукавка (почти как у меня!) и желтое дхоти с двумя красными полосами, напоминая в своей эстетике флаг Южного Вьетнама. Здесь можно было видеть еще целый ряд очень экзотических людей, из того же карасса¹⁷⁹.

Я спросил Чхуннилала, принадлежат ли все они к одной сампрадае? Оказывается, не обязательно. Тут садху из разных орденов, но они между собой как-то конвертируются, типа родственных деноминаций. Обычно, садху друга поддерживают, поскольку ведут схожий образ жизни и имеют схожие идеалы, однако с человеком из чужой сампрадаи чарсом не поделятся. Это и есть самое неприятное. Но у этого костра Махешваре трубку прибавляли каждому. Хотя, надо сказать, весь этот чарс – ничто в сравнении с настоящей чуйкой. Да и просто забайкальский дичок будет покруче. Так что вам, ребята, лучше сому пить...

xxx

Йогирадх поправил пламя в костре:

– Так какая у тебя сампрадая, кому вы поклоняетесь? – спросил он меня на хинди, но я все понял.

– Шуньявада¹⁸⁰.

Думаю, он тоже все понял и снова спросил:

– А как ты делаешь дхьяну?

Я сел в ленивую сиддхасану, положил ладони на колени. Йогирадх посмотрел критически.

– А я вот так!

Он переплел ноги в позе лотоса, поджал живот и сложил ладони под пупком, в йогамудре. Ну, это просто классика! Неплохо выглядит человек в свои шестьдесят два. В форме. Не то что некоторые, не садившиеся в лотос вот уже несколько лет... Утешением оставались лишь когда-то брошенные Рамом слова: «Хороший философ – не обязательно хороший гимнаст!»

¹⁷⁸ **Хайр** (от англ. Hair) – волосы (сленг)

¹⁷⁹ **Карасс** – термин американского писателя Курта Воннегута в романе «Колыбель для кошки» (1963), означает нечто вроде круга типологически близких людей: *"Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека, без особых на то причин, этот человек, скорее всего, член вашего карасса"*.

¹⁸⁰ **Шуньявада** (санскр. śūnyavāda, «учение о пустоте») — одно из основных четырех направлений буддизма. Здесь: учение о пустоте как Нуль-философия Рама М.Тамма

Потом Йогираджд показал мне, как он концентрируется на свечу (дхарана) и делает пранаяму. Все очень четко. Ну конечно, шестьдесят лет в теме! Я спросил его про гуру Махайоги Сундернатха, портрет которого стоял на алтаре.

– Мукти¹⁸¹! – только это одно и воскликнул Йогираджд с загоревшимися глазами и указывая пальцем в небо.

Вера в гуру, в его достижения – интегральная психологическая часть традиционной садханы. Без этой веры нет того авторитета, энергией которого держится духовная парампара. Доверительная линия духовных авторитетов – это и есть небесная иерархия традиции, восходящая к самому Нараяне-Махешваре, источнику ведийского гнозиса. Вера в мастера включает особый зеркальный эффект, позволяющий гуру телепатически транслировать в опытное поле ученика личный опыт интуитивной открытости, восходящий, в свою очередь, к инициатическому первоисточнику: Ведам, Библии, Логосу, Пророку, Будде, Парабрахману или еще кому-то...

К окну подходит человек в голубой рубашке и белом дхоти. Он что-то кричит Йогираджду. Тот поднимает голову, отвечает шутя. Оба ржут. Человек заходит в келью, присаживается к костру. Ко мне обращается по-английски. Оказывается, это хозяин виллы, на территории которой стоит ретрит. Он тут что-то типа покровителя, спонсора. Сам – брамин.

– Наша каста родственна той, которая служит в мандире Бадринараяны. У нас одна кровь!

– Вы тоже там служите?

– Нет, я служу в другом храме, в двух километрах отсюда.

Тут у браминов все поделено между собой. За каждым кланом закрепляются определенные храмы и места служения, и так продолжается веками. Сами Намбудури – выходцы с глубокого юга, из Кералы. Несмотря на это, они считаются ведическими фундаменталистами. Им приписывается, в частности, создание языка малаялам, представляющего собой смесь местного тамильского и привнесенного с севера санскрита.

xxx

Ведийская ритуалистика – дисциплина исключительно сложная. Ее основы передаются кастовыми жрецами младшему поколению с раннего возраста. Мальчиков учат правильно декламировать священные тексты, правильной

¹⁸¹ **Дживанмукта** (от санскр. джива и мукти, букв. «вживе освободившийся») — термин в индуизме, которым в философской школе адвайты называют святого человека, достигшего стадии самоосознания (нирвикальпа самадхи) и полностью, до физической смерти, освободившегося от желаний и кармы.

жестикуляции и правильным мыслям в голове, сопровождающим этот процесс. Все вместе это позволяет иметь продвинутую мнемотехнику, позволяющую воспроизводить древние коды стихотворных размеров ведических текстов (вспомним об аналогии музыкальных тонов в платонизме и гностицизме).

Намбудури – приверженцы даршана пурва-мимансы, иначе называемой дхарма-мимансой или «философией дхармы», поскольку именно дхарма, как Вечный Закон (санскр. sanatana dharma) является главным объектом исследования мимансаков. Не боги творцы дхармы, но дхарма – творец богов.

Миманса – наиболее традиционалистская философская школа Индии. Это направление мысли, в строгом смысле, нельзя назвать философией, поскольку оно имеет еще до-философскую природу и представляет собой попытку некой первичной рационализации древней ритуалистической практики, основанной на базе отражаемой в Ведах архаичной магической ментальности.

В сущности, такого же рода рационализацией ритуала занимаются Упанишады и происходящая из них философская традиция адвайта-веданты, но от последней миманса (дхарма- или пурва-миманса – т. е. *первичная аналитика*, в отличие от джняна- или утара-мимансы как *вторичной аналитики* адвайты и других философских даршан) отличается упором на исследование природы не столько умозаключения, сколько волеизъявления. В этом плане даршан мимансы не параллелен, а как бы перпендикулярен всем остальным даршанам классической индийской философии. Отсюда происходит большинство недоразумений «классических» философов, типа Сарвепалли Радхакришнана¹⁸², по поводу адекватности философского контента пурва-мимансы.

Миманса, как интеллектуальный стиль, исторически возникла в качестве реакции браминской среды на попытки настиков (т. е. мыслителей, не признающих верховного авторитета Вед) распределить сакральный дискурс ведийской религии. Типологически мимансаки во многом напоминают конфуцианцев и саддукеев, для которых закон (дхарма) и ритуальная этика (ли, исполнение заповедей) стоят выше знания (джняна) и свободной воли (понимаемой как спонтанное проявление природного начала).

«С точки зрения мимансы дхарма представляет собой соединение артхи (пользы) и чоданы, т. е. «команды», руководства к действию, под которым подразумеваются ведийские

¹⁸² **Сарвепалли Радхакришнан** (5 сентября 1888 — 17 апреля 1975) — индийский философ, общественный и государственный деятель. Почётный член Британской академии (1962). Автор известной книги «Индийская философия» (русский перевод издан в 1956-57).

предписания. Если свою выгоду человек может распознать самостоятельно, то для понимания ритуального долга ему требуется руководство. Таким руководством могут быть только Веда. Источником сведений о дхарме не может стать обыденное знание – пратьякша. Последняя рассматривается в мимансе как контакт индрий (органов чувств) и предмета. Если для познания окружающей действительности, т. е. того, что существует в момент познания, пратьякша вполне пригодна, то в качестве свидетельства о должном – о том, что еще только предстоит совершить, она неприемлема. Праманой, или источником знания о дхарме, приверженцы мимансы считали ведийское слово – шабду. Предписания Вед, состоящие из слов, мимансаки рассматривали как абсолютно непогрешимые: ведь по отношению к предписанию не может быть даже поставлен вопрос о достоверности, т.к. его смысл – не в описании наличных фактов, а в призыве к действию. Кроме того, согласно учению мимансы, связь слова с обозначаемым им предметом (артха) не представляет собой результат договора между людьми, но является врожденной (аутпаттика).»

Новая философская энциклопедия

Одним из фундаментальных понятий мимансы является апурва¹⁸³ (букв. «до-первичное»), как нечто не-существовавшее до определенного момента, а именно – до момента ритуального действия, в результате которого производится своеобразный кармический толчок особого характера, ведущий к осуществлению фантастической религиозной программы ведизма (достижение т. н. «небесного блаженства»).

Апурва может быть понята как магическая сила ритуала, обладающая сверхъестественным потенциалом тапаса. Здесь мы наблюдаем некое парадоксальное совпадение в позициях радикально полярных традиций мимансы и шраманизма в эмансипативных установках браминов-мимансаков и архатов-шраманов: в обоих случаях речь идет о чем-то сугубо уникальном, индивидуальном, зависящем не от космических обстоятельств, а от личной воли адепта.

Миманса в полной мере отражает психологию дхармической религии, шраманическими (опирающимися на авторитет гуру) вариантами которой являются буддизм, джайнизм и сикхизм, а каноническими (опирающимися на авторитет священного писания) – индуизм и зороастризм. Существуют также дхармические формы таких монотеистических (или авраамических) религий, как ислам (суфизм), христианство (древневосточные церкви), иудаизм (саддукейство).

Дхармичными были по своей природе античные культы Греции и Рима, магические религии других древних народов Европы. Отличие дхармической религии от монотеистической состоит в том, что в дхармической безличностное начало стоит над личностным, судьба – над

¹⁸³ **Апурва** (санскр. *a* — «не-», *pūrva* — «предшествующее», то есть «небывалое», «вновь возникшее», «невиданное») — понятие пурва-мимансы, одной из ортодоксальных школ-даршаниндийской философии, означающее скрытую силу, потенцию, рождающуюся в результате совершения индивидуумом определённых ритуальных действий и приносящую в дальнейшем благоприятные для него плоды.

героем. Sarva dharma śūnyatā, – говорят дхармисты, «всякая дхарма пуста». Радикальные мимансаки утверждают, что «бог – это имя в звательном падеже», имея в виду богов ведических текстов. Слово «дхарма» (от санскр. корня dhar-, «поддерживать») означает буквально «опора», некий фундамент. Державность, самодержавие духа.

В дискурсе мимансы «дхарма» – это «опора мироздания», некий «код бытия», «вечный закон» круговорота существований и одновременно – пророчество, рич (стих, сакральный текст) об эмансипативной природе дхармы, раскрываемой посредством карма-йоги как послушничества (садханы) на пути следования ритуалу. Аналогичных воззрений придерживаются конфуцианцы, акцентирующие важность ритуала, осуществляющего связь бренного мира с высшими силами. Буддизм махаяны объединяет в себе, в известном смысле, ритуалистику индуизма и конфуцианства, представляя собой особое направление дхармистики. Нирвана в представлениях махаянских мудрецов так же пуста, как дао в сознании китайских философов и самадхи индийских адвайтинов.

Дхарма, как деперсонализованный пустота, предстоит всем своим вторичным ипостасям, включая мистическую полноту Единого. Вместе с тем, эта пустота является источником апурвы (санскр. «небывалое») – силы, транслирующей энергию ритуала в практический результат: усиление собственного рода, увеличение популяции скота, повышение урожайности почвы, но главное – реализация провозглашаемого Ведами посмертного блаженства как финальной цели на пути богов, в отличие от «вечного возвращения» на пути предков.

Апурва – это суггестивная сила речи и магическая мана ритуала, действующая по каналам четвертого состояния. Обращение к ритуальной практике реанимирует в человеке обратную связь с центрами примордиального магического сознания, на базе которого сформировалась членораздельная речь как второсигнальная система условных символов, а еще позже – система безусловных, т. е. не имеющих предметного покрытия понятий абстрактного характера: дхарма, карма, арта, бхакти, мокша, сат-чит-ананда, апурва...

«Те трижды семь, что вокруг движутся, неся все формы, – пусть Повелитель Речи силы их, (их) суть дарует мне сегодня! Снова приди, о Повелитель Речи, вместе с божественной мыслью! О Повелитель Добра, сохрани (это)! Во мне пусть будет (это), во мне – сокровенное! Вот здесь стяни, как два конца лука - тетивой! Пусть Повелитель Речи удержит! Во мне пусть будет (это), во мне - сокровенное! Призван Повелитель Речи. Нас пусть призовет Повелитель Речи! Да соединимся мы здесь с сокровенным! Да не расстанусь я с сокровенным!»

Сила брахмана – в ритуальной корректности. В правильном ритуале – его садхана. Он достигает высшей цели через карма-йогу, переходящей на завершающей стадии в дхарма-йогу. Сила санньясина – в созерцательной последовательности. В интенсивной тапасье – его садхана. Он достигает высшей цели через джняна-йогу, переходящей на завершающей стадии в сам-ям.

xxx

После того, как брахман ушел на службу, Йогираджд показал мне место, которое он использует для медитаций. Мы вышли во двор. Рядом с ретритным бункером стоял еще один, меньшей площади и совсем без окон. Со стороны это был просто какой-то глухой амбар. Йогираджд снял с дверей замок. Внутри – просто голые бетонные стены и деревянный настил. В углу – черный шиваитский трезубец. Вот это и есть центр управления нашей галактикой...

Человек, как его изображает йогическая традиция, представляет собой полную бху-мандалу, где в роли центральной оси-Меру выступает позвоночник-сушумна, планетарные сферы соответствуют чакрам, ида и пингала – лунной и солнечной орбитам. Устанавливая различные микро-макрокосмические сопряжения, йогин автосуггестивно связывает свое манифестированное тело с проявленным космосом, что при включении обратной связи дает интуитивное ощущение гравитационного контура вселенной как субъективного экзистенциального предела (в т. ч. как предельного состояния, санскр. кайвалья¹⁸⁴).

Легко себе представить, как из точки Большого Взрыва пространство начинает одновременно расширяться во все стороны, когда галактики (скопления атомов-дхарм) бесконечно разбегаются, при постоянном ускорении. Этот же процесс, но в обратной перспективе (т. е. при обратном вспять времени), можно себе представить как бесконечное сжатие материи от ее крайних внешних пределов (граница сферы космологической сингулярности как поверхность глобального тела) – вовнутрь, с постоянным замедлением.

Вспомним еще о том, что в процессе «разбегания галактик» расширяется не дистанция между космическими объектами, но само пространство. Причем, оно расширяется не из одной какой-то точки к общей периферии, но одновременно из всех точек во все стороны. В этом смысле получается, что наше собственное тело, как сопокупность элементов, постоянно расширяется в пространстве, при растущем ускорении. И точно так же оно может, теоретически, начать сжиматься – при механическом обращении потока времени вспять.

В действительности же, учитывая замкнутость не только пространства (когда параллели сходятся), но и времени (когда будущее опережает прошлое), мы можем ощутить обратную сторону радикальной *тантры*

¹⁸⁴ **Кайвалья** (санскр. कैवल्य) – «одинокость», «изоляция», «отрешенность» (*пуруши* от *пракрити*, духа от материи). Цель раджа-йоги.

единства микро-макро-космоса: бесконечно углубляясь в пространство внутренней души, дух последовательно оказывается внешним наблюдателем мегагалактики, «взирающим» на этот мир из-за пределов космологической сингулярности. В этой метаморфозе внутренняя пустота глубокого сна души оказывается мистическим единством космического духа. Но это не значит, что все бесчисленные проекции индивидуального духа, атмана (т. е. индивидуальные души) упираются в одного и того же Парабрахмана. Здесь – как и с расширением: у каждого атмана – свой Парабрахман. Аналогично тому, как каждая точка в пространстве является «вечным» центром трехмерного расширения.

Расширение пространства прямо пропорционально, и его сжатие – обратно пропорционально скорости времени. Подобно тому, как в замкнутом пространстве два путешественника, стартуя в противоположные стороны и все время следуя по прямой, когда-нибудь да встретятся. В мире «искривленного времени» фигуры будущего, потенциально содержащиеся в эфире глубокого сна, транслируются в обратном хронологическом порядке, через парадоксальную фазу сновидного бардо, в материю настоящего. Засыпая, дух движется из настоящего в будущее. Просыпаясь, дух движется из будущего в настоящее, что, с точки зрения актуальной духовной субъектности, переживается как движение из настоящего в прошлое – т. е. является актом воспоминания. Душа, пробуждаясь в брэнном мире, как бы проходит путь самовоспоминания, отождествляясь с «настоящим бодрствующего тела» – в ущерб континуально¹⁸⁵ смещенному «настоящему души глубокого сна».

Нараяна – мастер этого мира, Махавишну – мастер мира иного, существующего за пределами пространства-времени, то есть, с точки зрения общей теории относительности, не существующего вовсе. Это уже чистая агностика, оперирующая темной, мистической стороной вещей за пределами формальной логики. Формула бога невозможна, но возможен его символ. Пустота необъяснима, но она интуитивна. Мне приходилось слышать об альтернативной версии Единой теории поля, согласно которой свет – это проявление в нашем мире пустоты антимира. Рам говорил, что сила майи держится на пустоте. Можно только догадываться, чем на самом деле являются в своем антиматериальном аспекте энергия и масса! А ведь где-то буддийская метафизика так себе все и представляет: все дхармы, как элементарные частицы реальности, изначально пусты, – как и Санатана Дхарма Вечного Закона.

Sarva dharma śūnyatā. Эту запредельную всему проявленному пустоту может отзеркалить интуиция души глубокого сна, праджня, в интеллектуальном свете которой гипнагогические образы судьбы начинают отбрасывать ментальную тень и становятся, таким образом, познаваемыми. В каждом мыслительном акте присутствует элемент самадхи как момент интуитивной открытости и особой внушаемости, делающей второсигнальное (т. е. речевое, символическое) общение возможным в принципе.

¹⁸⁵ **Континуально** – с точки зрения параметров пространственно-временного *континуума*.

II. 8. 11. Великое Время и его запредел

Рам рассказывал, что когда йогин медитирует, то его поддерживают все остальные йогины, находящиеся на аналогичной волне. Причем, чем выше состояние, чем тоньше его излучение — тем более высокого духовного ранга мастера начинают с ним резонировать. Таким образом, на подступах к самадхи адепта начинают непосредственно «тянуть» супер-мэтры — как актуальные, так и те, души (дживы) которых уже оставили этот мир и пребывают в пространстве чистого Брахмана. Однако, это еще не есть окончательное освобождение (мокша). По словам Рама все *дживанмукты*, реализовавшие принцип «*aḥam brahmāsmi*», остаются в брахмалоке (мире Брахмы) — как своеобразном космическом чистилище — до окончания маха-кальпы...

Космогонические представления индийской традиции восходят, судя по всему, к древней науке месопотамских звездочетов. Об этом говорит, прежде всего, шестидесятеричная система измерения времени, разработанная еще шумерскими жрецами. Согласно Пуранам, маха-кальпа (великий эон) или «жизнь Брахмы», состоит из 100 лет Брахмы или 311 триллионов 40 миллиардов лет земных (аналогия: 31104000 секунд в одном земном календарном году из 360 суток).

Один год Брахмы состоит из 360 суток Брахмы, разделяемых, в свою очередь, на день и ночь Брахмы, продолжительностью по 4 миллиарда 320 миллионов лет. Т. е. всего в сутках Брахмы содержится 8 миллиардов 640 миллионов земных лет (по аналогии: 86.400 секунд в обычных земных сутках из 24 часов), из которых половину времени он спит и половину — бодрствует.

В соответствии с Пуранами, половины своего возраста, 50 лет, достиг и Брахма. При этом, по утверждениям современной науки, все время существования нашей вселенной, начиная с Большого взрыва, составляет около 14 миллиардов лет и соответствует приблизительно периоду полутора суток Брахмы. Стало быть, архонта нашего космоса, наш гностический эон (если его отождествить с Солнечной системой) можно уподобить микроклетке в теле Брахмы, живущей считанные часы. Таким образом, согласно пуранической мысли, вся наша физическая вселенная является лишь элементарной частицей более масштабной вселенной.

«Световой» день жизни Брахмы, или кальпа, длится 4 миллиарда 320 миллионов земных лет и делится, в свою очередь, на 1000 махаюг, по 4 миллиона 320 тысяч лет в каждой. В течение одного дня своей жизни Брахма порождает 14 Ману¹⁸⁶. Жизнь одного Ману, или манвантара, длится 306.720.000 миллионов лет¹⁸⁷ и делится, в свою очередь, на 71¹⁸⁸ махаюгу

¹⁸⁶ **14 Ману** соответствуют 14 часам дня Брахмы. Сутки Брахмы состоят из не из 24, а из 28 часов, соответствующих не 12 созвездиям солнечного Зодиака, 28 накшатрам или лунным созвездиям индийской астрономии. В течение 14 ночных часов Брахма спит (период пралайи), и Ману в это время им не порождаются.

¹⁸⁷ Интересно, что продолжительность одной манвантары (306 млн. лет) одного порядка с периодом обращения Солнечной системы вокруг центра Млечного пути (230 млн. лет).

¹⁸⁸ **71** — знаковое число в индийской космологии: за 71 год земная ось смещается в прецессионном цикле на 1° (полный прецессионный тур из 360° продолжается 25 765 лет).

(условный год Ману), продолжительностью по 4 миллиона 320 тысяч земных лет каждая. 71 манвантара по длительности соответствует 1000 махаюгам, именуемым также чатур-югами, т. е. «четверичными югами», поскольку каждая из них делится, в свою очередь, на 4 юги (в пропорции 4-3-2-1):

Сатья-юга (Крита-юга): 1 728 000 земных лет
Трета-юга: 1 296 000 земных лет
Двапара-юга: 864 000 земных лет
Кали-юга: 432 000 земных лет¹⁸⁹

Порядок продолжительности одной кальпы практически совпадает с возрастом нашего Солнца, которое сформировалось, согласно современной астрономии, около 4,57 млрд. лет назад. Ученые утверждают, что Солнце, к настоящему времени, достигло примерно половины своего возраста как космический объект.

По завершении дня Брахмы наступает пралайя, или ночь Брахмы, равная по продолжительности его дню, т. е. 4 миллиардам 320 миллионам земных лет или 1000 махаюгам (14 манвантарам по 71 чатур-юге каждая). В настоящее время мы живем, согласно ведийскому календарю, в 5118 год Калиюги (2016 по христианскому летоисчислению), 28 махаюгу, 7 манвантару (эпоха Ману Вайвасваты), кальпу Вепря, первый день 51 года Брахмы.

Прожив 100 лет, Брахма умирает, и в мире наступает период полного разрушения или так называемой махапралай¹⁹⁰, равный по времени всей жизни Брахмы. А дальше, согласно логике древних мудрецов, рождается новый Брахма, и так — до бесконечности. Но откуда он берется, кто его родитель? Следуя метафизическим аналогиям, махапралая может быть уподоблена обычной пралае как сну Брахмы, наступающему после активной фазы из 1000 махаюг творимого им космоса. Только махапралая — это уже сон божества более высокого порядка, выходящего за рамки бытия всех метagalactic.

Нужно отметить, что приводимые Пуранами периоды космических циклов и их структурные деления носят, в значительной степени, механистический характер, ориентируясь на природные аналогии, прежде всего — антропоцентричные. Практически все древнейшие мифы человечества содержат образ космического гиганта, ритуальным расчленением которого был создан существующий мир. В ведийской религии это Пуруша¹⁹¹, в

¹⁸⁹ Последняя Кали-юга началась, согласно традиции, 23 января 3102 года до н. э.

¹⁹⁰ **Махапралая** (санскр. महाप्रलय, Mahâ-pralaya, «великое разрушение») — полное разрушение Вселенной (по истечении махакальпы) со смертью творца Брахмы, которое происходит каждые 100 лет Брахмы (311,04 трлн земных лет).

¹⁹¹ **Пуруша** (др.-инд. पुरुष, puruṣa, «человек, мужчина, дух») — согласно индуистской мифологии, существо, из тела которого была создана Вселенная. В индийской философии термин «пуруша» означает «божественный дух», макрокосм. В философии санхьи *пуруша* — множественное неподвижное мужское (духовное) космическое начало, «чистое сознание», созерцающее динамичное женское начало — пракрити (материя). Пуруши являются вечными, их основные свойства — отсутствие свойств (ниргуна).

северных сагах — Имир¹⁹², в Аккаде — Кингу¹⁹³, в Китае — Паньгу¹⁹⁴. В Ведах образ Пуруши предшествовал заменившему его впоследствии Брахме. А потом Брахма превратился в Брахмана и Парабрахмана. В чем здесь разница? Прежде всего — в масштабах. Брахмой принято считать творца нынешнего космического цикла, т. е. нашей вселенной, как ее представляли себе древние звездочеты.

Со временем, по мере накопления астрономических знаний, ученые жрецы пришли к пониманию того, что помимо нашей вселенной может существовать огромное, если не бесконечное число других вселенных как автономных пространственно-временных континуумов. Таким образом, бог-творец Брахма стал абстрактным Абсолютом-Брахманом, существование которого выходит за пределы нашего временного «цикла творения».

Брахман — это уже все вселенные вместе взятые, все потенциальные Брахмы в их совокупности. Две ипостаси Брахмана — абсолютного и не-абсолютного (Пара-Брахман и Акшара-Брахман) — выделяют, фактически, все направления веданты. Эта двойственность, явно имеющая эзотерическое основание (двойное кодирование), напоминает двойное значение Зервана¹⁹⁵ в иранской религии: как бога Времени в маздаизме и бога Вечного Времени (Зерван-Акарана) в зерванизме¹⁹⁶.

Зерванизм, как тайный культ презревших институциональную традицию магов-волонтаристов (санскр. *шрамана* — аскеты, отрицающие авторитет Вед), был распространен от Балкан до Гималаев и Центральной Азии, будучи интегрированным в религиозные традиции не только зороастризма (и других форм иранской религии, включая манихейство), но также индуизма, буддизма, ислама и реликтовой гиндукушской религии.

Зерван — аналог индо-буддийского *Махакалы* (санскр. महाकाल, «великое время»), орфического Хроноса (порождает Эфир, Хаос и Эреб) или гностического Демиурга (Первый бог). По всей видимости, к зерванизму имеет отношение религия Шенраба¹⁹⁷, бон, имеющая иранские корни, а

¹⁹² **Имир**, Бримир или Аургельмир (др.-сканд. Ymir, Aurgelmir) — в германо-скандинавской мифологии первое живое существо, инеистый великан, из которого создан был мир.

¹⁹³ **Кингу** — в аккадской мифологии чудовище, созданное, согласно космогонической поэме Энума элиш, праматерью Тиамат, первоокеаном солёной воды. Возможно, принадлежал к первому поколению богов.

¹⁹⁴ **Пань-гү** (кит. трад. 盤古, упр. 盘古, пиньинь: Pángǔ) — в древнекитайской мифологии мифический первопредок, первый человек на земле.

¹⁹⁵ **Зерван** (*Зурван, Зарван*; от пехлевийского *zruvan*- «время») — в иранской мифологии олицетворение времени и пространства. В поздний период понимался как бог времени и судьбы, двуполое существо, породившее Ахура Мазду и Ангра Майнью. Зерван — верховный бог зурванизма. Зенд-авеста признаёт единое верховное начало бытия, которое называет «Вечное Время» (Зерван Акарана); из недр его происходят уже Ормузд и Ариман, Свет и Тьма, образующие своей борьбой существование настоящего мира.

¹⁹⁶ **Зерванизм** — предположительно философское течение в среде зороастрийских священнослужителей во времена Сасанидов, которым осуществляется попытка трактовки «Доктрины дуализма», 30-й ясны. По словам Мирчи Элиаде, миф о Зерване дошел до нас в пересказе двух армянских (Егише Вардапет и Езник Кохбаци) и двух сирийских (Теодор бар Конай и Йоханнан бар Пенкайе) авторов.

¹⁹⁷ **Шенраб** (он же Тонпа Шенраб, Шенраб Миво, Шенраб Мивоче, род. в 1856 году до н.э., по другим данным — около 20 тыс. лет назад) — легендарный основатель тибетской религии бон.

возможно — и даосизм («Великое знание, пришедшее в Запада»). Безусловно, элементы зерванизма можно обнаружить в бадахшанском исмаилизме, курдском йезидизме, сирийском алавизме.

«Проявлением Зервана является пустота, которой нет, и которая одновременно присутствует во всем, в которой есть все. Она обеспечивает взаимосвязь всего сущего, единство всего мира, принцип всеобщего подобия. Эта пустота присутствует в человеке, и именно в результате контакта с ней, достигаемого, в частности, отключением сознания, проявляются все «сверхвозможности» людей. То есть человек в себе воспроизводит ту начальную пустоту, начальную точку, которая дала начало мирозданию, тот момент, когда мир еще не появился и не было еще никакого выбора (пустота – дверь Зервана). В этом состоянии заключена огромная сила. В этот момент абсолютного пустого сознания любому человеку можно дать установку на добро или на зло.»

Павел Глоба. Живой огонь

В вишнуитской мифологии есть образ Махавишну, выдыхающего из себя вселенные и вдыхающего их обратно. Дыхательный цикл Махавишну — это жизнь и маха-пралая Брахмы. А что же сам Махавишну? За ним же тоже кто-то стоит, он же тоже не вечен? Теоретически мы тут упираемся в дурную бесконечность формальной логики. Древние мудрецы, для преодоления этого когнитивного диссонанса, ввели понятие Парабрахмана, который принципиально стоит вне времени, как чистая вечность, над которой не властно время (кала), царствующее в замкнутых вселенных брахманической реальности.

Змей Ананта-Шеша¹⁹⁸ (бесконечный змей), на котором возлегал Махавишну, является в индуизме (и не только) символом глобального времени — Махакалы. Махакала — это также одно из имен Шивы. В буддизме Махакала играет роль «защитника дхармы» и изображается в виде многоглавого, многорукого и многоглазого божества в пламени всепожирающего времени. В сикхизме Махакала является синонимом «высшей воли».

Приблизительное соответствие символических ипостасей бесконечной вечности и конечного времени в отдельных религиозно-мистических традициях:

Религиозная традиция	Вечность за пределами всех космосов	Конечное время отдельного космоса
Ведизм (брахманизм)	Пара-Брахман	Брахма
Вишнуизм	Маха-Вишну	Вишну
Шиваизм	Маха-Кала (великое время)	Шива
Буддизм	Маха-Кала (великое время)	Индра / Шакра

¹⁹⁸ **Шэша** или **Ананта-шэша** (санскр. अनन्त शेष, Ananta Śeṣa «бесконечный Шеша») — одна из форм Бога в индуизме и ведийской религии — тысячеголовый змей, царь всех нагов. Шеша выступает олицетворением вечного времени. Согласно «Бхагавата-пуране», Шеша — это аватара Вишну, также известная по имени **Санкаршана**. В Пуранах описывается, что Шеша поддерживает на колпаках своих голов все планеты Вселенной и постоянно занят воспеванием славы и имён Вишну своими бесчисленными устами.

Зерванизм	Зерван Акарана (время бесконечное)	Зерван Даргахвадата (время конечное)
Митраизм	Варуна	Митра
Зороастризм (маздеизм)	Ахура Mazda	Ангра Майнью
Христианство	Бог-Отец	Князь мира сего
Гностицизм	Абраксас / Хронос Айперос	Эон
Орфизм	Фанес (Пан) / Хаос (пустота)	Хронос (время)

В иранской традиции аналогом Махакалы является **Зерван Акарана** (пехлев. *zurvan akaṅana*, «время бесконечное»), низшей ипостасью которого является Зерван Даргахвадата («время конечное»). Последний изображается в виде крылатого человеко-льва, обвитого космическим змеем и стоящего на мировой сфере. Орфики отождествляли Зервана¹⁹⁹ с драконом времени **Гераклом**, гностики — с космическим змеем **Уроборосом**. Его также называли **Хроносом** со львиной головой. Некоторые авторы греческих текстов отождествляют Зервана с **Митрой**, **Фанесом** и **Эоном**. Здесь мы видим типичный эллинистический синкретизм, объединивший античную философию с восточными мистическими культами.

Особенно интересной нам представляется параллель львиноголового Зервана с индусским человеко-львом Нарасимхой, почитаемым в качестве четвертой аватары Вишну²⁰⁰. Согласно Пуранам, это воплощение Вишну связано с историей о демоне (асуре) Хираньякашипу («облаченного в золото») и его сыне Прахладе, преданном вайшнав. Этот демон, возжелав власти над миром, предался суровой аскезе и накачал мощные магические силы, после чего обратился к Брахме (творцу нашей вселенной) с просьбой о даровании бессмертия. Но, получив отказ (ибо Брахма сам смертен), запросил господства над всей вселенной и в придачу — неуязвимости, да такой, чтобы его не смогли сразить ни, зверь ни человек, ни днем, ни ночью, ни на земле, ни в воздухе, ни внутри помещения, ни снаружи, по принципу

¹⁹⁹ Древнейшее из известных на сегодня изображений человеко-льва было найдено в одной из альпийских пещер на юге Германии. Это фигурка из бивня мамонта, сделанная около 40 тысяч лет назад, т. е. в период заселения Европы первыми кроманьонцами.

²⁰⁰ **Аватары Вишну** — наиболее известная версия говорит о 10 аватарах (дашаватара) Вишну, которые (с известными допущениями) могут быть проинтерпретированы как иллюстрация эволюционного развития земной жизни и человека: 1). Матсья (рыба), древнейшая эпоха первых холоднокровных морских существ. 2). Курма (черепаха), эпоха земноводных. 3). Вараха (вепрь), эпоха теплокровных млекопитающих. 4). Нарасимха (человеко-лев), эпоха первых «полулюдей», высших приматов. 5). Вamana (карлик), эпоха архантропов. 6). Парашурама (Рама с топором), эпоха палеолита и первых рукотворных орудий. 7). Рама (царь Айодхьи), эпоха неолита и начала производительного хозяйства. 8) Кришна (сын царя Лунной династии Васудевы), эпоха первых скотоводов. 9). Гаутама Будда (кшатрий из царского рода Шакьев), эпоха зарождения письменности. 10). Калкин (грядущий всадник на белом коне), эпоха завершения человеческой цивилизации нынешнего цикла.

исключенного третьего (санскр. *neti-neti*, «ни то, ни это»). Сын демона, Прахлада, будучи последовательным адвайтином, не разделял страсти отца к тоталитарной власти, полагая, что никакое существо не в состоянии тягаться с самим Великим Господом. Эта позиция взбесила Хираньякашипу, он спросил Прахладу:

– Ты считаешь, что Бог присутствует во всем? Даже в этих безжизненных каменных колоннах дворцового портика?

И он, в сердцах, ударил со всей силы кулаком по колонне. В этот момент из колонны явился сам Вишну в облике Нарасимхи и разорвал демона на части (освободив при этом от его власти всю захваченную магическими усилиями последнего вселенную). При этом обещание Брахмы не было нарушено: Хираньякашипа погиб от рук ни зверя, ни человека (а человеко-зверя), ни днем, ни ночью (а в сумерки), ни на земле, ни в воздухе (а на коленях Вишну), ни внутри помещения, ни снаружи (а в портике).

О чем говорит эта легенда? Несмотря на множество интерпретаций отдельными школами, адвайтическая суть ее вполне ясна: весь мир един, и Абсолют находится везде. При этом достигается он через практику медитационного отстранения от всего тварного, согласно апофатическому принципу *нетти-нетти* (основа негативной диалектики адвайты-веданты и буддийской философии *мадхьямики*, «среднего пути»), в состоянии *сам-ям* (равновесие лево- и правополушарной активности мозга).

Существует ли вероятность, что образ Нарасимхи является инвариантом иранского Зервана? Очень может быть. Тем более, Нарасимха, как аватара Вишну, может быть понят в качестве эманации Несотворенного Времени (вечности), подчиняющего себе все сотворенные пространственно-временные континуумы (брахманические вселенные). Бог-Отец, уничтожающий «собственными руками» князя мира сего — вполне гностический сюжет, достойный индоиранских религий, но также — и более широкого религиозно-мистического и философского дискурса.

Точно так же, образ Нарасимхи-Зервана может лежать в основе символизма Махакалы как грозного божества буддизма (дхармапала, защитник веры), «разрывающего» врагов учения и танцующего на трупе поверженного демона. Другое имя этого божества — Яма Дхармараджа (или Ямараджа), что переводится как «бог смерти, владыка закона (дхармы)». Яма часто изображается как трехглазый демон с головой быка (вместо львиной), держащий в своих когтистых лапах Колесо сансары — т. е. графическое изображение всех планов глобального бытия-времени. Шива в облике Махакалы, как Бхайрава (ужасный), представляет собой шиваитский аналог Великого Времени. Эта же идея стоит за символизмом грозной богини времени Кали, почитаемой за одну из ипостасей супруги Шивы (его шакти).

Таким образом, мы видим полисемантическую и взаимозаменяемость персонажей из пантеона индоиранских религий. «Все во всем» — главная парадигма не только архаичного магического мышления, но и мышления как такового, рассматриваемого с точки зрения интегрального опыта трех состояний познания на фоне четвертого — запредельного, пустого Абсолюта.

II. 8. 12. Махалакшми-пуджа

Храм Бадринатха открыт для всех каст и всех вер. Такая толерантность в Индии далеко не повсеместна, хотя ее везде, в самом деле, много. Во время одной из пудж, я постарался увидеть мурти Бадринараяны как символ дхармы в ее наибольшей глубине, образно понимаемой как самадхи Вишну (Вишнусамадхи).

Согласно представлениям мимансы, за всеми мурти стоят имена, а за именами – ведийские заклинания как комбинации бинду-звуков²⁰¹ биджа-мантр²⁰², которые, в свою очередь, есть отдельные аспекты универсальной речи санатана-дхармы, вечной веды, через которую человечеству дается шанс гармонизировать свое сосуществование с Парабрахманом. Для мимансака принципиальной разницы между отдельными мурти нет. Они все являются аспектами единой дхармы. Значение дхармы в мимансе близко значению логоса в греческой философии и авраамической теологии. Дхарма – это как бы темная сторона логоса, его распрямление в магии социальной практики.

На одну из пудж в центральном мандире я принес с собой позолоченную статуэтку Бадринараяны, купленную у местного ювелира, и попросил браминов освятить ее. Всю службу мурти стоял на алтаре, участвуя в ритуальной обработке. В конце пуджи брамин вернул мне освященную статуэтку, завернутую в храмовый листок, листья туласи и обложенную желтыми цветами. Золото на желтом – это же алхимический цитринитас²⁰³ как третья стадия инициатического восхождения субъекта на вершину четырехступенчатой пирамиды Абсолюта! Грудь фигурки была покрыта сандаловой пастой. Теперь это легитимный мурти по чину намбудури-сампрадаи.

Махалакшми – еще одна, не существующая вне ведического дискурса, сущность, которая может быть вызвана к существованию посредством магической апурвы, в процессе ритуального заклинания:

Om Shreem Hreem Shreem Kamale Kamalalaye Praseed Praseed |
Om Shreem Hreem Shreem Mahalakshmaye Namah ||

Махалакшми – темная сторона логоса Махавишну, его шакти. Ее символ – лотос. В соответствии с одной из космогонических легенд, богиня Шри

²⁰¹ **Бинду** (санскр. बिंदु) – точка зарождения, центр мандалы, момент единства всего сотворенного. В дальнейшем делится на мужскую «белую бинду» (шукла) и женскую «красную бинду» (махарадж).

²⁰² **Биджа** (санскр. बीजा, bīja, «семя») или **Биджа-мантра** (санскр. बीजामन्त्र, bīja-mantra, «семенная мантра») — термин в индуизме, буддизме, сикхизме. Наиболее древней и известнейшей из биджа-мантр является слог «**Ом**» (санскр. ॐ)

²⁰³ **Цитринитас** (лат. *Citrinitas*, иногда использовался термин *xanthosis* — «желтизна» — в алхимии одна из четырёх основных стадий Великого делания (получения философского камня), наряду с нигредо, альбедо и рубедо. Буквально означает «превращение серебра в золото» или «пожелтение лунного сознания». Четаре стадии Великого делания – нигредо, альбедо, цитринитас, рубедо – можно соотнести с четырьмя состояниями Веданты: джаграт (бодрствование), свапна (сон), сушупти (глубокий сон), турия (четвертое состояние).

Лакшми появилась со дна Молочного океана (Млечный путь) во время его пахтанья девами (богами) и асурами (демонами) в целях получения амриты – напитка бессмертия. В качестве мутовки они использовали гору Меру, обернув вокруг нее, в качестве веревки, тело гигантского змея Шеши. В свою очередь, Меру опиралась на панцирь сверхъестественной черепахи Курмы как второй аватары Вишну (после рыбы-Матсьи в качестве первой аватары, спасшей Веды от всемирного потопа). Махалакшми, как Великая Мать, помогает улаживать семейные (в матриархальном смысле) вопросы, дарует здоровье и процветание. Тоже вещи далеко не лишние. Пользуясь случаем, я решил заказать в мандире богини специальную пуджу.

Брахман сказал мне прийти прямо с утра, к началу пробуждения богини. Это значит в пять ноль-ноль. Не забыть захватить с собой свежий веночек из туласи в качестве подношения. Еще я принес маленькую медную фигурку Махалакшми, сделанную по образу оригинала в мандире – для освящения. Пуджа, посвященная Лакшми, существенно отличается от пуджи Нараяны, прежде всего тем, что значительная часть церемонии проводится жрецом за закрытым пологом гарбхагрихи. На мой вопрос «почему?» брамин ответил, что Махалакшми, как и все женщины, предпочитает раздеваться, омываться и переодеваться без посторонних мужских глаз. Только жрец, как символический супруг богини, имеет право на личное присутствие в святой святых.

Большую часть пуджи я просидел на скамейке около гарбхагрихи, поджав под себя одну ногу. Наконец, когда процедура пробуждения, омовения и облачения была закончена, жрец отодвинул полог и я, а также десяток других поклонников Великой богини, собравшихся на утреннюю пуджу в ее честь, увидели черное лицо каменного мурти в обрамлении венков и шелков. Тело *Махалакшми-Арвиндавалли*, восседающей, подобно своему божественному супругу, в позе лотоса, было сокрыто под многослойными одеждами, а ее голова была увенчана большой короной с самоцветом посредине, напоминающей корону самого Бадри Вишала.

В процессе службы брахман периодически задавал мне разные вопросы, в основном о том, как зовут разных членов моей семьи: мать, отца, супругу, детей... Ведь пуджа – адресная, и тут очень важно правильно озвучить имена всех субъектов ритуала. Время от времени подходящие и отходящие от святилища люди били в висящий тут колокол, иногда все сообща молились. Брахман попросил меня повторить вслед за ним очень длинную мантру. Разумеется, по частям. Это было обращение к Махалакшми на санскрите. Я спросил мастера, нельзя ли получить весь текст заклинания в письменной форме? На что он ответил:

– Да вам это больше не нужно. Повторяйте просто «джей, Махалакшми, джей, Махалакшми, джей, Махалакшми!»

По завершении службы пуджари накинул мне на шею веночек и вернул фигурку богини. Ее верхняя часть, за исключением лица, была покрыта сандаловой пастой. Брахман поставил мне на лоб тилаку ярко-красным порошком и подарил пакетик с этим магическим веществом, чтобы

периодически ставить богине тикку на лоб и красить ей ладони. Истинный Красный лев как символ алхимической мистерии рубедо! Также я получил от пуджари несколько пакетиков с прасадом в виде особых специй для использования в домашней кухне. Джей, Махалакшми!

Служба закончилась одновременно со службой в мандире, после чего я традиционно обошел мандир три раза посолонь и подошел к алтарю Агни в северо-восточном углу пракарама²⁰⁴. Жрец-атхарван узнал меня и предложил присесть. Он дал мне в руки чашку с зерновой смесью, и мы начали совершать обычную яджну во благо родных и предков. Во время этой процедуры к огню подошел молодой пандит, весь замотанный в красно-оранжевые одежды и с томиком Пуран в руке. Закончив возлияния под декламацию звонких ведийских стихов, атхарван попросил меня трижды обойти вокруг алтаря, а затем жестом пригласил снова присесть. Ему с пандитом нужна была помощь третьего лица при осуществлении очередной яджны. Мне снова выдали чашу с прасадом и просили просто повторять жесты молодого человека – т. е. бросать особым образом зерна в огонь: *Om Agnaye Svaha! Idam Agnaye Idam Na Mam!*

Атхарван раскрыл на коленях небольшую книжку и стал из нее нараспев цитировать священные гимны высшим силам. Часть санскритских имен и терминов мне были знакомы, так что вполне создавалось ощущение полного присутствия не только на месте, но и в теме. Особенно меня вдохновляло слово «Парабрахман», т. е. Высший Брахман йогонов как синоним Абсолютного Духа философов.

II. 8. 13. Мудрость и метод / праджня-упая

За время своего пребывания в Бадринатхе я довольно основательно ознакомился с культовой стороной индуизма, прежде всего – в практическом ее аспекте. Сейчас я хорошо себе представляю, чем вайшнавская пуджа отличается от шайвической, ведийская яджна от йогической и т. д. У себя в гостинице мне удалось за неделю недель собрать приличный алтарь (веди или ведика) из приобретенных в местных сувенирных лавках божественных мурти и культовых объектов. Причем, часть из них получила каноническое освящение из рук живых мастеров. Помимо фигурки Махалакшми, тут были мурти покрытого сандаловой пастой Бадринараяны с нависшим над ним тысячеглавым змеем Шешей, а также медитирующего Шивы, с раскрашенными красной охрой лбом и ладонями. Кроме того, на алтаре присутствовали статуэтки Куберы, Ведавьясы, а также несколько иных разновидностей Бадринараяны: сидящего с одной поджатой ногой, сидящего в падмасане (копия храмовой шалаграма-шилы) и в виде украшенной разноцветными кристалликами черной маски с белыми глазами. Последнее мурти мне живо напоминало черную голову святого Маврикия – покровителя средневекового рыцарского Братства Черноголовых, распространенного до 1941 года в родной Ливонии. Далее, следует упомянуть несколько разновидностей священной свастики, в

²⁰⁴ **Пракарам** (санскр. प्राकारम् – prakaram) – сакральное пространство вокруг индуистского храма может быть как крытым, так и открытым (храмовый двор).

том числе – с каноническим образом Бадринараяны в центре, а также выточенную из прозрачного горного хрусталя бху-мандалу в виде черепахи с горой Меру на панцире, четыре отдельных хрустальных Меру, несколько четок и целую россыпь натуральных разноцветных кристаллов из гималайских копей.

Еще здесь были венки туласи, жертвенные плоды прасада с различных богослужений, аграбатти, миниатюрный шивалингам из черного камня, ритуальный медный колокольчик (гханта) в виде Гаруды, листья и цветы с отдельных священных мест, камешки из пещеры Вьясы, медный шиваитский браслет с выгравированной мантрой «Ом Намах Шивайя» и стальной браслет сикхов строгой классической формы. На алтаре стояла цветная металлическая иконка, воспроизводящая персонажей в гарбхагрихе Бадринараян-мандира, и портрет Рама в красной раме, побывавший вместе со мной в крайней точке нашего паломнического маршрута, у святого источника живой воды (манасароварджала), рядом с мостом Бхимы в Мане, куда она течет – как утверждает традиция – по подземным каналам прямо из волшебного озера Манасаровар у подножья Кайласа. Воспламенив свечи и запалив аграбатти, вызвав звоном гханты духов Великой пустоты и мантрическими заклинаниями реактивировав священные имена, я усаживался напротив распахнутого в чудесный гималайский космос окна и, вдыхая потоки чистейших ветров великого Ваю, прозревал манифестацию священных символов неба, земли и храмового пространства на фоне запредельного вакуума Махамудры²⁰⁵. Особенно приятно было знать, что ты тут сидишь не один, а в окружении таких же психонавтов со стажем, собирающихся на летний сезон в этой долине с полным знанием дела и глубокой погруженностью в секретный дискурс практической адвайты.

Обратной стороной культовой практики в индуизме является не столько богословие, сколько психология (в западном смысле этих терминов). Каноническое богословие, как таковое, в индуизме отсутствует. Священные ведийские тексты, при всем своем ультимативном авторитете, не могут быть отнесены к жанру богословского творчества, их содержание – отнюдь не интеллектуальное, но – чисто ритуальное, отражающее «до-рассудочное» состояние человеческого ума. Собственно, богословие как таковое начинается в Индии с Упанишад, однако здесь, в отличие от Запада, никогда не собиралось каких-либо авторитетных комиссий носителей традиционного знания и ритуала для выработки общеобязательных, канонических положений относительно того, как и в кого следует верить. Фактически, любой индус может заявить о своем трансцендентальном опыте и контакте с божественными сущностями любым удобным для него способом.

Существенная часть индуизма – поклонение многочисленным мурти всевозможных богов, которые были тем или иным образом явлены

²⁰⁵ **Махамудра** (санскр. महामुद्रा, букв. «Великий Символ» или «Великая Печать», «Чаг Чен» — тиб.) — высшее духовное учение в ряде эзотерических школ буддизма и индуизма, которое заключается в непосредственном пребывании практикующего в состоянии истинной (т. е. пустой) природы ума.

отдельным ясновидцам. Причем богоявление не обязательно предполагает антропоморфную форму. Это может быть просто камень, дерево, скала, река, фрагмент ландшафта или пещерного рельефа, животное или даже насекомое. На эту тему Филипп меня однажды спросил:

- Папа, что такое ангел?
- Ангел? Это проявление Святого Духа, божественной энергии, которая может принимать любую форму.
- То есть ангел – это не обязательно человек?
- Нет, вовсе не обязательно. Ангел может явиться, например, в форме птицы или в форме дерева...

Я здесь имел в виду голубя и Неопалимую купину.

- А может быть ангел-слон? Или ангел-муравей?

Вот это вопрос – в десятку. Так сказать, «от премудрых утаил...»

- Думаю, что может. Ангел может проявиться совершенно, как угодно. Даже через книгу или кино. Ангел – это интуиция, дух прозрения...

Терминологическая строгость западного богословия и его схоластический формализм малопонятны индийцам. Не зря здесь существует понятие Вечного Закона, Санатана Дхармы, согласно которой все религии являются «частью индуизма», его отдельным аспектом. Отсюда – обилие разного рода сат-гуру аватаров, подчас совмещающих в себе не только сугубо индуистскую образность (Вишну-Шива, Дурга-Лакшми-Сарасвати и т. п.), но и представителей пантеона совершенно разных религий: буддизма, джайнизма, зороастризма, христианства, ислама... Однако, индо-иудейских аватаров пока встречать не приходилось (разве что Христос?). Хотя для индуса такое сочетание тоже вполне легитимно. В самом деле, почему нет? Аллах велик! Именно поэтому мое посещение индуистских святынь и храмов, а также обращение к браминам по поводу ритуальных услуг воспринимались совершенно адекватно. Ну да, христианин-адвайтин, интересуется суфизмом и мимансой... Бог в помощь и летной погоды! Интуиция непредсказуема, главное – тапась, т. е. духовное усилие на пути к высшему знанию, трансцендентальной мокше.

В Индии любой более-менее заметный гуру объявляется сат-гуру, т. е. богоравным, если не сказать просто «богом во плоти», после чего вокруг него развивается культ личности, переходящий... в очередную манифестацию религии безличностного Парабрахмана, новую локальную модификацию санатана-дхармы. И никого это не удивляет, тем более – не вызывает каких-либо нареканий в богохульстве и т. д. Здесь можно просто на пустом месте положить камень и начать ему кланяться, совершать пуджи. Если это, в самом деле, санкционировано высшими силами – эффект будет: рано или поздно люди заметят это место и тех, кто тут священнодействует. Возможно, вокруг этого камня отстроят целый храмовый комплекс, откроют школу толкователей, даже иностранные филиалы...

При этом весьма продвинутый гуру может всю жизнь пребывать в неизвестности, и это тоже никого не удивит. Индийцы вполне способны понять силу не только открытого, но и тайного влияния мастеров на судьбы людей. Анонимность тут не порок, равно как и широкое признание – не гарантия добродетели. Вокруг ярких, поповых гуру тут собираются в основном наивные иностранцы и местные проходимцы, пользующиеся дремучестью заезжих искателей высших истин и посвящений. Конечно, в стране хватает и собственных простофиль, клюющих на все блестящее, но подавляющее большинство индусов тихо и скромно почитают своих малозаметных со стороны семейных мастеров, каковых тут просто миллионы и миллионы. И главное – в Индии никто не назовет вам явного патриарха традиции, некоего индусского «папу» или великого понтифика.

Вместе с тем, почти миллиард верующих индусов, несмотря на все их ритуальные и теологические различия, объединяет некое единое чувство дхармы, космического и общественного порядка, отражаемого, в том числе, в ведической и пара-ведической (толковательной) литературе. Это чувство дхармы тут явно ощущаемо как некий скрытый стержень в человеческих характерах, как духовная точка опоры, позволяющая стоически переносить все тяготы очень непростой здесь материальной жизни, не теряя твердой надежды на окончательный триумф духа и постулируемое Ведами посмертное блаженство освобожденной из космического узилища души, добросовестно следовавшей предписанному свыше Вечному Закону.

Здесь часто, особенно в святых местах, можно встретить людей в состоянии спонтанной медитации, тихо и подолгу сидящих в полной неподвижности. Вы можете даже сесть рядом (понятно, не совсем на шею) и точно так же помолчать. Все это будет воспринято совершенно адекватно, без тени раздражительности по поводу нарушения так называемого «личного пространства» (англ. private bubble). Разумеется, при почти полутора миллиарда населения вы не сможете полностью миновать различных неадекватов – как просто клинических идиотов, так и вполне себе сознательных, злонамеренных разводчиков. К категории последних, при наличии у них особенно развитых суггестивных способностей, относятся и настоящие черные маги, способные выступать как в скрытых, так и достаточно откровенных ипостасях (в зависимости от обстоятельств). Причем восточная черная магия может быть достаточно жестокой и крайне вредоносной. Такое тут тоже существует. Как и весьма развитая система профилактического противодействия, начиная с особых охранительных мантр и заклинаний Атхарваеды и далее по списку...

1. Пусть это жертвенное возлияние принесет колдунов, как река – пену. Кто это совершил, женщина (или) мужчина, пусть этот человек здесь объявит себя!
2. Он пришел, объявляя себя, – примите же его! О Брихаспати, подчинив (его) своей воле, о Агни-Сома, пронзите (его) насквозь!
3. О пьющий сому (Индра), убей потомство колдуна и приведи (его самого)! Выбей дальний и ближний глаз у (него), кичащегося!
4. Где только, о Агни, ты узнаешь рождения этих скрывающихся пожирателей, о Джатаведас, ты их убей, мощно подкрепляемый заговором, стократно пробурвав их, о Агни!

II. 8. 14. Магический менталитет

Можно сказать, что подавляющее большинство индийцев (как индусов, так и представителей других религий) являются носителями того, что может быть названо магическим менталитетом, предполагающим веру в судьбу (дхарму), тайные силы природы (вселенной) и возможности сверхъестественных превращений души-материи. Но главным свойством магического сознания является полное отождествление денотата и коннотата: явления и его символа, предмета и знака.

По сути, любая магическая операция построена на манипуляции символическими условностями. Однако практические последствия магического действия определяются не символами, а стоящей за всякой ритуалистикой личной волей манипулятора, которая, в зависимости от реальной квалификации последнего как мага, может иметь разные оперативные модусы (т.е. быть более или менее суггестивной). Ритуал – лишь способ фиксирования воли на определенной кармической программе. Мастера высшей категории могут воздействовать на обстоятельства без всякого символического посредничества, напрямую. И наоборот: слабый специалист, даже все исполняя правильно, легко может потерпеть неудачу.

Ярким представителем магической ментальности был Йогирадх. Оно и понятно: человек шестьдесят лет подряд, почти с пеленок варится в этом дискурсе – день за днем, без всякого перерыва на каникулы. Сам же дискурс прост как правда: молись, священнодействуй, делай свою садхану с полной верой в результат и отдачей сил. И будешь свободным, как мастер обещал. Вот она, истинная карма-йога! Можно сказать, у Йогирадха садхана еще не самая суровая.

В Индии встречаются сампрадаи и покруче. Например, шиваиты-агхори, всю жизнь добровольно питающиеся отбросами с помоек, совокупляющиеся с трупами и живущие исключительно на кладбищах, среди разлагающихся тел. Агхори-садху считаются наиболее ужасными колдунами, один взгляд которых способен перевернуть судьбу любого смертного вверх ногами. Оно и понятно: это какую же силу воли должен иметь человек, чтобы следовать такому образу жизни!

Здесь вспоминается гурджиевская характеристика продвинутых факиров, способных ради развития собственной магической воли буквально умерщвлять свое тело или какие-то его члены. Например, поднять вверх руку и никогда ее больше не опускать, вплоть до ее полного окаменения. Или же до точно такого же окаменения годами, и даже десятилетиями стоять на одной ноге. Мне однажды пришлось видеть человека с двумя (!) поднятыми руками. Он сидел на улице, в окружении последователей, а вокруг еще толпились люди. Фактически, человек добровольно превратил себя в пожизненного инвалида – но это не отвратило его от готовности пойти на любые лишения ради достижения цели мистического послушания, данному Ишваре...

Гурджиев рассказывал об одном аскете, который опирался на землю исключительно кончиками пальцев рук и ног, так что его ученики переносили тело мастера с места на место как скамейку. И такие люди есть в Индии до сих пор. Но гораздо большим уважением широких масс пользуются не столпники (т. е. замершие в различных позах факиры), а сидельцы – те, кто проводит все свое время в глубоких медитациях, не выходя из транса днями, неделями и даже, как приходится порой слышать, годами.

Рам, на протяжении полувека, уделял медитациям по несколько часов ежедневно. И очень сетовал на то, что лишен практической возможности совершенно не думать о внешних обстоятельствах, отрывающих его от созерцательной жизни. Ну и качество его медитаций, как и духовных способностей в целом, было соответствующим. Телепатия, целительские способности и удивительная интеллектуальная проницательность не раз были засвидетельствованы у него не только мной лично, но и множеством других людей, имевших возможность общаться с этим удивительным мастером, истинным сат-гуру.

Йогирадждже тоже не стоял скамейкой, его миссия, его дхарма была совершенно иная. Отправляя покойников в последнее путешествие по Стиксу, он мистически сопровождал их души до установленных законами высшей справедливости пределов. Кто-то из них шел путем предков, кто-то – богов... Йогирадждже не менял их судеб, он просто надзирал за ними с позиций ритуальной корректности, в соответствии с полученной от гуру садханой. А в том, что гуру был мукти – сомнений у него не было никаких.

Изучал ли он какую-нибудь специальную литературу? Нет, не изучал. Он же не мимансак, а йог-практик. Асана-пранаяма-пратьяхара-дхарана-дхьяна-самадхи – вот и весь сказ. Главное – все делать вовремя, плюс поддерживать священный огонь. Пока огонь горит, идет внутренний процесс волевой кристаллизации, сопровождаемый проявлением на самом физическом теле особых знаков судьбы. Он показал мне свою ладонь, на которой, по его интерпретации, можно было разглядеть трезубец (Шивы) и колесо (дхармы). Ни у меня, ни у Чохана таких знаков не было.

– Ну да, ваше дело – бизнес. Бизнес и есть ваша садхана. У тебя, наверное, много денег? – неожиданно обратился он ко мне.

– Махарадждже, какие деньги! Ну так, можно концы с концами свести, но хотелось бы и в самом деле подняться!

– И у меня такая же история, – вступил в тему Чохан, – сколько ни работаешь – еле концы с концами сводишь...

– А что ты сделаешь, если вдруг неожиданно разбогатеешь? – снова обратился Махарадждже ко мне.

– Что я сделаю? Первым делом приеду сюда, в Бадринатх, и устрою пиршество для всех садху и нищих. Пусть целый день едят и пьют бесплатно!

– Покажи мне еще раз свою руку...

Йогирадждже долго и внимательно ее разглядывал, а потом, словно доктор на медосмотре, сделал заключение:

– Ты поднимешься через своего сына...

Правда? Вот как здорово! Да и в самом деле – почему нет? Филипп очень умный и способный мальчик, ходит в специализированную школу с научным уклоном, а в своем классе имеет по дисциплине «science» (англ. наука) лучшие результаты. Правда, ждуть, пока он начнет заниматься профессиональной деятельностью, придется еще лет десять-пятнадцать, но, возможно, талант ученого пробьется у него пораньше? Вот лет через пять было бы оптимально. Чтобы уж упаковаться оптимально и не париться, как бедный Рам, внешними обстоятельствами...

Эти обстоятельства задалбывали и Аруна, молодого пандита из ресторана Бхарата.

– Как бы хотел все свое время посвящать учебе, читать Веды, Пураны и другие важные книги! А приходится постоянно джобить²⁰⁶ в ресторане официантом...

– Ничего, – успокаивал я его, – ты же еще совсем молодой парень, даже не женат. У тебя еще все впереди!

Арун с пониманием улыбался. Да-да, конечно! Жизнь только начинается. Причем, не в худшем перерождении. Как-никак – из семьи браминов, а не каких-нибудь там чандал, без права на изучение священных текстов.

– Послушай, вот чем занимаются сегодня брамины – это как-то понятно: храмы, пуджи, тексты... Чем занимаются кшатрии – тоже более-менее ясно: вероятно, служат в армии, в полиции...

– Да как сказать! Кшатрии сегодня в основном занимаются бизнесом. А в армии все больше служат как раз шудры и чандалы, а также не-индусы – сикхи, мусульмане...

– Неужели? А как же вайшьи? Ведь это их дхарма – вести хозяйственную жизнь!

– Вайшьи тоже занимаются бизнесом. И шудры тоже... Сегодня все, кому не лень, занимаются бизнесом!

– Ты знаешь, я выяснил, кто живет там наверху. Это отшельник Ганга Бхарати. А Мони-Баба живет внизу, в Красном ашраме.

– Да, точно, Ганга Бхарати! Мунибаба – его ученик. Он жутко богатый, к нему постоянно приезжают какие-то западные люди. Но я у него в гостях никогда не был. Я вообще лично ни того, ни другого не знаю.

– Я слышал, что Мунибаба – жулик. Просто рубит бабло...

– Ну да, конечно! Я же говорю, что в наше время все занимаются бизнесом. Очень мало кто действительно заинтересован в глубоких вещах...

Арун, как истинный книжник, подарил мне тонкую, но весьма содержательную брошюру про историю Бадринатха, изданную в Дели на английском языке, с множеством картинок. «The Story of Badrinath Ji». Автор: Джай Бадри Вишал. Так что, можно сказать, священная литература из первых рук...

²⁰⁶ **Джобить** (от англ. to job) – подрабатывать (сленг)

II. 8. 15. Кришна-джанмаштами

Тем временем приближался престольный праздник Кришна-джанмаштами – День рождения Кришны, отмечаемый в августе-сентябре (лунный месяц Шравана, стоянка Луны в созвездии Тельца). В этом году эта дата падала на 17 августа – накануне дня рождения Филиппа. Уже накануне Бадринатх неожиданно наполнился людьми. Все-таки Кришна-джанмаштами! В нашей гостинице все номера оказались сданы, по улице прогуливались веселые компании индусов, часто – целые семейства в трех поколениях. В этот день я все-таки уговорил Филиппа зайти в храм. До этого он это делать категорически отказывался, поскольку якобы не хотел принудительно разуваться перед входом: мол, отказывается снимать обувь, потому что иначе это будет как бы демонстрация его поддержки религии, тогда как на самом деле он доверяет только в науке. Мне удалось его уговорить, аргументируя о ценностях культурного наследия, частью которого является религия. В самом деле, они же изучают в школе разные религии: христианство, иудаизм, ислам, индуизм...

Первые мгновения Филипп держался в храме немного боязливо. Внутри полумрак, вокруг изображения каких-то рептилоидов, неизвестные люди... Но душевная улыбка моего знакомого брамина все поставила на свои места. Ребенок перестал нервничать и почувствовал себя более уверенно. Однако, от прасада и от точки на лбу отказался. Я объяснил мастеру, что бог Филиппа живет не в храме, а в интернете. Для приверженца санатана-дхармы — это вполне допустимо. Господь всемогущ, дух дышит где хочет. Но я теперь буду знать, что мой ребенок собственными глазами видел священное мурти Шри Бадринараяны. Потом мы прошлись по внутреннему дворику. Я показал Филиппу знак Вишну на каменной стене мандира и разные святилища с натуралистически раскрашенными, разодетыми в яркие шелка фигурами внутри, кратко объяснил кто есть кто. Представил его атхарвану огненного алтаря. По пути назад в гостиницу мы зашли в ювелирную лавку, где Филипп набрал себе разноцветных кристаллов. Чтобы сделать потом из них модель чакр – разноцветных лотосов, символизирующих в индийской медицине энергетические центры человеческого тела. Спрашиваю, откуда он знает про чакры? В школе проходили? Нет, вычитал в интернете. Ах да, я совсем забыл, ведь именно там живет его бог!

Вечером Филипп остался в номере смотреть телевизор, а я отправился в храм на торжественную службу. Считается, что Кришна родился в полночь, поэтому кульминация праздника приходится – как в христианском Рождестве – именно на этот момент. Между тем, Филипп тоже родился сразу после полуночи, так что, можно считать – в одну ночь с восьмой аватарой Вишну. На улице было темно и относительно безлюдно, но около храма, украшенного многочисленными флажками и разноцветной иллюминацией, народу было достаточно. В воздухе висели кришнаитские бхаджаны и глухие звуки мридангов. Это там, на храмовом дворе, уже шло представление. Я снял сандалии, поднялся по мраморным ступеням к входным вратам и шагнул на территорию святилища.

Внутри яблоку негде было упасть. Весь двор был застелен коврами, на которых, вплотную друг к другу, сидели люди. В юго-восточном углу, рядом мурти Шри Шанкарачарьи и его четырех учеников, расположились музыканты с фисгармонией, мридангами, таблами, цимбалами и прочей перкуссией. Напротив них сидела рядами группа женщин, человек сто. Все в ярких шелках и платках. Они хором исполняли какую-то бодрую мелодию, а народ вокруг подпевал и прихлопывал в ладоши. Позади сидящей на коврах массой была еще стоящая масса, тоже в несколько рядов. Сквозь нее шло несколько проходов к сцене и храму, по которым постоянно взад-вперед сновали люди. Публика, в основном, представляла собой, помимо залетных садху, местных крестьян. Мужчины – в характерных гималайских шапочках, украшенных традиционными орнаментами, женщины – в пестрых платках, замотаны в сари поверх рубашек с шальварами.

Бхаджан следует за бхаджаном, народу прибывает. Я стою в первом ряду, сразу за сидящими. Неожиданно вижу среди толпы Виплава.

- Привет, ты уже вернулся с Хемкунд-Сахиба?
- Да я туда так пока и не съездил. Завис в Бадринатхе. Здесь так клево!

Виплав был в компании своих приятелей. Они решили пройти ближе к музыкантам, а я остался стоять на старом месте.

Тем временем на сцену, т. е. в пространство между музыкантами и женским хором, вышла танцевальная группа девушек. Это были, практически, девочки 13-16 лет, одна из которых, самая старшая, изображала Кришну, а остальные – пастушек-гопи. Под звуки храмового оркестра они начали свою танцевальную пантомиму, посвященную жизни богов в священном Вриндаване²⁰⁷. Считается, что все люди, родившиеся в этом городе, автоматически достигают Вайкунтхи после завершения своей земной жизни – последней во всем цикле бесчисленных перерождений. По сути – они уже и так бессмертные боги, эта завершающая жизнь в подлунной юдоли им дана как «наказание» за мелкие кармические остатки. Поэтому даже тут родившиеся в полной нищете не очень расстраиваются: ведь следующая станция – Вайкунтха, где их ждет вечное блаженство бессмертных богов, в компании с самой Кришной! Как говорится, лучше родиться шудрой во Вриндаване, чем брахманом в Варанаси. Вот куда нужно ездить рожать своих детей продвинутым мамам, а не в Америку!

А я снова вижу знакомое лицо. Но никак не могу вспомнить, кто же это. Лицо приближается ко мне и, улыбаясь, здоровается. Называет меня по имени! Может быть, мы и в самом деле во Вриндаване? В процессе общения понимаю, что это один из полицейских, с которым я общался в Чамоли, в ожидании открытия дороги на Бадринатх. Полицейский – в штатском, да еще с большой компанией друзей. Потому и не признал с первого взгляда.

²⁰⁷ **Вриндавана** или **Бриндабан** (хинди वृन्दावन, Vr̥ndāvan) — город в округе Матхура штата Уттар-Прадеш. Является святым местом паломничества для последователей вайшнавизма. На месте современного Вриндавана в древности находился лес, в котором, согласно верованиям индуистов, Кришна во время своего земного воплощения пять тысяч лет назад, проводил свои божественные игры.

Все друзья – тоже полицейские. Они пришли сюда, на праздник, всем отделением. Но не в униформе, поскольку охрану этого объекта несут другие товарищи. Концерт продолжается. Весь пракарам освещен разноцветной иллюминацией, словно новогодний каток. На противоположной стороне площадки замечаю Муни-бабу в красных одеждах и с серебряным трезубцем, обвитым золотым плющом, в руке. Ну да, он же вайшнав-шайвит!

Девочки на сцене продолжают отжигать, имитируя реалии ведической буколки. Женский хор поет в такт мридангам и тамтамам, публика прихлопывает в ладоши, громко вскрикивая местами. Прямо мимо меня, в сторону сцены, проходит какая-то сногшибательная троица. Впереди следует высокий человек в красном пальто, красной рубашке и красных штанах, с копной волос как у Джими Хендрикса (а кожей и потемнее будет), в огромных черных зеркальных очках, на шее висят многочисленные культовые аксессуары цвета лунного серебра. За ним следует не менее высокий длинноволосый мэн²⁰⁸ в легкой небритости, черном дизайнерском костюме с серебряными лампасами и обшлагами, что-то между Гуччи и Хуго Боссом. На плече – какая-то аппаратура и черная модельная сумка. Третьим идет некий старец, тоже не маленький. Он весь замотан в ярко-голубое сари с золотой оторочкой, голова покрыта белым шелковым платом, из-под которого торчит колом вперед огромная седая борода. В руке – посох, из-под сари видны голые босые ноги. Харе Кришна!

Троица подходит к сцене. Джими Хендрикс встает прямо напротив девочек, сально раскачиваясь в такт музыке. Но настоящая эротика – это совсем другое. Вот, к примеру, этот Кришна... Впрочем, такому Кришне нужны, в действительности, не пастушки, а пастухи! Джими лезет в карман за лопатником²⁰⁹, достает оттуда пачку денег и, слегка ей помахивая, подманивает какого-то человека. Он отдает ему всю пачку, что-то шепчет на ухо. Человек почтительно кланяется. Хуго Босс и Голубой старец стоят рядом. Номер заканчивается. Красный Джими что-то говорит девочкам. Те теряются, народ вокруг начинает шикать и посвистывать – то ли в одобрение, то ли в осуждение... Джими, не снимая очков, приветствует публику покровительственным жестом и начинает медленное продвижение назад, к выходу. Босс и Голубой старец следуют за ним. Я еще раз внимательно разглядываю этих волхвов. В самом деле, очень странные люди. То ли друзья Муни-бабы, то ли звезды Болливуда...

Минут через десять я решил зайти в сам храм, посмотреть, что там происходит внутри. Народу почти нет, все на улице. Два-три садху по углам, несколько молодых людей у сундука с прасадом. И тут я замечаю этого самого старца в голубом сари! Он подходит к Царским вратам и начинает размахивать над ними опахалом из белых перьев, имитируя движение Святого Духа. Значит – свой. А где же двое других? Может быть, тоже брамины? Их я, к сожалению, больше не увидел, зато посмотрел, как Голубой старец и другие храмовые жрецы вынесли из гарбхагрихи укрытое

²⁰⁸ **Мэн** (англ. a Man) – мужчина, человек (сленг)

²⁰⁹ **Лопатник** – кошелек (сленг)

шелками, венками и цветами мурти, а потом, в сопровождении светильников и других культовых предметов, двинулись в ритуальный обход мандира.

Конечно, все это крайне напоминает православный Крестный ход вокруг храма, под колокольный звон, с лампадами и хоругвями. Очень близкая литургическая эстетика, близок и религиозный менталитет. Такое ощущение, что райское существование индус и православный представляют себе по-разному, но предчувствуют – одинаково. Все, Господь родился. После Крестного хода можно и домой. Завтра, в семь утра, нас будет ждать машина на Ришикеш...

II. 9. Джошиматх / Джйотирматх – Северный матх адвайта-веданты

Машины, горный джип, заказали через Ратниша. Ровно в семь ноль-ноль выехали. Первая остановка после Бадринатха – святилище Хануман-чатти в пятнадцати километрах вниз по трассе. Это довольно большое, по местным понятиям, сооружение с колоннадой, высокой оранжевой башней и белым куполом. Внутри него есть мурти Ханумана, одетое в красно-оранжевый шелк и обвешанное жемчужными бусами. Мы с водителем зашли в мандир для поклонения этому легендарному спутнику праведного царя Рамы. Внесли пожертвования, получили тилаки и магические нити на запястья. Храни нас в пути, священная обезьяна!

Дальше по курсу Джошиматх (древняя Картикейапур) – небольшой городок, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря. Здесь находится один из четырех главных монастырей-матхов адвайта-веданты, основанных по инициативе Шанкарачарьи. Северный матх (uttarāmnāya matha), самый первый из всех, называется иначе Джйотирматх. Джип остановился на большой площадке, сразу перед входом на территорию монастыря. Филипп с водителем остались ждать в машине, я же отправился своими глазами посмотреть, как живут традиционные адвайтины в современном мире. От площадки улочка пошла резко вверх, вдоль расположенных по обе стороны мандиров.

Первым, по правую руку, высится бело-желто-красный пятикупольный храм, украшенный шиваитскими трезубцами. Это Бхавишья-Кедар-мандир, в котором главной святыней является большой черный камень конической формы, почитаемый за священный шивалингам в виде бычьего горба. Аналогичный лингам, так называемый Кедарешвар-Сваямбху-мурти, находится в высокогорном шиваитском храме Кедарнатха, закрывающегося, подобно храму Бадринатха, на зимний сезон. В это время, согласно традиционному преданию, Господь Кедарешвар, а также его шакти Астабуджа-Дурга, принимают поклонения от преданных в Бхавишья-Кедар-мандире Джйотирматха, а Господь Бадринараян – в расположенном недалеко отсюда мандира Нарасимхи, четвертой аватары Вишну.

Чуть дальше верх по улице, с правой стороны, я увидел огромную желтую арку, на которой было написано красными буквами на деванагари: «Jyotirmath Badrikashram Himalaya». А дальше начиналась широкая

лестница, ведущая в какое-то поднебесное святилище. Это Лакшми-Нараян-мандир, т. е. храм Вишну и его шакти. У входа в мандир брамин делал пуджу. Заметив меня, он предложил поставить мне на лоб тикку, после чего повязал на руку длинный красный шнурок. Отправляюсь дальше. Слева по ходу находится храм Раджа-Раджешвари (Вишну-Лакшми) и рядом – пещера Тотакачарьи, любимого ученика Шанкары, назначенного первым гуру (в титуле «Шанкарачарья») Северного матха. Здесь Тотакачарья медитировал, здесь достиг финального самадхи. В пещере есть две раскрашенные каменные статуи-мурти: самого Тотакачарьи и его гуру, Шри Шанкарачарьи. Вот уже второе тысячелетие подряд ученики великих мастеров посещают это место, регулярно творя здесь пуджи, аарти и тапасью в честь этих мистических авторитетов адвайта-гуру-парампары.

Подъем продолжается. Я прохожу под деревянной желтой вывеской, на которой красными буквами написано: Vasudevananda Sarasvati Ji Maharaj. Справа – еще две-три кумирни, со странными инсталляциями, а потом перед вами встает парадная, каменная арка, с резными колоннами и такими же башенками на перекрытии, вся расписанная ажурными красно-лазурно-желтыми орнаментами. А дальше, через несколько метров, я упираюсь в другую каменную арку, желтого цвета и с такой же красной надписью: Vasudevananda Sarasvati Ji Maharaj.

Справа от арки путь преграждает серая каменная стена в человеческий рост, с огромной красной индусской свастикой (точки между лопастями). Но, слава Нараяне, в арке имеются ажурные красные ворота из тонких железных прутьев. И они не заперты! Я осторожно захожу, видимо, на собственно территорию матха как философского монастыря. Теперь тропа идет вдоль глубокого обрыва. Слева, у самого его края, на забетонированной площадке и под шиферной крышей лежит навзничь гигантская, пятиметровая, фигура седого старца с открытыми глазами. Кто это такой – для меня осталось неизвестно. Пусть будет фигура Неизвестного гуру...

Справа от меня – несколько красностенных мандиров с традиционно вытянутыми куполами, на фоне хвойных пород с раскидистыми ветвями. Но моя цель – прежде всего добраться до святой святых, к административному центру матха, чтобы завязать хоть какое-то общение с носителями одной из древнейших философских инициаций в мире. Иду вперед чисто интуитивно. Дорожка бежит вперед сквозь живописный ландшафт высокогорного хвойного курорта. То здесь, то там, в густой листве мелькают какие-то красочные изображения небесных существ. Впереди, прямо по курсу, встает огромная, тоже метров в пять высотой, ярко раскрашенная статуя Шивы с трезубцем в руке и каким-то плоским диском на голове. А за Махадевой я вижу мелькающие сквозь густую листву белые стены двухэтажного корпуса с терракотовой колоннадой, типа айвана²¹⁰, вдоль всего первого этажа и элегантной деревянной галереей вдоль второго. И тишина...

²¹⁰ **Айван** – терраса с плоским покрытием, поддерживаемым колоннами или столбами, в среднеазиатских жилищах, мечетях и других сооружениях.

Вход в здание с торца. Лестница сразу ведет на второй этаж. Я поднимаюсь на галерею. Она вся застлана коврами, потолок украшен многочисленными цветными флажками. Вдоль стены – три двери и пара окон, в промежутках висят портреты каких-то местных авторитетов. Сверху хорошо видна статуя Шивы. Она возвышается на постаменте напротив здания, у самого края зеленой пропасти. Вокруг – фантастический гималайский пейзаж: зеленые склоны, серые скалы, белые пики, лазурное небо, золотое Солнце. Редкие крики тропических птиц, чистейший ветер со сверкающих ледяных вершин священной горной страны. Ом!

Интересно, а люди-то тут вокруг есть? Я прошелся до другого конца галереи. Никого. Но одна дверь открыта. С порога видно, что это нечто вроде зала или молитвенной комнаты. Внутри – ковры, алтари, иконы, лампы. Прямо напротив входа – нечто вроде резной суфы²¹¹ под восьмигранным куполом, а внутри – большая рама с изображением сидящего в позе лотос человека в желтых одеяниях, короне и под такого же цвета зонтом. Но зайти без спросу неудобно. Иду назад, к лестнице. Ведь должен же кто-нибудь тут быть вокруг! Не успел спуститься, как вижу внизу мальчишку, лет десяти. Я ему кричу:

– Эй, ты по-английски понимаешь?

Оказывается, очень даже понимает. Я пытаюсь у него выяснить, как мне можно поговорить с кем-нибудь из местных монахов? Тут, вообще, кто-нибудь живет, или это просто место для периодических собраний?

– Вот, идет мастер! – говорит мне мальчишка.

Я поворачиваю голову и вижу, как к нам приближается лысоватый, но при этом длинноволосый и длиннобородый седой старец в желтых одеяниях и чем-то мне напоминающий Рама – и по внешнему виду, и по атмосфере. Хари Ом! Старец улыбается. По-английски, похоже, не разговаривает. Через мальчишку я ему в двух словах представляюсь: кто, откуда, зачем... Говорю, что изучаю адвайту, приехал воздать честь великим мэтрам традиции и их последователям. Старец жестом предлагает мне пройти в открытую залу. Атмосфера, как и общий дизайн пространства, живо напомнили мне рамовский хутор в Лангерма (Эстония): повсюду картинки с небожителями и мастерами йоги, священные символы, лампы, статуэтки, аграбатти и ритуальные принадлежности, с потолка свисает новогодний дождь...

Я рассматриваю экспонаты. На стене висит большой плакат Шанкарачарьи. А на суфе стоит портрет мастера матха, Васудевананды Сарасвати Джи Махараджа. Так вот чье имя было написано на арках по пути сюда! Старец подает мне складной буклет с портретом Васудевананды, над которым написано: «Jyotrimathasya Guruparampara» (гуру-парампара Джйотриматха). Тут описана краткая история матха и приводится список из 46 имен, последовательно возглавлявших эту институцию. В буклете приводится

²¹¹ Суфа – настил, покрытый ковром

интересная таблица соответствий ключевых параметров четырех коренных матхов адвайта-веданты, основанных Шанкарачарьей и его учениками:

No	1	2	3	4
Math	Jyotirmath	Govardhan Math	Shringeri Math	Shardamath
Kshetra (place)	Badrika-ashram	Jagannathpuri	Rameshwaram	Dwarikapuri
Amnay	Uttaramnay	Purvamnay	Dakshimnay	Pashchimnay
Sampraday	Anandwar	Bhogwar	Bhooriwar	Keetwar
Ankitnam	Giri, Parvat Sagar	Amnya, Van	Saraswati, Bharti, Puri	Tirth
Deva	Narayan	Jagannath	Adivarah	Sidhyeshwar
Devi	Poornagiri	Vimla	Kamakashi	Bhadrakali
Acharya	Totkacharya	Padmapad	Sureswaracharya	Hastamalak
Tirth	Alaknanda	Mahodadhi	Tung-Bhadra	Gomti
Brahmachari	Anand	Prakash	Chaitanya	Swarup
Veda	Atharva-Veda	Rig-Veda	Yajur-Veda	Sam-Veda
Mahavakya	Ayamatma Brahma	Pragyanam Brahma	Aham Brahmasmi	Tatwamasi
Gotra	Bhrigu	Kashyap	Bhoorbhuvah	Avigat
Shashnadhin (Jurisdiction)	Kuru, Kashmir, Punjab, Panchal, Uttar Pradesh	Ang, Bang, Kaling, Utkal	Andra, Dravid, Keral, Karnatak	Sindhu, Sauviri, Saurashtra, Maharashtra

Спрашиваю мэтра, можно ли тут посидеть с полчаса, помедитировать? Дхьян, дхьян, тапасья! Старец делает утвердительный знак головой. Я сажусь в сиддхасану на курпачу²¹² у стены, закрываю глаза. Ом, аяматма Брахма. Всякий атман – Брахман... Когда открыл глаза, вокруг никого не было. Я медленно поднимаюсь на ноги, в дверном проеме появляется старец. Он уже один, без мальчишки. Ну, значит больше не поговорить! Благодарю его жестами за оказанное внимание. Старец протягивает мне руку с двумя яблоками – зеленым и желтым. Зеленое, кислое – это с дерева познания добра и зла. Желтое, сладкое – с дерева бессмертия. Дханьевад (спасибо)! Это одно из немногих слов на хинди, которое я успел тут выучить...

Я спустился по тропке вниз, к лежащей фигуре Неведомого гуру. Стоящие рядом два красных мандира были закрыты, но сквозь зарешеченные окна можно было рассмотреть их внутренности. Один из этих храмов посвящен Хануману, обезьяне-сподвижнику бога Рамы. Самой фигуры Ханумана не видно. Она лежит под окном, накрытая оранжевой тканью. Считается, что Хануман сейчас спит. Когда он просыпается и встает – мне неизвестно. Частично стены храма, как внутри, так и снаружи, облицованы белой плиткой с красной надписью в каждом квадратике: Рама. На алтаре, на белом кубе из такой же плитки, сидит некая оранжевая фигура, словно полностью, включая лицо, покрытая чадрой. Рядом, под шиферной крышей на четырех железных столбах, стоит раскрашенная фигура слона, ростом с большую собаку. Тело серое, бивни белые, пасть красная, глаза – белые с черными зрачками. Ну прямо детский сад какой-то, игральная площадка!

²¹² Курпача – ватное одеяло для сидения на полу

Другой храм посвящен богине Дурге и называется Пумагири-маитамандир. У богини белое лицо с большими синими глазами, ее фигура закутана в красную ткань с золотыми полосами, на голове корона. Перед алтарем висят красные и желтые флажки с серебряными шестиконечными звездами, а также большой медный колокол с блестящим язычком. Боммм...

Иду дальше. В сотне метрах отсюда, уже за пределами монастырской территории, навстречу попадает очередная храм, на этот раз – розового цвета. Это Джйотешвар-Махадео-мандир, посвященный Господу Шиве. Храмчик совсем небольшой, словно будка садовника. То, что это шиваитский храм, можно догадаться исключительно по пяти каменным быкам, лингаму и квадратному очагу напротив входа в святилище, крыша которого плотно прикрыта густой листвой огромных ветвей стоящего рядом исполинского дерева, которое индусы называют Амар Кальпаврикша. Традиция передает, что именно под этой древней вечнозеленой шелковицей, исполняющей все желания, обрел просветление сам бог философов, сат-гуру Шри Шанкарачарья.

Как уже опытный шиваит, я принял участие в местной пудже, которая только что началась. Первым делом, получил медный сосуд, набрал в него из источника у Кальпаврикши святой воды, потом совершил ее возлияние на шивалингам внутри святилища и на пятерицу горбатых каменных быков перед входом.

Горб у быка – парафраз лингама, эстетически завуалированная форма последнего. Это, похоже, пережиток какого-то скотоводческого культа доарийского населения субконтинента. Можно отметить, что культ священного быка-буйвола распространен также во всей Юго-Восточной Азии среди австронезийских народов, которым были родственны древнейшие обитатели Индостана. Культ слона, культ обезьяны, культ льва – все это доарийский религиозный субстрат. Но бык может иметь более фундаментальный, интеркультурный характер. Ведь гекатомбы совершались и древними греками, и древними евреями, и древними ариями...

Образ быка является одним из центральных в зороастрийской мифологии, согласно которой двумя первыми одушевленными «едино-сотворенными» креатурами Ахура Мазды стали первобык Гошурван и первочеловек Гайомард Оба они оказались повержены демоном смерти, Ангро Майнью (Ахриманом). В Авесте сказано, что из мозга умершего Гошурвана проросли семена пятидесяти пяти видов зерновых и двенадцати видов целебных растений. Его же семя было вознесено на Луну и там очищено, после чего из него появились полезные животные, прежде всех – бык и корова. Таким образом космический бык выступает как изливаемая с небес на землю река жизни, она же – живительная хаома²¹³. В оптике индуизма эта волшебная

²¹³ **Хаома** (авест. haoma) — в древнеиранской (до-зороастрийской) религии обожествленный напиток, божество, персонифицирующее этот напиток, и растение, из которого он изготовлялся. В Авесте Хаоме посвящён целый яшт. Все три воплощения

субстанция видится как стекающая с Луны сома, или с макушки Шивы – Ганга. Образная связь божественного быка и сомы есть уже в Риг-Веде:

Только не воспевайте ничего другого!
Друзья, не промахнитесь!
Восхваляйте лишь Индру-быка у выжатого сомы
И исполняйте гимны постоянно!

Ригведа. VIII, 1. К Индре. 1

Обойдя три раза Кальпаврикшу, я еще понаблюдал на церемонию возлияния девушками в разноцветных сари святой воды из медных сосудов на каменных быков. А потом они посыпали их горбы в виде лингамов цветочными лепестками, умащали маслами, мазали специальной пастой и ставили цветные тилаки на разные места... Джйотирматх – абсолютно философский курорт. Сюда нужно приезжать на весь сезон, есть мобильная связь и интернет, замечательный климат. Самое удивительное, что тут можно жить даже зимой, в состоянии максимальной отрезанности от внешнего мира, при этом будучи технически с ним связанным по мере надобности. Тем более, что на зимний период все святыни Бадринатхского храма переезжают в джошиматхский Нарасимха-мандир, куда также переносятся все пужди.

Далее мы доехали до Рудрапраяга, задержавшись там на полчаса по просьбе водителя. К нему в кабину подсел его коллега и мы продолжили наше путешествие. Пронеслись мимо Девапраяга. Сверху, со склона, по которому проходит трасса, лежащий внизу живописный городок на обрывистых берегах легендарной реки, кажется игрушечным. Игрушечным, словно собранным из кубиков Lego, кажется и стоящий у скалы – над самой точкой слияния прозрачной Бхагиратхи и мутной Алаканды в инициатическую Гангу индуизма – древний Рагхунатх-мандир, каменный пол которого еще хранит энергию прикосновения стоп великого Рамы. В Ришикеш приехали уже затемно. С отелем все в порядке, разве что заселились с соседнюю комнату. Но она даже лучше предыдущей, и вид с балкона роскошней.

II. 10. 1. Ришикеш: по храмам и гхатам

Слава богу, в Ришикеше вновь заработал интернет, так что теперь можно проверить накопившуюся почту, вывесить фотоотчет о проделанной работе...

Фото: Бадринараян-мандир в священном Бадринатхе (мое лицо, с тикой на лбу, на фоне храма)

Олег Маслов: Мудро !))

Olga Bramley: Эффектно!

David Parry: I wish I was with you!!!

хаомы образуют несомненное единство. Культ Хаомы восходит к древнеиранскому периоду, образ Хаомы имеет точное соответствие с индийским Сомой в ведийском культе Индии. Высказывается мнение, что, по крайней мере, часть скифов и сарматов почитала Хаому.

Dmitri Va: Бхагаван, скажите в чем смысл прихода Бодхидхармы с юга? (шутка)

Anna Kirukhina: Всю жизнь мечтала там побывать!

Igor Andreev: Невероятные места!

Irina Anatoljevna: Ну ты даешь!

Dima Mishenin: Брахман

Леон Рыкман: !!!

Irina Anatoljevna: Володь а на лбу у тебя по центру - серп и молот и красный флаг или померещилось ?

Yury Sinaleev: Володькин, без обид просто заметил у тебя ж Восток. а на фото "и во лбу звезда горит"

Irina Sommer: Поздравляю. Жив остался?

Владимир Видеманн: Очень понравилось, пока вообще никаких проблем. Гималайская религия сродни гиндукушской и памирской. Тут такие мистерии заоблачные - все аутентично. Брамины расппевают Веды, садху качают поле... Но священнодействия нельзя фотографировать. Я одну аудиозапись сделал. На день рождения Кришны были храмовые танцы девушек. Народ пел песни...

Dima Mishenin: ПОКАЖИ МНЕ ГОПИ ВОЛОДЯ !

Владимир Видеманн: Внутрихрамовая съемка запрещена. Все разрешено видеть только собственными глазами. Тут есть идол Бадринараяны, из шалаграма (натуральная порода с окаменелостями лемурийской эры), единственный мурти Вишну в позе лотоса, личное созерцание которого (показывают иногда на пуджах) освобождает от всех грехов кали-юги. Съезди, посмотри, очень советую!

Dima Mishenin: Там совсем не жарко я смотрю по тебе? а серп и молото действительно виден во лбу...знак! Соц тилака !

Владимир Видеманн: Как в Лондоне золотой осенью. Я вернулся в Ришикеш, тут жарко и влажно. Фриков полно разного рода, много израильтян. Познакомился с челом по имени Сократес. Такой съехавший ботаник из Тель-Авива, который рвется к Кайлашу через Тибет (у него даже есть китайская виза), но подруга тормозит, не хочет ехать дальше в горы...

Фото: Пик Нилкантх, Бадринатх, Индия (белый пик между двумя черными склонами)

Юрий Казаков: Красиво.

Lika Go: Красота какая!!

Victoria Dmitrieva: Там красивый водопад Vasundhara

Olga Zakova: Ой АХ

Фото: Пир Йога Радж Сандхья Натх Огарх (Махарадж в своем ретрите, у священного огня)

сергей бугаев: повнимательней

Владимир Видеманн: Колдовские зелья на гималайских травах, по рецептам Аюрведы...

Anastassia Wiedemann: Smotri tam...ne nakljukajsja...

Владимир Видеманн: этот огонь должен гореть непрерывно в месте, где маг пребывает в данное время, и может быть погашен только ритуальным образом, при переезде мага в новое место.

Misha Salnikov: otkuda u tebya tam wi-fi?

Владимир Видеманн: там нет. это я уже после выкладываю

Фото: Мост через бурные воды (мост через Алакнанду к Бадринатхскому храму)

Aliona Slastihina: Да ты поэт!

Igor Andreev: Прямо как в песне: Далеко, далеко за морем,
Лежит золотая страна!

Victoria Dmitrieva: как погода?

Владимир Видеманн: В Бадринатхе как в Лондоне, в Ришикеше влажно и жарко. Говорят,

пока нас не было, тут был потоп.

Victoria Dmitrieva: Ну, хорошо, с Богом))

Olga Zakova: туман - благодатнейшее время для фото

Фото: Почитатели Шивы курят бханг (группа шиваитских садху у священного камня)

Michael Shpaizman: верхние нидерланды

Фото: Вызов ведических духов чреват сюрпризами... (я стою у открытого окна, на фоне Бадринатхского храма, из которого в комнату летят цветные огоньки)

сергей зиновьев: Круто)))

Anastassia Wiedemann: Fil'ka snimal...?

Владимир Видеманн: снимал, но не это

Johan Alstad: wow

Luapober Moon: What is this??

Igor Andreev: Владимир, полностью поддерживаю Ваш Духовный Путь!

Marina Rougeot: oo!!

Дмитрий Браткин: сперматозоиды Духа

Фото: Место, где были написаны Веды (подборка фотографий о Мане)

Сергей Семкин: Володя, что-то у тебя какой-то прыщик на лбу. Помажь календулой.

Владимир Видеманн: это поцелуй вечности...

Hilarion Manero: deva atma go kala

Olga Zakova: Sergey Semkin календулу уважаю, но можно просто водкой - в путешествия беру с собой флягу - от всех бед и напастей, простуда, дезинфекция, расстройство всего и вся и даже для восхождения на вершины - ославить))

Фото: Локальный гламур. Мунибаба и его Красный ашрам (в гостях у Мунибабы)

Junalika Gus: Красный ашрам - отличное название для нового романа))

Igor Andreev: Потрясающие фото! Замечательные люди!

Victoria Dmitrieva: Володя, ответь - как вы?

Владимир Видеманн: Вика, все окей. Ноль проблем (пока). Доехали до Бадринатха, там совсем пусто из-за дороги. За десять дней не встретили ни одного туриста. Там все полный аутентик. Хотел подольше остаться, но ребенок без интернета (а там не только инета нет, мобилы не работают - садху пока держат поле) закапризничал, его боги - все там...

Фото: Садху (группа бродячих мистиков)

Dmitri Petrjakov: Ну и скажи нам, Джа, удалось тебе пообщаться с этими молодцами? Насколько они продвинуты?

Dima Mishenin: Да Володя скажи - большинство из них прохвосты или в лучшем случае Ходжи ?

Dmitri Petrjakov: Особенно крайний справа...

Evgeny Rutsky: По всей видимости, среди этих людей можно вполне реально ощутить себя лучом света в темном царстве, повысить самооценку, просветлеть и осознать свою божественность! А их работа лишь в том, чтобы согласиться и подтвердить это за вознаграждение, не так ли?

Dmitri Petrjakov: Тот, что справа от Вовы сидит, похож на Сасся Дормидонтова.

Владимир Пономарев: Да, трава объединяет... .Вот всё это долго было "глядя из Лондона" а как оно: глядя в Лондон?

Алла Митрофанова: отличный традиционный способ социальной изоляции радикалов

Владимир Видеманн: молодцы продвинуты в разной степени. есть весьма, есть так себе... но шала у них плохая, как говорят у нас в азии - пахол. думаю, ямайские мастера им бы смогли открыть глаза на мир...

Terje Toomistu Cese: amazing!!!

Владимир Пономарев: если от моста Лакшманжула с правой стороны (левая сторона ганга) вверх по течению где то через 2-3 км. трава просто у дороги растёт, очень хорошая,

Саша Гороховская: отцы-молодцы)

Александр Аринушкин: "давно здесь сидим"...

Аркадий Филатов: Дык этож индюха!

Harel-Feinberg Maxim: "Приют астрального эстонца")

Юлия Кисина: Смешная фотография

Владимир Видеманн: бремя белого человека. прям ощущаешь себя киплингом!

сергей зинovieв: Лица у ребят изрядно плутовские

Владимир Видеманн: все наскредине... выжить садху даже в условиях самой большой демократии в мире непросто...

Фото: Мастер Пир Махарадж, из Махараштры, был отдан родителями, в трехлетнем возрасте, в храм. С тех пор, вот уже 60 лет, совершенствуется в своей садхане. Его основное занятие – отпевание покойников и отправление их в последний путь по Ганге, с гатов Девапраяга. Индусский Харон...

сергей зинovieв: и тут главное - не засидеться у него в гостях...у Харона, у индусского

Валерий Инюшин: Хороший

Astaxowa Svetlana: Зачем ты сфотографировался на его фоне?

Владимир Видеманн: обмен опытом

Фото: राम तं औँ (мое лицо на фоне стены с надписью «Рама» и подборка других фотографий из Джйотирматха)

Баходир Сидиков: где это Вы?

Владимир Видеманн: Джйотирмат - центр адвайты, основанный Шанкарой-ачарьей в 9 веке. Там есть дерево, под которым он медитировал.

Баходир Сидиков: дерево с 9 века?! так Вы в гималаях или южной индии?

Владимир Видеманн: в гималаях. Дерево Шанкары

Don Donskoy: Джа, привет, а у нас в Гамбурге Далай Лама 25 августа будет. Передавать от тебя ему привет??

Владимир Видеманн: Да, скажи ему Ом-Мани-Падмэ-Хум!

Валери Пронкин: Да, Володя, "Рама Там Ом", помню еще, прочитат могу.))))

Victoria Dmitrieva: знаешь, что слева от тебя? РАМ РАМ РАМ РАМ РАМ...))) вот оно, вечное дерево

Владимир Видеманн: Destination point

Olga Zakova: во лбу третий глаз прорезается, наверное...

Фото: Джйотирматх – Северный матх Адвайта-веданты Ади Шанкары в Гималаях, Уттаракханд (подборка фотографий из Джйотирматха)

Real Galper: Так ты сейчас там. Я думал это старые

Владимир Видеманн: да, пишу из пещер и дебрей индостана

Real Galper: а когда в ньюйорские джунгли?

Владимир Видеманн: видимо, не раньше следующего года.

Ришикеш, как город, место довольно приятное, несмотря на влажную жару и столпотворение на центральных улицах. Здесь чем ближе к Ганге, тем приятнее. Наилучшее место – ступенчатые набережные-гхаты, заменяющие тут общественные пляжи. Омование в прохладных водах священной реки – главный ежедневный ритуал тысяч ришикешцев и гостей города. В известной степени, Ришикеш может быть идеальным местом для предварительного аюрведического очищения перед более серьезными йогическими запусками высоко в горах. В городе через дом – мандир, храм, ашрам, йогический центр, аюрведическая клиника, массажный салон, вегетарианская кухня. Ну и, конечно, тут много возможностей для неожиданных знакомств, вплоть до спонтанного формирования групп трекинга, клайминга, рафтинга, тантринга и так далее...

II. 10. 2. Лакшман-джула

Лакшман-джула – это район, в котором мы живем. Если от гостиницы спуститься вниз по улочке, а потом пройти дальше в сторону базара, то вскоре вы окажетесь на ступенчатом спуске, идущим запутанным лабиринтом вдоль бесчисленных прилавков всевозможных лавок, расположенных на первых этажах мелкой южной застройки. В конце этого спуска – выход на пешеходный мост Ланшман-джула, ведущий на противоположный берег Ганги. По ту сторону бурного потока тоже лежит коммерческая зона со множеством магазинчиков, святилищ и плотной толпой туристов со всей Индии, а также из-за ее пределов. Самый популярный объект на той стороне реки – мандир «Сертин сториз», т. е. «тринадцать этажей», как говорят в народе. Это многоэтажный храм всех индуистских богов.

Принято считать, что пантеон индуизма включает в себя 33 миллиона богов. Разумеется, это число чисто риторическое, под стать древнерусской «тьме», т.е. виртуальной бесконечности. Недоброжелатели при этом утверждают, что именно таково число демонов индийской религии, представляющей собой одну из наиболее радикальных форм идолопоклонства как разновидности сатанизма. В действительности же индуизм не является ни однозначным идоло-поклонничеством, ни полным монотеизмом. Здесь господствует некая третья позиция, релятивирующая и то и другое, ориентированная на трансцендентальное единство всех противоположностей в формате Парабрахмана как первосвидетеля всего сущего, онтологически тождественного внутренней личности человека.

Всякий атман есть Брахман. Ayamatra Brahma. Ты это Он. Tat tvam asi. Благодаря этим формулам созерцатель настраивается на «космическую волну» истинной адвайты как состояния познания Парабрахмана через раскрытие собственной сущности. Пути достижения Парабрахмана могут быть самыми различными, индуизм допускает любые форматы утверждения духовного авторитета. Кто-то демонстрирует свою нерушимую волю к Парабрахману многолетним стоянием на одной ноге, с проколотым трезубцем языком, а кто-то выучил наизусть всю Ригведу и теперь знает «мысли бога».

Существенная часть восточного мистицизма – его глубокий фатализм. Но фатализм не бытовой, а сугубо философский, построенный не на банальном «нет в мире счастья», но на том, что типа «о каком счастье речь, когда весь мир – иллюзия?» Между тем, в сино-тибетских культурах уровень фатализма еще выше, чем в индоиранских. Именно отсюда – обращение Китая, Тибета, Японии и Юго-Восточной Азии к традиции шрамана в буддийской ипостаси, предлагающей постигающему субъекту радикальную анестезию, типа имагинативной кастрации, без всяких побочных сантиментов... Сарва дхарма шуньята, сказал Будда.

Индуизм во многом напоминает китайскую традицию, прежде всего – своей дхармичностью. Колесо времени, Колесо перемен – один из наиболее емких символов всей китайской традиции, начиная с первых триграмм И Цзина

(Книги перемен). Китайская традиция, подобно индийской, разделена на сторонников ритуального и непосредственного действия. К первым относятся конфуцианцы, ко вторым – даосы. То, что для мимансаков Ригведа, то для конфуцианцев – Ши Цзин. Очень популярный герой обеих культурных традиций – обезьяна. Китайский Царь обезьян, Сунь Укун («познавший пустоту») – перевоплощение индусского Ханумана.

Неподалеку от моста ко мне сел на хвост именно такой прохвост. В оранжевой одежде, с красным лицом, в высокой, украшенной разноцветными стекляшками шапке, с огромным жестко завитым хвостом и большой булавой в руках, этот Хануман сначала завязал мне на запястье оранжевый шнурок, а потом тут же потребовал за это бакшиш. Причем, сразу, невооруженным глазом видно, что это не местная порода, и из заморских. Судя по акценту, испанец или итальянец. Тут с вас вокруг, конечно, сразу пытаются что-то получить. Место туристическое. Здесь и садху, и нищие, и заезжие артисты, и просто какие-то непонятные люди, просящие, чтобы вы их сфотографировали вашей же камерой, после чего с многозначительной тайной улыбкой молча удаляются...

В одной из сувенирных лавок разговорился с продавцом. Его зовут Джими. Он из местных. Парню лет семнадцать. По английским молотит довольно бойко, хоть и примитивно. Собирается уезжать в Европу, в Лондон. Говорит, его мастер, крутой человек, держит бизнес в виде коучинга для деловых людей. Он ездит по Европам и рассказывает, как нужно делать дела и получая за это крутое бабло. Вот, уже пару ювелирок открыл. Эта – в Ришикеше, есть в Португалии. Теперь на Англию нацелились. Джими, если что, возьмет тамошний филиал на себя.

– Послушай, а у тебя будет разрешение жить и работать в Великобритании? Или как ты там собираешься устроиться?

Оказывается, парень об этом еще вообще не думал. А зачем думать самому, если есть такой клевый мастер, он все и придумает...

– Если что, иди на курсы английского языка. Это для начала, чтобы хоть как-то легализоваться. Пусть за тебя босс заплатит, а ты потом на него отработашь.

– Я не могу на курсы идти, я – неграмотный.

Как так «неграмотный»? Я с удивлением смотрю на Джими. Оказывается, в самом деле неграмотный. Английский язык выучил чисто на слух, а писать-читать не умеет. Причем, он не умеет это делать даже на хинди!

– Да, говорит, – надо научиться по-английски читать и писать.

– Да и на хинди не помешало бы!

– На хинди не обязательно. Главное, по-английски знать. Я же собираюсь жить в Европе!

Хороший парень Джими. Может быть, прорвется? Он сирота. Хозяин его подобрал еще мальчишкой, прямо на улице. Вот, сейчас уже ювелирку

доверяет. Видимо, для Индии это уже крутая карьера. Окрыляет. Учитывая полумиллиардное население абсолютно за чертой бедности, когда человек живет на фунт (сто рупий) в день. У поворота к гостинице, на полянке под раскидистой кроной большого дерева и в компании трех-четырех настоящих обезьян – уже точно местной породы! – сидел, в позе сиддхасаны, какой-то седобородый садху в желтой тоге и огромном коричневом тюрбане. Очень интеллигентное лицо. Я остановился сфотографировать мастера, заодно дать ему на чай. Разговорились. Это пандит из Кашмира. Когда-то учился у тамошних мастеров веданте и другим йогическим дисциплинам. Последние годы странничает. Здесь, неподалеку, у него есть некое убежище, где он может ночевать. Там же он получает минимальную еду. Государство в Индии поддерживает садху, снабжает их бесплатной едой, финансирует содержание бюджетных ретритов (по индийским нормам совсем минималистских, типа деревянных нар под навесом, но по местным меркам это уже кое-что).

По Индии, в самом деле, бродят просто десятки, если не сотни миллионов бродяг, всех возрастов, включая девочек и женщин. Многие из них – вполне грамотные люди, с богословским, астрологическим или аюрведическим образованием. Эти люди могут составить гороскоп, прописать лекарство, объяснить сложности кармической ситуации в контексте Вечного закона космической судьбы и перспектив волевого вмешательства в обстоятельства посредством ритуального перепрофилирования проблемных узлов системы.

Мне здесь приходилось встречать в качестве бродячих садху даже бывших чиновников государственной системы. Пенсия маленькая, жилье тоже без лишних метров... Вот гос-пенсионеры и бродяжничают в паломнические сезоны от храма к храму, из города в город, существуя в системе централизованного обеспечения ветеранов паломнических маршрутов, плюс случайными подаяниями. Конечно, сложно себе представить, что западные ученые или чиновники, по завершению профессиональной карьеры, получают не заслуженную пенсию, а посох с сумой. Но в Индии никто не ропщет. Тут роптать – все равно что в Москве. Реальность настолько плотная, что любое свободное пространство «нового шанса» тут же максимально заполняется до возможных пределов. И все же, тут есть тот волшебный, внесистемный люфт, которого нет нигде на Западе...

Фото: Четыре состояния в соответствии с Упанишадами: джаграт (бодрствование), свапна (сон), сушупти (глубокий сон) и турия (четвертое), которое запредельно даже единству глубокого сна адвайты (подборка из четырех фотографий с интерьером нашей комнаты)

Victoria Dmitrieva: And yet there is the fifth one - beyond even Turya - Turyatita)

Владимир Видеманн: yes, they say...

Фото: Кашмирский пандит и другие мастера на улицах Ришикеша (подборка фотографий, сделанных на улицах города)

Harel-Feinberg Maxim: Пандитизм)

Aliona Slastihina: Володя, спасибо тебе за щедрый фотоотчёт! Сначала хотела тебе позавидовать, но потом поняла, что просто рада за вас сердечно.

Эгидия Эйдукене: Володя, очень интересно вместе с тобой путешествовать виртуально,

как будто в реальности находишься. Спасибо!

Валери Пронкин: очень увлекательно...

Victoria Dmitrieva: Володя, а который из них кашмири пандит?))

Владимир Видеманн: первый и последний

Victoria Dmitrieva: Ну последний-то точно - всем пандитам Пандит:) ты когда возвращаешься? Из Ришикеша обязательно съездите в Vasishtha gufa (пещера Васишхи) - все знают, а в Харидваре храм Manasa Devi на холме и Gorakshanatha ashram - в конце главной улицы в Харидваре - тоже все знают

Владимир Видеманн: прилетаю 30. вообще очень похоже на таджикостан, особенно горная часть. тот же пипл, та же эстетика в быту и одежде... единство гималайской, гиндукушской и памирской религий огня. сюда еще бон примыкает исторически.

Victoria Dmitrieva: о, а если б ты видел Кашмир - вот где настоящее единство) там же граница с Таджикистаном совсем рядом - таджики после развала СССР, бегали в Кашмир по горам на заработки))

Владимир Видеманн: ну да. и гиндукуш. но шиваизм - это агамический культ камня. видимо, хараппский...

Victoria Dmitrieva: хараппский - да, очень похоже. что ты имеешь в виду здесь под "агамическим"?

Владимир Видеманн: храмовый

Victoria Dmitrieva: Агамы - то, что буквально "пришло" от gam - санскр. "идти" То, что вышло из уст Шивы и пришло, вошло в ушки Парвати:), или пришедшее, традиционное. Это свод текстов на санскрите о сути и смысле наслаждения и освобождения) Другое их название тантры. Обычно противопоставляются ведическому знанию, но не всегда правомерно. Значение "храмовый" не встречала.

Владимир Видеманн: "Поклонение в храме называется агамическим, тогда как общение с девами посредством бога огня Агни считается ведийским. Современные храмовые обряды в индуизме совмещают в себе элементы ведийской религии и агамические ритуалы. Тексты в священных писаниях индуизма, посвященные теме проведения яджн, относятся к разделу, называемому карма-канда. Брахманы намбудури из южно-индийского штата Керала являются наиболее известными брахманами шраута, которые до сих пор продолжают традицию проведения этих древних ритуалов." Именно эти брахманы служат в Бадринатхе. Школа мимансы. Но их ритуалы снять нельзя. Можно только присутствовать и участвовать, созерцая идола, один только вид которого дает освобождение от всех грехов кали-юги. это уникальная форма нараяны в падмасане. Но распева крутые, и пантомима тоже весьма...

Victoria Dmitrieva: ну да в смысле "традиционных" их принято называть агамическими. Намбудури - да, из Кералы, очень себя блюдут и только они и могут служить в Бадринатхе.

II. 10. 3. Бхарат-мандир

Бхарат-мандир – старейший храм в Ришикеше. Он находится в центре Старого города, рядом с большой базарной улицей, но не в самом бурлящем месте, так что столпотворения вокруг нет. Это в целом довольно тихий райончик, чем-то напоминающий мне Старую Бухару. Купола, аркады, средневековые улочки, сидящий на корточках народ, бабаи в чалмах, женщины в шальварах, длинных рубашках, цветастых тюбетейках и платках. Со стороны улицы мандир выглядит как большой белый купол с желтым флагом над ним. На самом деле это целая храмовая территория, включающая в себя несколько корпусов, в том числе браминскую школу, музей найденных на территории храма объектов и несколько отдельных молелен, включая шиваитскую. Внутри храмовый комплекс предельно ухожен. Тут все крайне чисто и аккуратно, действительно как в музее, где выставлено два десятка образцов исторической скульптуры, керамики и архитектуры, древнейшие из которых относятся ко второму веку нашей эры.

Бхарат-мандир был построен, согласно легендам, самим Господом Хришикешем Нараяной. Во дворе комплекса растет древнее дерево, представляющее собой три сросшихся ствола, каждый из которых символизирует одно из лиц священного Тримурти: Брахму, Вишну, Махеша. Главная святыня храма – большая икона Господа в виде черной фигуры из шалаграма-шилы, с белыми, как у Шри Рагхунатхджи, глазами космической бездны. Икона Нараяны очень красивая: серебряный оклад, красно-оранжевый венок на шее, черное лицо Отелло, корпус задрапирован золотой тканью. Есть в зале и другие мурти, типа раскрашенных человечков в духе Пиросмани²¹⁴, со сложенными в молитвенных жестах ладонями и покорными взглядами. Есть Кришна с Радхой, есть черный каменный Ганеша. Плавающий в бассейне садху и летящая над ним женщина в золотом сари. Красный Хануман с палицей и Гаруда с красным носом...

Один жрец ведет богослужение, другой сидит рядом с Царскими воротами, как ритуальный писарь: по-восточному скрестив ноги, с набором кисточек и цветных порошков перед собой, которыми он ставит прихожанам тики. Брамин, служивший в гарбхагрихе перед иконой черного четырехрукого Вишну, вынес оттуда нечто вроде серебряной миски. Но это оказалось, на самом деле, чем-то вроде короны в форме своеобразной телепатической антенны из западной научной фантастики. Человек, стоявший рядом со мной, пригнул голову, и жрец надел ему на нее этот магический серебряный гермошлем, пропел мантру. Потом помазал человеку лоб и дал частичку прасада. Хари Ом! Следующий – я. Уже понятно, как себя нужно прилично вести, по статусу. Наклоняю голову, на нее брамин надевает эту волшебную каску. Сразу ощущаю себя ополченцем небесного воинства, руководимого последней в этой манвантаре, десятой аватарой Вишну по имени Калки. Священник поет мантру, потом мажет лоб и дает частичку прасада. Затем лоб мажет уже другой брамин, сидящий сбоку на полу, с порошками и кисточками. Служба заканчивается. Сейчас здесь будет проходить другая, уже частная пуджа. Всех просят покинуть помещение.

В зал входят человек пять пожилых дам и господ, одетых в духе элитной национальной интеллигенции. Сразу видно – браминские семьи, приватизировавшие ритуал. Брамин в Индии – почти как на Западе юрист. Без ритуального оформления, согласно кастовому статусу, тут никакой акт гражданского состояния не будет признан в полной степени легитимным. Общественное признание здесь выше ценится, чем официальная легальность. Официально в стране кастовая система отменена, но она продолжает действовать в качестве культурно-идеологического элемента традиционного народного жизнеустройства на базе древней кастовой юстиции (Законы Ману).

²¹⁴ **Нико́ Пиросма́ни** (груз. ნიკო ფიროსმანი; настоящее имя Никола́й Асла́нович Пиросманашви́ли (Пиросманишви́ли), груз. ნიკოლოზ ასლანის ძე ფიროსმანაშვილი; 1862 — 5 мая 1918, Тбилиси) — известный грузинский художник XX века, самоучка, представитель примитивизма.

Из Бхарат-мандира я иду в сторону Тривени-гхата, ступенчатой набережной Ганги. Извилистый путь идет через район малоэтажных торговых лавок, закусовых и ремонтных мастерских. Много мусора, народ пестрый, чем ближе к Ганге, тем больше садху. А вот и сама набережная. Из далека долго течет река Ганга... На ступенях местами сидят человеческие фигуры, кто-то по колено стоит в воде. Променада вдоль гхата застроена святилищами, тут везде сидят садху, жгут священные костры. Особенно их много вокруг огромного дерева на берегу, почитаемого за шиваитскую святыню высокого уровня. Подойдя к ступеням, снял обувь. Вот он, этот священный момент первого касания живой воды легендарной Ганги! Я зашел по щиколотки в воду. Она была совсем не холодной, но приятно освежающей. Вот он, нежный поцелуй Ганги...

Фото: Что есть истина? (нищий аскет с интеллигентным лицом сидит у стены)

Alexander Lieven: Indeed and what does it mean...

Hilarion Manero: the invisible in the in-possible Now

Ste Wou: truth is air and lie is honey

Фото: Поцелуй Ганги (ступни в воде)

Victoria Dmitrieva: ты уже стал Агхори?))))

Владимир Видеманн: Пока нет. Покушать люблю

II. 10. 4. Прогулка по городу с Филиппом

Индусские ритуалисты-мимансаки во многих отношениях близки к еврейским фундаменталистам-саддукеям²¹⁵, почитавшимся в профанических кругах, подобно мимансакам, за близких эпикурейцам атеистов-прагматиков. В традиционалистской психологии свобода воли парадоксальным образом корреспондирует с ритуализованным, т. е. крайне механизированным, действием.

Ритуал, с точки зрения традиционализма, по своей надмирной природе, проявляемой в надмирном символизме, есть нечто не совпадающее с тварной реальностью как таковой, а, скорее, что-то последней онтологически-перпендикулярное. Отсюда «апурва», как нечто «небывалое», имеющее своим источником не кармическую круговерть сансарных элементов, а сознательную волю запредельного всем майическим модусам «радикального субъекта», если следовать

²¹⁵ **Саддукéи** (ивр. סַדּוּקִי, *с(е)дуким*) — название одной из трех древнееврейских религиозно-философских школ, возникших в эпоху расцвета династии Маккавеев (ок. 150 г. до н. э.) и просуществовавших вплоть до разрушения иудейского господства римлянами (70 г.н.э.). По вопросам религиозной догматики источники указывают следующие три особенности саддукейского мирозерцания: признание абсолютной свободной воли человека, отрицание бессмертия души и воскресения мертвых и, наконец, отрицание ангелов и духов. В противоположность ессеям, ставившим поступки людей в полную зависимость от предопределения, а также фарисеям, предоставлявшим лишь ограниченную роль свободной воле человека, саддукеи утверждали, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния — ни на злые, ни на добрые. Выбор между добром и злом предоставлен вполне свободной воле человека; каждый по собственному усмотрению переходит на ту или другую сторону

терминологии Московской Метафизической школы²¹⁶. В данном случае ритуальное действие, как нечто не вписывающееся в форматы природной структурной памяти, можно уподобить речевому акту как манифестации «внеприродного» по своей сути символизма. И тут же спросим себя: насколько свободная речь является выразителем свободной воли, и насколько при этом может быть свободной речь, формируемая в рамках жестких грамматических целеполаганий?

Некогда человеческие предки, переходя в рамках внутривидового общения от первосигнального давления к второсигнальному внушению, были вынуждены переломить паттерн первосигнальной межстадной коммуникации, т. е. переподчинить нейрофизиологические механизмы индивидуальной мотивации с первосигнальных на второсигнальные стимулы, с запаха на слово, с наблюдения на воображение. Такое обретение смысла давалось нелегко, и было связано с практикой прямого биологического террора как единственно возможной практики радикального переориентирования человеческой природы на нематериальные ценности. Эти нематериальные ценности особенно хорошо заметны в Индии. Идешь – а вокруг ничего материального, один мусор.

– Спасибо, папа, – говорит Филипп, – за то, что привез меня в эту помойку! Ничего себе, хорошие у меня каникулы!

– Заяц, не капризничай, – только и могу я ответить ребенку, – мальчики не ноют. Зато у тебя жизненный опыт будет большой! – добавляю я после некоторой паузы.

Мы идем мимо святилищ и ашрамов, к мосту Лакшман-джула, в европейскую кафешку под названием «German Bakery». Там, говорят, совершенно европейская кухня. Жарко. Проходим мимо шиваитского подворья. Брамины затягивают нас, правдами и неправдами, осмотреть объект. Мы подходим к мандиру. Все только что построено, выглядит весьма стерильно. На первом этаже святилище Шри Дурги Джи. Белая богиня, в красно-розово-оранжевых шелках, сидит на льве. Поднимаемся с брамином на второй этаж. Отсюда открывается роскошный вид на Гангу и внутренний двор ашрама, спускающийся к гхатам вдоль русла. Чуть справа от себя вижу жанровую сцену из жизни людей каменного века. Около живописной пещеры расставлено несколько обнаженных человеческих фигурок в шкурах, с примитивными охотничьими орудиями в руках. Тут же пасется пара коров. Еще ниже – четыре шпиля с трезубцами. Брамин-гид предлагает мне сфотографироваться в позе шиваитского приветствия: правая рука поднята в приветствии, ладонью вовне, левая ладонь лежит на пупке. Ом! Вот так и пьют по-гималайски. Затем меня заводят в одно из помещений, где другой брамин уже все подготовил для шиваитского посвящения: свечи, аграбатти, нити, четки, даже ритуальный сосуд с водой из Ганги.

²¹⁶ **Московская метафизическая школа** – образовалась в начале 60-х годов 20 века, в Москве, на базе знаменитого Южинского салона, на квартире у писателя Ю. В. Мамлеева. Посетителями салона были в основном представители столичной богемы (литераторы, художники, театралы, золотая молодежь), склонные к мистико-эзотерическому дискурсу.

Жаль, Филиппа нет, остался меня внизу ждать. Получили бы семейную инициацию, а в одиночку брать на себя новую садхану не с руки... Я благодарю служителей за любезность, вношу свою лепту на ремонт храма и спускаюсь вниз, к заждавшемуся ребенку. Теперь мы идем обедать в "German Bakery". Это большая столовая, стены которой заклеены флагами стран мира. Из больших окон открывается вид прямо на Гангу, прибрежную променаду, мост Лакшман-джулу и высотный мандир «Сертин сториз» на противоположной стороне реки. Еда тут разнообразная и вполне приличная, но мы, при такой жаре и влаге, только пьем. Передохнув, двигаем дальше. Опять идем мимо бесчисленных йогашрамов, центров медитаций, аюрведических салонов, мандиров, отелей, трекинговых и рафтинговых сервисов, сувенирных лавок, ювелирных салонов, фасонных и антикварных бутиков. Западных туристов вокруг не очень много, но они есть. Гораздо больше туристов индийских.

Ришикеш – популярный город, горный курорт. Многие сюда приезжают целыми семьями, а потом разъезжают по окрестностям, посещая местные достопримечательности – от пещер ведийских старцев до знаковых храмов индийского средневековья. Среди последних можно назвать яркий, расписной храм Шивы Нилакантхи – на том самом месте, где Махадев задержал в своем горле страшный яд халахалу, поднявшегося, вместе с амритой бессмертия, со дна Космического океана. Этот храм находился на склоне зеленого холма, по ту сторону Ганги – прямо напротив моего, выходящего на юго-восток, балкона, по которому периодически, туда-сюда, проскакивали стаи рыжих обезьян (реже – единичные особи). Еще на балконе можно было найти журнальный столик и два кресла, в одно из которых я, время от времени, усаживался, со стаканом чая в одной руке и инкрустированной цветными кристалликами трубой дальнего наблюдения в другой, расширявшей тематический горизонт моего обзора вплоть до крайних пределов всего индийского Зодиака.

II. 10. 5. Священные пространства, живительные потоки...

На следующее утро я поехал в Бхарат-мандир еще до рассвета, чтобы попасть на утреннюю пуджу. Оттуда я снова отправился на Тривени-гхат, чтобы встретить там восход солнца. Набережная была довольно пуста, но кое-где уже были видны человеческие фигуры. Я подошел к воде. Течение Ганги, даже у самого берега, очень сильное. Зайти можно максимум по колено, дальше – сносит. Ну или надо за кого-нибудь или за что-нибудь держаться. Не случайно почти все гхаты в Индии оборудованы специальными держательными цепями или же огорожены особыми барьерами, чтобы человек, в случае сноса, смог за что-нибудь зацепиться. Единственная возможность полностью окунуться в воду, чего я как раз хотел сделать, это просто лечь на дно там, где по колено. Что я и сделал.

Вытянувшись горизонтально, я потерял все точки опоры и течение понесло меня, лежащего на животе и ногами вперед, вдоль ступеней гхата. Но мне захотелось оставаться под водой на протяжении всего вдоха, и лишь представлял себе, что прямо сейчас физически нахожусь в потоке абсолютной мокши. Ом! Протащило метров десять. Я встал из воды, и вместе со мной из-за горного хребта встало восходящее солнце.

Оно осветило мокрую набережную гхата, которая единомоментно превратилась в гигантское золотое зеркало, ослепившее чистым небесным светом всех вокруг. Ом Сурьяя Намах! Потом я заметил, что вокруг тоже стоят люди, кто-то по колени в воде, и смотрят, как пылает набережная в момент триумфального выезда колесницы солнечного божества в эмпирей.

Постепенно публика прибывала. Вот уже индусы подходят к берегу целыми группами, до двадцати и более человек. Кто-то, стоя по щиколотку в воде, читает священный текст, кто-то пускает по течению специальные ритуальные венки с горящими плошками, которые продают девушки тут же на берегу. Кто-то предлагает мне ритуальную услугу в виде специальной пудры Ганге, здесь и сейчас. Шиваиты жгут костры, над их половиной гхата висит запах чарса и чад масляных возлияний в священный огонь Владыки вселенной. Ом Намах Шивайя!

Я просидел на набережной, на удобной скамейке, под навесом с большой скульптурой Кришны и Арджуны в боевой колеснице, часа два, наблюдая за купанием индусов в священной реке. Девушки на набережной предлагают готовые цветочные венки с горящими плошками, которые запускают вниз по Ганге в качестве особого ритуала. Кто-то, стоя в потоке, читает мантры, сложив ладони у груди в характерном жесте, женщины перематывают на ветру яркие полосы своих сари. Иногда, впрочем, находишь, что мужская чалма может взять на себя не меньше материи, чем женское платье...

По пути назад в отель зашел в несколько храмов. Первый из них – Шри-Дурга-Мата-мандир, прямо на набережной. Белокожая богиня, в серебряной короне и с золотым трезубцем в руке, молча взирает на вас... В двух шагах отсюда еще одно святилище. В витрине сидит женская Троица, три богини, и мантра: «Шри Гангая Намах». Мантра богини реки? Потом идет Бхарат-мандир и какой-то шиваитский мандир – напротив. Затем – шиваитский Шри-Махакала-Бхайрава-мандир, Тирумала Тирупати Девастханам Андхра Ашрам, Махадевадеви Непаликшетра, Шри-Кедарешвара-мандир, а дальше – еще один очень крутой серо-белый шиваитский Шри-Махешвара-мандир. Это целый комплекс внушительных размеров, с большим количеством особенно эстетских мурти – как внутри, так и вовне святилища.

Черные куклы, завернутые в яркие ткани и помещенные в ниши на белой и серой стене, производят совершенно неизгладимое впечатление живых актеров магического театра Неведомого мастера. Прямо «дьявольские куклы», как выражается одна моя знакомая художница. Шри Кала Бхайрава в оранжевой тоге, на фоне собаки, держит поднятый вверх трезубец: это – имам времени. Шри Вишну в бело-зеленой тоге, с жестом римского императора и лицом Александра Великого – полный сверхчеловек. Богиня Шри Дакшина, вся в красно-белых пеленах, благословляет своих преданных с ледяной улыбкой на запечатанных губах...

После этого я попал в сикхскую гурдвару. Для начала просто остановился сфотографировать это воздушное, словно торт из белого взбитого крема, строение, напоминающее мечеть в стиле колониального рококо Ахмадийя. Потом решил подойти поближе, поглядеть другие ракурсы. Разговорился во дворе с привратником. Спрашиваю, можно ли зайти вовнутрь? Он с готовностью отвечает, что да, можно. Мы вместе поднимаемся по ступеням до главного входа в комплекс. В прихожей стоит столик с корзиной шелковых повязок на голову. Это – обязательный элемент при посещении гурдвары, как кипа – в синагоге. Делаю мини-тюрбан. На руке у меня и так уже есть сикхский браслет. Борода тоже при мне. Кинжала не хватает...

Внутри гурдвары – это большой прямоугольный зал, метров двадцать на двадцать, пол покрыт белым ковроланом, белые стены, белый потолок. Посреди зала, за квадратным медным ограждением, стоит золотой навес на четырех опорах, венчаемый сверкающим куполом со шпилем, а над ним – еще один навес, из стекла и белого мрамора. Под золотым навесом я заметил нечто вроде алтаря, покрытого темно-фиолетовым шелковым платом с густым серебряным орнаментом, за которым, лицом к залу, восседал служитель в белых одеждах и черной чалме. В правой руке он держал опахало из белых перьев, медленно двигая им над алтарем. В действительности я принял за алтарь огромных размеров священную книгу сикхов, Гуру Грант Сахиб²¹⁷, плотно завернутую в защитный шелк.

Согласно сикхскому уставу, эта книга должна непрерывно читаться в гурдваре, на протяжении всего времени ее работы. Эту миссию озвучивания священного текста берут на себя три музыканта, сидящие по правую руку от «чтеца». Они тоже в белых одеяниях и черных чалмах. Две фисгармонии и таблист. Музыканты исполняют религиозные бхаджаны из Гуру Грантх Сахиба. Поют по памяти, как древние брахманы. Мой проводник, тем временем, благоговейно делает полный земной поклон в сторону священной книги. Я следую за ним. Потом он немного водит меня по гурдваре, показывает семейные и общественные комнаты, где сикхи осуществляют свои социальные ритуалы и мероприятия. Я сажусь у колонны послушать пуджу. В зале совершенно пусто. Акустика неплохая.

«О Пар Брах, Благодетель Высочайший,
Ты поддерживаешь всех. Ты есть, Ты был, и Ты будешь во веки веков,
Недостижимый, Непостижимый, Высочайший, Бесконечный.
Боли и страха не ведают те, кто преданно служит Тебе.»

Гуру Грантх Сахиб (священная книга сикхизма)

На выходе из зала служитель дал мне прямо в ладонь прасад – теплую сладкую массу. Вот они, настоящие восточные сладости!

По пути домой я решил заглянуть в еще одно знаковое учреждение Ришикеша – ашрам Свами Шивананды, где находится штаб-квартира

²¹⁷ «Гуру Грантх Сахиб» (в.-пандж. ਗੁਰੂ ਗ੍ਰੰਥ ਸਾਹਿਬ, gurū granth sāhib), или «Ади Грантх» — основной священный текст сикхов, написанный в период сикхских гуру с 1469 по 1708 год. Представляет собой коллекцию религиозных гимнов, описывающих качества Бога и говорящих о необходимости медитации на имена Бога.

основанного им Общества Божественной Жизни²¹⁸. Некогда я почти молился на это сообщество, представляя его себе как авангард йогического образа существования. Мой знакомый йог из Душанбе, получив письменный ответ из ашрама Шивананды на свой запрос, реально выстаивал после этого в ширшасане²¹⁹ по четыре часа: так действует подлинная инициатическая энергетика (если полюса правильно законтачены).

Ашрам Махайоги Свами Шивананды стоит на берегу Ганги. Вернее, в берег Ганги упирается склон, на котором стоит этот ашрам. Сам склон залит в высокий бетонный каркас розового цвета. От набережной к ашраму ведет длинная лестница, начинающаяся под аркой с названием Общества. Ступени идут вдоль глухих стен, выложенных из крупного кирпича. Ступеней через сто вы оказываетесь перед белыми храмовыми воротами, за которыми виден белокаменный корпус главного мандира, к парадным дверям которого ведет еще одна лестница. Храмовый дворик весьма ухоженный, тут везде расставлены ступы и статуи, цветочные клумбы и совершенно пусто.

Я захожу в мандир и оказываюсь в большой пустой базилике, с мраморным полом. Посреди этого пространства выделяется кубическая гарбхагриха. Ее врата открыты. Брахман в оранжевых одеждах служит пуджу перед черным идолом в серебряной короне. Рядом стоит золотой трезубец. Понятно, кто в доме хозяин. В параллельном нефе, на мраморном розовом кубе сидит белая, покрытая оранжевой тканью с золотом, мраморная статуя Шанкарачарьи, с характерным жестом правой руки у сердца. Позади, на стене, висят портреты трех гуру, в том числе – мастера Свами Шивананды Сарасвати.

В зал вошла японка с рюкзачком. Села у одной из колонн, лицом к гарбхагрихе, где жрец Махадео продолжал свои священнодействия перед черным мурти небесного патрона. Потом зашла одна индуска, тоже села. Ну и я присел у пустующей колонны, лицом к гарбхагрихе. В этот момент забил механический барабан у стены, знаменуя смену действия. Появились еще два служителя. Один постоянно работал с колоколами, другой помогал архимагу служить идолу. Густой дым аграбатти медленно распространялся по внутреннему пространству корабля, перманентная перкуссия нагнетала атмосферу. Наконец, барабан умолк, а вслед за ним – и колокола. Теперь над сводами мандира звучали мантры и заклинания пуджари-шайвитов. Атмосфера тут, в самом деле, немного отстраненная, как на другой планете.

По выходу из мандира я сразу же наткнулся на книжный магазин, где продавались все, какие только есть, книги мастера на всех языках мира. А чуть дальше был еще один мандир, где в качестве главного мурти

²¹⁸ **Общество божественной жизни** (англ. *Divine Life Society*) — религиозная организация и ашрам, основанные Свами Шиванандой в 1936 году в Ришикеше, Индия. Организация имеет филиалы во многих странах мира. Ученики Свами Шивананды также основали несколько независимых религиозных объединений в США, Канаде, Австралии, ЮАР, Малайзии и ряде стран Латинской Америки.

²¹⁹ **Ширшасана** – стойка на голове в хатха-йоге

выступала раскрашенная фигура самого сат-гуру Свами Шивананды Сарасвати. Войдя в святилище, вы оказываетесь на пороге длинного параллелепipedного зала, стены которого покрыты цветными панно по мотивам эпизодов из жизни Шивананды, а в конце зала с красным ковровым покрытием вас ждет белый мраморный алтарь с портретом мастера над ним, а еще выше – белокаменная скульптура мастера в оранжевых одеяниях, в натуральную величину. Поперек зала, серебром на темно-синем фоне, выписаны две главные заповеди учителя: «Be Good. Do Good». Будь хорошим, делай добро.

На алтаре готовится прасад, постепенно выстраивается очередь из шестивосьми человек. В основном это люди среднего возраста, сорока-пятидесяти лет. По атмосфере все это напоминает пансионат отдыха для индийской интеллигенции и обслуживающего ее персонала. Книжки, курсы йоги, массажные сессии, медитации, конференции, пуджи... По прилегающей территории разбросаны малоэтажные корпуса – клиника, администрация, столовая, апартаменты для гостей. Вокруг практически пусто. То ли жара, то ли не сезон.

Шивананда был гуру для целого поколения, бум его популярности пришелся на сороковые-пятидесятые годы. В это же время в мистических салонах Европы и Америки звучали такие имена, как Шри Ауробиндо, Рамана Махариши, Джидду Кришнамурти, Парамаханса Йогананда... В шестидесятые заправляли уже ученики Шивананды – Омкарананда в германоязычной Европе и Вишнудевананда в США. О первом я уже писал. Вторым известен тем, что выступил с проповедью ценностей адвайты на эпохальном рок-фестивале в Вудстоке (США, 1968), положившей начало массовому движению Нью Эйдж. Вишнудевананда также выпустил довольно толковую книгу по хатха-йоге, получившую большое распространение в мире. Я сам ей активно пользовался, вместе с учебником академика Б. Л. Смирнова (приложение к переводу фрагмента Бхагавадгиты «Побоище палицами»), на заре своей йогической практики.

В семидесятые на сцену взошли Шрила Прабхупада, Махариши Махеш Йоги, Бхагаван Шри Раджниш, Сатья Саи Баба. Все они, в той или иной степени, ориентировались на западную публику. Каковы были подлинные гуру самого индийского народа – большой вопрос. Народную мистику нельзя выучить по книгам и мастер-классам. Ее можно пронюхать только непосредственно.

Фото: Золотой рассвет на Ганге в районе Майякунд, Ришикеш)

David Parry: Wonderful

сергей зинovieв: ЧУдно !))

Валери Пронкин: Это очень удачная, продуманная фото... класс!

Victoria Dmitrieva: Вот оно!

Фото: Люди Ганги совершают омовение в святых водах (подборка фотографий)

Aliona Slastihina: Набрал бутылочку, чтоб потом освятить Темзу?

Владимир Видеманн: да, привез сосудик. для себя. темза перебьется...

Aliona Slastihina: ну, хоть побрызгай:)

Периодически я смотрел у себя в номере индийские телеканалы, погружаясь в местный религиозно-мистический дискурс. Тут по всем параметрам идет очень много проповедей и прямых трансляций с мест культовых служений – мандиров, мечетей, церквей, гурдвар, ашрамов, пещер и других ареалов силы. Индия – это целая цивилизация. Тут есть все и вся. Как выглядят главные теле-гуру в сегодняшней Индии? Кто тут делает спиритуальную погоду? Согласно топ-тену по версии инфо-агентства Ranker, список этот выглядит следующим образом:

1. Шри Ашрам Бапуджи. Индусский проповедник, имеющий имидж противоречивой фигуры с парадоксальным подходом.
2. Шри Шри Рава Шанкар Джи. Самый популярный индусский гуру среди иностранцев, более известен за пределами Индии, чем на родине.
3. Сант Шри Морари Бапуджи. Знаток Рамаяны и ее исполнитель в традиционной стилистике бхакти (любовь) – бхаджан (религиозный гимн) – катха (предание, передача).
4. Авдхут Баба Шивананджи Махарадж. Шиваитский проповедник, мастер шива-йоги.
5. Свами Рамдев Баба. Всемирно известный мастер пранаямы. Бизнесмен, владелец аюрведических предприятий.
6. Прамух Свами (Сваминараян). Руководитель крупнейшего религиозного фонда страны, спонсирующего храмы.
7. Свами Прабхупада Джи. Основатель Международного Общества Сознания Кришны (ISKCON), превратившегося в одну из крупнейших мировых корпораций по производству религиозного продукта.
8. Шри Рамешбхай Оза. Знаток Рамаяны и ее исполнитель в традиционной стилистике бхакти – бхаджан – катха.
9. Свами Чидананд Сарасватиджи Махарадж. Индусский телепроповедник, ведущий популярной передачи «Ганга-арти» (ритуал у Гагги).
10. Свами Сукхабодхананда Джи. Специалист по индийской философии, больше светский интеллеktуал, чем религиозный проповедник.

Как мы видим, из всей старой гвардии эпохи Нью Эйдж в актуальном топ-тене остался только один Бхактиведанта Свами. Кришнаиты, в самом деле, очень активны и в Индии, и на Западе, но это уже вариант вестернизированного неоиндуизма, а не аутентичного индусского культа, со всеми его паранормальными последствиями. До сих пор активны международные центры Бхагавана-Ошо, привлекающие, как и кришнаиты, много молодежи. А вот среди последователей Махариши Махеш Йоги молодежи уже не встретишь. Тут все больше доминирует законсервированная прослойка поколения битлов, при этом главный ашрам Махариши в Ришикеше заброшен и лежит в руинах, посещаемых редкими западными романтиками...

Зато у меня в руках два волшебных яблока из райского сада Джйотирматха, где, в свое время, подвизался в садхане сам Махариши Махеш Йоги: кислое, зеленое яблоко Познания и сладкое, желтое яблоко Бессмертия. Не желая повторно наступать на адамовы грабли, я бросил зеленое яблоко с балкона в джунгли, в сторону текущего вниз по склону прозрачного источника, в надежде, что плод Познания подберет и съест

какой-нибудь из обитающих здесь многочисленных хануманов. Так что своим широким жестом я дал шанс новому человечеству. Да и что такое «познание» после того, как вы собственными глазами видели мурти Шри Бадринараяны? Иное дело – плод Бессмертия!

Все эти рассуждения по поводу яблок заставили меня вспомнить про одно очень яркое сновидение, случившееся лет тридцать назад, когда я побывал на борту летающей тарелки.

Инопланетяне завели меня по трапу на космолет и предложили идти вперед по узкому коридорчику, по обе стороны которого стояли различные вычислительные машины с разноцветными мигающими лампочками. Прямо как кадр из фильма советской фантастики!

Я осторожно двигаюсь навстречу неизвестному, и вдруг прямо передо мной встает огромная, высотой в полтора человеческих роста, кобра с головой размером со слоновью. Она раскрыла пасть, громко шипя обнажив свои острейшие, сочащиеся смертельным ядом, клыки. Но я почему-то не испугался, но, следуя интуитивной инструкции, сложил на уровне сердца ладони молитвенной лодочкой и, закрыв глаза, почтительно замер в ожидании высочайшего решения. В это мгновение, сквозь закрытые веки, я ощутил ярчайшую вспышку, словно передо мной взорвали термоядерный заряд, как бы полностью аннигилировав, тем самым, всего меня. И тишина...

Но мое сознание никуда не делось. Да и тело – тоже. Я даже открыл глаза, и увидел, что нахожусь на пороге лаборатории, в которой что-то химичат две-три человеческие фигуры в белых халатах. Меня, словно бы на каталке, подвозят к столу в центре лаборатории, на котором я вижу большую стеклянную емкость, типа глубокой миски. Лаборант молча протягивает мне яблоко. По всей видимости, эту штуку можно съесть. Причастие от Великого Уробороса? Я объедаю яблоко, оставляя лишь серединку с семечками. После этого Лаборант берет у меня из рук этот огрызок и кладет его в миску, заполненную какой-то прозрачной жидкостью. И через секунду достает оттуда совершенно неповрежденное, абсолютно целое яблоко!

В этот момент я начинаю пробуждаться, одновременно понимая, что именно таким образом действует эликсир бессмертия, восстанавливая всю целокупность образа по мельчайшему оставшемуся материальному фрагменту. По всей видимости, с помощью этого средства было восстановлено, из некоего «первоатома», и мое собственное тело, аннигилированное в результате ядерного удара...

Так что пусть обезьяны развлекаются познанием животных тайн, мы же предпочтем полное воскрешение из небытия апофатической негации тотального присутствия. Если вас перемалывают зубы архонта – это еще не конец. Полный конец – это когда заканчивается Святая вода, благодаря которой существует самовоспроизводство живой материи. Атман – семя Парабрахмана, ты – это Он!

Фото: Вид на Гималаи с балкона

Dmitri Petrjakov: Хей! Как насчет айс-бакета?

Александр Аринушкин: Это Индия тоже, или Британия уже?

Владимир Видеманн: Индия. Вид с моего балкона из отеля. Дмитрий, кубики надо приготовить...

Валерий Инюшин: Дразнитесь?=(?) Что за отель? Я жил рядом с Ришикишем в Himalaya in the Hideaway.

Владимир Видеманн: Это Top Hill (рядом Swiss Cottage) в Таповане. Ришикеш, Лакшман Джула. Хороший отель, недорогой и со всеми удобствами. Неплохая европейская кухня.

Валерий Инюшин: Там лучший, где раньше была летняя резиденция то ли генерал-губернатора, то ли вице-короля. На самой высокой горе рядом с городом. Дворец, естественно=)

Владимир Видеманн: возможно, но там цены не гуманитарные, полагаю))

Валерий Инюшин: А вы как думали! Но вообще цены во дворцах в Индии гораздо более гуманитарные, чем в 4-х звёздочных гостиничных клетушках в крупных западноевропейских столицах.

Владимир Видеманн: хе-хе. мы большую часть бюджета израсходовали на джип. забрались в такие места, где западных туристов просто 0%

Валерий Инюшин: И правильно. А не сильно жарит-то летом?

Владимир Видеманн: мы были на высоте 3,5 тысячи метров. там как раз нормально. Садху со всей Индии собираются на медитационный сезон. В Ришикеше лишь проездом. Там, конечно, душновато...

Фото: Собираемся в аэропорт

Hilarion Manero: great barb!!!! like a waterfall of wisdom

Наконец, наступил день отлета. Около четырех часов пополудни за нами заехала машина и мы двинулись в обратный путь – на юг, в Дели. Для начала, еще в Ришикеше, заехали в Старый город, на рынок, чтобы закупиться подарочными сари, платками и тканями. И уже оттуда выехали на трассу. Шоссейная лента, подобно сну, побежала в обратном порядке. Проезжая через Харидвар, я имел возможность в последний раз увидеть закат над Гангой. Солнце, словно золотое яблоко из волшебного сада Гесперид на крайнем западе Континента, щедро поливало ауральным²²⁰ дождем купола священных мандиров и ступенчатые линии очистительных гхатов вдоль главного русла величайшей страны Южной Азии. Я вспомнил, как мы были тут месяц назад, по пути из Дели в Ришикеш, встречая на этом же самом месте наш первый в Индии рассвет.

Фото: Sunset (закат солнца над Гангой в районе Харидвара)

Irina Sommer: Умиляюсь я на тебя. Помолись там за души убиенных братьев-христиан. Или ты там на стороне Шивы - : чем быстрее новая инкарнация, тем лучше. Гуманист, понятное дело.

Владимир Видеманн: Атман везде один. Ayamatma brahma!

Irina Sommer: Кто бы сомневался.

Natalia Mali: Voloden'ka sudya po zakatu ty daleko zabralsya? solnce beshennoe i ludi vse patlatye

Владимир Видеманн: Индия!

Natalia Mali: Well. that's just super! Enjoy your stay. Write casualy notes, I know you can the magic!

Владимир Видеманн: Already back to London. School is calling... Did spend there ca 1 month, in the Himalaya mostly.

Natalia Mali: Очень интересно. Сама хочу туда податься я.

В Дели приехали к полуночи. Тут влажно и душно, но в помещении аэропорта работают кондиционеры. К своему удивлению, встретил здесь двух египетских растафари из отеля, Мустафу и его приятеля. Ребята тоже улетали домой. Ну, что ж, непременно увидимся в этом чудесном городе в следующий раз. Господь милостив. Аллаху акбар! Ом Тат Сат! Остаточные рупии назад на фунты обменять не удалось. Кассир сказал: «Валюты нет!» Значит, нужно потратить в зале ожидания. Естественно, потратили, набрав еще разных сувениров, включая деревянную статуэтку Ганеши по личному выбору Филиппа. Будем считать, не зря он побывал в пещере слоновоголового бога в священной Мане...

²²⁰ **Ауральный** – двусмысленный термин от слов «аура» и «augur» (лат. «золото»)

II. 11. Лондон

Спустился с Гималаев на землю – а тут такая паранойя бушует!..

Anna Kuningas: Нет желания бросить всё ко всем чертям и обратно, насовсем?

Владимир Видеманн: жить подаянием? для начала нужно хинди выучить

Anna Kirukhina: Отпустите меня в Гималаи...

Dmitri Petrjakov: Шизофрения

Anna Kuningas: Dmitri Petrjakov, ЧТО - шизофрения? Владимир, जानें हिन्दी मुश्किल नहीं

हैं (Переведите на хинди одну из своих книг, например)) А что, классно было бы))

Валерий Викторович Максимов: Владимир Видеманн: То ли дело - шизофрения! Совсем другой колленкор...

Vladimir Shanti: тоже спустился недавно. узнал какой день недели и прочее

Юлия Кисина: На земле идет война...

xxx

Часть III. Дхармическая перспектива

III. 1. Астральные конт(р)акты

Горячие источники и целебный гималайский воздух, насыщенный вибрациями медитирующих садху, обернулись глубоким терапевтическим эффектом. Медитационное поле – еще одно достоинство бадринатхского ландшафта, едва ли не главное. Считается, что в здешних дхьянах до сих пор мистическим образом участвуют Шива и Парвати, Вишну и Махалакшми, Брахма и Сарасвати, братья Пандавы и Драупади, а также другие божества, бессмертные риши, махасиддхи и мудрецы: Нар-Нараян, Нарада, Ведавьяса, Агастья, Шанкарачарья, Мадхва, Баба-джи...

Количество анахоретов в окрестностях города доходит по полуторы сотен человек. Еще несколько сотен садху живут в самом городе – в ашрамах и частных приютах, раздающих всем нуждающимся бесплатную пищу и предоставляющих бесплатную крышу над головой. Правда, это далеко даже не «три звезды», а просто, подчас, некая конура с нарами и матрацем, даже без окон. Но садху – народ неприхотливый. Многие из них приходят в Бадринатх из южных долин пешком, да в придачу еще и босиком. И только единицы – в буквальном смысле слова – могут оставаться в священном городе на всю зиму, имея для этого специальное разрешение от пограничных властей²²¹.

Одним из этих избранных был Дхармарадж Бхарати Муни-баба – колдун с серебряным трезубцем. Его идея построить новый корпус ашрама казалась интересной, но полная непрозрачность индийских земельных законов не позволяла тут что-либо рационально планировать. Тем не менее, меня не покидало ощущение какой-то мистической включенности в проект колдуна. Его Красный ашрам находится в очень удачном месте, как раз у входа в долину Риши-Ганги, притока Алакнанды.

²²¹ В Пандукешваре начинается режимная пограничная зона. Китайская граница находится в 25 километрах к северу от Бадринатха.

Эта долина знаменита невидимым присутствием здесь многих бессмертных риши, включая Махаватара Бабаджи Махараджа, с которым Мунибаба Дхармарадж имеет, по его собственным утверждениям, прямое общение. В самом деле, почему бы не построить тут образец экологически продвинутой архитектуры в духе ведийского археомодерна? Недалеко от ашрама – шикарный водопад, а чуть дальше – Чаран-падука, или отпечатки стоп сошедшего в этом месте с небес Вишну и некоего дэва-великана, вступившего на этом месте с божеством в магическую схватку:

«И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал [ему]: отпусти Меня, ибо возшла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня...»

Бытие, Гл. 22, 24-28

xxx

Анастасия, моя супруга, поддалась на рассказы про пещеры и дебри Индостана и решила составить мне компанию в следующей поездке. Месяца за полтора до отлета, где-то в начале августа, мы, с Дэвидом и Джонотоном, собрались на специальную сессию для установления контакта с магическими духами Бадринатха, в том числе – с Махаватаром Бабаджи. Махаватара заказал Дэвид, который, как выяснилось, был давно захвачен идеей встретиться с бессмертным йогином лицом к лицу.

- Ты там, случайно, Бабаджи не встречал?
- Поклонников его – видел. Самого – нет...
- Послушай, – Дэвид примолк и загадочно посмотрел на меня, – только скажи мне честно: а ты сам – не Бабаджи?

Вот интересно, как он об этом догадался? Используя принцип такии²²², я ответил:

- Если честно, то нет. Но ты не расстраивайся. Мы выйдем на контакт с энергиями реального Бабаджи через медитацию!

Наша дхьяна должна была, в целом, способствовать выявлению устойчивой астральной связи с Индостаном, прежде всего – с традицией гималайских анахоретов, поддерживающих мистические столпы ведизма. Ведическая традиция представляет для нашего Общества Теогуманистов особый интерес как источник сверхъестественного знания, гьяны (санскр. «знание»), гнозиса. Мы допускаем, что античный «гнозис» соответствует «плероме» неоплатоников и аналогичен «unio mystica» католиков и «теозису» (обожению) православных, а также ведической «гьяне» (джняне, знанию) как

²²² **Такія** (араб. التقية — благоразумие, осмотрительность, осторожность) — исламский термин, которым обозначается «благоразумное скрывание своей веры»

«праджне» (запредельная мудрость, состояние единства глубокого сна) Упанишад. Абраксас это Брахма. $Ov = Om$.

Концептуальные мостики между терминами греческой философии и индийской, между символами античной и ведийской культурных традиций, пытались навести многие как западные, так и восточные мастера-пантифики. По существу, Веды стали известны в Европе только в XIX веке, так же как и западная философия – в Индии. Начался период интеллектуального взаимопроникновения, а вслед за этим зарезонировало взаимопроникновение мистическое.

Индийский культурный авангард последовательно вестернизировался, западный – ориентализировался. Поиски западных мистиков и интеллектуалов на Востоке, в том числе – в Индии, задокументированы в книгах Елены Блаватской, Анни Безант, Анны Бейли, Елены Шапошниковой, Петра Успенского, Александры Дэвид-Ниль, Джона Беннетта, Артура Авалона и других западных пионеров Нью Эйджа. Индусы, в свою очередь, постигали Европу и Америку через Рабиндранатха Тагора, Свами Вивекананду, Джидду Кришнамурти, Ауробиндо Гхоша, Парамахамсу Йогананду...

На фоне этих тенденций особое место занимает творчество Рама М. Тамма, впервые поставившего в западной философии вопрос о многоуровневости познавательного процесса в контексте равноправия четырех состояний познания реальности, выделяемых Упанишадами: бодрствования (вайшванара), сна (свапна), глубокого сна (праджня) и четвертого (запредельного) состояния (самадхи).

В западной традиции центр верификации познавательных данных утверждается в состоянии бодрствования. Здесь считается, что только «истина бодрствования» (или то, что считается правдоподобным на основании логики бодрствующего сознания) является объективной или, по меньшей мере, максимально приближенной к объективной действительности. В восточной философии *истина бодрствования* считается, напротив, максимально иллюзорной в сравнении с онтологической целостностью *истины глубокого сна*, отождествляемого в религиозной традиции с душой (психе). «Проснуться в глубоком сне» – одна из метафор вспышки просветления, выворачивающего привычные ментальные порядки наизнанку (психическая инверсия). Обратная перспектива объективного космоса – это субъективная душа. И наоборот. *Aham brahmasmi. Tat tvam asi.*

Моей задачей, в порядке нашего ритуала, было максимально воспроизвести атмосферу Бадринатха, а потом – призвать из нее в лондонское пространство магические эманации гималайских сущностей. Я зажег свечи и

аграбатти перед освященными в соответствующих мандирах мурти Бадринараяна и Махалакшми. Прочитал мантры нашей сампрадаи, затем поставил, в качестве еле слышного фона, записанный мной в час Брахмы бадринатхский азан²²³ на утреннюю пуджу. Мы сформировали эфирный купол (виману), и направили его энергию на контакт с небесами Бадрикашрама, в пространстве которых обитают бессмертные риши всех фундаментальных сампрадаи индуизма....

Бабаджи в Гималаях – некто вроде Хизра²²⁴ в Средней Азии: бессмертный пророк, персонаж фольклорной передачи, скрытый святой, наблюдающий за поведением людей. Это йог, аскет и волшебник, владеющий тайными знаниями и магическими науками. Не даром считается, что Махаватар изучал не только аюрведическую медицину, но и китайскую алхимию, будучи причастен к секретным практикам дальневосточных даосов.

Удивительное дело, но в процессе написания этих строк я вдруг начинаю понимать, что неспроста привез из Бадринатха не только фигурки индусских божеств, но и трех даосских *Звездных старцев* темно-бордового цвета: это Фу-син (божество счастья), Лу-син (божество богатства) и Шоу-син (божество долголетия). Купил их чисто спонтанно, в самом деле – с абсолютно пустой головой... Видимо, бродит в верховьях Алакнанды, вместе с невидимым Бабаджи, и невидимый мастер эликсира бессмертия, даос Боганатхар, у которого Махаватар, по утверждению его последователей, учился Великому деланию²²⁵...

Образ Махаватара Бабаджи известен на Западе, прежде всего, через рассказы индийских йогов, подтвержденных впоследствии отдельными западными авторами и адептами бессмертного мастера, якобы лично встречавшими Махаватара в районе Бадринатха. В чем-то фигура «вечного йога» сопоставима с имиджем других «литературных» гуру – Кут Хуми²²⁶ и Мории²²⁷, впервые явившихся «во плоти» Елене Петровне Блаватской. Мир знает и других литературных гуру – не в смысле «мастеров литературы», а «мастеров» как литературных персонажей, ставших в сознании их почитателей, воистину, живее всех живых.

²²³ **Азан** (араб. أذان — объявление, приглашение) — в исламе: призыв к обязательной молитве. Здесь: термин используется по принципу формальной схожести азана с утренним призывом брахмана в мандир на абхисеку.

²²⁴ **Хизр**, Хидир, Хидр, (араб. خضرال — Хидр, пророк Илия) — персонаж в исламе, праведник, учитель пророка Мусы (Моисея). Имя Хидра в Коране не упоминается, однако толкователи почти единодушно отождествляют его с «рабом Аллаха», неизвестным наставником Мусы, о котором повествует Священное Писание (Коран 18:60-82)

²²⁵ **Великое делание** – алхимия, наука о трансформации материи

²²⁶ **Кут Хуми** — в теософии один из Учителей Вневременной Мудрости.

²²⁷ **Мория** (англ. Могуа) — в теософии и Агни-Йоге один из «Учителей Мудрости», в Учении Вознесённых Владык (под именем Эль Мориа) — один из «Вознесённых Владык».

Описания сверхъестественных встреч с различными высокими учителями – старый литературный прием, известный с глубокой древности. Одна из целей этого приема – заронить в сознании человека мысль о возможности физической встречи со сверхъестественным существом, вплоть до самого Верховного владыки, который может скрываться за личиной простого прохожего. Искусство опознать в человеке высшее существо – особая дисциплина. При этом очень важно, чтобы кто-то со стороны пытался опознать высшее существо в самом опознающем. На этом строится эффект магического зеркала, обладающего эмансипативно-просветительным эффектом.

Рам рассказывал, как в начале своего духовного пути он использовал технику магического зеркала. Для этого нужно, чтобы партнеры сидели друг напротив друга и взаимно транслировали и ретранслировали определенный образ – от простого до сложного. Рам с приятелем внушали друг другу образ просветленного будды, что существенно помогло им преодолеть блокирующие установки сансарного ума. Число партнеров игры в магическое зеркало может быть любым, причем сами образы также могут варьироваться от *канала* к *каналу*, формируя иерархическую матрицу *сознаний*. Точно так же должна была работать и наша медитация с Дэвидом и Джононом: Бадривишал и Нар с Нараяном. Куберы не хватает...

III. 2. Особенности дхармического мирозерцания

Через несколько дней после нашей «бадринатхской» сессии я делал доклад в Лондонском Обществе Теогуманистов о феноменологии магического магнетизма на примере «вриля» барона Эдварда Джорджа Эрла Литтона Бульвер-Литтона, английского писателя, автора харизматической книги «Грядущая раса» (1871) – одной из ранних европейских антиутопий. Это произведение вот уже более ста лет привлекает публику, прежде всего, удивительно захватывающим описанием технологий, которые сегодня вполне можно быо бы назвать хай-хьюмовскими (по аналогии с хай-теком, но имея в виду прогресс не технического, а антропного порядка). Герои книги пользуются страшной силой вселенной, которую им удалось приручить и даже, за время жизни нескольких поколений, вполне интериоризировать, превратив в интегральную часть личного могущества.

Термином «вриль» барон обозначает некую магическую субстанцию, особую жидкость, позволяющую получать неограниченное количество универсальной энергии, своеобразного психо-электричества, всемирного магнетизма, обладавшего, к тому же, неограниченным разрушительным потенциалом²²⁸. С помощью этой чудо-жидкости была выведена особая чудо-раса, Врилья, обитающая в подземных пещерах и обладающих

²²⁸ Удивительное предвидение атомной энергетики и тяжелой воды-дейтерия как ядерного топлива для энергетики, основанной на управляемом термоядерном синтезе!

сверхъестественными, с точки зрения обычного человека, способностями, включая телепатию. Позже тему вриля и особой расы владеющих им сверхлюдей, живущих где-то в тайных недрах планеты, подхватили оккультные писатели Запада, правда, перенеся вход в подземелье из Европы в Гималаи и Тибет. Пионером в этом начинании стала Елена Блаватская, отождествившая бульвер-литтоновских врильев с гималайскими махатмами.

«Итак, сила, чья тайная мощь во всех подробностях была известна древним теургам, отрицается современными скептиками. Допотопные дети, которые, может быть, играли с нею, употребляя ее так, как мальчики в повести Бульвер-Литтона «Будущая раса» употребляют страшный по силе «вриль», – звали ее «Водою Пта»; их потомки называли ее *Anima Mundi*, мировая душа; а еще позднее средневековые герметисты звали ее «звездным светом» или «молоком небесной девы», «магнес» и многими другими именами».

Е. П. Блаватская. Разоблеченная Изида

К концу первой трети двадцатого столетия в западных оккультных и околочультурных кругах сложился устойчивый дискурс Шамбалы как секретной подземной страны где-то в горах Центральной Азии, жители которой владеют особыми магическими технологиями, включая управление человеческой эволюцией. Идеи *вриля как средства тайного могущества* особый отклик получили в Германии, где, по слухам, даже был создано одноименное тайное общество, занимавшееся исследованиями в области магической энергетики и контактов с внеземными цивилизациями. Более того, по утверждениям французских журналистов Луи Повеля и Жака Бержье, авторов бестселлера «Утро магов» (1960), именно германское общество «*Vril*» стояло за всей оккультной политикой Третьего рейха, о которой рассказывается в этой книге. Однако, наличие такого общества документально не подтверждается, так что эта «ложка» вполне может быть – и, скорее всего, является – очередным литературным проектом в жанре «черной романтики». Только не немецкой, а французской.

«Волшебная жидкость» как источник сверхъестественной энергии – образ в мировой культурной традиции не новый. Достаточно вспомнить ведическую амриту, алхимические тинктуры, сказки о живой и мертвой воде... Индусы полагают, что знание о высших мирах древним риши дала священная Сомы или ее субституты – как растения, содержащие «высшие формы водорода»²²⁹.

Очищайся, о сома, опьяняющий,
Самый сладкий для Индры.

Ригведа. IX.67. К Соме

²²⁹ **Высшие формы водорода** (H12 и H6) – термин Г. И. Гурджиева применительно к алхимической трансмутации человека. Энергия тонких эмоциональных и интеллектуальных впечатлений.

Вместе с тем, природа знания связана у них, как и у западных герметиков, с энергией, в чем-то аналогичной пране. При том что прана – это, в терминологии индуизма, не только «энергия», но и сам Брахман как источник всякого энергетизма (аналог Святого Духа). Вспомним, что в исихазме процесс теозиса (обожения) тоже имеет энергийную (греч. *energeia*) природу. Совмещенные прана и джняна дают фигуру ваджры (молнии) как символ мистической интуиции, пронизывающей все космические планы и состояния.

В известном смысле, такой «сомой» может быть медицинский эфир, под воздействием которого субъект способен обрести тайные космические знания и особые возможности гипно-магического воздействия на окружающую среду и не только. Но все это работает лишь под парами пятого элемента. Как только они иссякают – иссякает интуиция альтернативного мировидения, и субъект возвращается в состояние обычного смертного. Но память о пережитом, хотя бы частичная, сохраняется. Теперь человек точно знает, что другой мир возможен.

«Чистый эфир — это, конечно, не пятновыводитель. Последний включает сразу же: наполняя мозг ядовитыми парами, которые материализуют в фантастическом гротеске свернутые в подсознании иконки психокодировок. Медицинский эфир, напротив, настолько тонок, что им очень трудно насытить мыслеформу до уровня кислотного свечения. Леннон явился мне полупрозрачный:

— Ну, что, Петр, выпьешь за мое здоровье?

Его лицо астрально лучилось характерной улыбкой. Самое смешное состояло в том, что я в тот период практически отказался от алкоголя и ничего спиртного из принципа не пил (даже отказывался от коньяка в компании Степановских нимфеток). Леннон как бы уловил мое колебание и, не дожидаясь ответа (да ведь он ответ знал так и так — телепатически), язвительно бросил:

— Ты что, Петр, святым стал, совсем не пьешь? А знаешь, почему святые не пьют?

И, выдержав паузу, сам же ответил:

— Да потому что они насквозь проспиртованы!

И он разразился своим специфическим хохотом. А потом провалился в какой-то спиралеобразный коридор, откуда еще в течении нескольких секунд, затухающим эхом, доносились отдаляющиеся отголоски этого космического в своей концепции стеба. И тут моему внутреннему зору открылась такая картина:

Наша планета находится, словно экран, на пути потока мощного космического излучения — Святого Духа. Этот поток проходит и сквозь человеческие тела как особую сенсительную биомассу. Если внутренние каналы тела открыты — оно спонтанно насыщается этим небесным духом, поглощая его, вместе с воздухом, через нос, а если закрыты — то тогда тело должно получить ту же дозу спиритуальной радиации, но уже не через ноздри, а пищевод (эзотерический змеевик) — когда спиритус становится спиртом. Получается, чем

больше человек пьет — тем больше у него предрасположенность к спиритуальной жизни, в пределе — святости. Так вот она, тайна Святой Руси?»²³⁰

xxx

На встрече нашего Общества присутствовало полтора десятка человек, в основном из стран Северной Европы: скальды, гностики, суфии, маги и язычники. Многие из них, как мне показалось, сильно истосковались по контакту с живой мистерией, заизолировались в книжных дискурсах без выхода на действительную тайну человека... Дают ли этот выход викка, асатру и другие субституты европейского язычества? Или же нужно двигаться в направлении гностических штудий и практик, восходящих к эллинистической магии неоплатоников?

Гностицизм – пожалуй, главная тема *западного традиционализма* как культурного явления. Западная концепция «знания» обретает в гностическом дискурсе параметры восточной «джняны»²³¹, трансцендентальный Парабрахман индусов оборачивается Неведомым Богом эллинов. Между тем, эллинистическая наследственность прослеживается не только у мистиков Запада (вплоть до каббалистов, суфиев и масонов), но и далеко на Востоке – в манихействе, несторианстве, исмаилизме и даже буддизме ваджраяны.

*Эллинистический буддизм*²³² – один из примеров индоевропейского культурного синкретизма, переросшего, после продвижения буддизма на Северо-Восток континента, в общевразийский. Эстетика искусства Греко-Бактрийского царства и Кушанской империи (III в. до н.э. – IV в. н.э.) удивительным образом синтезирует греко-римскую пластику с индо-иранскими мотивами и наоборот.

Иранский маздаизм, родственный индийскому ведизму, изначально являлся, подобно последнему, религией дхармического типа, однако уже при Заратустре он начал мутировать – видимо, в силу усиления монархической централизации – в сторону институционализированного монотеизма. Впоследствии, как считается, иранский монотеизм повлиял на

²³⁰ Из книги автора «Неизвестный Союз. Гл. 13. Московский зикр. Тайна Святой Руси.

²³¹ **Джняна**, гьяна (ведийское произношение) – «знание». Общий индоевропейский корень jn (jnana) - zn (знание) - kn (knowledge)

²³² **Греко-буддизм** — вид культурно-религиозного синкретизма, смешение греческой культуры с религией буддизма. Греко-буддизм существовал и развивался с IV века до н. э. по V век н. э. в регионе, включающем современные Афганистан, Пакистан и северо-западную часть Индии (штат Джамму и Кашмир). Начиная с Александра Македонского, в регионе появилось сильное греческое влияние, которое закрепилось с образованием Греко-бактрийского и Индо-греческого царств. Расцвет и активное распространение греко-буддизма приходится на времена Кушанской империи. Греко-буддизм заметно влиял на развитие буддистского искусства, а частично и на само развитие буддистской мысли, особенно Махаяны.

складывание раннего иудейского монотеизма, идеологически оформившегося во времена Вавилонского пленения. Назовем его условно монотеизмом Ездры²³³.

Но уже за семь веков до этого события монотеистический культ Атона (Ра-Гора) был внедрен в другой стране ранней административно-хозяйственной централизации – Египте, фараоном Эхнатом²³⁴. Соответственно, есть мнение, что ветхозаветный монотеизм имеет более ранние, египетские корни. Тогда это будет как бы монотеизм Моисея. «Как бы», поскольку открытым остается вопрос о характере монотеизма самого Авраама (Атон-Адонай).

Восходит ли авраамический монотеизм, как это сообщается в Пятикнижии, персонально к Аврааму, или же тут речь идет о некоей примордиальной традиции, инициатическим источником которой выступал Мелхиседек, которому Авраам принес десятину? Апостол Павел утверждает каноническую легальность Христа по чину именно Мелхиседека²³⁵ (главы народов), а не Авраама (главы народа).

«Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, — во-первых, по знаменованию [имени] царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда». (Евр. 7. 1-3)

Разница между монотеистической и дхармической религиозностью выражается, прежде всего, в теологической дистанции между *божественным* и *человеческим*. В первом случае бытие Творца максимально удалено от бытия человека: субъектность Творца находится за пределами созданного Им мира, за краем Света, за порогом физической реальности и космологической сингулярности как таковой. Во втором случае субъектность Творца ощущается как истинная субъектность самого человека. При том, что здесь каждая личность божественна по-своему, а не все – одинаково, «однобожественно». Это нельзя назвать «политеизмом», поскольку политеизм предполагает наличие в одном мире многих богов. Мы же говорим, в данном случае, о наличии множества миров с отдельными богами, совершенно друг от друга не зависимыми.

²³³ **Э́дра** (ивр. עֲזָרָה, Эзра; греч. Ἐσδράς; лат. Esdras — около VI века до н. э., в исламе известен под именем Узайр) — иудейский первосвященник, возвратившийся после вавилонского плена, воссоздавший еврейскую государственность на основе закона Торы.

²³⁴ **Аменхотép IV** (позднее **Эхнатón**) — фараон Древнего Египта (1375—1336 г. до н. э.), правивший приблизительно в 1353 (или 1351) — 1336 (1334) годах до н. э., из XVIII династии, выдающийся политик, знаменитый религиозный реформатор.

²³⁵ **Мелхиседéк** (ивр. מֶלְכִּי־צֶדֶק Малкицédэк; царь справедливости — от малки — «мой царь», цедек — «справедливость»), в Библии — царь Салимский, священник Всевышнего.

Для дхармиста внешний космос есть пространство реализации глобальной Дхармы как «объективной истины» – т. е. истины *вайшванары*, бодрствования как состояния культурной/культуровой адекватности, саморегулируемой *социальной сознательности*, с опорой на сапиентную *эстетику речи*. Персонализированные боги во внешнем мире – лишь ритуально призываемые имена, объекты речи в звательном падеже. При этом ритуал, как наследие социально-солидаризирующей практики архаичного человека, позволяет потомству сохранять историческое единство вида с точки зрения основ второсигнального программирования поведенческих мотиваций.

Ритуал, как разновидность ролевой игры на определенном этапе сапиентизации гомо сапиенса, представляет собой канонизированную (авторизованную) совокупность символических жестов, моделирующих магическим образом (в духе НЛП каменного века) обстоятельства определяющей *субъекта ритуала* действительности. Не стоит недооценивать подчиненность мотиваций современной личности архаичным магическим установкам далеких парачеловеческих предков. Например, до сих пор жестко действуют архаичные запреты на кровосмешение (экзогамия), на нарушение клятвы как единства слова и дела (честь) и т. д.

Иногда поражает ритуалистический буквализм недоразвитых старателей, присущий ранним стадиям культурного антропогенеза, но следует понять, что именно культовый ригоризм, как форма принудительной социализации (эквивалентной в тех условиях сапиентизации), позволил кроманьонцам выжить в условиях жесткой экзистенциальной конкуренции за место под древним Солнцем планеты с неандертальцами, денисовцами и, возможно, другими популяциями ранних сапиенсов.

Насильственная сапиентизация, как принуждение к пониманию (а стало быть – к исполнению команды) – один из драматических этапов в истории развития человека как вида. Символически это событие можно соотнести с историей о шестом аварате Вишну, Парашураме (Рама с топором), установившего на Земле основы дхармического порядка: власть брахманов (интеллектуалов) над кшатриями (силовиками). Метафизика брахманизма утверждает, что бог каждого брахмана, Парабрахман, существует внутри брахмана, как наиболее сакральная сущность его самого, согласно махавакье: *ayamatma brahma*, «каждый атман – Брахман».

Каждый брахман должен ощущать себя как реальный богоносец, носитель света Парабрахмана – как мистического источника будущего Брахмана, которому предначертано родиться из пупка атмана после оставления последним физического тела. Именно божественность внутреннего, «потенциального» Парабрахмана (*Parabrahman potentielle*) позволяет

сторонникам пурва-мимансы говорить об отсутствии каких-либо божественных сущностей в материальном пространстве, объективном космосе, физической реальности.

Внешняя вселенная представляет собой объективно прописанную закономерность-шифрограмму, символическую Книгу космического закона, судьбы, рока. Мир как текст – очень древняя магическая аллегория, связанная с развитием не только культуры (появление письменности), но и самой человеческой речи как второй сигнальной системы, лежащей в основе феноменологии образного мышления и разумного самосознания как такового. Отсюда – другая, близкая по смыслу аллегория: мир как речь, мир как Слово.

Обожествление речи – основа мощной магической практики, позволяющей «искусственными» второсигнальными раздражениями (смыслами) воздействовать на мотивационные механизмы индивида, менять поведение последнего в заданную сторону. В дхармической традиции примером такого космического текста являются Небесные Веды, предписывающие Дхарму всему сущему. Впоследствии, в процессе развития мира, Небесные Веды раскрываются божествам и великим риши (махариши) – первым культурным героям и учителям человечества, обучивших простых смертных ремеслам и ритуалам. Ритуал моделирует внешний мир в аспекте его дхармического единства и являет собой пример магического подхода к социальной педагогике.

Космические, общественные и личные параметры существования древнего человека были еще мало диверсифицированы, так же как и познавательные состояния бодрствования, сна и глубокого сна. Способность видеть сны развилась у человека эволюционно достаточно поздно, в результате складывания членораздельной речи (революция позднего палеолита²³⁶). Сновидные образы обусловлены второсигнальными ассоциациями как символическими рядами, содержащими в себе «обратную сторону речи», некое псевдо-рациональное послание, которое потенциально может содержать (а может и не содержать) некую интуитивную интенцию трансцендентального порядка.

Здесь и в других местах я использую термин «трансцендентальный» как запредельный противоречию «имманентного-трансцентентного» (внутреннего-внешнего). С точки зрения субъективной имманентности бодрствования и трансцендентности сновидений, трансцентентальным будет состояние глубокого сна. Но именно *такого* глубокого сна,

²³⁶ **Революция позднего палеолита** – около 50 000 лет назад древняя каменная индустрия изменилась. Вместо одной-двух археологических культур, сходных на всех континентах, появилось множество разнообразных культур и артефактов. Сначала в Африке, а затем и в других регионах кроме каменных появились изделия из кости и рога, а также значительно увеличилось количество произведений древнего искусства.

субстанция которого очищена от «сновидений», коагулированных в отдельном состоянии (свапна, тайджаса).

Животные, при всех к ним симпатиях, снов, в человеческом смысле, не видят, их сновидная сущность никак не выделена из видовой субстанции глубокого сна. Выделение же этой сущности в оперативном опыте человека трансформирует характер сапиентного глубокого сна, меняя его с трансцентентного (в связке со сновидениями) на трансцентентальный (без кармической нагрузки сновидений).

Следующий сдвиг по фазе произошел у человека в эпоху неолитической революции, в связи с появлением календаря, работа с которым требовала уже не просто образного, но космического (мега-пространственного) мышления. Постигание космоса через отслеживание закономерностей небесной механики (движение планет и созвездий) вывело человека на совершенно новый эволюционный этап, теперь его ум стал способен вместить в себя все бытие целиком, но не имманентным, а трансцендентальным образом, на уровне *субстанции свидетеля* глубокого сна (психе, душа).

Полному переживанию космического пространства должно соответствовать переживание полноты времен (если следовать представлениям о четырехмерном пространственно-временном континууме). То есть речь идет о мистическом переживании глобального бытия во всей его совокупности, как *unio mystica*, *kaivalya*, *hen to pan...* *Una que es omnia, omnia unum esse et unum omnia...*

Идея о такой *вечной сопокупности момента* выражена в древней мифологеме о Хранимой скрижали²³⁷ как первоисточнике всех священных писаний (основа интегральной традиции) и одновременно своеобразной «хронике акаши» (теософский термин) как эфирном отпечатке всех прошлых, настоящих и будущих событий. При этом считается, что Аллах в состоянии менять на Скрижали не только события будущего, но и прошлого. Человек – раб Аллаха. Индивидуальная магия, подаваемая мутакаллимами²³⁸ как зловерное колдовство вопреки божественному предопределению, шариатом запрещена под страхом смерти.

²³⁷ **Хранимая скрижаль** (араб. *المدفوظ الالوح* — аль-лаух аль-махфуз) — согласно Корану, это первоисточник всех священных писаний, на котором записаны все прошлые и будущие события. Хранимая скрижаль олицетворяет Божественное знание и неразрывно связано с Божественным предопределением. Помимо Хранимой Скрижали существуют также Скрижали более низкого уровня, в которых отражены события в незаконченной и обусловленной форме.

²³⁸ **Мутакаллимы** (араб. *متكلمون*) — приверженцы мусульманского схоластического богословия — калама. Различают два основных направления: ашариты (последователей богослова аль-Ашари) и мутазилиты.

Однако, в отдельных форматах эллинистического ислама, таких как шиизм и исмаилизм, Хранимая скрижаль отождествляется с Мировой душой, божественной Премудростью, близкой по смыслу дхармической *праджне* (*объективное всезнание* в рамках учения Упанишад о трансцендентальной тождественности атмана-Брахмана). При том что такая Anima Mundi, или «звездный свет», и есть, по Блаватской, тот самый, загадочный вриль – как «воды Птаха» или субстанция божественного всемогущества...

В паранояльной²³⁹ оптике дхармизма Бог-Творец обретает характер надмирного гностического Архонта, подобного ведическому Брахме-Праджапати, при том что Высшая Дхарма остается сущностно непознаваемой даже для него. И только сверхъестественный Творец самого Брахмы, Махавишну, представленный в бадринатхском храме в виде мурти медитирующего Бадривишала, достигает наивысшего махасамадхи, аналогичного в своей «врилевой» мультимагичности энергетике Санатана Дхармы.

Я рассказал о Бадринатхе как одном из форпостов индусского традиционализма, существующего здесь не только в формате рафинированной ритуальности, но и практического измерения аскетической практики махатм-отшельников или, как я их называю, «пещерных людей». Мы повторили попытку установления телепатического контакта с полем гималайских анахоретов, отслужили мини-пуджу перед мурти Вишну-Бадринараяна: Om Namō Bhagavate Vasudevaya!

Я давно заметил, что символические действия могут существенно способствовать осуществлению ваших инициатив. При этом существует два основных способа воздействия на потусторонние силы: через заклинания и славословия. В заклинаниях формулируются конкретные задачи, которые должны быть выполнены высшими сущностями. Славословия же просто восхваляют эти сущности, не обременяя их обетами. Заклинательная магия построена на позитивном внушении, побуждении к действию. Мистерия же восхваления основывается на максимальной идеализации, «усыплении разума».

В древнейших ритуалах хвалебные и заклинательные мантры перемежаются. Как правило, сначала осуществляется призывание имени какого-либо духа или божества (высокой сущности), а затем следует попытка загрузить ее определенной задачей, программой: принести благо, вызвать дождь, покарать врага и т.д. Но существуют ритуалы чистого восхваления, без всяких треб. В таких случаях считается, что само присутствие вызываемого духа или божества будет способствовать глубинных, наиболее искренних намерений человека, о которых он сам,

²³⁹ **Паранояльный** (греч. παρά, para – «вне», «за пределами» + греч. νόος, nous – «разум») – сверхразумный, трансцендентный

возможно, еще и не подозревает, но которые видит Бог и которые, поэтому, являются «истинной судьбой» человека, его путем и дхармой. Вот именно этим тенденциям и дают ход хвалебные ритуалы. Ведь главное – вызвать доктора, а тот уже сам все продиагностирует и залечит.

Здесь я бы снова обратился к философии мимансы, постулирующей самодостаточность ритуала (как источника сверхъестественной «апурвы» – силы осуществления благой дхармы) и второстепенность «размышления по поводу». Иными словами, участие в ритуале во славу высших сил привлекает эти самые силы на сторону пуджари в качестве его высших покровителей, знающих, где и когда надо подставить плечо или вовремя одернуть, что человеку в действительности нужно и что – не нужно ни при каких обстоятельствах. Чистое славословие – чистая совесть. Все по воле Неба.

III. 3. Обратная связь

Самое интересное, что на следующий день после нашего собрания я получил в фейсбуке сообщение от Юлии, только что вернувшейся в Берлин из Бадринатха. Она писала, что поехала туда по инициативе ее супруга, Владимира Нанди, прочитавшего незадолго до этого мои индийские записки. Юле все дико понравилось. Более того, она познакомилась там с местным отшельником, с которым ей удалось установить доверительные отношения. Этот баба' проводил летние сезоны в Бадринатхе уже пятнадцать лет подряд. Здесь у него была небольшая пещера над городом, по соседству с ретритами других садху. На зиму он спускался вниз, в долину, бродя по друзьям, ученикам и всевозможным ашрамам, а с весны до осени вновь возвращался в Бадринатх.

Юлия, будучи в курсе наших с Владимиром планов воздвигнуть в Гималаях небольшой Рама-мандир, решила поинтересоваться у пещерника, нельзя ли это будет сделать на его территории? На что получила крайне позитивный отклик. Более того, садху предложил совместно купить отдельный участок земли и выстроить там целый ашрам. Но это – большой план и требует детального согласования. Еще Юлия сообщила, что в Бадринатхе идет строительство нового здания по соседству с Красным ашрамом Муни-бабы. Она нашла сайт проекта, и там обнаружила, что делом заправляет какая-то международная команда с представительствами в Индии, Германии и Канаде. Я сразу подумал, что да, это, вероятно, люди Муни-бабы инициативу проявляют. Интересно, как быстро он нужные средства поднял! Я решил лично ознакомиться с сутью вопроса и попросил Юлю дать ссылку на сайт.

Действительно, судя по полученной информации, комплекс строился рядом к Красным ашрамом. Вот и картинка. Но почему-то о самом Муни-бабе в

источнике нет ни слова. Внимательно вчитываясь, я понял, что это вообще совершенно другая тусовка, никак не связанная с Дхармараджем. Новый ашрам собиралась построить канадская ассоциация крия-йоги, возглавляемая Маршаллом Говинданом. Он же – Сатчитананда²⁴⁰. Тут я вспомнил, что уже видел стройку этого объекта во время своего предыдущего посещения Бадринатха. Он стоит в сотне метрах за домом Дхармараджа, ближе ко входу в долину. Что это? Конкурирующая фирма? Да, скорее всего, именно так. Вот, стало быть, и пришел обратный импульс от астрального Бабаджи...

Ситуация вокруг этого проекта, как мне удалось выяснить, была следующая. Сам Маршалл – канадский тусовщик, который еще в битловскую эпоху заинтересовался йогой и восточным мистицизмом. В семидесятые годы был инициирован индийским йогой С. А. А. Рамайей (1923-2006) в традицию крия-йоги, у основ которой стоит легендарный бессмертный риши Махаватар Бабаджи. Йог Рамаия утверждал, что в 1952 году некий садху по имени Муна Свами показал ему образ Бабаджи, а чуть позже пришло осознание посвященной высшему учителю мантры: сначала «Ом Бабаджи», потом «Ом Крия Бабаджи», и наконец «Ом Крия Бабаджи Нама Аум».

В 1952 году Рамаия и его друг, журналист В. Е. Нилакантан, основали Бабаджи-сангам (общину). В 1955 году Рамаия якобы встретил Бабаджи в физическом теле, в горах под Бадринатхом. Здесь, на берегу высокогорного озера Сатопантх, Махаватар преподавал Рамаие полный курс крия-йоги из 144 элементов. А в 1999 году Маршалл Говиндан уже сам повстречал Бабаджи в пещере Вьясы, и уже лично получил учение крия-йоги из первых рук. С 2008 года начинает развиваться проект по постройке ашрама в рамках возглавляемого Маршаллом-Сатчитанандой Ордена Ачарьев крия-йоги Бабаджи.

Удивительно, что про озеро Сатопантх мне уже рассказывал Муни-баба, тоже, по его словам, получивший на берегах этого высокогорного водоема полный цикл учения крия-йоги лично от маха-мастера Бабаджи. Но если Дхармарадж пытался организовать сбор средств на постройку ашрама кустарными средствами – типа просто посылать ему деньги на счет, а дальше дхарма покажет, – то Сатчитананда все сменил на профессиональную западную бизнес-схему: зарегистрировал филиалы организации в Канаде, Германии и Индии, инициировал крауд-фандинг, разместил в сети подробное описание проекта с соответствующими рисунками. Вот так помотришь – и сразу хочется принять участие. Теперь получается, что у

²⁴⁰ **Маршалл Говиндан** (Marchall Govindan) или Йогачарья М. Говиндан Сатчитананда – исследователь и гуру крия-йоги, автор многочисленных публикаций на этот предмет. Президент Ордена Ачарьев крия-йоги Бабаджи, оперирующего в двух десятках стран, имеющего ашрамы в Канаде, Индии и Шри-Ланке.

входа в долину Риши Ганги будет стоять сразу два Бабаджи-ашрама: Муни-бабы и Сатчитананды.

Благодаря Юлии, мы списались с Шив Нараяном – так звали бадринатхского садху – через фейсбук и договорились встретиться в Ришикеше. А за пару дней до вылета мне в фейсбук «постучалась» Таня, знакомая Вики – моей старой приятельницы, около 20 лет прожившей в Индии. От нее Таня случайно узнала, что я собираюсь в Бадринатх, и теперь просила содействия: они с мамой и еще двумя знакомыми собирались в те же места, но никто из них там раньше не бывал, дороги не знают. Мы договорились встретиться в тот же день и в той же гостинице, где я должен был увидеться с гималайским садху.

xxx

Часть IV. Путешествие в Кедарнатх

IV. 1. Ришикеш

В Индию мы вылетели в день осеннего равноденствия. С середины сентября до конца октября в Гималаях устанавливается относительно солнечная и теплая погода, и лишь по ночам термометр может падать на высокогорьях до пяти-десяти градусов тепла. Слетать к святым местам, очистить там в высокогорном воздухе ментальные каналы, продышаться и отрезонировать в вечной Дхармой ведических риши, обитающих, согласно местным легендам, в прилегающих к заснеженному пику Нилкантха пещерах, в тонких телах сукшма-шариры – что может быть лучше?

Наш трип пролегает через Абу-Даби. Подлетаем к этому пункту глубокой ночью, в иллюминаторе высвечивается гигантское поселение четко-геометрических форм, словно некие знаки землян пришельцам из космоса. Так, видимо, и будут выглядеть станции на Луне или Марсе: голый песок и закрытые боксы. В транзитном зале полно народу. В основном индийцы и китайцы. Арабские полицейские не церемонятся. Они жетко наезжают на мешкающих китайцев. Индийцы, видимо, уже обучены корректности.

На самом деле тут проблема, по слова Анастасии, в некомпетентности архитектурной планировки аэропорта, в результате которой два противоположных потока пассажиров сводятся тупо в лоб в одной точке. И получается нормальная восточная толпа... У нас на борту 95% пассажиров – молодые индийцы. Вероятно, сменные рабочие с местных строек летят домой. Дубай, Кувейт, Доху, Абу-Даби – все эти города строят рабочие из Индии, Пакистана и Бангладеш. Народ, надо сказать, вежливый, веселый. Никакого свинства по пути не учиняли, никто не набухался, не оскандалился...

В Дели нас встретил таксист от Раджа, часов за шесть мы доехали до Божьих Врат, Харидвара, и оттуда еще за час – до Ришикеша.

Повеселило, как по пути остановились у общественного туалета, где на стене, прямо в камне, было выбито: «Пожалуйста, не давайте чаевых сотрудникам учреждения! Они получают зарплату». В самом туалете, действительно, оказался человек, который услужливо подносит вам бумагу, полотенце, мыло... Причем, никаких намеков на бакшиш! Потом водитель такси рассказал, что в Индии действует специальная программа по искоренению коррупции. Если человек возьмет бакшиш – его уволят с работы, возьмут на его место другого. Так что, в условиях Индии, лучше скромная, но постоянная работа, чем рискованные попытки сорвать мелочь, но проиграть в обозримой перспективе.

В Ришикеше заселились в ту самую гостиницу, в тот самый номер, где мы останавливались с Филиппом год назад. Отоспались, проверили интернет. Шив Нараян подтверждает, что будет в Ришикеше 26 сентября, вечером. В это же время тут должны появиться Таня с мамой и знакомыми. Мы с женой идем смотреть огни Лакшман-джулы...

xxx

На следующий день отоспались и поехали в центр – в Бхарат-мандир, на Тривени-гхат, а потом – побродить по торговым улочкам Маякунда (Старого города).

Бхарат-мандир, конечно, роскошное место! Полюс порядка в океане хаоса. Внутри святилища – тишина, покой, прохлада. Исключительная чистота. Главная святыня храма – образ Вишну из черного камня-шалиграма. В гарбхагрихе также присутствуют мурти Рамы, Ситы, Кришны, Радхи, а также Варахи – одного из аватар Вишну в виде гигантского вепря. На стенах мандира – изображения Ханумана, Гаруды, богов и святых старцев. При этом – абсолютное ощущение православной стилистики в формате народного творчества...

Жена, при входе и выходе из святилища, четко крестится. Я вспоминаю сцену из фильма «Его зовут Сухэ-Батор» (1942), где в эпизоде, когда «самодержец пустыни», черный барон Унгерн принимает буддийскую веру у статуи Майтреи, сибирские казаки коленопреклоненно кладут кресты.

Мы идем, сквозь узкие улочки, по вечеряющему Ришикешу в сторону Ганги, к Тривени-гхату. Пришли на набережную прямо к закату. Вдоль реки, у самой воды, стояло множество народа. Люди пускали по волнам быстро бегущих вод бессмертия цветочные корзиночки с огоньками – в знак поминания предков, на добрую дхарму... В какой-то момент все начали зажигать светильники. Началась церемония аарти – вечерняя пуджа во

IV. 2. Харидвар

Фото: Hi-hi (Я с агхори-садху)

Anastassia Wiedemann: Чьи это косточки, знаешь ли ты...?

Владимир Видеманн: ну так! это не шутки...

Anastassia Wiedemann: Ох, нет...

Владимир Видеманн: Ом Намах Шивайя!

Aliona Slastihina: Ох, Где Твоя Шивайя?)

сергей бугаев: у моего приятеля на пляже капо кабана кто то почку вырезал

Natalia Mali: благословил короче))) теперь жизнь наладиться. сергей, а почку то зачем?

сергей бугаев: в лондоне какому нить богатому англичанину продадут

Anastassia Wiedemann: Так то...а мне этот парень с костями улыбался так мило...если б я эти кости сразу разглядела, то убежала бы от страха, не стала б его фотографировать...

сергей бугаев: правильно////кости в основном женские

На следующий день, с утра, мы с Анастасией решили съездить в Харидвар, город легенду – пофотографировать фактуру. Нам советовали на поезде, для экзотики, но мы решили все же на такси. Так оно надежней. От Ришикеша до Харидвара ехать около часа, хотя это всего двадцать километров. Очень плотный траффик, в одном потоке – все транспортные средства: от огромных траков до груженных велосипедов.

Главный пафос Харидвара – в особом огражденном участке Ганга, оборудованном купальнями и гхатами, плотно обставленными мандирами и алтарями многочисленных божеств и святых гуру. Это – эпицентр кумбхамелы, индусского праздника, посвященного обретению нектара бессмертия, пролившегося на этом самом месте из небесного сосуда Гаруды. В Харидваре тепло и влажно круглый год. Круглый год сидит на гхатах вдоль реки заколдованная публика очень странного вида: аскеты, маги, инвалиды (включая ментальных), факиры, брахманы, шраманы, садху, санньясины...

Это зона очень густой народной мистики, без пуджи – не обойтись. Брамин почитал нам нужные мантры на санскрите, с поминанием имен предков, потом нас покропили водой из Ганги, дали прасад... Анастасия пустила по реке букетик со свечей... Тут же брамины бреют головы, какие-то тети в пестрых сари льют воду, в мутном потоке плывут ярко-оранжевые и нежно-розовые лепестки... Служители местных святилищ наперебой предлагают совершить пуджу, помянуть предков, прочесть мантру на преуспевание... Позвонить колокольчиком, поставить на лоб точку, плеснуть в ладошку святой воды причастия...

Перешли на другую сторону гхатов через мост, собираемся идти дальше, в сторону гигантской статуи Ганги-деви на крокодиле, в центре реки. И тут к нам подходят два хмыря и показывают какие-то левые корки: мы, мол, из местной администрации, хотим вас попросить сделать взнос в развитие нашего города.

– Извините, – говорю, – но я уже раздал всю наличность на пожертвования ашрамам. Тут же все подряд просят!

– Как раздали? А вы знаете, что без квитанции тут раздавать пожертвования запрещено? Вы нарушили индийский закон и должны будете за это ответить!

Вот прямо так? Ничего себе, администраторы! Я вспомнил историю про римское кафе рядом с Ватиканом, где официанты разводят наивных туристов на особый «папский налог». Разводят всех, кроме немцев. Потому что немцы сразу просят показать, где про этот налог написано. Так что не на того напали! И я их жестко выговорил:

– Я гражданин Германии, и если существует подозрение, что я нарушил индийское законодательство, то все переговоры с индийской стороной готов вести исключительно через своего адвоката и в присутствии германского консула.

Чиновники» примолкли.

– Но я до сих пор не нарушил никакого индийского закона, это очевидно! Где написано, что нельзя давать пожертвования без квитанции?

Жулики окончательно сломались.

– Конечно, нет! Вы ничего не нарушали...

И они ступали, окончательно, в яркой толпе харидварского паноптикума...

Чуть дальше нас встречают садху-агхори, в ожерельях из человеческих костей. Ом намах Шивай! Агхори отвечают взаимностью. Шива – их бог. Они – его радикальные последователи. В еще большей степени агхори-садху являются последователями богини Кали-Ма, матери Кали, которую они почитают как шактическую манифестацию Господа Шивы. Культ Кали уходит в глубь веков, к эпохе раннего матриархата, практиковавшего, как думается, жертвоприношения мужчин (или мужского начала в каком-либо образе). Шактическая сампрадая представлена в индуизме самостоятельным течением, вместе с тем агхори относятся к шайвической сампрадае. Это тоже возможно. Богословские нюансы вторичны. Главное – магическая практика.

Важный атрибут агхорийского мастера – череп-капала, желательно брахманский... Этот культ черепа (тем более – брахманского) связывает агхори с традициями шраманов – духовных экстремистов, готовых ради «просветления» (или что они под этим понимают) на любые крайности. И прежде всего – на нарушения священных табу традиционных авторитетов. К традициям шраманизма относятся джайнизм и буддизм:

Убив мать и отца и двух царей из касты брахманов, убив пятым человека-тигра, брахман идет невозмутимо.

Дхаммапада

Однако, эпизоды шраманизма можно обнаружить и в самом индуизме, являющимся главным объектом нападок шраманских правдоискателей. Одним из таких эпизодов выступает парампара агхори, легализующая некрофилию, некрофагию и ряд других радикальных нарушений ритуальной чистоты в соответствии с ведическим пониманием последней. Мастера агхори живут на кладбищах, питаются неизвестно чем, могут бухнуть серьезно, пыхают чарс как паровозы...

Парабрахман всегда с вами, вам не надо сильно париться. Просто осознайте это как спасительную истину! И тогда все барьеры рухнут, у вас произойдет полное погружение в бесконечную просветленность Парабрахмана...

С таким народным философом, обвешанным человеческими костями, у меня произошел спонтанный диалог. Агхори пытался аскасть²⁴¹, как это у них принято. Я же стремился ему объяснить, что на этой территории несанкционированные пожертвования запрещены, как это мне сказали представители местной администрации. Он сначала не понял, тогда я попросил окружающих перевести мою фразу с английского на хинди. Благо, нашелся человек. Агхори очень удивился, услышав явную лажу. Ничего, пусть обратит свой гнев на нерадивых чиновников, ставящих палки в колеса местному бизнесу!

Агхори в народе почитаются сильными колдунами, общающимися с потусторонними силами. Полагают, что они продолжают традиции шиваитской тантрической секты капалика («носители черепов»), восходящие, в свою очередь к древнему пашупати-шиваизму (как называют собирательным образом доарийскую религию Хараппской цивилизации).

xxx

Пашупати – ведическое божество как *Владыка скота* (шаманский *Хозяин*), позже переосмысленный в качестве аналога «владыки душ». При этом именем Пашупати в западной науке стали называть хараппское изображение сидящего в йогической позе существа с рогатой головой, как якобы прото-Шиву – Хозяина животного мира.

Пашупати-шиваизм считается основанием позднейшего индусского шиваизма как уже канонической, оформленной и стратифицированной сампрадаи. Фактическим основателем этого направления является брамин

²⁴¹ **Аскасть** (от англ. to ask, спрашивать) – просить денег (хипповый сленг)

Лакулиша²⁴² из Гуджарата (II в.), почитаемый как двадцать восьмая аватара Шивы, согласно Линга-пуране²⁴³. Как утверждает легенда, Лакулиша умер в возрасте семи месяцев, а потом был воскрешен вошедшим в его тело духом Шивы – для проповеди йоги освобождения. Лакулиша пытался примирить автохтонную религию условного Пашупати, происходящую из неолитического культа быка, с почитанием ведических божеств, выбрав образ Рудры в качестве центрального (но не единственного). Агни, Индра, Брахма и даже сам Вишну последовательно превращались в манифестации Махешвары – Вечного Шивы как подлинного Парабрахмана Упанишад.

Можно заметить, что шиваизм связан с шактизмом (и вообще с архаичными матриархальными культурами) сильнее, чем вишнуизм. Историки полагают, что доарийское общество Индской цивилизации, и культура Хараппы в частности, сохраняли существенные черты матриархального уклада, в том числе – мистико-религиозного. Как известно, в основе матриархальной религии лежит образ Великой Богини-матери – источника жизни. В современном индуизме сампрадая Великой Матери, Кали-Ма, сосуществует на равных с сампрадаями Шивы и Вишну. При этом в шиваизме фигура Кали часто рассматривается в качестве манифестации шакти (супруги) самого Шивы (божественная пара Шакти-Пашупатинатх).

Одной из составляющих ритуально-мистического комплекса пашупати-шиваизма была традиция адживики²⁴⁴ – крайнего мистического фатализма, выражавшегося в демонстративном пренебрежении всякими общественными нормами. При этом приветствовался жесткий аскетизм, аналогичный джайнскому и шраманическому. Адживики, джайны, шраманы («странники») и буддисты представляли собой религиозных скептиков, не желавших признавать исключительность ведических авторитетов (настика). Однако, часть адживиков интегрировалась в индуизм (астика), сформировав в составе последнего особые касты, культовая практика которых восходила,

²⁴² **Лакулиша** - (р. около 200 г. на территории современного индийского штата Гуджарат) - садгуру, а также реформатор древнейшей шиваитской линии пашупатов. По происхождению Лакулиша был брахманом. По одной из версий (Alain Danielou) принято считать, что Лакулиша объединил до этого многочисленные разрозненные шиваитские аскетические секты, пытаясь интегрировать их в брахманическую традицию. Тем самым он пытался согласовать и примирить крайний аскетизм пашупата-шиваизма с варновой системой брахманизма. Изначальную дуалистичность пашупаты Лакулиша заменил на философию двайта-адвайты. Учение пашупаты ставило своей целью слияние с божественной энергией Шивы.

²⁴³ **«Линга-пурана»** — священный текст индуизма на санскрите, одна из восемнадцати основных Пуран (называемых «махапуранами»). В «Линга-пуране» описывается индуистская космология (в частности сотворение Вселенной), происхождение лингама и появление из него Брахмы, Вишну и всех Вед. В этой Пуране, Шива говорит о важности поклонения лингаму и объясняет правила проведения ритуалов линга-пуджи.

²⁴⁴ **Адживика** — философско-аскетическое движение в Древней Индии, предшествовавшее скорее всего буддизму и джайнизму. Адживики представляли собой организацию блуждающих странников (паривраджак — «бродяга» или шраманы «скиталец»), верящих в то, что человеческая судьба не зависит от действий человека, а определена строгим внеличным космическим законом — нияти (ограничение).

судя по всему, к хараппскому субстрату. Одной из таких каст стали капалики, почин которых уже в XIV веке подхватили агхори.

Распространено мнение, что первое серьезное сопротивление набирающим силу антибрахманистским тенденциям настижки оказал в восьмом веке Шаркарачарья, заложивший начала адвайта-веданты как первой философии индуизма. Но некоторые исследователи связывают начало идейного наступления астиком с Лакулишей, утвердившего культ Пашупати как основу позднейшего индуистского шиваизма. По некоторым сведениям, сам Лакулиша был близок адживикам. Видимо, от последних в шиваизм перешли методы суровой аскезы и самоистязания, радикализированные впоследствии капаликами как особым течением в рамках шайва-сампрадаи.

xxx

В Харидваре, вдоль Ганги, сидят аскеты самых разных орденов: в огромных ярких тюрбанах, голые и посыпанные пеплом, завернутые в тоги и балахоны, с волосами до земли и бородами по колено... Очень много женщин, инвалидов, просто съехавших людей. Но все это гармонично укладывается в глобальный пазл гаммы Парабрахмана. Ведь в Индии даже самые радикальные варианты человеческого экстрима воспринимаются как вполне легитимные образцы дхармического служения, чуть ли не образцом благочиния.

Вот сидит девочка с открытым ртом. Совершенно сонные, бессмысленные глаза. Челюсть слегка отвисла. Мммм... А вот у стены привалилась тетя в ярко-зеленом сари. Только с плеча, вместо руки, у нее идет нога, а там, внизу, где должна быть нога – рука. Как я ни старался – так и не понял: то ли дама так ловко завернулась, то ли у нее на самом деле руки-ноги перепутаны. Ведь в природе и не такое возможно! Вот спит дед в куче пепла у тлеющего костерка, под развесистой кроной старинного дерева, а напротив стоит раскрашенная статуя Субхаша Чандры Босса – индийского политика, выступившего во время Второй Мировой войны против Британии, на стороне стран Оси. Официально он погиб в авиакатастрофе, в самом конце войны. Но народ считает, что политик выжил, ушел в Гималаи и еще много лет вел жизнь благочестивого садху.

Вдоль берега, на каменных ступенях, сидят мраморные статуи богов и риши. Мимо них проплывают венки и плошки с огнями. Это все огни предков. Из прибрежных мандиров доносится звон колоколов, где-то брамин дует в раковину, вдали ухаает барабан, булькает мриданга... Женщины в разноцветных сари сидят группами, поют бхаджаны. Команда мужчин выносит из машины расписанные золотом и киноварью муляжи розовых свиней. Присмотревшись, однако, понял, что это огромные крысы. Крыса – вахана (ездовое животное) бога успеха Ганеши (сына Шивы и Парвати) и

считается символом предприимчивости и благоразумия. Все вокруг радуются. Хорошая религия индуизм – только позитивные эмоции!

xxx

Когда вернулись в гостиницу, на ресепшене нас ждал Шив Нараян. Внешностью он был похож на индийского Маркса: курчавая шевелюра до плеч, круглая борода, и даже черты лица чем-то близки. Разве что кожа посмуглее. Наш гость был одет в оранжевую униформу бродячих садху. Его глаза светились неземной радостью:

– Ом намах Шивай!

– Ом намах Шивай!

Мы обнялись.

Шив Нараян приехал в Ришикеш со встречи со своим братом – настоятелем индусского ашрама в Нью-Йорке. Теперь он полностью в моем распоряжении. Я предложил своему новому знакомому переночевать у нас в двухкомнатном номере, поскольку был осведомлен, что садху денег не имеют, живут подаянием, и платить за гостиницу – даже такую бюджетную, как у нас – никто из них не станет. Пока Шив Нараян раскладывал свои вещи, я заглянул в свою почту, проверил фейсбук и написал Тане, которая должна была прибыть с компанией в Ришикеш в этот же день, что я уже в гостинице. Минут через десять в дверь постучались. Я ее открываю – и вижу перед собой четырех дам в пестрых восточных одеждах. Обращаюсь к ним по-английски:

– Здравствуйте, леди! Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

И получаю ответ по-русски:

– Здравствуйте, Владимир! Мы только что получили ваше сообщение и сразу же решили зайти. Мы остановились тут совсем рядом, в соседней гостинице!

Ух ты, вот это номер! Прямо все сразу в сборе. Я знакоблю дам с Анастасией и Шив Нараяном:

– Это моя супруга, а это – наш местный друг, он едет с нами в Бадринатх. А как вы? Планы не поменялись? Мы хотим выехать завтра, прямо с утра.

Планы у дам не поменялись. Решили ехать вместе. Но в одну машину, да еще с вещами, всем не поместиться. Не беда, закажем еще одну! Идем в ресепшен. Сегодня там дежурит Санни, брат Раджа. Заказываем ему на завтра две машины. Прямо на семь утра. До Бадринатха отсюда километров триста, но – по непредсказуемой горной дороге. Так что возьмет

часов восемь, а с остановками – и все десять. Кроме того, после шести вечера темнеет, и по горной трассе ехать будет небезопасно...

IV. 3. 1. Пещера Васиштхи (Васиштха-гуфа)

С выездом немного задержались, но уже в половину девятого были на трассе. Ехали двумя машинами. В первой – я с Анастасией и Шив Нараяном, за нами – Таня, ее мама Елена, Танина подруга Света и Светина мама, Анна. Первым делом решили заехать в Васиштха-гуфу – знаменитую пещеру, где некогда медитировал легендарный риши Васиштха²⁴⁵, наставник самого Господа Рамы, седьмого аватары Вишну. От Ришикеша до пещеры Васиштхи около двадцати пяти километров. Трасса идет прямо вдоль Ганги.

С обочины нужно спуститься по каменной лестнице вниз, к самой реке. Тут расположен целый паломнический комплекс: сама пещера, мандир, хозяйственные постройки. Перед входом в пещеру построен большой навес. Над самым входом можно видеть три фотографии: Рамакришны Парамахамсы, Свами Вивекананды и еще одного йогина в оранжевой тоге. Это, как гласит размещенная рядом табличка, Свами Пурушоттаманандаджи, один из членов Ордена Рамакришны. После многих лет, проведенных в составе миссии Ордена в Керале, он прибыл в Ришикеш в 1928 году и поселился в пещере Васиштхи. После 33 лет тапасья, Свами Пурушоттама достиг махасамадхи в ночь Шиваратри 1961 года, в возрасте 82 лет.

Свод пещеры довольно низкий, а сама она – узкая и длинная, метров десять. Внутри – кромешная тьма, но через минуту, когда глаза привыкают, можно различить в глубине пространства некое слабое свечение. Это горит лампадка на алтаре перед мурти великого мастера древности. Пещера Васиштхи – традиционное место для медитаций. Вот и сейчас у самого входа мы заметили молча сидящую даму с закрытыми глазами, в позе лотоса. Видно, что какая-то западная туристка. Но бывают тут, безусловно, и местные. Мы проследовали мимо неподвижного тела вглубь пещеры и тоже решили присесть на полчаса, качнуть поле перед ответственной поездкой. Шив Нараян опытным движением руки поправил фитилек, совершил над алтарем некие ритуальные действия и присел на застеленный одеялами пол пещеры. Присели и мы.

Ом. Медитация в пещере – это особая тема. Пещера, толщиной своих стен, гасит, практически, все внешние шумы. Да и не только шумы, а, можно сказать, все внешние вибрации. Темно, глухо, абсолютная изоляция. В такой среде медитационное погружение идет максимально быстро и

²⁴⁵ **Васиштха** (санскр. वसिष्ठ, Vasiṣṭha: «самый богатый», «великолепнейший») — в ведийской и индуистской мифологии один из семи божественных мудрецов, риши, духовный сын Брахмы, один из прародителей земных существ, муж Арундхати.

эффективно. Можно только догадываться, как тут западал Свами Пурушоттама! А что уж говорить про Васиштху, во времена которого местность вокруг пещеры была совершенно дикой: ни дорог, ни домов... Да и самого Ришикеша тогда еще не существовало! Сейчас даже трудно себе представить, как можно было выжить в тех условиях...

Впрочем, Васиштха тут выживал не один, а со своей женой Арундхати, медитационная пещера которой расположена совсем рядом. Нужно лишь пройти сютню метров вдоль каменистого берега Ганги. Арундхати-гуфа, в отличие от Васиштха-гуфы, совсем не глубокая и, скорее, напоминает некое углубление в породе, типа арки, из-под которой открывается шикарный вид на величественный поток священной реки: глубокий и спокойный, подобный мистическому течению просветленного сознания самих древних риши.

Васиштха и Арундхати отождествляются в индуизме с двумя звездами Большой Медведицы – Мицар и Алькор. Мицар – вторая звезда в «ручке ковша» – связана с Васиштхой как одним из *саптариши* (семь риши, по числу семи звезд Большой Медведицы). Арундхати – это Алькор, представляющая собой восьмую, едва различимую (да и то, для хорошего зрения) звезду Ковша, находящуюся совсем рядом с Мицаром. Согласно древней легенде, некогда у каждого из саптариши была своя жена-звезда, но все они, за исключением Арундхати, оказались объектами сплетен о неверности и были изгнаны мужьями. Осталась одна лишь Арундхати. В процессе индусского обряда бракосочетания молодым специально показывают на небе пару Мицар-Алькор в напоминание о принципах супружеской верности.

Попив чаю, любезно предоставленного нам служителями Васиштха-гуфы, мы отправились дальше, в сторону Девапраяга.

IV. 3. 2. Девапраяг (Рагхунатх-мандир)

Фото: City of Devaprayag where Lord Rama made His great yajña

Валерий Инюшин Там есть храм, к котором проповедовал Шанкарачарья. Дивное место.

Владимир Видеманн Да, мы были там. Это Рагхунатх-мандир.

Himalaya Baba Satyam जय श्री राम ॐ राम तम

Nikol Libe Roha Володя! привет! Рада за тебя, что ты там в "нирване"...Просветился и просветился...)

Девапраяг означает на санскрите буквально «божественное жертвоприношение». В данном случае имеется в виду бог Вишну в облике Рамы, совершавшего здесь огненные жертвоприношения (яджни или ягьи) в знак покаяния после убийства демона Раваны. По другой версии название города связано с именем ведического мудреца Девашармы, совершавшего тут свою тапасью. В плане это место напоминает букву Y, где две верхние линии соответствуют рекам Бхагиратхи и Алакнанде, а нижняя – собственно

Ганге как продукту их слияния. Тут расположен целый религиозный комплекс, куда входит несколько храмов, гхаты и священные пещеры у самого берега – хорошее место сделать останову и совершить омовение в священных водах великой реки.

Мы перешли через висячий мост, перешагивая через лежащих прямо на нем коров, на ту сторону бурного потока. К центральному храму, Рагхунатх-мандиру, ведет древняя каменная лестница из 102 ступеней. Подниматься жарковато, но терпимо. Пройдя через красную арку с реющим над ней красно-бело-красным треугольным знаменем, оказываешься на храмовой территории. Обойдя мелкие святилища, подходим к главному мандиру с возвышающейся над ним серо-голубой шикхарой (вытянутым куполом гарбхагрихи). Подходим как раз вовремя, поскольку тут еще не завершилась дневная пуджа и можно причаститься святых даров.

Двухметрового идола Шри Рама из черного камня, с выразительными белками глаз, абсолютно напоминающими глаза Хришикеши Нараяны из Бхарат-мандира, я уже описывал в первой части книги. Это, действительно, как взгляд из космоса и даже – из-за его пределов. *Rama eva param tattvam, Rama eva param Brahman.* Рама – высшая сущность. Рама – высший Брахман как Парабрахман... На храмовой территории можно видеть каменный «трон» Рама (Рама-гадди) с двумя отпечатками его стоп – место, где аватар восседал во время медитаций.

Отсюда мы, с Анастасией и Шив Нараяном, спустились к гхатам и прошли сквозь каменную галерею к самому месту слияния Бхагиратхи и Алакнанды. Здесь устроена небольшая площадка и оборудовано место для ритуальных омовений, огороженное массивными цепями. Без них – снесет! Интересно, что цвет воды в обоих потоках – разный: в Бхагиратхи она темная, мутная, в Алакнанде – светлая, прозрачная. А сама Ганга дает некий третий цвет, словно сушумна после проникновения в нее потоков иды и пингалы²⁴⁶.

На площадке мы наткнулись на русскоговорящую компанию. Мужчины плескались в Ганге, женщины стояли у бордюра гхата. Да, не ожидал я встретить соотечественников в такой глуши! Интересно, что их занесло сюда? Туристы? Тут замечаю одного молодца, стоящего чуть в сторонке от группы, по пояс в воде и держащего в руках огромные четки. Молится. При этом торс его и руки густо покрыты татуировками. Простые смертные таких не носят. Видимо, человек, следуя примеру древнеиндийского героя, отмаливает в Ганге свои смертные грехи... Чуть позже выяснилось, что это группа кришнаитов, прибыла сюда из Харькова. Тогда все понятно. Харе Кришна, Харе Рама! Вода в реке холодная, но терпимая. При такой жаре –

²⁴⁶ Сушумна, ида, пингала – центральный, левый и правый каналы движения внутренней энергии человека, согласно представлениям индийской йоги.

самое оно! Я, следуя примеру Шив Нараяна, трижды окунулся с головой в поток бессмертия. Ух, хорошо!

Om Devi Sureshvari Bhagavati Gangge Tribhuvana-Taarinni Tarala-Tarangge
Shangkara-Mauli-Vihaarinni Vimale Mama Matir-Aastaam Tava Pada-Kamale!²⁴⁷

После купания один из местных садху пригласил нас к себе в пещеру, расположенную тут же, у гхата. Своды тут довольно низкие, но сидеть можно вполне. Мы с Анастасией и Шив Нараяном присели на расстеленные вдоль стены одеяла. Тут же зашло еще два садху, с интересом разглядывая нашу компанию. Видимо, друзья пригласившего. По-английски никто из них не говорил, но благодаря Шив Нараяну нам удалось немного пообщаться. Он рассказал, откуда и зачем мы приехали в Индию. Садху одобрительно кивали головами.

Внутри пещеры царила приятная прохлада. Идеальное место для медитаций. Более того, это была пещера, в которой, по всей видимости, совершал тапасью сам Рама. Да и не только он один, но и целая парампара йогинов, непрерывно обитавшая здесь с тех самых легендарных времен. Мы погрузились в атмосферу ведической мистики, и было такое ощущение, что тонкие вибрации предававшихся тут созерцанию мастеров до сих пор действуют, непостижимым умом образом освобождая последний от омраченности иллюзорной жизни во всех трех мирах существования...

IV. 3. 3. Джошиматх / Нарасимха-мандир

– Шив Нараян, говорят, что в районе Бадринатха до сих пор живут древние гуру, только в невидимой форме. Но иногда они являются людям в видимой форме. Риши Нарада, Нар-Нараян, Махаватар Бабаджи и другие тут как бы присутствуют...

– Да, здесь очень чувствуется присутствие великих риши и бессмертных садху. Я однажды видел во время медитации одного риши, который мне что-то говорил, но он был так высоко, что я ничего не мог слышать. Только запомнил, что голова у него была непропорционально большая, а лицо – нечеткое, как бы размыто...

Часам к шести вечера прибыли в Джошиматх. Остановились в гостинице у центрального базара. Поскольку уже стемнело, никуда выходить не стали. Я рассказал дамам о наших планах на завтра: сначала на пуджу в Нарасимха-мандир, потом – в шанкарачарьевский центр адвайты, Джьютирматх, и уже оттуда – дальше, в Бадринатх, до которого отсюда оставалось километров пятьдесят. Но – все время вверх, по серпантину, с перепадом высоты в полтора километра.

²⁴⁷ О, дэви Сурешвари Бхагавати Ганга, богиня дэвов, ты освобождаешь три мира милостью своих волн в жидкой форме! О, незапятнанная чистота, обитающая на макушке Шанкары, да утвердится моя преданность на твоих лотосовых ногах!

Елена, будучи в Индии впервые, решила немного меня расспросить про особенности местной культуры. Как-никак, интеллигентному человеку интересно, чем дышит среда, в которую он попал чуть ли не по мановению волшебной палочки. А говоря точнее – по желанию дочери, вот уже несколько лет как зависшей на индуизме и его производных: садху, храмах, святых местах и прочих особенностях «национальной охоты»²⁴⁸.

– Прямо не знаю, что с дочкой делать... Тридцать три года, не замужем, без детей... Вот сейчас заинтересовалась Индией. Хочу ее понять, поэтому и поехала вместе с ней. Вот вы, по всей видимости, неглупый, опытный человек. И друг ваш, сразу видно, непростой. Вот вы лично как Индию воспринимаете? Вас же тоже не просто так сюда привело? Хотела бы услышать от вас какое-то суждение, а то ведь у Тани свои представления обо всем. Даже не знаю, как на них реагировать...

– Вы знаете, Индия – большая страна. Тут много что есть интересного. Лично меня сюда привлекает местная культура. Я ведь и индийскую философию изучал, и йогу... Вот мой друг, Шив Нараян – местный садху, т. е. мастер духовных дисциплин. Видимо, эти дисциплины и привлекают Таню прежде всего?

– Ну, наверное. А в чем состоит индийская философия, что тут такого особенного? Ведь у Тани как-будто крышу снесло: она совершенно погрузилась в этот мир, ничего постороннего знать не хочет...

– Могу себе представить. Ведь индийская культура – это, в самом деле, очень древняя и рафинированная вещь. Тут, конечно, много мистики, непонятного для западного человека. Вот я вам приведу пример с индийской астрономией. Не астрологией, а именно астрономией – наукой о небесной механике. Помните, мы сегодня днем останавливались в Девапраяге, у Ганги?

– Конечно!

– Я почему про астрономию вспомнил? Потому что Девапраяг – один из древних центров этой науки. Вы знаете, наверное, древний образ плоской земли, лежащей на черепахе?

– Да, конечно знаю.

Пользуясь случаем, я прочитал Елене краткую лекцию:

– Современный человек считает, что плоская земля на черепахе – это продукт средневекового воображения людей, не имевших никакого представления о природе и структуре нашей вселенной. Ведь плоская земля не имеет ничего общего с действительной формой нашей планеты. Тем более – черепаха или, там, какие-нибудь слоны, стоящие на этой

²⁴⁸ «Особенности национальной охоты» – российская кинокомедия (1995, режиссер А.Рогожкин), в юмористическом ключе показывающая отдельные «знаковые» стороны российской жизни (лес, баня, водка).

черепаше и держащие Землю на своих спинах. На самом деле древние индийцы были совсем не так примитивны. Ведь в действительности этот плоский диск, отождествляемый с Землей, есть модель вовсе не нашей планеты, а всей Солнечной системы, которая именно плоская по форме! Посмотрите, практически все ее планеты вращаются в одной плоскости. Более того, эта плоскость поделена в индийской модели, так называемой бху-мандале, на концентрические пояса различной ширины, и совсем недавно ученые установили, что пропорции между этими поясами соответствуют пропорциям расстояний между планетами Солнечной системы – от Меркурия до Сатурна. То есть планет, видимых невооруженным глазом, которые могли наблюдать древние астрономы. Да, эта система геоцентрична. Но это лишь чисто технический прием подачи материала. Вспомним, что наша западная астрология тоже является плоской моделью вселенной. То есть это – планисфера, представляющая трехмерное пространство в формате двумерного. Бху-мандала, как и астрология, есть не просто неподвижная плоскость, типа карты, но имеет подвижные элементы, позволяющие преобразовывать двумерное видение планетарной системы в трехмерное, причем – с математической точностью! Таким образом, мы видим, что бху-мандала – это древний инструмент репрезентации законов небесной механики. Представляете, какой наблюдательностью и смекалкой должны были обладать люди, сконструировавшие бху-мандалу несколько тысяч лет тому назад, в условиях отсутствия современных измерительных приборов и математически выверенного научного аппарата! Причем, древним были известны не только пропорции межпланетных расстояний и циклы обращений небесных тел вокруг Солнца, но даже периоды смещения земной оси, так называемой прецессии, один круг которой составляет почти 25 тысяч лет. Как это им стало известно? Только через систематическое наблюдение неба в течение долгих тысячелетий!

– Да, Владимир... Надо же, как интересно. Я и представить себе не могла!

– А теперь вообразите, что точно такими же фундаментальными знаниями древние индийцы обладали в результате тысячелетних наблюдений человеческой природы. Эти законы как бы «психической механики» описаны в философских текстах, на которых базируется индийская йога. Можете это себе представить?

– Ой, даже не хочу представлять!

xxx

Таня со Светой решили тоже пойти на утреннюю пуджу в Нарасимхамандир, а потом подняться в Джьютирматх, к ашраму Шанкарачарьи. Тогда выезжать из Джошиматха нам будет нужно около десяти утра. Что я и сообщил водителям. Но один из них, тот, который вез дам, почему-то резко воспротивился: дескать, ему нужно пораньше выехать, чтобы пораньше

закончить заказ. Я ему отвечаю, что мы арендуем машины с водителем по суткам, а не по часам. Тот пошел звонить шефу, но, видимо, Санни объяснил парню, что клиент – это король, так что этот вопрос больше не поднимался.

Ночью мне приснился странный сон. Я вижу себя в гостиничном номере, том самом, в котором нахожусь, и тут в дверь кто-то начинает ломиться. Я встаю, ее открываю, и тут вижу, как на меня идет какой-то монстр, типа голема или зомби, а за ним собралась целая толпа постояльцев отеля, в основном индийцев. При этом у креатуры сверхбольшая голова, и лицо ее как бы смазано. Вот она идет на меня... И что же делать? Закрывать дверь? Но сначала надо бы монстру как следует наподдать. И я со всей силы делаю в его сторону маваши-гери²⁴⁹. Нога попадает креатуре в корпус, отбрасывая всю массу назад. При этом пальцам становится от удара нестерпимо больно. Я захлопываю дверь и просыпаюсь.

Что бы это могло быть? Тут чувствую жгучую боль на пальцах ноги. Смотрю – и в самом деле стоит синяк, но кого или что я мог ударить? В стену вроде бы бить далеко, у кровати рандов нет... Но куда-то, все же, нога попала! Материализация глюков? В принципе, было понятно, что тут во многом материализовался негативный импульс таксиста, хотевшего уже к шести утра трогаться в Бадринатх. Видимо, он хотел еще успеть найти там клиентов на обратную дорогу в Джошиматх. С другой стороны, размытая голова монстра как-то соотносилась с образом небесного риши, привидевшегося Шив Нараяну. Таким парадоксальным манером оба образа переформатировались в нечто промежуточное: небесный риши и inferнальный голем в одном расплывчатом лице. Но мне кажется, что такой образ не противоречит архетипам религиозной образности индуизма. Дхарма себя манифестирует в разных образах, в том числе «от обратного».

На следующее утро мы с Шив Нараяном отправились в Нарасимха-мандир. Появление этого храма, как и его главной святыни – мурти Нарасимхи из черного шалиграма – связывают с вездесущим Шанкарачарьей, жившим некоторое время в Джошиматхе и основавшим здесь один из четырех коренных ашрамов адвайта-веданты, Джьютирматх. Нарасимха-мандир – это место, где хранится в течение зимнего периода и мурти Бадринараяна, торжественно доставляемого сюда специальной процессией из Бадринатха, а весной точно так же отправляемого назад.

Как гласит легенда, предплечье левой руки у идола Нарасимхи постепенно утоньшается, и к концу Кали-юги конечность совершенно переломится. В этот момент обрушатся горы Джай и Виджай, заблокировав путь в Бадринатх. Тогда мурти Вишну-Бадринараяна исчезнет из бадринатхского храма и вновь проявится в храме Бхавишья Бадри (букв. «Бадри

²⁴⁹ **Маваши-гери** – боковой удар ногой в карате

будущего»), в двадцати километрах от Джошиматха, на старой тропе к горе Кайлаш и озеру Маносаровар. Главным идолом этого храма также является Нарасимха. Явление мурти Бадринараяны в Бхавишья-мандире ознаменует собой начало очередной Сатья-юги – нового Золотого века.

Джошиматхский Нарасимха-мандир – маленький, но древний храм. Мы с Шив Нараяном как раз подросли к началу утренней пуджи. Внутреннее пространство мандира представляло собой прямоугольный объем, метров пять на четыре и два в высоту, разделенный напололам решеткой. По одну сторону ограды стоял алтарь с мурти, возле которых священнодействовал брахман с брахмачарьей, по другую собрались миряне. У самого входа за решетку (в гарбхагриху) три молодых человека читали ведические тексты нараспев. Причем читали очень качественно. Это был совершенно божественный санскрит, прерываемый лишь мантрами пуджари²⁵⁰, да перезвоном мандирных колоколов.

Народ постепенно прибывал, пока я не насчитал вокруг себя больше сорока человек. По завершении богослужения люди стали в очередь к причастию, сложив на груди руки почти как в православной евхаристии. Причастие тоже весьма похоже. В ладонь причащающегося священник льет серебряной ложечкой святую воду из освященного серебряного сосуда. Потом выдается прасад – ритуальная пища – в виде плодов и сладостей. На этот раз прасадом были яблоки. Я последним подошел к брамину, в надежде немного поговорить с ним после службы. Настоятель храма оказался весьма дружелюбным. Он подробно рассказал про каждого из стоящих на алтаре мурти, почти дублирующих набор мурти в бадринатхском мандире. Нет только самого Бадривишала.

- Его приносят только осенью, из Бадринатха? – спрашиваю я.
- Да, осенью.
- Тогда получается, что в самом Бадринатхе храм остается без мурти...
- Нет, мурти остается в храме.
- Но кого-же тогда приносят сюда из Бадринатха?
- Сюда приносят только копию мурти. А сам Бадринараян остается в бадринатхском храме...

Вот оно как получается! Но об этом нигде не написано. Впрочем, эти обстоятельства никак не подрывают ритуальной аутентичности всех используемых в пуджах мурти, поскольку в индуизме символическое замещение и магическое смещение суть синонимы. Если брахман говорит, что это так, значит так оно – с точки зрения авторитетной (ведической) дхармы – и есть. В одном из кулуаров Нарасимха-мандира находятся святилище Кали-Маа, Великой матери. Обычно эту женскую сущность изображают в виде танцующей чернотелой демоницы с высунутым кроваво-

²⁵⁰ **Пуджари** – совершающий службу (пуджу) брамин (брахман)

красным языком, пляшущей, к тому же, на белом трупe поверженного мужчины. С точки зрения йогического символизма это означает пляску шактических энергий тела, освобожденных от материальной кармы. Хотя, конечно, на архаичных стадиях развития культа Великой матери речь вполне могла идти о действительных жертвоприношениях человека (пурушамедха) в лице «совершенного мужа».

Кали-Ма бьют земные поклоны,
Кали-Ма смотрит глухо на всё...
Для нее сами боги все – клоуны,
И брахман ахинею несет...

Вокруг Нарасимха-мандира расположено еще несколько святилищ, в том числе – мандиры Шивы и Гаруды. Это древнее культовое место. Другим таким местом в Джошиматхе является храмовый комплекс Джьютирматх, включающий в себя ашрам Северного матха адвайта-веданты, основанный учеником Шанкарачарьи, Тотачарьей, а также волшебное дерево, Кальпаврикша, под которым обретал прозрение сам Ади-Махарадж (Шанкара). Туда мы и отправились, зайдя по пути в гостиницу за Анастасией.

Мы сходили к дереву, полили воды на лингам и бычков в шиваитском храме под сенью ветвей Кальпаврикши. Ом Хрим намах Шивайя! Затем поднялись вверх по дорожке к ашраму Северного матха. В этом святилище древней мысли я уже бывал с Филиппом. Теперь вот – с Анастасией. В святилище ничего не изменилось. Шанкарачарья и портреты гуру по стенам. Старенький смотритель, словно музейный работник... Это из его рук я получил в прошлый раз два инициатических яблока – желтое и зеленое. На этот раз у меня в кармане лежало красное яблоко, полученное у Нарасимхи...

С балкона матха открывается фантастическая панорама: божественные Гималаи, с белоснежными хребтами и пиками, вставали, словно Стена Геркулеса²⁵¹, на фоне высокого голубого неба, в зените которого пробегал путь золотой колесницы Сурьи...

Этот Сурья (охватил) кругом широкие просторы.
Пусть Индра поворачивает его, как колеса колесницы,
(Этого) неостанавливающегося, словно деятельный поток.
Черный мрак он убил (своим) блеском.

Ригведа, X. 89

²⁵¹ **Великая стена Геркулес** — Северная Корона — огромная плоская суперструктура из галактик размером более 10 млрд световых лет, которая составляет около 10 % от диаметра наблюдаемой Вселенной и была открыта в ноябре 2013 года. Она является самой большой из крупномасштабных структур, наблюдаемых во Вселенной.

На пути назад мы снова подошли к пятиметровой фигуре седого старца с открытыми глазами, которого я когда-то назвал Неведомым гуру. На этот раз его имя открылось: это был Бхишма²⁵², герой Махабхараты, пронзенный стрелами Арджуны! Понять это помог Шив Нараян, прочитавший надпись на хинди рядом с монументом... Наконец, выехали. До Бадринатха оставалось километров пятьдесят.

xxx

По пути остановились в Пандукешваре, около гостиницы, где мы с Филиппом ночевали год назад, остановленные селом. На этот раз остановка потребовалась для получения специального пропуска на пограничную территорию. Именно в этой точке закрывают трассу на зимний период. Следующую остановку сделали в Хануманчатти, у Хануман-мандира, испросить благословения Великого героя-Махавира на посещение стольного града Бадринатха.

И вот – знакомые места: долина Нар-Нараяна, пик Нилкантх, золотые крыши храмового комплекса Бадривишала, далекие звуки барабанных уханий и бхаджанных распевов: Хари Бадринараяна, Хари Хари, Харэ... Наша кавалькада въезжает на сцену гималайского магического театра. Заморосило. По плоскому серому небу несутся черные облака, сокрывшие своим оперением глубокое синее пространство дхармической мудрости. Таксист крутится в лабиринте средневековых улочек, не в силах найти гостиницу. Наконец, определились. Это наш любимый Нанда-дэви. Тут мы были с Филиппом год назад. Тогда третьего этажа еще не было. А сейчас там можно поселиться. Вид на порядок лучше, чем со второго. Только расположились – и тучи развеялись, снова раскрылась извечная дхармакая, золотая колесница Сурьи показалась над белой макушкой Нараяны, крыши городских мандиров засверкали под лучами ауральных эманаций небесного огня. Om Namō Bhagavate Vasudevaya!

IV. 4. 1. Бадринатх

Индуизм, как известно, не только религия. И йога, в том числе высшая, — вообще не религия. Но между восточным христианством и индуизмом есть много общего. Вспомним традицию умной молитвы, безмолвия и обожения в Православии... Есть и существенные различия... Но, на мой взгляд, — это два крыла одной птицы. Здесь действует принцип дополнительности, а не взаимоисключения.

Ю. В. Мамлеев. Московский гамбит

²⁵² **Бхишма** (санскр. भीष्म, bhīṣma — «грозный») — двоюродный дед Пандавов и Кауравов, сын раджи Шантану и богини-реки Ганги, земное воплощение младшего из восьми божеств Васу — бога неба Дьяуса (древнее индоевропейское божество, соответствующее Зевсу эллинов).

В Бадринатхе на этот раз оказалось полно народу. На центральных улицах вдоль торговых лавок – плотная толпа. Толпа вокруг прихрамовой площадки. У входа в храм – толпа, толпа внутри... Мы с Шив Нараяном прошли по улицам города в поисках полотенец, свечей и аграбатти. Вот как раз нужный магазин, напротив офиса Храмового Комитета Бадринатха-Кедарнатха. Пока я беру товар, Шив Нараян вступает в беседу с проходящим мимо человеком, видимо, знакомым. Это, по всей видимости, крутой шиваит. Весь завернут в пурпурно-красную тогу, словно римский патриций. Волосы, закрученные на макушке в пучок, все равно почти достигают земли. Такие дрэды даже на Ямайке, даже у нас в Лондоне – редкость. На черной коже лба и предплечий шиваита начертаны три ритуальные белые полосы. В руке – неременный трезубец. Тут, в Бадринатхе, у садху своя тусовка, свой дискурс...

xxx

Я пошел на раннюю абхишеку, к пяти утра. И вижу, что храм уже окружила плотная толпа народу, при том что двери святилища уже закрыты. Нет мест, надо ждать. По милости Бадринараяны меня узнали на входе храмовые сторожа. Они приоткрыли дверь и я проник вовнутрь, как раз к началу омовения мурти молоком и парным кипятком из Тапта-кунда. Мне удалось присесть на высоком каменном пороге у восточных врат, остававшихся все время открытыми для созерцания священной абхишеки извне.

Я уже писал о сходстве индульской пуджи с православной литургией. Здесь, при всем знаковом различии отдельных элементов, присутствует единый магический менталитет, одинаково читающий досемантическую составляющую жестового послания. Например, в православном служении требы прихожан перед высшими силами озвучивает священник, оглашая ритуальным образом поданные гражданами здравицы и поминальные списки. То есть здесь прихожанин пишет список, передает его священнику, и тот уже читает перед небесными посредниками.

В индуизме роль листка с требами играют листья прасада, предложенного мурти. Эти листья, коснувшиеся идола, передают прихожанам, которые затем держат их между молитвенно сложенными ладонями, мысленно обращаясь к божеству. Энергия этого обращения (апурва) остается в листьях прасада, которые затем снова собирают на большой поднос и ставят перед мурти. Таким образом, просьбы людей предстают непосредственно перед Господом, который уже вершит мировую справедливость через инструмент Вечного Закона.

Близко православному индуское миропомазание. Только тут миропомазывают – точнее, мажут ароматической смесью на базе сандалового масла – не только мурти и священников, а всех подряд. Такая

смесь, в самом деле, дает божественный аромат, вдыхая который можно спокойно попасть в мини-самадхи. Это то самое ритуальное масло, которым Раваль-джи смазывал черный каменный корпус Бадринараяны. Божественное миропомазание! Практическая алхимия, когда все вещества вокруг аутентичны. Близки православной семиотике и окропление водой, и ритуал причастия из лжицы²⁵³ священника. В качестве плоти Господней дают дары природы: листья мяты, орехи, специи, а также ярко-красные ягоды местной клюквы-Бадри. Эта священная клюква – природная плоть Бадринараяны как эманации Господа Вишну, постигающего в состоянии самадхи Высшего Парабрахмана.

Кульминация абхишеки – возжигание священного огня перед образом украшенного и коронованного мурти Бадринараяны. Раваль-джи делает перед алтарем концентрические движения по часовой стрелке, приближая огненную пирамиду к Черному идолу снова и отводя назад. Все это время звонит колокол и ухают тяжелые храмовые барабаны, где-то выстукивая тему reggae: Wake up, stand up!.. Наконец, иерофант делает резкое вертикальное движение вверх-вниз, прямо перед Бадривишалом, и ставит пирамиду со светильниками на порог гарбхагрихи. Ее передают дальше, в зал. Причащение священным огнем, Агни – древний обычай, восходящий к палеолитическим временам тысячелетних пещерных костров.

xxx

После утренней пуджи, возвращаясь в отель, я встретил группу старых знакомых-шиваитов, сидевших вокруг костра у больших булыжников, на спуске к мосту. Тут – и мой друг из Кхаджурахо, Чхуннилал-баба, и тот самый «Ганеш». Присаживаюсь к ним попить чайку, обсудить, что прошло в мире за истекший год. Оказывается, оставил этот мир Эллахабади-баба Рам Гири из Пандукешвара – тот самый худой дедок с длинной бородой, в большом оранжевом тюрбане. Очень жаль. Ом Намах Шивай! Его фотокарточка, в стеклянной рамке, стоит около костра Владыке вселенной. В центр огненной мандалы всажены три трезубца, магическое пламя лижет горячую сталь...

Едва нам принесли чай и «Ганеш» начал заряжать свой чилим, я увидел, как мимо нас, по тротуару, медленно проходит очень знакомая фигура: оранжевая тога, оранжевый тюрбан, синие носки, седая бородка клинышком... Я вспомнил образ с фотографии, висевшей на окне в ашраме Муни-бабы: Ганга Бхарати! Видимо, мастер спустился из своего ретрита в город, по делам. В этот момент старец приостановился и повернулся в нашу

²⁵³ **Лжи́ца** — небольшая ложка с крестом на конце рукояти, употребляется в византийском обряде для преподания причастия из потира верующим. Так же как дискос, потир и звездица, лжица делается из золота, серебра, олова или из металлических сплавов, не дающих окиси.

сторону. «Ганеша», завидев оранжевую фигуру, замалал рукой и что-то крикнул на хинди. Я разобрал лишь слова «Ганга Бхарати». Видимо, поприветствовал. Старец махнул в ответ рукой. Я хотел с ним познакомиться еще с прошлого раза, но бежать прямо сейчас и начинать чем-то грузить человека было бы неправильно. Но раз он здесь – значит я его найду через аптекаря или Шив Нараяна. Тогда и поговорим. Ганга Бхарати проследовал дальше, растворившись в толпе, а я задал «Ганешу» контрольный вопрос:

– Это был Ганга Бхарати?

– Да, Ганга Бхарати!

Допив чай, я распрощался с шиваитами и отправился домой, через аюрведическую аптеку мистера Чохана.

– Вы знаете, я только что встретил на улице Гангу Бхарати. Буквально, десять минут назад. Он к вам, случайно, не заходил?

– Ганга Бхарати? Наверное, вы обознались. Ганги Бхарати сейчас нет в Бадринатхе! Я слышал, что он в больнице, в Дехрадуне...

– Может быть, он уже вернулся? Это был он на 100 процентов!

– Ну, не знаю... Не могу утверждать, но думаю, его в Бадринатхе нет...

Неужели я смог так ошибиться? Не может быть, я четко помню лицо и одежду Ганги Бхарати, до мельчайших подробностей. Да и мои друзья-шиваиты видели его. Я спросил Чхуннилала-бабу – он говорит: «Ганга Бхарати в больнице». «Ганеш» ничего не помнит. А я ведь, как раз, собирался добраться до Красной кельи Ганги Бхарати, орлиным гнездом нависавшей над кишлачным уютом городка! В тот момент, когда я размышлял о необычности ситуации, на пороге аптеки появился молодой крупный мужчина, с длинным хайром до локтей, расчесанным на манер американских рок-звезд семидесятых. Молодец завернут в белую тогу, на ногах – деревянные сандалии.

– О, это Барфани-баба, местный йогин, живет здесь недалеко, в пещере! – с энтузиазмом сообщает мне аптекарь. – Он большой специалист в своем деле, может многое вам рассказать!

Барфани-баба усаживается на скамейку, Чохан жестом заказывает чай у чайханщика в заведении напротив. Пещерник – это интересно. Живой опыт традиционных садху редко становится объектом антропо-культурных исследований. Я спрашиваю йогина, к какой сампрадае он относится:

– Who is your God?

– Vishnu.

Белый йог не говорит по-английски совсем. Он родом из Махараштры. Чувствуется южная натура: темные глаза, вьющиеся волосы, смуглая кожа.

Но лицо при этом чем-то напоминает «молодого Христа»: детская припухлость щек, чувственные губы, веки-лепестки. Значит, вайшнав? Неплохо, а то все шиваиты вокруг попадают...

– Барфани-баба, мне кажется, что Вишну-сампрадая больше связана с ведической религией Агни, а Шайва-сампрадая – с древними культурами автохтонов Индостана. Что вы можете сказать на этот счет?

– Между Вишну и Шивой нет никакой разницы, разные сампрадаи – один Бог!

Йог пригласил меня к себе в гости. В пещеру. Договорились, что на следующий день, в два полполудни, мы встретимся у Чохана в аптеке и уже отсюда двинемся дальше.

IV. 4. 2. В пещере над городом

Шив Нараян жил в пещере над городом. Точнее, это была не пещера, а как бы яранга, сложенная из скрепленных цементом булыжников. Келья, ретрит... Вокруг, в сотне-другой метров, было еще несколько ретритов, некоторые – под традиционными для Уттаракханда треугольными красно-бело-красными флагами, другие, подобно ретриту Шив Нараяна, без опознавательных знаков. По словам моего друга, всего в окрестностях Бадринатха проживает около сотни пещерных садху. Некоторые тут находятся уже не одно десятилетие. Но зимой все покидают насиженные ретриты. Остаются лишь несколько человек со спецразрешением от пограничных властей округа. Но зато с апреля по ноябрь тут разворачивается самый настоящий саддхический курорт. Приезжают делать свою тапасью санньясины со всей Индии. В Бадринатхе не жарко, нет вредных насекомых и опасных пресмыкающихся.

Отличный горный воздух, оздоровительные термальные источники, ежедневные пуджи и бхаджаны – что еще нужно доброму индусу на пути к высшему просветлению?

Впрочем, некоторым из пещерников, подобно нашему другу, ни пуджи, ни бхаджаны не нужны. Для них брахманы – лишь администраторы, торгующие своими должностями. При этом они не имеют к эмансипативному дискурсу мокши никакого отношения. Они лишь производят майю, служат майе. Зачем же тогда пещерники селятся рядом с местами храмового администрирования? Пускай бы видели в своей песочнице! Видимо, им все-таки нужна какая-то знаковая вселенная институционализированного ритуала?

– Бадринатх – это город майи. Тут под видом садху скрывается очень много черных магов. Их основная цель – власть над людьми ради денег и секса. Вы, западные люди, даже представить себе не можете, какими

специальными приемами гипноза эти маги владеют, чтобы управлять своими жертвами!

Мы с Анастасией поднялись к Шив Нараяну в пещеру вместе с первыми лучами солнца, осветившего западный склон долины Алакнанды, на котором располагается большинство йогических скитов местности. Каменная яранга с крытой целлофаном, досками и одеялами крышей состоит из «залы» (два татами) и «кухни» (два татами) – двух смежных пространств, сообщающихся через проем в стене. Во весь рост в келье не встать. Зато полы застелены толстыми коврами. Можно сидеть, лежать и ползать на четвереньках. На кухне горит огонь. Правда, не натуральный, а из газовой горелки. Сейчас садху больше пользуются баллонами с горелками, а не живым огнем. Так оно удобней. Он это – лишь в быту. Все ритуальные огни поддерживаются на традиционном топливе.

Анастасия пишет на склоне этюды, Шив Нараян печет на кухне чапати, я сижу в зале, с чаем. В проеме выхода из кельи виден Нар, с белеющим на голубом небесном фоне гребнем. Нар-Нараян – хребты по обе стороны Алакнанды. Однако, и сама небесная пара, божественные двойники Нар-Нараян, должны обитать в невидимой форме где-то в этих местах, между двух хребтов. Подчас, они являются в зримой или иной чувственной форме каким-либо риши или садху. Мурти Нара-Нараяна из черного шалиграма присутствуют в гарбхагрихе Бадривишал-мандира, в качестве одной из ключевых святынь храма.

Шив Нараян говорит, что его не интересуют каменные храмы. Его храм – это его личное тело. Он рассказывает мне про символизм тела как храма, как места обитания истинного Бога. Я ему, в ответ, хочу привести аналогию новозаветной притчи о разрушенном и восстановленном храме:

- Ты знаешь, Иисус ведь тоже сказал...
- Кто? Я не понял...
- Иисус. Иисус Христос. Знаешь, кто это такой?
- Нет, не знаю...
- Как не знаешь? Ты же знаешь, что такое христианство? Христиане?
- А, христианство? Да, знаю...
- О'кей, так вот: главный гуру христиан, их гурудэв – это Джизас. Понятно?
- Теперь понятно.
- Так вот, про жизнь этого Джизаса сказано в Новом Завете, и там есть история, как он говорит:

Разружьте сей храм и Я в три дня воздвигну его!

На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его?

Люди подумали, что он хочет на самом деле разрушить храм, и приговорили его за святотатство к смерти.

А Он говорил о храме тела Своего.

Убейте тело – и оно через три дня воскреснет!

Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус.

В самом деле, Шив Нараян был удивительно похож, в своей совокупности (включая оранжевую тогу и кожаные сандалии), на Христа. И глаза такие добрые-добрые...

Накануне мы все втроем ездили в Ману. Заходили в пещеры Ганеши и Вьясы. У Вьясы побеседовали с брамином. Тот рассказал, как Вьяса, написав множество текстов, никак не чувствовал успокоения, пока не написал Бхагавата-пурану²⁵⁴. Видимо, это был его Дао-дэцин. Мы погрузились в светоносные истоки ведической мысли, сгенерированные некогда легендарным риши на этом самом месте. Минут через двадцать своды пещеры наполнились звоном бесчисленных мелких бубенчиков, ворвавшихся в наше пространство вместе с двумя десятками индусок в ярких шелковых сари...

Когда атман стабилен, шакти начинает свое движение вокруг, порождая магическую майю. Атман стабилизируется в кристаллизованном состоянии глубокого сна. В качестве аналогии можно представить прозрачную колбу со взболтанной жидкостью, когда взвесь еще не осела. Это будет состояние глубокого сна у непросветленного человека – как пространство недифференцированной мути. Состояние с осевшей взвесью можно сравнить с прозрачностью горизонта, с раскрытием звездных перспектив...

Это – фиксированное состояние, кристаллизация, позволяющая структурно «провидеть» пространство и время. Просветление в глубоком сне именуется кайвальей (изоляция), праджняй (мудрость), адвайтой (недвойственность). Но это еще не конец²⁵⁵. Отсюда нужно еще сделать *интуитивный скачок* в самадхи – четвертое состояние за пределами глубокого сна (турия, нирвана, мокша).

²⁵⁴ «**Бха́гавата-пура́на**» (санскр. भगवत्पुराण, Bhāgavata-Purāṇa) также известна как «Шр́имад-Бха́гаватам» (Śrīmad Bhāgavatam) или просто «Бхагаватам» — одна из восемнадцати основных Пуран. Содержит описание различных аватар, в разные эпохи низошедших в материальный мир, а также обширные сведения по индуистской философии, метафизике и космологии. Повествует об историческом развитии вселенной, о путях самопознания и освобождения.

²⁵⁵ **Еще не конец** (Вэй цзи) – Предпоследняя гексаграмма в 64-цикле перемен И Цзин-а. «Ситуации разворачиваются так, что, наконец, наступает хаос, но он рассматривается не как распад созданного, а как бесконечность, возможность бесконечного творчества все вновь и вновь. Не как нечто отрицательное выступает здесь хаос, а как среда, в которой может быть создано нечто совершенно новое. Безусловно, это новое творчество должно пойти по законам (и с точки зрения авторов "Книги перемен", по тем же законам, которые были указаны выше). В этом усматривается цикличность в "Книге перемен". (Ю. К. Щуцкий)

– Мой гурудэв говорил, что в состоянии самадхи невозможно ничего свидетельствовать, поскольку исчезает сам свидетель, но интуитивная память об этом событии остается, и мы потом, придя в себя, осознаем, что были в самадхи.

– Да, это совершенно верно. Мы не помним, что было в самадхи, но мы помним, что были в самадхи и потом узнаем об этом интуитивно, через внутреннее знание.

Это было очередным подтверждением прозорливости Рама, именно таким образом представлявшего опыт самадхи. Можно ли передать этот опыт? Да, можно. Но только – телепатически. Через медитативный резонанс, который должен быть установлен между партнерами. Иначе говоря – телепатический контакт. Существуют разные тесты на подтверждение наличия подобного контакта и даже определения его интенсивности. Например, человека заводят в комнату, ничего не объясняя, дают осмотреться и снова выводят. А затем спрашивают, что он видел. Трюк в том, что в комнате имеется ряд «заговоренных» предметов. Если испытуемый спонтанно заметит их – значит есть контакт. Ничего не заметит – нет контакта. По количеству замеченных вещей можно установить степень интенсивности контакта.

Примерно по такому же принципу работает поиск перерожденцев в Тибете. Надо сразу заметить, что правом выдвижения перерожденцев на определенные в местной Табели о рангах духовные и светские должности обладают лишь некоторые фамилии. А потом уже, из общей суммы кандидатов кандидатов, отбирают по принципу «горячо-холодно» «перерожденцев» (тиб. тулку²⁵⁶) как лиц, наиболее четко чувствующих интуитивно энергетику ушедшего аватара и всей сампрадаи, оставленную в личных предметах, перемешанных с предметами других людей. Это как бы тест не столько на психические особенности испытуемого, сколько на резонанс его судьбы, на кармическую совместимость и дхармическую корректность.

Я рассказал Шив Нараяну о своем медитационном опыте в горах Памира. О том, как слышал музыку сфер и ощущал звездное пространство, увлекаемый потоками космической гравитации в эфирный коллаидер Великого Аттрактора.

– Вальдемар, я думаю, ты в прежней жизни был гималайским риши, но из-за какого-то прегрешения был послан родиться вдали от Индии. И вот теперь ты снова здесь!

²⁵⁶ **Тулку** (тиб. ལུ་ལྷ་མཚན་ — «феноменальное тело»; монг. хувилгаан — хубилган — «перерожденец»; санскр. निर्माणकाय — nirmāṇakāya) — одно из трёх тел Будды, форма проявления Будды в обыденном мире.

– Как знать? Может быть, я родился специально в таком месте, чтобы встретить своего гурудэва?

У Шив Нараяна, судя по его рассказам, отношения с гурудэвом были напряженные. Вообще ему с гурудэвами не очень везло. У первого – его вообще чуть не убили. Шив Нараян говорит, окружение этого гуру очень на него напрягалось из-за его бескомпромиссности и честности – как в словах, так и в делах. В самом деле, как можно кланяться какому-нибудь свами, даже если это предписано ритуалом, в случае его очевидной коррумпированности или непросветленности? Не является ли это профанацией пути? Видимо, Шив Нараян так довел своих «сокамерников», что те решили парня просто прикончить.

– Они серьезно хотели перерезать мне горло. Меня друг предупредил, поэтому я успел незаметно ускользнуть. А то бы они точно меня убили!

Теперь у Шив Нараяна другой гуру, но он тоже требует этикета. Это понятно, что без этикета тут никуда не денешься. Но с другой стороны, если у вас другие приоритеты, которым вы доверяете – почему нет? Вольному – воля! Вот наш Свами и не хочет возглавить американский ашрам, как предлагает ему гурудэв, ибо на такой должности главное – этикет. Ну и еще – талант администратора. А это ведь тоже жутко отвлекает от медитаций, грузит мозг ненужной информацией...

Я спрашиваю Шив Нараяна, можно ли провести на его территории, перед пещерой, ритуал агнихотры по «нашему» чину? Он говорит:

– Никаких проблем. Нужно только дров заказать.

xxx

По пути назад, прямо над главным мандиром, встретили Барфани-бабу. Он как раз спускался из своей пещеры вниз, на нашу встречу в аюрведической лавке у Чохана. Но поскольку мы уже встретились, то, вероятно, целесообразнее было бы сразу пойти в пещеру, чем идти в аптеку «на встречу друг с другом». Анастасия отправилась в гостиницу, мы же с Барфани-бабой двинулись к его ретриту, снова вверх по склону. Келья йогина оказалась совсем недалеко, метрах в двустах отсюда. Это была не совсем пещера, но прилепленная к скальнику оштукатуренная белая сакля. Стоит на бетонной платформе, рядом – труба с водой. Электричество. Все очень чисто, ухоженно. Барфани-баба идет делать чай, на площадку, с соседнего участка, спускается человек в пурпурно-красных одеяниях римского сенатора и дрэдами до земли.

Шиваит! Тот самый, который беседовал с Шив Нараяном, рядом со свечным магазином. Это Баба Амритананд Гири, ученик известного в верховьях Ганги Пайлот-бабы (т. е. Бабы-«пилота») – бывшего летчика, познавшего

вкус самадхи в тайных гималайских пещерах, под руководством высших бессмертных учителей, включая Махаватара Бабаджи, Бабу Сундар Натха, Горакх Натха и даже отдельных героев «Махабхараты». Амритананд сносно говорит по-английски и немного переводит Барфани-бабе. Тот вставляет отдельные слова, но с душой. Вот они спрашивают, откуда у меня эти черные каменные четки? С храмовой площадки. Купил на память после абхишеки. И сколько заплатил? Называю сумму: сто пятьдесят рупий (полтора фунта). Он смеются:

– Эк вас развели! Ведь красная цена этим четкам – двадцать пять рупий!

– Так ведь шалиграм-шила?

– Да какая там шила, обыкновенный камень! Вот у меня четки, – Барфани-баба подносит ко мне цепочку с прозначными кристаллами – стоят три тысячи рупий, и это – настоящая цена. Это же настоящий горный хрусталь!

– Ну, ладно, я ничего против своих камней не имею. Поддерживаю местное предпринимательство. Пусть человек немного заработает!

Подвижники смеются. Ослепительно-белый и ярко-красный, они смотрятся на фоне голубых небес как истинные Васудева и Махадева. Я, весь в черном и со знаком Золотого солнца в петлице (подарок французских традиционалистов), мог бы представлять Праджапати. Так что собралось всё Тримурти: Вишну, Шива, Брахма. Rama Tam Om!

IV. 4. 3. Один Бог, один банкомат...

Красный ашрам Дхармараджа Бхарата Муни-бабы доминирует как цветочное пятно над всем Бадринатхом. Днем это – красная Кааба, с красными знаменами по углам, ночью – маленький Лас-Вегас в сиянии пляшущих огней. Как будто люди и боги уходят на покой, а место у штурвала космического «Титаника» занимают демоны и колдуны.

Конечно, если взяться построить тут еще один корпус, да в соответствующем стиле, то картинку можно дополнить и усилить. Тут мы явно имеем дело с магическим театром. Думаю, Дали бы оценил место, с которого открывается столь величественная панорама высокогорной долины, со священным городом на скалистых берегах Алакнанды далеко внизу!

Подъем к Красному ашраму начинается в месте впадения Риши Ганги в Алакнанду. Сначала – по тропке, потом начинаются ступени, бегущие прямо к порогу дворца Дхармараджа. За порогом начинается другая лестница, ведущая на застекленную веранду, где часто сидит Дхармарадж, обозревая с высоты птичьего полета прилегающие реалии. В центральном медитационном зале, декорированном плакатами с Кришной, у одной из стен стоит алтарь, на котором восседает, в натуральную человеческую величину, сам Махаватар Бабаджи из белого мрамора. Под потолком

мерцают разноцветные лампочки и гирлянды, пол застлан красно-бурыми коврами. Ассистент приносит чай.

– Вы вовремя пришли! – Муни-баба весело смотрит на нас с Анастасией. – Как раз через два дня сюда спустится с гор Бабаджи, так что можно будет с ним пообщаться!

Даже так? А почему, собственно, нет? Магический театр на то и есть магический театр... В этот самый момент в дверном проеме появляется, на полусогнутых, хрупкая женская фигура с молитвенно сложенными на груди ладонями. И через несколько секунд я вижу перед собой... ту самую «японку в белом», которую повстречал год назад в бадринатхском храме!

– Конничива!

Она – только теперь уже не в белом, а в пестром наряде – несколько смутилась, но быстро вспомнила меня.

– А это моя супруга, Анастасия. Мы тут обсуждаем с мастером перспективы строительства нового корпуса ашрама.

– Очень приятно! Я Сарасвати Гири!

Японского имени мы спрашивать не стали. В этой реальности она – Сарасвати Гири. У них с Муни-бабой начинается диалог. Сарасвати говорит по-английски, иногда вставляя туда отдельные слова или даже целые обороты на хинди. Точно так же отвечает Муни-баба. Когда общий дискурс понятен, детали не имеют значения. Японка собирается подняться по Риши Ганге до Чаран-падуки и там заночевать у местного садху. А еще лучше – посидеть там с недельку, помедитировать... Чаран-падука – след Вишну. Здесь, согласно Пуранам, Господь Вишну наступил на землю, спускаясь с небес. Тут, по большому счету, вообще нужно бы ашрам построить. Или хотя бы мандир для начала...

– Там сейчас по ночам очень холодно, ты замерзнешь, – скептически замечает Муни-баба.

– У меня есть теплый спальник, еще теплая куртка...

– В горах ночевать опасно. Там может многое случиться. Вот в начале года тут погибли два европейца. Ты знаешь, сколько потом было шума?

Полиция, пограничники, посольство, журналисты... Местных жителей очень напрягли, здесь народ не любит много внимания. Поэтому садху не будет очень счастлив, если у него попросится на ночлег какой-то иностранец...

– А что произошло, как они погибли?

– Демоны, – вступаю я в разговор. – Это горные демоны, бродящие тут по ночам...

– Правда? – Японка в недоумении.

– Конечно, правда! – поддакивает Муни-баба. – Тут по ночам очень опасно ходить...

Мы с Дхармараджем с пониманием переглянулись. Мне показалось, он едва сдерживает смех. Текущая сцена – Муни-баба в красных одеяниях и блестящих ожерельях, почтительная японка в сари, с горящим взглядом, белый мурти Бабаджи в глубине увешанного образами богоявления темного зала, мы с Анастасией как некие мутные каббалисты – все больше начинала напоминать ситуацию в жанре «Рукописи, найденной в Сарагоссе»: старец вместе с Пачеко разводят наивного Альфонса ван Вердена рассказами о двух висельниках. Анастасия, в шиваитском платке с вилами, сидела, с серебристым стаканчиком чая в руке, как тунисская принцесса, дополняя инициатический интерьер тайной пещеры мастера.

– Правда, что у Бабаджи где-то здесь есть секретная пещера? – с почтительной осторожностью спрашивает японка.

– Да, есть.

– Интересно, где же?

– На вершине Нилкантха. Туда еще никто из простых людей не поднимался. Очень высоко, очень холодно. Только продвинутые йоги могут ее найти...

«Настась, ты погляди на этот сеанс магического гипноза!» – тихо шепчу я жене на ухо, показывая глазами на камеру: мол, щелкни, задокументируй состояние...

Наконец, мы возвращаемся к обсуждению возведения нового корпуса – с медитационным залом на первом этаже и жилыми комнатами на втором. Да, в этом месте есть потенциал, но найти инвесторов все равно непросто. Тем более, при всех сложностях с индийским земельным законодательством! Мы можем предложить чисто архитектурный проект решения, под который инвесторы могли бы дать ссуду. Но для начала нужно сделать ряд обмеров. Выходим на улицу, Дхармарадж просит ассистента принести измерительные приборы и бумагу.

Этим ассистентом оказался русский парень с индусским именем Арджун. Родился и вырос на Урале, учился и работал в Москве каким-то стратегом по финансовым рискам. В какой-то момент понял бесперспективность выбранного пути и ушел с головой в восточную мистику, в индуизм. Возможно, через кришнаитов, но я его расспрашивать не стал. Он тут живет уже с весны, собирается зимовать до следующей весны. Какая-то за ним стоит сангха на Урале, как я понял. Ну или просто друзья, спонсирующие понемногу его ситуацию. Но это – не главное. Важно, что человек вошел во внутреннюю среду индийского народа, хотя на хинди пока и не заговорил. Но это дело не за горами – буквально. Теперь Кали-Маа ему мать родна, его Бог – Ом Бхур Бхувах Свах...

Прощаясь, я спросил Мунибабу:

– Дхармарадж, не далее, как вчера, мы с женой пытались снять по нашим карточкам наличку в бадринатхском банкомате. Но автомат ничего не выдал. У других людей тоже карточки не работали. Сегодня он тоже не работает. Может быть, тут есть какой-нибудь другой АТМ?

Баба посмотрел на меня внимательно и, подняв к небу указательный палец, патетическим голосом сказал:

– В Бадринатхе – один Бог, один ай-ти-эм!

xxx

Этот «бог», к сожалению, категорически отказывался выдавать деньги по нашим карточкам. А время расчетов приближалось! Гостиница, ресторан, транспорт... И за все, по местным понятиям, нужно платить наличными. Я решил поделиться проблемой с Шив Нараяном: что он скажет?

– У меня есть наличными четыре тысячи рупий, я могу их дать.

– Конечно, спасибо, но нам надо не четыре тысячи, а тысяч сорок как минимум. Для начала!

Для начала Шив Нараян попытался снять в бадринатхском банкомате наличность по собственной карточке. Она тоже не сработала. Все понятно. Починят ли завтра – не факт. Это Индия, детка! Крайний вариант – поехать в Джошиматх. Там есть разные банкоматы, да еще и сами банки впридачу. Есть интернет. Да, надо ехать!

На следующее утро мы отправились в Джошиматх. Это часа полтора езды. Приехали. Я с надеждой бросаюсь к первому встречному банкомату, лихорадочно вставляю в нужную щель карту, ввожу пин-код... TRANSACTION IS CANCELLED. Анастасия робко пытается вынуть деньги по своей карте. Та же история. Может быть, нужен банкомат другой компании? Пробуем еще два-три. Результат: NEGATIVE. Тут в дело активно вступает Шив Нараян.

– Вероятно, ваши карты заблокировали в Лондоне, когда увидели, что кто-то пытается снять кэш в Индии...

– Да, скорее всего так. И что же теперь делать? Звонить в лондонский банк, выяснять ситуацию?

– Нет, никуда звонить не надо. Я сниму вам деньги по своей карте, а вы потом вернете, уже из Лондона!

Шив Шараян ловким движением руки выхватывает откуда-то из-за пояса пластиковую карточку и элегантно вставляет ее в аппарат.

- Сколько денег вам нужно?
- Ну, тысяч десять...
- Настасья, какие десять? Десять – это только назад доехать. А проживание, еда... Свами Джи, нам нужно, если по-хорошему, тысяч сорок! Это – не считая Ришикеша...
- Не переживай, дорогой друг, сколько нужно – столько и снимем.

С этими словами он набирает на дисплее банкомата пятизначную цифру. Вжик!

- Вот двадцать тысяч!

Он вынимает карточку из аппарата, пихает ее назад и достает оттуда еще пачку: вжик!

- Вот еще двадцать. Еще нужно?
- Спасибо, в настоящий момент больше не нужно!
- Вы знаете, у меня нет с деньгами никаких проблем. Я вырос в обеспеченной семье, мне предлагали заняться семейным бизнесом, но я отдал свою долю в обмен на свободу от обязательств. Я – садху. У нас в семье пять братьев, из них я и еще один стали святыми, а остальные делают бизнес. У меня нет своих денег, но я могу сказать своим ученикам перевести мне любую сумму. После нашего вчерашнего разговора я позвонил и сделал распоряжение прислать мне деньги. Я могу снять еще, но только завтра. На сегодня свой лимит я уже исчерпал...

Вот так: развели богатые западные туристы бедного индийского садху на сорок тысяч без расписки! А это ведь почти четыреста фунтов – деньги для Индии серьезные. Кто бы мог подумать?

IV. 4. 4. Чаран-падука – след Вишну

У входа в долину Риши Ганги стоит четыре ашрама: сначала вы проходите мимо Красного ашрама Муни-бабы, затем, в ста метрах вверх по склону, вас встречает недостроенная желто-серая коробка ашрамно-гостиничного комплекса западных почитателей Махаватара Бабаджи (общество Маршала Говиндана), выше – небольшой домик розового цвета, астрологический ашрам Свами Четана Сварупы Брахмачари, и еще выше – маленький Красный ашрам с храмом Ханумана.

После Хануман-мандира вы попадаете в высокогорную долину. Сначала перед вами появляются руины заброшенной фермы: дом и подсобные помещения, все сложено из тяжелых булыжников. Это государственная собственность, без особого разрешения тут никто не имеет права селиться.

А ведь место для ашрама шикарное, настоящая Венда-Кемада²⁵⁷! В двух километрах отсюда, вверх по тропе, находится известное место силы, которое называется Чаран-падука. Тут мы встретили группу индийцев, благочестиво кланявшихся каменным стопам Вишну:

На этот высший след Вишну
Всегда глядят приносящие жертву
Как на глаз, разверстый в небе...

Ригведа, I. 22. 20

Чаран-падука – большой фрагмент скалы, на поверхности которого яркими красками раскрашены выступы, отдаленно напоминающие формы человеческих ступней: правая, оранжевая принадлежит богу Вишну, левая, бурая – какому-то демону. «Видимо, первоначально это был Шива», – подумалось мне.

– На самом деле это след Шивы, но люди об этом не хотят говорить...

Тихий голос Шив Нараяна над самым ухом сообщил конфиденциальную информацию. Он сопровождает нас в этой прогулке, и благодаря его знакомствам мы уже раза три останавливались в разных местах на предмет «попить чайку». Здесь, у Чаран-падуки, в каменной келье смотритель мазара – невысокого роста садху, лет пятидесяти, с усами и бородкой в стиле Фрэнка Заппы и большими серебряными серьгами в ушах. Его зовут Шри Махант Буддхи Натх Йоги. Если коротко – то просто Натх-баба. Он тоже друг Шив Нараяна, встречает нас с распростертыми объятьями: «Он намо Нараяна!» Натх-баба принадлежит сампрадае Горакх Натх.

Узнав о моем интересе к йогической мистике, он предложил осмотреть его личную пещеру для медитаций. Это место совсем не в келье, а под священным камнем со следами. Попасть туда можно только через узкий лаз, причем лезть нужно, в полном смысле слова, по-пластунски, на животе, по тесному, извилистому проходу, метра четыре. Потом, в конце лаза, вы видите мерцающий огонек, освещающий лики белокаменных фигурок Шри Бадринараяна и Шри Махалакшми. У алтаря пространство несколько расширяется, но лишь настолько, чтобы там поместиться миниатюрной фигуре самого пещерника. Лично мне, с моей стхула-шарирой²⁵⁸, там не то что сесть, а и лежать-то было не очень вольготно...

После чая Натх-баба рассказал, что Вишну в самом деле проходил через эту долину и где-то оставил свой след, но где точно – сейчас уже никто не знает (видимо, знают только Бабаджи и другие святые риши – Ведавьяса, Нарада-муни, Нар-Нараян). А эти крашенные камни местные садху

²⁵⁷ Венда-Кемада – заброшенная высокогорная ферма в оккультном романе польского писателя Я. Потоцкого (1761-1815) «Рукопись, найденная в Сарагоссе»

²⁵⁸ Стхула-шарира (санскр.) – грубое, физическое тело

специально сделали для туристов. Причем, в двух экземплярах: на скале и с обратной стороны, в маленьком гроте из небольших булыжников.

Вот прославляется Вишну за героическую силу,
 Страшный, как зверь, бродящий (неизвестно) где, живущий в горах,
 В трех шагах которого обитают все существа.
 Пусть к Вишну идет (этот) гимн-молитва,
 К поселившемуся в горах, далеко шагающему быку,
 Который это обширное, протянувшееся общее жилище
 Измерил один тремя шагами.

Ригведа, Мандала I.

Выше Чаран-падуки редко кто ходит, но бывают упорные, особенно – из числа западных энтузиастов. Вот и сейчас: за нами, в сторону Нилкантха, прошла группа из трех чешских дам бальзаковского возраста. Весной в этой долине уже погибли два европейца. Так говорят местные жители. Какова причина – никто точно не знает. Не знает этого и Натх-баба. То-ли оступились, то ли провалились? Может здоровье подвести. В горах всякое случается...

Анастасия спросила отшельника, далеко ли отсюда до ашрама Ганги Бхарати, и оказалось, что совсем рядом. Если идти по склону наискосок – то минут пятнадцать. Это хорошая новость. Ведь так мы сможем прямо сейчас дойти до кельи Ганги Бхарати и заодно наверняка узнать, где он сейчас реально находится и кто был там, внизу, у костра шайвитов на спуске к мосту. Натх-баба вызвался идти вместе с нами. Мы довольно бодро взяли вверх по диагонали, и очень скоро выскочили на первый склон, который было нужно преодолеть. По ту сторону горной складки оказались дикие сады, а чуть дальше к скалистой стене примыкала горная сакля, сложенная из аккуратно обтесанных глыб, точно подогнанных друг к другу под прямыми углами. Эта кладка мне чем-то напомнила перфекционизм инкской высокогорной архитектуры.

– Тут жил один баба. Очень долго, почти сорок лет, – слышу голос Натха. – Он никого к себе не подпускал. Если кто-то из людей хотел подойти к его пещере, он бросал камни. Его так и прозвали: Throwing-stone-baba (англ. «баба, бросающий камни»). После того, как он отошел в мир иной несколько лет назад, тут никто больше не живет.

На пути нам попались еще несколько пещер, где в разные времена жили разные садху, в основном – в летний период. На зиму в Бадринатхе и окрестностях мало кто остается. Снег заваливает все пути в долину, чтобы выжить нужно иметь полугодичный запас всего необходимого. Этого не могут себе позволить пещерники (за редким исключением наиболее продвинутых аскетов). Наконец, через три четверти часа пути, я увидел за очередным склоном трепыханье красного стяга на ветру. Это был ашрам

Ганги Бхарати. Мы вышли на него сверху, с обратной от Бадринатха стороны склона. Спустились сначала на крышу, затем – ко входу. Наружная стена выкрашенного в красный цвет низкого одноэтажного строения выходила прямо на пропасть, приусадебный участок располагался на двух-трех террасах ниже, довольно узких к тому же. Самая нижняя терраса была шириной около полутора метров, в качестве ограждения тут стояли горшки с цветами.

В домике нас встретил молчаливый садху, по имени Рам Натх-баба. Он сделал чаю, предложил отдохнуть. На мой вопрос, где сейчас находится Ганга Бхарати ответил:

- В Дехрадуне, в госпитале. Где-то недели через две должен вернуться.
- Давно уехал?
- Да вот уже как с неделю будет, а то и больше...

Странно, значит его все-таки нет в Бадринатхе! Но кого же я видел на променаде, около шайвитского костра? Это было точно его лицо! Говорят, иногда человека могут одновременно видеть в разных местах. Одного знакомого поэта люди, по их утверждениям, одновременно встречали в разных городах. Но и продвинутый мастер, безусловно, может навеять иллюзию, не всегда даже об этом сознательно беспокоясь. Так работает магическое поле.

Шив Нараян предложил посидеть у обрыва. В самом деле, такой перепад физических высот вызывает летные чувства. Вдоль скалы шла узкая дорожка с цветочными горшками по краю, где мы и положили подстилки для сидения. Вот они, Гималаи – прямо собственным лицом! Где-то под вами парят орлы, а еще ниже, в живописной долине, у слияния двух кристальных потоков, лежит сказочный город Бадринатх с золотыми крышами мандиров и разноцветными домиками вдоль скалистых берегов Алакнанды. Ом!

Ветры с гималайских вершин моментально выдувают из головы все мысли, присутствие бессмертных риши в качестве медитационного фактора ощущается однозначно. Да, тут поле накачено серьезно еще со времен письменной фиксации древнейших Вед и Пуран. Это не просто культура местных кланов, но – трансгималайский астральный собор... Я сидел довольно долго, пока какой-то голос, со всей отчетливостью, не произнес в голове слово «дикша» (санскр. «посвящение»). В этот момент я осознал, что сильно похолодало, и тут же на плечи упало что-то теплое. Это Анастасия принесла одеяло.

- Может быть, будем уже собираться? Я смотрю, тебя нет. Пошла искать. Твой друг сказал, ты внизу сидишь. Гляжу – ты в тени. Холодно уже, можно простудиться.

А я-то думал, что Шив Нараян рядом сидит. Оказывается, он минут через двадцать ушел, а я просидел еще с полчаса, совершенно растворившись в мистории гималайского ветра.

Начали спускаться как раз к сумеркам. Натх-баба утверждает, что каждый день по три раза бегают по этой тропке вверх-вниз. Видимо, и Ганга Бхарати ходит, хотя и пореже. Жить на склоне – не нужно посещать фитнес. По пути вниз периодически попадаются каменные кельи, некогда сложенные отшельниками и позже заброшенные. Иногда их кто-нибудь занимает. Ведь все эти пещеры юридически никому не принадлежат. Тут действует правило: кто первый вселился – тот и живет. Хотя, конечно, есть определенное взаимопонимание между пещерниками. Тут действует свой кодекс корпоративного поведения, даже если вы совершенно преодолели все сансарные формальности.

IV. 4. 5. Тропик Рака

На следующее утро мы с Анастасией пошли завтракать к Бхарату, в ресторан «Павитра», и встретили там нашу женскую компанию: Таню, Свету, Аню, Лену. Дамы совершали вылазки по округе, сейчас собирались ехать к очередному водопаду. Мы же отправлялись в Ману. Уже во второй раз, но теперь – пешком. Это был наш скромный пилигримаж в пещеру Ганеши для освящения хрустальных слоников, приобретенных супругой в ювелирной лавке «Махалакшми», с целью привлечения благоприятных энергий в деловую и личную жизнь близких родственников.

Ганеша, слоновоголовый сын Шивы – бог успеха. Его изображения висят во всех индийских бизнесах и кухнях как пространстве домашнего очага. Пользуясь случаем, хотелось непосредственно благословить фигурки у брамина в Ганеша-гуфе. Это будет прямой контакт мурти с субстанцией. Брамин все освятил, покропил, прочитал мантру.

В пещере я заметил сидящее на полу тело в глубоком состоянии, медитирующее. Почему бы не присесть? Ведь рука руку моет... Где-то через полчаса очнулся. Тело соседа продолжало неподвижно сидеть рядом. Я вышел из пещеры на солнечный свет, захватив с собой из мистических недр небольшой камешек на память. Потом отправились к Вьясе. По пути я заглянул в расположенный поблизости, но совсем заброшенный мандир богини Мам Чандики. А во Вьяса-гуфе я вновь вижу того самого человека, медитировавшего в пещере Ганеши, но уже – сидящего напротив мурти Вьясадевы. Я сажусь у той же стены, закрываю глаза. На этот раз никаких звенящих индусок в пещеру не взывалось. Через полчаса открываю глаза. «Пещерный» человек продолжает все так же сидеть. Я медленно поднимаюсь и иду на выход.

Анастасия ждет меня на террасе «последнего индийского чайного магазина». За соседним столиком наблюдаем двух западных туристов: пожилой интеллектурал с седыми волосами и относительно молодая телка, с длинным хайром и мечтательными глазами. Настасья говорит, что судя по разговору, эти люди из Канады. Вероятно, те самые последователи Маршала Говиндана, строящие ашрам. Седовласый рассказывает своей спутнице:

– Ты представь только себе, что мы находимся глубоко в Гималаях, в тех самых местах, где бродит живой Бабаджи. Сатчитананда его видел вот в этой самой пещере!

– Да, это великолепно. Я до сих пор глазам своим не верю, что нахожусь тут...

Девушка была на седьмом небе от восторга.

– Настасья, ты погляди на этот сеанс магического гипноза! – тихо шепчу я жене, показывая глазами на камеру: мол, щелкни, задокументируй состояние... Я, как журналист, сторонник документирования всех редких феноменов.

По пути назад чуть не попали под дождь, но добропорядочные индусы остановились на своей машине подобрать нас. Даже потеснились. И не взяли ни рупии. Категорически отказались от денег.

xxx

Вечером я решил сходить в храм. Думал, зайти, «поставить свечку». А там опять народу – не протолкнуться. Двери закрыты, внутри идет служба. Вокруг самого храма народ ходит вкруговую. У открытых восточных ворот, напротив гарбхагрихи, собрались любопытные. Отсюда можно непосредственно лицезреть, что происходит внутри мандира. Вот только люди, движущиеся вокруг храма, проходят между вами и воротами, стремясь тут тоже на несколько секунд задержаться для более подробного богосвидетельства. Ведь прямо на вас, с алтаря, взирает сам Бадринараян во всем своем царском убранстве! Om Namo Bhagavate Vasudevaya!

Мне удалось притулиться около колонны, так что толпа шла мимо, не задевая. Народ внутри мандира распевал бхаджаны. Минут через пятнадцать мриданги забили реггей, зазвенели храмовые колокола, на подносе у Раваль-джи вспыхнуло пламя. Зал охнул, а вслед за ним – и улица. Иерофант стал вращать поднос с пламенем перед идолами на алтаре, посолонь. Потом дьякон вынес священный огонь в зал, люди пытались поднести к нему ладони и «умыться». А затем поднос с горящим светильником вынесли на улицу. Но это было не все. Через несколько минут точно таким же образом был зажжен второй огонь, а потом – и третий.

После третьего огня все сидевшие в храме встали на ноги и потянулись к выходу. А храм наполнила новая порция людей, ждавших вовне. У восточных ворот, где я стоял, дежурили два моих знакомых привратника, Джай и Виджай. Они объяснили, что эту службу лучше смотреть через ворота, чем изнутри. В храме – тесно, а если стоять на улице, то все видно как в театре.

Новоприбывшие расселись в мандапе (холл для прихожан перед гарбхагрихой). Брамины начали читать мантры. Потом бхаджаны, снова мантры, опять бхаджаны. Наконец, зажигается огонь. Но только уже один раз, после чего двери открываются и публика покидает храмовое пространство, уступая его новой. Сеанс повторяется. Весь цикл длится около получаса. Видимо, в связи с пиком сезона и наплывом паломников пуджа служится несколько раз подряд, чтобы ее могло посетить как можно больше людей.

И все это время вокруг храма, посолонь, движется плотнеющая толпа народу. Между мной и стоящими у входа привратниками течет поток человеческих лиц и фигур. Это совершенно невероятное разнообразие: пастухи в традиционных шапочках, студенты в очках, домохозяйки в сари, интеллигенция в западной одежде и мелкие бизнесмены в пиджаках на дхоти. И, конечно, садху всех цветов и калибров. Иностранцев практически нет.

Что движет этой толпой? Что объединяет ее в этом круговом течении? Стремление к дхарме? Это да, строго богословски. А чисто по-человечески это будет простое стремление к счастью.

«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью».

Американская Декларация Независимости

В голову спонтанно приходит фраза: «Не понимающий желаний простого народа не найдет пути на небо...» Привратники не позволяют народу тормозиться перед воротами надолго, чтобы не задерживать движение. «Madam, sir, please, move!» – они перемежают выкрики на хинди с очень вежливым английским. Люди, надо сказать, тоже довольно вежливые. Никто не тормозит, не напирает. Позади меня уже собралась приличная толпа посмотреть на пуджу, но при этом на входной площадке ситуация как в лондонском метро в час пик: все стоят плотно как сельди в бочке, но никто друг друга не касается. Ну, то есть, есть дистанция, пространство личности, хотя, порой, конечно, масса колыхается...

Я стою между Богом и народом. Мимо протекает поток человеческих судеб, поток охваченных священным трепетом монад. Сзади периодически

раздаются выкрики: Jay Badri Vishal! On Namо Narayana! Иногда толпа подхватывает: Jay! Чей-то голос перманентно распевает: «Нараяна, Нараяна, Нараяна, Нараяна...» Мимо меня плавно проплывает, в общем потоке, сосредоточенное на внутренних видениях лицо Елены... Потом, уже на выходе, я встретил Анну. Она сидела у расписной стены внешних ворот, безмолвно наблюдая броуновское перемещение многочисленных человеческих тел в пространстве. В ее прозрачных глазах отражались созвездия тропика Рака²⁵⁹.

xxx

Созвездие Наугольника²⁶⁰ с территории России и Северной Европы не видно, но зато оно хорошо наблюдаемо из Египта, Индии и Центральной Америки. Именно оно указывает в направлении Великого Аттрактора – гравитационного центра нашей мегагалактики, за пределами которого космические объекты уже ничто не связывает. Отсюда до границ космологической сингулярности (пояса первоматерии) остается, говоря языком современной астрофизики, около 50 миллиардов световых лет. И от Великого Аттрактора до Земли 250 миллионов световых лет. Такие вот пропорции. За Великим Аттрактором расположена Великая Стена Геркулеса / Северная Корона – крупнейший зарегистрированный объект во вселенной. Это сеть галактик, формирующая космическую ткань нашего участка творения. Эта сеть составляет одну десятую всего объема метagalaktiki. Образно говоря, Стена Геркулеса – последний барьер реальности.

Здесь, в Гималаях, психика очень чувствительна к космическим влияниям. Присутствие Парабрахмана тут ощущается не только изнутри (как обратная сторона персонализированного атмана), но и извне – как дхарма вселенной, выражаемая в космических вибрациях, в том числе – священной речи ведических ричей. Йогическая тапасья во многом связана с джапой, то есть практикой перманентной молитвы или повторения мантры. Считается, что само произношение божественных имен имеет первостепенное значение, поскольку это порождает энергию благого деяния, апурву, благодаря которой у человека накапливается «хорошая карма» (позволяющая потенциально рассчитывать на полноценное небесное воздаяние как *обретение ультимативной свободы воли и желания*).

Согласно Упанишатам, на определенном этапе ритуального движения жизни (санскр. «рита») пути предков и пути богов расходятся. Идущие путем

²⁵⁹ **Се́верный трóпик**, или трóпик Ра́ка — одна из пяти основных параллелей, отмечаемых на картах Земли. В настоящее время расположена на 23° 26'16" к северу от экватора (на широте Центральной Индии) и определяет наиболее северную широту, на которой Солнце в полдень может подняться в зенит.

²⁶⁰ **Наугóльник** (лат. Norma) — созвездие южного полушария неба, лежит к юго-западу от Скорпиона, севернее Южного Треугольника, в контакте с Циркулем. Через него проходят обе ветви Млечного Пути, но эта область неба бедна яркими звёздами.

предков возвращаются через Луну в семья и снова рождаются людьми, идущие путем богов покидают Солнечную систему в направлении Большой Медведицы и Полярной Звезды...

Но Полярная Звезда не есть финальная фиксация древней астрономии. Центр Солнечной системы – Млечного Пути – Великий Аттрактор – Стена Геркулеса – Великий Хаос (броуновское движение галактик) – барьер первоматерии Большого взрыва (космологическая сингулярность) – Махавишну (запредельный времени, вдыхающий и выдыхающий вселенные): вот ключевые этапы ведического знания, выраженного в мистических высказываниях древних риши. Понимание закономерностей небесной механики раскрывает ощущение космического пространства в его актуальной динамике, дает с ним обратную связь и стимулирует интуитивное понимание внутреннего и внешнего единства атмана-Парабрахмана. Tat tvam asi.

xxx

Может быть, построить Рама-мандир у Чаран-падуки как места богоявления? Если не сразу серьезный, то для начала – хотя бы, просто, как пирамиду из камней, с символическим мурти внутри? Однажды такую пирамиду мы с Владимиром Нанди уже возводили на хребте Петра Великого, в районе пика Коммунизма (ныне пик Сомони, Таджикистан). Может быть, если за эти 30 лет там не было серьезных тектонических катаклизмов, стоит до сих пор! Гималайская пирамида, безусловно, тоже необходима.

В один из погожих дней мы с Анастасией собрались еще раз сходить в долину Риши Ганги. За компанию пригласили и Шив Нараяна. Поднялись до Чаран-падуки и решили идти дальше. Добрались до скита молчальника Нараяна Гири, но его там не было. Прошли еще дальше, до самой последней каменной сакли, которая в этот сезон оставалась незанятой.

– Может быть, – сказал Шив Нараян, – если я не куплю осенью землю, то на следующее лето снова приеду в Бадринатх и буду жить в этом месте!

А вот здесь можно остановиться. Анастасия собирается порисовать, а мы – погрузиться в наши дхьяны на свежем воздухе. Присели на скалистом спуске, над бурной рекой. Когда я открыл глаза, то Шив Нараяна, сидевшего ниже по склону, не увидел. Осмотрелся вокруг, и тут спонтанно пришла в голову мысль соорудить пирамиду прямо здесь и сейчас, на этом самом месте, из подручного материала. Я сложил платформу, стал возводить стены. Тут сверху спускается мой оранжевый друг, берется помочь. А здесь еще и Анастасия с камерой. Мы построили святилище, я заложил туда в качестве мурти черный камень с надписью белым мелом: «Om Rama Tam». И стопа Вишну. Краеугольный камень заложен.

IV. 4. 6. Магическое наследие Зервана / Калачакра

Я уже писал о сходстве памирской и гималайской культур, шире – персидской (частью которой является памиро-таджикская) и северо-индийской (регион распространения хинди-урду). Урду, главный язык Пакистана, являет собой гибрид санскрита и фарси, сдобренный арабизмами. Хинди, главный язык Индии – это тот же гибрид, заменивший арабизмы санскритскими эквивалентами. *Памиро-гималайская культура* являет собой особый кластер более широкой *индо-тибетской* культурной традиции, распространенной от степей Забайкалья до джунглей Шри-Ланки.

Памиро-гималайская религия сегодня представлена в трех основных ипостасях: в индусских регионах – как почитание самовозникших образов высших сил, сваямбху²⁶¹, в исламских регионах – в формате бадахшанского исмаилизма или суфийских *сильсил*²⁶², ритуально опирающихся на местный магический субстрат (культ пещер, источников и деревьев). Наконец, третья ипостась памиро-гималайской религии – ее гиндукушская разновидность²⁶³, до сих пор сохраняемая в Нуристане (бывший Кафиристан) у немногочисленной народности калашей и имеющая дальние связи с боном и Калачакрой.

«...задолго до того, как мы решили вместе отправиться в Бухару, профессор и я часто мечтали и даже строили планы о том, как нам попасть в Кафиристан, страну, абсолютно недоступную для европейцев, и поэтому такую вождеденную. Мы желали этого особенно сильно потому, что, согласно информации, которую нам удалось добыть, общаясь со множеством людей, там, вполне возможно, скрывались ответы на волнующие нас вопросы как психологического, так и археологического порядка.»

Г. И. Гурджиев. Встречи с замечательными людьми, IX.

На мой взгляд, бадахшанский исмаилизм является, в своем генезисе, формой народного зерванизма, укорененного в этих местах в эпоху

²⁶¹ **Сваямбху** — метафизический и философский термин в индуизме со значением «спонтанно самопорождённый» или «самосущее существо». Сваям значит — «сам», «себя», а бху означает «сотворённый». В вариантах используется в тантрическом буддизме. В Индии термином сваямбху-мурти (буквально означающее «самосущий (нерукотворный) образ») называют двенадцать Шива-лингам — Джьотирлингамов, что значит «образы, самовозникшие из света»

²⁶² **Сильсиля** (цепь преемственности) — это последовательность шейхов тариката, которая восходит к Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям). По сути, в первые века хиджры в большинстве исламских наук, в т.ч. в Тафсире, Хадисах и Фикхе, обязательным условием при передаче знаний являлось наличие цепочки достоверных передатчиков.

²⁶³ **Гиндукушская религия** — совокупность политеистических верований и культов архаичных нуристаноязычных и дардоязычных племён, распространённых в труднодоступных долинах бассейнов рек Кунар (Читрал) и Алинагар (притоки р. Кабул) к югу от Гиндукушского хребта. Связана происхождением с подвергшимися субстратному влиянию местного неиндоевропейского населения культурами индоиранских племён (ариев), вторгшихся в Южную Азию в сер. II тыс. до н. э. Последователи гиндукушского язычества («кафиры»), основную часть которых составляли нынешние нуристанцы, сохранялись довольно массово до XIX века, в настоящее время религия практически вытеснена исламом.

преследования зерванитов (III-V вв.) как интеллектуальной элиты персидского жречества, противопоставивших официальному зороастризму тайный культ Зервана-Акарана – Вечного Времени, или даже Господина за пределами времен. Это фигура концептуально сопоставима с Парабрахманом Упанишад.

Зерванитские общины бежали из центра страны на восточные рубежи персидской империи – Согдиану, Бактрию, Арахозию, Кушанское царство, Тибет. Зерванитский культ *радикального субъекта* за пределами *временной сферы* (зона) лежит в основе иконографии Махавишну, Махакалы, Бхайравы, Кали-Маа и ряда других персонажей дхармической религии, связанных со временем.

Мистерии зерванизма основаны на глубоком понимании законов небесной механики, древнейшее описание которых можно найти уже в шумерском клинописном наследии («халдейская наука»). Шумерская наука о звездах, в свою очередь, восходит к архаичной сельскохозяйственной практике эпохи неолитической революции и становления календарных культов в регионе Плодородного полумесяца (10-12 тысяч лет до н.э.).

Неолитическая революция в Восточной Азии имела автономные ресурсы и протекала, с точки зрения культурно-цивилизационного развития, независимо от неолитических культур Западной Евразии (включая европейскую, семитскую и индо-иранскую). Восточноазиатский календарь делит весь годовой цикл на пятидневки-шестидесятидневки, а не на недели-месяцы, как это принято в западных регионах континента. Ключевые созвездия сельскохозяйственного календаря Востока также весьма разнятся от фигур халдейской науки Запада.

Интересно, что календарь Калачакры, при всем наличии в этой традиции элементов западноевразийского маздеизма, опирается не на халдейскую астрономию (шестеричная система счета, семидневная неделя, двенадцать созвездий Зодиака), а на китайскую (пятиричная система счета, десятидневная неделя, четыре созвездия Зодиака). Членение времени и созвездий в обеих системах не совпадает, за исключением 28 лунных стоянок (аналоги индийских Накшатр). С другой стороны, календарь Калачакры отказался от индийского-китайского сидерического Зодиака (или Зодиака «неподвижной звезды») в пользу древнегреческого и западного Зодиака тропического²⁶⁴.

²⁶⁴ «Разница между сидерическим и тропическим зодиаками – в положении нулевого градуса Овна. В тропическом зодиаке, где бы Солнце ни оказалось в момент весеннего равноденствия в северном полушарии, это его положение называют нулевым градусом Овна, независимо от положения Солнца по отношению к созвездию Овна в этот момент. Зодиак неподвижной звезды прикрепляет Солнце к нулевому градусу Овна, когда оно на

Многие тибетцы настаивают на уникальности своей календарной системы, отрицая заимствования с Запада или Востока. Однако, скорее всего, система Калачакры возникла в результате проникновения индо-халдейской (берущей начало на территории Плодородного полумесяца, около 12 тыс. лет назад) астрономии в регионы изначального распространения китайского неолитического календаря, появившегося в долине Хуанхэ на два-три тысячелетия позже. Калачакра была создана, скорее всего, в период между IV и IX столетиями, эпохой расцвета Великого Шелкового пути и распространения манихейства в качестве новой универсалистской религии от Вавилона до Самарканда и даже – самого Китая.

Наиболее вероятным местом появления Калачакры ряд исследователей считает Согдиану, являвшуюся в те времена центральным хабом²⁶⁵ транснациональной торговли вдоль Шелкового пути. Именно в Согдиане и сопредельных землях (Бактрия, Хорезм, Фергана) в большом количестве осели тайные зерваниты – специалисты по небесной механике и топографии, – бежавшие от преследования центральных властей в Мидии и Персии на восточные окраины Парфянского царства.

Люди из этих кругов, как представляется, были в состоянии выполнить заказ международного купечества по улучшению навигационных технологий на гигантских пространствах Евразии. В результате была создана карта Южной Азии, т. н. бху-мандала (мандала Земли), в центре которой, под именем горы Меру, размещен Памир в окружении шести горных цепей, четырех водных потоков и четырех месторождений драгоценных пород (золото, серебро, рубин, лазурит).

Перевод буддийских текстов с санскрита на китайский осуществлялся через посредничество согдийского языка как лингвы-франка Шелкового пути, известного как индийской, так и китайской стороне. На этом же языке писались манихейские тексты, а позже – тексты манихейских мусульман²⁶⁶ и близких к последним исмаилитов. Как отмечает в книге «Тибетская астрология и астрономия» американский буддолог Александр Берзин, список пророческой силсилы исмаилитов совпадает парампарой манихейских патриархов²⁶⁷:

самом деле находится в соединении с началом этого созвездия.» А. Берзин. «Тибетская астрология и астрономия» (Дхармасала, 1986)

²⁶⁵ **Хаб** (англ. hub, буквально — ступица колеса, центр) — в общем смысле, узел какой-то сети

²⁶⁶ **Манихейский ислам** – здесь шиизм переплетался с учениями Мани. Среди его последователей этого направления было много образованных иранцев – придворных двора Аббасидов конца VIII века н.э.

²⁶⁷ «Адам, Ной, Авраам и пять других, обладающих тамасом, – Моисей, Иисус, Одетый в Белое, Мухаммад и Махди – из касты асуров-нагов. Восьмой будет ослеплённым. Седьмой появится в городе Багдаде на земле Мекки – (месте) в этом мире, где часть (касты) асуров

«Некоторые западные учёные переводят список пророков захватчиков как «Адам, Енох, Авраам, Моисей, Иисус, Одетый в Белое, Мухаммад и Матхани». Перевод «Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мани, Мухаммад и Махди» представляется более верным».

А. Берзин. «Тибетская астрология и астрономия» (Дхармасала, 1986)

При этом верховным божеством манихейства выступал сам Зерван (Зурван), тогда как Ормазд (Ахура Мазда) – верховный бог официального зороастризма – отождествлялся с первочеловеком, Гайомардом (что было понижением статуса и вызывало враждебность институционального жречества империи).

Легендарная могила Гайомарда, известная среди местного населения больше как «часы Адама», находится на старом кладбище туркменского города Ходжейли, на территории древнего Хорезма. Это руина кирпичного мавзолея с остатками купола. Считается, что когда оттуда упадет последний камень, наступит Конец света. При этом Ходжейли является географическим центром Старого Света, т. е. единой континентальной массы Афро-Евразии. Не исключено, что плеяда блестящих хорезмийских астрономов, венчаемая звездами первой величины Аль-Хорезми и Аль-Бируни, продолжала традиции зурванитского подполья, наследуя традиции оперативного проникновения за пределы космологической сингулярности как последнего материального барьера...

Зерван (Зурван) может быть истолкован как дАХР (араб. «рок»), бРАХман (санскр. «расширяющийся»), дХАРма (санскр. «закон»). «Манихейский ислам» – это, фактически, ислам дхармический. Зерванизм – *дхармический маздаизм* (в отличие от *монотеистического зороастризма*). В орфических мистериях Зерван отождествлялся с Фанетом – первосуществом, «парадигмой космосов». Греко-римские изображения крылатого Фанета, обвитого змеем и с жезлом в руке, практически повторяют традиционный образ обвитого змеем крылатого Зервана.

Фанет будет позже отождествлен с Митрой сторонниками римского митраизма, распространившегося во II-IV веках по территории всей империи и составившего серьезную конкуренцию христианству. Однако, митраизм был ориентирован на закрытые мужские союзы, со внутренней системой инициации, тогда как христианство апеллировало к широким массам, без различия возраста и пола. Это предопределило его победу в борьбе за статус единой государственной религии Римской империи эпохи домината: один бог на небе, один император на земле.

В известном смысле, раннее христианство представляло собой разновидность эллинистического контр-культурного синкретизма,

примет вид сильных, беспощадных млечча». Строфа I.154 из «Сокращённой тантры Калачакры» (тиб. bsDus-rgyud, санскр. Лагху Калачакра Тантра)

интегрируя в едином дискурсе еврейскую мистику, греческую философию, римский культ и египетскую (александрийскую) религию. Несторианские деноминации Южной Азии (Аравия, Персия, Индия) тяготели к *дхармическому христианству*, продолжавшему традиции неоплатонических гностиков и маздеистских магов. То же самое можно сказать о паламитах, номинально являющихся православными, и даже представляющих собой интеллектуально-мистическую элиту православия, парадоксальным образом связанную с практиками античных мистерий орфического плана.

Дхармические религии принято отделять от авраамических, иначе называемых монотеистическими. Считается, что сутью дхармической религии (индуизм, буддизм, джайнизм, сиккхизм, а также даосизм, синтоизм и конфуцианство) является безликий «закон» (дхарма), «рок», тогда как в основании монотеистических представлений лежит идея личного бога (Иегова, Саваоф, Аллах). Дхармическими в своей основе были религии ряда народов дохристианской Европы – греков, римлян, кельтов ...

Божества дхармических религий, однако, вполне могут быть представлены в ипостаси единого Бога, аналогичного авраамическому Творцу (тут *монизм* первых и *монотеизм* авраамизма принято догматически дифференцировать, поскольку «монотеизм», в строгом смысле догматической традиции, это только «религия еврейского Бога»). При этом один из главных показателей дхармической религии, вера в переселение душ (метемпсихоз), вполне присущ еврейской мистике, считающейся показательной-монотеистической.

В принципе, дхармизм – это гностицизм. Дхармический аспект иудаизма – каббала, христианства – исихазм, ислама – суфизм, зороастризма (который иногда причисляют к монотеизму) – зерванизм. Мистическая оппозиция дхармизма-монотеизма «аналогична» магическому противостоянию гностического монизма авраамическому монотеизму.

Дхармическая идеология ориентируется, технически выражаясь, на истину четвертого состояния за пределами глубокого сна (турия, *самадхи* как *завершенность судьбы*), тогда как монотеизм упирается в истину третьего состояния (*праджня* как *интегральная мудрость*), сопоставимому с мистическим единством души глубокого сна (*unio mystica*). Еще ниже на шкале Упанишад стоит анимизм как идеология многобожества (сновидение, свапна), а уже самое дно, как идеология реализма бодрствующего эго (джаграт, вайшванара) – это внерелигиозный сциентизм, игнорирующий возможности высших познавательных состояний как «не целесообразные».

При этом искусство *медитационного транса* присуще не только восточной, но и западной духовной культуре, где вокруг этого мистического опыта (лат.

unio mystica) сформировался автономный традиционалистский дискурс. Тему трансцендентального характера души как *неделимого единства* (монады) и ее диалектического познания (гнозиса) поднимали уже Платон и Аристотель, им наследовали позднеантичные гностики и средневековые мистики: Св. Франциск, Альберт Великий, Майстер Эккхарт, Григорий Палама, Якоб Бёме и другие. Западная гностическая аскетика, ориентированная на достижение мистического познания Основы Основ, может быть не менее суровой, чем восточная тапасья (санскр. «аскеза»).

Пути западных и восточных мистиков разошлись после радикального усиления на Западе культурно-политического диктата монотеизма и активизации репрессий против альтернативных направлений духовной мысли, прежде всего – дхармической, постулировавшей внутреннее тождество атмана-Брахмана, внутренней сущности человека и Парабрахмана. «Tat tvam asi, ты то еси», – провозглашают Веды. Всякая душа есть Брахман.

К дхармическому типу относятся не только индуизм и другие религии Индостана (буддизм, джайнизм, сикхизм), но также дохристианское язычество евразийских народов – от Ирландии до Средней Азии.

Для монотеизма человеческая субъектность бесконечно дистанцирована от божественной, тогда как в дхармизме божественная субъектность имманентна человеческой. С точки зрения монотеистов дхармисты, не признавая персонализированного внешнего единоначалия, верят в безликую судьбу. С точки зрения дхармистов любой субъект монотеизма есть всего лишь один из ликов дхармической сангхи (сообщества).

В период экспансии монотеизма (христианство и ислам) дхармическое язычество ушло в подполье, и позже было формально интегрировано в монотеистические культы под видом закрытых орденов и союзов (как легальных, так и нелегальных). В то же время на Востоке (Индии, Китае и сопряженных территориях) «дхармическая» передача мистического опыта продолжала иметь место как систематическая традиция, дожив до наших дней. Но дхармические тенденции постепенно начинают возвращаться и в духовное пространство Запада – через интерес к восточным религиям и автохтонному язычеству.

Всё движение Нью Эйдж является глубоко «дхармическим» по своей интенции. Однако, началось западное обращение к Востоку вовсе не с Нью Эйдж, а с европейского колониализма, благодаря которому с середины 19 века западные интеллектуалы стали постепенно знакомиться с наследием дхармической мысли (Веды, буддийский и джайнский каноны). Это позволило, им со временем, «вычислить» дхармические элементы в собственном историческом наследии, включая христианство, что, в свою

очередь, продвинуло уровень духовного диалога и практического взаимопонимания между Западом и Востоком в целом.

Сегодня в странах Запада наблюдается массовый переход населения в дхармизм. Это при том, что в целом данный тип религиозного сознания здесь еще не осмыслен, не отрефлексирован должным «культурным» образом. Обращение жителей Западных стран к мистическим практикам Востока и погружение в интеллектуальный дискурс движения Нью Эйдж размывает утвержденные вместе с христианством нормы монотеистической морали и ментальной акробатики.

Западное неоязычество, одной из разновидностей которого является безбожие (или атеизм, когда человек не чувствует над собой монопольной власти кого бы то ни было), представляет собой дхармический тип миропонимания, резонирующий с магическим монизмом индуизма, утверждающего полное/пустое тождество атмана/Брахмана в контексте де/персонализированной Дхармы.

Дхарма – Неведомый Бог гностиков. Здесь термины взаимно зеркалят друг друга. Таков Неведомый Бог сикхизма – еще одной дхармической религии. Сикхизм – разновидность дхармического ислама. Другая разновидность последнего – Ахмадийя. Несмотря на всю внешнюю разницу в богословии и богослужении, обе религии типологически схожи своим исламо-индусским синкретизмом (с преобладанием того или другого элемента).

Христианство, как религия Европы, являет собой своеобразный культурный сплав еврейской мистики (христианство как община иерусалимских евреев), античной философии (христианство как евангельская и святоотеческая литература) и египетской религии (с учетом заимствований из нее элементов иерусалимскими жрецами Иеговы). Четвертый элемент этого сплава – автохтонные культы европейских язычников, последовательно христианизированных римскими эмиссарами.

Элементы дхармического миропонимания были развиты у языческих народов Европы неравномерно. Некоторые из них обладали развитой мифологией, отражающей тему Вечного Закона, другие – все еще находились на стадии архаичного анимизма (прежде всего, народы европейского Севера и Северо-Востока), не ставящего ментальной задачи глобального обобщения.

Римское общество, религией которого была юриспруденция, представляло собой идеальный дхармический социум (римское право до сих пор определяет легальный порядок континентальной Европы).

Что заставило это общество сменить устойчивую мировоззренческую парадигму, принять авраамический монотеизм как «единственно верный»?

Ведь это привело к отказу эллинизированного Запада от собственного культурного наследия, от автохтонных исторических авторитетов в пользу этического учения библейских пророков из далекой заморской страны. Да к тому же, излагаемого не в канонической интерпретации храмовой аристократии, кознов и левитов, а устами народных сказителей еврейской диаспоры!

Римляне, как истинные дхармисты, смотрели с высоты культуры римского права на все религии как на формальные проявления единой божественной силы, имперсональной в своем тайном исходе. Из истории известно о череде восточных культов, захвативших империю. Но при этом основы римского порядка оставались незыблемы.

Христианство – один из восточных культов эллинистического типа (античный Нью Эйдж), укоренившихся в столице. К тому времени римские императоры уже наигрались в античных богов. Теперь им захотелось, видимо, поиграться в библейских царей и пророков. Эллинистическая идеология, воцарившаяся в империи со времени присоединения Египта, вполне позволяла это сделать. Если греки были фараонами, почему бы римлянам не стать коэнами?

После того, как христианство было объявлено официальным культом империи, вся корпорация римских жрецов-юристов, во главе с Великим понтификом, перешла в новую религию, с наследственным сохранением епископских должностей за определенными фамилиями. За отсутствием в среде новых кознов какого-либо опыта еврейского мистицизма, упор был сделан на интерпретации Священного Писания через призму приоритетов античной риторики.

Египетский ритуал взяли у александрийских греков (в той форме, в которой последние унаследовали его от настоящих египтян), присовокупив часть литургических фрагментов из римского императорского культа. Собственно еврейская, а точнее – ветхозаветная мистика культивировалась, разве что, в среде раннего египетского монашества, наследовавшего традиции терапевтов²⁶⁸ и ессеев²⁶⁹.

IV. 4. 7. Учение о пяти огнях – Панча-агни-видья

Поистине тот мир, Гаутама, это жертвенный огонь. Солнце – его топливо. Лучи – дым. День – пламя. Страны света – угли. Промежуточные стороны – искры. На этом огне боги совершают приношение веры. Из этого приношения возникает царь Сома.

²⁶⁸ **Терапевты** (от др.-греч. θεραπευτής — почитатель, поклонник, (священно-)служитель) — иудейская аскетическая секта, члены которой предположительно поселились у берегов Мареотидского озера близ Александрии (Египет) в I веке н. э.

²⁶⁹ **Ессеи** (греч. Εσσηνοί, Εσσαιόι, Οσσαιοί или кумраниты) — одна из иудейских сект, получившая начало в первой четверти II в. до н. э.

Поистине, о Гаутама, Парджанья – это огонь. Год – его топливо. Облака – дым. Молния – пламя. Удары грома – угли. Град – искры. На этом огне боги совершают приношение царя Сомы. Из этого приношения возникает дождь.

Поистине, Гаутама, этот мир – огонь. Земля – его топливо. Огонь – дым. Ночь – пламя. Луна – угли. Звезды – искры. На этом огне боги совершают приношение дождя. Из этого приношения возникает пища.

Поистине, Гаутама, человек – это огонь. Открытый рот – его топливо. Дыхание – дым. Речь – пламя. Глаз – угли. Ухо – искры. На этом огне боги совершают приношение пищи. Из этого приношения возникает семя.

Поистине, Гаутама, женщина – это огонь. Лоно – его топливо (и т.д.). На этом огне боги совершают приношение семени. Из этого приношения возникает человек. Он живет сколько живет. Когда же он умирает, то его несут к [погребальному] огню.

Его огонь и есть огонь. Топливо – топливо. Дым – дым. Пламя – пламя. Угли – угли. Искры – искры. На этом огне боги совершают приношение человека. Из этого приношения возникает человек, имеющий цвет сияния (Вирадх или Пуруша-Праджapati в роли творца вселенной)..."

Брихадараньяка Упанишада. 6.2.1-14.

Некогда Рам рассказывал о специальном йогическом ритуале, который он называл «агнихотра» (санскр. «огненная церемония»). Это была так называемая «медитация пяти огней». Для этого йогин возжигал вокруг себя четыре огня, а пятым считалось Солнце в зените. Этот ритуал восходит к ведическому учению о пяти огнях (санскр. «панча-агни-видья»), где говорится о последовательном цикле трансформации жизненной субстанции человека, проходящей через пять стадий воплощения (в качестве Сомы, дождя, пищи, семени и тела).

Финальная пурушамедха²⁷⁰ осуществляется как обряд кремации тела, после чего душа может в очередной раз отправиться по пути предков (цикл человеческих перевоплощений) или же пойти путем богов, что предполагает окончательный разрыв с линией предков и ее кармическим притяжением. Путем богов идут познающие высшего Брахмана.

Пять огней жертвоприношения	Пять ваю (ветров)	Пять первозлементов	Пять дхьяни- будд ²⁷¹	Состояния сознания
--------------------------------	----------------------	------------------------	-------------------------------------	-----------------------

²⁷⁰ **Пурушамедха** (санскр. पुरुषमेध puruṣamedha IAST — «жертвоприношение человека») — ведийский ритуал принесения в жертву человека.

²⁷¹ Созерцательная иерархия дхьяни-будд представляет собой пирамиду сознаний. На высшем уровне тут находится синий будда Вайрочана, символизирующий мудрость дхармового пространства, т. е. ментальную (концептуальную) пустоту. Ниже находится белый дхьяни-будда Ваджрасаттва, символизирующий зеркальную мудрость души, одна сторона которой обращена к пустой дхарме, другая – к миру недвойственности, целокупного единства (мудрость равномерности), символизируемого желтым дхьяни-буддой Ратнасамбхавой. Еще ниже находится красный дхьяни-будда Амитабха, символизирующий мудрость дифференцирующего сознания, и еще ниже – зеленый дхьяни-будда Амогасиддхи, воплощающий всю комплексную (безначальную) мудрость дхьяни-будд. Общим интегралом для всех пяти дхьяни-будд выступает белая фигура

Огонь Луны (Сома)	Удана	Вишуддха - эфир	Вайрочана – синий (вода)	IV – турия – четвертое состояние
Огонь пространства (дождя)	Прана	Анахата - воздух	Ваджрасаттва – белый (металл)	III – сушупти – глубокий сон
Огонь пищи	Самана	Манипура - огонь	Ратнасамбхава – желтый (земля)	II – свапна – сновидения
Огонь семени	Апана	Свадхистхана - вода	Амитаба – красный (огонь)	I – джаграт - бодрствование
Огонь человека	Вьяна	Муладхара - земля	Амогхасиддхи – зеленый (дерево)	интегральное состояние

Путь богов, согласно ведийской передаче, разделяется с путем предков уже на погребальном костре. Следуя путем предков, души идут сначала в дым, затем, последовательно, в ночь, мир предков, на Луну, и оттуда – снова в форматы планетарного существования: пространство, ветер, дождь, пища, семя... Идущие же путем богов идут с погребального костра в пламя, в день, на Солнце, в молнию (энергию пространства), Брахмана...

Полуденная агнихотра с пятью огнями символизирует собой погребальный костер, на котором – для тех, «кто так знает» (санскр. «*ya evam veda*») – обретается магическое единство Пуруши и боготворческая целостность Праджapati. Такую агнихотру, по полному чину, мне приходилось делать лишь дважды, оба раза – в Таджикистане: в долине Ягноба (для преодоления железного занавеса) и в долине Обимазора (для обретения космического знания). В прошлом году я имитировал агнихотру в номере бадринатхского отеля, заменив огненные алтари стеариновыми свечами. Но это был больше символический процесс, чем космический – когда включаются реальные стихии местности...

Когда я рассказал про агнихотру Шив Нараяну, он тут же предложил совершить всю процедуру у него на площадке перед пещерой. Дрова на топливо тоже можно заказать. За пять фунтов принесут целую вязанку, уже готовых. Ну, тут, как говорится, сам Бог велел!

– Ты не против, если я тоже приму участие в этой агнихотре? – спросил мой друг осторожно.

– Конечно, нет! Присоединяйся!

– И что, мне нужно разложить для себя отдельные костры, или мы поместимся в общий круг?

Это был хороший вопрос. Ритуально огонь должен быть индивидуальным, но в данном конкретном случае речь могла идти об учреждении нового «греко-индийского» формата мистерии агнихотры по двойному чину Нара-

бодхисаттвы Авалокитешвары – мудрость сострадания всем живым существам, аватаром которого является далай-лама как глава желтошапочного ламаизма.

Нараяна, Ашвинов-Диоскуров, Гипноса-Танатоса, Вишну-Шивы как полярных аспектов Парабрахмана.

Греко-индийский характер носит вся аналитическая адвайта Рама, поскольку философски и терминологически систематизирует начала древнегреческого научного мышления и древнеиндийской религиозной философии в интегральной модели Нуль-Гипотезы-Теории (НГТ). Показывая когнитивную связь между греческой и санскритской терминологией, НГТ представляется разновидностью неоэллинистического универсализма, типологически близкого дискурсу греко-буддийской культуры (от маурьев до кушан, IV в. до н.э. – I в. н.э.). Есть мнение, что именно греки «изобрели» махаяну, интегрировав в этот интеллектуальный девайс²⁷² разные системные продукты: ведический символизм, китайскую астрономию, греческую диалектику и гималайскую магию. Не удивительно, что махаяна (сегодня – в тибетской передаче) привлекает большое число западных ценителей вселенской мудрости, интеллектуально и эстетически резонирующих с традициями эллинистического буддизма.

Рам в НГТ показал сравнительную взаимосвязь терминологии и концепций в традиции греческой философии (Платон, Аристотель, Гегель, Ясперс) с индийской философией в формате Упанишад, адвайта-веданты Шанкары и неоведанты (Рамакришна, Махадеван), а также с установками мадхьямики (Нагарджуна, Анагарика Говинда, Дандарон) как центральными для махаяны. Так что можно было бы построить мандир в неокушанском стиле, а в качестве мурти поставить фигуру бородатого старца из белого мрамора, держащего в руках черный куб – гексаэдрическую модель НГТ. Это будет символ Парабрахмана, дающего людям формальное учение о неформальном, транслирующего новую Веду, новое Евангелие, новое Откровение о мистических путях достижения высшей Дхармы через йогу познания и созерцания.

Изучая феноменологию познания, Рам прошел не только через древнегреческую и немецкую классическую философию, но также глубоко исследовал гностическую традицию западного критического мышления, близкого в своей «физиологии» шраманским практикам индийских мистиков-гимнософистов, широко применявших технику медитационного транса для привлечения интуитивных резервов бессознательного или трансцентентного. Он понял, что все фундаментальные вопросы бытия, идентичности, познания, свободы и экзистенциальной адекватности разрешаются, следуя логике Упанишад, в состоянии глубокого сна (сущупти, праджня), в котором, однако, должен еще парадоксально «проснуться»

²⁷² **Девайс** (англ. device) – устройство, прибор

внутренний свидетель (греч. «психе» или «душа» глубокого сна). Вот это и будет самадхи²⁷³: пробуждение духа турии в душе глубокого сна.

Иногда такой процесс-курс-путь сопровождается ментальным трансом, йогин впадает в беспамятство. Иногда, напротив, состояние самадхи (пустая волна) врывается на какое-то время в обычное бодрствование (вайшванара), вызывая блаженный сон наяву. Четвертое состояние (турия) как таковое есть чистый Парабрахман, наивысший субъект Вечного Закона (Санатана Дхарма), который есть ты: «Тат твам аси» (санскр. «ты то еси»). На уровне глубокого сна энергия всех вопросов должна быть трансформирована в энергию позитивного рывка к самадхи, в четвертое состояние. Это значит, что резервы состояния глубокого сна (сушупти) должны быть мобилизованы на прорыв к турие. Эта мобилизация означает ни что иное, как консолидацию состояния единства, не-двойственности, равноудаленности от бытия и небытия, адвайты, праджни: «Праджнянам Брахма» (санскр. «мудрость есть Брахман»).

xxx

«Магия пустоты, как нуль-один-энергия праны, действует нуль-магически, нуль-направленно, всесторонне воздействуя на расстоянии. Ключом к магическому воздействию является гипновнушение. Развитое гипновнушением мистическое сознание влияет на магический центр, облучает пустоту и полноту, интуитивно диалектику и метафизику, завихряется (против часовой стрелки) вокруг мудрости единого бытия (on-henosofia)».

Р. М. Тамм. Магия (1980)

Я поднялся в пещеру Шив Нараяна к одиннадцати утра, чтобы у полудню уже зажечь огни. Пока мой друг заваривал чай, к пещере подошел один потерянный человек. Выглядел он как местный пастух: босиком, в черном свитере, фиолетовой балаклаве, небритый. Глаза аж горят.

– Вот Вальдемар, садху из Лондона. Он специалист по философии и телепатии!

– По телепатии?

– Да!

Шив Нараян что-то бодро объясняет человеку на хинди. А тот все более внимательно всматривается в меня, кажется, серьезно опасаясь, что мне на самом деле может быть известно содержание его черепной коробки. Не приведи Господь!

²⁷³ **Самáдхи** (санскр. समाधि, от: samā, "равный" и dhi, "интеллект") — в индуистской и буддийской медитативных практиках — состояние, при котором исчезает сама идея собственной индивидуальности и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого. Самадхи есть то состояние просветления, достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами (субъектом и объектом), слиянии индивидуального сознания как микрокосма, с космическим абсолютном, как макрокосмом.

- Именем Господа Бога нашего приказываю тебе... рассказать свою историю нашему гостю.
- Я родился в Кордове. Мой отец был богат.
- Ты можешь опустить это, Пачеко...²⁷⁴

Из разговора выходило, что наш гость пребывает в садхане уже пятнадцать лет, будучи на службе у своего мастера, чей скит находится в паре сотен метров отсюда. Сам мастер-баба сидит в своем бадринатхском ретрите уже семьдесят лет! Сейчас ему девяносто. Сидит и медитирует. Совершает тапасью. Но в этом году что-то пошатнулось со здоровьем. Пришлось бабу увезти в больницу. Вернется ли назад – все под вопросом... Брахмачарин сокрушается, что за пятнадцать лет практики так и не понял, продвинулся ли он по пути к просветлению? Вроде как никакие откровения его не посещали, никаких вспышек мудрости не испытывал. Если баба не вернется – значит все впустую? Да и вообще, к чему все это нужно? Человек регулярно практикует пранаяму, контроль сознания. А вот в последнее время его повсюду стали преследовать неприятные запахи.

- Неужели приятных запахов совсем нет?
- Тоже бывают, но неприятных больше, и они раздражают.

Я думаю, у человека могла нарушиться химия мозга в силу хронического ментального стресса из-за неправильно применяемой техники концентрации. Дхарана не переходит в дхьяну, вайшванара блокирует свапну. Иначе говоря, ментальное напряжение из-за волевого стремления к просветленности не купируется состояниями интуитивной открытости, но обретает характер устойчивого психоэнергетического *шизо-блока*²⁷⁵, препятствующего обратной связи субъекта с субстанцией собственной просветленности (как премудростью души глубокого сна).

Вместе с тем, плохие запахи, видимо, как-то связаны с негативной кармой, негативными факторами в судьбе. Я бы это воспринял как знак близкого присутствия негативных сил. А когда же еще пахнет серой? Вспоминаются истории Александры Дэвид-Неэль²⁷⁶ про лам-оборотней, энергетически высасывающих своих учеников, а то и заманивающих их в безлюдные места и там, обратившись тигром или медведем, безжалостно пожирающих несчастных. Их кости обнаруживаются много спустя... Правда, Бадринатх – место далеко не безлюдное, но в том, что здесь проходят черные пуджи, можно не сомневаться.

²⁷⁴ Фрагмент диалога из фильма «Рукопись, найденная в Сарагоссе» (1965, Польша)

²⁷⁵ **Шизо-блок** (термин НГТ) – условная психо-энергетическая формация, изолирующая субъекта состояния бодрствования (ego) от парасубъектности сна (auto) и глубокого сна (psyche), тендирующей в сторону нулевой субъектности Парабрахмана (pneuma).

²⁷⁶ **Александра Дэвид-Неэль** (фр. Alexandra David-Néel, 24 октября 1868, Сен-Манде — 8 сентября 1969, Динь-ле-Бен) — французская оперная певица, поэтесса и композитор, более известная как путешественница, писательница и исследовательница Тибета. Знаменита тем, что достигла столицы Тибета — Лхасы в 1924 г., и рядом книг о Тибете.

Традиционные индийские гуру не склонны разжевывать последователям каждое телодвижение. Когда мастер что-то делает, остальные должны просто имитировать его, максимально приближаясь к оригиналу. Кто как может, кто как понял. Мастер медитирует – ученик должен без слов смекнуть, как достичь аналогичного состояния. Если не смекнул – значит карма не дает, работать надо. Не каждому мастеру это нужно. Не все случаи излечимы. Да и не всякий мастер способен дать квалифицированный ответ на запросы отдельных учеников.

Это вообще большая проблема – верификация результатов подобного обучения. Что может быть критерием просветленности, или хотя бы приближения к ней на осязаемое расстояние? Чем измерить глубину интуиции? Способностью к угадыванию? И этим тоже, но не только... В наше время огромное количество народа обучается у всевозможных гуру и мастеров широкого духовного профиля. Как метко заметил один американский автор, «если две тысячи лет назад на всю Азию можно было встретить лишь одного будду, то сегодня в любом крупном мегаполисе живет, по меньшей мере, десяток будд...»

Что, собственно говоря, требуется доказать на пути духовного развития, какие качества ума и свойства характера? И главное – кто тут авторитетные судьи? Конечно, просидеть полвека в пещере где-то на отрогах реальности – это не то, что сделать карьеру в нью-йоркском филиале Чейз-Манхэттен-банка. Здесь, на отрогах Гималаев, свои ценности. Никто не ропщет. Терпение – главная добродетель. Терпение – это тапас, форма аскезы, дающей магические силы власти над реальностью – сиддхи.

«В Индии никого не интересуют дикши, все ищут только сиддхи», – делятся ноу-хау инсайдеры эзотерических рынков. Дикша – инициатический обряд, символический жест. Насколько он будет эффективен, зависит от магической силы исполнителя обряда. Сильные маги ни в каких обрядах не нуждаются, они непосредственно проецируют свою волю на должный результат. Для запуска таких механизмов не существует рациональной технологии, всякая попытка сделать *процесс* магического воздействия *понимаемым* снижает его суггестивность, ограничивает стратегическую инициативу глубинных ресурсов психики, с необходимостью в этот *процесс* вовлекаемых.

– Только вера в добрые дела, дружище, выведет тебя к свету Парабрахмана!

Наш гость, попив чаю, скрылся в каменистом ландшафте так же незаметно, как и проявился из него полчаса назад. Теперь самое время заняться кострами. Их будет четыре штуки – по углам площадки. Деревянные пирамидки подпаливаются, мы с Шив Нараяном сидим друг напротив друга,

метрах в трех, он лицом на Восток, я – на Запад. Читаю полный чин Рамамантры, связывая пространство магическим узлом нуль-энергии:

ॐ rama tam - om ram ramo tam - sri ram ramo tam – rama eva param tattvam - rama eva param brahman - rama brahma tarakam – oma ramaya namah - om aham ramasmi – om rama tam – rama tam om - sarva grahan vighnan shantim kuru svaha - tam om rama - sarva grahebhyo vighnebhyo satrubhyo svaha – om tara tam - om tarani taraya - om tare tuttare ture svaha – om mani padme hum - rama tam om – tarasmi tamasmi ramasmi – yoga citta vritti nirodha – prajnanam brahma - ayamatma brahma - tat tvam asi - aham brahmasmi - sarva dharma sūnyatā svaha - rama tam ॐ ...

Странное ощущение – словно сегодня день слета всех астральных мудрецов: Нар-Нараян, Нарада-муни, Вьяса, Васиштха, Агастья, Вишвамित्रа, Махаватар... Возможно, бессмертный Шанкарачарья, как ипостась Шивы в облике бога философии, тоже присутствует где-то здесь? Его имя связано практически со всеми знаковыми святынями, храмами и святынями этого гималайского региона. Вот даже мурти Бадривишала – и тот был извлечен рукой Шанкары из Тапта-кунда.

Мурти самого Шанкары можно видеть повсеместно, в том числе – на территории Бадривишал-мандира. Самадхи-мандир, или усыпальница святого учителя находится рядом с храмом Кедарешвары в Кедарнатхе – священном городе индуизма в верховьях Мандакини, на высоте более трех с половиной тысяч метров над уровнем моря. Вернее, находился. Он была снесен селом в катастрофе тринадцатого года, когда был смыт, практически, весь Кедарнатх – за исключением самого Кедарешвар-мандира.

xxx

Возвращаясь после агнихотры назад в гостиницу, я приостановился поговорить с одним из знакомых садху на променаде. Неожиданно ко мне подбегает человек с видом съехавшего факира и начинает усиленно кланяться в ноги, целовать полы одежды, приговаривая: «Хари Ом, махарадж!»

– Не обращай внимания, это ментально больной человек, – говорит мне садху.

Съехавший? Возможно и съехавший, но до какой степени может быть съехавшим человек, опознающий лично в вас самого Господа Бога? Тем более, сразу после вашего магического отождествления с Вишну в самадхи... От премудрых утаил..?

Потом встретил на перекрестке, у офиса Храмового комитета, двух высоких мужчин, громко говоривших на североамериканской версии английского. Оба спутника гладко выбриты, одеты в белоснежные дхоти с иголки и

браминские шнуры, лбы аккуратно раскрашены цветной пастой. Спускаются вниз, артикулируя, как боги, никого вокруг не замечая. Очень похожи по напускной аррогантности на западных кришнаитов высоких рангов, совершенно изолированных от жизни передавшего им дхарму индийского народа. Вот и мимо меня эти «белые» просто тупо проследовали, не обратив никакого внимания на инсигнии тайного гималайского сатсанга... А ведь могли бы списать пару сотен жизней и родиться в следующий раз сразу во Вриндаване²⁷⁷! Не включилась телепатия – значит не дошли еще до кондиции...

IV. 4. 8. Ритуал как стиль жизни

Сходить перед отъездом на утреннюю абхишеку – святое дело. Вышел в ночь вместе с первыми колоколами, у храма был в начале пятого, а вокруг уже собрался народ. Уже сразу понятно, что всем сразу не войти. Слава Богу, у меня на входе знакомые привратники, так что они меня провели и даже усадили в первом ряду, прямо у порога самой гарбхагрихи, на который я поставил принесенную на освящение медную фигуру Бадривишала.

На этот раз мне удалось очень внимательно разглядеть черный камень с медитирующим богом. Это, похоже, в самом деле сваямбху, т. е. самовозникший, природный образ, практически не тронутый человеческим резцом. Возможно, где-то чуть-чуть подколочено, подбито. Но не более того. Вся фигура напоминает графически букву «Ф». В ней можно легко увидеть черты сидящего в позе лотоса йогина, сложившего непропорционально длинные руки у живота. Лицо никак не выделено. Просто контур головы обрамлен несколько выпуклой, словно подушка безопасности, каменной аурой. От левого плеча до правого бедра образа тянется диагональная трещина, воспринимаемая визуально как брахманский шнур.

На идеализированном же образе Бадринараяна представлено четыре руки с атрибутами Вишну. Этого всего нет в оригинале. Как нет и кроны дерева Бадри (или тысячеглавого змея Шеши) над головой. *Оригинальный мурти* прост как суровая стихия гималайских медитаций, культивирующих пещерное самадхи. Джей, Бадривишал! Прошел все стадии ритуала, а под конец как-то спонтанно отключился. Очнулся, когда под звон колоколов священное пламя обходило зал. Служитель толкает меня, пытаюсь что-то вручить. Я смотрю – и вижу медную фигуру Бадринараяны. Уже освященную. Теперь сидящим рядом брахманам надо дать в руку. И еще положить на алтарь. И на выходе дать двум привратникам, естественно. Можно проспонсировать святилища в храмовом дворе и положить жрецу на поднос у выхода из главных ворот на площадь.

²⁷⁷ Считается, что все родившиеся в административных границах города Вриндаван являются свободными душами, отбывающими на земле свое последнее рождение.

xxx

На пути домой зашел к Чохану в аптеку, попрощаться, взять на дорогу мумия. Спрашиваю его, не видел ли он Йогираджа? А то ведь нам так и не пришлось встретиться. Один раз, коротко, в ювелирке «Махалакшми», а потом все не пересекались... Чохан говорит: «Приходи в четыре!»

Прихожу в четыре.

– Йогираджд был?

– Вот он, смотри, на той стороне площади!

Я смотрю – и замечаю цветастую тогу Йогираджа, его большой тюрбан. Иду к нему, не отрывая взгляда, но тут надо обходить препятствие, с потерей перспективы. Максимально быстро возвращаюсь в позицию наблюдателя, но Йогираджд уже... пропал! Нет его нигде вокруг – и все. Я подхожу к месту у порога чайной, где он только что стоял. Нет его нигде. Ни в чайной, ни вокруг, ни во дворе... Возвращаюсь в аптеку:

– Что за странности! Только что был – и уже нет!

Может быть, сходить к нему домой? Я помню как к нему примерно идти. Чохан подсказывает: напротив банка, через дорогу.

– Он будет гарантированно дома после пяти. В это время ему надо кормить огонь.

В самом деле, я застал Йогираджа в его келье на склоне Алакнанды, занятого кормлением огня. Ом Намах Шивайя! Глаза мастера загорелись. Тут все как прежде, ничего не изменилось. Костер с трезубцем посередине, портрет гуру Сундер Натха у стены. Я показываю Йогираджду черный шарик из Ришикеша, подарок Вира. Он смотрит и говорит:

– Это ерунда. Субститут. Вот, посмотри...

И он бросает мне свой шарик. Зажигалкой пользоваться в пещере нельзя. Только спичками или угольками. Настоящие садху вообще никогда не пользуются зажигалками. Шарик Йогираджа по-настоящему магический. Он заварил настоящий йогический чай. Потом он пек лепешки, а я рубился на огонь. Перед внутренним взором прошли все Веды, Упанишады и Пураны...

Объект повествования везде один, и субъект – тоже. Считается, что люди о нем знают только через священные тексты, потому что собственным умом догадаться невозможно. Тут народ до сих пор воодушевляется пураническими легендами. Это вам не Слово о полку Игореве или Песнь о Нибелунгах... Индийская религиозность может показаться чрезмерной, но она далека от фанатизма монотеистов.

Для индусов все религии – фрагменты единой Санатана Дхармы, Высшего Закона, наиболее просветляющим образом изложенного для них в Ведах. Индийцы – люди закона, люди книги. Традиции передачи священных текстов, связанные с разными мнемоническими приемами и рецитативными техниками, живы до сих пор. Наиболее продвинутыми специалистами в вопросах ведической обрядности считаются брамины из керальского клана Намбудири, служащие также в Бадринатхе, Кедарнатхе и ряде других храмов Уттаракханда. Чохан мне говорил:

– Все думают, что у Раваль-джи работа хорошая. А ведь у него работа очень тяжелая: он должен пять раз в день, перед каждой пуджей, купаться в Тапта-кунде! У него, конечно, есть отдельное изолированное помещение, но ведь омовение в горячей воде делает человека уставшим, расслабляет. И так – пять раз ежедневно, без выходных, из года в год! Думаю, он очень устает...

Да, тут, конечно, десять раз подумаешь, надо ли становиться главным жрецом? А ведь ему еще жениться нельзя. И до других людей вообще дотрагиваться. Рядом с ним всегда ходит специальный стражник с булавой, который предупреждает и отгоняет народ, что б не липли к Раваль-джи и не трогали. Он ведь предстает в глазах простого народа чуть ли не как живой Вишну, обожаемый ежедневным контактом со священным сваямбху-мурти Бадривишала и другими культовыми объектами гарбхагрихи.

У Йогираджа – своя садхана. Его яджня – агнихотра Махадэва-Адинатха по чину Сундар Натх Бабаджи Махараджа, чей портрет также висит в храмовой галерее Бадривишал-мандира. Внутренняя галерея храмового двора – настоящая магическая сцена. Здесь каждый день идут свои ритуалы. «Рита» означает на санскрите «космический порядок». Отсюда слово «ритуал». Иными словами, *рита* – это укрепляющая волю к совершенству систематичность...

Звонок мобильного вывел меня из грез.

- Твоя миссис? – спросил Йогираджд?
- Даже не знаю кто. Аппарат отключился...
- Останешься еще, или нужно идти?
- Видимо, пойду. Завтра ехать. Может быть звонил водитель.
- Ок. Вот, возьми чапати, я пожарил.
- Ом Намах Шивай! Ты настоящий мукти. Желаю тебе достижения всех благ!

Чапати оказались на удивление вкусными. Все пропорции выдержаны идеально. Вот что значит «дело мастера боится». Что-то как ни садху – так обязательно первоклассный кок!

IV. 5. Через Чопту в Утхинд

Фото: Встреча с бродячими шиваитскими садху в долине Чопта, на пути к священному храму Омкарешвары: "Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный..." (я стою с указующим жестом перед двумя садху, на фоне гималайской панорамы)

Dima Že: реинкарнация пальца

Andrey Prigov: ...и указал он им путь...

Владимир Иващенко: Картина маслом, 19 век, академический реализм, " А здесь будет Шамбола."

Dmitri Petrjakov: А что в турецком дипломате?

Margarita Keptsova: Все свое ношу с собой

Максим Медоваров: Ох ты! Шикарно!

Владимир Иващенко: " План" - " Планеторизации" - " Планородия"

Anna Kirukhina: Перст, указующий путь к истине

Ирена Свиклан: Опять мне завидно что я не попала в эти земные райа что не чистой еврейской крови все время с мужчинами но чаще в пещере блочной квартиры и рутине с барахлом но надеюсь что заслужу быть с вами.....

Ira Russ Dalai: Susanin

Серж Костерин: СЛУЧАЛОССССЬ. ГОСПОДИ, РУКИ КАК У МЕНЯ. ОБРАТИТЕ.

Anastassia Wiedemann: Крамской отдыхает...

Фото: Masterchecking of Reality (Chopta valley)

Наталья Мороз: Завидки, блин.... На Гималаи подсаживаешься с первого раза. Дальше живёшь с мыслью - "вот бы ещё так улётно чумануться")))) Даст Бог, в следноябре повторим)))

И вот мы уже мчим, с утра, в Джошиматх. Вместе с нами туда едет хиромант Четан Сваруп Брахмачари. Шив Нараян рассказывает ему про Рама, его практику. Разговор идет на хинди, но я понимаю общую канву.

– Брахман – это прана, – говорит мне хиромант по-английски.

– Прагьянам брахма, – отвечаю я ему санскритской махавакьей.

На самом деле я вижу, как рамовское понимание адвайты позволяет включить воображение даже у косных индусских отшельников. Хотя Четана Сварупа «косным» не назовешь. Крупный мужчина лет сорока, с густой черной бородой – ему у западных женщин цены бы не было. Но его разные шуры-муры не интересуют. Только тонкости ведической хиромантии. В хорошем месте стоит его ашрам: прямо у входа в долину Риши Ганги. И вид сверху на Бадринатх шикарный.

Садху говорит, к нему можно приехать и остановиться небольшой группой. Да, было бы круто тут костры пожечь. Вообще, серьезные огненные церемонии – это как раз то, что Бадринатху не хватает. Я не имею в виду агамические (храмовые) обряды. Говоря об огненных церемониях, я предполагаю масштабные перформансы, настоящую агни-йогу. Можно при

участии западных дхармистов-огнепоклонников. Начало делу положено нашей вчерашней агнихотрой.

И тут хиромант говорит, что вчера было открытие ашрама у канадцев. Стройка еще до конца не закончена, но жить уже можно. Он видел со своего участка, что у них шла большая пуджа, играла музыка. То-то я почувствовал во время нашей совместной агнихотры, что дух Бабаджи присутствует в пространстве. Канадцы, конечно, его активно призывали: Om Kriya Babaji Nama Om! Видимо, тут, в самом деле, совпали какие-то глубинные ритмы...

В Джошиматхе мы высадили Четана Сварупа, закупились натуральной шерстью и отправились дальше уже втроем. Цель была добраться до ашрама на пути к Кедарнатху, около Укхимата, который Шив Нараян называл «своим». На самом деле там жил его друг Джакрит, но они вместе строили этот ашрам и Шив Нараян проводит там, периодически, какое-то время. Добираться до тех мест он предложил через долину Чопта, по верхней трассе. Мы так и поехали.

Места, надо сказать, действительно изумительные. Швейцария! Очень европейский пейзаж, прямо альпийский. Чрезвычайно чистый и приятный воздух. Даже промелькнула вывеска Международной Ассоциации исследования проблем легочных заболеваний. Проехали мимо пешего подъема к храму Тунгнатх. Там хорошо, но нам туда не надо. Нам надо в Укхиматх, в храм Омкарешвары. Этот храм назван по имени моего ангела-хранителя в ведийской версии, и глаз на него я положил еще два года назад. Именно тут происходит заместительная служба Господу Кедару в зимний период, когда пуджи в Кедарнатхе прекращаются.

Темнеет. К мандиру прибыли в самые сумерки. Его крашенные красно-синезелто-бело-зеленые резные ворота чем-то напоминали по стилю «буддийские» ворота Бадрикашрама. Во дворе нас ожидала шикарная древняя шикхара, из резного камня. Внутри мандира вели массивные каменные ступени, огромный каменный порог, с изображением оскаленных голов каких-то монстров, напоминал по стилю религиозное искусство древних майя.

В украшенном каменными фигурами зале, на полу, сидело человек шесть, один из них играл на фисгармонии, другой бил в барабан. Брахман в гарбхагрихе, отделяемой от гостевого пространства решеткой, читал мантры. Внутри святилища стояла большая серебряная голова с большими усами, а за ней возвышалось мурти самого Омкарешвары из черного камня, с белыми глазами, размерами и пропорциями живо мне напомнившее мурти Рагхунатха в храме Девапраяга. Только у Омкарешвары не было зрачков. Одни белки. Словно он обратил свои глазные яблоки вовнутрь, как это делают во время глубоких созерцаний великие йоги.

Согласно легенде, древний царь Мандхата из династии Икшваку, предок Рамы, отрехшись в конце жизни от богатства и славы, простоял здесь, в знак религиозной садханы, на одной ноге двенадцать лет. В результате Шива проявился перед ним через звук «Ом». Отсюда и название храма: Омкарешвара, «владыка звука Ом». Практика стояния на одной ноге – одна из распространенных садхан в индусской аскетике. Обычно аскет стоит на одной ноге, прислонившись к стене или дереву, а другая нога подвешена в петле. Такое продолжительное стояние ведет к «окаменению» конечности и превращению ее в механическую подпорку. Это очень яркий пример того, что Гурджиев называл «путем факира» – путем развития физической воли, преодолевающей законы физического тела.

После вечерней пуджи брамин провел нас по лабиринтам и хранилищам храма. Это оказалась целая система сложным образом сообщающихся коридоров и пространств. Сначала нам показали помещение с двумя десятками фигур Шивы в разных позициях. Потом мы зашли в комнату, где на алтаре была установлена раскрашенная старая черно-белая фотокарточка какого-то человека в тюрбане, а также я опять увидел изображение лысой усатой головы. Как мне сказал Шив Нараян – это такая популярная и очень сильная форма Шивы: усатая голова.

Затем нас завели в декорированное орудиями убийства пространство, где в ряд висело около десятка больших масок Кали-Ма с высунутыми языками. Дальше нас провели через очень темный зал, где с балкончика открывался вид вниз, на подпространство, в центре которого стоял большой квадратной формы алтарь, с кубическим шивалингамом на нем. Далее мы проследовали какими-то коридорами и лестницами, минуя мурти, идамов, аватаров, пока не вышли во двор, под звездную сень высокого южного неба.

А теперь еще нужно добраться до Утхинда... Это как бы недалеко, но уже темно и дорога крайне плохая: рытвины, булыжники, резкие подъемы, наша машина – с низкой посадкой... Закупились продуктами в местной лавке, поехали. Поначалу вроде все ничего.

– Никогда раньше не был в этом храме, хотя много жил в этих местах. Вот, теперь благодаря тебе буду знать...

Шив Нараян познакомился на пудже с храмовым брамином, они обменялись телефонами. Брамин также дал телефон своего коллеги в Кедарнатхе, сказал, что он решит все проблемы с расселением и посещением, если таковые возникнут. А возникнуть могут, поскольку сейчас там пик паломничества, идет наплыв народа. В храм могут образоваться большие очереди. При этом возможна непогода, даже со снегом. Кедарнатх – место суровое. Здесь вам не равнина, здесь климат иной...

Пока мы едем, Шив Нараян рассказывает историю строительства ашрама Джакрита.

– Я тогда совсем ничего не ел. Несколько месяцев. Только пил коровье молоко. Знаешь сколько за день я выпивал?

– Пять литров?

– Двадцать литров! Двадцать литров молока я выпивал ежедневно. Работа тяжелая, нужна энергия. Я носил на себе камни весом по сто килограммов! И почти совсем не спал. Максимум полтора часа в сутки...

Я слушал про все эти подвиги и критически соображал, что же сейчас реально происходит? Мы едем уже в полной тьме, по заброшенной разбитой дороге куда-то вверх, по серпантину. Фары машины выхватывают пару метров дороги перед собой, а дальше следует обрыв и чернота тропической ночи.

– Одну секунду, что-то я не совсем понимаю, куда мы едем... Сейчас я позвоню в ашрам, уточню дорогу...

Меня вообще несколько удивляло отсутствие в машине навигатора. Я в принципе в Индии ни разу не видел ни одной машины, ни одного такси с навигатором! Шив Нараян говорит, что едем правильно. Теперь еще немного до развилки и направо, до самого Утхинда. Дорога становится все круче, булыжники – крупнее, ухабы – больше, серпантин – извилистей.

– Ты уверен, куда мы едем? – спрашивает меня по-русски жена.

– Тут уже поздненько метаться. Главное, чтобы водитель не подвел. На него вся надежда...

Ехали таким образом еще около часа. Наконец, развилка: налево Маккунатх, направо Укиматх. Сразу же на развороте идет очень резкий и долгий подъем, как в ралли. Потом дорога превращается просто в щебенку. Но мы продолжаем движение практически в кромешной тьме. И вдруг впереди – о, боги! – свет! Обыкновенный фонарь. А под ним нас ожидает Джакрит – лысая голова с усами! С Джакритом двое мальчишек. Они подхватывают наши рюкзаки и начинают подниматься по ступеням, идущим вверх по склону, вдоль дувалов и стен крестьянских хижин. В некоторых домах светятся окна. Время около девяти вечера. Подъем, даже без рюкзаков, занял у нас еще минут двадцать. Наконец, проходим под колоколом в ворота ашрама. Ом Намах Шивай!

Мы оказываемся на большой площадке с колоссальной гималайской панорамой. На участке четыре строения: храм Шивы с островерхой шикхарой, жилое помещение, кухня и санузел (душевая с туалетом). На скалистом склоне, к которому примыкал участок, была устроена небольшая пещера с каменным мурти, а перед самым храмом был сделан квадрат из

пяти квадратных трехступенчатых алтарей Агни: четыре по углам и один в центре.

– Вот, – говорю я Шив Нараяну, показывая на алтари, – пять огней агнихотры: четыре по углам и один в центре!

– Конечно! Я же знаю, куда нужно ехать!

Заночевать нам с Анастасией Джакрит предложил в храме. Это двухкомнатное строение, где одна комната выполняет роль гарбхагрихи, а другая – своеобразного предбанника. Тут нас и разместили, на толстых ватных одеялах. Вход в гарбхагриху был украшен красной лысой головой с длинными усами.

– Это что, портрет Джакрита? – спросила Анастасия.

– Типа того...

В самой гарбхагрихе на стене висела большая картина Шивы в леопардовой шкуре, восседающего на тигровой, перед черным шивалингамом. Под картиной, в стенной нише, стояла серебристая фигурка Шивы с сидящим на его левом колене Ганешей. Точно такое же мурти, из белого мрамора, я видел в пещере у Шив Нараяна.

Внутри гарбхагрихи лежал большой круглый плоский камень, на нем был установлен шивалингам с черно-серо-белыми концентрическими и фигуративными разводами, над лингамом вздымалась на трижды свитом хвосте медная кобра с капюшоном в виде треугольника шакти, а над ней, на металлической треноге, покоилась медная чаша с ритуальной водой. Культ Шивы, как известно – это, прежде всего, возлияния. Роль служителя при святилище исполнял сам Джакрит. Он бывший военный, женатый, с детьми. Семья живет здесь же, в кишлаке. В ашраме обычно ночуют гости или он сам. Днем все открыто, местные люди заходят сюда на даршан. Это единственный мандир в округе.

Утром с площадки, на которой стоял ашрам, открылся фантастический вид: цветы, деревья, склоны, хребты, снежные пики... Прямо перед вами в голубом небе парит белоснежная шапка гряды, в подножье которой стоит легендарный Кедарнатх-мандир – тысячелетний храм в верховьях реки Мандакини, притока Бхагиратхи. Я хотел посетить его еще во время своего предыдущего путешествия, но тогда слишком сильные дожди сделали дорогу непроходимой. Да и последствия селя тринадцатого года были ликвидированы не до конца. Но теперь путь к святилищу должен быть открыт! Чтобы засветло добраться до Кедарнатха, выехать из Утхинда нужно было, по моим расчетам, часам в семь утра, не позже. Но Шив Нараян меня переубедил, сказав, что и в десять будет о'кей. Так мы из дому и вышли...

Наш спуск через весь кишлак, от ашрама к машине, выглядел как въезд Христа в Иерусалим. Христос – это наш друг в оранжевой тоге и кожаных сандалиях. Он шествует впереди, мы с Анастасией следуем чуть поодаль. С Шив Нараяном радостно здороваются все встречные – мужчины, женщины, дети... Люди подходят под благословение, некоторые – бьют земные поклоны, целуют подол одежды. Учитель, сияя глазами, всех благословляет. К нему жмутся овцы и коровы, их он треплет по шеям. Со склонов с энтузиазмом сбегает козы, с деревьев слетаются птицы небесные. Шив Нараян спускается из своего гималайского ашрама на грешную землю, в страну людей. Он следует, в сопровождении ликующих толп, на авансцену сияющего золотом рассветного солнца Большого Гималайского хребта.

IV. 6. 1. Путешествие в Кедарнатх

С утра вчерашняя ночная дорога показалась прогулочным спуском. За полчаса добрались до асфальта, а там – без остановок до самого Сонпраяга. Долина Мандакини, которую нам теперь предстояло одолеть, намного шире долины Ганги и Алакнанды. Тут, в самом деле, чувствуется арийский простор²⁷⁸! Сонпраяг – это даже не город, а, скорее, просто автобусная станция с прилегающими отелями и закусочными. Это последняя точка, до которой можно доехать на частной машине. Дальше – только по спецразрешениям и только для местных таксистов. Мы идем на стоянку с ишиками. Но там нам радостно сообщают:

– Ребята, сейчас полдень, а последний караван в Кедарнатх ушел час назад. Теперь только завтра, начиная с шести утра.

Ну вот, я же говорил, в семь утра нужно было выезжать! К девяти были бы здесь, а сейчас уже были бы где-нибудь на полпути к Кедарнатху! Но еще не все потеряно. Можно ведь доехать до Гаурикунда на местном такси, и взять ишаков уже там. Идем на автостоянку. Но там выясняется, что до трех часов транспорта вообще никакого не будет, поскольку на трассе ведутся ремонтно-строительные работы.

Мы отпустили таксиста и остались под навесом автовокзала ждать джип на Гаурикунд. Поскольку время есть, решили пообедать. Заказали в местном ресторанчике дал с рисом, чапати с чаем, еще какой-то еды...

Пока мы едим, за один из столиков у входа в заведение садится человек. Наш половой, после секундного колебания, хватает с нашего стола неиспользованную ложку и подает ее новому гостю. Шив Нараян сосредоточился на затылке полового, а когда тот обернулся, то наехал на

²⁷⁸ **Аирийанэм-Ваэджа** (авест. Airyanem Vaejah, «арийский простор») — мифическая прародина древних иранцев, ариев; локализуется на территории между Хорезмом и Кашмиром.

него. Вернее, он выговорил полового за то, что тот нарушил, во-первых, приватность старых клиентов, то есть нас, не спросив разрешения взять со стола ложку, а во-вторых – приватность нового клиента, выказав ему неуважение в виде сервировки фактически немытого после предыдущего клиента прибора. Уличенный в некорректности подавала искренним голосом раскаивался, просил у Шив Нараяна прощения, называл его «учителем». Ну что ты с таким сделаешь?

Поев, вернулись на автостоянку. Пока сидели, вокруг Шив Нараяна опять начала собираться толпа. Люди подходили, кланялись, просили благословения. Наконец, его скамейка оказалась в окружении группы активных молодых людей, бесконечно сыпавших вопросами. Шив Нараян отвечал спокойно, не без вальяжности. И глаза у него добрые-добрые... Это была компания бизнесменов из Дели, едут в Кедарнатх на ятру. У всех горящий взгляд. Люди на самом деле прутся «под мнением». А разве мы не премся? И мы тоже. По крайней мере, мы с Шив Нараяном. За Анастасию говорить не буду...

Наконец, подходит джип. Шив Нараяна тут же услужливо приглашают в салон. Ну и нас, соответственно. Потом садятся молодые бизнесмены из Дели. Они, оказывается, уже и в Гаурикунде отель забукировали. Дорога от Сонпраяга до Гаурикунда – пять километров, но каких! Обрывы, ухабы, разрытые участки, а тут еще задождило. Мы въезжаем в очень мрачное, серое ущелье, по дну которого бешено скачет мутная Мандакини.

Два года назад гигантский сель, который начался в Кедарнатхе, дошел до этих мест, смыл часть Гаурикунда – в том числе знаменитые купальни – в общий поток. Но часть инфраструктуры осталась. В ней мы как раз и размещаемся. Типичный индийский отель, с толстыми одеялами, душевой. Когда выходишь из номера, открывается замкнутое пространство Эшера: многоуровневая архитектурная структура, по которой, в разных направлениях, перемещаются многочисленные человечки, каждый занят своим делом, микросценарием. Все посетители отеля бурно радуются: завтра – Кедарнатх! Молодые бизнесмены заняли несколько комнат в нашем отеле. Они тоже радуются. С ними едут молодые телки. Завтра, к шести утра, пони будут поданы...

Утром оказалось, что к поданным мулам нужно еще подниматься по склону минут пятнадцать, спросонья! Там стоит специальная будка, где нужно заполнить квитанцию и взять ее с собой. Тут введена система учета оплаты всех общественных услуг, включая цены в кафе, чтобы монополю не задирались тарифы. Сразу за будкой – стоянка с мулами и начало дороги. Теперь надо проехать верхом семнадцать километров. Рядом с мулом идет парень-погонщик. Даже не идет, а просто скачет, почти бежит. Весь караван движется очень быстро.

До пункта назначения дошли, с небольшими остановками, за четыре часа. От стоянки с мулами мы двинулись в сторону храма. По пути нам встретилось несколько браминов, в которых Шив Нараян признал своих друзей. Они нас направили в специальный брахманский отель (я его называю «ставпропигиальный»), прямо рядом с храмом, куда обычных смертных не пускают. Городок, конечно, сильно порушен. Прямо перед отелем лежит булыжник размером с небольшой астероид. Сам храм, красавца, нисколько не пострадал. Сель обошел его, словно ида и пингала, с двух сторон, снова сомкнувшись в единый поток двумя сотнями метров ниже. Уже существует легенда, что как раз в этот момент один садху случайно оказался у каменной статуи Нанди, перед открытыми воротами мандира. И он увидел, как там, внутри гарбхагрики, над пирамидальным лингамом пляшет огненная форма Натараджа...

xxx

Древняя легенда рассказывает, что братья Пандавы, герои Махабхараты, пытались замолить грехи братоубийства²⁷⁹ перед Шивой, как высшим Парабрахманом, но тот, превратившись в быка, сбежал от них в Гималаи. Пандавы попытались схватить быка, однако он внезапно исчез, одновременно проявив себя в пяти разных местах: в форме горба – в Кедарнатхе, в форме рук (баху) – в Тунгнатхе, в форме лица – в Рудранатхе, в форме живота с пупком (набхи) – в Мадхьямахешваре, в виде кудрей (джата) – в Кальпешваре. Эти пять священных мест составляют паломнический комплекс Панч Кедар .

Из этих пяти священных храмов наиболее святым значится храм Кедарешвар в Кедарнатхе, в котором находится один из двенадцати великих джйотрилингамов Индии. Храм построен Пандавами на месте, где от них скрылся Шива в образе быка, оставив на поверхности земли лишь свой горб в виде уходящего в местный скальник пирамидального черного камня. Он почитаем как Господь Шива в форме Садашивы (синоним Парамешвары, проявляющегося в физическом мире садгуру). Он же Шива – хранитель региона Кедар Кханд. В храме также находятся мурти пяти братьев Пандавов, их сестры Драупади, Кришны, Виравхадры , бычка Нанди (ездовое животное Шивы).

Многие связывают строительство храма Кедарешвары с именем Шанкары Ачарьи, учредившего здесь свой чин богослужения и окончившего тут свои земные дни. Самадхи-мандир (ритуальное святилище) Шанкарачарьи находился рядом с храмом, с северной стороны – пока его не смыло во время катастрофического селя 2013 года. По другой версии храм Кедарешвары, выполненный в стиле рекха-сикхара (разновидность

²⁷⁹ **Махабхарата** описывает войну между родственными кланами Пандавов и Кауравов.

нагарского стиля из Ориссы, VII-XIII вв), был построен раджой Бхолджем из Малавы (правил с 1076 по 1099).

Приблизительно с двенадцатого по семнадцатый век – т. е. почти половину тысячелетия – Кедарешвар был сокрыт под накатившим на него ледником, оттаявшим лишь вместе с завершением «малой ледниковой эпохи» Средневековья. Появление из ледника классического святилища, да еще со сваямбху внутри, вызвало шок у населения, в чудесности этого факта ни у кого не было никаких сомнений. Сам сваямбху, или джйотирлинг (санскр. «лингам света») имеет форму черной пирамидальной глыбы, около метра высотой. Согласно легенде, это и есть верхушка горба Шивы в облике черного быка, ушедшего под землю от погони Пандавов. Стало быть, эта черная, покрытая маслом гхи и усыпанная цветочными лепестками пирамида – лишь «верхушка айсберга»²⁸⁰...

xxx

Добравшись до отеля, Анастасия сразу же погрузилась в глубокий сон, мы же с Шив Нараяном отправились в храм на даршан и пуджу. Стоишь на пороге Кедарешвара, и не верится, что это явь. Двери святилища украшены рельефными изображениями аватаров Вишну. Только их тут не десять, а десятки. На пороге сидит служитель с открытой книгой на коленях.

– Имя, – спрашивает страж порога.

– Я называю ему свое ведийское имя, данное гуру.

Служитель записывает имя на деванагари и делает разрешающий жест. Я ступаю за каменный порог.

В слепую тьму вступают те, кто чтут незнание;

Словно в еще большую тьму — те, которые наслаждались в знании.

Иша-упанишада

Тут ощущение – почти как в пещере. Тяжелые каменные блоки наглухо изолируют пространство от внешних вибраций. Зато изнутри все наполнено гулким рокотом. Это голоса брахманов в гарбхагрихе, в глубине храма. Вы минуете Нанди-мандапу²⁸¹ с Золотым тельцом на постаменте и оказываетесь перед очередным каменным порогом. А за ним, в квадратном каменном ложе, взору предстает божественная скала Кедарешвара. Здесь общих пудж не служат. Только индивидуальные требы. У нас их есть. Шив Нараян специально запасся перед входом в храм двумя наборами пуджари:

²⁸⁰ Это напоминает напоминает символизм Краеугольного камня под золотым Куполом скалы на Храмовой горе в Иерусалиме. Данный фрагмент скальной породы, выходящей на поверхность земли, почитаем представителями трех монотеистических религий за место сотворения мира.

²⁸¹ **Нанди-мандапа** (или Наре Мандир) – в храмах бога Шивы, павильон со статуей священного быка Нанда, что смотрит на статую фаллоса Шивы.

для себя и для меня. Мы заказываем специальный чин на позитивное развитие благих начинаний.

Жрец усаживает нас перед пирамидальным образом Кедарешвары, сначала объясняет кратко топографию особых отметин на священном камне: вот здесь треугольник шакти, здесь – средоточие магических сил, тут – знаки божественного присутствия. Тут каждая пядь просчитана, сконфигурирована и проинтерпретирована, словно созвездия на небе. Точное значение всех тайных знаков камня знают только жрецы храма. Это знание – их монополия. Тут мы имеем дело с реальной эзотерикой, а не мнимой. И таких секретов по всей Индии – немерено. Тайная культура магических триггеров жива в индийском народе до сих пор, создавая ауру для почти нереальной в других местах нейрофеноменологии²⁸².

Под чтение пуранических заклинаний мы должны повесить на идола свои венки. Потом надо особым образом провести тремя пальцами, смазанными маслом гхи, по камню и поставить в центре красную тилу. Масло очень приятно пахнет, весь лингам, густо смазанный сплошным слоем, благоухает словно ароматический шедевр. Над ним висит серебряная чаша с водой. Служение у камня идет одновременно с нескольких сторон, тремя браминами. Просто перманентный перформанс, люди движутся сплошным потоком: семьи, друзья, компании...

Брахман все время читает мантру, иногда обращается к нам, по-очереди, прося в нужных местах произносить имена предков до третьего колена. Хорошо, что до этих пределов я еще знаю. Дальше прабабушек и прадедушек – вряд ли продвинусь. А перед индусами будет неудобно. Скажут: «Ну, брат, сложно у вас с наследием предков. Потому и детей почти нет. А нас – больше миллиарда!» Мы совершили несколько земных поклонов, потом обошли по часовой стрелке самопроявленный (санскр. джьйотир) лингам Кедарешвары.

Интересно, что этот мурти одновременно почитается как лингам Шивы и как горб быка Нанди, в которого Шива превратился, скрываясь от Пандавов. Бычий горб, и в самом деле, напоминает своей формой лингам. С точки зрения магического символизма тут разница несущественная, один знак вполне может заменить другой. Общий смысл фигуры тут восходит, по всей видимости, к скотоводческой религии позднего неолита, «обожествлявшей» производительную силу тельца как залог процветания племени. Кроме того, сам каменный мурти, как природный объект, имеет выдающиеся

²⁸² **Нейрофеноменология** – «...подход к изучению сознания, объединяющий методическое изучение сознательного опыта с анализом соответствующих нейронных структур и процессов. При помощи такого двойственного подхода нейрофеноменологи исследуют различные сферы опыта и пытаются понять, каким образом они возникают из сложной нейронной деятельности». (Фритьюф Капра, Скрытые связи)

характеристики: его форма напоминает пирамидальный конус с относительно четко очерченными углами. На его поверхности можно найти отпечатки различных геометрических фигур, трактуемых брахманами как особые знаки божественного присутствия.

Этот «бычий горб» выглядит словно каменный кристалл космического происхождения. Может быть, это фрагмент летательного аппарата далекого прошлого, описанного в Пуранах? Или естественный знак свыше, продукт природной гармонии, не проигнорированный интуитивной проницательностью древнего человека?

Внутри храма, в нишах, стоят резные каменные фигуры древних божеств и героев. Здесь есть образы пяти братьев Пандавов и их общей супруги, Драупади (явный кейс архаичной полиандрии, распространенной до сих пор в соседнем Тибете), Кришны, Вирахадры (фигура из свиты Шивы), быка Нанди, а также Шива и Парвати. Мощные каменные блоки схвачены железными скобами. Сама конструкция очень древняя, ей может быть больше тысячи лет. Удивительная атмосфера колдовского хардкора...

Жрецы Кедарнатха происходят из южного штата Карнатака и читают свои пуджи на языке каннада. Такова традиция. На зиму, когда храм закрывается, жрецы переезжают, вместе с субститутом шивалингама, в Укхиматх, где мандир Омкарешвары становится на полгода их прибежищем. С одним из этих жрецов – черным гигантом в желтых одеждах и красной шапочке, с лицом Ямантаки – мы вышли на улицу и уселись на площадке перед святилищем, чтобы продолжить пуджу. Брахман, завершив манипуляции, вручил нам с Шив Нараяном прасад и элементы магической атрибутики для обратной связи с дхармой. Ом Намах Шивай.

Теперь мы подходим к сидящему чуть поодаль продавцу волшебных снадобий. К их числу относятся и плоды рудракши, из которых бородатый торговец в чалме делает четки. Шив Нараян подсаживается к мастеру, у них завязывается разговор. Мой друг постоянно перебирает плоды рудракши, словно выискивая среди них что-то особенное.

– Я проверяю, где тут есть свет...

Наконец, он дал мне только что сплетенные бабОй четки, снял с шеи точно такие-же свои и попросил зайти в храм, прикоснуться обеими связками к каменной святыне. В мандире Кедарешвара действие продолжалось без остановки: звонили колокола, из гарбхагрихи доносились брахманские заклинания, плотный аромат аграбатти и запахи гхи заполняли все внутреннее пространство святилища. Совершив все положенное и обойдя мурти посолонь, я возвращаюсь к Шив Нараяну. Он вручает мне еще одну рудракшину, покрупнее. Гималайский чип. Мы фотографируемся на фоне храма и возвращаемся в отель.

Все то время, что мы потратили на пуджу и прихрамовую активность, Анастасия проспала в номере под двумя одеялами. Говорит, холодно.

– Что же ты на улицу не вышла? Там такое солнце лупит, что мало не покажется...

– Какое на улицу, если мне и в номере холодно?

Гостиница, конечно, хоть и ставропигиальная, только для своих, – но откуда росли руки у строивших ее рабочих? Пошел в туалет (совмещен с душевой), спускаю воду – бачок не работает. Пуст. Гляжу, рядом некий краник. Отворачиваю его – и в бачок начинает литься вода. Вот так надо! Вода налилась. Я уверенно нажал на спуск, и вода вылилась из бачка прямо... на пол, мимо унитаза! Только после этого понял, зачем тут рядом стоит ведро: сначала вода наливается из душевого крана в ведро, а уже потом ее льют в унитаз. Сообщаю об этом жене. Она говорит, что примерно так же работает раковина. Вода из нее льется прямо на пол, и уже по полу течет к дырке стока, на которой раковина должна была бы изначально стоять. Ну да, еще лампочки включаются-выключаются только выворачиванием. Но это – максимум удобств, которые здесь и сейчас можно получить. Ну или ночевать в лагере для паломников, в обычной армейской палатке на шесть человек, с удобствами на улице. Все бы ничего, но ночью температура падает почти до нуля, может выпасть снег. Так что долго в Кедарнатхе, в любом случае, не посидишь. Все пещерники тоже разъехались. Нет ни одного. Остались брамины при храме и несколько садху, живущих в руинах снесенного селем священного города. Но паломники пока еще идут. До закрытия храма на зимний период остается недели три. Это будет последний массовый наплыв паломников в сезоне...

IV. 6. 2. Мистерии шиваизма

Фото: Bhairav Nath temple under open air in Kedarnath

Anna Kirukhina: Круть !!

Сергей Семкин: Хорошее развитие оранжевых шарфиков с Майдана. Надо быть последовательным! Так держать!

Aliona Slastihina: за пределами этого мира... однако, как возвращаться будешь?

Владимир Видеманн: по воздуху ☺

Harel-Feinberg Maxim: "Каналы чистил лентой муслиновой, аналы полоскал слюной ослиною. Свиток древний нёс в ДомЖур, оказалось - Ганджур!"(с)

Himalaya Baba Satyam: London saint. Om nmo shivay

Нам с Шив Нараяном еще нужно успеть до темноты подняться на возвышающийся над городом утес с храмом Бхайравы. Из нашего отеля видна идущая вдоль склона тропа и крутой скалистый обрыв, словно капитанский мостик ползущего в туманных гималайских пространствах гигантского судна. На половине подъема к мандиру повстречали спускавшихся оттуда трех домохозяев приличного вида. Интеллигентные

лица, добротная статья. Припали к стопам мэтра, просили благословения, поинтересовались, берет ли он учеников. Учеников Шив Нараян старался не брать. Ведь каждый чела – это потеря личного времени, которое мастер ценит больше всего на свете.

– Мое время слишком дорого, чтобы тратить его на людей, с которыми у меня нет глубокого резонанса. Я не для этого ушел из семьи, от родственных связей, чтобы тратить время на посторонних людей. У меня и так уже слишком много учеников. Но я всегда внимательно смотрю на каждого человека, и если есть на то предрасположенность, то готов общаться. Но больше я благословляю на поиски правильного гуру.

Этот подъем на скалу Бхайравы называется «Лестница в небо». Это – путь к триумфу воли и небесной славе преданных Махешвары, свершающих здесь, после завершающего даршана у Кедарешвары, финальную пурушамедху – высшее жертвоприношение собственного тела, бросаясь со скалы в пропасть с ритуальным возгласом: «Ом Намах Шивай!» В момент, пока тело еще не достигло дна обрыва, душа адепта отделяется от смертной оболочки и попадает в высшие духовные миры Господа Шивы – Владыки вселенной и Мастера всех йогов. Британская администрация, в рамках программы борьбы с суевериями, пыталась запретить этот обряд, но добровольцы находились практически до конца колониального правления. Современные власти страны также не поддерживают изуверские, с точки зрения современной гуманистической морали, обряды и ритуалы, особенно – связанные с убийством и членокалечением.

В Индии до сих пор действуют касты профессиональных убийц, чья дхарма, согласно древней традиции, связана с умерщвлением других людей. Убийство здесь – религиозный долг. Или самоубийство. Например, у джайнов высшей добродетелью почитается уморение себя голодом. Близки к этому отдельные направления индуизма и буддизма. Некоторые вайшнавцы бросаются под колеса праздничной колесницы Джаганнатхи во время праздника Ратха-ятры в Пури, ибо, погибнув таким образом, обеспечиваешь себе посмертное блаженство в космических чертогах Пурушоттамы. К изуверству относятся практики каннибализма, ритуальной кастрации, жестокого умерщвления животных. Все это, разумеется, не приветствуется индийскими властями или гражданским обществом, однако понимание мотивов такого поведения в общественном сознании присутствует.

Любая форма религиозного рвения толкуется в Индии как тапасья – практика волевого сосредоточения на поставленной цели, обете, клятве. Тапасья – стяжание духа. И здесь неважно, каким образом вы его стяжаете. Пураны полны рассказов о том, как демоны, прибегая к религиозной тапасье, накапливали огромные силы, позволявшие им властвовать над

миром, и только еще более крутая тапасья богов давала возможность нейтрализовать магическое могущество зловредных ракшасов.

Тапасья (от слова «тапас»²⁸³) предполагает волевое преодоление барьеров реальности через генерирование волевого усилия. Это могут быть барьеры физические, эмотивные, сознательные или бессознательные. В сущности, и белые и черные маги прибегают к одним и тем же инструментам генерирования сверхъестественной мощи, использовать которую можно по собственному усмотрению (в меру личной продвинутости). Существует ли кармическая ответственность мага за осуществленные манипуляции? В средневековом трактате тибетской медицины «Чжуд-ши» говорится: «Были бы средства сильны, а с кармой можно и поладить».

Скала Бхайравы – место свершения высшей тапасьи. Перед ритуальной площадкой стоит на восьми столбах квадратный навес пирамидальной формы, под которым сложен квадратный ведический алтарь. Время от времени тут устраиваются огненные пуджи. Сама площадка обнесена барьером безопасности. За украшенными многочисленными колоколами ритуальными воротами вы видите черный каменный горб, размером с мурти Кедарешвара и близкой ему формы. Он весь покрыт ловко вставленными в шероховатости монетами. Это естественное продолжение скального выступа, его верхушка. Наверняка, тут есть своя магическая топография, но ее знают лишь посвященные в культ этого локального мурти.

По периметру всего лингама стоит около десятка идолов из черного камня, в том числе – несколько изображений Шивы с трезубцем и барабаном. Замечаю две-три медных иконки лысой головы с усами. Вспоминаю Джакрита... На некоторых мурти висят ритуальные венки из листьев и цветов. Перед иными стоят колокольчики, блюдца с красной пастой для тики. По всей площадке расставлены древки с красно-черными штандартами небесного воинства Бхайравы. Высоко над Кедарнатхом реет черное полотнище с серебряной свастикой – словно знамя Азиатской дивизии Бешеного барона, ведущего свою Дикую Охоту²⁸⁴ на бескрайних просторах Центральной Евразии. Бхайрава-мандир – самая высокая точка нашего транс-гималайского путешествия, место наивысшей тапасьи.

²⁸³ **Тáпас** (санскр. तपस्, Tapas, «тепло», «жар», «истязание», «аскеза») — в древнеиндийской мифологии космический жар как универсальный космогонический принцип, лежащий и в основе мироздания, и в основе религиозного благочестивого поведения. Упоминается ещё в «Ригведе», где описывается его творческий потенциал на космическом и спиритуальном уровнях.

²⁸⁴ **Дикая Охота** — группа призрачных всадников-охотников со сворой собак. Происхождение легенд о Дикой Охоте имеет норвежские мифологические корни. Согласно легенде, бог Один со своей свитой носится по земле, собирая души людей. Если кто-либо встретится с ними, то попадет в другую страну, а если заговорит, то погибнет.

– Я чувствую, как Шива, мой отец, как бы говорит мне: «Я очень рад снова видеть тебя здесь, мой сын, добро пожаловать»! Кедарнатх – это территория Шивы, место для садханы и медитаций...

– А Бадринатх?

– Бадринатх? Бадринатх – это майя, бизнес...

Смеркается. Весь Кедарнатх накрыл густой туман, но вокруг храма его нет. Шикхара²⁸⁵ мандира видна со скалы Бхайравы, словно в небесное окошко, далеко внизу, в царстве людей...

xxx

Северный гималайский шиваизм, называемый также кашмирским, представляет собой совершенно особую культовую форму, уходящую своими корнями в палеолитическую религию древнейших автохтонов этих мест. Это, прежде всего, почитание пещер, скал, камней, рек и водопадов, горячих источников и драгоценных копей. Природные объекты, выделяющиеся своей неординарностью, входили в «пантеон» палеолитической религии как знаковые маркеры окружающей действительности, по которым – а еще не по звездам календарной религии неолита – выстраивали свое регулярное существование ранние сапиенсы.

Если неолитический храм – зернохранилище, то храм палеолита – пещера. В пещерах живут Великие матери со своими кланами, в пещеры приносят жертвенное мясо группы бродячих охотников... Стены палеолитических пещер были покрыты магическими рисунками, привлекавшими охотников чарующими воображение формами, контрастами светотеней и ударными цветовыми гаммами. Блики священного огня далеких предков скакали в пространстве, над очагом висело ароматическое облако из магических трав, собранных обитательницами пещеры специально для одурманивания охотчих до женской плоти охотников...

Пещеры – древнейшие объекты примордиальной матриархальной религии, дома Великих матерей.

Женские популяции гомо сапиенса расселялись по планете существенно медленнее мужских, обладавших – как охотники прежде всего – несравненно большей кочевой динамикой. Активные перемещения мужчин (имеются в виду взрослые индивиды, тогда как несовершеннолетние и старики жили в пещерных матриархальных коммунах) прекратились лишь вместе с неолитической революцией и переходом человеческих сообществ к сельскому хозяйству и производительному труду в целом, что сопровождалось радикальным изменением социальной психологии и

²⁸⁵ **Шикхара** (санскр. Śikhara, «горная вершина») – пирамидальная башня, возвышающаяся над гарбхагрихой (самой священной частью храма, в которой установлен алтарь с главными мурти). Южноиндийским эквивалентом шикхары выступает вимана.

установлением патриархальной семьи. При этом отдельные матриархальные образы, культы и магические практики были интегрированы в патриархальную религию: культ Богоматери в христианстве, Кали – в индуизме, Тары – в буддизме и т.д.

Именно таким изначально матриархальным культом был *пещерный шиваизм* как *религия шакти* (плодоносящей силы бытия). По всей видимости, древнейшие лингамы как элементы шиваитского культа представляли собой естественные сталактиты или иные каменные образования знаменательных форм. Такие сталактиты, имевшиеся в пещерах обитания матриархальных кланов – древнейших Домах Великий матерей – легко могли обрести знаковый характер в магическом сознании раннего человека, в том числе – поскольку это были не мертвые, а живые идола, растущие, постоянно меняющие свою форму и интерфейс...

Представляется, что первоначальное магическое предназначение сталактита в «женской пещере» – вызов Хозяина мужей, через которого колдовская воля древних чаровниц внедрялась в мотивационные структуры палеолитических охотников – основных энергетических и сперматических спонсоров популяции. Плодовитость лингама-сталактита зависит от количества капающего на него кальцитового раствора, плодовитость лингама-осеменителя иллюстрируется ритуальным поливанием его имитирующей витальность спермы жидкостью – водой, молоком, медом, маслом. А то и кровью...

Одним из величайших самопроявившихся пещерных храмов является знаменитый Амарнатх в Кашмире. Это гигантская, квадратной формы арка, около сорока метров высотой, под сводами которой пульсирует самовоспроизводящийся лингам (джьётир-лингам) самого Шивы в виде гигантского ледяного столба, увеличивающегося и уменьшающегося в размерах в соответствии с лунными фазами. Пещерная пульсация космической силы, говорящая с людьми через лунную цикличность, на которую реагирует «живая вода» святилища. Пещера Амарнатха почитается индусами за место, где бог Шива передал своей супруге Парвати учение о бессмертии. Т. е. это место, где прозвучали слова самого высшего Бога о путях достижения бессмертия, и магическое эхо Его речений до сих пор звучит на близкой к самадхи волне...

Аналогичную пещеру, несколько меньших размеров, мне приходилось видеть в припамирской долине Вахье, на правом скалистом берегу Обимазора: мраморная арка мазара Хазрата Алоуддина. Роль центрального святилища там выполняет легендарная могила суфийского святого, родственника Салмана Фарси (приближенного самого Пророка), основавшего в этих местах сильную инициатическую преемственность. При этом сама пещера, безусловно, служила культовым объектом древнего

человека еще с палеолитических времен Великих Матерей. Позже, по мере развития нового хозяйственного уклада, последовавшего вслед за неолитической революцией, культ лингамов был частично перенесен из пещер в поля и культовые комплексы ранних земледельческих поселений. Дополнившись, при этом новыми чертами, прежде всего – образом быка с крупом в форме лингама.

Неолитический патриархальный прото-шиваизм (культ быка-лингама) – это, вероятно, и есть магическая основа религии доарийской Индской цивилизации, древнейшие артефакты которой восходят к VIII тысячелетию до н.э. С точки зрения этно-культурной основы, это была не цивилизация дравидов – коренных темнокожих жителей субконтинента, говорящих на австралийских языках Южной Индии, но – цивилизация древнейшего автохтонного населения именно долины Инда, отличного как от дравидов, так и от позднейших арийских завоевателей, принесших с собой в пространство агамической (храмовой) *религии воды и быка* оседлых племен *культ огня и коня* скотоводов-кочевников, своеобразный *кочевой вишнуизм*.

С шиваизмом – исторически, метафизически и культово – тесно связан *шактизм* как третья составляющая индуизма (наравне с вишнуизмом и шиваизмом). Шактизм, как пережиток матриархата, широко распространен по всей Индии и имеет два аспекта: Великая Богиня-мать почитается в позитивной ипостаси как «красивая и добрая» (Шри-Кула, воплощение богини Шри) и в негативной как «ужасная и злая» (Кали-Кула, воплощение демоницы Кали). Шиваиты ее отождествляют с одной из аватар Парвати. Это может говорить о том, что шиваитская и шактическая тантры исторически близки, а также имеют укорененность в доарийских религиозных традициях субконтинента.

Одним из древнейших культовых мест шактизма является расположенная на территории соседнего с Кашмиром штата Химачал Прадеш пещера богини Вайшно-дэви, почитаемой в качестве интегрального воплощения трех шакти центральных богов индуизма – Брахмы, Вишну и Шивы: Сарасвати, Лакшми и Парвати. Иногда в качестве такой триединой шакти почитается восседаемая на льве Дурга. Львов мы видим в сопровождении Вайшно-дэви и также – древнейшей богини Ближнего Востока, Кибелы. *Божественная манифестация* в пещере Вайшно-дэви представлена в виде естественного скального образования сферической формы, около трех метров в диаметре. При желании здесь можно увидеть лицо, лик или череп, как бы проявленный к человеческим чувствам из планетарных бездн вечного камня. Безусловный объект почитания палеолитической религии эпохи матриархата, сохранивший свои литургические функции в их мистической архаике до настоящего времени...

xxx

– Древний человек обладал способностями, которых почти лишен человек современный. Например, он мог видеть в темноте. Это установила современная наука по анализу эволюционных изменений морфологии черепа. Еще древний человек понимал сигналы животных и мог их имитировать. Так и развилась человеческая речь – через имитацию звуков живой природы. Еще древний человек мог магически чувствовать пространство вокруг. Помнишь, я тебе рассказывал про свой опыт на Памире?

– Да, конечно помню. Это точно. Древние люди обладали очень мощными сиддхами. Они могли двигать предметы бесконтактным образом, летать по воздуху.

– Ну, насчет летательных аппаратов я не уверен. Скорее, тут речь идет о небесных телах. Но я уверен, что древние люди обладали очень сильным магическим гипнозом и могли управлять ситуацией вокруг себя на большом расстоянии. Современный человек тоже имеет доступ к этому ресурсу. Но для этого он должен пробудить в себе некоторые спящие способности.

– А ты можешь выходить из тела? Я, иногда, покидаю по ночам свое тело и путешествую в других мирах. Однажды я обнаружил себя как бы плывущим в космосе по волнам света, словно по небесной Ганге, среди созвездий... То есть это мое тонкое тело, моя сукшма-шарира²⁸⁶ плыла.

– Могу себе представить. Я однажды вообще попал на космический корабль инопланетян! А там встретил огромную кобру, которая сначала испепелила мою сукшма-шариру, а затем снова ее воссоздала из праха, с помощью волшебного эликсира...

– Знаешь, почему продвинутые садху удаляются для медитаций далеко в горы, подальше от людей? Чтобы их во время медитации никто не мог обнаружить. Если до садху, соторый в самадхи, дотронуться, то он даже может умереть! Ведь его сукшма-шарира блуждает где-то очень далеко, и его физический контакт в это время с другим телом, другой стхула-шарирой, способен нарушить координацию тонкого тела, так что оно уже не сможет вернуться назад, в грубую оболочку...

Мы делились с Шив Нараяном мистическим опытом. Он мне рассказывал про свои трипы, я ему – про свои. Мы очень быстро пришли к пониманию ключевых понятий мистической философии адвайты и санкхьи. Все эти

²⁸⁶ **Сукшма-шарира** (санскр. *sūksma-śarīra* – тонкое тело) – субтильная структура, опосредующая связь между духовным началом и физическим телом. Концепция сукшма-шариры принимается некоторыми школами индийской философии для объяснения трансмиграции. Истоки концепции восходят к шраманскому периоду, когда различались Атман материальный, «состоящий из ума», и бесформенный (Дигха-никая 1.186–87).

санскритские термины я выучил через рамовскую интерпретацию, в системе интеллектуальных координат НГТ. И вот я вижу, как эта интерпретация, этот угол зрения совершенно совпадает с пониманием фундаментальной проблематики веданты аутентичным индусским садху.

Я просвещал Шив Нараяна открытиями современной науки и концепциями западного гнозиса. Он очень удивился, узнав, что сельское хозяйство возникло на земле всего лишь, где-то, пятнадцать-двадцать тысяч лет назад, а до этого был каменный век, и все жили в пещерах. И всего только тридцать-сорок тысяч лет назад человек вообще заговорил членораздельной речью. А до этого лишь имитировал звуки окружающей среды (включая голоса других видов), тренируя гортань. В традиционном же индийском мировоззрении история человечества длится миллионы и миллиарды лет, в соответствии с древним учением о космических периодах-югах.

Я полагаю, что в данном случае мы видим подмену небесных масштабов земными, как в случае с бху-мандалой, когда модель плоской (в пространстве) Солнечной системы принимается за модель планеты Земля как части этой системы. Так и с югами: чисто космические циклы трактуются в сетке событий обозримой истории, одно экстраполируется на другое, смещая *реальные пропорции* в *образные порядки* мифогенной оптики.

Я объясняю своему другу, дистанцирующегося от агамических служений, что для меня участие в пудже – это средство погружения в культурно-магический и экзистенциально-антропологический дискурс общества, в недрах которого сохраняется привлекающая меня древняя традиция передачи дхармы по интуитивно-телепатическим каналам межличностной связи.

– Вальдемар, вот ты интересный человек: все западные люди, приезжающие сюда, критикуют Индию за отсталость, оторванность от современного мира, говорят, что нам нужно все переделать, а ты – напротив: одобряешь индийскую древность... Знаешь, у нас, среди садху, принято говорить, что западники ничего не понимают в индийской мистической культуре, что им никогда не откроются тайны настоящей йоги. Но я вижу, что ты как раз все правильно понимаешь. Я знаю, что ты знаешь гораздо больше меня, и я с интересом слушаю твои рассказы...

xxx

Когда мы спустились вниз, было уже совсем темно. Зато весь храм был расцвечен разноцветными лампочками, словно дворец Деда Мороза. Шив Нараян пошел на вечернюю абхишеку. Мы с Анастасией тоже заглянули в храм на несколько минут. Внутри было полно народу, люди сидели прямо на полу, вокруг гарбхагрихи и вдоль стен, а мимо них пробирались ручейком

неутомимые пилигримы, совершая в священных стенах внутреннюю парикраму²⁸⁷. В одном из углов мы заметили Шив Нараяна. Он сидел на полу, в окружении нескольких человек, оживленно беседуя. Мы не стали здесь долго задерживаться и отправились прогуляться по поселку.

Вокруг – кромешная тьма, и только вдоль главной дороги, от храма до палаточного лагеря, стоят редкие фонари. Местами, во мраке, полыхают языки костров. Это садху готовят, в своих импровизированных прибежищах среди руин снесенного селем городка, вечерний чай. У освещенной палатки с едой и напитками собралось общество. Чай, чипсы, печенье... У всех приподнятое настроение. Люди реально радуются, что попали на святое место, к легендарному храму. Кедарешвар-мандир мерцает вдалеке, украшенный разноцветными гирляндами, на фоне черного гималайского хребта и темно-синего тибетского неба. Тонкий серп уходящего месяца напоминал, кто в доме хозяин...

IV. 7. Нисхождение в сансару

Из тела выйдя ненароком,
Назад дорогу не забудь!

На следующее утро, очень рано, мы тронулись в обратный путь. Решили дойти до Гаурикунда пешком. Дорога все время шла вниз, но мышцы при этом растянулись прилично. Правда, сначала это не заметно. Добежали до цели довольно быстро, часов за шесть. По пути, на одном из привалов, познакомились с тремя венграми: папа моего возраста и двое сыновей – здоровые тридцатилетние лоси. Папа, лет двадцать назад, уже бывал в Кедарнатхе. Вот теперь привез своих детей приобщиться. Ну да. Я со своим был год назад в Бадринатхе. Тоже в порядке приобщения. Вот сейчас как раз с женой оттуда. Можно сказать, по семейным местам...

В Гаурикунде мы узнали, что машины до Сонпряга опять не ходят, будут лишь после пяти. А нас там уже таксист ждет! Однако, все обошлось. Шив Нараяну, используя авторитет садху, удалось пробить у каких-то людей нам места в автобусе МВД Индии, который привез на паломничество в Кедарнатх команду молодых офицеров, ребят и девчонок, откуда-то с юга страны. Этот автобус имел спецразрешение, и в нем как раз оказалось три свободных сиденья! До Сонпряга всего пять километров, но каких! Строительная техника плотно забила трассу, вдоль которой, к тому же, полностью отсутствуют бордюры. Шум, пыль, солнцепек, гарь от выхлопа огромных бульдозеров висит в воздухе, и вокруг всего этого какой-то народ вручную ворочает камни, тут же беременные женщины, с младенцами на

²⁸⁷ **Парикрама** (санскр. परिक्रम, parikrama, «странствие»), тибетское название — ко́ра (Вайли: skor ba) — ритуальный обход вокруг какой-либо святыни в индуизме и буддизме.

перевязи, что-то готовят у импровизированных костров или тупо, подобно архаичным неандертальцам, обтесывают породу.

И вдруг, среди всего этого ада, я замечаю на дальнем скалистом утесе, нависшем над бурным потоком Мандакини, некий старец, весь в белом, делает намаз.

B-ism illāhi r-rahmāni r-rahīm, Alhamdu lillahi rabbi al-cālamīna, Ar-rahmani ar-rahīmi, Māliki yawmi ad-dīni, Iyyāka nacbudu waiyyāka nastacīnu, Ihdinā aṣ-ṣirāta al-mustaqīma, Ṣirāta al-ladhīna ancamta calayhim ghayri al-maghdūbi calayhim walā aḍ-ḍāllīna!²⁸⁸

Вот так: искал Бабаджи – встретил Хызра! Аллаху акбар!

В Сонп्राеге нас уже ждал водитель. Теперь предстояло ехать назад, в Утхинд, где мы оставили у Джакрита лишние вещи. Шив Нараян предложил по пути заехать в Триюги Нараяну. Это такое место, где когда-то сыграли свадьбу Шива с Парвати, и где до сих пор, с того времени, горит Вечный огонь. Горит уже много тысячелетий без перерыва. Кстати, Парвати – не первая жена Шивы. До нее Махадев был женат на Сати, которая, защищая честь Шивы, совершила саможжение в ритуальном костре, положив тем самым начало жестокому обряду саможжения вдов – сати²⁸⁹. Парвати, добиваясь расположения Шивы, совершала тапасью в Гаурикунде – городе, названном по одному из ее имен: Гаури (санскр. «светлая», «благая»). Гаурикунд значит «источник Гаури». Сати же почитается как предыдущее воплощение Парвати. Специально ехать туда, уже порядочно уставшим, не очень хотелось. Тем более, что через пару часов стемнеет. Но если по пути...

Оказалось – весьма не по пути, а с крюком в четырнадцать километров. Да еще вверх, по серпантину. Да еще – по грунтовке. Да еще – с ремонтными работами вдоль трассы! И вот, когда после почти часа езды до цели оставались каких-то пара километров, мы уперлись в двигавшийся нам навстречу асфальтоукладчик. Вот и все: объехать невозможно. Нужно или идти дальше пешком, или подождать с полчаса, пока рабочие закончат делать этот участок. А это значит – потерять время и снова ехать в ашрам по горной дороге в кромешной тьме... В такой ситуации – только разворачиваться и ехать назад. Что мы и сделали.

– Ты знаешь, я, наверное, не буду говорить своему гурудэву про то, что хочу открывать собственный ашрам. А то получается, я от его ашрама отказался

²⁸⁸ «Хвала Аллаху — Господу [обитателей] миров, милостивому, милосердному, властителю дня Суда! Тебе мы поклоняемся и к Тебе взываем о помощи: веди нас прямым путём, путём тех, которых Ты облагодетельствовал, не тех, что [подпали под Твой] гнев, и не [путём] заблудших» (Коран, 1:1-7)

²⁸⁹ **Сати** (санскр. सती) — похоронная ритуальная традиция в индуизме, в соответствии с которой вдова подлежит сожжению вместе с её покойным супругом на специально сооружённом погребальном костре. На сегодня это явление редкое и запрещённое.

как бы ради своего собственного...

– Конечно, не говори. Это же будет твой личный проект, а не в парампаре гурудэва, я правильно понимаю?

– Да, правильно.

Наш друг, после осечки с Триюги Нараяной, немного подрасстроился, и теперь от него шел поток некоторого беспокойства.

– Мне сейчас сорок восемь. Через два года заканчивается время обета, который я много лет назад взял: достичь к пятидесяти годам определенного уровня сиддх. Так что мне к этому времени как раз будет нужен ашрам, чтобы ни от кого не зависеть.

– Что за обет, если не секрет?

– Мне нужно много энергии, чтобы уничтожить на Земле всех святых!

– Свят, свят! Это как же так? Зачем?

– Все святые – негодные лгуны...

Тут я понял, что Шив Нараян под святыми имеет в виду святош, рядящихся в одежды санньясинов, а на самом деле только и мечтающих о мирских удовольствиях.

– Ты прямо как мой гурудэв. Он тоже говорил, что большинство деятелей религиозных организаций – плуты и обманщики. Но если ты выпадешь из обоймы – для тебя рухнет вся поддерживающая магия: ашрамы, ритуалы, святые места, даже твоя оранжевая униформа!

– Да, это так. Но Шива сильнее всех условностей. Мой дух – это дух Шивы, и он добьется своих целей, я знаю...

До ашрама мы добрались опять лишь к темноте. Ноги еле двигаются. Анастасию пробила простуда. Мы переночевали в храме и с утра отправились в Ришикеш.

– Помнишь, твой друг, хиромант, спрашивал, знаю ли я свои прежние перерождения? Я думаю, не следует стремиться это узнать. Ведь сложно даже с текущим перерождением разобраться, а тут еще карма прошлых воплощений нахлынет! Зачем это нужно? Меня больше интересует проблематика бессмертного атмана адвайта-веданты, чем иллюзорной жизни ахамкары²⁹⁰.

Путь знания, джняна-йога, тоже имеет определенную садхану, даже тапасью. Это – воля к познанию, воля к просветленности. И потом

²⁹⁰ **Ахамкара** (аханкара; санскр. अहंकार, Ahaṁkāra) — санскритский термин, которым называют эго, чувство «я», представление о собственном «я», самосознание. В философии индуизма является одной из концепций школы санкхья. В «Прашна-упанишаде» ахамкара описывается как одна из четырёх антахкаран («внутренних инструментов»), наряду с буддхи, читта и манас.

оказывается, что божественный источник находится внутри, что ваш атман – это и есть тот Брахман, присутствующий в качестве «вывернутой» наизнанку материальной вселенной, как свидетель вашего глубокого сна... Между тем, наличность наша подходила к концу. Ну, оставалось там каких-то две-три тысячи рупий. А ведь одному водителю нужно будет отдать почти десять тысяч!

– Ничего, – говорит Шив Нараян, – мы сейчас будем проезжать через Шринагар, я там возьму в своем банке по чеку!

Карточка у него тоже не работает. Видимо, заблокировали после снятия двух раз подряд по двадцать тысяч в Джошиматхе. Индия! Ну, ничего: дорога красивая, время есть... Приезжаем в Шринагар, останавливаемся перед банком. Шив Нараян выходит из машины. Возвращается через минуту:

– Сегодня плохая судьба. Воскресенье. Банк закрыт...

Ух ты! И что же теперь делать? Чеки, которых у Шив Нараяна целая книжка, никто нигде не принимает, все хотят кэш. В крайнем случае – карточку. До Ришикеша-то мы доедем, а что дальше? Придется звонить в лондонский банк, выяснять, а до этого попросить у Санни отсрочку по оплате услуг. Думаю, вопрос решаем, но возможна серьезная нервотрепка. Вот это-то и напрягает. А что Шив Нараян?

– Да ты не переживай, мы все уладим. У тебя есть основания мне не верить?

– Нет, конечно...

– Ну вот, значит все будет хорошо. Например, мы можем прямо сейчас поехать не в Ришикеш, а в Чандигарх. Там я возьму у ученика нужную сумму и вы, уже оттуда, поедете в Ришикеш. А я останусь.

А если ученик по какой-либо причине не даст? Или его просто тупо не окажется дома? Потеряем время, накрутим машине еще одни сутки... Даже не знаю, что ответить.

– Наверное, мы все-таки только до Ришикеша. Анастасия заболела, да и сил болтаться где-то еще одни сутки просто нет.

– Тогда вы высаживайтесь в Ришикеше, а я сразу поеду дальше в Чандигарх, на автобусе. А завтра приеду назад, с деньгами.

Все бы хорошо, а вдруг что не так? С другой стороны, вариантов нет. И потом, сорок тысяч я уже получил, так что вроде бы нет сомнений... В конце концов, Шив Нараян позвонил своему ученику в Чандигарх и дал команду приехать в Ришикеш, привезти с собой наличными пятьдесят тысяч рупий (это пятьсот фунтов).

– Едем в гостиницу. Мой ученик выезжает через час. Ехать часов шесть. Значит, где-то часам к одиннадцати будет. И мы с ним вместе поедем назад, в Чандигарх. Ведь ему завтра с утра нужно на работу! Думаю, успеет.

Ну, это просто какие-то чудеса в решетке! Ай да гуру! Прямо чудесный индус! Приехали в Ришикеш, взяли номер. Санни сказали, что за машину рассчитаемся через пару часов. Предложили Шив Нараяну сходить поесть.

– Спасибо, но я, наверное, откажусь. Знаете, после всех этих святых мест приезжаешь в Ришикеш, и чувствуешь, какая здесь негативная атмосфера! Люди вокруг едят мясо, пьют алкоголь. Очень коммерческая атмосфера... Ужасно! Я, пожалуй, ничего не буду есть. Просто кусок в горло не полезет...

– Что, в Чандигархе атмосфера лучше?

– В Чандигархе? В тысячу раз лучше! Там очень спокойные люди, красивый город.

– А как в сравнении с Ришикешем Харидвар?

– Харидвар? Тоже во много раз лучше Ришикеша. Ришикеш – ужасное коммерческое место, тут очень негативные энергии. Еще все эти жулики и черные маги, специальным гипнозом разводящие западных туристов на деньги и выдающие себя за знающих гуру...

В самом деле, около полуночи объявились ученики Шив Нараяна. Двое молодых людей, лет тридцати с небольшим. Один преподаватель, другой – бизнесмен. При виде Шив Нараяна они, по очереди, припали к его стопам, поцеловав край облачения и произнеся санскритские молитвы. Гуру благословил учеников возложением рук. Поднявшись с колен, один из брахмачаринов достал из внутреннего кармана толстенную пачку денег и с поклоном, двумя руками, протянул мне. Мол, не соизволите ли принять, сударь, сию сумму, о чем любезнейше просимо! В пачке оказалось ровно пятьдесят тысяч. С меня не взяли ни расписок, ни координат.

– Не беспокойся, дорогой друг! Приедешь домой – вернешь назад.

– А куда возвращать-то? Ведь ты мне до сих пор так и не дал своих банковских координат!

– Ничего страшного, я тебе потом по электронной почте пришлю. Релакс. Отдохните в Ришикеше, не думайте пока о деньгах. Всею свое время. Этого достаточно, или нужно еще денег? Сколько нужно – столько и спрашивайте, не стесняйтесь!

Да какое тут стесняться! И так выкачали из садху почти сто тысяч!

– Спасибо, брат! Все было совершенно идеально.

– Если что-то было недостаточно идеально, то ты, своими медитациями, доведешь это до совершенства!

– Ом Намах Шивай!

Шив Нараян сел в машину своих учеников, они со мной вежливо раскланялись, и белая «тойота», мигнув красными лампочками, с рокотом растворилась во мраке глухой гималайской ночи...

IV. 8. Ришикеш битловский

On the road to Rishikesh
I was dreaming more or less,
And the dream I had was true...

Child of Nature

Мы с Анастасией оставались в Ришикеше еще несколько дней. Походили на массаж, погуляли по городу, посетили местные религиозные и коммерческие места. Особенно внимательно ознакомились с продукцией национальных ткацких фабрик. Взяли с собой образцы. Ну и, конечно, я набрал фигурок разных богов: Вишну, Шивы, Кали-Маа, Рамы, Ганеши...

Заходили в Лакшман-джуле в особое, битловское кафе. Заведение так и называется «The Beatles Cafe». Расположено на живописном уступе над Гангой, с видом на мост Лакшман-джула слева и большой шиваитский комплекс по правую руку. Внутренний интерьер в стиле битловской эпохи: на стене висит большой плакат «Abbey Road», играет соответствующая музыка. Публика на две трети состоит из западных туристов, но есть и местные. Одна дама из таких спрашивает:

- Это что за фотография, почему она тут висит?
- Это улица Abbey Road в Лондоне, – отвечает ей Анастасия.
- А зачем вы ее фотографируете?
- На память.
- Зачем вам на память улица в Лондоне?
- Я там рядом живу!
- А, тогда понятно...

Меню европейское. Все вполне аутентично. Даже неплохо. Мы заказываем какие-то итальянские названия, приносят вполне себе съедобные комбинации, совсем не острые. И натуральные соки!

- Да, ты себе даже не представляешь, сколько бы отдал любой МАРХИшник, чтобы оказаться в этом кафе, на этой террасе, с таким видом! Это же просто легендарное место...Что, Зверь, хотел бы себе такой дауншифтинг устроить? Открыть кафе в Ришикеше, сидишь здесь целый день с травой!
- Лучше в Ришикеше с травой, но без кафе. Представляешь себе, какой это головняк – вести кафе в Индии, с индийским персоналом!

Ришикеш – мировая столица йоги. Здесь бывает много знаменитостей, интересующихся восточной эзотерикой. Битлы жили полтора месяца,

весной шестьдесят восьмого года, в ашраме у Махариши Махеш Йоги. Место легендарное. Эта история хорошо известна, не будем ее здесь пересказывать. С точки зрения западной оценки, она может показаться печальной, но глядя с Востока, безусловно, битлы обессмертили свой имидж именно в Ришикеше, связав энергетику поколения битломанов с мистическими практиками индуизма.

Beatles™ – одна из фундаментальных составляющих культуры Нью Эйдж, во многом представляющей собой западный аналог индуизма, с соответствующей риторикой и терминологией. И Джордж Харрисон – пророк его (при том, что Леннон – пророк бунтарей, Маккартни – буржуа, Ринго – богемы). Поэтому ашрам Махариши в Ришикеше – сакральная институция. Как ее не посетить? Для этого нужно перейти по мосту Рам-джула на ту сторону Ганги и проследовать с полкилометра по торговой улице, вдоль потока, до пересохшего русла широкого притока слева. На той стороне русла стоят заброшенные строения, плотно облюбованные обезьянами. Их тут сотни. Если подниматься по руслу вверх, метров двести, то по правую руку будет вход в закрытый тигровый заповедник. Это и есть бывший ашрам Махариши. Бывший – поскольку уже лет пятнадцать как закрыт, объект передан в собственность государства, которое ведет на его территории какие-то работы. Тем не менее, за сто рупий можно войти.

Смотритель открывает калитку в высоких воротах. В соседнем здании живет администрация ашрама и тигрового заповедника по соседству. Они говорят, что тигры от ашрама отгорожены забором, да и не ходят они днем, а только лишь по ночам шастают. Поэтому ничего страшного. Ну, бывает еще слоны заходят, но тоже – только ночью. Я так и не понял, живут ли слоны с тиграми в одном заповеднике или в разных, и заходят на территорию ашрама с разных сторон? Однако, днем нет ни тех, ни других, и это хорошо.

От домика администрации каменная тропинка идет вверх, и вот вы уже видите характерные вытянутые купола медитационных келий ашрама Махариши. У входа в одну из них встречаю какого-то садху, больше похожего на растамана, с огромной копной волос. Он немного говорит по-английски. Объясняет, что вот эта самая келья, под номером девять, принадлежала Джону Леннону. Так вот откуда эта Revolution №9! Речь идет о революции сознания, пережитой Ленноном в моменты медитационных откровений, полученных в этой келье под номером девять... Недаром песня вышла в Белом Альбоме, записанном сразу после возвращения группы из Индии.

Келья – подобие двухэтажного круглого киоска. Захожу внутрь. На первом этаже, по идее, должна размещаться лежанка, тут же в углу – вмонтированные полочки для книг. “Happiness is only real when shared”, – написано черной краской на белой стене. Лесенка ведет на второй этаж.

Вау, тут все пространство под куполом раскрашено в ярко-голубой цвет, на фоне которого нарисованы цветастые образы из Yellow Submarine. Есть даже сама Желтая подлодка! We all live in the Yellow Submarine... Садху показал мне, куда идти дальше. Тут вся территория густо заросла джангалом, строения заброшены и частично порушены. Справа и слева от аллеи стоят двух-трехэтажные корпуса. Видимо, бывшие гестхаузы. Где-то, на периферии, индусы косят траву. Вот вполне действующий шивалингам под пирамидальной крышей. Даже аграбатти горят.

Вдруг, слышу, вроде-бы гитара играет. Буквально через сто метров, из-за листвы, выплывает полуразрушенный корпус какого-то культового сооружения, с шикарным, украшенным лепными слонами барельефом на фронте. А внутри звучит Something. Акустическая гитара в пустом зале Битловского Собора. The Beatles Cathedral. Так прозвали это место поклонники звездной четверки. Все строение – огромный зал со сценой. На сцене – большой портрет Махариши: «Jai Guru Dev. Love in the Heart of Man is a Shrine to God on Earth». На противоположной стене – портреты битлов и индийских гуру: Рамана Махариши, Амма... Все вокруг раскрашено и расписано соответствующим образом: «Hasta siempre Comandante». И внизу: «Rama-Rama-Rama...» И звучит While My Guitar Gently Weeps Харрисона:

I don't know how you were diverted
 You were perverted too
 I don't know how you were inverted
 No one alerted you...

Исполняет на акустической гитаре молодой рыжий парень, и еще один снимает на камеру. Так они и кружатся, вдвоем, в каком-то запредельном вальсе в Битловском Соборе. И десяток людей их наблюдает: несколько туристов и два-три индуса, включая садху, встреченного у кельи Леннона. Потом парень сыграл еще, затем еще, и уже – не только Битлз. Небольшой концерт на полчаса – приятный сюрприз в знаковом месте. Молодцы оказались из Австралии. В Ришикеше впервые, только что приехали. Я им дал наводку на битловское кафе в Лакшман-джуле. Потом еще побродил по территории, поднялся на крышу заброшенного корпуса, откуда открывался потрясающий вид на ашрам, Гангу и Ришикеш со всем его храмовым рельефом.

Как известно, история битлов и Махариши закончилась скандалом. Леннон наехал на Махариши. Якобы тот к даме приставал. По этому случаю появилась злобная сатира:

Sexy Sadie you broke the rules
 You layed it down for all to see
 You layed it down for all to see
 Sexy Sadie oooh you broke the rules...

Впоследствии выяснилось, со слов Харрисона, что все – туфта. Ни на кого Махариши не наезжал, его просто по женской шизе оклеветали. Шерше ля фам, дорогие гуру!

Джунгли шумят одиноко,
Томно кричит обезьяна...
Едем мы с милой далёко
Кушать лесные бананы...

Yury Sinaleev: тебя из крайности в крайность бросает ☺

Ольга Дунаева: Колоритно

Владимир Маматов: Опять Киплинг (в переводе) гостил?)))

Nina Rogozina: Правда поехали кушать лесные бананы? Здорово!

Eva Tikhonova: Это вы где?:)

Владимир Видеманн: Himalayas...

Anna Kirukhina: Отпустите меня в Гималаи....

Олег Королёв: Какие хорошие лица!

Наталья Мороз: Судя по всему, со стороны Индии)) Мы-то со стороны Непала бродили! Надо бы и до Индии как-нить добраться (ну то есть мы там были, только не в предгорьях Гималаев) Счастливые вы!))

Natalia Mali: ребята супер!

Мы с Анастасией благополучно долетели до Лондона... Благополучно, если не считать двух шоков. Первый – на пути из Ришикеша в Дели. Уже на улицах Дели, прямо перед нами легковушка, набитая семьей, влетела в придорожный бордю, у нее оторвало передний бампер, она отскочила назад, и ее тут же задела шедшая по параллельной полосе, на большой скорости, фура. Теперь сорвало еще и багажник. Был момент, когда казалось, что мы влетим в железную свалку, но фура проскочила-таки мимо, а легковушку снова бросило вперед, так что мы все отделались лишь легким испугом.

Второй шок, и уже посерьезней, был в аэропорту. На контроле вещей Анастасию задержали и попросили показать содержимое ручной клади. Я шел сзади. Вникая в ситуацию, механически выложил содержание карманов на поднос, поставил лэптоп... Когда супругу пропустили, послали на передосмотр мой рюкзак. Все вернули, все в порядке, я могу идти. Но тут я замечаю, что у меня в руках нет паспорта с билетом. Где же они? Хватаюсь за карманы – нет. В нагрудной сумочке – тоже нет. Ну вот... Первая мысль: «Пока я тут с пограничниками перетирал, какой-то ушлый подошел и по тихому увел мой паспорт с подноса!» И что теперь? У меня ведь посадка через полчаса! Но тут приходит следом другая мысль, еще более стремная: это не случайный вор стащил, это все было специально разыграно самими пограничниками, и теперь меня будут колоть на бакшиш. Иначе – сиди в транзитной зоне, жди адвокатов. Это Индия, детка! О, боги, почему это случается именно сейчас и именно со мной? Подхожу к пограничникам, говорю:

– У меня только что украли паспорт с билетом. Пока вы досматривали мои вещи, кто-то стащил мои документы с подноса.

Мы еще раз перебрали всю ручную кладь, все карманы. Вернее, почти все. Недосмотренными оказались накладные карманы на штанах. И именно в них оказались паспорт с билетом, куда я их механически сунул, снимая походную разгрузку на досмотр. Пограничники молча на меня смотрели..

xxx.

Осенний Лондон – яркий и свежий. Дома Филипп сидел у компьютера, Пол клал пол...

А месяца через полтора, в начале декабря, я узнал, что ашрам Махариши в Ришикеше открылся для посещения широкой публики. Цена входного билета составляет 150 рупий для местных туристов и 700 рупий для иностранных. Би-би-си передает слова лесничего, Раджендры Нутияла:

"Мы вычистили все помещение и украсили дорожки цветами. Мы также сейчас сажаем клумбы и устанавливаем скамейки для посетителей. У нас будут проложены туристские маршруты и птичьи тропы. Мы также планируем открыть кафетерий и сувенирную лавку, но сохранить при этом естественное очарование этого места".

xxx

Часть V. Адвайта-Веданта

V. 1. Три типа человеческой религии

Все существующие в мире религии принято делить на три основных типа: анимистические, монотеистические и дхармические. К первому типу относятся древнейшие формы культа предков и природных стихий — различные формы анимизма/шаманизма. Здесь еще нет абстрактных сущностей, собирательных образов. Каждая душа — единична, магически конкретна, адресна. Полная (теоретически) противоположность анимизму — монотеизм, где, напротив, все многообразие духовных и душевных форм трансцендируется в собирательном образе единого персонализированного (личного) Бога.

Дхармические религии занимают между крайностями анимизма и монотеизма промежуточное место. Здесь, при наличии магических сущностей и высшей личности божества, основное значение имеет деперсонализированный закон судьбы (карма), рок. На практике все вышеуказанные формы религиозного сознания между собой пересекаются и, подчас, выходят за рамки однозначных схематических определений.

Элементы анимизма/шаманизма, связанные с практикой экстатических состояний (камлание), присущи, практически, всем религиям без исключения, при этом собственно «классические» анимисты — это последователи *архаичных культов предков* (аборигены Америки,

Австралии и Океании, обитатели труднодоступных регионов Азии — Сибирь, Индо-Китай — и африканские язычники).

Монотеистические религии можно разделить на авраамические и не-авраамические (прежде всего иранские). К первым относятся иудаизм, христианство и ислам (некоторые сюда включают также самаритян как представителей традиции добиблейского иудаизма), ко вторым — маздаизм, родственный ему зороастризм (серьезно повлиявший на все формы авраамизма), манихейство, йезидизм, бехаизм.

Дхармические религии делятся на ведическую (индуизм) и не признающие духовного авторитета Вед джайнизм, буддизм и сикхизм (последний с оговорками). Что касается традиционной китайской религии, то здесь мы видим сложный синтез анимизма (превалирует в народном даосизме) и дхармизма (вариант конфуцианской дхармы как «воли Неба»).

В представленной ниже сводной таблице даются усредненные данные по религиозной типологии и количеству последователей — по признаку формальной культурной причастности к той или иной традиции, а не с точки зрения действительно практикующих адептов (к примеру, в Китае около 60% населения считают себя агностиками/атеистами, в России религиозные службы посещает лишь около 6% населения).

В графе «секуляризм» указаны весьма обобщенные данные о количестве в мире агностиков и атеистов. С точки зрения строго «культурного» подхода, их нужно было бы распределить по трем предшествующим колонкам, однако мы предпочли выделить для них отдельную позицию. Эти 500 миллионов человек представляют собой как бы сознательный авангард безрелигиозной, светской культуры (вплоть до активного анти-традиционализма), тогда как число фактических секуляристов (людей, равнодушных к традиционной религиозной культуре, но продолжающих формально отождествлять себя с ней) может быть в три-четыре раза больше.

Монотеизм 4 млрд	Дхармизм 2 млрд	Архаичные культы 500 млн	Секуляризм 500 млн
Христианство 2.3 млрд	Индуизм 1.0 млрд	Анимизм	Агностицизм 350 млн
Ислам 1.6 млрд	Буддизм 0.5 млрд	Шаманизм	Атеизм 150 млн
Иудаизм 15 млн	Даосизм 0.4 млрд	Фетишизм	
Бехаизм (7 млн), Зороастризм (100 т.)	Сикхизм (25 млн), Джайнизм (7 млн)	Тотемизм	

Что касается последователей архаичных культов, то здесь сложно однозначно разделить анимизм-шаманизм-фетишизм-тотемизм и другие форматы древних магических практик. Поэтому данных по их численности мы не даем, ограничиваясь общей цифрой «архаиков» в 500 миллионов человек. В отношении дхармических религий, спорной идентичностью обладают даосизм, тяготеющий к анимистическому культу предков

(конфуцианство, синто) и сикхизм, ориентированный в отдельных аспектах на монотеистический ислам. Зороастризм, напротив, трактуемый многими как форма монотеизма, тяготеет к дхармизму — как исторически родственная ипостась ведийской религии.

Особое место в системе религиозных традиций играет *гностицизм*, как синтез архаичных восточных (включая египетские) культов и «модернистской» древнегреческой философии. Интеллектуальные элементы гностицизма присущи не только большинству развитых монотеистических и дхармических религий, но также современной светской культуре (в формате проблематики экзистенциализма). Гностики, подобно агностикам, присутствуют во всех культурных традициях, однако, в отличие от индифферентных в мистическом отношении агностиков, гностики занимают позицию активного познания тайн мира, веря в достижение высшего эмансипативного знания (*гнозиса*), за пределами формализму институционализированной культуры.

Неоплатонизм и гностицизм явились порождением одного и того же макроисторического феномена, имя которому — *эллинизм*. Эллинизированный мир представлял собой мультикультурную цивилизацию на основе греческой интеллектуальной доминанты. Влияние этой доминанты испытали на себе не только ближайшие к Афинам культурные центры Италии, Малой Азии и Египта, но также интеллектуальные круги Вавилонии, Ирана, Индии и Центральной Азии.

Древнегреческая философия, попадая в различные регионы эллинистической ойкумены, способствовала *рационализации* автохтонных мистических традиций, как бы оплатонивая (в строгом смысле — идеализируя, метафизически упорядочивая) религиозное наследие предков в формате неоплатонического идейного синкретизма. Такого рода философско-религиозный синтез (греческая философия + восточная религия) и привел к зарождению собственно *гностицизма* как, параллельного с неоплатонизмом, продукта эллинистического мира. Гностицизм — это некий мистический ответ Востока на экспансию греческой интеллектуальной культуры.

Орфизм. При этом не следует забывать, что уже сам платонизм изначально содержал в себе мистический, и даже — оргиастический элемент, выступая в качестве своеобразной интеллектуальной (или диалектической) апологии *орфизма*, связанного, в свою очередь, с неолитическими культами древних обитателей Балкан, впервые (VII тысячелетие до н. э.) принесших в Европу земледелие с территории Плодородного Полумесяца (между Нилом и горами Загрос в Иране). Как известно, древнейшие земледельческие культуры связаны с мистериями *умирающего и воскресающего бога*, каковым, в случае орфизма, являлся Дионис.

Аналогичные мистерии были распространены носителями неолитической революции (по мере ее экспансии) на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии и Центральной Азии, в Северной и Восточной Африке. Фактически, все эти регионы вошли впоследствии в *эллинистическую ойкумену*, так что появление здесь платонизма с орфической подкладкой было встречено местными мастерами с пониманием и творческой отдачей. Таким образом, мы можем считать *орфизм* концептуально-мистическим предшественником *платонизма* в узком смысле слова и *неоплатонического гностицизма* — в широком.

Гностики рассматривали Диониса как символ божественной искры в человеке, божественного духа, забывшего о своем трансцендентальном предназначении в результате индивидуализирующего снисхождения в низшие слои космической материи. Орфей же, под маской культурного героя, символизирует здесь божественного посланца, стремящегося пробудить Диониса (как некий медикамент, антидот) от иллюзии личного существования в окружении иллюзорной множественности "ста тысяч вещей".

«Орфей противопоставляет царю Дионису аполлонийскую монаду, отвращающую его от нисхождения в титаническую множественность и от ухода с трона и берегущую его чистым и непорочным в единстве.»

Procl. in Alcib. p. 83 = Orph. teletai, 193, p. 229, Abel: Orpheus ephistesoi toi

«Дионис, по неоплатоникам, — "бог разделенного мироздания" (*meristes demiurgias*), как виновник изначальной индивидуации; но он не имеет ничего общего с инстинктом самосохранения замкнутой в себе индивидуальной формы бытия, по отношению к которой является, напротив, внутренним стимулом саморасточения, как воссоединения с целым через переход в другие формы. Индивидуальность противится этому внутреннему зову Диониса в ней; тогда Дионис разоблачается как смерть. [...] Дионис, бог смерти, есть вместе и бог возрождения (*tes palingenesias ho theos*). — Такова поздняя диалектика древнего культа: религиозное мышление народа имманентно его культу, его мысль — в действии. Первыми начали мыслить за народ орфики, и народ узнавал в их учении свою веру, хотя и чуждался, уже с V века, их мистически-обрядовой практики. [...]»

Вячеслав Иванов. Дионис и прадиионисийство

V. 2. Санатана-дхарма

Индуизм — очень сложное, комплексное явление. Для того, чтобы иметь более-менее адекватное представление о природе этой религии и, соответственно, ориентироваться в многообразии ее философских школ, целесообразно будет окинуть взглядом общую системообразующую структуру того, что можно назвать *индуистской традицией*, которую сами индусы именуют *санатана дхарма* (санскр. *Sanātana Dharma*, «вечный закон»).

Основным источником индуизма является *ведическая религия*, которую принесли в Индостан, около трех с половиной тысяч лет назад, арийские завоеватели с территории (предположительно) Средней Азии. Другой поток арийских завоевателей, примерно в то же время, вторгся Иран («страна ариев»), положив начало древнеиранской цивилизации.

Оба эти потока вышли, с большой долей вероятности, с территории Ямной культуры (или Древнеямной культурной общности) эпохи бронзового века (3600-2300 до н. э.) и распространенной вдоль всей широкой лесостепной полосы между Днестром и Южным Приуральем. Предполагается, что к ней же принадлежали поселения т. н. южноуральской Страны Городов, из которых самым известными из которых являются Синташта и Аркаим (22-17 вв. до н.э.).

Примерно в это же время (2000-1800 гг. до н. э.) начался процесс культурно-религиозного и языкового размежевания между индоарийской и иранскими ветвями протоведической традиции индоиранцев. Иранские арии заняли территории Ирана и Средней Азии, индийские — захватили Северный Индостан. Таким образом, некогда общая для них прото-ведическая традиция, восходящая к неолитическим культам кочевников-животноводов, разделилась на маздаическую и ведическую пара-парампары.

Из первой в дальнейшем развился зороастризм, из второй — индуизм. При этом как маздаическая, так и ведическая версии арийских религий подверглись влиянию доарийского населения захваченных северными пришельцами территорий, принадлежавшего к хараппскому этноцивилизационному кругу. Отсюда берут начало две формы индусского ритуала: северного, *ведического* — внехрамового культа огня (Агни), и южного, *агамического* — храмового культа камня (Шива).

Священные писания индуизма имеют особую, сложную классификацию:

Шрути (услышанное)	Смрити (запомненное)
Ригведа (Веда гимнов)	Дхарма-шастры (законы)
Яджурведа (Веда жертвенных формул)	Итихасы (героические сказания)
Самаведа (Веда песнопений)	Пураны (древние былины)
Атхарваведа (Веда заклинаний)	Веданга (ведическая наука): Шикша (фонетика и фонология), Чхандас (метр), Вьякарана (грамматика) Нирукта (этимология) Джьотиша (астрология и астрономия) Калпа (ритуаловедение)
<i>Каждая Веда состоит из четырех частей:</i> Самхиты (мантры) Брахманы (комментарии ведических ритуалов) Араньяки (описания ритуальных практик) Упанишады (философия)	Агамы (доктрины): Вайшнавские (мантра) Шиваитские (тантра) Шакта (янтра)

Четыре основных направления индуизма включают в себя:

Вишнуизм	Шиваизм	Смартизм	Шактизм
Поклонение Вишну (вайшнавизм) и его аватарам (в основном Кришне и Раме). Практика бхакти-йоги.	Традиция почитания Шивы, возможно — доарийского происхождения. Практика йоги.	Реформированная древняя брахманская традиция, основанная на <i>смрити</i> . База философии адвайты-веданты. Практика дхармы.	«Доктрина силы». Поклонение Шакти или Деви (Богине-Матери). Связан с тантрой и мистицизмом. Возможно, пережиток матриархата.

Основные сампрадаи как традиции мистических практик в индуизме:

Вишнуитские	Шиваитские	Адвайта-веданта	Гариб Дасси
Шри-сампрадая Брахма-сампрадая Рудра-сампрадая Кумара-сампрадая	Натх-сампрадая Навнатх-сампрадая Дашанами-сампрадая	Адвайта-гуру-парампара и Адвайта-матхи	Нади Бинди

Шесть ортодоксальных даршан (философских школ) индуизма:

Санкхья	Древнейшая философская система Индии. Дуализм пуруши (духа) и пракрити (материи). Три гуны (качества) пракрити: саттва (чистота), раджас (энергичность), тамас (пассивность). Мокша (освобождение) как результат преодоления пракрити.
Йога	Школа личного освобождения. Близка к санкхье, разделяет ее метафизику и психологию. Самадхи (освобождение) достигается за счет «остановки вихря сознания». Основана на «Йога-сутре» Патанджали (II в. до н. э. – IV в. н. э.)
Ньяя	Школа индийской логики. Основана на сутрах Акшапады Гаутамы (II в. до н.э.)
Вайшешика	Школа атомизма. Близка к ньяе, разделяет ее метафизику и логику. Основана риши Канадой (III-II вв. до н. э.)
Миманса	Школа ведического ритуализма. Формулирует правила интерпретации ведического знания. Возможность освобождения (мокша) рассматривается в связи с корректным подходом к ритуалу. Разделяет логику ньяя.
Веданта	Школа изучения философии Упанишад. Достижение мокши через джняну (знание). Основана на «тройственном каноне веданты» (прастханатрая). Близка к йоге (медитационная практика).

Шесть традиционных школ веданты включают в себя следующие направления:

Адвайта-веданта	<i>Основоположник:</i> Шанкарачарья (788-820). <i>Кредо:</i> реален только Брахман. Атман (личная душа) и Ишвара (личный аспект Бога) — манифестации единого Брахмана. «Недвойственность»
Вишишта-адвайта-веданта	<i>Основоположник:</i> Рамануджа (1040-1137). <i>Кредо:</i> три аспекта реальности — Вишну (Абсолют), джива (индивидуальная душа) и пракрити (материя). «Особый монизм»
Двайта-веданта	<i>Основоположник:</i> Мадхвачарья (1238-1317). <i>Кредо:</i> три вида реальности (Вишну, джива, пракрити) и пять видов различий. «Двойственность»

Двайта-адвайта-веданта	Основоположник: Шри Нимбаркачарья (11-13 вв.). Кредо: три вида реальности, отличие Брахмана от дживы и пракрити. Мокша через бхакти. «Двойственность в недвойственности»
Шуддха-адвайта-веданта	Основоположник: Валлабха (1479-1531). Кредо: мокша достижима через джняну (Акшара-Брахман антарьямина) и бхакти (Парабрахман абсолюта). «Чистая недвойственность»
Ачинтья-бхеда-абхеда-веданта	Основоположник: Чайтанья Махапрабху (1486-1536). Кредо: одновременное единство и различие между творцом и его энергиями. «Учение о непостижимо-единораздельном сущем»

Прастханатрая (три отправных точки) — канонические тексты веданты:

Мукхья-упанишады — обязательные тексты (упадеша праsthана)	Брахма-сутры (или Веданта-сутры) — логический текст (ньяя- праsthана)	Бхагавад-гита — логический текст (садхана праsthана)
Основной канон Упанишад, включающий в себя 11 древнейших текстов. Принимаются как <i>шрути</i> всеми направлениями индуизма.	Логико-эпистемологические рассуждения о природе Упанишад. Авторство приписывается Бадараяне (он же Вьяса)	Фрагмент эпической поэмы «Махабхарата». Считается «суммой Вед» и основой индийской философии. Относится к <i>смрити</i> .

V. 3. Истоки философии адвайта-веданты

Адвайта-веданта представляет собой бескрайнее поле для всевозможных спекуляций по поводу восточной мудрости и йогических практик высшего освобождения. Конгрессы, семинары и мастер-классы по адвайта-веданте регулярно проводятся не только крупнейшими учебно-исследовательскими центрами мира, но и на базе бесчисленных частных институтов, профильных групп и любительских кружков. Количество литературы по предмету просто зашкаливает. С одной стороны, это неплохо, поскольку повышает интеллектуальный уровень общества. С другой — изобилие материала и отсутствие общепризнанной градации его адекватности делает такое изучение подобным навигации без карты, и даже — без компаса! Большое значение здесь играет интуиция, кармическая предрасположенность. Подобное притягивает подобное – один из главных принципов алхимического герметизма.

Адвайта-гуру-парампара:

नारायणं पद्मभुवं वशिष्ठं शक्तिं च तत्पुत्रं पराशरं च व्यासं शुक्रं गौडपादं महान्तं गोविन्दयोगीन्द्रं अथास्य शिष्यम् ।
श्री शंकराचार्य अथास्य पद्मपादं च हस्तामलकं च शिष्यम् तं तोटकं वार्तिककारमन्यान् अस्मद् गुरून् सन्ततमानतोऽस्मि ॥

nārāyaṇam padmabhuvam vasiṣṭham śaktim ca tat-putram parāśaram ca vyāsam śukam
gaudapāda mahāntam govinda yogīndram athāsyā śiṣyam śrī śankarācāryam athāsyā
padmapādam ca hastāmalakam ca śiṣyam tam trotakam vārtikakāramany vārtikakāramany ān
asmad gurūn santatamānato'smi (advaita-guru-paramparā-stotram)

В индуизме считается, что традиция адвайты (санскр. *advaita*, не-двойственность), как не-двойственного (непротиворечивого, целостного) знания о фундаментальном единстве бытия, восходит к самому Нараяне — высшему ведическому божеству, творцу вселенной (интегрирующему всех аватар). Здесь имеется в виду, что Нараяна — это и есть неделимое единство, он же — высший Брахман (*parabrahman*), высший Атман (*paramatma[n]*), высший Господь (*parameshwara*).

Нараяна передал свой гнозис (джняну) богу Брахме (Brahmā или Radmabhava, санскр. “рожденный из лотоса”). Эта божественная наследственность называется *Дайва-парампара* (традиция дэвов).

Далее следует *Риши-парампара* (санскр. ṛṣi-paramparā, традиция мудрецов-риши), последовательно включающая в себя пять фигур: духовного сына Брахмы (т. е. брахмана по касте) Васиштху (Vaśiṣṭha), его сына Шакти (Śakti) и внука Парашару (Parāśara), а также (незаконного) сына последнего Вьясу (Vyāsa) и внука Шуку.

Следующая ступень — *Манава-парампара* (manava-paramparā, человеческая традиция) из трех основных фигур и четырех дополнительных. К основным относятся: ученик Шуки, Гаудапада (Шри Гаудападачарья, VI век), его ученик Говинда Бхагаватпада и ученик последнего Шанкара Бхагаватпада (Ади Шанкарачарья, начало VIII века).

Дайва-парампара	Риши-парампара	Манава-парампара
Нараяна — высшее божество Вед, творец вселенной (<i>para-brahman</i>), в вишнуизме почитается как Вишну и Хари.	Васиштха — духовный сын Брахмы, гуру Рамы (аватары Вишну), муж Арундхати, один из авторов Ригведы	Шри Гаудападачарья (VI в.). Автор трактата «Мандукья-карика», широко использовал терминологию буддийской школы <i>мадхьямика</i> .
Брахма — бог творения в индуизме, одно из лиц индусской Троицы-Тримурти (Брахма-Вишну-Шива)	Шакти — старший сын Васиштхи (всего имевшего сто святых сыновей).	Говинда Бхагаватпада (VII в.), учитель Шанкарачарьи
	Парашара — сын Шакти и Адришьянти, один из авторов Ригведы. Составил Дхарма-шастры	Шанкарачарья (788-820). Основатель школы адвайта-веданты
	Вьяса — незаконный сын Парашары и Сатьявати, автор эпоса «Махабхарата» и Веданта-сутры (Брахма-сутры)	
	Шука (Шукадева Госвами) — сын Вьясы, странник-аскет, персонаж пуранических писаний	

Дополнительные фигуры — это четыре ученика Шанкарачарья: Падампада (Падампадачарья), Вортикакара (Сурешвара или Сурешвачарья, известный также как Мандана Мишра), Хастамалака (Хастамалакачарья) и Тотака (Тотакачарья). Каждый из них продолжил *сампрадаю* (традицию) адвайты в рамках собственной *парампары* (инициатической линии).

V. 4. Матхи адвайта-веданты

Śruti smṛti purāṇānāmālayaṃ karuṇālayaṃ |
Namāmi Bhagavatpādaśaṅkaraṃ lokaśaṅkaraṃ ||

Я приветствую сострадательную обитель мудрости Вед, смрити и Пуран в лице Шанкары Бхагаватпады, улучшающего своим деяниями этот мир.

Матх — религиозный институт, монастырь, центр образования и духовной жизни в индуизме, обычно — штаб-квартира монашеского ордена или сам ордена. В Индии существует несколько категорий матхов, в зависимости от духовного патрона и религиозно-философской школы.

Ади Шанкарачарья, считающийся воплощением Шивы и основателем *Традиции Десяти имен (Daśanāmi Saṃpradāya)*, учредил на территории Индии четыре матха *смартизма*:

Матх	Место	Первый глава матха	Основатель матха
Говардхана матх (Govardhana maṭh)	Пури, штат Одиша восток	Падмападачарья — индийский философ, последователь Ади Шанкары.	Текке Матхам, Триссур, штат Керала
Шрингери Шарада питха (Śringeri Śāradā pīṭha),	Шрингери, штат Карнатака юг	Сурешварачарья — индийский философ, последователь Ади Шанкары. Занимался системами адвайты и мимансы (под именем Мандана Мишра).	
Дварака питха (Dwaraka pīṭha или Dwaraka maṭha)	Дварака, штат Гуджарат запад	Хастамалакачарья — индийский философ, последователь Ади Шанкары	Идайил Матхам, Триссур, штат Керала)
Джьотирматх (Jyotirmaṭh или Joṣīmaṭh)	Бадринатх, штат Уттаракханд север	Тотакачарья — индийский философ, последователь Ади Шанкары.	Вадакке Матхам, Триссур, штат Керала

Специфика четырех смартических матхов:

Шишья (ученик)	Сторона света	Матх (школа и орден)	Махавакья (ведическая формула)	Веда	Сампрадая (религиозная система)

Падмапада	Восток	Говардхана питхам	Prajñānam brahma (сознание есть Брахман)	Риг-Веда	Бхогавала
Сурешвара	Юг	Шрингери Шарада питхам	Aham brahmāsmi (я есть Брахман)	Яждур- Веда	Бхуривала
Хаста- малакачарья	Запад	Дварака питхам	Tattvamasi (ты то еси)	Сама- Веда	Китавала
Тотакачарья	Север	Джьотир- мадха питхам	Ayamātmā brahma (этот атман есть Брахман)	Атхарва- Веда	Нандавала

V. 5. Нео-индуизм (нео-веданта)

С начала XIX века в Индии появляются ростки того религиозно-общественного явления, которое можно назвать неоиндуизмом. Это был ответ образованной прослойки Британской Индии на вызовы времени, стремление вписаться в Западный модерн как главное условие научно-технического и культурного прогресса.

К подобной модернизации апеллировало, например, одно из первых реформаторских движений страны, общество *Брахмо Самадж*, основанное в 1828 году брамином из шактийской сампрадаи по имени Рам Мохан Рой²⁹¹ и землевладельцем-интеллектуалом Дебендранатхом Тагором²⁹² (1817-1905), из клана Тагоров — «бенгальских Медичи».

Вместе с тем, отдельные парампары неоиндуизма — например, «общество просвещенных» *Арья-самадж*, основанное Свами Даянандой Сарасвати (1824-1883) — выступали с весьма фундаменталистских позиций, ратуя за «возвращение к истокам». Сложно назвать «модернистом» и такую известную фигуру неоиндуизма, как Рамакришну Парамахамсу (1836-1886) — бенгальского мистика, адвайтина и основателя собственного матха (Рамакришна матх).

Отцами-основателями интеллектуального дискурса неоведанты, адаптированной к западному философскому дискурсу, принято считать Рам Мохан Роя, Свами Вивекананду, Махатму Ганди, Шри Ауробиндо Гхоша и Сарвепалли Радхакришнана.

Орден (матх) Рамакришны, объединенный с просветительской Миссией Рамакришны, начал распространение идей адвайты-веданты в Западной Европе и США с начала XX века. В настоящее время его представительства находятся в 20 странах мира, в Индии центры есть в 23 штатах. Сам Рамакришна одновременно принадлежал к двум сампрадаям: шактийской и

²⁹¹ **Рам Мохан Рой**, также **Раммохон Рой**, **Рай Раммохан**, **Раджа Рам Мохан Рой** (Бенгали: রাজা রামমোহন রায়), (22 мая, 1772, Радхнагор, Бенгалия — 27 сентября 1833, Стэплтон, Великобритания) был основателем Брахмо Самадж, одного из первых социально-религиозных реформаторских движений в Индии. Оставил заметный след также в области политики, административного права, образования и религии.

²⁹² **Дебендранатх Тагор** (бенг. দেবেন্দ্রনাথ ঠাকুর, Debendronath Thakur) (15 мая 1817 – 19 января 1905) — религиозный деятель из Бенгалии, один из основателей Брахмо-самадж.

ведантической. По линии шактизма он получил инициацию от тантрической йогини Бхайрави. При этом он предавался агамическому служению в храме Кали.

Из парампары Ади Шанкары, через тысячу лет после махасиддхисамадхи ачарьи, вышел Тота Пури — странствующий адепт ордена индусских гимнософистов-нагов, бывший глава монастыря адвайтинов в Хингладже (регион дельты Инда). Он помог Рамакришне преодолеть бхактическую привязанность к Кали и достичь ведическое-ведантическое самадхи недвойственности.

Опыт трансцендентального сопереживания совокупного божества, нераздельно-неслиянного с индивидуальной душой свидетеля, привел Парамахамсу к убеждению об иллюзорности всех институциональных барьеров между людьми, объединяемых общей способностью к прозрению недвойственности мира и Бога. Он считается одним из основателей неоиндуизма, в рамках которого стало возможным посвящение в таинства адвайты и Упанишад не-индусов — чем и занялись иностранные миссии Ордена в странах Старого и Нового Света.

Основателем Ордена и Миссии Рамакришны является ученик Парамахамсы, Свами Вивекананда (Нарендранатх Датта, 1863-1902). В 1894 он зарегистрировал Общество Веданты в Нью-Йорке — первое на всем американском континенте.

Ученик Вивекананды, Свами Парамананда (Суреш Чандра Гуха Тхакурта, 1884-1940), был уполномочен мастером руководить американским отделением матха. Он прибыл в Нью-Йорк в 1906 и работал ассистентом при Центре Веданты до 1909, когда он открыл Центр Веданты в Бостоне. До самой своего махасамадхи в 1940, Свами Парамананда вел миссионерскую деятельность в США, Европе и Азии.

В 1940 Миссию возглавила его племянница, Гаятри Дэви — первая индийская женщина, присоединившаяся к Матху в 1926 году.

V. 6. Рама-Ашрама – राम तं औं

हे रामा पुरुषोत्तमा नरहरे नारायणा केशवा गोविंदा गरुडध्वजा गुननिधे दामोदरा माधवा ।
हे कृष्ण कमलापते यदुपते सीतापते श्रीपते वैकुंठाधीपते चराचरपते लक्ष्मीपते पाहिमाम ॥

В начале 50-х годов XX века Гаятри Дэви, во время очередного миссионерского тура по Западной Германии, инициировала в орден Рамакришны жившего во Франкфурте-на-Майне эстонского философа Михаила Тамма, получившего духовное имя Раматаммананда (сокр. Рам). По его инициативе в ФРГ было основано Общество Адвайта-Веданты, стали выходить журналы «Advaita-Vedanta» и «Friede» (Мир). В 1956 году Рам получил от Свами Омкарананды приглашение на постоянный ретрит в одном из гималайских ашрамов. Философ предложение принял, но в Индию поехал не прямым путем, а через Советскую Эстонию, желая по пути посетить родственников, которых не видел почти двадцать лет. Но, едва оказавшись на территории СССР, он был сразу же задержан советскими властями и принудительно интернирован, как апатрид (лицо без гражданства), до 1981 года.

Попав в Советскую Эстонию, Рам утратил, практически, все контакты с Миссией, оказавшись в полной изоляции. С другой стороны, подобная изоляция обернулась для него эффектом действительного ретрита, затворничества, вызвавшего совершенно новые инсайты²⁹³.

Эллинистическая адвайта. Работая над адвайтой, Рам погрузился в диалектику древнегреческой философии и гностическую мистику неоплатонизма. Он изучил греческую терминологию, сопоставив ее с санскритской, а фигуры западного интеллекта — со структурами восточной мысли. В известном смысле, с точки зрения дискурсивного родства, Рама можно представить, как продолжателя миссии Дамаския (др.-греч. Δαμάσκιος; 458/462 — после 538) — последнего схоларха Платоновской Академии и Афинской школы неоплатонизма, наследника традиций античного скептицизма.

«В лице Дамаския античная философская эстетика умирала с улыбкой на устах. Была осознана вся сущность бытия как всеобщая и вечная картина бурлящей своими безвыходными противоречиями действительности. Исходный чувственно-материальный космос был осознан до конца и в своей красоте, и в своей безвыходности. Со страниц Дамаския веет безрадостностью, но и беспечальностью. Как в вечности. Потому и улыбка.»

А. Лосев. История античной эстетики

Древнегреческая диалектика Единого рассматривалась Рамом в оптике негативной диалектики Пустого адвайты и мадхьямики. На этой траектории неоплатоническая исихийя обращалась в дхьяну²⁹⁴ раджа-йоги²⁹⁵ и далее — в самадхи праджняпарамиты (состояние узрения эмансипативной пустоты высшей мудрости). Обнажая мистические корни платонизма, Рам демонстрировал его орфическую природу, сближая спиритуальные дискурсы западных и восточных философских школ гностического (в том числе скептически-кинического) профиля.

Одним из фундаментальных вопросов, которым Рам занимался долгое время, было совмещение западной научной и восточной мистической моделей мышления, олимпийской мысли и гималайской интуиции. Помимо

²⁹³ **Инсайт** — (от англ. *insight* — проникательность, проникновение в суть, понимание, озарение, внезапная догадка, прозрение) — многозначный термин из области зоопсихологии, психологии, психоанализа и психиатрии, описывающей сложное интеллектуальное явление, суть которого состоит в неожиданном, отчасти интуитивном прорыве к пониманию поставленной проблемы и «внезапном» нахождении её решения.

²⁹⁴ **Дхьяна** (санскр. ध्यान, *dhyāna*, «созерцание», «видение умом», «интуитивное видение», «медитация», «строгий специальный термин, сходно понимаемый во всех духовных традициях Индии, буддизме, индуизме и джайнизме»). Седьмая ступень восьмиступенчатой йоги по классификации Патанджали («Йога-сутра»). Во всех индийских религиях дхьяна приводит к «успокоению сознания», а в последующем к полной остановке (самадхи, восьмая ступень йоги Патанджали) на некоторое время любой психической активности.

²⁹⁵ **Раджа-йога** («царская йога»), также известна как классическая йога — одна из шести ортодоксальных школ в философии индуизма, которая базируется на «Йога-сутрах» Патанджали. Основная цель раджа-йоги — контроль ума посредством медитации (дхьяна), осознание разницы между реальностью и иллюзией и достижение освобождения. Так как практика раджа-йоги делится на восемь этапов, её также называют аштанга-йогой «восьми-ступенчатой йогой».

древнегреческой и индийской философии (включая буддийскую), Рам изучал классическую немецкую (идеалистическую), еврейскую (каббалистическую) и китайскую (даоскую) мысль, интересовался альтернативной (гностической) традицией средневековой мысли Запада.

Состояние	Чакрам	Принцип	Элемент
IV - turiya	sahasrara	Buddha	Lao tsu
III - sushupti	ajna	Platon	Aristotel
II - svapna	vishuddha	Tamm	Mahadevan
I - vaishvanara	anahata	Hegel	Jaspers

Нуль-Гипотеза-Теория, дифференцируя познавательный процесс по состояниям сознания, следует в своей центральной парадигме Мандукья-упанишаде²⁹⁶, рассматривающей атмана в качестве свидетеля четырех уровней бытия: бодрствования (джаграт), сна (свапна) со сновидениями, глубокого сна (сусхупти) и четвертого состояния (турия). *Мандукья-упанишада* была написана около первого-второго века нашей эры, ее первым комментатором считается Гаудапада («Мандукья-карика»), открывший инициатическую линию Манавы-парампары. Эта упанишада соотносится традиционно с Атхарваведой, Северным матхом Шанкарачарьи.

В 1976 году Рам формализовал наличие собственного матха (философской и мистической школы), который получил название Рама-ашрама (Rāmāśrama). До 1981 года имели место эффективные инициации, в результате которых сложился круг последователей философа и поддерживающих его лиц, всего около сотни человек со всего СССР. Примерно половина из них приходилось на Эстонию, другая – на Россию, Литву, Таджикистан и другие советские республики. Иностранцы тут были редкостью, но без них тоже не обошлось.

Рамовский ашрам нельзя, в полном смысле, назвать индуистским, буддийским или каким-либо еще конфессионально-культурным учреждением. С одной стороны, Рама-ашрам следует сампрадае гуру-парампары по линии Шанкарачарья — Тоталури — Рамакришна — Вивекананда — Парамананда — Гаятри Дэви — Раматаммананда, с другой — за годы фактического отшельничества в ЭССР Рам утратил эффективную связь с адвайтинами Свободного мира и выработал индивидуальную методику духовной реализации.

Главной целью, которую Рам ставил перед собой, было достижение пределов человеческого познания, пределов познавательных возможностей мозга homo sapiens на настоящий момент (т. е. исключая непредсказуемые перспективы грядущего эволюционного скачка, если таковой, вообще, случится). По словам мастера, в каждой психике содержится «аспект

²⁹⁶ **Мандукья-упанишада** (Māndūkyā Upaniṣad) — ведийский текст на санскрите, самая малая по объёму из одиннадцати Упанишад канона мукхья, к которому принадлежат наиболее древние Упанишады, прокомментированные Шанкарой. «Мандукья-упанишада» ассоциируется с «Атхарва-ведой» и в каноне муктика из 108 основных Упанишад стоит на шестом месте.

освобождения», который может получить развитие. А может и не получить. Тут на вещи нужно смотреть трезво. Более того, чаще всего этот аспект своего развития не получает, поскольку этому мешает массовая суггестия профанического социального окружения, состоящего из людей, далеких от каких-либо перспектив сознательного самосовершенствования и воспроизводящих соответственный интеллектуальный дискурс. Ашрамы, подобные нашему – это ковчеги спасения Знания в периоды всемирных потопов.

Дживанмукта означает на санскрите «освобожденный при жизни». Так называют в Индии просвещенных сат-гуру, «божественных учителей», которых индусы приравнивают к богам – божественным аватарам (воплощениям) При чем, приравнивают не только аллегорически, но и – фактически. Так работает дхармическое мышление, отличное от привычного Западу монотеистического, поляризирующего оппозицию тварь-Творец.

Дхармический взгляд на вещи допускает сосуществование в одном лице не только аватар одной религии (напр. индусских Шивы и Вишну, Вишну и Лакшми и др.), но и персонажей совершенно разных традиций: Мухаммада, Кришну, Христа, Запратуштру, Конфуция, Будду, Моисея, Великую Мать и безликого Парабрахмана... Дхармические религии предлагают своим адептам целый набор сверхъестественных метаморфоз, воспринимаемых, тем не менее, как условности безусловного духовного субъекта единой реальности. Интегральная часть дхармизма – представление о переселении душ, метемпсихозе, присущее также античной мистике и эллинистическим религиям.

Рам считал себя дживанмуктой – лицом, достигшим в жизни высшего прозрения и преодолевшим сансарную судьбу человека. Но так считал не он один. Большинство людей, когда-либо встречавшихся с философом, лично свидетельствовали присутствию в нем какого-то особого излучения, некой тонкой энергии, действующей на окружение чарующим образом. Рам неоднократно – и тому есть множество свидетелей – проявлял телепатические, целительские и иные тонкие способности неординарного характера. Но своей главной способностью мастер считал сверхпроницательную интуицию, сквозь призму которой живущий способен, образно говоря, заглянуть за границу смерти и, тем самым, вкусить от плода небесного познания – истинного гнозиса.

Люди, претендующие на статус дживанмукты (сат-гуру, будды, джины, пророка) бывают разными – от истощенных аскетов до пресыщенных роскошью царей. Все ли они действительно носители высших истин и реально освобождены от сансарных комплексов? Где критерии отбора? Рам делил дживанмукт на две категории: общественных и частных. Первые – это наследники престолов коренных мастеров, согласно принципам номинальной преемственности. Это как бы церковь административная. Вторые – «частные будды», то есть дживанмукты сами по себе, не связанные с культурно-институциональным дискурсом, а часто – и

социальным вообще. Это – церковь мистическая. Гуру-администраторы и гуру-аскеты, начитанные и просветленные, демагоги и философы...

Рам говорил, что наиболее продвинутые мудрецы остаются в анонимном статусе Невидимых учителей – неведомых гуру, тайнодействующих в малодоступных местах. Природа их настолько совершенна и целостна, «адвайтична», что не нуждается в самораскрытии через развитие каких-либо внешних талантов.

В одной из своих работ Рам поднимает тему просветленных - "живых будд". Он их делит на две категории: "организованных будд" (институциональных святых) и "частных будд" (не связанных с корпоративными системами). Большинство людей готово признать духовный авторитет только институциональных (записных) будд, представляющих какую либо организованную структуру и имеющих соответствующие "дипломы". Частные будды мало кого интересуют - ведь у них нет диплома с печатью. Но насколько эффективна академическая система в контексте эмансипативных практик? Рам считает, что такая система не эффективна в принципе. Но нет никакого смысла доказывать ее неэффективность в самой институциональной среде, где люди заточены на "дипломы". "Признание духовных статусов – это сегодня вопрос бизнеса", - пишет Рам. Это напоминает слияние и раздел компаний...

Раму вторит Шив Нараян: "Храмовые брамины - это просто системные администраторы, завхозы – не более того..." Удивительно, что отправляясь на поиски учителей, люди, прежде всего, пытаются найти именно какие-то организации с нужными печатями. Мысль о том, что квалифицированный гуру может вообще никак не быть связанным с какими-либо структурами (и скорее – наоборот) их почему-то не посещает... Впрочем, понятно, почему. Полная эмансипация "на грани мокши" – и Рам об этом тоже говорил – возможна лишь для продвинутых индивидуальностей, расплевавших со всеми конвенциональными условностями и авторитетами, и не озабоченных проблемой доказательства профанам собственного духовного статуса.

Каждый бог, каждый подлинный дживанмукта, отождествляемый в дхармическом сознании (т.е. в ментальности носителя дхармической религии) с аватаром высших сил, может (если захочет) закодировать свой личный опыт эмансипативного просветления в некую инициатическую систему (тексты, ритуалы, культовые объекты), пользуясь которой его последователи смогут войти в резонанс с интуициями мастера как откровением личного бога (для брахмачарина сат-гуру – Брахман наяву). Но не всякий дживанмукта хочет «кодироваться», не каждый «частный будда» горит желанием кому-то что-то объяснить...

К богам (в различных ипостасях) в индуизме приравнены фактически все авторы корпуса ведической литературы, от Вед до Пуран включительно, а также наиболее яркие комментаторы позднейшего времени. Например, Шанкарачарья 788-820), знаменитый комментатор Упанишад и создатель философии адвайта-веданты, почитается в Индии в качестве аватары самого Махешвары-Парашивы, тождественного Парабрахману. Тексты

Шанкарачарья адвайтины воспринимают как личное обращение Махешвары к преданным, с объяснениями, каким образом Его можно познать в качестве основы собственной (человеческой) сущности.

К Шанкаре у индусов такое же отношение, какое было у древних греков к Платону, которого те, неспроста, называли «божественным». Считалось, что устами Платона вещали сами боги, ибо обычному смертному недоступна такая чистота мысли и интуитивная пронизательность, позволяющая уму выйти за пределы законов обусловленного Демиургом космического горизонта, «понять» диалектику существования-не-существования. К тому же призывал Шанкарачарья: выйти за пределы очевидного космоса в интуитивную визионарность недвойственной мудрости (праджня).

Рам, безусловно, относится к типу философствующего гуру, свой путь определяет как джняна-йога (йога знания). Его просветленность была основана на знании, на *ведении* последних пределов бытия и не-бытия, *освобождающем* человека от дхармической повинности к познанию. Свой путь он так и называл: джняна-йога (йога знания). Источник высшего познания, небесного недвойственного гнозиса (адвайты) Рам усматривал – следуя учению Упанишад о четырех состояниях познания – в запредельных даже глубокому сну параметрах абсолютного отсутствия любой омраченности, начальной стадией которой, в принципе, этот бессодержательный сон является по существу.

V. 7. Рама-парампара

श्रीराम जयराम जयजय राम

Sri Ram Jai Ram Jai Jai Ram

Насколько ценен рамовский философский, медитационный и мистический опыт? По каким критериям его можно оценить? Сложность в оценке этого опыта состоит в том, что в пределах СССР, где прошла большая часть активной творческой жизни философа, его «западная» ментальность не резонировала с познавательными моделями советской интеллектуальной школы, тем более — академическим ее флангом.

Адекватно оценить его, как специалиста по нео-веданте, тем более — по широкому профилю индо-греческой философской традиции, местные эксперты не могли. Не могли этого сделать и западные коллеги, в силу оторванности Рама от западного академического дискурса и центров адвайты в равной степени.

В силу сложившихся обстоятельств, Рам разработал собственную модификацию адвайты-веданты, с упором на адвайту в контексте шуньяты. Он усилил «негативный» (апофатический) буддийский элемент в адвайте, фактически отождествив высшие познавательные состояния адвайты-веданты и мадхьямики (философия срединного пути). Вместе с тем, он привлек в свою философскую картину мира – так называемую *Нуль-Гипотезу-Теорию* (НГТ) – эпистемологию древнегреческой диалектики, выветив ее персоналистические моменты на фоне абсолютизма восточной философии пустоты (адвайта-буддизм-даосизм).

Близость адвайта-веданты Шанкары и мадхьямики Нагарджуны была замечена уже давно. К тому же, обе системы были разработаны в гималайском регионе, известном своими медитационными кондициями. Мистическая созерцательная практика объединяет адептов разных традиций, трансцендируя их культурный опыт в надзнаковое пространство пустого ключа.

Ведическая мокша, йогическое самадхи, буддийская нирвана, суфийская фана, исихастское обожение — все это близкие состояния за гранью очевидного, некий сам-ям, нуль-один-переход. Тонкое медитативное состояние, влекущее внутреннего свидетеля за пределы глубокого сна без сновидений, не может быть каким-либо образом представлено, изображено, объяснено. Оно может быть только передано телепатически от мастера к ученику, от носителя пустого опыта к соискателю просветления. При этом обе стороны должны быть соответствующим образом настроены, для чего и служат инициатические ритуалы.

Эзотерическая трансмиссия — передача фундаментального знания через телепатическую связь — является кровью инициатических тел, основой действенных парампар, внутренней энергией сампрадай.

Если мистический аспект адвайта-веданты Рам воспринял через парампару Шанкары-Топапуре-Рамакришны, то ее интеллектуальный аспект он усвоил, преимущественно, через общение с мадрасским адвайтином, профессором Т.М.П. Махадеваном, специалистом по Шанкаре и Гаудападе. Еще в Германии Рам проштудировал все 108 Упанишад из канона Муктика²⁹⁷, и с особой тщательностью — 11 упанишад из базисного канона Мукхья²⁹⁸. Книги были единственным багажом Рама на его пути в Индию. Два чемодана печатной продукции. Ну и пара костюмов...

По счастью, книги не конфисковали. В основном это была религиозно-мистическая и научно-философская литература на немецком и английском языках, в том числе — о западных инициатических организациях, тайной истории дипломатии и черномагических ритуалах. Рам составил уникальную сравнительную картотеку философских терминов, сопоставляя санскритские и греческие знаки, символы, понятия, к тому же — в духе интеллектуальных традиций немецкого идеал-экзистенциализма (Гегель-Ясперс).

Философия адвайта-веданты имеет дело с культурой философского мышления как высокоинтеллектуального формата человеческой деятельности, связанной с активированием трансцендентальных интуиций и творческих способностей. Образцы этого мышления даны в Упанишадах, авторы которых старались «рационализировать» древний песенный и мантрический материал Самхит, Брахман и Араньяк. Одновременно, этот архаичный материал представлял собой своеобразный магический ресурс, аккумулирующий культурную и культовую волю религиозной корпорации.

²⁹⁷ **Муктика** (Muktikā «освобождение») — индуистский канон из 108 Упанишад школы адвайта.

²⁹⁸ **Мукхья** — основной индуистский канон Упанишад. К нему принадлежат 11 предположительно самых древних Упанишад. Их прокомментировал Шанкара, и они принимаются как шрути всеми направлениями индуизма.

Адвайтинов можно разделить на две основные категории: теоретиков и практиков. То есть занимающихся теоретическими вопросами адвайты-веданты, «книжных философов», и «практикующих адвайту» (не-различение себя в потоке майи) в ежедневной жизни. Поведение последнего типа присуще мистикам всех культур и традиций. Оно характеризуется некоторой аутичностью, отключенностью от реальности, определенным инфантилизмом. Блаженные, садху, факиры — представители потусторонних сил, инобытия...

Высшая мудрость, раскрываясь в человеческом сознании, снимает саму способность последнего к дальнейшему познанию, ибо очевидная недвойственность трансцендирует диалектику смысла в состоянии интуитивного единства (греч. "Ἐν καὶ Πᾶν — все едино), всезнания, праджни (пра-гнозис).

«Пробудившись к этому состоянию, которое остается непостижимым, глубочайшим, нерожденным, вечно равным себе и священным, мы, в меру своих сил, почитаем его.»

Гаудалада. Мандукья-карика

Рам, как философ-адвайтин, принадлежал к мистической парампаре Рамакришны. Профессор Махадеван, работы которого оказали на понимание Рамом философской стороны адвайты-веданты существенное влияние, следовал мистической парампаре Раманы Махариши — тамильского садху-шиваита, жившего у подножья священной горы Аруначала (Тируваннамалай, Тамилнад). Учение Раманы Махариши, как разновидность нео-веданты, во многом резонирует с учением Рамакришны, делая упор на медитационную практику прямого переживания состояния адвайты (турия) как трансцендентального опыта, запредельного даже состоянию глубокого сна (праджня).

Четыре состояния сознания (самопознания), выделяемые ведантами:

Уровень сознания	I	II	III	IV
Состояние сознания	бодрствование	сновидение	глубокий сон	четвертое состояние
Мандукья упанишада	вайшванара	тайджаса	праджня	турия
Рамана Махариши	джаграт	свапна	сущупти	турьятита
Аспекты	Вишну, звук А, слог Сат	Хираньягарбха, звук У, слог Чит	Ишвара, звук М, слог Ананда	мокша, просветление
Патанджали	пратьяхара	дхарана	дхьяна	самадхи
Рам М. Тамм	я-его, М (форма)	сам-auto, N (разум)	душа-psyche, 1 (полнота)	дух-пнеума, 0 (пустота)

Буддизм	нирмана кая, явленное тело	самбхога кая, блаженное тело	дхарма кая, тело закона	ваджра кая, алмазное тело
Оперативный модус	внушение, абсурд	гипноз, парадокс	магия, мистика	майя, фантастика
Адвайта	вьавахарика (условная реальность)	пратибхасика (призрачная реальность)	парамартхика (истинная реальность)	четвертое состояние (запредельное)

Достижение четвертого состояния, турии — финальная цель всякой садханы, всякого йогического подвижничества. Подвижничество адвайтина-ведантиста носит, прежде всего, философски-созерцательный характер джняна-йоги — йоги познания, гнозиса. Это именно гнозис, основанный в большей степени на интеллектуальной интуиции, чем на формализованной аналитике рассудка. Интуиция близка в своей феноменологии телепатии как способности сверхчувственного восприятия информации в самых разных ее аспектах.

В практической веданте большое значение имеет функционирование интуитивно-телепатических отношений между риши, гуру и учениками-брахмачаринами, что достигается с помощью медитационных и иных мистических практик. Состояние адвайты, недвойственности, турии как самадхи Парабрахмана и теоретическое или образное представление об этом состоянии — разные вещи. В одном случае мы имеем дело с глубоким трансом, в другом — с состоянием активного размышления на уровне бодрствующего ума.

Вместе с тем, тексты подлинных мастеров адвайты о природе Парабрахмана и путях его достижения призваны ослабить в сознании читателя доказательную логику истины состояния бодрствования, внушая альтернативные модели познания и доказательства истины четвертого состояния. Пользуясь случаем, отметим, что Платон, через свою диалектику, доказывал истину третьего состояния (гр. *hen to pan*, «все едино»), тогда как гегелевская диалектика едва касалась истины второго состояния (преодоление противоречий опыта бодрствования).

В самой адвайте далеко не все гуру выходят за рамки опыта третьего состояния, праджни, принимая его за финальную стадию джняна-йоги. Практически не заходят за эту «красную линию» и западные мистики. Но она вполне преодолима буддистами, джайнами и даосами — представителям других дхармических религий, близких индуизму и адвайта-веданте как одной из философских школ последнего.

V. 8. Веданта как сумма Вед

प्रज्ञानम ब्रह्म । अयं आत्मा ब्रह्म । तत्त्वमसि । अहं ब्रह्मस्मि

prajñānam brahma - ayam ātmā brahma - tat tvam asi - aham brahmāsmi

Сумма мудрости Вед традиционно усматривается в четырех ключевых формулах (*махавакья*), выделенных древними мудрецами из всего контекста священных шрути:

1. Prajñānam brahma — Познание есть Брахман
2. Aham brahmāsmi — Аз есмь Брахман
3. Tattvamasi — Ты то еси
4. Ayamātmā brahma — Этот атман есть Брахман

Здесь мы видим четыре гностические формулы, сообщающие, что Гнозис есть Истина, Я есть Истина, Ты есть Он, Он есть Истина.

Буквально слово «брахман» означает «уразумление», «становление более разумным» в процессе обучения как накопления познания. Брахман как философский Абсолют Упанишад, как Парабрахман, фактически, тождественен высшему знанию (джняне, пра-джняне, праджне), со-энерги(ч)ен эмансипативной просветленности мокши. Каждую махавакью можно символически уподобить одному из познавательных состояний сознания: бодрствованию (I), сновидению (II), глубокому сну (III) и запредельному четвертому состоянию (IV) — мокше.

Истину первого (I) состояния будет выражать формула «Этот атман есть Брахман». Т. е. тут мы видим состояние двойственности, интеллектуальной дискурсивности при одновременном наличии атмана (единичность) и Брахмана (единое). Их единство постулируется еще только теоретически, в уме.

Истину второго (II) состояния выражает формула «Ты то еси». Здесь постулированное предварительно (в первом состоянии) единство находится в состоянии внутреннего осуществления, «ты» здесь и теперь превращаешься в «то».

Истина третьего (III) состояния дается в формуле «Аз есмь Брахман». Здесь, на уровне глубокого сна, «я» уже «он» — недвойственный Брахман. Но еще остается загадочное четвертое (IV) состояние: как можно выразить его истину, как бы возвышающуюся уже за пределами единого Брахмана третьего (III) состояния?

Истина четвертого (IV) состояния символизируется махавакьей «Познание есть Брахман». Здесь персонализированное «я» уступает место деперсонализированному «знанию» (праджне), а Брахман из персонального Ишвары превращается в безличный Абсолют (Парабрахман).

Медитационная практика адвайтинов представляет собой технологию достижения самадхи в контексте эмансипативной философии веданты. Ступени этой практики описаны Патанджали в его «Йога-сутре» как пратьяхара (отвлечение сознания от внешних вещей), дхарана (сосредоточение сознания на избранном предмете), дхьяна (растворение сознания в достигнутом предмете) и самадхи (беспредметность). Познавательные модели адвайты-веданты постоянно апеллируют к опыту иных состояний, учитывая его в качестве составной части общей компетенции индивидуальной души (дживы).

Терминология адвайты, не говоря об индуизме в целом, еще не приведена к общему смысловому знаменателю, одни и те же термины и имена могут использоваться в совершенно разных, подчас — полярных смыслах. В адвайте отсутствует какая-либо академичность (в западном смысле этого слова). При этом философию адвайты-веданты вполне могут изучать также в рамках западных академических структур. Но там, совершенно

определенно, отсутствует практический, медитационный подход, отсутствует мистическая практика инициации в парампару, открывающая телепатические каналы связи с со всей линией мастеров, вплоть до космических риши и самого Нараяны...

Мистическая веданта начинается с инициации (санскр. дикша) — символического акта посвящения брахмачарина в дискурс философии Упанишад. Такая инициация на самом деле означает установление канала особой телепатической связи между учеником и мастером. Поэтому прежде, чем брать человека в ученики, истинный мастер проверит кандидата на телепатибельность. Для этого есть целый ряд как специальных тестов, так и народных способов. Это, грубо говоря, тест на внушаемость. Если кандидат реагирует на суггестивные импульсы мастера в заданном направлении — значит есть потенция к ученичеству, если реагирует плохо или не реагирует совсем — не тот вариант. Пусть поищет другого гуру, резонирующего...

Один из таких приемов — загадывание предметов. Кандидата заводят в комнату на пару минут и снова выводят. А потом спрашивают, что он видел. Трюк в том, что в комнате, среди всего, было несколько специально «помеченных» предметов. Если какой-то из них спонтанно попадет в фокус испытуемого, значит «есть связь». Она может быть более или менее интенсивной, или вовсе отсутствовать. Этот же принцип лежит при отборе перерожденцев высокопоставленных буддийских аватаров. Перед малолетним кандидатом в перерожденцы раскладывают ряд предметов, в числе которых и принадлежавшие бывшему аватару. Если ребенок что-то признает — значит его кармический комплекс резонирует с соответствующей ролью в магическом театре запредельной мистерии Колеса Времени.

Все ученики связаны с гуру через общие медитации, по строго определенным дням и часам, для достижения магической синхронности. В качестве пароля к медитационной волне дается специальная мантра. Мантра может быть несколько — для разных целей, учеников или профильных объединений. В иерархии парампары нижестоящие поддерживают энергично вышестоящих, вышестоящие, в свою очередь, облучают нижестоящих. Парампара представляет собой разновидность магического театра, с системой сложных зеркальных отражений. При правильной фиксации в зеркальном ряде возникает черный коридор, выводящий за пределы сотворенных сфер, в самадхи самого Нараяны. Так йогин оказывается по ту сторону обожения...

Всякая медитация, как, впрочем, и всякое рациональное усилие, является определенной формой самовнушения, автосуггестии. Это следует понять прежде всего. Без самовнушения невозможно включить мотивацию к углубленному самопознанию, требующему от мозга — как всякий творческий процесс — в три раза больше энергетических затрат (до 25% всех ресурсов организма), чем в случае типичного для большинства некреативного состояния механического безмыслия (мозг потребляет менее 10% всех ресурсов). *Медитация*, как процесс самовнушения, последовательно развивается в направлении самоопустошения, выходя на более тонкие уровни самогипноза (в состоянии сна) и универсального

магизма (глубокий сон), позволяющего преодолеть порог четвертого состояния.

Пример эффективного действия автосуггестии (самовнушения) можно наблюдать в известном трюке с самопрограммированием на раннее вставание без будильника. Если вы правильно зададите себе (т. е. своему мозгу) команду проснуться ровно в шесть утра, то он проснется. Причем, проснется не по астрономическому времени, а по искусственному — по стрелкам будильника! Как такое возможно? Ведь вы спокойно спали, но в нужный момент сработала автосуггестивная программа, внедренная накануне вашим «программированием мозга». Так и с самадхи. Нужно внедрить в собственный мозг программу на преодоление магической целокупности третьего состояния, на полное отождествление опыта дживы и Парабрахмана. Каким образом осуществить подобное программирование — вопрос практической адвайты, работающей не только со смыслами, но и с их реализацией.

V. 9. Самадхи – последнее прибежище йога

Достижение *четвертого состояния* пустого Абсолюта возможно только через магию. С этой целью практика человеческого просветления издревле сопровождается магической церемониальностью, делающей это просветление вообще возможным. Здесь следует понимать, что само стремление человека к просветленности есть волевой, автосуггестивный акт, от интенсивности которого зависит осуществление поставленных целей. Именно этому служит магическая церемониальность, усиливающая суггестивный импульс операции через возможности ритуального театра. *Магия* – это ни что иное, как продвинутая форма суггестии. Рам разработал специальную градацию суггестивных состояний, от внушения до магии, чтобы показать парадоксальное гипногенное единство психики.

состояние	переходная фаза	тип влияния	диапазон
явь		суггестия	альфа + бета
	абсурд		альфа + тета + дельта
сновидение		гипноз	дельта + сигма
	парадокс		дельта + бета
глубокий сон		магия	дельта
	мистика		сверхнизкий + сверхвысокий
самадхи		майя	пустой фон

Межлическое общение построено на актах взаимного внушения в различной степени «тяжести». Коммуникация на уровне бодрствования построена на суггестии посредством дискурсивного разума, изложения

логической последовательности фактов. Однако, здесь подспудно также присутствует более глубокий диапазон суггестии состояния сновидения, которую мы называем гипнозом. Центром гипнотического влияния является свидетель (авто) состояния сна (II), экзистенциальные мотивации которого могут серьезно не совпадать с мотивационным бэкграундом бодрствующего Я (эго). В таком случае часто говорят о «разрыве» между сознанием и бессознательным, внешней личностью и внутренней сущностью.

Однако, в человеке существует еще третий, еще более глубокий источник гипнотического влияния, трансформирующегося в оперативную магию. Речь идет о свидетеле глубокого сна, антарьямине, обладающем автономными мотивациями эмансипативного характера. Это значит, что главное желание антарьямина – обратить внимание всех остальных свидетелей реальности на недвойственную природу последней, ее адвайтичность, превращающей все постороннее в майю.

Это стремление антарьямина к адвайте можно назвать магической волей внутреннего управителя, личного ангела-хранителя, соотнесение с которым возможно для ведомого через ритуализованную имитацию программы успеха. Задача ритуала – включить магическую волю третьего состояния (адвайта глубокого сна), энергично со-ипостасную праджане (интеллектуальной интуиции, гнозису) и апурве (сверхъестественной силе ритуального воздействия в теологии мимансы).

Процесс достижения состояния самадхи условно делится на четыре стадии: пратьяхару, дхарану, дхьяну и собственно самадхи. Эти стадии соотносятся между собой следующим образом:

пратьяхара (отвлечение сознания от посторонних объектов)	дхарана (концентрация сознания на избранном предмете)	дхьяна (растворение сознающего в избранном предмете)	самадхи (полное опустошение сознания)
бодрствование	сновидение	глубокий сон	запредельное
джаграт (I)	свапна (II)	сушупти (III)	турия (IV)
аяматма брахма	ахам брахмасми	тат твам аси	праджнянам брахма

Конкретная техника достижения самадхи зависит от характера взаимоотношений по линии мастер-ученик (гуру-шишья), что, в свою очередь, определяется интеллектуальными, психологическими и нейрофизиологическими особенностями обеих сторон. Самадхи невозможно «познать» чисто теоретически. Аналогично, невозможно чисто теоретически познать состояние сна со сновидениями или глубокого сна. Для полного понимания предмета, эти состояния нужно пережить. Так и с самадхи. При этом четыре ступени реализации последнего соотносятся с вышеупомянутыми физиологическими состояниями не буквально, но по аналогии. Разберем эту тему более подробно, с цитатами из «Йога-сутр» Патанджали (в скобках указаны абзацы произведения):

Пратьяхара (санскр. प्रत्याहार, «отбрасывание, отрешение») предполагает утверждение йогина в спокойном состоянии бодрствования, при относительном равновесии лево- (логической) и право- (образной) полушарной активности мозга.

2.54. Sva vishaya asamprayoge chittasya svarupe anukarah iva indriyanam pratyaharah – Состояние, когда *индрии* («ментальные органы» ощущений и действий) прекращают возбуждаться внешними сигналами и возвращаются в ментальное поле своего происхождения, называется *пратьяхара*.

Для достижения этой стадии обычно используются подготовительные практики **асаны** (позиция тела) и **пранаямы** (техника дыхания). Обычно под асаной, в данном случае, подразумевают позу с поджатыми ногами и прямым позвоночником, способствующую гармоничному течению биотоков через внутренние каналы (**нади**) тела. Эта гармония может быть усилена через пранаяму, т. е. уравновешенное, спокойное дыхание, техника достижения которого составляет особую ступень в хатха-йоге. В состоянии пратьяхары адепт как бы отключает свое внимание от посторонних ощущений, стремясь сосредоточиться на главной для него, в данный момент, теме. Причем это «отключение» уже, само по себе, является актом автосуггестии (самовнушения), поскольку без соответствующего приказа мозг не будет отфильтровывать посторонние впечатления. При этом целью пратьяхары является следующая созерцательная ступень – дхарана.

Дхарана (санскр. धारणा, dhāraṇā, от корня *дхри* — «держат», «нести», «поддерживать») — «действие, направленное на поддержание, сохранение, удерживание (в памяти)», «твёрдость», «стойкость», «уверенность». Термин «дхарана» часто переводится как «концентрация», однако это не концентрация субъекта в состоянии бодрствования. Реализация дхараны предполагает сдвиг в сторону дремотного состояния полусна-полубодрствования, когда сознание адепта до такой степени фиксируется на избранном предмете, что исчезает все постороннее – как атрибутика восприятия реальности бодрствующим умом.

3.1. Deshah bandhah chittasya dharana – Фиксация сознания (*चित्ता*) на объекте есть *дхарана* (концентрация).

Дхарана – это начала трансового перехода сознания в его инверсивную стадию, сопровождаемого автосуггестивным преодолением порога абсурдности (аналогично, состояние сновидного познания представляется абсурдным с точки зрения опыта бодрствования). Дхарана непосредственно связана с энергетикой гипноза (гипнагогических образов) как более глубокой стадии суггестии. Соответственно, реализация дхаранических программ представляет собой разновидность самогипноза (или коллективного гипноза, если речь идет о групповой практике). Главная цель дхараны – формирование в сознании особой доминанты, подчиняющей себе все периферийные познавательные импульсы, вне зависимости от их суггестивной направленности. Главная цель дхараны – дхьяна.

Дхьяна (санскр. ध्यान, dhyāna, от глагола *dhyai* – «думать», «воображать», «созерцать», «держат в уме») – «созерцание», «умное видение», «интуитивное познание», «медитация».

3.2. Tatra pratyaya ekatanata dhyanam – Однонаправленное углубление (интегрирование) этого процесса есть *дхьяна* (медитация).

Это состояние связано с погружением субъекта в глубокий сон (сушупти), которое осуществляется через отождествление свидетеля с глобальным единством состояния *unio mystica*, или полной недвойственности (адвайты) атмана-Парабрахмана. Но это не просто механическое засыпание, а состояние глубинного познания феноменологии интуиции, пустой праджни.

В индийской традиции это состояние также именуют *kaivalya* (санскр. «обособленность»), имея в виду обособленность глубокого сна, его закрытость от «мирских влияний» более низких экзистенциальных состояний. Именно в этом герметическом космосе глубокого сна должен проснуться его единственный свидетель – личный Параматман, сознергийный и соипостасный Парабрахману последнего предела. Во всех индийских религиях, апеллирующих к дхьяне, последняя приводит к «успокоению сознания», а в последующем – к полной остановке любой психической активности. Это, собственно говоря, и есть «самадхи» как предельный интеллектуальный транс (санскр. *chitta vritti nirodha* – «прекращение завихрений ума»).

Самадхи (санскр. (санскр. समाधि, *saṁādhi*, от слов *saṁ* / «совместно» и *ādhi* / «первичная сущность», вариант: *saṁā*, "равный" и *dhi*, "интеллект")²⁹⁹ – «целостность, объединение; осуществление, завершение; собранность; совершенство».

3.3. Tad eva artha matra nirbhasam svarupa shunyam iva samadhih – Окончательная утрата объектом собственной сущности есть *самадхи* (ментальное равновесие).

Высшее познавательное состояние в йоге. Самадхи непосредственно (здесь и теперь) никак не регистрируемо, оно абсолютно трансцендентально, но йогин может знать о нем через трансцендентальную интуицию, свидетельствующую о том, что самадхи имело место. Такое свидетельство низшие слои психики облачают, как правило, в символические фигуры, связанные с кармическим комплексом души глубокого сна индивидуума.

Прорваться к самадхи сквозь кармические слои психических завихрений можно только с помощью магии как продвинутой формы самогипноза.

3.4. Trayam ekatra samyama – Все три (состояния, стадии) в единстве – это *самъяма* (сам-ям, объединение).

Такое объединение трех состояний в одно дает эффект четвертого состояния, или турии: вайшванара (бодрствование, I) + тайджаса (сон, II) + праджня (глубокий сон, III) = самадхи (турия, IV).

²⁹⁹ **Самáдхи** — в индуистской и буддийской медитативных практиках — состояние, при котором исчезает сама идея собственной индивидуальности и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого. Самадхи есть то состояние просветления, достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами (субъектом и объектом), слиянии индивидуального сознания как микрокосма, с космическим абсолютном, как макрокосмом.

Магическая суггестия опирается на энергетику пустого эфира глубокого сна, задающего, в свою очередь, начало кармически-дхармическим (лично-безличным) аспектам индивидуальной манифестации (или «человеческой композиции» в терминах евгенической алхимии³⁰⁰). Сансарные цепи, в их наиболее фундаментальных ипостасях, могут быть преодолены только с помощью магической суггестии, понимаемой как квинтэссенция эмансипативной воли атмана-Парабрахмана.

Это тождество открывается в третьем состоянии (адвайта-кайвалья). Если обстоятельства благоприятны, то подобное состояние может удерживаться до получаса и более (вплоть до нескольких часов и даже суток). Уже полчаса внутренней адвайты могут привести к переходу сознания к четвертому состоянию глубинного транса турии – как, фактически, разновидности анабиоза.

Непосредственное созерцание истины повергает ум и душу в оцепенение, обращающееся интегральным единством трансцендентальной пустоты. Уже потом, в процессе «оттаивания», размораживаются каналы «нейронной» памяти о приоритете гнозиса Парабрахмана (джняна³⁰¹), в свете которого пляшут тени ума на сводах платоновой пещеры. Состояние самадхи часто описывают как некое блаженство, духовный экстаз, катарсис, даже сравнивают, в разной степени абстрактности, с оргазмом. Недаром высшие модуляции чистого сознания символизируются в тантрической традиции совокупляющимися божествами! Но даже чисто интеллектуальные версии самадхи, лишённые низового эротизма и следующие духовным интуициям Парабрахмана, являются – с точки зрения теории Упанишад о четырех состояниях познания – описанием опыта состояния сна, свапны (svapna), где присутствует свидетель сна, чувственная сновидная самость, (auto), но никак не запредельное самадхи четвертого состояния.

По сути, всякое ощущение, всякое свидетельство, переживание, растворяются в безграничной стихии глубокого сна тотального единства праджни (prajna): высшего знания, гнозиса, монады, единой души (psyche). Но и это еще не самадхи, которое реализуемо на следующей за праджней стадии познания – в четвертом состоянии турии (turiya), духа, пневмы (pneuma) за пределами глубокого сна. Это и есть окончательная нирвана (nirvana), мокша (moksha), актуальное обожение (говоря словами исихастско-паламической школы). Однако самадхи-турия, как и предшествующая праджня, не могут непосредственно переживаться каким-либо свидетелем, поскольку сама феноменология всякого свидетельства основана на дуальности свидетеля и свидетельствуемого, что уже, само по

³⁰⁰ **Евгеническая алхимия** – здесь: алхимическая «система» московского метафизика, мистика и поэта Евгения Головина, одного из основоположников Московской эзотерической школы.

³⁰¹ **Джнана, джняна** или **гьяна** (санскр. ज्ञान, jñāna) — санскритский термин, означающий «знание». В философии индуизма обычно используется для указания на «истинное знание». В монистических направлениях индуизма, таком как адвайта-веданта, совершенством джнаны является осознание единства индивида, или в санскритской терминологии атмана, с безличным аспектом Абсолютной Истины — Брахманом.

себе, противоречит недвойственности праджни и, тем более, пустотности турии.

Каким же образом человек «знает» об этих состояниях запредельного познания? Об этом ему сообщает интуиция, воспринимаемая свидетельствующим началом по мере пробуждения последнего из единства глубокого сна. Формальный характер этой интуиции может быть самым разным, все зависит от индивидуальных особенностей психической структуры познающего. Подчас, при «неразвитости» сознания, образный характер этих интуиций воспринимается за самую стоящую за ними реальность, – подобно тому, как ангелы ареопагитической иерархии были бы воспринимаемы за Самого Бога.

Преодоление суггестии высших состояний связано с особыми йогическими усилиями, как интеллектуальными (развитие парадоксального мышления), так и нейролингвистическими (совершенствование автосуггестии). По сути дела, такие усилия вполне можно назвать магическими, поскольку их результатом должно стать фундаментальное изменение вектора судьбы существа, переходящего, образно говоря, с пути предков на путь богов (ведическая аллегория выхода души из колеса материальных перерождений).

В сущности, человек испытывает мини-самадхи ежемоментно, но его психика не фиксирует этого, как глаз не фиксирует пресловутый «двадцать пятый» кадр. «Всякое логическое суждение содержит в себе интуитивный скачок...» В моменты мини-самадхи индивидуальная психика обретает характер универсального психе, онтологически сопричастного пустоте пневматического мета-космоса, Парабрахману, праджне как высшей мудрости, йогической интуиции... Выйти на волну мини-самадхи (единосущего мега-самадхи махапаринирваны) можно с помощью целенаправленного самовнушения, при определенной доле внешнего управления (цена участия в инициатической цепи).

Лондон, 26. 11. 2016

xxx

Приложение

Мандукья Упанишада

Аум! Этот звук — все это. Вот его разъяснение: Прошедшее, настоящее, будущее — все это и есть звук Аум. И то прочее, что за пределами трех времен, — тоже звук АУМ. Ибо все это — Брахман. Этот Атман — Брахман. Этот Атман имеет **четыре стопы**.

Находящаяся в **состоянии бодрствования**, познающая внешнее, из семи членов, из девятнадцати ртов, вкушающая грубое, вайшванара — **вот первая стопа**.

Находящаяся в **состоянии сна**, познающая внутреннее, из семи членов, из девятнадцати ртов, вкушающая тонкое, тайджаса — **вот вторая стопа**.

Когда уснувший не имеет никакого желания, не видит никакого сна, — это **глубокий сон**. Находящаяся в состоянии глубокого сна, ставшая единой, пронизанная лишь познанием, состоящая из блаженства, вкушающая блаженство, чье лицо — мысль, праджня — **вот третья стопа**. Это всеобщий владыка, это всезнающий, это внутренний правитель, это источник всего, начало и конец существ.

Не познающей внутреннего, не познающей внешнего, не познающей обоих, не пронизанной (лишь) познанием, (не являющейся) ни познанием, ни непознанием, невидимой, неизреченной, неуловимой, неразличимой, немислимой, неуказуемой, сущностью постижения единого Атмана, **растворением проявленного мира**, успокоенной, приносящей счастье, недвойственной — **считают четвертую стопу**. Это Атман, это надлежит распознать. Это Атман в отношении к звукам, звук АУМ в отношении к частям. Стопы (Атмана) — части, и части — стопы: звук А, звук У, звук М.

Состояние бодрствования, вайшванара — звук А, первая часть из-за достижения или же — первенства. Поистине, кто знает это, достигает (исполнения) всех желаний и бывает первым.

Состояние сна, тайджаса — звук У, вторая часть из-за возвышения или же — обоюдности. Поистине, кто знает это, возвышает непрерывность знания, бывает равным, в его роду не бывает не знающего Брахмана.

Состояние глубокого сна, праджня — звук М, третья часть из-за изменения или же — поглощения. Поистине, кто знает это, измеряет все сущее и поглощает (его в себе).

Не имеет частей четвертое (состояние) — неизреченное, растворение проявленного мира, приносящее счастье, недвойственное. Так звук АУМ и есть Атман. Кто знает это, проникает (своим) Атманом в (высшего) Атмана.

Четырехступенчатая структура познавательных состояний:

джаграт бодрствование	сущупти сновидение	свапна глубокий сон	турийя четвертое состояние
вишва бодр. сознание	тайджаса дремлющее сознание	праджня сон без сновидений	атман = брахман просветленность
раджас	тамас	саттва	пуруша
эго	авто	психе	пневма
t — я	z — самость	y — душа	x — дух
I состояние	II состояние	III состояние	IV состояние
M — Морфе (форма)	N — Нус (ум)	1 — Один (единство)	0 — Нуль (пустота)

m — модель	n — рассудок	1 — единичность	0 — нулевость
внушение	суггестия	гипноз	магия
абсурд	парадокс	мистика	майя
Шива	Вишну	Брахма	АУМ

Рам М. Тамм. Философия адвайты

Философия Адвайты является абсолютной абстракцией идеи не-дуальности, абсолютного монизма. Существуют следующие признаки Адвайты: агностичное, неизвестное, ничтовость, только тень, пустое, нуличность, пустотность, истощенность, тщетность, бессмыслица, нелогичное, нерациональность, неискупляемое, невыразимое, непроизносимое, неделимое, неуправляемое, неконтролируемое, великое, независимое, неопределенность, непостижимое, неразличимое, бесконечность, неизмеримое, безобразное, бесформенное, необъяснимое, неустанное, необъятное, непознаваемое. Все это не приложимо к Адвайте как Абсолюту.

Адвайта как Абсолют (гр. *apolytos*) означает определяющее (решающее) совершенство, завершение, цельность (полноту), и она не связана с каким-либо относительным обозначением или детерминативной дефиницией. Она — вне нашего софистического каламбурного гнозиса. Атрибутивные термины — такие, как неопределимое, независимое, безусловное, цельное, недвусмысленное, недостижимое, недоступное — в соединении с невежеством принадлежат к уровню двойственного дуального в парах адвайты (дуальности). Принципиальные части «*dva*» (вы, два, оба) формируют «*dvaka*» (вы, пара [чего-либо]) и «*dvamdva*» (пара, дуальность, антитезис, дуальная встреча).

Адвайта отрицает бисексуальную амфичность (от греч. *amphi* — с обеих сторон, с двух концов, вокруг) и дуализм. Об абсолютной Адвайте (*kevaladvaita* — уникальная цельность) мы также не можем писать в монистических словах. Адвайта как Абсолют не имеет противоположности, противоречия. О философии Адвайты мы можем писать, преодолевая словесный барьер (*shabdadvaita* — словесный монизм), триггер сознания (*vijnanadvaita* — монизм сознания), переднюю границу души (*atmadvaita* — психемонизм) и пограничную область нуса (*brahmadvaita* — интеллектуальный монизм). Мы должны выйти за пределы идеи энтелехии, психе и нуса. Мы должны трансцендировать веданту (*vedanta*). Веданта — это конец (предел) знания как одно Сущее без второго, как Брахман-интуиция. Веданта означает «конец Вед»; термин, примененный к Упанишатам, формирующим завершающие части Вед; общепринято используется для обозначения философии Адвайты.

Философия Адвайты — это наиболее абстрактная концентрация шести систем Индийской Философии. Адвайта, как безатрибутивный Брахман,

турия (четвертое) или как нирваническая высшая Самость, означает интуитивный Абсолют, свободный от состояний бодрствования, сна и глубокого сна, относящихся к расщепленной эговости. Это есть цель моего разума и материи (мистическая абсурдность бессмыслицы нормальности); это наш конец; это назначение человечества; это закон всей законности; это идея всей религии, философии и науки; это знание и мудрость всех древних мудрецов, пророков и философов.

Принцип Адвайты закреплен в Ом (символе Абсолюта как Брахмана). Абсолют Ом символизирует идентификацию Адвайты и Брахмана. Брахман означает Абсолют (также Бога как творца; созидательность для увеличения, творение для повышения, интуитивное возрастание). Ом — это магический гипнотический слог. В результате его стимуляции движущая сила (*impetus*) аккумулирует гностическое пульсирующее поле (акашу). Пранава, или божественный (святой) слог Ом (также Аум, Омкара), создает атомическую психическую не-дуальность (Адвайту). Ом, как формула гипнотического созидания, формирует бесформенную идею психе-нус-единства. Психе-нус-единство означает психическую энтелехийную субъект-объект-одиновость, являющуюся наиболее абстрактной человеческой персональностью (*unio mystica*). «*Unio mystica*» означает самадхи (состояние сверхсознания). В состоянии сверхсознания созидатель (Брахма) и абсолютное бытие есть одно, одиновость (эка, эката).

Мы можем постепенно приблизиться к Адвайте посредством отражения идеи психе и нуса, через гипнотические сентенции, путем медитации гипнотической формы и ее сверхсознательной алогичной лишенности соображения, через целенаправленную созидательность мышления. Мы можем внутренне самосозерцать интуитивную созидательность посредством гипнотической формулы под воздействием (стимуляцией) психофармакологии: сома или амшу (*amshu*), бог вдохновения, дающий вечную жизнь, бог вина и винограда; мистических наркотиков и их образов, грибов теонанакатль, «божественная плоть» или плоть дьявола — гашиш; мескалин (сок кактуса), благовоние, мирт, диктаммон (магическое растение на Крите). Магическая гипнотическая формула и психофармакология раскрывают «четомукху» (*chetomukhah* — уста сознания), проход для сознания сна, порог для сверхсознания, пограничную область между самостью сна и душой глубокого сна.

Через самогипнотическую тренировку мы можем преднамеренно заглянуть в гностическое импульсное поле, вдохновить вакуум-поле или так называемое пси-поле. В этом поле каждый может заметить всевозможные коммуникации (связи) на длинные и короткие расстояния, преодоление языкового барьера. Каждый делает различие между абсолютным и относительным барьером ментальной бессловесной суггестии. Тут имеет место вариация системы раздражающей суггестии (видеовибросуггестия) точки зрения гипнотического состояния. Имеет место вариация доказательства гипнотического фактора. Имеет место несходство дискриминации в отношении гипнотического импульсного поля. В различных временах и местах присутствуют пассивные и активные раскрытия. Существуют средние возможности раскрытия гностической модели.

Все бесформенное, безобразное и независимое как «кевала», как одно простое всё, как единственно уникальное, как исключительное, манифестирует различные феномены, фикции и разнообразие видимостей, являющихся нуль-идеями. Несмотря на то, что основным объектом нашего изучения была философия Адвайты в изложении Яджнявалкьи и Шанкары, мы не пренебрегли взять в качестве дополнительных источников греческих философов и современных парапсихологов.

«Для того, чтобы угодить различным вкусам и темпераментам, учителя Адвайты применяли различные методы для распространения своей доктрины. Они не были связаны влостепенными деталями...»

Махадеван, Т. М. П. «Философия Адвайты» (Ганеш и Ко., Мадрас, 1957)

Разнообразие — это пути, раскрытые пост-шанкаровскими адвайтинами. Но все они стремятся к установлению единства Самости (элементное архе-единое дух-душа-самость-эго, как исходное квадроединство, означает нуличность). Они никогда не теряют образа центральной (основной) доктрины, которой учит Шанкара, от том, что «Брахман реален, мир иллюзорен и так называемая джива (jiva) неотличима от Абсолюта» (Шри Шанкарачарья).

brahman satyam jagan mithya jivo brahmaiva na parah

xxx

Часть VI. Краткая история раннего буддизма

VI. 1. Южная Азия во времена Будды Шакьямуни

Время жизни легендарного основателя учения о высшем освобождении, царевича Гаутамы Сиддхартхи из рода шакьев (саки), прозванного «буддой» (пробужденным), точно не известно и приходится приблизительно на VI - V вв. до н. э. Его современниками принято считать Джину Махавиру³⁰², Конфуция³⁰³, Пифагора³⁰⁴, Ездру³⁰⁵, Митридата³⁰⁶.

Будда родился в бурный период индийской истории. Это была эпоха завершения буколических идеалов классической ведийской цивилизации, основанной на кровно-родственной солидарности скотоводческих племен ариев, нагрянувших в Индо-Гангскую равнину (Арьяварта) с севера, в середине второго тысячелетия до н.э. К VI веку до н. э. западные регионы

³⁰² **Джйна Махавира** (в буддийских писаниях известен под именем Нигантха Натапутта, 599 до н. э., Кундапур – 527 до н. э., Павапур) — последний пророк джайнизма. Происходил из княжеской семьи, принадлежал к касте кшатриев.

³⁰³ **Конфуций** (кит. 孔子, латинизировано как Confucius, ок. 551 до н. э., близ Цюйфу — 479 до н. э., Цюйфу) — древний мыслитель и философ Китая.

³⁰⁴ **Пифагор Самосский** (др.-греч. Πυθαγόρας ὁ Σάμιος, лат. Pythagoras, «пифийский вещатель»; 570 — 490 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, математик и мистик, создатель религиозно-философской школы пифагорейцев.

³⁰⁵ **Эзра** (ивр. עֲזָרָה, Эзра; греч. Ἐσδράς; лат. Esdras — около VI века до н. э., в исламе известен под именем Узайр) — иудейский первосвященник, возвратившийся после вавилонского плена, воссоздавший еврейскую государственность на основе закона Торы.

³⁰⁶ **Митридат** (VI в. до н. э.) — мидийский маг, предполагаемый идеолог раннего зурванизма, советник персидского царя Кира II Великого.

Арьяварты вошли в состав мировой персидской империи Ахеменидов, раскинувшейся от Инда до Нила. Культурное влияние Персии способствовало развитию собственно индийского общества. Появление письменности (письмо кхароштки на базе арамейского) вело к кодификации ведического наследия и развитию философской мысли; художественные каноны стали испытывать влияние персидской эстетики; впервые после упадка Хараппской цивилизации на Индостане начали появляться города как торгово-ремесленные центры.

Период VI - IV веков до н. э. принято называть эпохой махаджанапад³⁰⁷ – «великих стран» (по сути племенных территорий), пояс которых протянулся от Гандхары до Бенгалии. Это был политический союз царств и олигархических республик, объединяемых общим ведическим культурным наследием. Означенная эпоха была характерна духовным разбродом и шатаниями. С одной стороны, сельское население оставалось верным авторитету брахманов, в то время как растущее население городов скатывалось в ересь неповиновения консервативному традиционализму Вед, ища новых смыслов в жизни и смерти.

Ослабление брахманизма способствовало усилению влияния доарийских культов автохтонного населения субконтинента (прежде всего матриархального порядка), но также – и культурной экспансии, шедшей с Запада и связанной с усвоением передовых культурных и научных стандартов. По всей вероятности, именно тогда в Индию проникают начала заимствованной через персов вавилонской астрономии, усовершенствовавшей местный календарь и расширившей понимание начал небесной механики в целом. Как известно, в древности астрономия шла рука об руку с астрологией – искусством предсказания судеб. Это, в свою очередь, задавало философский дискурс самого понятия «судьбы»: предопределены судьбы мира или нет, можно ли обмануть рок и выйти из-под его влияния, или же все жестко и однозначно расписано на небесах? В конце концов, речь шла о свободе и несвободе человека, тщете бытия и магии освобождения от законов космоса.

VI. 2. Путь Будды

В поиске ответов на эти вопросы, царевич Сиддхартха, будущий Будда, покинул свой дворец в столице махаджанапады шакьев Капилавасту и отправился, подобно древнему Гильгамешу³⁰⁸, в странствия в поисках истины... По пути он встречает родственные души, озабоченные теми же самыми проблемами: свободен человек в своем выборе или нет, что ждет

³⁰⁷ **Махаджанапада** (в переводе с санскрита: «великие страны») — в буддийских источниках так называются страны на севере, северо-западе Индостана.

³⁰⁸ **Гильгамеш** (конец XXVII — начало XXVI веков до н. э.) — правитель шумерского города Урука. Стал персонажем шумерских сказаний и аккадского эпоса. Совершил легендарное путешествие на запад в поисках эликсира бессмертия.

его после смерти, и ждет ли вообще что-нибудь? Всем им ясно одно: простые ритуалы и тупая покорность авторитету брахманов ответа на животрепещущие вопросы не дадут.

И здесь древние философы вступали на тропу импровизации. Кто-то утверждал, что все бессмысленно, свободы нет, а люди – просто механические куклы в руках безликого рока. А потому – делай, что хочешь, отвечать на том свете ни за что не придется. Вот она, полная свобода совести! Другие полагали, что кармический закон, усвоенный с молоком священной коровы ведийской традиции, существует, и задача состоит в том, чтобы научиться им манипулировать (если такое вообще возможно). Для третьих все дело было в свободе воли, и для доказательства этой свободы они придумывали разные тесты для самоиспытания: физические (истязания плоти), нравственные (истязания души), интеллектуальные (истязания ума).

Материалист *Аджита Кесакамбала*, вероятный предшественник учения чарвака-локаята, удивительно напоминает своими взглядами жившего в ту же эпоху греческого атомиста Демокрита: смерть все спишет.

Аморалист *Пурана Кассапа* отрицал какую либо связь между текущими поступками (без разницы, добрыми или злыми) и последующим воздаянием. Демонстрируя свою свободу воли, добровольно утопился.

Фаталист *Макхали Госала*, представитель школы адживиков («бездушных»), утверждал, что человек бессилен перед predetermined ему страданиями.

Этерналист (школа сассатавады, резонирующая с греческим скептицизмом) *Пакудха Каччаяна* утверждал, что материя, душа, страдание и наслаждение между собой никак не связаны.

Аскет и основатель джайнизма (согласно джайнской традиции, последний из 24 «всеведущих божественных учителей»-тирханкаров этой религии) *Джина Махавира* призывал к физической, эмоциональной и умственной сдержанности, избеганию всякого насилия над живыми существами. Это должно привести адепта к божественному всезнанию и последующей мокше³⁰⁹ («спасению души» от кармических последствий).

Агностик (школа аджняны, не-знания) *Санджая Белаттхипуттха* демонстративно отказывался от любых суждений: «Я не думаю ни так, ни эдак. Я не думаю “нет” или “не-нет”...» Есть мнение, что его взгляды повлияли на позднейшего греческого скептика Пиррона (ок. 360 до н.э. — 270 до н. э.), побывавшего в Индии в период македонского завоевания. Эту

³⁰⁹ **Мокша** (санскр. मोक्ष mokṣa, «освобождение») или мукти (санскр. मुक्ति) в индуизме и джайнизме — освобождение из круговорота рождений и смертей (сансары) и всех страданий и ограничений материального существования.

эпоху индийской мысли называют шраманской – т. е. обусловленной влиянием шраманов, неприкаянных бродячих философов.

Гаутама Будда – тоже «дитя шраманов». Только он нашел на вызовы времени и судьбы собственные ответы, сформулированные в его Срединном пути, который, в какой-то мере, можно назвать «гуманизированным джайнизмом»: да – всезнание, да – освобождение от кармы, но – не путем чрезмерной аскезы. И, конечно же, не должно быть безответственного сибаризма: все хорошо в меру. Безусловно, в опыте самого Будды, каким бы благим и гуманным он ни казался, присутствовал элемент сурового восточного мистицизма, закованного в волевое усилие и последовательном стремлении к освобождению собственной сущности от всех видимых и невидимых ограничений кармического (рокового) порядка.

Буддизм вовсе не является рационалистическим учением, несмотря на элементы адживики (иллюзорность души), атомизма (дхармы как элементы бытия) и агностицизма (знаменитое «молчание Будды» в ответ на сложные философские вопросы). Если мы вспомним тезис современной нейрофизиологии о том, что «молчание есть генерализованная суггестия», то, возможно, какая-то часть буддийского мистицизма станет нам более «понятной»...

Будда, найдя ответ на свои экзистенциальные вопросы после опыта проживания как в царской роскоши, так и в качестве самоистощающегося аскета, реализовав собственный принцип не замыкания в крайностях, решил поделиться своим открытием Срединного пути с другими людьми – со всеми, кто будет готов их принять, признать и реализовать по собственной – и это здесь ключевой момент – воле, по здравом размышлении и на базе собственного жизненного опыта. И он отправился по стране проповедовать свои знания, став одним из множества бродячих философов того времени. Этим он занимался в течение последних сорока пяти лет своей жизни. Точное время паринирваны (ухода из этого мира) Будды неизвестно, на этот счет, как и по поводу даты его рождения, существуют разные мнения, вплоть до самых фантастических. Можно лишь сказать, что это событие должно было иметь место, в конце четвертого, начале пятого века до н. э.

VI. 3. Первые Буддийские соборы

Согласно буддийской традиции, вскоре после ухода мастера его последователями был созван *Первый Буддийский собор* под патронажем царя Магадхи, Аджаташатру, в пещере Саттапанни у города Раджгирха (ныне Раджгир, штат Бихар). Со стороны сангхи председательствовал архат Махакашьяпа³¹⁰, который изложил в присутствии пятисот архатов

³¹⁰ **Махакашьяпа** (Mahākāśyapa, пали Mahākassapa, тиб. 'od srung chen po (Осунг Ченпо) — ученик Будды, архат, руководитель Первого буддийского собора.

Абхидхарму (букв. «высшую дхарму», «верховный закон») – основы буддийской метафизики. На этом же соборе, в соответствии с принятой легендой, была составлена *Трипитака* («три корзины») – первоначальный канон буддийских текстов:

«Корзина» (текстов):	Виная-питака	Сутра-питака	Абхидхарма-питака
Содержание:	Правила жизни буддийской общины (сангхи)	Истории о жизни Будды (джатаки), высказывания (сутры) Будды и его учеников	Философские трактаты, излагающие доктрину буддизма (дхармы)

Зато дата *Второго Буддийского собора* известна гораздо точнее (хотя и тут ведутся споры). Он прошел в 383 до н. э., под покровительством царя Каласоки, в городе Вайшали (Бихар), в присутствии семисот архатов. Здесь произошел первый буддийский раскол из-за принципов Винаи и понимания природы архата на два основных направления: *Стхавиравада* («архат совершенен») и *Махасангхика* («архат несовершенен»).

Стхавиравада (учение старейших, меньшинства)	Махасангхика (большая сангха, учение большинства)
Школа <i>аналитического</i> подхода и простого ритуала, доминирует в Шри-Ланке и юго-восточной Азии	Школа <i>мистического</i> подхода и сложного ритуала, доминирует в Центральной Азии, Китае и Японии

Документированная история буддизма начинается лишь со времени императора Ашоки Великого (260-218 до н. э.). В период его правления Индия – да и вся Азия – была уже совсем не той, что при Будде Шакьямуни. Эпоха махаджанпад ушла в прошлое, все они были интегрированы в основанную Чандрагуптой³¹¹ единую империю Маурьев (317-180 до н.э.), сложившуюся сразу после завоевательных походов Александра Македонского³¹², который захватил территории вселенской державы Ахеменидов. Теперь уже не персы, а эллины определяли культурно-политический характер гигантских пространств от Нила до Ганга, интегрируя проживающие там многочисленные народы в новую космополитическую общность. Началась эпоха эллинизма.

Вместе с македонскими фалангами на Восток пришли греческие философы, ученые, ремесленники и администраторы, расселявшиеся в эллинистических полисах. Это привело к научно-техническому и культурному прогрессу не только в бывших провинциях империи Дария, но и

³¹¹ **Чандрагупта Маурья** (хинди चन्द्रगुप्त मौर्य; в греческой транскрипции Сандрокотт [греч. Σανδρόκοττος], в латинской Андрокотт) — первый в истории объединитель Индии, основавший империю Маурьев (правил в 322—298 годах до н. э.). О событиях его царствования немало упоминаний в индийских, цейлонских, греческих и даже римских источниках.

³¹² **Александр Македонский** (Александр III Великий, др.-греч. Ἀλέξανδρος Γ' ὁ Μέγας, лат. Alexander III Magnus, у мусульманских народов Искандер Зулкарнаин, родился предположительно 20 (21) июля 356 — 10 июня 323 г. до н. э.) — македонский царь с 336 до н. э. из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. В западной историографии более известен как Александр Великий.

на соседних территориях, включая Индию и сопредельные государства. Произошел удивительный синтез западной и восточной культурных традиций: греки перенимали восточный образ жизни и мышления, индусы и персы – западный.

Императора Ашоку, в известном смысле, тоже можно считать эллинистическим монархом, сделавшим в определенный период своей жизни ставку уже не на военную, но на культурную экспансию своей империи. Инструментом этой экспансии он сделал буддизм – новое социальное учение, распространявшееся, прежде всего, в среде городских жителей как нового производящего класса эпохи, шедшей на смену сельскому консерватизму ведийского традиционализма. Именно при Ашоке укореняется местное письмо – брахми, на котором написаны знаменитые эдикты Ашоки, распространявшиеся по всей стране в целях укрепления буддийской морали как основы справедливого, и что важно – космополитического общества, дхарма которого универсальна и вечна. Начало этой тенденции и положил *Третий Буддийский собор*, созванный Ашокой около 250 года до н. э. в столице его империи Паталипутре (ныне Патна, Бихар), и на котором были канонизированы важнейшие документы буддийской доктрины. Со стороны общины председательствовал монах Моггалипутта Тисса (около 327 - 247 до н. э.). На этом соборе был окончательно сформирован *Палийский канон*:

«Корзина» (текстов):	Виная-питака	Суддханта-питака	Абхидхамма-питака
Разделы:	1. Сутта-вибханга 2. Кхандхака (2 части) 3. Паривара	1. Дигха-никая 2. Мадджимма-никая 3. Самьютта-никая 4. Ануттара-никая 5. Кхуддака-никая (18 частей)	1. Дхаммасангани 2. Вибханга 3. Дхатукатха 4. Пуггалапаннатти 5. Катхаваттху 6. Ямака 7. Паттхана

Благодаря влиянию Моггалипутты Тиссы, аналитический подход, именуемый им *вибхаджьявадой* («учение об анализе»), был признан в качестве восходящего непосредственно к Будде Шакьямуни, и заложил основы одноименной школы, объединившей различные группы **стхавиравадинов**. Впоследствии ее последователи образовали *четыре школы вибхаджьявады*:

Школа:	Махисасака («управление землей»)	Кашьяпия (последователи Кашьяпы)	Дхармагуптака (последователи Дхармагупты)	Тамрапарния («ланкийская линия»)
Основатели и время основания:	<i>Пурана</i> , после 232 до н.э.	<i>Суваршака</i> , 240 до н.э.	<i>Дхармагупта</i> , 210 до н.э.	<i>Маха-Махинда Тхера</i> , <i>Сангхамитта</i> , после 250 до н.э.
Основные положения:	Медитация, мгновенность просветления (экакшаньяка-бодхи)	Существенны только кармические действия настоящего	Медитация, магия, аскетизм	Предшественница школы Тхеравада , консервативные традиции «рационализма»

Ареал распространения:	Индия, Шри-Ланка	Северо-запад Индии, Уддияна, Хотан (Синцзян)	Северо-запад Индии, Уддияна, Центральная Азия, Дальний Восток	Шри-Ланка, Бирма, Юго-восточная Азия, Южный Китай
------------------------	------------------	--	---	---

По завершении собора Ашока послал проповедников новой религии во все стороны света. Среди миссионеров были и дети самого императора, сын Махамахинда Тхера и дочь Сангхамитта, посланные в Ланкадилу (Шри-Ланку) и заложившие там, согласно буддийской традиции, начала школы Тамрапарнии как предшественницы Тхеравады. На юг Индостана, страну Махисамандалу (Майсур) Ашока послал Махадэву Тхеру, на юго-восток, в Суваннапхум (Бирму и Таиланд) отправились Сона Тхера и Уттара Тхера, в центр субконтинента, Махараштру, выдвинулся Махадхаммаракхита, в страну Ванаваси (к лесным племенам) – Раккхита Тхера.

На юго-запад империи, в Апарантаку (Синд и Гуджарат), Ашока послал грека Йона-Дхаммараккхиту Тхеру, а в саму Грецию (Йона) – Махараккхиту Тхеру. На север, в Химаваит (область в Гималаях), отправился с миссией Маджжима Тхера, в Гандхару (Кашмир) – Маддххантика (санскр. Мадхьянтика) Тхера. Мадхьянтика Тхера и наставник Ашоки Упагупта положили начало школе Сарвастивада («знание всеобщего бытия»), которая впоследствии разделилась на два основных направления: «реалистов» (вайбхашика) и номиналистов (саутрантика). При этом последователи изначальной Сарвастивады стали называть свою школу Муласарвастивада («коренная Сарвастивада»).

Школа:	Муласарвастивада («коренная сарвастивада»)	Сарвастивада («теория вездесущего»)	Вайбхашика («комментаторы Махавибхашы»)	Саутрантика («школа сутры») предш. Махаяны
Основатели и время основания:	Школа раннего буддизма	Мадхьянтика, Упагупта, III в. до н.э.	Васумитра, I-II вв.	Уттара, I-II вв.
Основные положения:	Положения аналогичны сарвастиваде (вайбхашике)	Сверхмирские (асанскрита) дхармы реальны (дравья)	Сверхмирские (асанскрита) дхармы реальны (дравья). Реализм	Сверхмирские (асанскрита) дхармы условны (праджняпти). Номинализм
Ареал распространения:	Гандхара, Бактрия, Китай, Центральная Азия, Шри-Виджая (Индонезия)	Паталипутра, Матхура (Уттар-Прадеш), Гандхара	Гандхара, Бактрия, Средняя Азия	Гандхара, Бактрия, Средняя и Центральная Азия, Китай

По всей территории империи Ашока устанавливал украшенные львами огромные каменные колонны со своими эдиктами, причем в западных регионах они воспроизводились на древнегреческом и арамейском языках. Благодаря им о буддизме узнали далеко за пределами Индии, в крупнейших эллинистических центрах Восточного Средиземноморья (Афинах, Антиохии, Александрии и других).

На Третьем Буддийском соборе, по всей вероятности, оформилось окончательное разделение между *стхавиравадинами* и ***махасангхиками***. Шедший между этими группами спор по поводу природы архата (совершенной или несовершенной), восходящий еще ко Второму Буддийскому собору, по существу ставил под вопрос границы административного авторитета традиционалистов (стхавиравадинов). Понятно, что Ашоке, как светскому правителю, была ближе позиция стхавиравадинов и их лидера Моггалипутты Тиссы.

После Третьего собора махасангхики, которых возглавил Махадэва из Матхуры (Уттар-Прадеш), начали активно создавать собственные структуры по всей Индии и даже за ее пределами, от Согдианы (Средняя Азия) до Явы (Индонезия). Махасангхики, в отличие от рационалистических аналитиков Стхавиравады, делали упор на мистике, что превращало спор между первыми и вторыми в аналогию интеллектуального конфликта между шраманами (духовными анархистами) и брахманами (культурными традиционалистами) добуддийской эпохи махаджанпад. По мнению ряда исследователей, положения махасангхиков в значительной степени были восприняты идеологами сложившейся позже доктрины Махаяны («большой колесницы»).

Помимо махасангхиков в раннем буддизме существовало еще одно еретическое направление, в чем-то гораздо более радикальное относительно официозного консенсуса. Это были сторонники школы Ватсипутрия, появившейся в середине II века до н. э., а ее главой был объявлен шудра Упали, автор Виная-питаки. Доктрина Ватсипутрии получила название пудгалавада («учение о пудгале» как иллюзорной личности). Свое философское развитие она получила уже в первые века нашей эры, в рамках новообразованной школы Самматия, с центрами в Матхуре и Бенаресе (Уттар-Прадеш). *Пудгала*, в понятии большинства буддистов – это некая «квази-персона», реально не существующая и представляющая собой лишь иллюзорный поток дхармических первоэлементов (дхарм). Однако ***пудгалавадины*** субстанциализировали *пудгалу* как некую «сверхдхармовую» основу субъекта освобождения, в чем-то аналогичную *атману* брахманизма и *дживе* джайнизма.

Последователи Самматии приветствовали суровый аскетизм, само название их школы происходит от слова «шрамана» (пали: самана – аскет). Вместе с тем, самматии критиковали не только рационалистов-стхавиравадинов, но, едва ли не в большей степени, и мистиков-махасангхиков. Дело доходило до реальных иконоборческих эксцессов, когда саматии просто физически уничтожали святыни махасангхиков и близких последним махаянистов. При этом школа Самматия, просуществовав до IX века, никогда не выходила за пределы Индии – что ее, опять-таки, «роднит» с джайнизмом.

Таким образом, суммируя, можно сказать, что после Третьего Буддийского собора в Индии и сопредельных странах возникло несколько буддийских направлений: на севере и северо-западе получили развитие шесть школ Сарвастивады; на юге, юго-западе и Ланке укоренились близкие (и предшествовавшие) сарвастивадинам четыре школы стхавиравады (махишасаки, кашьяпии, дхармагуптаки, тамрапарнии); в центральной Индии и на юге страны возникли пять «диссидентских» школ Махасангхики; на западе субконтинента нашли свое прибежище четыре школы еретиков-пудгалавадинов (дхармоттари, бхадраяни, саммати и шаннагарика).

Свое дальнейшее развитие история буддийского официоза (т.е. в рамках инициированных Ашокой миссий) получила на *Четвертом Буддийском соборе*, точнее – на двух собраниях буддийских авторитетов, имевших место на юге и севере Индии в разные времена, но вписанных в единую административную номенклатуру.

«Первый» Четвертый Буддийский собор состоялся в I веке до н.э., в городе Матале, в Большой вихаре Анурадхапуры (государство в центральной Ланке), организованный школой Тхеравада (наследница «ланкийской линии» Тампапарнии), под покровительством царя Валагамбхи и при участии 500 монахов, которые переписали на пальмовые листья тексты Трипитаки, доставленные на остров сыном Ашоки Махиндой два столетия назад. Эта процедура заняла три года, после чего книги буддийского канона стали активно распространяться в странах юго-восточной Азии (Бирме, Таиланде, Камбодже, Лаосе и др.).

VI. 4. Северный буддизм

Вместе с завершением эпохи Маурьев Индия вступает в тысячелетие Классического периода, продолжавшегося вплоть до мусульманского завоевания. В это время в индийском обществе формируется четкая религиозно-кастовая стратификация – порождение индуизма как культурного наследника брахманизма и древней ведийской религии архаичных скотоводов. Вместе с тем, получают свою классическую «законченность» другие крупнейшие религии Индостана – джайнизм и буддизм. Развитие интеллектуальной культуры классического периода было непосредственно связано, особенно в северо-западных областях субконтинента, с эллинистическим влиянием сопредельных регионов под руководством греческих монархов.

Уже в середине III века до н. э., в ареале между Иранским нагорьем, Индо-Гангской равниной и хребтами Тянь-Шаня стали начали создавать свои государства индо-греческие цари. В 250 году до н. э. на территории Бактрии и Согдианы возникло Греко-Бактрийское царство (250 - 125 до н. э.). Позже ему на смену пришло Индо-греческое царство (просуществовало до 10 года

н.э.), расширившее свою территорию почти до Бенгалии на востоке и Декана на юге. Им на смену приходят кушаны, продолжившие культурно-политические традиции индо-греков и присоединившие к буддийской ойкумене северные территории Ферганской долины и Туруфанского оазиса, дойдя, тем самым, непосредственно до границ Китая. Кушанским правителям требовалась собственная культурно-историческая идентификация, соответствовавшая широте их геополитических задач. На роль идейного фундамента их власти как нельзя лучше подходила форма эллинизированного буддизма Гандхары, формировавшегося в регионах доминирования новой волны «арийских» завоевателей, нагрянувших на субконтинент из северных степей.

В 78 году прошел «второй» Четвертый буддийский собор, организованный школой Сарвастивада в Джаландхаре (Пенджаб). По другой версии он состоялся в Пурушапутре, Гандхара (ныне Пешавар, Пакистан). Покровителем собора стал кушанский³¹³ император Канишка – покровитель буддизма, получивший статус архата, государство которого поглотило большую часть бывшей империи Маурьев (Ашоки). Со стороны сангхи, возглавлявшейся Васумитрой, опять присутствовало 500 монахов. Главным результатом собора стало начало составления свода Махавибхаша³¹⁴, заложившего основы школы Вайбхашика («комментаторы Махавибхашы»). Главный упор здесь был сделан на Абхидхарму (буддийскую метафизику).

Махавибхаша, по сути, явилась энциклопедией индийской философии того времени, где описывались взгляды не только разных буддийских школ, но и опирающихся на авторитет Вед небуддийских доктрин санкхьи (дуализм) и вайшешики (логика) и других. Свод включает в себя ряд доктрин, которые впоследствии получают развитие в школах Махаяны, вплоть до концепции Шести парамит и представлений о «трех колесница» для шраваков (освободившиеся с помощью гуру), пратьека-будд (освободившиеся сами по себе) и бодхисаттв (освобождающие других). Трактат «Манчжушри-мула-кальпа» прямо сообщает о том, что Канишка председательствовал на собрании по учреждению основ учения Праджняпарамиты на северо-западе Индии.

Интеграция в официальный буддизм империи диссидентских воззрений махасангхиков, характерных для Махаяны, связано, по всей видимости, со

³¹³ **Кушанская империя** (бактр. *Kuṣāno*, Кушано; санскр. *कुषाण राजवंश* Кушан раджавамса; парф. *Kušan-xšāθr*; кит. 貴霜王朝, Гуйшуан, I — III века н. э.) — древнее государство на территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии; период расцвета приходится приблизительно на 105—250 годы н. э.

³¹⁴ **Махавибхаша** (*Mahāvibhāṣa*, Абхидхарма Махавибхаша Шастра) — один из старейших буддийских текстов, свод знаний по абхидхарме, принадлежащий школе сарвастивада. Составлен Паршвой около 150 года н. э. в Кашмире, составление этого текста мотивировал Четвёртый буддийский собор. В дальнейшем критическая переработка Махавибхашы привела к появлению знаменитого трактата Абхидхармакоша автора Васубандху.

сменой правящей династии. Более того, *кушаны* (*истинные тохары* или *восточные сарматы*, в китайских источниках – *юэчжи*) не были автохтонными индусами (в смысле носителей ведийской традиции), хотя и представляли родственные последним племена индо-европейского культурного круга, кочевавшие до своего появления на культурных территориях Согдианы и Бактрии по просторам евразийской Великой степи. Их принятие космополитического буддизма как официальной религии империи представлялось вполне органичным, подобно тому, как это некогда казалось сакам (сакьям-шакьям), из племени которых происходил сам основатель учения о Восьми благородных (букв. арийских) истинах Гаутама Шакьямуни.

Для Канишки старые споры об авторитетах не играли такой роли, как это было для Ашоки – основателя системы институционального буддизма. Более того, инородное происхождение кушанского императора подталкивало его на своеобразный «передел поля» в качестве знака новой власти и новых приоритетов, в том числе – метафизических. По всей вероятности, этим и воспользовались махасангхики, увидев в новой власти шанс для продвижения в обществе собственных позиций. Да и сама империя Канишки, сдвинувшись с юга на север и включив в себя часть бывших ирано-селевкидских сатрапий, стала менее индийской и более арийской (в смысле сдвига этнического баланса населения от дравидского к индо-иранскому).

Не удивительно, что против новшеств Канишки выступили, прежде всего, тхеравадины юга, окопавшиеся на Ланке и считавшие именно себя наследниками аутентичного буддизма времен Ашоки. Тем более они встретили в штыки «второй» Четвертый собор на севере, имея все основания полагать, что настоящий Четвертый собор прошел именно у них и, стало быть, именно тхеравадины являются легитимными представителями всей традиции ортодоксального буддизма. Тут, конечно, сложно спорить с тем, что Канишка намеренно назвал свой собор «четвертым» – в пике институциональной легальности не входивших в его империю ланкийцев.

Собор Канишки должен был стать по своему культурно-историческому значению аналогичным собору Ашоки, если даже не превзойти его. При Ашоке буддистами становились, все же, в основном жители Индостана, в основном – из среды торгово-ремесленного населения крупных городов и представители военной администрации империи. При Канишке, интегрировавшего в состав своей державы территории Греко-Бактрийского и Индо-греческого царств, в сангху стали записываться все подряд, от полудиких туранских кочевников до высококультурных обитателей эллинистических полисов. Колесница учения Будды, в самом деле, стала большой (Махаяна).

Раннюю Махаяну можно уже назвать, в полной мере, не просто эллинизированным, но – эллинистическим буддизмом, со всеми присущими эллинизму качествами: идейной космополитичностью и культурным синкретизмом. Северный буддизм Махаяны вобрал в себя не только фрагменты метафизики буддийских диссидентов-махасангхиков, но также религиозно-мистические элементы многочисленных культов Кушанской империи – как локального (формы местнического шаманизма), так и глобального (разновидности греко-персидского универсализма) характера. Характер Махаяны во многом определился двумя основными философскими школами, возникшими на севере Кушанской империи: мадхьямикой и йогачарой (виджнянавадой).

Школа:	Мадхьямика («срединность») / Шуньявада («учение о пустоте»)	Йогачара («практика йоги») / Виджнянавада («учение о различительном знании»)
Основатель и время основания:	<i>Нагарджуна</i> , II-III век	<i>Майтрея-Натха</i> , <i>Асанга</i> , <i>Васубандху</i> , III-V вв.
Основные положения:	Реальность относительна. Единство <i>объективного</i> и <i>субъективного</i> через <i>пустоту</i> (шуньяту). Йогическая интуиция. Реализм (наследие Вайбхашики)	Реальность абсолютна. Алая-виджняна («чистое сознание»), подобна <i>атману</i> . Логический дискурс. Номинализм (наследие Саутрантики)
Регионы распространения:	Уддияна, Гандхара, Китай, Центральная Азия и Дальний Восток	Уддияна, Гандхара, Китай, Центральная Азия и Дальний Восток

Основание школы *Мадхьямика* («срединный путь») приписывается Нагарджуне (ок. 150 - 250) – происходящему из южноиндийской брахманской семьи мыслителю и йогину («царю нагов», «змеиный король»). Его деятельность была связана со знаменитым буддийским университетом Наланда³¹⁵, настоятелем которого он был в течение многих лет. Нагарджуна считается основателем доктрины Праджняпарамиты («совершенной мудрости»), играющей в махаяне ключевую роль.

Праджняпарамита символизируется в Махаяне женским божеством, что наводит на мысль о связи этого образа с древними матриархальными культами богини Кали (Кали-Ма), до сих пор распространенными на северо-востоке Индии (Бихар, Бенгалия), где долгое время жил и практиковал Змеиный король. Почитание змей также является составной частью архаичной матриархальной религии, корни которой уходят в хтонические стихии Матери-Земли. Отражение этого символизма можно наблюдать в представлениях хатха-йоги, практика которой является частью автохтонного индусского тантризма.

³¹⁵ Наланда — буддийский университет и монастырский комплекс, существовавший в V—XII веках на севере Индии (Бихар), один из крупнейших образовательных центров своего времени, в котором работали, преподавали и обучались многие выдающиеся буддийские философы из разных стран, и куда съезжались многочисленные паломники.

Здесь женское начало мыслится как активная энергия (шакти) пассивного мужского тела, и наоборот, по принципу шакти-шакта (взаимообмен женских-мужских энергий). Отсюда же происходит характерный для тантрических сект образ богини, танцующей на трупе. Позже, по мере развития интеллектуальной культуры и новых техник мистического созерцания, принцип шакти был отождествлен с пронзающей пассивное сознание («ментальный труп») интуицией прозрения – оперативной мудростью, разрешающей все проблемы омраченного сансарного существования. Здесь сама собой напрашивается аналогия Праджняпарамиты со святой Софией (мудростью) христианских гностиков или каббалистической Хохмой как «супругой» ветхозаветного Яхве. Учитывая синкретический характер Махаяны, можно вполне допустить, что образ Праджняпарамиты (особенно в стадии его дальнейшего развития) представляет собой интегральную фигуру из метафизических элементов и магических символов совершенно разных культурных традиций, обусловивших, если можно так выразиться, финальный эллинистический продукт махаянского порядка.

Школа Йогачара, судя по всему, появилась несколько позже Махаяны, но в ту же историческую эпоху. Ее основателями традиция считает Майтрею-Натха (ок. 270 - 350), его ученика из Гандхары Асангу (ок. 300 - 375) и младшего брата последнего, Васубандху (автор трактата «Абхидхармакоша»). Одним из центральных понятий этой школы является *алая-виджняна* (букв. «дом познания»), т.е. некая первооснова ума, сопоставимая с *атманом* Упанишад или греческим *логосом* (ср. с хайдеггеровским *языком* как «домом бытия»). Одновременно алая-виджняна напоминает *пудгалу* пудгалавадинов. Позже, в школе Ваджраяны, идея алая-виджняны обретет иконографический образ Ади-Будды как «универсального будды», представляющего собой антропоморфный образ высшей истины просветления. Символизм Ади-Будды может ассоциироваться с Локапурушей (космическим человеком) джайнизма и каббалистическим «небесным человеком» Адамом Кадмоном.

Сама по себе идея антропоморфного космоса весьма архаична и восходит к древнейшим космогоническим мифам человечества. Со временем, по мере развития рационального мышления, физические параметры космического гиганта стали переосмысливаться в метафизические константы, но базисная эпистемологическая матрица реальности, как некий магический импринтинг («по образу и подобию»), до сих пор формирует фокус человеческого восприятия окружающей действительности.

В индийской йоге распространено представление о семи чакрах (лотосах), как бы нанизанных на центральную ось тела (сушумну) и образующих внутреннюю «энергетическую» основу тела. При этом разные чакры ассоциируются с разными уровнями космического бытия и соответствующих

стихий (первоэлементов): землей, водой, огнем, воздухом, эфиром, сознанием и сверхсознанием (условно говоря). Эту же схему, в разных конфигурациях, можно найти и в других мистических традициях: суфизме (центры-латифы), каббале (центры-сефироты), даосизме (центры-тигли) и т. д. Очевидно, что здесь мы имеем дело с разновидностями образа Мирового древа (Древо познания и Древо жизни), по образу и подобию которого создан не только космический, но и земной человек. Единство макро- и микрокосма – древнейшая истина человечества («что вверху, то и внизу»), опирающаяся на опыт пророков и продвинутых мистиков-созерцателей. Из этого исходит открытая для человека двойственная возможность: постигать через себя внешний мир и через внешний мир – себя. И тут встает вопрос, что важнее с точки зрения перспективы освобождения: стремиться трансформировать внешний мир до его полного совершенства (путь бодхисаттв), или же, напротив, отказаться от внешней активности и направить креативную волю на самого себя, занявшись самореализацией?

Йогачарины постулируют именно второй путь, полагая, что борьба с внешними призраками бесперспективна с точки зрения достижения нирваны. Иное дело – самопознание. Здесь даже был выдвинут специальный термин – *ашрая паравритти* («возвращение в убежище»), обозначающий своеобразный разворот воли вовнутрь, некое отзеркаливание собственной алая-виджняны, препятствующее прорастанию содержащихся в ней «кармических семян» (биджа) вовне, в сансарную реальность. В сущности, здесь идет речь о практике состояния т.н. психической инверсии, вызывающей паранормальные состояния в силу аномальных нейропсихических манипуляций автосуггестивного характера. Отсюда – опасность психических расстройств и невротических патологий в случае неквалифицированного использования техники ашрая-паравритти. Отсюда же – закрытость, эзотеричность передачи специальных йогических практик «прямого пути».

Йогачарин *Дигнага* (480 - 540) одним из первых буддийских логиков, ввел в метафизику Махаяны представление о пятеричной конструкции рассудка, которая может быть проиллюстрирована иконографией пяти дхьяни-будд («созерцательные будды»): синий Вайрочана, белый Ваджрасаттва, желтый Ратнасамбхава, красный Амитабха и зеленый Амогасиддхи. Все вместе они образуют тело универсального Адибудды. Каждый из дхьяни-будд символизирует определенный уровень бытия вселенной (от небес до преисподней), а также соответствующий последнему первоэлемент натурфилософии и аспект человеческой психики. Йогачарины также ввели в оборот концепцию о трех телах Будды (трикая), именуемых нирманакая (явленное тело), самбхогакая (тело блаженства) и дхармакая (тело дхармы или сущности). Эти три тела, как три аспекта проявления Будды, являются парафразом учения Упанишад о трех состояниях познания: бодрствования

(джаграт), сновидения (свапна) и глубокого сна (сушупти). При этом Упанишады упоминают еще и высшее, «четвертое состояние» (турия), представляющее собой интеграцию трех низших состояний в некую запредельную (трансцендентальную) «форму», отождествляемую йогинами с «состоянием» *самадхи*. В Махаяне это четвертое состояние позже отождествили с четвертым телом будды как «алмазным» (ваджракая).

Ваджракая – термин **Ваджраяны** («алмазная колесница») как направления Махаяны, выделившегося в отдельную школу около V века, в Уддияне. Именно в Ваджраяне сложился образ Адибудды как высшей фигуры буддийского пантеона, отождествляемой с четвертым телом Будды – ваджракаей. Эта «колесница» представляет собой форму тантрического буддизма, сильнее других разновидностей последнего связанного с мистикой и магическими практиками, построенными на отождествлении адепта с различными космическими и надмирными силами и сущностями. Ваджраяна включает в себя наследие как Мадхьямики, так и Йогачары, а также ряда других буддийских и небуддийских школ. При этом здесь упор делается не столько на формальную сторону доктрины с точки зрения использования отдельных слов и интеллектуальных конструкций, сколько на упомянутую выше технику психической инверсии, непосредственно связанной с вызовом из глубин бессознательного (алая-виджняны, персонифицируемой идамом Адибудды) латентных психозов (демонов) и их оседлания (подчинения). Тут приходит на ум аналогия с талмудической легендой о том, как из Святая святых Иерусалимского храма появился демон идолопоклонничества в облике молодого льва, запечатанного мудрецами в свинцовом котле:

«Там же они сели на землю и три дня, три ночи ничего не пили и не ели, пока он не явился к ним. Он явился из Святая святых в виде молодого огненного льва, и пророк Захария сказал Израилю: “Это дух идолопоклонства, — как было написано нам, — это само нечестие”. Тогда его схватили, стали вырывать волосы из гривы, и он зарычал так, что слышно было за четыре тысячи парсанга. Они сказали: “Что нам сделать с ним, чтобы, не дай Господи, не пожалели его небеса?” И пророк ответил им: “Заприте его в свинцовый котел и запечатайте ему пасть свинцом, ибо свинец поглощает голос...”»

B. Yoma 69b; B. Sanhtrdrin 64a.

Все это очень напоминает процедуры запечатывания демонов в магических клетках, распространенные среди тибетских магов. При этом в эзотерической версии такой клеткой является не какой-то внешний «ящик», но сам человек, его тело во всех ипостасях Трикаи.

Учение Ваджраяны изначально разрабатывалось в Северной Индии, и в восьмом веке было оттуда принесено в Тибет индийским гуру

Шантаракшитой³¹⁶. Он же пригласил в Тибет учителей Камалашилу и Падмасамбхаву³¹⁷. До начала распространения в Стране снегов буддизма, здесь господствовала религия бон³¹⁸, которая, однако, тоже не являлась автохтонной, но была привнесена за несколько веков до этого иностранными миссионерами с Запада. Она представляла собой некий сплав восточноиранской разновидности маздеизма и местного шаманизма, и являлась официальной религией Тибета с шестого по девятый век.

Тантрические практики буддизма Ваджраяны, тесно сплетенные с магическими бонскими технологиями, продвигаются адептами *дзогчена* (тиб. «великая завершенность») – дисциплины самосовершенствования, восходящей к мастеру из Уддияны Прахеджваре (тиб. Гараб Дордже)³¹⁹, впоследствии передавшего эту тантру Падмасамбхаве, который решил не бороться с бонмом в пользу чистоты буддийского учения, но интегрировать традиционные тибетские культы в новую индийскую веру. Такая политика во многом определила как будущий характер тибетского буддизма, так и самого бона, приверженцы которого существуют и в настоящее время.

Относительно природы первоначального бона имеются разные предположения, однако наиболее вероятно его наследственная связь с иранским зерванизмом – эзотерическим течением среди мидийских магов и зороастрийских жрецов, исповедовавших культ Зервана-Акарана – персонификации нетварного, бесконечного времени. После падения империи Ахеменидов в результате ее завоевания Александром Македонским, зерванизм вышел из идеологического подполья и, благодаря веротерпимой политике греческих монархов, начал активно влиять на религиозно-культурную ситуацию во всей эллинистической ойкумене, в том

³¹⁶ **Шантаракшита** (Śāntarakṣita, деванагари शान्तरक्षित, тиб. ཞེན་ཚེ) — буддийский философ и проповедник, настоятель монастыря Наланда в Индии, долгое время работавший в Тибете. В середине VIII века тибетский царь Тисонг Децэн пригласил Шантаракшиту как одного из крупнейших буддийских учёных для проповедей мадхьямаки и йогачары.

³¹⁷ **Падма-самбхава** (санскр. पद्मसंभव, padmasambhava, «рождённый из лотоса»; кит. 蓮華生上師, Ляньхуа шэн шан ши; тиб. པདྨ་འབྲུག་ལོ་མཉམས།, монг. Бадамжунай) — индийский учитель буддийской тантры VIII века, внёсший значительный вклад в развитие тибетской формы буддизма. В Бутане и в Тибете он также известен как Гуру Ринпоче (Драгоценный Учитель). Буддийская школа Ньингма почитает его как второго Будду. Падмасамбхава создал линию устной передачи известную как Кама, которая переходит от учителя к ученику, а также цикл скрытых учений (терма). Большое значение в школе Ньингма имеют также две его жены - Мандарава и Еше Цогьял.

³¹⁸ **Бон** (тиб. བོན་, Вайли bon, кит. 苯教/本[波]教/钵教) — национальная религия тибетцев. Фактически являлась официальной религией Тибета в период царей (VI—IX века), и продолжала доминировать в регионе до частичного вытеснения буддизмом в VIII веке.

³¹⁹ **Прахеваджра** или Прамодаваджра (около 55, родился 184 год до н. э. по традиционным источникам (Тибетский: Гараб Дордже, དགའ་འབྲུག་རྗེ། w=dga' rab rdo rje); Санскрит: Прахеваджра или Прамодаваджра, В Уддияне Прахаршваваджра — Радостная Ваджра) полупоупендарный первый человеческий учитель ати-йоги (тиб. Дзогчен) или Великое Совершенство в соответствии с тибетским буддизмом. До Прахеваджры это учение было распространено только в божественных мирах «чистых землях» (śuddhanivāsa) Будд и дэвов.

числе – в бывших восточных сатрапиях персидской державы (Бактрия, Согдиана, Гандхара).

В основе зерванитской метафизики лежит легенда о двух божественных близнецах, «хорошем» и «плохом», при том что «плохой» оспаривает у «хорошего» пальму первенства. Отголоски этого сюжета, в частности, ярко представлены в библейской легенде о двух детях Авраама, Исаака и Исмаила, к которым возводят свои родословные евреи и арабы. Элементы зурванизма можно найти не только в авраамических религиях, но также в гностицизме, манихействе и многочисленных культах индо-иранского происхождения. Именно зурванитам многие исследователи приписывают изобретение современного Зодиака как разновидности Колеса времени. По всей вероятности, Зодиак и связанная с ним звездная наука мидийских магов, интегрировавшая в себя более древнюю халдейскую астрологию, привела к появлению во второй половине первого тысячелетия, на территории Бактрии-Согдианы, учения Калачакры («колесо времени»), инкорпорированного в бон и отдельные направления махаянского буддизма.

Другой зерванитской составляющей бона и буддизма ваджраяны является, по всей видимости, *ати-йога* (санскр. «трансцендентальная йога») или *дзогчен* (тиб. «полное совершенство») – магическая практика прямого пути, построенная на синхронизации ритмов микро- и макрокосма через особые манипуляции «умным дыханием» прежде всего. Сегодня дзогчен и Калачакра воспринимаются как основа основ тибетского буддизма ваджраяны, лишь позже заимствованные боном, однако внимательное изучение вопроса подсказывает, что здесь первичным источником является именно «зурванитский» бон, инкорпорированный в ваджраяну на правах «младшего брата».

Легендарным основателем ати-йоги считается мастер из Уддияны по имени Прахеваджра или Прамодаваджра (тиб. Гараб Дордже, 55 - 184 до н. э.), указавший прямой путь к достижению «изначального состояния индивида», аналогичного некой «буддовости». Причем авторитет и практический приоритет Прахеджвары в равной степени признается как адептами Ваджраяны, так и последователями бона. Практика ати-йоги была некоторым образом усвоена мистиком третьего столетия Манджушримитрой (согласно традиционным легендам – непосредственно от Прахеджвары, но более вероятно – опосредованно, мистически) и дальше передана – тоже мистически – его собственному ученику Шри-Сингхе (VIII век), уроженцу то ли Гандхары, то ли Хотана. Учениками последнего были, в свою очередь, Джаянасутра, Вималамитра, Вайрочана и Падмасамбхава. Ати-йога, получившая в тибетской передаче название *дзогчена*, содержит в себе четыре раздела, или четыре стадии инициации, соответствующих четырем

телам будды в традиции Ваджраяны и четырем состояниям познания Упанишад:

1. Внешнее учение – Чи Кхор (нирманакая, джагат, познание бодрствования);
2. Внутреннее учение – Нанг Кхор (самбхогакая, свагна, познание сновидений);
3. Тайное учение – Санг Кхор (дхармакая, сушупти, познание глубокого сна);
4. Самое тайное непревзойденное учение – Янг Санг Ла На Ме Пей Кхор (ваджракая, турия, познание четвертого состояния).

VIII. 5. Школы тибетского буддизма Ваджраяны:

Школа:	Ньингма-па Школа старых переводов	Кагью-па («красная вера») Школа новых переводов	Кадам-па Школа новых переводов	Гелуг-па («желтая вера») Школа новых переводов	Сакья-па («серая земля») Школа новых переводов	Джонанг
Главные фигуры и время основания:	Гуру Падма-самбхава (VIII век) и Шанта-ракшита (705-762) – Лонгчемпа (Нацог Рандол) (1308-1360), систематизатор дзогчена	Адибудда Ваджрадхара – Гуру Тилопа (988-1089) – Наропа (1016-1100) – Марпа (1012-1097) – Миларепа (1052-1135) – Гампопа (1079-1153) – Дюсум Кхьенпа (1110-1193): первый <i>кармапа</i> = Авало-китешвара + 16 других	Гуру Атиша (982-1054) - Дромтонпа (1005-1054) – 3 благородн. брата Кадампы (три линии): Потова, Пьянгсба, Гонпаба - Сарма Кадам-па (новая Кадам-па) или Гелуг-па Цзонкхапа (1357-1417) – Новая Кадам-па (1990)	Будда Манджу-шри - Чже Цзонкхапа (1357-1417) – Гьялцаб (1364-1432) – Гендун Друб (1391-1474): первый <i>далай-лама</i> = Авало-китешвара + 13 других	Махасиддха Вирупа - Кхон Кончог Гьялпо (1034-1102)	Юмо Микио Дордже, (XI век) - Кунпанг Дордже Цонгру (1243-1313) - Кунга Дролчок (1507-1566) – Таранатха (1575-1635)
Основные положения:	<i>дзогчен</i> с элементами бона, терма и тертоны, Калачакра Упор на философию	Мадхья-мика + йогачара , дзогчен, <i>Махамудра</i> (4 йоги Тилопы) + 6 <i>йог Наропы, туммо</i> , Калачакра Упор на медитацию	дзогчен, Махамудра <i>Бодхи-читта</i> , Калачакра	дзогчен, Махамудра, Калачакра Упор на изучение	Мадхья-мика + йогачара , дзогчен, <i>бардо</i> , Махамудра, Калачакра Упор на йогу	<i>Калачакра, Жендоне</i> (мадхья-мика), <i>Татхагата-гарбха</i> («зародыш будды»): аналоги в шк. Чань и Дзен Упор на внутреннюю алхимию
Центры:	Монастырь Кхатог (уезд Бэю, Тибет)	Монастырь Гьюто (Сидхбари, Индия)		Монастырь Цуглаканг (Дхармсала, Индия)	Монастырь Сакья (Шигацзе, Тибет)	Монастырь Цангва (Сычуань)

Часть VII. Зов архата

VII. 1. Шангшунг и Шамбала

16 мая 2016:

Тайный гуру вышел на астральную связь

Собираюсь летом в Гималаи. Перед тем, как планировать трип, решил, как обычно, просканировать эфирные поля. Получил резонансный сигнал из анонимного источника. Как его найти? У каждого шамана – свой бубен. Мой бубен – мой компьютер. Он же – магическое зеркало. Технология тут такая, чтобы вслепую, с первого раза, попасть в нужную точку. Если точка правильная – включится канал обратной связи.

Поставил перед собой карту Индии на Google Earth, закрыл глаза и в этом состоянии стал, вслепую, водить курсором по гималайскому региону, одновременно все больше и больше снижаясь с космических высот на уровень максимально возможного земного масштаба. Когда открыл глаза, на экране было сплошное белое поле. Белый шум? Стал крутить колесико мышки назад, как бы вновь взлетая – до тех пор, пока не появится первый знаковый объект. И он появился!

Это была ступенчатая пирамида, стоящая совершенно одиноко в районе индо-тибетской границы. Но самое удивительное только начиналось. Это была не просто пирамида, но – место обитания древней мумии гималайского мага, перевязанной особым образом инициатическим шнуром.

Нетленные мощи архата были обнаружены у высокогорной тибетской деревни Гью (штат Химачал-Прадеш), после Киннуарского землетрясения в 1975 году (6,8 баллов, с эпицентром в 20 км к северу), на месте отвалившейся скалы. Ученые определили возраст находки: 585 лет (1390 год). Получается, этот человек был современником реформатора дзогчена Нацога Рандола (1308 - 1360) из школы Ньингма и Дже Цонхапы (1357 - 1419), основателя школы Гелуг.

Согласно преданию, архата звали *Сангха Тецзин*. Он появился в этих местах во время нашествия скорпионов и сказал, что будет медитировать до тех пор, пока напасть не пройдет. Вскоре скорпионы, действительно, исчезли, но и сам спаситель куда-то канул. Он так больше и не появился в деревне. А через полгода люди обнаружили его нетленное тело в пещере над деревней и превратили это место в святилище. Позже пещеру засыпало, и она скрылась из поля зрения и памяти людей на несколько веков. И вот, почти через шесть столетий, происходит новое обретение святых мощей. Как утверждают свидетели из местных жителей, в момент обнаружения мощей над горами появилась радуга.

Сангха Тенцзин – подлинный мастер дзогчена. Он до сих пор жив и излучает свет знания, доступного телепатически. Местные жители соорудили на месте находки небольшую часовню, куда поместили мумию, и

начали строительство большого храма. Судя по информации, храм уже достраивался, и даже можно было найти соответствующую фотографию: трехэтажный ступенчатый лакханг³²⁰ темно-вишневого цвета, с золотой гнутой буддийской крышей, красовался на фоне белых гималайских пиков и синего неба Южной Евразии.

Очевидно, что ехать нужно именно сюда. Ведь медитация в присутствии архата позволит получить неординарные интуиции, которые, при благоприятных обстоятельствах, могут быть конвертированы в оперативные знания. Но могут так и остаться лежать на дне бессознательного скрытым сокровищем – подобно викинговским кладам, не пускавшимся их владельцами в коммерческий оборот, но, напротив, топившихся в морях и болотах, в надежде на сверхъестественное покровительство духа схрана его хозяину...

Деревня Гью находится в одном из наиболее удаленных горных анклавов индийской территории, у самой границы с китайским Тибетом. Ближайшее поселение отсюда находится в пятидесяти километрах. Это монастырь Табо, лежащий в высокогорной, изолированной четырехтысячными перевалами, долине реки Спити.

Когда-то эти территории входили в состав древнего царства Шангшунг, простиравшегося от Уддияны (Кашмир) до Центрального Тибета (Ярлунг), от Чогори (K2) до Кайласа. Предположительно, именно в Шангшунге зародились начала исторической тибетской культуры – такие, как религия бон и специфическая форма буддизма Махаяны (Ваджраяна), вобравшего в себя наследие как бона («черная вера» тибетцев), так и добонского центрально-азиатского шаманизма (аналогичного «черной вере» монголов). На шангшунгском языке написаны священные книги бонского Канона, с него же переводили на тибетский первые буддийские трактаты.

Бонская традиция отождествляет Шангшунг с Олмо Лунгрином – легендарной страной, куда Тонпа Шенраб, первый бонский пророк, пришел с Запада, из царства Таджиг (вероятно, собирательное название иранской Средней Азии). В Ваджраяне, инкорпорировавшей существенную часть бонской традиции, Шангшунг превращается в Шамбалу – мистический центр тибетского буддизма. Достаточно сравнить бонские танки с изображением Олмо Лунгрига и буддийские танки с Шамбалой, чтобы понять общность концепции. Точно так же во многом аналогичны древние изображения горы Меру как центра земли и горы Кайлас как центра Шамбалы.

xxx

³²⁰ **Лакханг** (lhakhang, лхакханг) — малый буддийский храм или малый монастырь, содержащий драгоценные реликвии, имеющий особую ценность или находящийся под покровительством короля или князя.

На Западе, эпоху зарождения модерна и сциентизма, стала обретать популярность мысль о «научном» характере древних верований, излагающих альтернативным образом научную картину мира. Особое внимание в этом случае привлекал Восток, прежде всего – Индия, информация о культурной традиции которой начала проникать в общественное сознание во второй половине XIX века.

В субкультуре New Age, благодаря стараниям теософов, Шамбала приобрела имидж тайного укрытия продвинутых махатм, управляющих судьбами мира благодаря умным технологиям, и постепенно превратилась в синоним некой Утопии – страны за пределами физической локализации (nowhereland), оказывающей, тем не менее, свое особое «энергетическое» воздействие на судьбы мира и человечества.

Глубинная Азия, однако, привлекала внимание западных исследователей не только своими древними культами и шаманистическими практиками, претендующими на разновидность психоанализа, разве что более эффективного. В эпоху колониального раздела мира сверхдержавами обширные пространства этого региона рассматривались в качестве потенциальных зон геополитического влияния и кладовых естественных ресурсов. Поэтому вместе с мистиками сюда начали проникать шпионы и агенты влияний: русские, англо-саксы, немцы, японцы...

Дальнейшие исследования индо-тибетского региона специалистами из разных стран позволили увидеть, что за иконическим образом скрывшейся до лучших времен волшебной страны Шамбалы, как обители прозорливых старцев-махатм, с очевидностью проступает ее действительный исторический прототип: буддийская страна Уддияна, она же – древняя Гандхара, на территории которой происходило становление не только классического санскрита, но и северного буддизма Махаяны как такового.

Уддияна занимала территорию между Гиндукушем и верховьями Инда. Именно здесь, по всей вероятности, сформировался санскрит и были заложены основы ведийской цивилизации (Гандхарская культура, 1600 - 500 гг. до н. э.). На территории Уддияны, в легендарной Пурушавуре (сегодня Пешавар) располагалась столица кушанского императора Канишки Первого (144 - 100 гг. до н. э.) – покровителя северного буддизма Махаяны и одного из прототипов позднейшего культа чакравартина³²¹.

Кушанское искусство можно охарактеризовать как разновидность эллинистического ампира на индо-греческой почве. Другой разновидностью эллинистического ампира является византийское искусство. В обоих

³²¹ **Чакравартин** (санскр. चक्रवर्तिन् sakra-vartin, букв. «тот, который поворачивает колесо») — в буддийском и джайнистском учениях нарицательное название идеального правителя, царствование которого возвращает мир из хаоса беззакония на высшую ступень порядка.

случаях мы видим эстетизацию аскетики и универсализацию властного начала. Показательно, что сам Канишка Великий называл себя «цезарем», демонстрируя свою приверженность эллинистическим идеалам «царской власти над свободными», в противоположность «тиранической власти над рабами». Пурушапутра становится буддийским Царьградом. Отсюда буддийские миссии шли в Среднюю Азию, Китай, Тибет...

Тибетская рецепция кушанской культуры в чем-то аналогична русской рецепции византизма. И здесь и там мы видим варварскую периферию, перенявшую некоторые формальные аспекты культурной традиции метрополии, прежде всего – ритуальные. Особенностью северного буддизма, сложившегося при кушанах, является почитание не столько будды прошлого, Гаутамы, сколько будды будущего, Майтреи (Митры), а также совершенного правителя, чакравартина, наличие которого обеспечит явление нового будды. Это перекликается с православным образом катехона (удерживающего), наличие которого позволит Христу вновь сойти на землю. Римский Бог – Спас в Силах, а не Иисус из Назарета. Римский кесарь (он же царьградский василевс) – истинный катехон. Религия империи не может быть без императора.

Впоследствии обе культурные метрополии – и махаянская Уддияна (XIII в), и православное Греческое царство (XV в) – были уничтожены исламским нашествием. Россия, оставшись без Второго Рима, объявила себя Третьим. Тибетцы, лишившись Шамбалы в Уддияне, обнаружили собственную – в Шангшунге. Миссионеры Первого буддийского Рима, Паталипутры (столица империи Маурьев, резиденция императора Ашоки Великого), достигли пределов Первого Рима на Тибре, миссионеры Второго буддийского Рима в Пурушапутре – пределов Второго Рима на Босфоре, а миссионеры Третьего буддийского Рима в Лхасе – пределов Третьего Рима на Москве-реке и в Царском селе.

Представителем Лхасы в Санкт-Петербурге был российский бурят Агван Дорджиев³²², один из наставников далай-ламы тринадцатого³²³. При его

³²² **Агван Лобсан Доржиев** (бур. Доржиин Агбан, тиб. འགྲོ་འཕགས་ལོ་བཟང་; 1853, улус Хара-Шибирь, Забайкальская область — 29 января 1938, Улан-Удэ, Бурятия) — бурятский буддийский лама, учёный, дипломат, просветитель, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии. Был сторонником сближения Тибета и Российской империи. Инициировал постройку первого в Европе буддийского храма — Храма Калачакры в Санкт-Петербурге.

³²³ **Тхуптэн Гьяццо** (тиб. ཐུབ་པོ་འཇམ་མགོན་པོ་འཕགས་པ་, Вайли: thub bstan rgya mtsho; 27 мая 1876 — 17 декабря 1933) — тринадцатый Далай-лама, духовный и светский глава Тибета в 1895—1933 годах. Во внутренней политике проявил себя как выдающийся реформатор, во внешней — как искусный дипломат, борец за независимость своей страны. В период его правления Тибет являлся суверенным государством. Далай-лама XIII также известен как важная фигура центральноазиатской части «Большой игры» — дипломатического и военного противостояния России, Британии и Цинской империи конца XIX — начала XX веков, в которой он долгое время поддерживал российскую сторону.

участии осуществлялась глобальная геополитическая интрига по вхождению обширных территорий Цинской империи (включая Тибет) в состав Российской империи. Дорджиев выдвинул тезис о Романовых как потомках царственных правителей Шамбалы³²⁴.

Одним из авторов проекта был придворный специалист по тибетской медицине, доктор Петр Бадмаев³²⁵, за которым стояли чингисидовские кланы Центральной Азии. В этот период началось строительство Транссибирской магистрали и КВЖД, в Тибет и сопредельные территории отправились экспедиции Российской АН. По инициативе Дорджиева в Китай была отправлена русская дипломатическая миссия во главе с бароном Карлом Густавом Маннергеймом³²⁶, одной из целей которой была встреча императорского посланника с далай-ламой для обсуждения вопросов перехода Тибета в состав Российской империи. Это был последний глобальный проект русского самодержавия, так и оставшийся нереализованным...

Реализованным памятником эпохи является петроградский храм Калачакры, Гунзэчойнэй³²⁷ – монументальное гранитное сооружение в Старой Деревне, возведенное в 1915 году сторонниками русско-тибетского стратегического сближения в Большой игре. В числе активистов возведения дацана были князь Эспер Ухтомский³²⁸, востоковед Сергей Ольденбург, художник Николай Рерих и другие известные лица из русской культурной элиты.

³²⁴ **Der Weg nach Sambhala des dritten Groß-Lama** von bKra sis lhun po bLo bzan dPal ldan Ye ses. Aus dem tibetischen Original übersetzt und mit dem Texte herausgegeben von Albert Grünwedel.

³²⁵ **Пётр Александрович Бадмаев** (Жамсаран) (1851, 1849 или 1810 — 1920) — врач тибетской медицины, первым перевел на русский язык трактат «Чжуд-Ши»; крестник императора Александра III; лечил членов семьи Николая II и Григория Распутина; убеждал российских императоров включить в состав России Тибет, Монголию и Китай.

³²⁶ **Карл Густав Эмиль Маннергейм** (Carl Gustaf Emil Mannerheim; 4 июня [16 июня] 1867, Аскайнен Або-Бьёрнеборгская губерния, Великое княжество Финляндское, Российская империя — 27 января 1951, Лозанна, Швейцария) — барон, финский военный и государственный деятель шведского происхождения, русский военачальник, генерал-лейтенант Русской армии (25 апреля 1917), генерал от кавалерии (7 марта 1918) Финляндской армии, фельдмаршал (19 мая 1933), маршал Финляндии (только как почётное звание) (4 июня 1942), регент Королевства Финляндия с 12 декабря 1918 года по 26 июня 1919 года, президент Финляндии с 4 августа 1944 года по 11 марта 1946 года.

³²⁷ **Гунзэчойнэй** (тиб. ཀུན་བཟེ་ཙོན་ལྷོ་མོ་འཇམ་མགས་པོ་འཇམ་པོ་) — Источник святого учения Всесострадающего (Владыки-отшельника)

³²⁸ Князь **Эспер Эсперович Ухтомский** (14 августа 1861, Ораниенбаум — 12 ноября 1921, Детское Село) — русский дипломат, ориенталист, публицист, поэт, переводчик. Известен «востокофильской» позицией в печати и общественной жизни предреволюционной России. Один из приближённых Николая II.

Одно время (1920 - 23) здесь служил настоятелем первый эстонский и латвийский буддист брат Вахиндра (Карл Теннисон)³²⁹, впоследствии прославившийся своими нетленными мощами как как бирманский святой. Вахиндра был связан с балтийскими мистиками. Он курсировал между Санкт-Петербургом, Монголией и Тибетом. После Русской революции жил в странах Балтии, затем, через Германию, добрался до Индии и Бирмы. Рам, еще подростком, неоднократно встречал его, всегда ходившего в тоге и босиком, на улицах эстонского города Тарту...

Агван Дорджиев остался в Советской России, был свидетелем разгрома буддийской сангхи и умер в 1938 году, в тюремной больнице города Улан-Удэ. К сожалению, его архивы, хранившиеся в Петербургском дацане и содержавшие собранную за 30 лет документацию из тибетских, китайских, российских и британских источников, были сожжены во время погрома в 1919 году...

В настоящее время службы в храме продолжают. Я привез оттуда на память фигурку тантрического будды Амитаюса (манифестация Амитабы-Митры), держащего в руках сосуд с амритой, эликсиром бессмертия. *Om amarani jivantiye svaha!*

VII. 2. Хельсинки

На этот раз полетели в Дели через Хельсинки (Гельсингфорс), с остановкой на двадцать часов. Прилетели в Финляндию уже пополуночи, поспали в транзитной зоне на сдвинутых диванах, часам к семи утра выдвинулись в город. На вокзале съели нордический завтрак. Не дешево, надо сказать... Я давно слышал, что в Хельсинки дорогая еда, но чтобы вот так напороться – очень неожиданно... Прошлись до центральной кирхи, от которой спускаются ступени к монументу Александру Второму, восстановившему финский парламентаризм.

Мне уже приходилось тут бывать однажды, ровно двадцать лет назад, с Владимиром и Юлей, по пути из Стокгольма в Питер. Мы ехали на микроавтобусе, из самого Берлина, переправившись из Ростка в Мальмё на пароме, а затем еще раз на пароме из Стокгольма в Хельсинки. Здесь мы вновь пересели в микроавтобус и продолжили наш путь в сторону Выборга. В Хельсинки пробыли несколько часов. Обошли центр, поднялись к монументу и кирхе. Зашли вовнутрь – Святая святых финского национального духа. Запомнились кресты со свастиками. Но у финнов свастика особая – с короткими концами. Нордическая.

³²⁹ **Карл Михайлович Тыниссон**, известен также, как Карлис Тэнниссонс (на основе латышского написания) или Карл Теннисон (устаревшая русская транскрипция) или Брат Вахиндра (20 августа 1873 — 9 мая 1962) — буддийский монах, проповедник и писатель.

На этот раз кирха оказалась еще закрыта, и мы пошли в сторону золотого купола с православным крестом, который был заметен с высоты большой каменной террасы перед кирхой. Этот русский собор из красного кирпича тоже стоял на некоторой возвышенности, поросшей деревьями и густым кустарником. С площадки перед собором открывался роскошный вид на город и бухту, весь Хельсинки лежит перед вами как на ладони. В соборе – знакомая атмосфера: лампы, ладан, полумрак, иконы, подсвечники, расписные своды и ангельское пение! Можно даже присесть. Так около часа и просидели всей семьей. У Филиппа смартфон с наушниками, а я просто, как вий, веки прикрыл...

Очнулся от нарастающего гула. Открываю глаза – и вижу вокруг себя десятки китайских лиц! Оказывается, это очередная китайская экскурсия. То-то я еще в транзитной зоне китайцев заприметил. Они, оказываются, в Хельсинки просто массами приезжают. Организованными группами. Вспоминается фрагмент из старой газетной статьи. Власти Калининграда задержали группу граждан КНР в количестве семидесяти человек. На вопрос милиции о целях прибытия группы представитель последней ответил, что они прилетели осмотреть достопримечательности города. То же самое в Хельсинки. Тоже группами ходят, группами фотографируются. Передвигаются целыми автобусами.

Сходили на выставку авангардного плаката в здании Городской управы. Там тоже встретили китайцев. Поели в местном Мак-Дональдсе (китайцев не было), посмотрели локальный арт-нуво и современную архитектуру. В чем-то все очень похоже на Таллин, только без средневековой части. Даже сама погода, сам воздух очень «эстонские». Оно и не удивительно. До Таллина отсюда по прямой – восемьдесят километров. На пароме – три с половиной часа в один конец. Вполне можно обернуться до вечернего рейса...

У памятника Маннергейму встретили русских пятидесятников, зазывавших на молитвенное шоу, которое готовилось рядом, в огромной палатке. Шведский барон немецкого происхождения, русский кавалергард и финский маршал Карл Густав Эмиль Маннергейм смотрит со своего железного коня, вознесенного на вершину гранитной стелы, на Гельсингфорс...

А ведь когда-то он возглавлял русскую Азиатскую экспедицию в Туркестан, Синцзян и Китай (1906-08), встречался на священной буддийской горе Утайшань (место пребывания бодхисаттвы Манджушри) с далай-ламой XIII. Маннергейм был глубоко посвящен в кулуарные тайны Большой Игры и сам являлся ее прямым участником на некоторых критических этапах мировой истории...

Часть VIII. Путешествие в Шангшунг

VIII. 1. Врата Бога: райский чертог в горячем аду

В Дели прилетели в шесть часов утра по местному времени. Перед паспортным контролем мне нужно заполнить на всех таможенные декларации, с огромным перечнем вопросов. За это время все пассажиры рейса прошли контроль, но на проходке застряло несколько десятков туркмен, которые заняли все свободные стойки. Оказывается, с них требуют те самые, пресловутые декларации, которые я только что заполнил. Я представил себе, сколько времени возьмет у тридцати туркмен, половина из которых женщины, на подобное заполнение, и мне стало не по себе... Боже мой, что будет с багажом? Его же потом не найдешь! А что с Аней? Как долго она будет нас ждать? Ведь все пассажиры с рейса уже прошли!

Наконец, каким-то чудом, мы прорвались к стойке. Конвейерная лента уже стояла, а наши рюкзаки одиноко валялись на полу. Ну, хоть так! Теперь главное – найти Аню с водителем. Мы выходим с груженной тележкой в зал прибытия. Озираюсь по сторонам – Ани не видно. Идет дальше. Ани нигде нет. Нет и индуса с плакатиком, на котором может быть написана моя фамилия. Вот мы уже совсем приблизились к выходу из здания аэропорта.

Я прошу Анастасию с Филиппом остаться на месте, в кондиционированном пространстве, а сам хочу выскочить на секунду вовсе, посмотреть, нет ли там Ани с машиной? Подхожу к порогу. Передо мной разъезжаются автоматические стеклянные двери. Смотрю направо-налево... Никого нет. Думаю, выйду еще на шаг, осмотрюсь. Вышел. Никого. Ну, ладно, – думаю, – вернусь назад в холл – будем звонить... Только собираюсь ступить назад, но мне дорогу преграждают два полицейских:

– Сэр, туда нельзя!

– То есть как «нельзя»? Я только что прилетел, у меня там, в зале, жена с ребенком...

– Если вы покинули здание аэропорта, назад зайти уже нельзя. Таковы здесь правила безопасности.

То есть если продолжать настаивать на возвращении в зал ожиданий, то можно нарваться на антитеррористический спецназ со всеми вытекающими? Да, что-то, но такой подлянки я никак не ожидал. Получается, Ани с машиной нет, к жене с ребенком не попасть, и ведь даже их еще и не предупредить никак! Меня в зал не пускают, меня из зала не видно... Это значит, сейчас начнется чудовищная заморочка...

– Алло, вы Аню ждете? – раздался над ухом русский голос. Я с удивлением отшатнулся. На меня смотрел высокий полодой парень, с чуть восточным

профилем лица. – Вы Аню ждете? Я ее сын, Андрей...

– Ах Андрей!

Андрей – Анин сын. Раз он здесь – значит все в порядке. Аня ищет нас в аэропорту, Андрей смотрит на улице, Витя сидит с водителем в машине. Я ему рассказал про Настасью с Филиппом.

– Со мной тоже только что произошла такая же история. Как только я вышел – меня не захотели больше пускать назад. Тут раз вышел – в следующий раз зайти только через полный чек-ин. Вот я вас и жду вовне...

Одним словом, разобрались, нашлись, погрузились, поехали в Ришикеш... Остановились, как обычно, в New Bhandari, в той же самом номере, где мы жили с Филиппом два года назад. Аня с ребятами поселилась по соседству. Сходили прогуляться на Лакшман-джулу, через мост. Даже поднялись на последний этаж тринадцатизэтажного храма Шивы. На следующий день съездили в Бхарат-мандир, прогулялись по Тривени-гхату. Вечером отправились на ту сторону Рам-джулы, на ритуал *арати* – огненную пуджу в честь Ганги. А с утра Настасья предложила всем поехать в Харидвар.

Священный индусский город Харидвар, название которого буквально означает «врата к богу», вызывает у меня ассоциации, скорее, «горячего ада». Особенно адской была поездка туда в последний раз. Тут, конечно, возразить нечего: Харидвар – колоритное место, колоритная сцена, очень крутые краски, безумная человеческая фактура, религиозное мракобесие и фатальный эскапизм... Есть на что глаз положить, куда навести камеру. Но ведь не такой же ценой!

Едва мы вылезли из нашего кондиционированного автомобильного салона наружу, сверху ударило нещадное полуденное солнце в тропическом зените, мощный обжигающий ветер обсыпал полусгоревшим мусором с какого-то костра, и тут же нас окутала черная гарь с запахом невообразимой помойки. Вокруг истошно закричали индусы, местная детвора бросилась хватать за руки с громкими причитаниями насчет «доллара». Филипп в шоке выкатал глаза, беззвучно открыл рот, как выброшенная на сушу рыба, и еле-еле проныл: «Домой!...» Ну да, кто ж меняет коней на переправе. Хотя я предупреждал...

В общем, ходили мы не очень долго. Жара, духота, скученность, гвалт и бесконечное внимание со стороны сделали свое дело. Место, конечно, удивительное. Потом Дима Мишенин написал: «40 градусов в тени. Как ты такое выносишь?» Вынести, конечно, сложно. Причем не только жару, но и весь концерт в целокупности, аккордом. Однако, на обратном пути из этого ада я неожиданно наткнулся на подлинный островок парадиза в этом океане человеческой и космической необустроенности.

Шри Чинтамани Паршванатх мандир – джайнский храм на выезде из Харидвара в сторону Ришикеша. Он выстроен из желтого песчаника, в духе классической архитектуры Кхаджурахо: гибкие фигуры апсар, мощные корпуса слонов, иерархия скульптурных образов. Весь храм – и снаружи, и изнутри – изысканно-резной. Никакой плоской графики. В специальной нише, освещенной лампадами, находится большая белая мраморная статуя тиртханкара Ришабхи (Шри Адинатха Бхагавана) – первого пророка джайнизма. Весь алтарь, инкрустированный разноцветными минералами, навеивает ассоциации с ацтекской эстетикой сакрального. Перед алтарной нишей стоят идолы защитных джайнских божеств Шри Паршва Якши и Шри Мата Падмавати Дэви.

На втором этаже – еще одна ниша и фигура другого тиртханкара, на этот раз – из черного камня. Это Паршва (Шри Чинтамани Парванатх Бхагаван), предпоследний, двадцать третий пророк джайнской дхармы. Здесь даже не ацтеки, а самые настоящие ольмеки, мистерия Теотиаукана. С другой стороны, черный идол Паршвы – и по цвету, и по телесной позиции, и по большой короне на голове – очень напоминает черное мурти Бадринараяна в бадринатхском храме.

xxx

Джайнизм – религия, типологически, хронологически и даже мифологически близкая к буддизму. Некоторые авторы даже пытались отождествить последнего джайнского тиртханкара, Джину Махавиру, с Гаутамой Буддой: оба персонажа родились в царской семье, покинули дворец в поисках истины и, обретя последнюю, выступали до конца жизни в качестве бродячих проповедников высшей дхармы. Как в джайнизме, так и буддизме существуют представления о том, что оба мастера не самостоятельно прозрели истину, но опирались на особую парампару предшественников, которых в первом случае насчитывается двадцать три, а во втором – семь. Существуют также списки из двадцати восьми и даже тысячи будд прошлого!

Время жизни последнего тиртханкара джайнизма, Махавиры, относят к VI веку до нашей эры (599 – 527 гг до н. э.). Предыдущий тиртханкар, Паршва, жил почти на три столетия раньше (872 - 772 гг. до н. э.). В таком случае, время жизни первых тиртханкаров уходит к истокам железного века, если не бронзового, начало которого в Индостане ознаменовалось зарождением Индо-Хараппской цивилизации в середине четвертого тысячелетия до нашей эры. Но двадцать два мастера могут смениться и в течение пятисот лет. В таком случае время жизни Ришабхи совпадает с началом индо-арийского переселения на Индийский субконтинент. То же самое можно сказать о двадцати восьми буддах.

При этом джайнизм, с точки зрения культурной наследственности, отождествляют с продолжением некой доарийской религиозности автохтонного населения цивилизации Хараппы. Много лет назад мне попадалось на глаза исследование об индийских эстетических и архитектурных канонах. Там красной нитью проходила мысль о разнице канонических пропорций в джайнском искусстве, наследующем хараппские принципы, и индусском, ориентированном на персидские. Эта разница касается как размеров кирпича, так и соразмерностей человеческого тела.

В самом деле, джайнизм представляется религией, напоминающей индусскую секту, в том числе – обликом храмов и упором на жесткую аскетику, приветствуемую среди джайнов, но принципиально осуждаемую буддистами. Составление первого джайнского канона относится к IV веку до н. э. и хронологически сопоставимо с появлением первых редакций Трипитаки. Однако, окончательную форму джайнизм принял только к XI веку, после бурного периода интеллектуальных баталий с персами, греками, буддистами и индусами, продолжавшихся вплоть до завоевания мусульманами Северной Индии и сопредельных территорий.

Космология джайнизма в отдельных аспектах близка буддийской, но формально ее превосходит. Буддийский космос, как он традиционно представляется метафизикой Мадхьямики, отражает в себе лишь фрагмент более развитой джайнской схемы, имеющей дополнительные «этажи». Возможно, это, в самом деле, интеллектуальное наследие Хараппы? То, что в Индской цивилизации была развита астрономия, сомневаться не приходится. Все-таки сельскохозяйственное производство на протяжении последних семи тысяч лет требует звездного культа как почва – влаги. Кроме того, ранняя металлургия (золото, серебро, бронза) давала почву для понимания принципов магических трансформаций естественных элементов, что вело к развитию традиций внешней и внутренней алхимии (тантрический дзогчен).

Звездная наука древних хараппцев должна быть изначально связана с ближневосточной календарной традицией. Предки первых земледельцев долины Инда пришли сюда с территории Плодородного полумесяца, через Среднюю Азию, около десяти тысяч лет назад и должны были иметь аграрный календарь. Но в дальнейшем астрономия Индской цивилизации могла развиваться относительно автономно. Возможно, одно из ее изобретений – индийские *накшатры* (лунные дома)³³⁰.

³³⁰ **Накшáтра** (санскр. नक्षत्र, nákṣatra) — 28 созвездий в индийской астрономии, так называемые «лунные стоянки» или «лунные дома», через которые проходит Луна. Термин нашёл широкое применение в индуистском ритуале, для которого является важным определение движения Луны. Каждая накшатра названа по имени главной звезды, находящейся в ней, и имеет своего патрона (бога или мудреца).

Существует предположение, что Индская цивилизация была матриархальна. В таком случае наличие здесь лунного календаря будет еще и знаком присутствия лунной религии Великой матери. Эстетика лунной ночи перешла впоследствии к адептам шактийских и тантрических практик, связанных с архаичной йогой хараппского прото-шиваизма.

Согласно джайнским источникам, первый тиртханкар традиции, Ришабханатха, выступает типичным культурным героем. Он привносит в архаичное общество сельское хозяйство, ремесла, письменность и сам институт брака (патриархальная семья). Здесь вполне речь может идти о переселенцах из Плодородного полумесяца, принесших на Индостан культуру Новой жизни. Тогда можно сказать, что *неолитическая революция* в Южной Азии началась вместе с реформами Ришабхи. Возможно, другие тиртханкары – это мифологизированные правители хараппских земель, реформаторы и общественные деятели канувшей в лету Индской цивилизации?

Меня, в данном случае, больше интересует вопрос широкой культурной наследственности, чем четкой институциональной преемственности. Получается, что джайнизм исполняет в индуизме роль бона в северном буддизме? В обоих случаях новая религиозная идеология *присваивает* культурную историю более архаичной формации, одновременно «проглатывая» зерно примордиальной инициатической передачи. Тонпа Шенраб Мивоче явился для тибетцев таким же культурным героем, как Ришабха – для предков современных индийцев.

Тиртханкар Паршва, первый «исторический» гуру джайнской традиции и предшественник Джинны Махавиры (Вардхаманы), жил во времена ведийского железного века, в эпоху независимых махаджанапад (великих царств), представлявших собой политические объединения *арийских* скотоводческих племен. Паршва родился в кшатрийской семье царя города Варанаси (махаджанапада Каши), Ашвасены. В тридцать лет ушел в отшельничество и к ста годам достиг *мокши* (освобождения, близкого метафизически буддийской *нирване*).

Через 250 лет после Паршвы произошло явление последнего до сих пор джайнского пророка-тиртханкара, Махавиры. Он также происходил из царской семьи города Патна (махаджанапада Магадха), в том же возрасте ушел в аскезу, достиг просветления и удостоился группы последователей. Все это, вместе с тем, напоминает историю Гаутамы Будды – принца из кшатрийского рода племени шакьев, оставившего в тридцатилетнем возрасте царский дворец и сменившего роскошь придворной жизни на аскезу бродячего философа. Однако, если буддизм призывает к срединному пути и отказу от крайностей, то джайнизм «заточен» более аскетически.

Джайнские практики просветления весьма суровы и требуют «профессионального» аскетизма, вплоть до полного отказа от всякой одежды и даже, в конце концов, самой пищи. В этом аспекте религиозной жизни джайнизм тесно сближается с индуизмом. Вместе с тем, в джайнизме нет клира, профессионального жречества. Здесь он чем-то напоминает протестантскую церковь или русских беспоповцев. При этом у джайнизма не происходит прекращения «церковного общения» с индуизмом, и допускается соучастие в отдельных джайнских ритуалах индусских брахманов. В случае буддизма, при всей его толерантности, подобное невозможно.

xxx

Находясь в джайнском храме Харидвара, ощущаешь физически это культурное наследие веков, воплощаемое в резном камне святилища, высеченных образах тиртханкаров и небожителей, магической орнаменталистике пространственного дизайна. В сравнении с горячим гвалтом харидварских гхат, Шри Чинтамани Парванатх мандир является прохладным раем тишины и спокойствия. Ничто не раздражает вашего зрения, слуха, обоняния, осязания... Только легкий аромат от аграбатти, легкий бриз свежего ветерка между колонн, прохлада мраморного пола, отдаленный перезвон бронзы разных тембров, долетающий под купол каменного шатра, резонирующего визуальными рельефами. Ом Намокар!

Черное мурти Паршванатха, инкрустированное цветными камнями наподобие византийского реликвария, в полной мере воспроизводит своеобразную «роскошь аскетики». Такая эстетика близка некоторым католическим орденам, представляющим папу как воплощение «царя бедных», зримой роскошью своей манифестации затмевающего материальное тщеславие земных князей.

VIII. 2. Долина Алакнанды: Девапраяг-Пандукешвар-Бадринатх

К семи утра должны были выехать в Бадринатх. Собрались к девяти. Пока суть да дело – девять тридцать. Нас везет Викас – водитель с непальской внешностью, знакомый по предыдущим поездкам. Только едет он, почему-то, не в сторону Бадринатха, а в совсем противоположную. Я сначала думал, что это какой-то объезд. Но не слишком ли длинный объезд? Мы все едем и едем по бесконечным узким улочкам низкорослого города, где все первые этажи сплошняком заняты каким-то рутинным бизнесом: то цемент продают, то машины чинят, то предлагают какую-то жуть...

Время уже одиннадцать, а мы неожиданно оказываемся в Лакшман-джуле, только не со стороны отеля, а на противоположном берегу Ганги – там, где стоит ашрам Thirteen stories, на верхушку которого мы накануне поднимались. Я звоню Раджу:

– Ничего не понимаю, время к полудню, а мы так и не уехали из Лакшман-джулы!

Он просит передать телефон водителю. Тот сразу забил хвостом, заизвинялся в трубку: «Сорри, сорри...» То-то он все остановки какие-то странные делал: то там пару минут, то здесь пяток. Видимо, решил за счет нашего времени решить свои дела, каналья! «Сорри, сорри босс...»

Ну вот, вроде как выехали. Едем в сторону Васиштва-гуфы, легендарной пещеры риши Васиштли, учителя самого господа Рамы. Едем в новом составе. Костяк группы – снова мы с Анастасией, но теперь с нами еще Филипп, Аня, Андрей и Витя. Народ едва заглянул в пещеру и ушел к Ганге. Я остался для дхьяны. Удобно устроился на расстеленном одеяле, прислонившись спиной к теплому камню. Оммм...

Следующая остановка – Девапраяг, город, где сливаются русла Бхагиратхи и Алакнанды в единую Гангу. У этого места стоит древний рамаитский храм, Рагхунатх-Джи-мандир. Знакомой тропкой спускаемся к мосту, там снова лежат коровы. Переходим на ту сторону и поднимаемся через 102 ступени к порогу храмового двора. Мандир закрыт еще на два часа, до следующей службы. У каменного трона с отпечатками стоп Господа Рамы мальчишки разложились играть в нарды. А в противоположном углу двора я нашел камень с надписями на брахми. Про этот камень я давно читал, но не смог его обнаружить во время предыдущего визита. Почему-то казалось, что искать его надо рядом с гхатом. Оказалось – прямо у храма.

Оттуда спустились на водную пуджу. Воды было так много, что купаться разрешали лишь у бокового гхата с надежными железными перилами и толстыми цепями. Тут если что – не снесет. А поток настолько сильный, что даже по пояс зайти – большая проблема. Хорошо, что есть ограждение! Вот так человек не готов воспринять всю божественную благодать, даруемую моментом. Лишь замочит носок – и одернет... Но нет, мы не такие! Мы с Анастасией и Аней смело окунулись в бурлящие воды святой реки трижды, с головой. А потом – назад к машине. Я шел последним. Уже перейдя мост, задумался:

– Вот, опять ничего на память из этого города не купил. Хоть бы мелочь какую, от Рагхунатха...

Но тут с сувенирами не густо, хотя можно поискать... В этот момент мой взгляд замечает какую-то пятиугольную штучку, лежащую прямо на тропе. Какая-то металлическая пряжка... Поднимаю предмет и обнаруживаю, что это железная отливка бадринатхского мурти Бадринараяна, и внизу даже надпись: «Om Badri Vishal». Лучший сувенир трудно себе представить!

Едем дальше. Но до Джошиматха сегодня, похоже, не добираемся. Уже темнеет, а нам еще до него полста километров. В горах это два часа. А в темноте – все три. Остановились как только стало совсем темно. ОТЕЛЬЧИК – так себе, у дороги, практически пустой, но выглядит относительно цивилизованно. Правда, кухни нет. Говорят, можно поесть в ста метрах, совсем рядом. Идем туда. Это типичный придорожный ресторан, со стандартным набором блюд. Места есть, проходим в глубину зала и садимся за большой стол. Чем-то мне этот стол знаком? Впрочем, мало ли столов в Индии? Это все стандартная продукция, как пластиковые стулья...

Тут жена говорит:

– Мне кажется, я помню это место. Мы тут обедали. Я помню эту картину...

Тут я замечаю, прямо на стене напротив, большое изображение гуру Нанак и его братию, на фоне Золотого храма и сикхской атрибутики. Точно, мы тут ели с Шив Нараяном, на пути из Бадринатха в Утхинд! Значит, магнитные следы остались. Да, городок Пипалкотти, я тебя узнал!

На следующее утро поехали дальше, Джошиматх проскочили без остановки. Приостановились лишь в Пандукешваре, у старого знакомого чайханщика: позавтракать, выпить чаю... Он меня узнал. Узнал жену, Филиппа. Чай здесь совершенно бесподобный, а еда – еще вкуснее. Лучшая еда в Индии за всю поездку.

До Бадринатха остается каких-то 25 километров. И в этот момент, на том самом участке трассы, где мы с Филиппом застряли два года назад, наш джип снова застревает, и снова колеса буксуют. Викас просит всех выйти, подтолкнуть. Это бесполезно. Машина увязла капитально. Все вышли из машины. Она – ни с места. Пробовали подтолкнуть – бесполезно. А со склона слетают камешки... Почва сырая, размыва дождями, порода не держится... Одновременно начинается дождик, усиливается опасность камнепада. Викас просит всех нас пройти пешком вперед, метров триста. Там опасный участок заканчивается, начинается нормальная дорога.

Мы, через грязь недавно сошедшего селя, скачем метров триста до безопасной территории, откуда можно будет уже беспрепятственно доехать до Бадринатха. Но эти триста метров джипу нужно тоже как-то преодолеть! Машина не едет. До темноты остается часа три. Какие-то люди пытаются Викасу помочь. Ничего не происходит. Потом его фигура исчезает за поворотом, а через полчаса оттуда же появляется желтый экскаватор с высоко поднятым ковшом. Именно он и вытащил наш автомобильчик из непролазной грязи у грани пропасти, на дне которой пенится серая Алекнанда.

Викас подъезжает к нам на истерзанной «тойоте» с оторванным задним бампером. Ну, хоть так... Кратко останавливаемся у оранжевого Хануман-чатти, бьем к колокол и едем дальше, вверх. Последний разворот – и перед взором раскрывается, во всей красе, священный Бадринатх, сияя золотыми крышами мандиров.

Бадринатх по-другому называется Бадрикашрам. В первый день мы остановились в номере, где были с Филиппом в позапрошлом году, а на следующее утро освободился номер на последнем этаже, который мы снимали с Анастасией год назад, с шикарным видом на храм и обе стороны долины. Начало августа – время муссонов, несущих влагу из южных районов страны на север. Дождевые облака, цепляясь за гималайские хребты, стекают, через ледники, бесчисленными притоками Ганги и проливаются ливнями в долины. В это время в Бадринатхе всегда пусто. Дорога сюда, по несколько раз в сутки, может быть разрушена селем, завалена камнями, обрушена или размыта. Часто дождит, очень туманно, но зато нет толпы на улицах, нет ажиотажа в купальне, довольно пусто в храме. Теперь на утреннюю абхишеку можно спокойно зайти к самому началу, как во время моего первого визита.

Черного идола в бадринатхском мандире индусы называют «сваямбху» (санскр. «самовозникший»). Объект представляет собой слегка обломанный по краям пятиугольный камень, высотой около локтя, в центре которого ясно угадывается несколько непропорциональная фигура сидящего человека, без лица. Грудь едва прописана, но пупок – реалистичный. Руки сложены на животе непропорциональным колесом, тело слегка изогнуто, словно опираясь на левый локоть. Никаких украшений, никаких корон. Через весь корпус, от левого бедра до правого плеча, идет трещина, вызывающая ассоциации с брахманским шнуром. Возможно, фигура была когда-то тронута каменным рубилом палеодитического мастера, но только – чтобы убрать лишнее, не более того...

Однако, просто так взглянуть на чудотворное мурти непросто. Его в полном объеме не видело, думаю, 99% всех посетителей Бадрикашрама. Дело в том, что фигура Вселенского Гуру практически все время полностью скрыта под шелковыми одеяниями и цветочными венками, так что открытым остается лишь часть беспрофильного лица, размером с ладонь в лучшем случае. Но этого символически мыслящим индусам достаточно. Для большинства из них достаточно даже созерцания облагороженного дубликата, которому поклоняются в храме Джошиматха, куда переносится служение на период снежной блокады Бадринатха с ноября по апрель.

Для того, чтобы узреть Черного идола целиком, нужно придти в храм рано утром, еще до пяти, чтобы успеть сесть в первой линии. К пяти приходит верховный жрец-Раваль, и тогда фигура полностью открывается где-то на

полчаса, пока ее омывают, умащивают и переодевают. Только в это время Черный идол доступен наблюдению весь, целиком, а не скрытый под слоями шелковой одежды и гирляндами венков поверх всего. Фотографировать мурти, разумеется, нельзя. Всякая съемка на храмовой территории запрещена в принципе.

Но что мешает его зарисовать? С этой просьбой я и обратился к Анастасии, у которой фотографическая память и сильный рисунок. Мы пришли к пяти. Служба только начиналась. Раваль-джи колдовал над ритуальными сосудами с разными жидкостями, предназначенными для абхишеки. Наконец, с Черного камня сняли покровы. Жрецы запели молитвы, зазвучали гонги, застучал барабан. Молельня наполнилась запахами благовоний и особого ароматического масла, которым ежедневно умащивают божественное мурти Вишну-Бадринараяна.

Минут через пятнадцать Анастасия сказала, что она все запомнила, и теперь ей нужно выйти, зарисовать. Я провел ее на прихрамовую скамеечку, где можно было спокойно посидеть, набросать увиденное. Получилось, откровенно говоря, не очень похоже. Настоящий мурти представлял собой дикий камень, в котором лишь угадывался образ сидящего в позе лотоса человека и, возможно, был лишь незначительно профилирован легким касательством резца мастера. Анастасия же изобразила уже домысленный образ, тот, который уже угадан, отсеяв все лишнее. Но зато она увидела то, чего не увидел я. Я решил сходить на абхишеку еще раз.

То, что Черный идол не имеет явных признаков какой-либо конкретной религиозной принадлежности, делает его интегральным символом общечеловеческого значения. Бадринатхский мурти – святыня всех дхармистов. Для вайшнавов это Вишну, для шайвитов – Шива, для буддистов – Будда, для джайнов – Тиртханкар, для бонцев – Шенраб, для сикхов – Нанак. Все они практиковали в этих местах дхьяну, все они шли путями мистического знания. Для меня черный мурти Бадринатха – сваямбху интегрального Парабрахмана, совокупной манифестацией четырех тел которого (соответствующих четырем телам познания в концепции Упанишад) я почитаю – в соответствии с нашей парампарой – своего сат-гуру, Шри Раму.

Индусы считают, что Бадринатхский идол представляет собой четырехрукого Вишну-Бадринараяна в состоянии самадхи. Существует каноническое изображение этого облика именно с четырьмя руками, две из которых держат раковину и чакру (символы божества). На голове одета корона, ноги заплетены в позу лотоса (падмасана).

Вместе с тем, индусскую идентичность образа Бадривिशала оспаривают буддисты и джайны, в религиозном искусстве которых также широко распространено изображение видящих в падмасане персонажей. Известно, что одно время Бадрикашрам принадлежал буддистам Махаяны, впервые начавшим представлять Будду в виде антропоморфных образов. Они считают, что черное мурти сидящего человека – их учитель Гаутама Шакьямуни, сидящий, в отличие от Вишну-Нараяна, под деревом не бадри (клюква), а бодхи (смоковница).

Джайны почитают Бадривिशала за своего тиртханкара. В этом тоже есть определенный резон, поскольку мы видим здесь очень характерное именно для джайнов изображение голого аскета (сат-гуру). До сих пор на Бадринараяна не претендовали бонцы – представители еще одной гималайской дхармической религии, некогда распространенной в этих местах и ритуалистически близкой северному буддизму Махаяны-Ваджраяны (дзогчен).

Джайнская вихара есть в самом Бадринатхе. Она находится на западном берегу Алакнанды, рядом с мостом неподалеку от Красного ашрама Дхармараджа. Но снаружи вихару никак нельзя было заметить. Все здание было сплошь покрыто черно-синим пластиком, на территории были видны следы капитального переустройства. Однако, ничто не могло потревожить внутреннего мира святилища. Даже в условиях отсутствия во всем городе света, в силу очередного обрыва сетей, в вихаре работал автономный генератор, позволявший в часы всеобщего омрачения видеть образы джайнских гуру-тиртханкаров, прозревших мастеров, в количестве двадцати четырех персон сидящих по обе стороны центрального панно со сценами из жизни последнего пророка традиции – Джини Махавиры.

VIII. 3. Гималайская мистика

Высокие Гималаи, с их особым медитационным климатом, были издревле облюбованы представителями самых разных религиозных традиций и течений. Недаром величайшая святыня всех дхармистов, гора Кайлас, в равной степени почитается индусами, буддистами, джайнами и бонцами. Обход Кайласа (кора) – священный ритуал у всех, считающих вершину белого гиганта местопребыванием своих священных фигур и символов. Первые две группы паломников делают здесь кору (ритуальный трехдневный обход) по часовой стрелке, две последние – против.

В двух километрах от Бадринатха, через который когда-то проходила одна из паломнических троп к Кайласу, около легендарного моста Бхимы (герой Махабхараты, старший из пяти братьев-Пандавов), бьет из скалы источник, вода которого считается попавшей сюда подземными путями непосредственно из озера Маносаровар, лежащего у подножья священной

горы. Чуть ниже, на каменной площадке у самого обрыва, стоит маленький мандир Шри Сарасвати – богини одноименной реки, выходящей на поверхность из хтонических лабиринтов подземных миров именно в этом месте. И то – чтобы через двести метров вновь нырнуть под землю, на этот раз – до самого Праяга (сегодня Аллахабад), места слияния легендарных Ганги, Сарасвати и Ямуны.

Три истока этих рек являются тремя областями паломничества чар-дхам, которым соответствуют храмы Шри Ямуны в Ямунотри, Шри Ганги в Ганготри и Шри Сарасвати в Мане (Бадринатх). Четвертая река в чар-дхаме – Мандакини, в верховьях которой стоит божественный храм Кедарешвар.

Эти три реки символизируют в микрокосме три канала: иду (Ямуна), пингалу (Ганга) и сушумну (Сарасвати). Ида и пингала – каналы позитивной и негативной энергий, потоков, пран, взаимодействие которых образует психическое единство существа. Сушумна – канал нейтральной энергии, уравнивающий крайности иды и пингалы. Эти три формы энергии (три праны) можно уподобить трем состояниям познания Брахмана, согласно Упанишатам: бодрствованию (вайшванара), сновидению (свапна) и глубокому сну (праджня). Удерживание индивидуальной энергетике в срединном канале (сушумне) ведет к йогической реализации «четвертого состояния» – эмансипативного просветления (самадхи, мокша).

Если Ямуна – «двойник» Ганги и является просто параллельным водным потоком, то Сарасвати, как скрытая сушумна (срединный путь), протекает невидимо для внешних глаз, в подземных гротах. И лишь в своих верховьях, рядом с Бадринатхом, она являет себя физически, у мандира Шри Сарасвати. Это ли не место физического самадхи? Во всяком случае, место божественного самадхи, где сам Господь Вишну пребывает в состоянии полного освобождения, находится совсем рядом, в бадринатхском мандире Бадринараяны. Это место, где была впервые проинтуирована Шанкарачарьей концепция адвайта-веданты в полной мере, опираясь на мистический опыт Нарады, Нар-Нараяна, Ведавьясы, Махаватара Бабаджи и других мэтров гималайской йоги.

В верховьях Ганги и на прилегающих высокогорьях можно встретить не только индуские святилища, но также джайнские, бонские, буддийские и даже сикхистские – например, гурудвара у озера Хемкунд-сахиб, где медитировал Десятый пророк этой религии Неведомого бога, Шри Гуру Гобинд Сингаджи.

xxx

Махайоги Сундернатх Бабаджи Махарадж широко известен в кругах гималайских йогов. Своим гуру его объявил довольно популярный ныне среди западных, и особенно – среди российских мистиков Пайлот-баба –

бывший пилот, переживший за штурвалом своего джета особое мистическое прозрение, которое превратило его из офицера индийских ВВС в пещерного садху. Большой портрет Сундернатха Бабаджи можно увидеть на прихрамовой территории бадринатхского мандира Бадривишала, напротив которого святой учитель некогда жил в каменной келье на берегу бурной Алакнанды. Сегодня здесь передается садхане Йогираджд – другой ученик Бабаджи, наследующий через мастера это место вместе со священным огнем, который требует непрерывной поддержки.

Этот огонь горит теперь в келье самого Йогираджда, расположенной рядом с пещерой мастера. В центр круглого кострища высажено три железных пика: трезубец и два других штыря с накрученными на них амулетами.

– Брахма, Вишну, Шива! – объясняет Йогираджд значение трех пик. – А это, – он указывает пальцем на огонь между пиками, – Агни.

– Парабрахман?

– Парабрахман!

Затем Йогираджд переводит палец на свечу, горящую перед установленной на алтаре иконой махагуру Сундернатха:

– А вот это – сын Агни...

Келья Сундернатха – это каменный амбар высотой в полтора метра и площадью едва в восемь квадратов, с крошечным окошком, размером в ладонь. Здесь святой на протяжении долгих лет жил, спал, медитировал и поддерживал священный огонь. Место намолено. Сразу чувствуется, что все тут не просто так. Бабаджи для Йогираджда – абсолютный (от лат. *absolutio* – растворение, освобождение) авторитет, источник мокши как манифестация Шивы и самого Парабрахмана.

Живой контакт с Парабрахманом человек изначально реализует через инициатическую связь с гуру – подобно тому, как ребенок реализует свою способность к речи посредством общения с родителями. Научившись познавать Парабрахмана в себе, человек больше не нуждается в формальном гуру, сам объективно превращаясь в земное воплощение божественного мастера, способного указать путь к мокше уповающим на него последователям Вечного закона.

– Может быть, ты хочешь тут помедитировать? – спросил меня Йогираджд во время очередного моего визита к нему на файв-о-клок.

Ну как от такого отказаться?

Темнеет. В пещере Сундернатха царит густой мрак. Воздух сыроват, ощущение – как в глубоком погребе. Закрыв глаза, я погружаюсь в поле

окружающего пространства. Тихо, не дует. Дыхание утоньшается, мысли затихают сами собой. Через некоторое время я начинаю различать в крошечной тьме внутреннего пространства крошечные огоньки, словно горящие вокруг лампы, и тут же все оно наполняется ароматическими запахами курительных палочек-аграбатти. Воистину, святое место трансцендентальной, вечной пуджи. А потом, совершенно неожиданно, из центра внутренней пустоты как бы выросла железная свастика и четко встала перед глазами...

Дхьяна в келье Сундернатха позволила проникнуться духом подлинной гималайской аскетике. Это опыт, далекий от идеалов, проповедуемых в коммерческих ашрамах по всему свету. Тут никто не заботится ни о психическом равновесии, ни о физическом здоровье. Вообще, никакое материальное существование здесь даже не обсуждается, ибо сама мысль о какой-либо «реализации» в бренном мире покажется подлинным йогинам форменным кощунством. Не для этого они десятилетиями в пещерах сидели! У них – своя, суровая и одновременно безгранично-мотивирующая правда жизни, построенная на опыте непосредственного обожения атмана, согласно ведическому тождеству махавакьи: tat tvam asi (то ты еси), aham brahmasmi (аз есмь Брахман), ayamatma brahma (всякий атман есть Брахман), prajnanam brahma (мудрость это Брахман).

– Русская мистика очень схожа с индийской, – говорю я Йогираджу. – Русские церкви своим внутренним интерьером, ходом службы, элементами обрядового символизма, весьма напоминают индусские пуджи в мандирах. И даже сами жесты верующих... Вот, к примеру, как делается русская ачамана (я имел в виду крестное знамение): ты складываешь вместе указательный и средний пальцы. Это символизирует собой (я задумался, как объяснить «природа Бога и человека») единство атмана и Парабрахмана. Три других пальца, мизинец, безымянный и большой, сложены вместе, в согнутом состоянии. Это означает Тримурти (аналог Троицы). И потом такой мудрой нужно последовательно коснуться лба, пупка, правого плеча и левого плеча.

Йогирадх изобразил правой рукой точно такую-же мудру и по очереди коснулся ей лба, макушки, затем раскрытой ладонью – затылка, и снова сложенными пальцами – правого плеча, левого плеча, правого соска, левого соска и пупа, всякий раз произнося какое-то заклинание. Я запомнил лишь слово «мандала» сопровождавшее касание затылка. Потом он положил кисти рук, придав им ту же самую мудру старообрядческого порядка, себе на колени и закрыл глаза: Ом!

Я подарил Йогираджу маленькую фигурку Будды из Британского музея, маленькую копию выставленной здесь же статуи будды Шакьямуни из Юго-Восточной Азии. Йогирадх предложил мне раскурить его новую китайскую

трубку. Это был неожиданный жест. Значит, китайцы добрались и до этих мест?

Йогирадх был человеком, с которым можно просто помолчать. Познавшему недвойственность, нечего рассказать другим людям. Их представления об окружающей их действительности кажутся ему настолько неадекватными, что просто отсутствуют слова выразить это. Ибо «слово изреченное есть ложь». Йогирадх никогда ничего ни у кого не просит, никогда никого ничем не грузит. Он просто смотрит на людей со стороны и оценивает их поведение с точки зрения приближения к мокше через инструментарий дхармической практики. Садхана – это святое. Нет проблем с регулярным исполнением садханы в течение всей жизни, если это позволяет ничем другим больше не заниматься.

xxx

Юги традиционной ведической астрономии, длящиеся сотни тысяч и даже миллионы лет, имеют отношение не к человеческой истории, а космической, к истории нашей Солнечной системы и Млечного пути. Измерять этими югами исторические периоды антропогенеза (как это делает множество тенденциозных авторов) совершенно бессмысленно.

Индийский Железный век начался вместе с экспансией арийцев (3,5 тыс. лет назад), принесших на субконтинент технологию железного производства. Таким образом, в контексте 26-тысячелетнего прецессионного цикла, ведийская цивилизация Кали-юги (Рыбы, 2 тыс. лет назад) сменила собой предшествовавшую медную цивилизацию Хараппы (3-5 тыс. лет назад, Овен, 2-4 тыс. лет назад), восходящую к бронзе Мергарха (5-9 тыс. лет назад, Телец, 4-6 тыс. лет назад) как колонии неолитических переселенцев из Плодородного полумесяца, предки которых существовали в эпоху Золотого века (Дева, 6-8 тыс. лет назад), на пороге перехода архаичного человечества к интенсивному земледелию (13 тысяч лет назад, в эпоху Рака и Льва, за которыми стоят 13 тысячелетий мезолита – второй половины полного цикла обращения Полярной звезды вокруг Небесной оси: от Девы до Водолея).

Железный век – век войны, военных технологий и завоеваний, коренного истребления целых рас и народов, культурных и мистических традиций. Железное оружие говорило с момента его изобретения (предположительно) хаттскими кузнецами вплоть до наших дней – языком железной амуниции:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход...

Современные военные технологии ориентированы, похоже, вовсе не на механическую ударную силу железного кулака, но больше – на умные стратегии выведения из строя управленческих сетей противника, включая

возможности электронного и психотронного порядка. Задачи прямого уничтожения технических ресурсов и населения противной стороны отходят на второй план, хотя полностью не снимаются. Так возможно ли, в самом деле, окончательно и бесповоротно, перековать мечи на орала?

На это уповают – подобно большинству людей – многие мэтры и гуру, йогины и мистики. За мир специально устраиваются пуджи, служатся службы, люди осуществляют садханы и перформансы, пишутся книги и осуществляются массовые политические акции, в том числе – глобального масштаба. В наше время, в эпоху разработок небывалых по своим рискам военных программ космического порядка с непредсказуемыми последствиями, эти упования становятся все сильнее. Однако, непреодолимая общая экзистенциальная омраченность, преобладающая даже в среде химически чистых пацифистов, лишает подобные упования суггестивной силы, топит их в болоте обывательской прагматичности.

Международное движение New Age (Нью-эйдж) появилось как реакция послевоенного поколения на травматический опыт их родителей, на пике движения за мир во всем мире между странами и народами, против локальных и глобальных войн с использованием оружия массового уничтожения, включая ядерное. Одновременно это было движение за революцию в психологии, эпистемологии, социологии и антропологии, движение за эволютивную гуманизацию социума и самого человека, осмысляемого в терминах Новой религии эры Водолея. Религиозно-мистическое движение New Age явилось выражением пост-модернистской тенденции в религиозном дискурсе, его начало связано с формированием субкультуры хиппи и протестного движения против реальности послушных обывателей в целом.

Установка на пост-модернизм, с его радикальным отрицанием любых форм институциональных, академических и иных системных авторитетов, предполагала психологическое освобождение личности от буржуазных комплексов и идеологического мракобесия старшего поколения. Вместе с тем, хипповая молодежь была далека от банального цинизма пресыщенной богемы. Напротив, лучшие свободные умы эпохи стремились к новым, прорывным формам универсального познания человека в контексте космической жизни и максимально возможной общественно-природной гармонии.

При этом отвязными были не только начинающие адепты Нового века, но и его седобородые гуру. Под стягами движения Нового века собрались все диссиденты мира – живые и мертвые, известные и совершенно анонимные. Не удивительно, что в поисках новых “антиавторитарных авторитетов” сторонники идеологии нью-эйдж отправились в дальние страны, прежде всего – на Восток, известный своим культурно-философским радикализмом.

Западные хиппи выдернули восточных гуру из их консервативно-кастовой ситуации, раскрыли перед ними новые горизонты антропологической эволюции в контексте пост-модернистского дискурса абсолютной свободы. В результате сложилась особая, глобальная субкультура эмансипативного характера, связавшая воедино мистику и социальный протест, психоделику и пацифизм.

Фактически, Нью-эйдж положил начало новой универсальной религии персоналистического характера, где личность мыслилась не столько как объект божественного спасения, сколько как парадоксальный субъект последнего. Такая ментальная инверсия стала возможной благодаря интенсивным психоделическим практикам, взорвавшим мозг культурному авангарду послевоенного поколения, с последующей трансляцией обретенного опыта в матрицу массового сознания.

Новый цикл Водолея начался 20 декабря 2012 года, совпадая с майским «апокалипсисом», а точнее – точно предсказанным древними жрецами Кетцалькоатля днем пересечения центром Солнечной системы и лежащей в его плоскости Землей галактического экватора Млечного пути. Одновременно это означает конец Железного века как в технологическом смысле четырех металлургических эр (золото-бронза-медь-железо), так и в культурно-историческом (в соответствии с символизмом календарной традиции), знаменуя собой переход к эволюционно Новому веку (New Age) новых знаний и откровений.

Можно ли считать Новым веком лишь прецессионную эпоху Водолея ближайших двух тысяч ста пятидесяти (2150) лет, или же речь идет о целокупных шести эпох (12880 лет) в последовательности: Водолей-Козерог-Стрелец-Скорпион-Весы-Дева? Если говорить с пафосной стороны Нью-эйджа, то, конечно, надо встать на защиту концепции совокупности эпох: Аквариус (Водолей) ничуть не ограничивает Новый век одним собой, но лишь начинает его по ту сторону экватора Млечного пути, привязывая условную историческую дату к безусловной (объективной) космической ситуации, однозначно фиксируемой с позиций геоцентричного наблюдателя.

Солнечная система облетает центр Млечного пути, согласно современным научным данным, за 230 миллионов лет (в ретроспективе: появление на Земле первых млекопитающих). Эта величина одного порядка с временной величиной, определяемой Пуранами как «манвантара» (период правления Ману-Демиурга, он же «день Брахмы»), длительностью в 306 миллионов 720 тысяч лет. Если учесть, что Солнечная система, в период ее вращения вокруг центра Млечного пути, пересекает Небесный экватор два раза, то следующее его пересечение должно случиться через 115 миллионов лет (в ретроспективе: раскол Пангеи на континенты, появление первых млекопитающих) согласно современным исчислениям, или через 153

миллиона 360 тысяч лет согласно пураническим. Возможно, начинается обратное сближение материков в Новую Пангею?

Для человека это все крайне отвлеченные циклы, поскольку его собственная история как вида началась всего лишь около 100 тысяч лет назад, а как высшего примата – около пяти-шести миллионов. Таким образом, от человеческих предков, еще не сформированных в культурно-магические расы, нас отделяет не более четырех циклов Полярной звезды. Разумно себе представить, что современное ее положение фиксирует начало нового космического цикла «по ту сторону Небесного экватора». Этот момент соответствует началу прецессионной эры Водолея в 26-тысячелетнем цикле Полярной звезды. Для человечества это начало Пятого цикла или цикла Пятого человечества (к моменту формирования Новой Пангеи таких циклов наберется более четырех тысяч).

Однако, такие космические масштабы запредельных, казалось бы, человеческой судьбе глобальных циклов не должны смущать продвинутое сознание апологетов Нового века, ибо они знают, что единый атман (Параматман), как суть всякой подлинной индивидуальности, есть Парабрахман, выходящий за пределы конечного (циклического) времени как такового. Благодаря жизненным, годовым, сезонным, планетарным, суточным, часовым и дыхательным циклам человек входит в аналогичный резонанс с макро-циклами вселенной, вплоть до порядка гравитационных колебаний. В это же время осуществляется сонстройка внутренних микроциклов психической активности, от соответствия которых камертону Вечной дхармы зависит не только стиль индивидуального мышления, но и эволюционные возможности вида в целом.

Будда – это еще не конец. Формирование человека разумного еще не завершено, его эволюция продолжается. Ведь войны до сих пор не преодолены, а именно их полное окончание послужит маркером того, что высшие приматы стали приматами высочайшими, реализовав в собственной среде примордиальный принцип межвидовой гармонии Пангеи. Но подобный исход планетарной драмы далеко не очевиден. До Новой Пангеи человечество может просто не дожить, «расчеловечившись» уже в ближайшие столетия до состояния пост-сапиенса (как в позитивной, так и в негативной коннотации).

По законам провиденциального жанра, пророком Нового века, как воплощения его духа, должна была бы стать какая-либо рожденная под знаком Водолея фигура – как некий символический субститут старца Утнапиштира, обитающего (согласно шумерскому мифу о Гильгамеше) по ту сторону мирового океана, владеющего тайнами мертвой и живой воды. И такого старца можно найти. Я готов им считать божественного сат-гуру Рама

МихаЭля Тамма, манифестировавшего своим воплощением Парабрахмана адвайты (Рам), Святого духа авраамизма (Михаил) и автономного пратьека-будду/каббалиста (Там). Его аналитическая адвайта, интерпретируемая через эпистемологический аппарат древнегреческой философской лексики, представляет собой истинный Завет Нового века, где не-двойственные пределы человеческой судьбы (дхармы) преподносятся в оптике логоса эвристического персонализма, присущего западной ментальности.

Упанишады утверждают, что Брахман – это праджня (мудрость) и прана (энергия). Объединение мудрости в энергией Рам называл нуль-энергией, отождествляя последнюю у уровнем эфирной вибрации состояния глубокого сна (сушупти). Нуль-энергия – основа магических манипуляций как продвинутой формы авто- и гетеро-гипноза, смещающего параметральную матрицу реальности в заданном направлении.

Брахман отличен от мира; нет ничего, что не было бы Брахманом. Если [что-либо] кажется не Брахманом, это обманчиво, словно мираж в пустыне. Все, что видно и слышно, то — Брахман и не иное. Познание сущности — это Брахман [состоящий из] бытия, мысли, блаженства, недвойственный.

Шанкарачарья. Атмабодха

VIII. 4. Форпост адвайты: Джошиматх

Над Бадринатхом большую часть времени висели низкие туманы. Хорошо для медитаций – плохо для треккинга. Анна с Анной, без треккинга, загрузили и резко засобирались назад, в Ришикеш. Вернувшись в очередной раз с абхишеки я застал супругу в несвойственной к этому часу активности:

- Все, едем через час. Дорогу должны вот-вот открыть!
- Может быть, все же через три дня, как собирались?
- Дождь, депрессия, телевизор не работает, горячая вода с перебоями!..

Единственная уступка – съездили с Филиппом в Ману, к Вьясе, и к Сарасвати-мандиру, что у моста Бхимы. Тут ребенок наделал фотографий для своего инстаграмма. Очень знаковое место, он его заметил еще с прошлого раза, два года назад. Едва вернулись в отель – появился Викас, и мы поехали. Время два часа пополудни. Интересно, докуда успеем добраться?

Добрались ровно до того самого места, где нам пришлось выходить из машины на пути сюда. Именно на этом самом месте снова застряла машина – не наша, а неких итальянцев, выехавших из Бадринатха за час до нас. На площадке перед злополучным участком трассы в триста метров, где застрял белый джип итальянцев, собралось несколько машин. Тут же полиция. Все куда-то звонят. Начинается дождь...

Викас возвращается в машину и говорит, что до завтра дорога будет точно закрыта. Предлагает нам, чтобы не ехать назад, перейти через ближайшую гряду пешком, в Пандукешвар, и там подождать его в придорожной гостинице, где мы останавливались на ланч у моего знакомого чайханщика.

- Далеко идти?
- Полтора километра.
- С рюкзаками, вверх, под дождем?
- Можно взять носильщика.

Выяснилось, что за доставку трех рюкзаков в Пандукешвар человек готов взять триста рупий. Это пять фунтов. Ну, с такими ценами можно и пройти эти полтора километра. Встали на тропу. Весь народ – Аня с мальчиками, Филипп, носильщик и еще несколько попутчиков – ловко поскакал вперед, а мы с Анастасией чуть приотстали. Дождь при этом усиливается. С анораков течет, под ногами грязь. А тропа все вверх и вверх... Где-то впереди, периодически, мелькают наши. Поднимаемся на очередной косогор. Тут нас ждут Филипп с Андреем. Сидят на каменном пороге деревенской хижины в горах.

Тут все хижины сворочены из огромных камней, словно древние Микены. Под навесами видны редкие, обмотанные пледом, людские фигуры в характерных круглых шапочках. В ногах путаются мелкие коровы. Идем дальше. Тропа вьется меж деревенских стен, затем резко ныряет в грязь по щиколотку. Навстречу попадает группа индусов.

- Вы из Пандукешвара?
- Да! А вы из Бадринатха?
- Ача!

Еще через некоторое время начинается спуск. В сравнении с относительно приличным подъемом, занявшим у нас часа два, это просто резкий обрыв, за которым начинается утыканный хвойными деревьями крутой склон с абсолютно размытой тропой. Единственный шанс – в торчащих местах камнях, о которые можно опереться. А дождь все усиливается и уже льет в полный рост густого тропического муссона. Еле-еле ползем вниз. Где там наши? На встречу попадает еще одна индусская группа: четверо мужчин и четверо женщин. Все без зонтов. Женщины в сари. Как говорится, насквозь... Спрашивают у меня: не из Бадрината ли? Ну да, оттуда. Джай Бадри Вишал! Удивительные люди: в такую погоду упорно движутся к цели. Ничто их не смущает – ни грязь, ни вода. Тоже ведь где-то оставили свою машину.

Ну а мы спускались еще, наверное, час. Дошли до шоссе. Куда дальше, в какую сторону? Пока думали – сверху, прямо на нас, полетели с шумом сорвавшиеся камни. Все – и мы, и еще какие-то люди – побежали в сторону

стоявшего на дороге джипа. Откуда он тут здесь, что делает? Прибежали, нужно сказать, очень кстати. В машине как раз оказалось шесть вакантных мест – прямо для нас. Водитель предложил сразу до Джошиматха, за полторы тысячи. Это, конечно, лучше, чем просто до Пандукешвара и там ждать Викаса. А если он завтра не приедет? В Джошиматхе хоть есть что посмотреть...

До Пандукешвара оставалось с места нашего выхода к шоссе еще шесть километров! Вот вам и полтора часа! Да и льет все по нарастающей. Едем дальше. Ближе к Джошиматху, по мере нового подъема, ливень закончился. Так что когда мы подъехали к местной гостинице, на улице было влажно, но сверху не капало. Уже хорошо. Ведь нам теперь надо как можно скорее просушить весь набор вещей!

Проснулся очень рано, часа в четыре. Вышел на балкон и обалдел: такой стены пиков я перед собой еще не видел! Это был просто циклопический цирк. Тут, конечно, есть свой резонанс. Не зря Ади Шанкара заметил это место для своего первого индийского университета адвайта-веданты – Джйотирматха. Тут йогины непрерывно медитируют уже более двенадцати веков. Этим утром, в истинный час Брахмы, дух йогической свободы побывал и на балконе нашей гостиницы. Когда я открыл глаза, то увидел укрытый белым туманом и облачной вуалью каменный массив с бесподобным снежным гребнем, которого едва касались первые лучи торжественно въезжающей на небеса золотой колесницы Сурьи. А в месте этого касания природная магия дала нам созерцать радужное пятно, словно ауру божественного архата у границ горизонта событий...

С утра выяснилось, что дорогу так и не открыли, Викас остается ждать на той стороне. Мы решили ехать дальше. Зашли в Джйотирматх, я совершил возлияние у Кальпа-врикши: окатил водой из священного сосуда горбы каменных бычков, несколько мурти Махешвары вокруг дерева и шивалингам непосредственно в мандире. Ом намах Шивайя! По пути, в ожидании расчистки очередного завала, мы вышли из машины на свежий воздух. Перед нами стояла легковушка, рядом с которой сидел на корточках человек европейской внешности. Я спонтанно ему кивнул:

– Откуда будете, на каком языке разговариваете? – спросил я его по-английски.

– Russian! – ответил мне человек, широко улыбаясь.

– О, так и мы русские! Откуда едете и куда?

Оказалось, что человек и двое его друзей следовали точно нашим маршрутом – из Бадринатха в Ришикеш. Они тоже перешли хребет в Пандукешваре и взяли такси. Из машины вышли еще два человека. Один – спортивного вида полукачок, другого я сначала принял за кришнаита. Но

оказалось, что на голове у него вовсе не индийская шикха, а украинский оселедец. Ребята были с Украины. Они рассказали, что специально поехали в Бадринатх на встречу с... Дхармараджем! Не по личному приглашению, а по собственной инициативе, наслушавшись где-то на просторах сансары волшебных рассказов про бадринатхского отшельника.

– Надо же, как интересно! Мы ведь тоже только оттуда, можно сказать – прямо от Дхармараджа. Ну и как вам мастер, как, вообще, Бадринатх?

– Вы, я смотрю, друзья? Ну, я не буду тогда сильно критику наводить, мягко говоря, – говорит мне тот, который сидел на корточках.

– Да ладно, брат, давай всю правду-матку. Интересно все-таки, как на нашего индийского друга реагируют свежие люди со стороны...

– А вы все – члены его команды?

– Мы готовим ему архитектурный проект, так что к команде, в вашем смысле, мало имеем отношения...

– Ну да, француженка там у него очень забойная тетка. Секретарша, видать?

– Типа того. Японки, случайно, не встретили?

– Японки не видели. Вообще этот тип – извини, если задел – мутный какой-то.

– Мутный? Ха-ха!

– Не, в самом деле. Мы пришли – он сидит у себя на террасе, играет с друзьями в кости. На нас – ноль внимания. Эта француженка говорит: «Подождите там, гуру освободится и примет вас...» Я хотел его проверить. Говорю ему: «Дай мне тебя потрогать, только разок прикоснуться!» А он – ни в какую. Говорит, «ты слишком сразу все хочешь узнать...»

– Да лох он полный, – вступает в разговор чубатый. – Он же всю почву вокруг полностью высосал! Теперь это просто мертвая земля. Идешь по ней – и тебе с каждым шагом все хуже и хуже...

– Он, я так думаю, просто местный папа, – подключается спортсмен. – Видели, какие там цены в лавках? Я специально обратил внимание. Эти лавочники потом сидели у него на террасе, чего-то чирикали на иврите. Наверняка он всех держит за горло, кассирует с бизнеса.

– Ух ты, даже на иврите?

– Ну, не иврит, а как он там? Санскрит! – вспомнил нужное слово тот, что с чубом.

– А как вам храм?

– Та чо там! На пороге сидит какой-то хмырь, деньги стрижет, – говорит сидевший на корточках. – Выражение лица – совершенно каменное. Ему все пофиг...

– Ну а что он должен делать? Перед каждым встречным-поперечным прогибаться?

– Зачем прогибаться? – реагирует чубатый. – Просто нужно с любовью, а не так. Нет здесь никакой любви!

- За любовь, батенька, вам нужно в русский монастырь, но никак не в индусский ашрам...
- Почему в русский? Я знаю тут много садху, просто светящихся любовью...
- Вот типично славянская ментальность, – замечает мне тихо на ухо Анастасия.

По ходу дела выясняется, что чубатый живет в Индии уже несколько лет. Сейчас они всей компанией едут в Манали. Там, оказывается, есть целая русскоязычная тусовка.

- Надо же! И мы в Манали! Буквально через два-три дня.
- Ну и отлично. Заезжайте к нам в гости. У нас там весело...

Я оставил ребятам свою визитку, но никакого сообщения с адресом и обратной связью они так и не прислали...

VIII. 5. Столица йоги: Ришикеш

В Ришикеше появился вай-фай, и я сразу же обнаружил у себя в фейсбуке сообщение от журналиста Александра Рогаткина – того самого, что часто выступает на центральных каналах. Некогда он ездил в Камбоджу, делать репортаж про опального олигарха Сергея Полонского, угодившего в местную тюрьму.

Я, как свидетель «дела Полонского», написал об обстоятельствах его ареста (и не только) целую книгу, которую до сих пор не опубликовал, но послал Александру копию для прояснения отдельных эпизодов этой запутанной истории. Прошло три года. Полонский за это время был выпущен из камбоджийской тюрьмы, затем снова туда посажен и, наконец, в начале 2016 года экстрадирован в Москву и посажен, на время ведущегося против него процесса о финансовых хищениях, в Бутырку.

И вот теперь Александр, накануне начала суда против Полонского, просит меня записать на видео чтение нескольких отрывков из моей книги, где я предугадал тюрьму в ситуации клиента. Причем предугадал не аналитически, а чисто интуитивно, опираясь на китайский оракул Книги перемен (И-цзин) еще накануне первой камбоджийской посадки олигарха.

Хорошо набрались. Полонский предложил Диме пошаманить. Тот достал большой бубен с колотушкой, ударил в колдовскую кожу тотемного животного, опустился перед возожженным в жертвенной жаровне пламенем на колени, рыча заклинания: "Урр-вурр-вурр..." Огненные языки взметнулись в черное небо, рассыпаясь искрами экваториальных галактик. Все замерли. В этот момент Мастер закричал:

— Лед на пламень! Где лед? Срочно принесите льда!

Через минуту ему подали вынутую из морозильника увесистую глыбу льда. Теперь требовалось загасить этим льдом огонь — в знак особого символического момента, в канун завершения очередного космического цикла. Мастер бросил ледяную глыбу на жаровню, и

пламя почти сразу, шипя, сошло. Теперь возникла угроза того, что лед не растопится до конца, чего, согласно законам жанра, никак нельзя было допустить.

Полоний просит принести бензинчику, чтобы оживить пламя. Через минуту перед ним возникает фигура его сына, с трехлитровой пластиковой бутылкой. Там внутри — бензин. Сын открывает пробку и пытается плеснуть содержимым на огонь: раз, два... На третий раз плеснул посильнее, огонь побежал вверх по струе, и вот уже парень стоит, держа в руках интенсивно воспламеняющуюся бензиновую бомбу. Еще секунда — и он бросает эту бомбу с террасы, через перила, вниз. Оттуда раздается ярчайшая вспышка.

— Вот это шоу!

Я спонтанно гляжу на часы. Время: двадцать двадцать. Т.е. полная дата момента выглядит как 20.12.20.12.2012. В двоичной кодировке И-Цзина это получается: 001.000.100.010. Это дает две гексаграммы: Цянь (смирение) и Ши хо (стиснутые зубы). Текст китайского оракула по этому поводу гласит:

«Благородному человеку — обладать законченностью» и «благоприятствует тому, чтобы применять тюрьмы.»³³¹

Пользуясь случаем, я записал материал в нескольких местах — у себя в гостинице и в шиваитском храме на высоком берегу Ганги. Так что, можно сказать, выступил в ипостаси путешествующего мистического писателя, передающего непосредственно из пещер и дебрей Индостана.

xxx

Аня с мальчиками решила не дожидаться своего рейса в Ришикеше, а поехать в Дели и Агру на пару дней. Нам же с Анастасией предстояло посетить Центр крия-йоги в Лакшман-джуле. Это здание, с огромным куполом, видно издалека. Я обратил на него внимание еще в пору своего первого посещения мировой столицы йоги, но заходить не стал. Ведь в Ришикеше — десятки, если не сотни разных ашрамов, и везде никак не поспеть. Да и не ходит гуру, — как сказал Шив Нараян, — по ученикам других гуру...

Но на этот раз нас попросил туда зайти Дхармарадж, который собирался расширить свою сеть влияния и хотел строить рядом с этим центром собственный ашрам крия-йоги. Я позвонил по телефону, который он оставил. Договорились о встрече. У входа на территорию ашрама нас с Анастасией встретил невысокий бородатый человек, в серой хламиде и такой же серой чалме. Мы поднялись по широкой лестнице, украшенной раскрашенными львами, ко входу в монументальный холл. Там он представил нас другому человеку, молодому парню в гражданской одежде, которого звали Викаш, и сказал, что он нам все покажет и расскажет.

Свой обзор мы начали с общей экскурсии по трехэтажному круглому зданию ашрама. Тут центром всего был огромный круглый зал для медитаций,

³³¹ Фрагмент из книги автора «Апокалипсис сегодня. Мистическая документалистика. Камбоджа. 0.0.0.0.0.0.0.»

сплошь устланный матами, матрацами и одеялами. По всему пространству рассажено человек шесть-восемь. Кто-то с краю, кто-то ближе к центру. Тишина гробовая. Викаш прикрыл входную дверь и зал снова погрузился в глухую темноту.

– Здесь нельзя включать свет, люди медитируют, – сообщил он нам приглушенным голосом.

Пошли дальше. Вдоль внутренней стены кругового коридора стоят мраморные статуи различных божеств и махайогов. Конечно, на почетном месте – везде Бабаджи. Как в Бадринатхе у Дхармараджа. На третьем этаже, под самым куполом – большой круглый помост. Это место для главного гуру, отсюда он вещает граду и миру. Вышли на солнечную террасу. С нее Викаш показывает нам на прилегающий участок, где Дхармарадж хочет построить свой ашрам. Это должно быть довольно длинное здание, желательно – буквой «Г». Ну или что-то в этом роде.

В процессе разговора выясняется, что весь ашрам крия-йоги физически принадлежит тому самому серому человеку в чалме, а главный гуру в самой крия-йоги – седобородый старец Свами Шанкарананда Гири, портрет которого можно видеть в холле на входе. Но если Дхармарадж утверждает, что он лично, напрямую общается с Бабаджи, то зачем ему такой Шанкарананда Гири? Совершенно верно. В системе крия-йоги последнего Дхармарадж не занимает никакой иерархической должности. Тут, видимо, что-то другое...

Мы говорим, в основном, о технических вещах, фотографируем участок. Каких-то ответов на вопросы юридического характера Викаш дать не может. Проектом занимается напрямую его старший брат, который сейчас находится на пути к Ришикешу. Через пару часов будет здесь. Через пару часов? Викаш предлагает нам занять одну из пустующих комнат ашрама. Внутри работает кондиционер, две чистые кровати, стол, тумбочки. Это стандартный двухместный номер для гостей ашрама. Судя по редкой публике, в стенах заведения, это в основном западные энтузиасты. Под портретом гуру в холле висит надпись:

«Не разговаривайте громко внутри или за пределами вашей комнаты, а также в любом ином месте в пределах ашрама. Это ашрам для медитаций, которые требуют тишины».

Затемненность, приглушенность, прохлада... Да, тут нашли свой стиль. Круглый коридор вокруг главного медитационного холла постепенно заполняется народом. Видимо, скоро общая сессия. Все молчат. Двигаются как тени, как призраки... Такое ощущение, что реально попал в тоталитарную секту. Не чувствуется здесь любви... Мы не стали дожидаться старшего брата и раскланялись. Останемся на связи. Ну все. Теперь осталось закупиться тканями – и в Чандigarх!

VIII. 6. Мекка архитектуры: Чандигарх

Существует легенда, что Чандигарх – самый чистый город Индии. Так, возможно, они и есть. Чандигарх построен необычным образом, по плану, разработанному знаменитым швейцарским архитектором Ле Корбюзье. Суть здесь в том, что адреса задаются не по названиям улиц, а по номерам секторов. Примем, ложики в такой нумерации нет никакой, секторы с близкими порядковыми номерами могут оказаться далеко друг от друга.

Каждый сектор – это изолированный от окружающей среды микромир. Идеальная коммуна. Секторы отделены друг от друга деревьями, зелеными насаждениями и улицами. Вдоль всех улиц с обеих сторон идет только зеленая зона. Едешь как по лесу. Авангардистская концепция «город-сад», близкая поколению советских людей. Жилые секторы скрываются за этими насаждениями. Лишь изредка попадаются какие-то подобия территорий общего пользования: парк с верблюдами, озеро с культурной набережной, Сад камней...

В одном из таких секторов жили наши знакомые. Семья Рама Теджа. Это один из учеников Свами Джи Шив Нараяна, приехавший год назад к нам в Ришикеш с пачкой денег. Мы, пользуясь случаем, одолжили у него и в этот раз. Не много, тысяч тридцать. На всякий пожарный. А то банкоматы опять перестали выдавать. Сам Шив Нараян застрял в Утхинде, в ашраме у Джакрита. Сель снес сорок километров дороги, территория оказалась полностью отрезанной от внешней жизни. Разве что телефон работает. Семья Рама Теджа жила в квартире для государственных служащих – типичном объекте секторального жилья. Ну, я вам скажу, кто знает хрущовские хрущобы для академиков – тот ничего не знает. Получается, индийские академики покруче наших будут!

Индийцы – вообще народ стойкий, выносливый. Одно то, как они работают в дорожном строительстве одними кувалдами и лопатами (включая женщин с детьми за спиной!), заставляет снимать шляпу. Тут что ни садху – то герой. Люди живут в минимальных материальных условиях, но при этом с аномальным энтузиазмом пестуют свою дхарму, интересуются некими трансцендентальными достижениями, не измеряемыми в условиях рационального дискурса. Если Россию не понять умом, то Индию – подавно... В тот же день, после обеда у Рама Теджа, мы отправляемся дальше, в сторону Манали.

VIII. 7. Долина Биаса: Куллу-Наггар-Манали

Доехать удалось только до Манди. Это примерно две-третьи пути от Чандигарха до Манали. Переночевали в придорожном отеле с шикарным видом на горы и поехали дальше. Вскоре после Манди, за впечатляющим висячим мостом через Биас, вы проедете несколько километров сквозь

туннель в породе, и на том конце попадаете прямо в цветущую долину Куллу, представляющую собой сплошной фруктово-яблочный сад на сто километров. Чуть дальше, за тоннелем, лежит аэропорт Куллу-Манали «Бхантар». Сюда можно прилететь прямо из Дели, минуя продолжительные переезды. Тут, на берегу Биаса, находится знаменитый священный горячий источник Мандикаран.

На полпути от Куллу до Манали лежит городок Наггар. Здесь когда-то жил знаменитый русский художник Николай Рерих, с супругой и детьми. Дом Рериха, а также корпус Института гималайских исследований «Урусвати», сегодня действуют как музей, поддерживаемый через совместный российско-индийский комитет. Двухэтажный дом художника, вместе с прилегающими строениями и территориями, выглядит как настоящее поместье. Вид отсюда на долину – совершенно фантастический. Но особенно он фантастичен с просторной террасы, идущей вокруг всего второго этажа рериховского дома. Тут, конечно, философские разговоры обретают особое измерение...

Интерьеры комнат – вполне в духе петербургского салона Серебряного века. С определенным ориентальным профилем, конечно. И мебель, и ткани, и посуда – все совершенно. Сразу чувствуется рука художника. Танки, будды, божества – интегральная часть интерьера. Перед домом – выставка каменной скульптуры, собранной в долине Куллу. Каменные всадники и каменные воины молча смотрят из глубины веков. На первом этаже дома – столовая и художественная галерея. Здесь же, в застекленном гараже, можно видеть автомобиль художника марки «додж» (1930), подаренный британским губернатором штата.

Институт «Урусвати» находится выше по склону. Перед подъемом можно видеть экспозицию из десятков каменных плит, украшенных антропоморфными и иными религиозными символами. Все это – местные материалы. Чуть дальше стоит языческая кумирня гималайского образца, с деревянной крышей. Вверх, к институту, ведет ухоженная аллея со скамейками. А вот и сам институт: белый двухэтажный корпус с красными балками. Тут выставлены картины Рериха, семейные фотографии, артефакты русского народного творчества: рушники, ткани, прялки, матрешки и самовары. Еще была коллекция птичьих чучел, десятка два, и большая коллекция местных минералов: специальный чемоданчик, где все классифицировано и разложено по полочкам.

И еще есть рядом второй, одноэтажный корпус. Там тоже выставка, но уже о самом проекте «Урусвати». Тут мы видим фотографии Эйнштейна, Рабиндраната Тагора, Герберта Уэллса, Неру и других известных людей, поддержавших Пакт Рериха о защите культурных ценностей во время военных действий. Там же – фотографии сегодняшних активистов

рериховского движения, группирующихся вокруг белого стяга с красным кругом и тремя красными точками внутри – знаком единства Троицы, адвайты Тримурти.

Тут, в Наггаре, говорят, живут бывшие соотечественники, в том числе – из Израиля. Вокруг музея группируются не только администраторы, но и активисты нефолрмального движения Живой этики – Агни-йога с легкой руки Елены Шапошниковой. Она с мужем вступила в Лондоне в Теософское общество, чтобы быть ближе к махатмам Белого братства в редакции Елены Блаватской. В Лондоне же, как и Елена Петровна, Елена Ивановна, встретила в своей жизни первого настоящего махатму. Так что, да, уважаемые дамы и господа, все настоящие махатмы – только из Лондона!

Наггар – место богемное. Это сразу видно. В магазинах есть артизанская продукция, попадаются европейские рестораны, на улице встречаются западные лица. Вид на долину Куллу из Наггара очень крутой. Все склоны покрыты хвойными породами, воздух здесь очень целебный. Просто настоящий горный курорт. Есть, к тому же, термальные источники. И не только в Мандикаране, но и дальше, в Манали.

От Наггара до Манали – полтора часа езды. Мы минуем Манали и едем дальше, в его северный пригород, Васиштх. Именно здесь находится знаменитый храм Рамы с древним священным термальным источником внутри. Остановились в гостинице прямо напротив, взяли здесь отличный номер. Все функционирует – от душа до вай-фая. Телевизор тоже. Ну и свет, естественно. А вот вентилятора и кондиционера больше не нужно. Да их тут и нет. Зато огромные окна, огромная терраса, шикарный вид на Гималаи, включая дальние заснеженные пики, видимые в ясную погоду.

Васиштх – это, по сути, одна длинная туристическая улица, вдоль которой стоят гостиницы, турагентства, рестораны, кафе, торговые лавки, пункты проката мотоциклов и спортоборудования. Все в целом очень напоминает ришикешскую Лакшман-джулу, но серьезно поменьше масштабами. Да и публика тут более дикая, что ли. Более заточенная на романтику экстрима.

Вот, например, «Раста-кафе». Над входом висит портрет Боба Марли, внутри ингает реггей, все декорации – соответствующие. Тут местного индуса вообще не встретишь. Официанты – испанцы, повара – тибетцы. Публика – сборная солянка. Тут себя ощущаешь, скорее, как в лондонском Кэмдене, чем в гималайском Васиштхе. Ну и атмосфера – соответствующая. Даже официанты так накурены, что путают заказы, платежи, вообще все на свете. Просто тупо забывают про клиентов. И ведь им – все пофиг. Прямо садху настоящие...

В магазине с барабанами и прочей перкуссией лавочник просто развалился на полу. Правда, на коврике. Его зовут Ахмед. На да, Кашмир близко. У

Ахмеда дым идет аж из глаз. Он все пытается впарить мне какой-то африканский барабан, причем цены скачут еще круче, чем в раста-кафе.

– Брат, купи барабан! Ты знаешь, как это прикольно? Я тебя научу его правильно настраивать, потом будет не оторвать!

Он демонстрирует мне игру на разных типах барабанов: щелкает, булькает, выдает дробы и усложненные синкопы. Ахмеда прет, просто мама не горюй. А тут уже из соседней лавки ситар несут...

– О, нет! Только не это!

По улице идет босоногий садху, в тоге, с бородой и растафарианскими дредами. Рядом с ним – молодая деваха, тоже босиком, тоже в тоге. Блондинка. Видно, что не туристы. Даже если приезжие – то все равно старожилы. Вообще, в Индии живет много европейцев, в целом – западников. Тех украинцев из Бадринатха я так и не встретил. Зато видел объявление про кафе «Бабушка» и «украинский борщ».

Святылище с термальным бассейном стоит в верхнем конце улицы. Это и есть главная точка притяжения всей публики. Храм Рамы создан в типичном стиле гималайской архитектуры, сочетая камень и дерево. Сам идол божества представляет собой черную фигуру с человеческий рост, только значительно более массивную, с яйцеобразной головой и большими ушами. Огромные, белые миндалевидные глаза сидят близко к переносице. Видно, что мурти очень древний. Камень силы.

Рядом с храмом вход в купальню. Мужскую. Для женщин – отдельный вход, отдельная купель. Каменный бассейн, метров пять на пять, наполнен по пояс горячей водой, льющейся из стены с изображением Рамы. Чтобы погрузиться по шею нужно присесть на корточки. Вода очень горячая, но терпеть можно. Главное – медленно входить. Это бассейн под открытым небом. Париться здесь, когда на небе звезды с Луной – неземное блаженство.

Однажды, рано утром, я пришел в купальню и встретил там двух человек. Один был явно из местных садху, другой – западный йог. Я вошел в воду, посидел там минут пять, затем присел спиной к теплой стене. Сделал пранаяму, расслабился. Через полчаса – опять в купель на пять минут. Потом – снова у стены. По ходу дела начал замечать схожий алгоритм действий у садху и йога. Каждый из них, совершенно автономно, заходил в воду на пять минут (дольше сложно просидеть), потом присаживался у бассейна, спиной к стене, на полчаса. И так – раз за разом. Вероятно, мы все одновременно следовали какому-то оптимальному режиму процедур. И все – я в этом уверен – заметили взаимный резонанс. Это было,

действительно, здорово. Прямо такая спонтанная группа действия. Могли бы, как три мастера, давать совместные посвящения...

В другой раз встретил здесь двух русских. И опять – кришнаиты! Вернее, один был матерым кришнаитом, а другой – колеблющимся неофитом. Они оба сидели на краю бассейна:

– Ты же знаешь меня? Я – человек не суеверный, трезвый, очень критический. Но, я тебе скажу, когда начал повторять мантру – это объективно сработало. Я лично, на своей шкуре все испытал. Тут не вопрос верю-не верю. Тут вопрос прямого знания. Если ты знаешь – тебе не нужно во что-то еще верить. Ты просто все проверяешь на практике, как я. Пользуйся моментом, пока ты здесь...

Энтузиаст рассказывал, что в эпоху Кали-юги никакие другие методы, кроме мантры, не работают. Не надо ни медитировать, ни совершать жертвоприношений или каких-либо еще ритуалов. Нужно просто повторять мантру – и все. Чем больше – тем лучше. Колеблющийся пытался робко соглашаться, но энтузиасту этого было мало. Он, что называется, нашел уши и грузил, грузил, грузил... Ну да, я все это слышае еще сорок лет назад. Видимо, еще через сорок будет то же самое. Всегда найдутся те, кому мантра нужна больше медитации. И те, кто будет утверждать, что повторение мантры – это и есть самая правильная медитация.

Как-то раз мне попался материал про одного знаменитого тибетского йогина, который сорок лет подряд, чуть ли не по восемнадцать часов в сутки, повторял мантру Ямантаки, и теперь он считается реальным воплощением этого божества, ибо повторять чье-то имя – значит отождествляться с чьей-то сущностью. Вспомним исихастскую молитву Иисусову... Другой вопрос – насколько метод отождествления с идамом через мантру действительно эффективен. Очевидно, что подобная механическая эффективность явно рассчитана на людей с не очень развитым мозгом. Да, такое повторение кристаллизует некоторые аспекты характера адепта, но вряд ли оно сообщит ему качества подлинного небожителя, уже не говоря о сверхнебесных тиртханкарах.

Вместе с тем, пуджи (службы) и яджни (жертвоприношения) тоже сомнительны с точки зрения обретения эмансипативного всезнания. Ведь обретение истинного всезнания предполагает, что после этого у человека больше не останется по жизни каких-либо вопросов, вообще – стремления что-либо еще узнать. Иначе это – не всезнание. Или же древнюю концепцию всезнания (праджня) в Кали-юге просто неправильно толкуют? Разумеется, тут речь не идет о банальном «энциклопедическом» многознайстве, тем более – о всезнании как сумме возможных единичных познавательных актов.

Иначе говоря, йогическое всезнание – это не познание мира во всех его деталях, а, скорее, познание того, что всякая рационализирующая детализация уводит от познания интуитивной фигуры формально пустого сущего, открытого сознанию непосредственно в состоянии глубокого сна. При этом овладение йогическим всезнанием дает возможность увеличить КПД обычного, формализованного познания за счет усиления провидческой проницательности ума.

Состояние всезнания можно, в некотором смысле, сравнить с состоянием глубокого сна. Известно, что чем человек крепче выспится, тем лучше у него соображает голова на следующий день. И наоборот: не выспавшись, совершенно невозможно шевелить мозгами. То есть главный эффект глубокого сна – ясность сознания при пробуждении. Более того, если мы попытаемся как-то зафиксировать опыт глубокого сна, пронаблюдать его, то сама эта попытка будет препятствием для погружения в искомое состояние как таковое. Чтобы заснуть – нужно забыть про сон. Так и со всезнанием. Его эффект – ясность в познании конкретных вещей. Но эта ясность – не результат аналитической работы разума, а именно что «выспавшиеся мозги», освободившиеся от подспудного стресса внутреннего диалога.

Состояние всезнания невозможно «познать», его нельзя как-то непосредственно зафиксировать. В него можно лишь погрузиться – как в глубокий транс, самадхи. А то, что называется «просветлением» – лишь побочный эффект этого трансa, проявляющийся после выхода экзистенциального субъекта на поверхность мироощущения. Гуру говорил: «В самадхи вы ничего не ощущаете. Но возвращаясь оттуда в бодрствование, вы понимаете, чисто интуитивно, что достигли поставленной цели». Вы не помните, как спали, но понимаете, что выспались.

VIII. 8. Долина Ченаб - Спити: Каза - Табо

После Манали нашей следующей целью была высокогорная долина Спити, географически относящаяся к Западному Тибету. Дорога туда шла через перевал Ротханг, отмеченный огромным чортэнем и рядом закусовых. Тут и позавтракали. Оттуда путь продолжается на восток, вдоль русла реки Ченаб. Это территория высокогорных пастбищ, кристальных водопадов и заснеженных пиков, обрамляющих всю эту неземную красоту. Время от времени навстречу попадают огромные стада баранов и коз.

Через час переехали Ченаб по железному мосту, после чего зелень совсем исчезла, зато появились водопады из кипятка. Вероятно, это термальные воды выходят на вертикальную поверхность скальных пород, низвергаясь вниз в густых клубах пара.

Потом дорога снова идет резко и долго вверх, пока, наконец, мы не попадаем на очень высокое плато (4600 метров), отмеченное обнесенными бесчисленными цветными флажками ритуальной площадкой с тремя большими ступами. Это перевал Кузум. Здесь заканчивается долина Ченаба и начинается долина Спити, идущая вдоль одноименной реки. Через некоторое время, на спуске, вновь появляется травка, затем – кустарник и, наконец, я, впервые в жизни, увидел стадо яков в естественных условиях, а чуть дальше – украшенную колесом дхармы и фигурами безрогих оленей каменную арку в форме буквы «П» с надписью «Most welcome to Spiti valley», сразу за которой начиналась тибетская деревня.

Долина Спити довольно широкая, но совершенно «лунная». Зелень, с редкими деревнями, можно иногда видеть только у самой реки, а большая часть горизонтальных плоскостей покрыта низкой желтой травой. Сами горы вокруг – уже не острые пики, а могучие окаменевшие волны буро-фиолетовой окраски. Время от времени на их склонах встречаются гигантские тибетские надписи – священные мантры. Через несколько часов езды я вижу очередную такую надпись, а внизу идет латинскими буквами: «NAVODAYA». А под ней – невероятных размеров лицо Будды, вычерченное чем-то белым.

– Это Каза, – говорит Вишну.

И действительно, за очередным поворотом я вижу вдали зеленый оазис среди желто-бурых насыпей породы вдоль петляющей, серо-серебристой, ленты реки.

Каза выглядит как провинциальный узбекский городок. Вокруг – безжизненные насыпи гор, внутри есть вода и какая-никакая растительность. Нашли гостиницу прямо на трассе, рядом с большим дацаном красношапочной школы Сакья. У хозяина гостиницы, индуса, оказалась русская жена из Москвы. Остановимся здесь до завтра, и с утра – едем дальше. Но сначала нужно сделать соответствующие пермиты (разрешения). Ведь мы находимся в непосредственной близости от индийско-китайской границы, которая, к тому же, местами до сих пор не имеет точного маркирования. Хозяин гостиницы подсказал, где и как эти пермиты можно получить.

Нужно сказать, нам сильно повезло. Мы приехали в Казу около четырех часов пополудни, а выдающее разрешения учреждение работает только до пяти. И только сегодня, поскольку завтра, по случаю какого-то праздника, будет закрыто. Но послезавтра – суббота, тоже выходной. Как и воскресенье. Ждать до понедельника – значит потерять три дня, при том что до отлета в Лондон у нас остается всего неделя.

Итак, первым делом мы едем на базар, сделать нужные фотографии. Оттуда надо заехать в другое место, за специальными бланками. И уже потом – в городскую управу. Появляемся там около половины пятого. Но нужного чиновника нет, и дверь его кабинета – закрыта. О, накануне выходных – знакомая ситуация! И что теперь? Бегаем, в тщетной надежде, по всему двухэтажному административному корпусу. Хорошо еще, что Вишну может оперативно объяснить местным, что нам тут, собственно говоря, нужно. В одном из кабинетов какой-то чиновник сообщает, что нужный нам человек ушел на базар. Ну да, по магазинам. А как же иначе? Знакомая ситуация... Но чиновник, проявляя чудеса профессиональной сознательности, берется позвонить коллеге, и – о, чудо! – объявляет, что тот скоро здесь появится и выдаст нам нужные документы! В самом деле, минут через пятнадцать появляется искомое лицо. Оно приглашает нас всех к себе в кабинет.

Да-а-а, такого я, пожалуй, никогда и не видел! Всем известен образ рудиментарного бюрократа, погрязшего в бумагах и прочей канцелярщине. Но такого «дизайна» я не встречал даже в СССР. Весь рабочий стол человека просто засыпан бумагами. Более того, заставлен стаканами с остатками чая, полными пепельницами и еще всяким мусором. Бумаги лежат и на полу, под столом и под стульями. На стене висят какие-то календари и плакаты с индийскими божествами. Портрет далай-ламы тоже присутствует. Зато от компьютера нет и следа. Вместо него – древняя, времен колониальной администрации, печатная машинка. Тем не менее, чиновник весьма добродушен. Заполнение бумаг – особая история. Это берет еще полчаса. Потом наш благодетель очень долго ищет нужную печать: на столе, в столе, под столом. Слава богу, находит. Ну, вот и все. Мы платим полторы сотни рупий и, наконец, получаем наши пропуска в Шамбалу! Ом мани падмэ хум!

Я снова пошел на базар, купить кое-какой еды. Каза – грязный азиатский городок. Его центр – несколько сплошь усеянных торгово-сервисными точками кварталов. Выбор бедный, доставка товаров сюда затруднена из-за удаленности и непроходимости горной дороги для больших траков. В толпе встречаются западные лица. Вот идет блондинка с ребенком явно тибетского происхождения. Сама тоже одета как местная. Где-то здесь периодически бродит и московская жена хозяина нашей гостиницы. Но большинство, конечно, туристы – трекеры, альпинисты, буддисты. В центре базара стоит большой молитвенный барабан, а рядом камень с разноцветной надписью: «Om mani padme hum».

Как только стемнело, я вышел на балкон. На небе три ярких планеты формировали четкий равносторонний треугольник. Юпитер, Сатурн, Марс. Слева, из-за туч, вышла полная Луна в окружении радужного гало. Весь космос преобразовался. Перед медитацией сфотографировал полную Луну.

Потом применил технику "лунного зеркала" и "обращенной алая-виджняны". Это значит, что в сознании вызывается образ Луны, в котором алая-виджняна (первооснова ума) отражается в обратной ("анти-кармической") перспективе. В какой-то момент я почувствовал некий "космический переворот" – то есть сама субстанция существования словно поменяла полюса. Возникло реальное, физическое ощущение присутствия в анти-мире. От удивления открыл глаза и обнаружил вместо полной Луны – черную дыру. Даже заснял как артефакт. Потом, чтобы вернуться в реальность, снова закрыл глаза, посидел немного, открыл: Луна на месте...

В Казе есть несколько буддийских монастырей. Один из них, самый большой, принадлежащий красношапочной школы Сакья, расположен через дорогу от нашей гостиницы. Я зашел в центральный дуган с утра, перед отъездом. Очень большое пространство, два десятка монахов в бордовых тогах читают мантры, бьют в барабаны и литавры, дудят в свирели из человеческих костей и медные трубы. Вдоль стен – десяток западных гостей. Я тоже присаживаюсь у стены. Хурал продолжается... Едва выйдя из храма после окончания пуджи, встречаю Вишну. Он только что пришел. Как раз вовремя, минута-в-минуту. Через пять минут мы выезжаем в Табо.

От Казы до Табо два часа езды. Это очень старый монастырь, ему почти тысяча лет. Он основан в 996 году Еше Одом, царем государства Гугэ, внуком последнего тибетского императора Ландармы – яркого сторонника древнего бона, объявившего буддистам войну. После его смерти Табо становится одним из оплотов буддийской реконкисты, откуда стало распространяться влияние Школы новых переводов. Сегодня этот монастырь знаменит, прежде всего, своими средневековыми росписями, сохранившимися во внутренних интерьерах нескольких древних храмов.

На подъезде к территории монастыря – квадратная зеленая арка с неизменным колесом дхармы и оленями на крыше. На перекладине – очень длинное тибетское приветствие. Справа и слева на столбах – изображения восьми буддийских драгоценностей. А вот и сам монастырь. Первое, что бросается в глаза – огромная расписная ступа на фоне горного хребта с низкими облаками. На темно-серой скале, по ту сторону Спити, красуется белая надпись тибетским шрифтом: «Ом мани падмэ хум». Эта мантра – основа основ буддизма Ваджраяны. Ее шесть букв представляют собой образную модель человеческого сознания, данную в динамике последовательной визуализации композитных элементов (в данном случае бодхисаттвы и пяти дхьяни-будд как субститутов недвойственной интуиции и пяти чувств). В процессе повторения или визуализации мантры омрачающие чувственные ощущения (клеши) замещаются просветляющими ментальными интуициями (дхьяни-буддами).

Визуализация – особое средство репрезентации в восточных религиях. Она играет роль своеобразного демонстрационного ролика, представляя явление во всей динамике его развития, преобразования. Одновременно визуализация – мощное средство суггестии и автосуггестии, в том числе – коллективной. Визуализация – это не только осмысление структурных процессов в голове. Если вы, двигая рукой, представляете себе некоторое энергетическое действие (например, что из пальцев исходит ток) – это тоже визуализация. Все священнодействия во всех религиях (включая авраамические) сопровождаются молитвами, мантрами и умственными представлениями. Такое единство мысли, речи и действия делает церемониальную магию эффективной.

Монастырь Табо построен из желтого песчаника. В чем-то его образ напоминает развалины Хараппской цитадели в миниатюре. Тут всего девять храмов, из них четыре древних: храм Просветленных богов, Золотой храм, храм Инициации, храм Бодхисаттвы Майтреи, храм Дромтона, Палата живописных сокровищ, Большой храм Дромтона, храм Махакалы Ваджры Бхайравы, Белый храм. Монастырь заслужил название «гималайской Аджанты». Древний храм – это пространство где-то пять на пять метров, внутри пустое, потолки очень высокие, все стены сплошь покрыты росписями. В Золотом храме в центре зала стоял большой деревянный, устланный подушками трон первоиерарха. Перед выходом его нужно ритуально обойти. В 1996 году далай лама XIV восседал на этом троне во время проводившейся в Табо инициации Калачакры. Фрески, надо сказать, неплохие. Конечно, в храмах темновато, освещение – только естественное: открытая дверь. Это вам не Лувр. Но искусство – вполне достойное. Огромные разноцветные фигуры будд, бодхисаттв, дхармапал, архатов, локапал, претов и прочих потусторонних существ теснятся со всех сторон. У всех небожителей – полусонное выражение лиц. Буддийские идеалы далеки от пафосной сансары, буддийские авторитеты взирают на нее с ленью...

Монастырь Табо сыграл существенную роль в период буддийской реконкисты после гонений на эту религию Ландармы³³², повлекших за собой гражданскую войну и распад Тибетской империи. Монастырь был построен в 996 году, по распоряжению буддийского царя Ланчена Еше-О (Lhachen Yeshe-Ö) из государства Гугэ, наследовавшего территории древнего царства Шангшунг, существовавшего до VII века. Царь пригласил сюда

³³² **Ландарма** или Лангдарма (тиб. ལྷང་དར་མ་ (Glang dar-ma — дословно «бык Дарма»), кит. 朗達瑪) — общепринятое уничижительное прозвище Дармы, последнего царя Тибетской империи (Ярлунгской династии), правившего примерно 838—842. Ландарма пришёл к власти в результате дворцового переворота и убийства своего брата Ралпачана в 838 при поддержке про-бонски настроенной аристократии. Он восстановил на короткое время древнюю иерархическую триаду: царь — придворный первосвященник — служитель религии бон.

индийских переводчиков санскритских текстов, которые заложила начала Школы новых переводов, которой сегодня следуют три из четырех тибетских буддийских сампрадаи: Кагью, Сакья и Гелуг. Ньингма придерживается традиций Школы старых переводов. Отсюда же стало распространяться в Тибете учение Калачакры, принесенное в 1027 году мудрецом Атишей из Шамбалы.

С учетом того, что оригинальные тексты Калачакра-тантры написаны на санскрите, можно представить себе, что местом их подлинного происхождения является буддийская Уддияна. Мандала Калачакры рисуется в окружении двенадцати знаков Зодиака, что говорит о ее западном, ирано-халдейском происхождении. Иранская астрономия Зодиака доминировала на всей территории Большого Хорасана, включая Бактрию, Согдиану и Уддияну. Но в самой Индии в ходу была астрономия Накшатр (накшатры – 27 созвездий лунной эклиптики).

По всей видимости, учение Калачакры было разработано в буддийской среде Бактрии-Уддияны, под влиянием иранского зурванизма (включая манихейство). Источником учения здесь объявляется Калки, он же – последний аватар Вишну, который еще не пришел. То есть Калачакра – это знание Будущего века. Отсюда же ее ориентация на будду будущего Майтрею. Калки мистически передает Калачакратантру индийскому пандиту Махакалачакрападе (Маньчжуваджре), а тот – своему ученику Калачакрападе Младшему (Шрибхадре), который, в свою очередь, знакомит с учением 500 пандитов из Наланды. А его ученики, Бодхибхадра и Соманатха, несут Калачакру в Тибет.

Калачакра – также тантрический идам, воплощающий собой вечное движение времени. Обычно изображается в союзе со своей шакти, божеством женского пола Вишваматой. Другой широко распространенный иконический образ Великого «времени над временем» – Махакала, который является одновременно как индусским божеством (форма Шивы-Бхайравы), так и буддийским идамом-дхармапалой (защитником веры). Иногда он эквивалентен Ямарадже-Дхармарадже (бычьеголовому владыке смерти и держателю дхармы).

VIII. 9. Бон – религия свастики

Религия бон³³³ практиковалась тибетцами еще в добуддийскую эпоху, попав в Страну Снегов, предположительно, через Шангшунгское царство на территории Западного Тибета, в период персидского господства в Северо-Западной Индии при ранних Ахеменидах. Это было время жизни Пифагора, Гаутамы Будды, Джинны Махавиры и, возможно, Заратустры. Тибетский бон

³³³ **Бон** (тиб. böṅ – «магическое заклинание») или **бон-по** (тиб. «бонская религия»). Вторым термином обычно называют бонских жрецов.

– синкретический культ с элементами центрально-азиатского шаманизма, восточноиранского маздеизма-зурванизма и северо-индийского (Уддияна-Шамбала) буддизма Ваджраяны. В целом, принято различать три исторические разновидности бона:

1. Старый бон – древний тибетский шаманизм, родственный культурам Центральной и Северной Евразии.
2. Новый бон – реформированный бон, впитавший в себя элементы буддизма.
3. Свастичный (или Вечный) бон (Юндрунг-бон) – считается, что этот бон был принесен в Тибет Шенрабом и его непосредственными учениками.

Легендарный основатель бонской религии, маг и волшебник Тонпа Шенраб Миво³³⁴ (тиб. «совершенный маг») пришел на территорию Тибета с Запада, из легендарной страны Олмо Лунгринг (или Олмолинг, тиб. «длинная долина»), отождествляемой с областью Таджиг (Tagzig, Таджикистан-Бактрия) – т. е. из зоны персидского культурного влияния.

Первые исторические упоминания о Шенрабе начинаются где-то с первых веков нашей эры, а об Олмо Лунгринг – не ранее, чем с XI века. Эта страна традиционно отождествляется тибетцами с легендарной Шамбалой, которую со времен Падмасамбхавы стали считать одним из мистических беюлов³³⁵ в районе горы Кайлас и священного озера Маносаровар. Территории верховьев реки Сатледж, берущей начало в ледниках Кайласа, некогда составляли ядро западно-тибетского государства Шангшунг, где согласно бонской традиции, в 1196 году до н. э. мастер Шутрул Еши из страны Таджиг утвердил основы бонской религии и институт монашеской практики.

Во втором веке до н. э. тибетский царь Мутри Ценпо³³⁶ начал приглашать в Тибет шангшунгских учителей, распространивших бон по всей подвластной ему территории. Во втором веке бон был объявлен государственной религией, с царем-первоиерархом во главе. Вероятно, именно в эпоху бонского Шангшунга центром Южноазиатской ойкумены (Джамбудвипы) была объявлена гора Кайлас, отождествленная с Меру-Памиром. Эта картографическая коррекция, возможно, была сделана в связи с уточнением карт маршрутов Великого Шелкового пути, пролежавших, в том числе, через

³³⁴ **Тонпа Шенраб** (тиб.: ston pa gshen rab "Учитель Шенраб") или Шенраб Миво (тиб.: gshen rab mi bo), также именуется Будда Шенраб, Гуру Шенраб и другими титулами — основатель тибетской традиции бон.

³³⁵ **Беюл** (тиб. (Tibetan: བླ་ཡུལ་, sbas-yul) – скрытые от людских глаз долины с мистическими артефактами и ограниченным доступом туда для особо продвинутых магов и йогов, упоминаемые, в частности, Падмасамбхавой. Считается, что могут достигать по площади сотен квадратных километров.

³³⁶ **Мутри Ценпо** (тиб. Mu-khri bTsan-po) – сын Ньятри Ценпо, первого легендарного царя Тибета и основателя Ярлунгской династии (ок. 127 г. до н. э.)

долину Сатледжа как главной артерии Шангшунгской высокогорной цивилизации.

На шангшунгском языке были написаны первые бонские книги, и лишь позже – переведены на тибетский. Влияние санскрита на бон, в отличие от тибетского буддизма, минимально. Велико, в свою очередь, влияние на северный буддизм тибетского бона. Пантеон, эстетика образов, характер монастырской службы и особенности ритуала – все это, скорее заимствовано буддистами у бонцев, чем наоборот.

В VII веке Шангшунг попал под власть центрально-тибетской династии Ярлунг, благоволившей буддизму. Из Уддияны, через Шангшунг, прибыл в Страну Снегов учитель и маг Падмасамбхава (VIII век), легализовавший бонскую символику и литургику в рамках служебного канона тибетской Махаяны. В IX веке в Шангшунге окончательно побеждает махаянский буддизм, откуда его победоносное шествие распространяется на остальной Тибет в форме тантрической Ваджраяны (Махамудра³³⁷, Калачакра³³⁸, дзогчен³³⁹).

В XI веке в Тибете появилась религия под названием «Вечный бон, магическое слово истины», у истоков которой стоял реформатор по имени Шенчен Луга. Это тот самый синкретический бон, который известен сегодня. Его посвятительные линии находятся в руках пяти кланов потомков Шенчена и его учеников: Шен, Шу, Дру, Па, Меу. О том, каким был дореформенный бон можно только догадываться.

По всей видимости, это была некая форма астральной религии халдейско-персидского происхождения, возможно – разновидность зерванизма-митраизма, последователи которого, объявленные еретиками (сасанидская эпоха, III-IV вв.), бежали из центра империи на ее восточные (Индия) и западные (Египет) окраины. Точно так же бежали на Восток и в Египет манихеи (последние зерваниты), перенеся в X веке центр своей активности из Вавилона в Самарканд.

³³⁷ **Махамудра** (санскр. महामुद्रा, букв. «Великий Символ» или «Великая Печать», «Чаг Чен» — тиб.) — высшее духовное учение школ сарма тибетского буддизма, которое заключается в непосредственном пребывании практикующего в состоянии истинной природы ума.

³³⁸ **Калачакра** (санскр. कालचक्र, «Колесо Времени») — идам (тантрическое божество), используемое в наиболее сложной системе тантр — Калачакре-тантре.

Калачакра - система буддийского мировоззрения, предполагающая, что человек и мир связаны, как микрокосм и макрокосм, и что изменяя своё бытие, человек может менять соотношений энергий во Вселенной.

³³⁹ **Дзогчен**, дзогпа ченпо (тиб. rdzogs pa chen po, с тибетского языка можно перевести как «великое совершенство», «великая завершенность», «всецелая завершенность») или ати-йога, махасандхи, маха-ати, санти маха, махабинду, тигле ченпо — практическое учение, представляющее собой важнейшую часть школы ньингма тибетского буддизма. Дзогчен применяется и в других школах тибетского буддизма и в традиции бон.

Российский историк Б. И. Кузнецов³⁴⁰ пытался показать связь раннего бона с митраизмом, а самого Шенраба отождествить с Митридатом – советником Кира Первого, основателя Ахеменидской империи. В таком случае Шенраб или его последователи вполне могли привнести в тибетскую автохтонную магическую практику элементы космогонической доктрины иранского зерванизма – тайной религии Нетварного Времени мидийских магов, распространенной среди жреческой элиты Ахеменидской империи.

Б. Л. Ван-дер-Вандер, в книге «Пробуждающаяся наука. Рождение астрономии» (1972), показывает культовую связь между зерванизмом, митраизмом и орфизмом как тремя типологическими религиями. Арийский Гелиос-Митра, бог Солнца, отождествляется в ряде источников с рожденным из космического яйца орфическим Гелиосом-Фанесом, изображения которых, в свою очередь, однозначно напоминают иконографию Зервана: обвитая змеей антропоморфная крылатая фигура, стоящая, с жезлом в руках, на космической сфере. Ее субститутум является кадуцей, в том числе – жезлы некоторых религиозных иерархов.

Сводная таблица отдельных персонажей индо-европейских религий:

Индийские	Иранские	Тибетские (бон)	Туранские	Другие индоевропейцы
Асур	Ахура Мазда	Бумкхри Мазда	Сура	Ашшур
Митра	Митра		Митра / Матрай	Мир (славяне)
	Парадата		Парлата (скифы)	
Яма	Йима		Йем	Зима (славяне)
Вивасвант	Вивахвант			
Дэв	Даэва	Дэв	Диеу / Див	Див (славяне) / Зевс, Теос (греки)
Сарасвати	Ардви Сура	Сатриг Эрсан	Ардава / Ардва	Анахита (лидийцы)
Сома	Хаома		Хаума	

xxx

Точное время жизни Шенраба до сих пор однозначно не определено. Согласно официальной бонской точке зрения, Шенраб, посланный для облегчения кармы человечества с небес на землю божеством милосердия Шен Лха Окаром, воплотился в семье Муриг-Гьялбон-Тхёкара (Бонский Царь в белом тюрбане из рода Му) и Ёчи-Гьялжема (Радостной Царицы Внешней йоги) в год Деревянной Крысы, пятнадцатого числа первого месяца весны, в день благоприятного сочетания планеты Юпитер и созвездия Гьял, в 16017 году до н. э. по западному летоисчислению, у подножия горы Меру.

³⁴⁰ **Бронислав Иванович Кузнецов** (2 ноября 1931 года — 24 июня 1985 года) — советский востоковед, тибетолог. Известен исследованиями и теориями об иранском влиянии на тибетский буддизм.

Это эпоха археологического мезолита, как минимум. Еще матриархальное общество. В таком ключе фигура Шенраба может пониматься в архетипике культурного героя, заложившего основы древнейшей на планете патриархальной традиции. Вместе с тем, выражение «восемнадцать тысяч» имеет в архаичной китайской коннотации значение «очень много», аналогично русскому числительному «тьма».

Гораздо более реалистичные даты жизни Шенраба как физического лица, также признаваемые традицией, падают на конец второго тысячелетия до нашей эры, соответствующие восьмому дню первого месяца первого года Деревянной Крысы, т. е. 1857 году до н. э., когда Шенраб воплотился в теле сына царя Гьяла Токара и царицы Занги Рингум, во дворце к югу от горы Кайлас (тиб. Юнгдунг Гутсег или «свастика девяти пирамид»). Тут мы имеем уже вполне историческую эпоху, хотя в районе Кайласа никаких относящихся к данному времени следов культурной жизни пока не обнаружено. Однако, это не значит, что ее вообще не было в прилегающих регионах Средней и Центральной Азии.

В XXIII - XVIII вв. до н. э., на территории между Памиром и Иранским нагорьем, в широком поясе плодородных долин от Ферганы до Герата, существовала Бактрийско-Маргианская цивилизация, язык населения которой, возможно, лег через тысячу лет в основание литературного санскрита. По соседству, на левом берегу Аму-Дарьи, была распространена Язская культура, предположительно давшая начало раннеавестийскому обществу. Показательно, что уроженцем этих мест считается пророк Заратуштра, а в узбекском городе Ходжейли находится легендарная «могила Адама», она же – могила Гайомарда, зороастрийского Первочеловека. Речь идет о руинах старого «медресе» в некрополе Маздакхан (град Мазды). Иначе эти руины называются Часами мира. Считается, что когда с некрополя Первочеловека падет последний камень, наступит Конец света...

Есть основания полагать, что Бактрийско-Маргианская цивилизация не была чисто арийской, но представляла собой некий симбиоз древней сельскохозяйственной цивилизации потомков неолитических переселенцев с Ближнего Востока (дальние родственники доарийских европейских автохтонов) и северных кочевых скотоводов-ариев (кочевая общность протоиндоевропейских народов). Это общество существовало за пятьсот лет до Моисея и за полторы тысячи лет до Пифагора, Заратустры, Гаутамы Будды, Джинны Махавиры, Лао-Цзы...

Вероятным центром Маргианской цивилизации был город Гонур-Депе³⁴¹ раскопанный на территории Туркмении в 1972 году. Это монументальный культовый комплекс, площадью до 50 га, на правом берегу Мургаба, который просуществовал с середины III до середины II тысячелетия до нашей эры. В плане Гонур-Депе представляет собой концентрическую мандалу, формируемую тремя контурами стен. Внешняя стена – стилизованный круг, отделяющей жилища производительного класса от окружающей природной среды. Внутри этого круга мы видим три квадрата, один в другом: крепостная стена, за которой находится территория воинов, а внутри нее – еще одна стена, выделяющая территорию жрецов, и уже на территории жреческого двора стояло центральное прямоугольное святилище дворцового комплекса.

Все это напоминает древнюю Мандука-мандалу (санскр. «мандала лягушки»), в соответствии с которой до сих пор возводят храмы индусские архитекторы. Первые письменные упоминания об этой мандале можно найти в Васту-шастре³⁴² (середина I тысячелетия нашей эры), но ряд ученых утверждает, что ее принципы применялись уже при строительстве хараппских городов в III тысячелетии до н. э.

«Хотя земля ведийскими индийцами мыслилась круглой, кардинальные точки ее соединения с небом (восхода и захода солнца), отраженные в описании алтарей, позволяли мыслить ее с «четырьмя углами». В связи с этим представлением об «упорядоченной» земле возникли и две основные диаграммы мандалы. Первая, более древняя, называлась мандука и возникла из почитания восьми пространственных направлений, представляя собой квадрат, разделенный на малые квадраты-пады (по восемь с каждой стороны), что дает в целом 64 квадратов. Восемь пространственных направлений соответствовали движению солнца, а 32 божества, располагавшиеся во внешних квадратах мандалы, – 32 накшатрам, или лунным домам (созвездиям, через которые проходит луна в своем ежемесячном курсе). На основе мандуки выявлялась благоприятная ориентация жилого дома, и она же совпадала с планом алтаря Агни. Как принцип планировки здания стала применяться к середине I тыс. до н. э.»

Энциклопедия Кругосвет

Гонур-Депе представляет собой идеальный прообраз позднейших изображений Олмо Лунгринга и Шамбалы в форме вписанных друг в друга четырех регионов: внутреннего, среднего, внешнего и пограничного. Знаменательно и то, что всего в нескольких километрах отсюда расположен древний город Мерв, созвучный Меру. Возможно, именно контуры Гонура-Депе лежат в основе позднейших представлений о центральном квадрате

³⁴¹ **Гонур-Депе** (в переводе с туркменского — Серый холм) — городище бронзового века (2300 лет до н. э.), обнаруженное на юго-востоке Туркмении, в Марыйском оазисе Маргианской археологической экспедиции под руководством В. И. Сарияниди.

³⁴² **Васту-шастра** (vāstu śāstra «наука строительства», «архитектура») — традиционная индуистская система архитектурного планирования и дизайна. Преимущественно используется в индуистской храмовой архитектуре, но также находит широкое применение в скульптуре, танцах и поэзии. Основателем Васту традиционно считается мудрец Майян.

Брахмы в Мандука-мандале и квадратном городе Брахмы на вершине столпа Меру? Более того, в Гонур-Депе найдены загадочные культовые каменные столбики с желобами по бокам. Есть предположение, эти объекты использовались для ритуального литья воды, что сильно напоминает сохраняющийся по сей день шиваитский обряд поливания водой каменного лингама – как пережиток архаичной магии плодородия. Если здесь вспомнить о стекающих с вершины Меру мировых реках, то картина становится почти прозрачной...

Знаменитая французская путешественница и тибетолог Александра Дэвид-Неэль³⁴³, еще до открытия Гонур-Депе, выдвинула гипотезу о соотнесенности Шамбалы с Балхом (провинция в Северном Афганистане) выводя этимологию этого слова из персидского Sham-i-Bala («вознесенная свеча»). С Балхом, также ничего не зная о Гонур-Депе, соотносил Шамбалу и известный британский ученый, писатель и ученик Гурджиева Джон Беннетт³⁴⁴, отождествляя ее бактрийским с храмом Солнца – Shams-i-Bakikh.

Религия, центром которой являлся Гонур-Депе, по всей вероятности представляла собой предковую форму позднейших ведийской и авестийской традиций. Причем, судя по археологическому материалу, это был чрезвычайно развитый культ системно организованного общества бронзового века, современного цивилизации долины Инда. Более того, недалеко от Балха находится археологический комплекс Ак-Кёпрук, представляющий собой один из первых в мире неолитических оазисов, сопоставимый по времени с Плодородным Треугольником на Ближнем Востоке.

К Маргианской цивилизации непосредственно примыкает (как в пространстве, так и во времени) Гандхарская культура с центром в долине Сват (1600 - 500 г. до н. э.). Это уже территория эпического санскрита, эпоха устной передачи ведийского наследия. К середине первого тысячелетия до н. э. Гандхара попадает под власть Ахеменидов и испытывает мощное персидское влияние: культурное, научное, политическое, религиозное... Гандхара, вместе с Бактрией, Согдианой и Хорезмом образуют северовосточную дугу пограничных сатрапий Персидской империи – форпост обороны против Турана. Гандхара – ворота в Индию. Гандхара – эпицентр древней Уддияны, легендарной буддийской страны, память о которой,

³⁴³ **Александра Давид-Неэль** (фр. Alexandra David-Néel, имя, данное при рождении: Луиз Эжени Александрин Мари Давид, фр. Louise Eugénie Alexandrine Marie David) 24 октября 1868, Сен-Манде — 8 сентября 1969, Динь-ле-Бен) — французская оперная певица, поэтесса и композитор, более известная как путешественница, писательница и исследовательница Тибета.

³⁴⁴ **Джон Годолфин Беннетт** (англ. John Godolphin Bennett, 8 июня 1897, Лондон — 13 декабря 1974, Глостершир) — британский математик, учёный, технолог, философ, руководитель промышленных исследований и писатель.

«ставшей невидимой» в результате исламского завоевания, породила мифы о призрачной Шамбале, скрытой от взглядов непросветленного человечества.

xxx

Бонская космогония во многом следует индо-буддийской, но есть и некоторые различия, обусловленные, вероятно, иранским наследием, а также влияниями местного шаманизма.

«В соответствии с бонскими писаниями, в начале был великий бог по имени Яндак Гьелпо («Абсолютный правитель»), существовавший прежде Солнца и Луны, и даже прежде времени. Из него изошло два световых луча, один белый и другой черный, которые превратились в двух мужей – белого и черного. Черный человек, Ньелва Накпо («Черное страдание»), создал звезды и изобилие демонов, населяющих сегодня мир. Он также ответственен за все зло в мире, включая засухи и другие природные бедствия, гром и молнию, болезни, а также распри и войны, разделяющие человечество. Белый человек, Ёзерден («Сияющий») представляет добро и является источником добродетелей. Он сотворил Солнце и Луну, научил людей как строить храмы, переписывать религиозные тексты, поклоняться святым учителям, строить дороги и мосты. Продолжающаяся борьба между этими двумя существами отражает состязание между силами добра и зла в сердце каждого человека.»

John Powers. Introduction to Tibetan Buddhism (Snow Lion Publications, NY 2007)

В приведенном выше фрагменте наглядно отражен присущий религии бон дуализм добра и зла, характерный для индо-иранских религий, в особой степени культивировавшийся зороастризмом и доведенный до крайности манихейством. По поводу природы этого дуализма шел давний теологический спор между официальным зороастризмом и тайной, гностической версией последнего в лице зерванизма. Главный вопрос состоял в том, существует ли этот дуализм изначально, вне воли Творца, или же он порожден Богом уже в процессе сотворения мира? Зороастрийцы стояли на первой точке зрения, зерваниты – на второй. Бонцы разделяют здесь точку зрения зерванитов, что может служить очередным косвенным доказательством серьезного влияния зерванизма на ранний бон эпохи Шенраба.

В соответствии с бонской мифологией, изначальная пустота, породившая мир, была не то чтобы полным вакуумом, но содержала в себе некую чистую потенциальность, из которой произошли пять первоэлементов (пространство, огонь, воздух, вода и земля), сформировавших гигантское «космическое яйцо». Из этого яйца родилось первое существо, Бельчен Кекхё, а также другие 359 божеств класса Кекхё, отождествляемые с 360 днями года. На следующей стадии развития мира произошел «Белый Як Бытия», отправившийся в Шангшунг. Там он создал горы, долины и растительность, сделав Землю обитаемой и закончив, таким образом, цикл творения.

Содержащаяся в примордиальной пустоте «чистая потенциальность» несет в себе две формы энергии (тантрические шакта-шакти), персонифицируемые мужским божеством Гюнту Сангпо и женским Гюнту Сангмо, которые, в свою очередь, порождают так называемое «бонское тело» (bon sku) – аналог Дхармакаи как «алмазного тела Будды». Согласно бонскому учению, интуитивное понимание природы этого тела дает высшее освобождение. Именно на таком переживании основан мистический опыт самого Шенраба как «бонского Будды».

Происхождение пяти первоэлементов из космического яйца толкуется в Ваджраяне как аналог появления из Дхармакаи пяти дхьяни-будд – умозрительных идамов, репрезентирующих отдельные аспекты постигающего ума. Бонская традиция сохраняет также другую, не менее интересную аналогию, обнаруживающую связь тибетской мысли с китайской. Доктор Тубден Пунцок, профессор отделения тибетской медицины в Институте тибетологии провинции Сычуань (КНР), проводит идею о тибетских корнях знаменитых восьми триграмм И Цзина:

«В мифологии Бон история происхождения Паркха [триграмм] и процесс формирования мира, как комбинации пятипервоэлементов в восьми триграммах, описывается следующим образом:

Чистая часть элементов проявилась как пространство.

Нечистая часть элементов, проявилась как земля.

Гора возникла, чтобы соединить пространство и землю.

В каменных долинах горы возник ветер.

Движение ветра породило огонь.

Соприкосновение ветра и огня вызвало дождь.

В результате взаимодействия ветра, огня, воды и земли возникло дерево.

Элемент огонь, расплавив землю, проявил её чистую сущность – металл.

Этот процесс, также как и весь внешний мир, символизируется изображением золотой черепахи, обращённой головой на юг.»³⁴⁵

При этом китайские первоэлементы отличаются от индийских, имеющих западное происхождение:

Китайские	Земля	Вода	Огонь	Металл	Дерево
Индийские	Земля	Вода	Огонь	Воздух	Пространство

Точно так же китайское влияние (или наоборот?) обнаруживают традиционные тибетские календарь и медицина. Влияние ли это на Китай собственно Тибета, самого подвергшегося индо-иранскому влиянию, или же обратное влияние Китая на Тибет – вопрос неоднозначный. Точно так же, как вопрос пересечениях иранской, индийской, тибетской и китайских культурных традиций в целом.

³⁴⁵ По материалам Центра Юн Друн Бон (Москва)

VIII. 10. Астральный гнозис

Работая с традиционным материалом, всегда следует помнить о многозначном кодировании, присущем не только древним документам, но и самому архаичному мышлению. Вспомним о старинных иконах, где герои сюжета могут быть одновременно изображены в разных сценах. Или о принципах клинописного письма, когда звучание или смысл графемы зависит от нескольких условий по умолчанию. Так и в дзогчене: одна и та же модель может относиться к описанию макрокосмических, микрокосмических или же инициатических структур. На что именно намекает «регулятор» – из формального контекста почти никогда не ясно с определенностью, смыслообразование тут связано с интуитивными аллюзиями, но если они точны – эффект получается несомненный.

Красноречивый пример – пространственная модель Земного круга, бху-мандала. В качестве модели макрокосма она представляет собой аналог западной астрологии, т. е. планисферу – плоскую модель пространства, в данном случае – Солнечную систему. Концентрические круги бху-мандалы соответствуют гелиоцентрическим орбитам планет от Меркурия до Сатурна, а весь ее диаметр соответствует диаметру орбиты Плутона как границы Солнечной системы. Одновременно бху-мандала является моделью микрокосма как человеческого тела. Здесь планеты заменяются чакрами (колесами), орбиты – каналами (нади), духи планет – ментальными идами. Галактические циклы сменяются суточными, но все – строго пропорционально. Так устанавливается резонансное единство дыхания и духа.

При этом существует еще два параметра прочтения бху-мандалы: планетарный и инициатический. Бху-мандала представляет собой схематическую карту Южной Азии с центральной осью-Меру (Мехр-Митра) в районе Памира (страна Митры). То, что центром бху-мандалы является Памир видно из схематично прорисованных шести горных цепей к северу и югу от Меру, двух хребтов с востока и запада, а также четырех «небесных рек» и четырех драгоценностей (древние копи драгоценных камней и металлов) с четырех направлений. Град Брахмы на вершине квадратной горы Меру аналогичен тысячелепестной Сахасрара-чакре в микрокосме или Парабрахману в макрокосме. В инициатическом формате бху-мандала является моделью религиозной организации, церкви, ордена, общины. Отсюда – ее важность в храмовом строительстве, где все пропорции и векторы отображают созвучие небесного – социальному, превращая соответствующим образом организованное пространство в «магический резонатор».

Другой пример – «стрела Шенраба». Этим термином может называться мировая ось времени (макркосм), центральный канал в позвоночнике

(микрокосм), проход в горах (топография), предмет в церемониальной магии (инициация). Точно такой же многомерностью обладают такие понятия, как Шамбала, Олмо Лунгринг, Чакравартин, Майтрея, Калачакра... Причем в одном и том же тексте одно и то же понятие может быть использовано в разных смыслах, без каких-либо дополнительных коннотаций. Подобная путаница вызвана, как уже говорилось выше, особенностью ментальности древних людей. Вспомним, что древнейшее письмо тоже не знало ни знаков препинания, ни вообще разделения между словами. Так все и шло одним потоком, причем в одном и том же документе могло меняться даже направление письма. Сегодня такие тексты читать просто невозможно, а ведь когда-то это было обычным делом...

Мышление современного человека отличается категориальной четкостью, развитой грамматикой и высокой степенью абстрагирования. Но так было не всегда. Древнейшие письменные образцы художественных текстов дают примеры совершенно другого мышления: синтаксически примитивного, семантически инфантильного. Рационально-критический дискурс, как мы его понимаем, в истории культуры начал складываться лишь в середине первого тысячелетия до нашей эры, т. е. только около двух с половиной, максимум – трех тысяч лет назад, вместе с появлением начал логики и философии. При этом сама полноценная артикулированная речь, как высшая стадия второсигнального развития сапиенсов, возникла, согласно гипотезе российского историка и палеопсихолога Бориса Поршнева³⁴⁶, порядка двадцати-сорока тысяч лет назад, в период т. н. Великого перелома, сопровождавшегося появлением общественного сознания (в отличие от стадного инстинкта). Весь предшествующий этому событию период человеческой истории можно определить как эпоху доречевой второсигнальности. Мышление древнего человека было более интуитивным (открытым стихиям бессознательного), более магичным (сдвинутым в сторону суггестивных полей глубокого сна), менее категоризованным (слабо связанным логически).

Из истории письма видно, каким «случайным» образом древнейшие пиктограммы преобразовывались в клинописные знаки (на Западе) или иероглифы (на Востоке). В одной и той же графеме, как ребусе, могли сочетаться совершенно разные исходные параметры: фонетические (звучание), образные (представление), аналогичные (схожесть звучания или идеи), условные (никак не привязанные к фонетике и образности). Тот же самый процесс «случайности» имел место при становлении начал древнейшей прото-науки, основанной на фиксации отдельных событий в попытке выстроить между ними логическую (познавательную, от слова «логос») связь.

³⁴⁶ **Борис Фёдорович Поршнев** (22 февраля (7 марта) 1905, Санкт-Петербург — 26 ноября 1972, Москва)

Особенно хорошо это видно по истории астрономии: начав с наблюдения движений больших светил, Луны и Солнца, человек постепенно углублялся в понимание законов небесной механики, делая соответствующие обобщения, активно развивая, тем самым, свой эвристический интеллект. А ведь в условиях отсутствия не просто современного математического аппарата, но даже элементарных исследовательских приборов и возможностей как-то однозначно зафиксировать полученные результаты для дальнейшего использования, сделать это было крайне затруднительно. Вся надежда – на память.

Таким образом, динамичная картина космических трансформаций (периоды планетарных и иных циклов, звездные конstellляции и т. д.) должна была воспроизводиться непосредственно в воображении древних исследователей, постепенно превратившихся в жрецов-астрологов, обладателей эксклюзивного понимания Небесного Закона. Отсюда, распространение по ойкумене древнейших религиозных культов отражает распространение соответствующих знаний, основанных на древней науке о звездах. Разумеется, попадая из исследовательских лабораторий профессионалов в руки массового пользователя, эти знания утилизировались и искажались, в соответствии с ментальными паттернами общественного сознания соответствующей эпохи.

Так, собственно говоря, и возникла религия в современном понимании этого слова – как форма ритуализованного служения небесным силам, отождествлявшихся с законами природы и общества. Однако, истинный, космический background астрального гнозиса продолжал составлять сущность профессионального обучения жрецов. Причем способы его передачи постоянно совершенствовались. Постепенно от символических иносказаний (по аналогии с пиктограммой – понятием) жрецы переходили к звездным таблицам, древнейшие из которых представлены в виде списков различных богов, с указанием продолжительности их жизни. Точно так же фиксацию закономерностей «космических событий» представляют древние ритуалы, выработанные еще в условиях отсутствия письменности и математики. Все это следует учитывать при работе с традиционными нарративами.

VIII. 11. Колесо времени

Особым звеном в синкретическом единении тибето-сибирского шаманизма, восточно-иранского бона и северо-индийского буддизма является доктрина Калачакры – Колеса времени, космогонически созвучная зерванистской концепции Нетварного времени (Зерван-акарана). По всей вероятности, особый индо-китайский календарь Калачакры разработали именно зерванистские звездочеты, обосновавшиеся на территории античных Согдианы и Бактрии еще во времена ахеменидского правления (5-4 вв до н.

э.), в периоды гонений на зурванизм со стороны официального зороастризма империи. Зурваниты активно интегрировались в буддизм, начиная со времени Ашоки, но в наибольшей степени – в период индо-греческих монархий и Кушанской империи, когда складывался канон Махаяны.

Зерван – бог времени, Зерван Акарана – бог несотворенного, «вечного» времени. В такой функции он является богом древнейшей календарной религии, появившейся вместе с переходом общества от охоты и собирательства к производительному хозяйству. Систематическое наблюдение человеком движений небесных тел начинается одновременно с обработкой почвы, в связи с необходимостью зафиксировать различные технологические этапы полного цикла.

По мере роста понимания законов небесной механики, человек все дальше устремлялся своими мыслями в космические дали, расширяя горизонты познания вплоть до последних ультрапарадоксальных полей бытия. Через наблюдение очевидных небесных закономерностей (год-месяц-сутки), древние мастера перешли к наблюдению не очевидных – тысячелетние циклы прецессии, даты лунных и солнечных затмений. К не очевидным также относятся суточные циклы дыхания и последовательной активности отдельных жизненных органов, включая головной мозг. Однако, понимание принципиальной со-ритмии всех фрагментов данной нам в ощущениях реальности, вело к формированию в общественном сознании ранних земледельцев представлений о своеобразном Сверхвремени как верховном регуляторе всех прочих временных циклов на шкале Вечности. Это некий дхарман, владыка судеб, верховный держатель закона космической гармонии-риты³⁴⁷.

Одновременно человек стал осмысливать характер собственного существования в контексте открывшейся ему «волновой» картине мира. Здесь впервые появляется осознанная идея души как эквивалент «небесного свидетеля» за порогом телесного бытия. В идеальных пропорциях Золотого века, выделяемого всеми культурными традициями в качестве эпохи совершенномудрых древности, провозглашаемое Ведами единство субъективного атмана и объективного Брахмана (*aḥam brahmasmī – tat tvamasi*) должно быть доступно всем членам человеческой сангхи, подобно речи. При условии соблюдения специализированной технологии, а она – одна: согласование дыхательных ритмов собственного тела с макро- и микро-космическими октавами. Отсюда – вся позднейшая каноническая литургия: совместные пения, чтения, поклоны и иные телодвижения.

³⁴⁷ **Ритá** (ऋत, ṛtá) — термин на ведийском санскрите, в буквальном переводе означающий «порядок вещей», родственен авестийскому aša.

Коллективные действия ведут к коллективному дыханию, через которое генерируется коллективная воля «эгрегора», представляющего данный коллектив, но резонирующего с близкими по характеру магическими формациями. Таким образом функционирует энергетическая подоплека любого ритуала, даже самого светского. Однако, сознательная фиксация личной воли на существенном аспекте ритуала делает последний более суггестивным, магичным...

Вместе с тем, не следует недооценивать роли индивидуалистического аспекта в процессе космического роста. Ведь атман – это ультимативный свидетель вашей индивидуальной субъектности, ваш Парабрахман – трансцендентальная инверсия субъективной монолитности глубокого сна. Если вы – не Брахман, то и вера ваша тщетна... Ayamatra Brahma. Tat Tvamasi. Prajnanam Brahma. Aham Brahmasmi...

Из подобных практик волнового со-настроения появился, в частности, и дзогчен как особая культура высокогорной йоги. Технически дзогчен «созвучен» индийской тантре и китайской внутренней алхимии. Тут везде идет речь о выстраивании в микрокосме пропорций макрокосма, что осуществляется через познание финальных параметров реальности. Это опыт может быть по-разному символически проинтерпретирован, однако его сущностное единство не верифицируемо, поскольку переживается за пределами любых образных саморефлексий, за пределами полномочий второсигнальной цепочки в целом.

«На внешнем уровне, если сутки делятся на шестьдесят часов Калачакры (нет правила, что они могут делиться только на двадцать четыре часа!), тогда в трехсотшестидесятидневном лунном году всего 21600 часов. Подобным же образом, если наши энергии сбалансированы, мы совершаем 21600 дыханий в сутки, то есть одно дыхание в каждые четыре современные секунды, в чем можно убедиться, если замерить время своего собственного дыхания.

Точно так же, как Солнце половину года движется через северный сектор неба и половину года – через южный, что известно в астрономии как северное и южное склонение Солнца, подобным образом и мы сами дышим половину времени преимущественно через правую ноздрю, а остальную половину – через левую. Если мы поместим свою руку перед носом, мы можем удостовериться, что дышим в любое время в основном через одну ноздрю. За исключением нескольких дыханий при переходе от одной ноздри к другой, нормальное дыхание не проходит ровным образом через обе ноздри.

Далее, так же, как солнце проходит через двенадцать зодиакальных знаков в течение года, и дыхание переходит от одной ноздри к другой двенадцать раз в течение дня и ночи. Все эти параллели имеют соответствия в практике изменяющего круговорота Калачакры».

Александр Берзин. Принятие посвящения Калачакры (2002)

Тибетский дзогчен обладает рядом особых характеристик. Прежде всего, нужно понимать его синкретическую природу. Какое влияние тут доминирует – тибетское, бонское или буддийское? Тибетское наследство тут связано с

шаманистическими практиками народов северо-восточной Евразии: алтайцев, уйгур, казахов, монголов, якутов, маньчжуров... Здесь везде царствует культ Тенгри (бога Неба, аналогичен бонскому Бхумкхри) – архаичный астральный культ кочевых скотоводов. Тенгрианский календарь, в отличие от Солнечного, строится на 12-летнем «животном» круге в 60-летнем цикле Юпитера (или два 30-летних цикла Сатурна). Он действует на всей территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, практически от Волги до Меконга...

По всей вероятности, вся психотехника по достижению инверсивных состояний, практикуемых бонскими мистагогами, имеет местную шаманистическую подкладку, обслуживая требования локального анимизма (контакты с духами природы и душами предков). Собственно «бонское» здесь, как ноу-хау религии Олмо Лунгринга, это учение о мировых циклах. Буддизм Махаяны привнес сюда метафизический дискурс о первоэлементах и нравственный кодекс Винаи, обретя при этом, уже в ипостаси Ваджраяны, нео-бонскую литургическую эстетику и практику концептуальной визуализации дзогчена.

VIII. 12. Дзогчен: Гью

Дорога на Гью ответвляется от главной трассы. У въезда в ущелье стоит кремово-голубая арка с буддийскими орнаментами и надписью на трех языках: тибетском, хинди и английском: «Welcome to Gue!». Мы едем вдоль небольшой речушки, по каньону из желтого песчаника. Наконец, через несколько километров вдали появляется зелень. Это должно быть само село. Так оно и есть. На въезде нас встречают пара чортэнов и сотни развешанных вокруг пятицветных тибетских флажков с мантрами.

Едем дальше, вдоль сложенных из булыжников оград, за которыми виднеются плоские крыши традиционных тибетских домов. Вот даже хостел с рестораном! А сразу за ним начинается очередной подъем на соседний склон, который венчает трехэтажный ступенчатый храм малинового цвета, с желтой крышей, украшенной загнутыми «драконьими» краями и золотым шпилем. Ом мани падмэ хум! У входа в храм мы сфотографировались все вместе: я, Анастасия и Филипп. Главная поставленная цель пути достигнута, теперь – дискотека. Но сначала – пуджа и дхьяна...

Архат сидел в стеклянной пирамиде, завернутый в шафрановую ткань и усыпанный деньгами. Перед ним стоял ряд плошек с фитилями. Но горело только две лампы у стены. Я зажег свою свечу как третий полюс. Затем зажег пучок аграбатти и обошел, повторяя мантру, несколько раз вокруг мумии. Затем вставил дымящийся пучок в оконную раму, прикрыл входную дверь и сел у одной из стен в позу сиддхасаны. Откровенно говоря,

пользуясь моментом, хотелось побольше узнать от архата про секреты дзогчена, мастером которого он, без сомнений, являлся.

Для того, чтобы призвать дух архата, нужно создать некий кокон из внутренней пустоты, который сыграет роль магического зеркала, отражающего потустороннюю субстанцию «контактера». Эта технология мне открылась еще тридцать лет назад, у Хазрати-Бурха – священного мазара в верховьях долины Оби-Хингоу (Таджикистан). Где-то сама-собой возникла мысль, что генерирование внутренней пустоты – это и есть искусство дзогчена. Что же в таком случае нужно делать? Как этого достичь?

– Для этого, – эти слова я услышал уже почти физически, – нужно усилием воли отключить некоторые группы скандх...

Отключить группы скандх? Не этим ли постоянно заняты все адепты Шакьямуни, борясь с внешними раздражителями? Но собеседник дал понять, что контроль над поведением еще не гарантирует окончательной просветленности. Ее дает не способность как-то манипулировать скандхами, но именно умение отключать их произвольно, на время медитации. Отключать скандхи волевым усилием, но при отсутствии умственного напряжения. Здесь требуется йога тонкого проникновения, операции на уровне нуль-энергии...

Издали прилетели звуки барабанного уханья. Сначала – очень отдаленного, затем оно стало приближаться. Я вспомнил, как хотел купить в Манали барабан, чтобы исполнить партию здесь, на месте, но потом подумал, что, возможно, это не понравится местным духам. Но вот оказывается, барабан им нравится! Между тем, уханье все ближе и ближе. И вот я уже слышу за уханьем пение человеческих голосов. Они поют какую-то мантру, или бхаджан. Звук барабана раздался на самом пороге. Я сижу в сиддхасане, с закрытыми глазами. Ну, – думаю, – сейчас войдут! Ом мани падмэ хум!

Но звук барабана сместился в сторону, к одному из боковых окон. Я на мгновение приоткрыл глаза. В окне, напротив меня, с другой стороны стеклянной пирамиды, вижу лицо человека, которого сознание сразу же окрестило как «монгола в золотой шапке». На самом деле это был, конечно, тибетец, а его шапка представляла собой обычную ушанку, внешняя сторона которой была почему-то выкрашена золотой краской. Ну прямо настоящий докшит! Я вновь прикрыл глаза, а процессия продолжила следование, с мантрами и барабанным уханьем, вокруг часовни, затем звуки стали удаляться куда-то вверх...

Выйдя через полчаса на улицу, я спонтанно глянул на небо и увидел, прямо над часовней, пляшущую фигуру шестирукого божества, как изображают Махакалу на тибетских танках. Только фигура была цвета белых облаков,

на небесно-синем фоне. Пока доставал фотоаппарат, ветер размыл черты, но общий рисунок остался. Даже пластика передается. Вот оно, зримое воплощение боя с небесной тенью – тай-цзи-цюань. Я спросил у Анастасии, что это была за процессия с барабаном. По ее словам, это группа человек из двадцати, которая поднялась, с «хоругвями» и мридангой, со стороны села, обошла часовню, а затем отправилась дальше, в горы. Видимо, местные мистики гуляют.

Я поднялся по боковой лестнице на верхний этаж строящегося Храма мумии. Оттуда открывался фантастический вид на все четыре стороны. Неожиданно я увидел на одном из дальних склонов поднимающуюся человеческую цепочку. Фигур двадцать, с хоругвями и мридангой. Ее приглушенное уханье, если прислушаться, долетало до края уха даже оттуда...

VIII. 13. Долина Сатледжа: Нако - Кальпа

От Гью до Нако дорога идет по высокогорью. Нако – место очень магическое. Тут рядом с городом есть высокогорное озеро, на берегу которого есть монастырь одиннадцатого века с отпечатком стопы самого Падмасамбхавы, несколько лет делавшего садхану в этих местах. Наша «тойота», надо сказать, застряла здесь в пробке на центральном перекрестке кишлака. Скопилось с десятков машин и ни туда, ни сюда. Тут уже и полиция, и администрация, и кого только нет – нет, ничего не получается. Индия! Но потом как-то, впритык, рассосалось, разъехалось. «Хари ом!» – прокричали мне в открытое окно несколько голосов из стайки девушек в ярких традиционных платьях долины Киннуара.

Нако – форпост Тибета. Дальше дорога начинает снижаться в сторону Рекон-Пео, административного центра долины. Через несколько километров от Нако река Спити впадает в реку Сатледж, стекающую сюда с тибетского нагорья и берущую начало около священного озера Маносаровар, у подножья божественного Кайласа. Сатледж – главная водная артерия Шангшунга, через его долину проходил отрезок Великого Шелкового пути, что обеспечило длительное процветание государства и усиление его культурной экспансии.

xxx

Шангшунг до сих пор представляет собой загадочное царство, изображаемое на бонских картах в виде мистической мандалы с горой Меру в центре. Согласно тибетским описаниям, вершина Меру имеет форму квадрата, на котором расположена столица Шамбалы, город Калапа. Это дает нам бесспорную ссылку на образ города Брахмы на вершине Меру в модели индусской бху-мандалы. Другой вопрос – насколько легендарная Калапа соответствует сегодняшней Кальпе, столице долины Киннуара в

нижнем течении Сатледжа? Ведь здесь даже есть свой, Киннаурский Кайлас – главная святыня для индусов и буддистов региона.

Древнейший Шангшунг был, вероятно, пасторальным союзом высокогорных скотоводческих племен, оказавшихся в зоне влияния международной коммерции и сменивших образ жизни. К VI столетию до н. э. в долине Сатледжа и на прилегающих территориях сложилась государственность на базе занесенного из восточных сатрапий Ахеменидов, религиозного учения изначального бона (разновидность культа Времени), которое было формализовано на материале местных шаманистических практик. Политически Шангшунг представлял собой конфедерацию пещерных городов, связанных общим культом, общей религией, единой метафизикой *правильной мысли* практического дзогчена.

В верховьях Сатледжа, в районе священного озера Маносаровар, сохранились руины столицы Шангшунгского царства, пещерного города Кьонглунг Нулкар (Серебряный Дворец в Долине Гаруды), с вознесенной к небесам цитаделью Серебряного дворца Шенраба, откуда открывается фантастический вид на Кайлас. Раскопки показали, что это место было заселено уже три тысячи лет назад. В пещерах, на скалах под цитаделью, предавались перманентной тантре индийские переводчики, приезжие из Уддияны профессора и местные адепты практической магии, без которых в высокогорных условиях так и так ничего не происходит. Это и были те мамые «пещерные города праведников», людей высокой ритуальной культуры, память о которых была позже интегрирована в буддийскую картину мира как о жителях Шамбалы.

Всерьез и надолго буддизм пришел в Шангшунг вместе с Атишей, в начале XI века. Вскоре после распада государства Ландармы, последнего бонского царя из династии Ярлунгов. Эпицентром буддийской реконкисты Тибета стало царство Гугэ, располагавшееся вдоль почти всей долины Сатледжа, от Кайласа (тибетского) до Кайласа (киннуарского). Его столицей стал пещерный город Цапаранг, с цитателю на испешренной пещерами недоступной скале, воспроизводя град Брахмы на вершине космического столпа Меру. Цитадель Цапаранга вознесена на вершину неприступной скалы и, действительно, представляет собой как бы град на столпе, откуда также можно было наблюдать белый купол Кайласа. А ведь это когда-то был еще и цветущий град.

История падения Гугэ в начале XVII века имеет, воистину, шекспировский сюжет. Опять два брата: один – царь, другой – настоятель главного монастыря страны. Между ними идут постоянные споры о приоритетах светской и религиозной власти. При этом царь, будучи формально буддистом, поддерживает бонских магов в надежде быть провозглашенным ими сакральным царем и первоиерархом бона, укрепив таким образом свой

престол. А ведь Гугэ – это ядро древнего Шангшунгского царства и бонской культуры. Но отсюда же шло распространение в Тибете буддизма: на первом этапе, до антибуддийского выступления Ландармы – через школу Старых переводов (Ньингма), затем – через школу Новых переводов.

В результате сложных интриг в Гугэ, в поддержку брата-первосвященника, вторглись войска буддийского раджи из соседнего Леха, по другой версии – мусульманские наемники. Они осадили Цапаранг и через несколько месяцев вынудили его защитников сдаться. Вся правящая элита Гугэ, включая царя, была казнена. Около трехсот обезглавленных мумий до сих пор наполняют один из залов руин царского дворца в Цапаранге. В числе них должна мыть и мумия царского брата-первосвященника, которого – вероятно из династических соображений – тоже не пощадили. Как говорится, не рой яму...

После полного уничтожения царского клана Гугэ, власть в этих местах перешла под юрисдикцию аппарата далай-лам из Лхасы, поддержанных чингисидовской администрацией и утвердивших принцип теократического правления. То есть духовная власть здесь как бы победила. Но это была власть не того духа, о котором мечтал казненный первоиерарх Гугэ. С тех пор богдо-гэгэн³⁴⁸, феодальный владыка Монголии – третье лицо в иерархии ламаизма (желтой веры) Цзонхавы, после самого далай-ламы (воплощение бодхисаттвы Авалокитешвары) и панчен-ламы (воплощение Ади-будды, духовного отца Авалокитешвары).

Все ведущие места в новой администрации заняли приверженцы школы Гелуг. Ожидались гонения на бон как идейного ресурса традиций царской власти, но Пятый далай-лама³⁴⁹ поступил подобно Падмасамбхаве. Он объявил бонскую традицию частью тибетской эзотерической науки и ввел представителей бонской элиты в номенклатуру перерожденцев Ваджраяны. Далай-лама XIV окончательно реабилитировал бон от обвинений в черной магии и легитимировал его как интегральную часть тибетской культурной традиции, отслужив специальную церемонию в короне первоиерарха Черной веры.

xxx

³⁴⁸ **Джебдзун-Дамба-хутухта**, также Джецун Дампа (монг. Жавзандамба хутагт — пригл. «Святой Почтеннейший Господин» или «Высочайший Святой»; тиб. ཇེབ་བུ་འཇམ་པ་, Вайли gje btsun dam pa) — линия перерождений (реинкарнаций) в тибетском буддизме, восходящая, согласно традиционным тибетским источникам, к одному из ближайших учеников Будды Шакьямуни, его двоюродному брату — Ананде.

³⁴⁹ **Нгаванг Лобсанг Гьяццо** (1617—1682) — пятый Далай-лама («Великий Пятый»), тибетский религиозный и политический деятель. В 1642 г. правитель ойратского племени хошоутов Гуши-хан объявил, что дарует ему верховную власть над Тибетом, что знаменовало основание новой (после школы Сакья) тибетской теократии. Столицей, а также резиденцией правительства, была объявлена Лхаса, где в 1645 г. было начато строительство дворца Потала.

Типологически бон считается восточно-иранской формой гималайской религии. Ему отдаленно родственны гиндукушская религия калашей (Нуристан) и народный зороастризм памирцев (Бадахшан), а также отдельные кашмирские сампрадаи, включая дервишеские. Существует также мнение, что бон – это форма иранского буддизма, распространенного в Средней Азии (в отличие от индийского буддизма Индостана). Однако, наиболее архаичной составляющей бонского культурного комплекса является тибетская магическая наследственность высокогорного шаманизма (анимизма).

Все высокогорные религии мира обладают набором характерных, общих для них признаков. Прежде всего, это религии людей в условиях пониженного содержания в воздухе кислорода, а стало быть – сниженных возможностей биологического и материального производства. В условиях недостатка кислорода пранаяма становится мощным инструментом накачки ресурсов. Вместе с тем, в условиях высокогорья психика становится более проницаемой для всевозможных влияний (включая телепатические), происходит общий сдвиг порога восприятия реальности в сторону «второго состояния» (состояние сновидений, свапна).

Кроме того, в условиях высокогорья психика спонтанно настраивается на макрокосмические ритмы, в голове начинают звучать небесные мелодии и хоралы ангелов (идамов). Стихийные силы природы также одушевляются в силу сдвига наблюдательного фокуса субъекта в сторону имажинативной активности сновидных связей ментальной материи. Есть веские основания полагать, что высокогорные области планеты в целом являются некими «резервуарами судьбы», т. е. территориями, в условиях которых человеческая воля (прана) обретает наибольшую суггесто-магическую проницательность, непосредственно резонируя с макрокосмическими ритмами третьего состояния (сушупти-праджня) адвайты Нараяны. Она же – пустотная алая-виджняна Ади-будды.

xxx

До Рекон-Пео мы добрались уже к темноте, а до Кальпы – в поисках отеля с вай-фаем – часам к десяти вечера. Вай-фая не нашли, остановились в одном из придорожных отелей. Поели и сразу легли спать. Познакомившись, предварительно, в ресторане гостиницы с двумя дамами из Лондона, путешествующими в этих заповедных местах.

Проснулся очень рано утром, часа в четыре. Вышел на балкон, сделать пранаяму, и ахнул: передо мной раскинулся во всей красе, с высоты орлиного полета, древний город Кальпа с буддийским храмом на центральной площади – шедевром гималайской архитектуры. А над всем возвышалась белая стена шеститысячников с выделяющимся

пирамидальным пиком Киннаур Кайласа – обители Шивы, величайшей местной природной святыни. Вид был настолько захватывающим, что невозможно было оторвать глаз. И все же я сел делать пранаяму.

Через некоторое время снизу, со стороны площади, стало доноситься уханье барабана, сопровождаемое низкоголосной мантрой. Но это ничуть не испортило пранаямы. Напротив, барабан попадал в такт естественному ритму моей пранаямы, акцентируя его. Это продолжалось где-то полчаса, после чего барабан утих, а вместо него зазвучал божественный хор, вероятно, монахов или браминов. Хор звучал долго, часа полтора, и все это время я сидел на балконе, под свежим утренним ветром, впитывая физически все окружающее пространство долины, венчаемой пиком Каннаур Кайласа. Анастасия, оказывается, тоже слушала мантры, из комнаты. И она тоже согласилась с их божественностью. В самом деле, просто невероятное пение. На грани музыки сфер. А может быть, это оно и было? Чем больше об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что так оно и было...

Мы заехали в город, прошли по средневековым улочкам до центральной площади с храмом. Местные жители, потомки легендарных шангшунгцев, исповедуют синкретическую форму индо-буддизма с шаманистическими (бонскими?) элементами. Это, конечно, какая-то локальная сампрадая изолированной популяции. Часто встречаются монголоидные черты, но не резко выраженные. Молодые девушки тут просто очаровательны, представляя особую индо-тибетскую грацию, образцы которой можно так же видеть в изобразительном искусстве гималайского региона, в том числе – фигурах многочисленных женских шакти-богинь, пляшущих в пламени магического огня предельного познания беспредельности пустого смысла...
Om tare tuttare ture svaha! Om krim kalikayai namah!

VIII. 14. Менри

Следующей нашей целью после Кальпы был бонский монастырь Менри, расположенный в пятидесяти километрах от Шимлы – бывшей летней столицы Британской Индии. Инфраструктурно Шимла – тихий ужас. Агломерация расположена на десятках холмов разной конфигурации, расположенных вокруг бывшей британской цитадели и связанных между собой серпантинами дорог. При этом ни одной прямой улицы, или хотя бы улицы, идущей в одной плоскости, в городе нет. Зато есть удивительно много мест, чреватых формированием мощных транспортных заторов. А пробка в Индии – это всегда максимум несуразностей.

Через Шимлу мы прорывались часа четыре. Проблемы начались еще на дальних подъездах к ней. Оказывается, весь этот регион знаменит своими плодовыми деревьями. Что тут точно выращивают, я сказать не берусь, но с

горной трассы хорошо видно, что многие площади с плодовыми деревьями тут укрыты каким-то цветным пластиком. И таких площадей – огромное количество. Чем-то напоминает объекты болгарского авангардиста Кристо, паковавшего когда-то в пластик американские острова, парижский мост и берлинский Рейхстаг.

Вся трасса вдоль этих упакованных деревьев забита фруктовыми траками. Они тут везде: и на обочинах дорог, и на стоянках у кафе, и на самой проезжей части – медленно ползут, мешая сквозному движению. Потом, часа через полтора, траки закончились. Чуть-чуть проехали с ветерком по хорошей дороге – но качество асфальта вдруг упало, а плотность движения автотранспорта по дорожному полотну резко увеличилась. А вот и первая пробочка... Узкие улицы, низкорослая архитектура. Трасса идет вдоль бесконечных пещер частных бизнесов: мастерских, торговых точек, консалтинговых офисов и врачебных клиник. Стены домов облеплены крикливой рекламой. Повсеместно – портреты каких-то местных политических авторитетов. А вот уже появились многоэтажные дома, клиники, банки, отели...

Ближе к центру – выше фонды. Интенсивнее движение. Погода скачет: дождь, то солнце. Машина то ныряет вниз, то выскакивает вверх по серпантину. Наконец, оставляем Шимлу, с ее хаосом, позади. Мы едем в округ Сунил. До монастыря остается километров пятьдесят, но уже вечерет, движение в темноте по горной трассе – это десять километров в час. Вот уже девятый час, а нам еще надо 20 километров, по неизвестной проселочной дороге, в темноте... Все же, лучше с утра. А то ведь и в монастыре, поди, уже темно...

Заночевали в Суниле. Гостиницы с вай-фаем опять не нашли. В семь утра поехали дальше. И тоже – не все так просто. Опять не туда заехали. Наконец, поспрашивав прохожих, Вишну определился с маршрутом и вскоре мы въехали под вывеску: «Тибетская коммуна Доланжи», а впереди уже блестели золотые крыши бонских храмов.

В Менри, в монастырском гестхаусе, нас ожидала роскошная комната, с шикарным видом на всю долину, большим балконом, а также чистой и функционирующей сантехникой. А потом еще оказалось, что в стоимость номера – и так очень бюджетную – еще входит двухразовое питание в местной столовой. Весьма гуманный подход у бонцев к странноприимничеству. В столовой со всеми и познакомились. Тут обед в двенадцать тридцать. Все собираются вокруг большого стола, человек на десять.

Очень быстро стало понятно, что большинство здесь собравшихся – русские. Помимо нас с Филиппом и Анастасией, это была пара москвичей –

Айрин и Сергей – наши соседи по этажу, одна дама-путешественница по имени Лариса, из Питера, еще одна дама из Питера, математик, плюс две девушки с совершенно бритыми головами, как бонские монашки. Еще тут присутствовала странная пара откуда-то из Восточной Европы: они между собой говорили по-английски, но оба с сильным акцентом. Потом был один испаноязычный парень и один англоговорящий писатель по имени Найджел, из Гастингса, некогда живший в нашем Мазвелл-хилле! Известный в районе магазин «Art for Art's Sake» принадлежал его подруге. Найджел уже сидел в монастыре больше месяца, собирался провести здесь время до осени, потом попутешествовать и снова вернуться в Менри, уже до марта. Он пишет книгу о восточных методиках долголетия. В отрыве от суеты больших городов и центров цивилизации.

Мой новый английский друг объяснил, что в монастыре сейчас каникулы и почти все ламы разъехались. Остались только дежурные. Главный храм закрыт. Но его могут открыть и показать интерьер. Но ежедневно идет служба в другом храме, тоже на территории монастыря. Еще хорошей новостью было то, что глава монастыря, Понлоп Ринпоче, должен приехать в Менри уже сегодня, и у него можно будет взять благословение. А кроме того, должен приехать глава всей бонской церкви, держатель всей линии – Ньима Дагпа Ринпоче. Так что будем коротать время в присутствии небожителей. Аватаров, по меньшей мере.

Найджел нашел монаха с ключами, который открыл Большой храм, посмотреть. Роскошное, конечно, зрелище. Большой зал увешан разноцветными шелковыми хоругвями, танками с портретами небожителей, расписан райскими картинами и видениями инореальных существ. Расписная статуя восседающего на алтаре Шенраба Миво в царственной короне, в духе тантрических божеств, отражается на зеркальном полу. Много застекленных шкафов наполнено сотнями однотипных фигурок в позе лотоса, но с разной жестикуляцией. Тут везде жестикуляция: и у маленьких фигур, и у больших. Совершенно своя знаковая реальность.

Бонская служба очень напоминает буддийскую, только вместо Будды на алтаре Шенраб, а вместо Ганджура и Данджура читаются книги с аналогичными названиями, но совершенно иного содержания. При полном совпадении литургической эстетики, бон и Ваджраяна – совершенно разные религии. Однако, есть общие точки соприкосновения. При этом весьма вероятно, что это не древний бон был трансформирован буддизмом в буддообразную форму, но, напротив, индийский буддизм обернулся бонскими архетипами, бонской эстетикой как более понятной автохтонному населению изолированных высокогорных трансгималайских долин: этот совершенно шаманский бубен, духовая секция из магических труб, имитирующих гласы неземных существ, пафосный шум литавр и

заклинательный бас иерофанта, призывающего тантрическую сущность – как источник благодати – в мандалу традиционного ритуала...

По случаю каникул службы в Большом храме не идут. Единственная пуджа, но зато ежедневная, идет в Храме Защитника. Тут читает мантры и стучит в барабан единственный лама. Но зато делает это с душой. Он же дует в трубу, по необходимости.

Другое знаковое место в Менри – монастырская библиотека. Тут собраны тысячи книг на тибетском, китайском, английском, санскрите, хинди и других языках, включая русский. Представлен весь бонский Канон, весь буддийский Канон, комментаторская литература, исследовательский корпус: все о боне, все о Шангшунге. Представлены образцы шангшунгского письма, древние шангшунгские рукописи. Я вспомнил, как встретил в одной из повестей Еремея Парнова упоминание о священной бонской книге «Клумбум», что переводится как «Сто тысяч змей». Однако, никакие поисковики ее не выдают. Я решил проверить, правду ли сказал Парнов или просто продвинул телегу. Рассказываю эту историю директору музея.

– Как вы говорите? Лумбум? Да, есть такая книга!

– Сто тысяч змей? А о чем она? О змеях?

– О нагах. Это заклинания против нагов...

Я вспоминаю о «повелителе нагов» Нагарджуне. Это ведь он адаптировал эллинистический буддизм Уддияны к изобразительному языку бонских мистерий. Бонцы его тоже почитают его как своего мастера по имени Юнгдрунг Тонгдрол – братом-близнецом Цеванга Ригдзина, сыном мудреца Дренпа Намки³⁵⁰. Сюжет с близнецами сразу вызывает ассоциации с зурванитской парадигмой двух братьев, «хорошим» и «плохим» (Ахура-Мазда – Ангра-Майнью). Сам Дренпа Намка изображается как аскет синего цвета, напоминая иконографический облик Шивы-Махакалы, Великого Времени.

Над библиотекой находится музей Шангшунга. Тут собраны различные артефакты из магической атрибутики бона и отдельные находки из долины Сатледжа эпохи Шангшунга. Учитывая, что это был Шелковый путь, можно понять разнообразие находок и разброс пунктов их изначального изготовления. Шангшунгская цивилизация, существовавшая около тысячи лет, закончилась вместе с поднятием тибетского княжества Ярлунг в VII веке и переориентацией его правящей династии на буддизм.

³⁵⁰ **Дренпа Намка** (Drenpa Namgha) – бонский реформатор VIII века. Родился недалеко от горы Кайлас, учился у восьми учителей. Считается самореализованным мастером трех бонских дисциплин: сутры, тантры и дзогчена. Божество долголетия, одно из лиц священной Троицы бессмертных (Чимей Ябсесум) в системе Нового бона.

Соответствующие изменения претерпел и бон. В XI веке появился созданный Шенченом Луга Юндрунг бон (Вечный бон), перенявший часть буддийских институтов, а к XIV веку сложился Бон Сарма (Новый бон), возводившийся его идеологами к Дренпа Намке и близкий мировоззренчески к основанной Падмасамбхавой школе Ниьнгма.

Одним из ведущих мировых специалистов по материальной и культурной истории Шангшунга является настоятель монастыря Менри, Его Святейшество Понлоп Тринлей Ринпоче, уже более двадцати лет составляющий тибетско-шангшунгский словарь. Ринпоче выступает с лекциями по всему миру, бывал и в России. Там у него много поклонников. Есть они и здесь. Больше половины всех посетителей монастыря – русские. Тут есть несколько активных дам, у которых все в друзьях – от настоятеля до повара. Именно с их легкой руки я запросил аудиенция у Его Святейшества и – получил ее!

Найджел меня инструктировал:

– Первым делом, я дам тебе хадак. Если пойдешь с женой – два хадака. Не переживай, меня их есть. Потом, подойдя к Ринпоче, отложи хадак в сторону. Или повесь на что-нибудь, или попроси кого-нибудь поддержать. Потом делаешь перед Ринпоче земной поклон. Ты знаешь, у тибетцев есть еще простирание, это считается самым вежливым, но я думаю в твоём случае простирание будет некоторым перебором. Достаточно земного поклона...

Айрин проводила нас до дверей Ринпоче, кратко предупредила его и сделала нам знак «входить». Ринпоче в близком общении – очень жизнерадостный, веселый человек. У него в покоях очень уютно. Вокруг шелка, танки, медные фигурки. Стол с ноутбуком и многослойное сиденье из одеял. Отличный вид из окна на монастырь и широкую долину, окормляемую гималайскими отрогами. Сегодня Шангшунг – это Менри. Мы сфотографировались с Ринпоче на память. Om Ma Tri Mu Ye Sa Le Du!

По вечерам все собираются в столовой. Ужин подают к семи тридцати. Больших разносолов не бывает, но голодным тоже не останешься. Овощи, фрукты, выпечка, чай, джем... Народ подтягивается из номеров. Да, здесь, в самом деле, как в мире небожителей: потерянный горизонт – Шангри-ла³⁵¹! Ведь не просто так Найджел пишет здесь свою книгу о долголетии! Ему нужно будет непременно оставить экземплярчик в монастырский библиотеке. А мне – своей.

³⁵¹ **Шангри-ла** – гималайский монастырь в районе пика Чогори (K2) для продвинутых людей со всего мира, обретающих здесь долголетие: место действия фантастического романа английского писателя Джеймса Хилтона (1900–1954) «Потерянный горизонт» (1933).

Я рассказываю англичанину о своих ассоциациях. Он понимающе кивает. Найджел, в свою очередь, напоминает мне о романе Киплинга «Ким», где речь идет о приключениях индо-ирландского героя по имени Ким, вписанного в интриги Большой Игры. Там тоже действие происходит в Гималаях, причем объектом мистического поиска является некая Река Стрелы (уже не Шенраба ли?), на берегах которой гуру героя обретает просветление!

"Вот сидит отшельник в пещере и медитирует. Но он медитирует так, что вокруг все ходуном ходит..."

Владимир Малявин. Из лекции "Человек в китайской цивилизации"

Наступила последняя ночь нашего пребывания в монастыре. Около полуночи я вышел на балкон, провести прощальную пранаяму с дхьяной. Но сначала – тай-цзи-цюань. Я поставил Амитаюса на столбик между балконными перилами. Слева на небе висела почти полная луна, окормляемая роскошным гало. Я давно заметил, что движения тай-цзи в своей эстетике напоминают движения тантрических танцев и ритуалов освящения мандалы Калачакры. Причем, не просто их напоминают, но, местами, воспроизводят в деталях. Я тоже использую в своей пудже тай-цзи.

Начинаю с легкого разгона облаков. Удивительно, но такое ощущение, что сгущающийся в темноте туман начинает следовать вашим ритмам. К концу сета тумана стало так много, что он заполнил собой всю долину, и теперь блестел в лунном свете нереальными отблесками. Я сел делать пранаяму, и уже при первых вдохах почувствовал, как ветер загулял по балкону. Чем больше дышу – тем сильнее ветер. Я сосредоточился на сушумне, представил себе атмана в срединном канале, и тут вокруг начало гулко грохотать. Такое ощущение, что природа просто следует вашим визуализациям.

Сидел под усиливающимся ветром и грохотом довольно долго. Дождя не было. В какой-то момент грохот стал сопровождаться яркими вспышками. Никак, гроза в долине? Я открыл глаза и поразился увиденному. Туман, заполнивший долину, мерцал во вспышках молний, бившихся беззвучно прямо в зените, а грохотало по горным хребтам вокруг. Или мне это просто так слышалось? Фигурка Амитаюса мигала во вспышках молний мистическим профилем сверхъестественного божества, порождаемого из великой пустоты на мгновение ока светом небесного огня. Такая свистопляска продолжалась довольно долго, часа два, не меньше. Причем дождь так и не пошел...

VIII. 15. Чандигарх-Курукшетра-Дели

Объект номер один в Чандигархе – Административный дистрикт, построенные по проекту ле Корбюзье. Архитекторы со всего мира ездят сюда лично посмотреть на шедевры брутализма. Характерно, что нигде в Европе ему такое построить не дали, в в Индии, по наивности, открыли двери перед западным авангардом... Впрочем, многим нравится. Вот, например, моей жене. Она хоть и в шоке, но говорит, что чисто концептуально объект крутой.

Административный дистрикт состоит из трех мега-сооружений и ряда декоративных построек. К первым относятся Дворец Юстиции, Парламент и Правительственный корпус Пенджаба-Харьяны. Декорации – большая вращающаяся человеческая ладонь, стилизованная под профиль голубя, Площадь парадов, Башня тени и Курган Солнечной эклиптики. «Ладонь Корбюзье» – логотип Чандигарха. Печать Великого Архитектора.

Дворец Юстиции – бетонный короб, унылая серость которого местами подкрашена яркими красками. Выглядит как гигантский складской ангар. Только большегрузных траков не хватает... Неподалеку, в чистом поле – монумент с той самой рукой. В земле сделан забетонированный котлован, в котором стоит прямоугольная бетонная коробка, пронзенная железной пикой, с нанизанной пятерней мастера. Чуть дальше – Площадь парадов. Тут сразу ощущаешь себя как в Нюрнберге: огромный забетонированный плац и каменная трибуна со свастикой. А напротив – выложенная каменными плитами наклонная плоскость с изображением синусоиды солнечного цикла – над и под горизонтом событий... Солнце в динамике – огненная колесница Сурьи.

Здание Парламента – это просто тихий ужас. Внутри ощущаешь себя как в замке Фантомаса. Темно, везде темно-серые бетонные своды и пространства неправильных форм, где-то мерцают огоньки информационных табло. Внизу сдаем личные вещи, поднимаемся на второй этаж. Здесь вход в зал заседаний. Стены – черный бетон. Черный купол с какими-то химически-желтыми яркими пятнами. Это какие-то экологические прибамбасы, я так и не понял какие... Кресла для депутатов из зеленой кожи. Трибуна для спикера со свастикой. Как-то все это выглядит опереточно. Трудно себе представить, как в таком пространстве люди могут решать государственные дела!

Правительственный корпус – тушите свет. Все его стены покрыты устаревшими конструкциями гудящих кондиционеров. Внутри – сумрачно и запах общественного туалета. Да так оно и есть. Вот – указатель в туалет. Его дверь открыта, оттуда все и идет. Народ меланхолдично проходит мимо, как будто все в порядке. Коридоры корпуса – темные, углы завалены

мусором, вплоть до строительного. Стены – голый бетон, весь в подтеках. Садимся в стальной лифт, едем наверх. Выходим на крышу здания. Ну, тут хоть светло, свежий воздух! Повсюду стоят кадки с зеленью. Пост вооруженной охраны. И обалденный вид на весь Чандигарх и все прилегающие объекты. Так что Ле Корбюзье мы зафиксировали.

Этой ночью мы уезжали в Дели, в аэропорт. Проезжали через Курукшетру – легендарное место сражения Пандавов с Кауравами. На этом поле когда-то Кришна инструктировал Арджуну, а сейчас его пересекает скоростная трасса Чандигарх-Дели, по которой мчатся редкие фуры и мотоциклы. Сам Дели – как Нью-Йорк, никогда не спит. В аэропорту светло и свежо. Самое время поесть...

VIII. 16. Небесный пояс цивилизаций: Путь из Варяг в Шамбалу

Самолет оторвался от бетонки и взлетел. Вниз и назад побежали строения аэропорта, коробки жилых домов и прямоугольники зеленых участков. Курс на северо-запад: Харьяна, Пенджаб... Летим над Индо-Гангской равниной, вдоль большого Гималайского хребта. Вся территория внизу разбита на сельскохозяйственные наделы, очень густая сеть аграрных поселений. Но через полчаса картина существенно меняется. Поселений становится значительно меньше, дорожная сеть – ощутимо реже. Смотрю на карту маршрута: впереди по курсу – город Лахор. О, так это уже Пакистан. Пакистанский Пенджаб. Ну да, тут население явно не такое густое, как в Индии, инфраструктура существенно пожиже, как ни крути.

Лахор – центр пакистанской кинопродукции, «Лолливуд». Некогда в этом городе жил Редьярд Киплинг. Именно здесь он написал свой знаменитый роман «Ким» (1901), который мне так настоятельно рекомендовал к прочтению Нейджел. Мы летим дальше, в сторону Пешавара – античной Пурушапуры. Почвы становятся все более сухими, появляется легкая гористость. А ведь это все – территория бывшей буддийской Уддияны, а еще раньше – прото-ведийской Гандхары как культурного эпицентра Пятиречья (Панчанада-Пенджаб) и всей Арьяварты (страны ариев) в целом. Но еще раньше здесь процветали города доарийской Индской цивилизации.

Пять рек Пятиречья, от Инда до Сатледжа, представляют собой в плане как бы растопыренную ладонь. Вернее – нечто вроде кровеносных сосудов пяти пальцев, сходящихся в запястье. Верховья Инда – очень живописное и очень мистическое место. Гористый рельеф, изрезанный мощной рекой и ее притоками, оставляет впечатление древней, заповедной страны, идеальной для жизни человека. Можно только догадываться, как эти места выглядели две-пять-десять тысяч лет назад, когда человек еще не распахал почвы, не повырубал леса...

Тем временем перелетаем Гиндукуш и парим над Бактрией, где главная водная артерия – великая Мать-река, Амударья. Территория древнейшей Маргианской цивилизации. Некогда весь Афганистан был буддийской страной, а Кабул и Кандагар – центрами буддийской учености. Гандхара, Бактрия, Уддияна, Средняя Азия вплоть до Хорезма, а также Индостан до гор Виндхья, входили в состав буддийской Кушанской империи. Именно при кушанах северные буддисты перешли с простонародного пракрита (пали) на аристократический санскрит, с которого впоследствии делались переводы на китайский, тибетский и монгольский языки.

Сегодня Афганистан – достаточно пустынная страна. Ее инфраструктура, глядя с высоты полета пассажирского лайнера, представляется еще более размытой, чем пакистанская. Можно наблюдать лишь некоторое шевеление жизни вдоль рек, текущих сквозь бесплодные горные ландшафты. Где-то здесь, слева по борту, должно быть неолитическое поселение Ак-Кёпрюк IX тысячелетия до нашей эры – древнейший центр зарождения сельского хозяйства во всей Средней Азии.

А вот и Амударья. Отсюда начинаются бывшие советские территории: Таджикистан, Узбекистан, Туркмения... Это тоже часть древних Бактрии и Согдианы (Большой Хорасан). Снова пошла легкая зелень, появились характерные прямоугольники дехканских полей. Старейший город региона – Самарканд (Мараканда), основанный в VIII веке до н. э. К VI веку до нашей эры относят основание Термеза и Бухары (вероятно, от слова «вихара» – буддийский монастырь). Это все – давно знакомые мне места. В семидесятые-восьмидесятые годы я здесь много путешествовал в поисках остатков древних цивилизаций и фрагментов живого опыта последних носителей их ценностей: суфиев, шаманов, мистиков...

Что характерно, народная память здесь сохраняла не только доисламские орнаменты и какие-то очень архаичные, магические представления из эпохи еще добуддийского маздеизма, но также четко фиксировала места погребений древних героев и святых, правда почти всегда переименованных на исламский манер. Недалеко от кишлака Макшеват, что рядом с горным озером Искандеркуль (в котором, по легенде, утонул конь Александра Великого, знаменитый Буфефал), имеется заповедная пещера с мумифицированной в сидячей позе человеческой фигурой. Местные жители именуют ее Ходжа Исхок (Исаак) но мне приходилось также слышать о доисламском происхождении мумии. Известный таджикский краевед Карл Тимофеевич Ефремов³⁵² предполагал, что это могут быть

³⁵² **Карл Тимофеевич Ефремов** (17.02.1928 Борзя Читинской обл. СССР - 26.12.1993 Душанбе, Таджикистан). В начале 50 годов приехал в Туркмению. В конце 50 годов переехал в Душанбе. Работал доцентом в Политехническом Институте Душанбе, читал лекции. Работал старшим инструктором турбазы Варзоб. После выхода на пенсию

останки Спитамена (370 - 327 гг. до н.э.) – согдийского военачальника, восставшего против Александра и после поражения укrywшегося в горах. Мне же представляется, что гораздо более реалистичной будет версия о буддийском архате, самомумифицировавшемся в результате продвинутого дзогчена.

Амударья делит пустыню надвое. Справа по борту лежит большой Бухарский оазис, слева – Мервский. От Мерва, некогда центра Маргианской цивилизации III тысячелетия до нашей эры, после монгольского нашествия в начале XIII века остались одни руины, но неподалеку был основан город Мары, существующий до сих пор. В полусотне километрах отсюда, у северной границы оазиса, ден быть затерянный в песках Гонур-Депе – построенный по законам Мандука-мандалы прообраз Шамбалы. Я внимательно всматриваюсь в пейзаж: не мелькнет ли там заветный квадрат загадочного города Брахмы?

Летим дальше, вдоль великой Реки-матери (именно так переводится с персидского «Амударья»), на северо-запад – из Хорасана в Хорезм. Где-то здесь, прямо под нами, должны быть Хива, Ургенч, Нукус, Ходжейли с могилой Адама-Гайомарда. Оазисы заканчиваются, начинаются бескрайние просторы безжизненного плато Устюрт. Вот где Марс! А за Устюртом, вплоть до самого Урала-реки, продолжается Великая степь. Некогда здесь кочевали скифы, а до них – дальние предки индоевропейцев. Впрочем, степь – с редкими вкраплениями зеленки – продолжается и после Урала, до самой матушки-Волги. И лишь по ту сторону великой русской реки начинается реальная, лесостепная Россия.

Узнаю излучину Сталинграда. Тут, в ноябре сорок второго, мой отец, прижатый спиной к Волге, защищал, в составе 62 армии генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, последние пяди Правобережья от катившихся с запада танков 6 армии фельдмаршала Паулюса. Тут же был ранен и сплавлен, в бессознательном состоянии, на двух связанных бревнах вниз по течению, в надежде, что свои позже выловят. Выловили. И вот теперь я, сверху, как небесный дух, наблюдаю этот фрагмент суши, разделивший судьбу моего отца на «до» и «после»...

А дальше – Тамбов, Рязань. Москва, Тверь, Великий Новгород... Здесь начинается то, что я называю Русью Изначальной – территория пути из варяг в греки, колонизованная варягами-русью в IX веке. После Новгорода лиственная природа средней полосы России меняется на скандинавскую хвою. Гардарика, Ингерманландия...

построил себе дом на собственном участке в закрытой долине Оби-Питауду. Похоронен около собственного дома (ашрама).

Подлетаем к Питеру, но по пути делаем маневр влево, над Финским заливом. Одним словом,

Принимай нас, Суоми-красавица,
В обрамленьи прозрачных озер...

От Хельсинки до Лондона – строго по прямой, над Балтийским морем. Пятнадцать веков назад оно было внутренним морем владений великого конунга древности, легендарного потомка Одина, скьельдунга, Ивара Широкие Объятья (Видфамне), простиравшихся от Восточной Англии (Нортумберленд) до Гардарики (Старая Ладога, др.-сканд. *Aldeigja*, *Aldeigjuborg*). Говорят, к скьельдунгам принадлежат и рюриковичи. А вот Романовы – под вопросом...

Пространство от Британии до Центральной Азии пересекали нити Великого Шелкового пути, один из отрезков которого можно назвать Путем из варяг в Шамбалу, или Индийское царство, описанное в средневековом византийском сказании от лица его царя:

«Посреди же моего царства течет из рая река Эдем, в той же реке добывают драгоценные камни: гиацинт, сапфир, памфир, изумруд, сардоникс и яшму, твердую и, как уголь, сверкающую. Есть камень кармакаул; этот камень — господин всем драгоценным камням, ночью он светится, как огонь горит. Есть у меня земля, а в ней трава, которую всякий зверь избегает, и нет в моей стране ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, потому что земля моя полна всякого богатства. И нет в моей земле ни ужа, ни жабы, ни змеи, а если и появляются, сразу умирают».

Сказание об Индийском царстве (византийское произведение XI-XII вв.)

Стало быть, в Индийском царстве нет ядовитых гадов. Вероятно, не должно там быть и скорпионов. Как в Гью³⁵³ – высокогорном селении на территории древнего Шангшунга...

VIII. 17. Тайна Черного идола

Вернувшись из Индии, я продолжил свои исследования гималайской темы. В числе прочего, слепил из глины копию фигуры Черного идола, насколько мне удалось ее запомнить и зарисовать. Однако, что-то в пропорциях, вообще во внешнем виде не совпадало. Изъян Кали-юги?³⁵⁴ Тут уже получается изъян от изъяна...

³⁵³ **Гью** – омофон (?) бонского термина «гью» (rGyud): практика тантрических ритуалов и визуализаций, один из четырех разделов учения Шенраба, наряду с Dho (mDo – начальные сутры, отрешение), Bum (высшие сутры и медитация, Праджняпарамита), Zod (mDzod – самопознание и освобождение, дзогчен).

³⁵⁴ **Изъян Кали-юги** – напомним читателю, что здесь речь идет об «изъяне» в мурти Бадринаяна, обнаруженном Шанкарачарьей в Тапта-кунде. Этот «изъян» философ объяснил «несовершенством» самой Кали-юги, когда искажаются даже божественные пропорции.

Удивительно, но уже на следующий день после изготовления этой фигуры мне попала в сети очень старая (возможно, начала XX века) фотография алтаря бадринатхского мандира, на которой все храмовые мурти, включая Черного идола, стоят в разоблаченном виде. Над алтарем начертаны два слова на санскрите: «нирвана» (просветление) и «даршан» (созерцание), а внизу, под образами, надпись: «Шри Бадри Натх Ом». Под фотографией приведена цитата из джайнского канона:

«Без даршана (прозрения) нет гьяны (знания), без знания нет характера, без характера нет мокши (освобождения), без мокши нет нирваны (свободы).»

Sutta No 211, Saman Suttam

Получается, что в дизайне гарбхагрики Бадринараян-мандира можно вполне усмотреть элементы джайнской культуры, тесно переплетенной с ведийской. В Бхагавата-пуране Ришабха указан в качестве аватары Вишну, и как аватара Шивы – в Шива-пуране.

«Яджурведа упоминает имена трех тиртханкаров: Ришабхи, Аджитнатха и Ариштанеми³⁵⁵. Бхагавата-пурана подтверждает мнение, что Ришабха был основателем джайнизма.»

Сарвепалли Радхакришнан. Индийская философия

Не следует также забывать, что через Бадринатх многие века проходила важная паломническая тропа из Индии в Тибет, на Кайлас, которой пользовались индусы, буддисты, джайны и бонцы – т. е. все, для кого Кайлас представлялся религиозной святыней высочайшего уровня. Отсюда, Черный идол мог служить в качестве священного мурти не только для индусов, но и для других дхармистов, приверженных схожим ритуальным и созерцательным практикам. Ведь является же для них общим сакральным объектом сам Кайлас!³⁵⁶

Кайлас для многих – сверхъестественное откровение в естественном. В том числе – с формальной стороны. На маршруте вокруг горы, коры, существует место, с которого Кайлас предстает в виде гигантского храма с огромным белым куполом. Здесь на самом деле происходит некое наложение разных объектов, Кайласа и Нанди, во взаимодополняющей перспективе, в результате которой перед наблюдателем раскрывается оптическая иллюзия в формате парадоксального откровения: вот он, Храм Бога истинного на Священной горе! Это исполинское святилище – явно неземного происхождения, игра космических сил с явным посланием человеку через его знаковую систему понимания.

³⁵⁵ В джайнской саге Хемачандры «Трисастишалакапурусачаритра» двадцать второй тиртханкар джайнизма, Ариштанеми (Неминатха), выступает как двоюродный брат и учитель Кришны.

³⁵⁶ Здесь можно привести аналогию с некоторыми общими архангелами, святыми и святынями для представителей всех трех авраамических религий.

Примечательно, что в Индии существует особый тип храмовой архитектуры, имитирующей, в той или иной степени приближения, визуальный комплекс Кайласа. Один из первых храмов этого типа – резной Кайлас-мандир в Эллоре³⁵⁷. Весьма вероятно, что строители древних святилищ в самом деле были воодушевлены практически готовой формой идеального храма, демонстрирующего удивительные пропорции. Отсюда же – легендарные истории о храмах гималайских богов на заснеженных вершинах этой высочайшей горной системы мира.

Храм Кайласа схож по форме с гигантской черепахой, держащей на спине бху-мандалу. С этим символизмом тоже не все так просто. Как известно, традиционный образ Курмы-аватары, воплощения Вишну в облике гигантской черепахи, соотносится с мифологическим сюжетом о пахтании Мирового океана, когда превратившийся в черепаху Вишну послужил основанием для земной оси, использованной дэвами и асурами (богами и гигантами) в качестве мутовки.

«У горы Мандара, которую использовали как мутовку для пахтанья Молочного океана, не было опоры, поэтому даже могучерукие полубоги и демоны не смогли ее удержать и она утонула в океанских глубинах. Когда гора по воле провидения затонула, полубоги и демоны не смогли скрыть разочарования и лица их как будто потемнели. Увидев, что случилось по воле Всевышнего, безмерно могущественный Господь, чья решимость непоколебима, принял удивительный облик черепахи, опустил в глубины океана и поднял огромную гору Мандара. Когда полубоги и демоны увидели, что гора Мандара поднята со дна, они воспрянули духом и вновь загорелись желанием пахтать океан. Гора эта покоилась на панцире огромной черепахи, походившей на остров размером в сто тысяч йоджан (1 300 000 километров).»

Шримад Бхагаватам. 7.

А ведь сам Кайлас, физически, является частью бывшего океанического дна, вынесенного тектоническими силами планеты на вершину горной цепи вследствие давления Индостанской литосферной плиты на Евразийскую. Пик Кайласа – вершина вздыбившейся хтонической бездны, вознесенной над подлунным миром в виде призрачного храма-черепахи. Белоснежный купол Кайлас-мандира, как центральный гномон³⁵⁸ Земного круга, символизирует мировую ось, вертикальную к плоскости бху-мандалы.

xxx

³⁵⁷ Аналогичную форму имеют описанные в предыдущих главах храмы Бхарат-мандир в Ришикеше и Кедарешвар-мандир в Кедарнатхе.

³⁵⁸ **ГНОМОН** (др.-греч. γνῶμων — указатель) — древнейший астрономический инструмент, вертикальный предмет (стела, колонна, шест), позволяющий по наименьшей длине его тени (в полдень) определить угловую высоту Солнца. Кратчайшая тень указывает и направление истинного меридиана.

Часть IX. E pluribus unum³⁵⁹

IX. 1. Дхармизм и монотеизм

В индуизме и родственных ему дхармических религиях индо-иранского корня широко распространена идея перерожденцев, тулку³⁶⁰, аватар³⁶¹ и перевоплощений живых существ разных категорий – от небожителей до обитателей ада. При этом концепция личности как субъекта метемпсихоза (греч. «переселение души») в дхармической философии и культуре существенно отличается от того, что принято понимать под личностью на Западе, шире – в рамках дискурса монотеистической религии и, тем более, светской науки. Этим обусловлено частое непонимание причины обилия перерожденцев и аватар в восточных культурах, из чего следует вывод о их примитивности в сравнении с западной духовной традицией.

С другой стороны, западные адепты восточных практик, перенимая представления и риторику последних, продолжают, хоть и бессознательно, исповедовать чисто западные «опредмеченные» подходы к проблеме метемпсихоза, а разного рода аллегории и символические фигуры готовы принимать в духе фетишизирующего буквализма. При этом адекватное понимание феномена «переселения душ» в культурном и мистическом наследии Востока совершенно необходимо для критического осмысления исторического материала и последующей продуктивной работы с ним как с особой системой кросскультурных референций. На эту тему написано множество работ, в разной степени корректности отражающих суть проблемы, и мы не будем здесь «множить сущности», но постараемся представить тему с точки зрения инструментальной прагматики. Возьмем хорошо известный пример с так называемыми «буддами» (перерожденцами) высших иерархов в тибетском буддизме, включая самого его главу, далай-ламу.

Обычно, после кончины очередного первоиерарха, специальные ламы начинают поиски нового воплощения мастера. Это стилизуется таким образом, что члены поисковой комиссии приступают к консультациям с астрологами и ведунами, внимательно исследуют окружающую среду на предмет особых знамений и указаний: куда идти, в каком направлении искать... В конце концов, когда несколько кандидатов найдены, им устраивают специальный проверочный экзамен, суть которого состоит в следующем. Перед претендентами на должность «будды» раскладываются предметы, часть из которых принадлежала ушедшему мастеру, после чего дети должны отделить правильные от неправильных. Это не всегда связано с четким раскладыванием вещей по полочкам, тут главное – обратили ли кандидаты внимание на подлинные объекты, выделили ли их как-то

³⁵⁹ **E pluribus unum** (лат.) – «Из многих – единое» (Цицерон)

³⁶⁰ **Тулку** (тиб. ལྷན་པོ་ ; санскр. निर्माणकाय, nirmāṇakāya — «феноменальное тело»; монг. хубилгán — «перерожденец») — одно из трёх тел Будды, форма проявления Будды в обыденном мире.

³⁶¹ **Аватара** (санскр. अवतार, avatāra, «нисхождение») — термин в философии индуизма, обычно используемый для обозначения нисхождения божества на землю, его воплощение в смертное существо.

(взглядом, касанием, упоминанием) из общей массы? И дальше, у кого больше «очков» – тот и победил.

Результаты теста, в практическом плане, должны показать, насколько кандидаты в «будду» интуитивно, телепатически резонируют с прежним владельцем этих вещей. Это своеобразный тест на «кармический резонанс»: тот, у кого он больше – в большей степени готов занять соответствующую позицию. Не важно, как происходит «угадывание», важен практический результат. Пусть даже путем слепого случая. Которого, кстати говоря, для носителей дхармической ментальности в природе просто не бывает. Да, жребий, но жребий – знаковый. Значимость жребия – в этом вся суть дхармизма, ибо Дхарма превыше всего.

Буддийская философия личности трактует последнюю как состоящую из множества «дхарм» или условных психических «атомов», составляющих в совокупности ту или иную кармическую композицию. Тут нет ничего постоянного, смонтированного на веки вечные. Здесь все преходяще, взаимозаменяемо. Поэтому едва ли не главным аспектом, придающим новому живому существу иллюзорную целостность, является его физическое тело. Никакой речи о какой-то переселяющейся из тела в тело постоянной душе, к тому же помнящей свои прежние перерождения в аспекте впечатлений предшествовавших физических тел, здесь нет.

Иное дело – монотеистическая идеология с ее представлениями о «вечной душе» как бессмертной монаде, хранящей некий опыт персонального существования с изначальных времен. В действительности между обеими концепциями души, дхармической и монотеистической, имеет место определенная корреляция, которую можно уподобить корреляции между опытом сновидного и бодрствующего состояний. Во сне человек ближе к дхармическому мировосприятию, когда «все течет, все изменяется», бодрствование же диктует более ригидную конструкцию личности, имеющую место «здесь и сейчас». Точкой связи и одновременно расхождения (бифуркации) этих двух опытов является состояние глубокого сна – аналог «пустого множества».

Сложность состоит в том, что данное состояние невозможно непосредственно зафиксировать (схватить), при этом парадоксальная «память» о нем может быть реализована как «последствие» в терминах как дхармической, так и монотеистической парадигмы, в зависимости от структуры психики и личности, зависимых, в свою очередь, от суггестивного «клея» господствующей в данной социальной среде культурной традиции.

Существует прагматичное объяснение механизма перерождений, данное Гурджиевым, с которым вполне согласны мои знакомые гималайские садху. Здесь речь идет о своеобразном объединении дхармической и монотеистической позиций в единую иерархическую модель, согласно которой «обычный человек» (условный профан) существует в рамках буддийской модели (то есть в нем все транзиторно, неустойчиво, призрачно, и вместе с распадом физической базы все «дхармы» рассеиваются в экзистенциальном пространстве), тогда как человек «совершенный» (условный посвященный) сохраняет после смерти тела некий психический каркас, консолидируемый личной волей к преодолению универсальной энтропии в пользу бессмертной монады.

Но здесь речь не идет о механическом переносе старых паттернов физической памяти на новую материальную базу. Скорее, надо говорить о трансляции «дхарм», резонирующих исключительно с инициатическими параметрами Вечной Дхармы (санскр. «санатана дхарма»), с вечной божественной монадой монотеизма – Логосом.

Однако Логос (он же – «бессмертная душа»), не является изначальным свойством «человеческой композиции», но присущ ей лишь потенциально, подобно потенциальному джекпоту в незаполненном лотерейном бланке. В случае совпадения двух-трех позиций можно потратить полученную незначительную сумму на новые бланки с тем же потенциалом – и это аналогично «перерождению» накопленных средств. И так – до обретения «магической семерки» как условия реального джекпота. В подавляющем большинстве случаев даже миллион попыток не дает гарантии стопроцентного попадания, но иногда все получается с первого раза.

Аналогично обстоят дела с перерождениями «человеческой композиции». Тысячелетия систематической садханы как «собрания суммы инициатических впечатлений» не гарантируют обретения «души», но если человеку повезло встретиться лицом к лицу реального носителя Дхармы (сатгуру, живого бога или реализованного будду), то шансы на дхармический джекпот резко увеличиваются.

Несколько иначе все выглядит с мифологическими фигурами и мистическими божествами. Тут нельзя говорить о «душе» в вышеозначенном, т. е. человеческом смысле. Боги – объекты культового служения как институционализированной садханы. Их актуализация происходит через акт веры, *auto-de-fe* (технически это акт авто-суггестии). В ноосферном³⁶² пространстве культурного дискурса божественные имена и соответствующие им образы маркируют отдельные аспекты инициатического ритуала, связанного, в свою очередь, с метафизическими (постигаемыми) параметрами реального космоса, обитаемой вселенной как «домом бытия»³⁶³.

В дхармической ментальности все небесные тела (от планет до галактических туманностей) представляются элементами единого универсального корпуса Судьбы как Великого Времени (Махакала), обладающего, в свою очередь, вечной (с точки зрения погруженных в его внутренние круги существ) душой-монадой-Логосом-Брахманом. Почитание человеком отдельных аспектов (или аватар) Космической души (ритуал как моделирование макрокосма в процессе его зарождения-развития-умирания) поддерживает в человечестве способность к *речи* и *образному мышлению*, – *которые*, однако, не тождественны Логосу, но являются инструментами само-реализации последнего в пространстве человеческого микрокосма. Этот атман – Брахман. Ты есть Он.

³⁶² **Ноосféра** (греч. νόος — разум и σφαίρα — шар) — сфера разума; сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития.

³⁶³ Обыгрывание известной максимы М. Хайдеггера. «Известно, что философская формула “Язык – дом бытия” была введена и осмыслена крупнейшим философом-экзистенциалистом Мартином Хайдеггером. В русской метафизической философской традиции она рассматривается шире, в смыслах: “язык – дом бытия духа и пространства мысли”.» (Валентина Ефимовская. «Язык – дом бытия»)

Для монотеиста, в строгом смысле этого слова, Бог находится за пределами тварного космоса, как бы за гранью реальности, сформированной Большим взрывом (если использовать физическую терминологию). Да и всякой реальности, как чего-то тварного, вообще. В этом смысле «Бога нет», «Он не существует», ибо все сущее, как имеющее место быть, есть *продукт* божественного творчества, сам же Творец принципиально вне-бытиен, не-сущ. Творец не тождественен своему творению. Вместе с тем, ритуалистика монотеистических религий вполне дхармична, поскольку опирается на фундаментальную основу всей дхармической «конструкции» – календарь. Но ведь строгий монотеизм не должен быть связан с какими-либо *циклами* – *архонтами* архаичного гностицизма?

Выход за пределы умозрительной цикличности – центральная задача как дхармической, так и монотеистической метафизики. Единое всегда уникально, неповторимо, нетиражируемо. При этом лишь наличие Единого позволяет существовать «единичностям» как автономным атомам системного множества. Сама умственная операция выделения объекта из бесконечной объективности, его детализация и классификация по субстанциальным категориям, невозможна без изначально заданной интуиции некоторого «единства», которое, по аналогии с синестезией³⁶⁴ (единство ощущений), можно охарактеризовать как «синлогику» (единство представлений), она же – чистая «идея» Платона или примордиальный «логос» Иоанна Богослова.

Точно так же можно поставить вопрос о выделении *субъекта экзистенциального опыта* из потока *недифференцируемой субъективности*, соотносимой с интегральной душой (греч. «психе») глубокого сна. Душа-Идея-Логос-Единое – это все понятия близкого характера, если не сказать – тождественные, и соответствуют третьему состоянию познания Упанишад, т. е. «праджне», эквивалентной греческому «гнозису» (знанию). Вместе с тем, в западной академической философии принято разделять понятия «монизма» и «монотеизма», относя первый к дхармической традиции, второй – к монотеистической. Сделано это в целях проведения тезиса о наличии в случае «монотеизма» некой уникальной божественной личности, тогда как «монизм» толкуется в духе безличностного единства «всего во всем»³⁶⁵.

В действительности разница между дхармической и монотеистической мистикой состоит в том, что приверженцы монотеизма рассматривают «единство» в качестве ультимативной категории, преодоление которой есть понижение метафизического градуса, ибо ведет только «вниз», к «множеству». Для дхармистов же уход от «полноты единства» возможен как «вниз», к «множеству», так и «вверх», к «пустоте нулевости». В этом случае Ноль трактуется как условная фигура трансцендентальной интуиции, в полном объеме реализуемой в «четвертом состоянии» Упанишад (турия).

³⁶⁴ **Синестезия** (от древнегреческого греч. συναίσθησις: σύν «вместе», и αἴσθησις «ощущение») неврологический феномен, при котором раздражение в одной сенсорной или когнитивной системе ведёт к автоматическому, непроизвольному отклику в другой сенсорной системе.

³⁶⁵ **Hen to pan** (греч.: εν το παν) – «Один есть всё»

До какой степени вне-бытийный Бог монотеизма соответствует пустому Парабрахману дхармизма? Практический опыт продвинутых мистиков показывает, что такие аналогии возможны. Рам трактовал Тетраграмматон в духе апофатизма Нагарджуны: יוהי = «Yod» (бодрствование) не-есть «He» (сновидение) не-не-есть «Vau» (глубокий сон) не-не-не-есть «He» (турия). В исламском варианте (здесь и далее – моя версия)³⁶⁶ это будет выглядеть как: الله = «Alif» (I) ﻻ «Lam» (II) ﻻﻻ «Lam» (III) ﻻﻻﻻ «Ha» (IV). В христианском (по-гречески): Θεός = Θ ﻻ Ε ﻻﻻ Ο ﻻﻻﻻ Σ; по-русски: Богъ = Б ﻻ О ﻻﻻ Г ﻻﻻﻻ Ъ.

Состояние «божественного неведения», результирующего из преодоления душевного «единства» в пользу духовной «пустотности», описано у близкого к восточным исихастам средневекового немецкого мистика Майстера Экхарта³⁶⁷:

«Чтоб стать равной Богу, не должна ли душа обратиться в Ничто? Это предположение совершенно верно!»³⁶⁸

«Когда человеку надлежит совершить внутреннее дело, он должен стянуть все свои силы в одну точку души своей и сокрыться от всех образов и ликов, и тогда может он там действовать. В забвение и неведение должен он там погрузиться. Тишина и молчание да будут там, где должно быть воспринято то слово. К нему же прийти нельзя лучше, чем через тишину и молчание; только там можно слышать его, только там его постигаешь: в неведении!...

Здесь нужно подняться к высшему виду знания, и это неведение не должно происходить от невежества, но от познания должно прийти к неведению. Там станем мы вещами божественным неведением, там будет облагорожено и украшено наше неведение сверхъестественным знанием! И там, где мы пребываем в неделании, мы совершеннее, чем там, где мы действуем.»³⁶⁹

Культурные, психологические и даже магические противоречия между монотеизмом и дхармизмом (точнее – между монотеистическими и дхармическими религиями) могут быть сняты через утверждение в *полноте праджни* (гностической мудрости, плеромы³⁷⁰) с последующим медитационным дрейфом к *пустоте турии* (шуньяте, кеноме³⁷¹).

Обращаясь к символизму божественных аватар, нужно учитывать их кеноменальную (пустотную) природу как не-не-не-сущую, бесконечно удаленную от всякой феноменальности и тем самым – сверхъестественную с точки зрения научных представлений о действительности. Например, в буддизме достаточно детально разработана теория идама³⁷² как

³⁶⁶ Здесь представлены чисто формальные способы написания Тетраграмматона – как условный эквивалент «божественной графемы» в различных конфессиональных ипостасях.

³⁶⁷ **Майстер Экхарт** (нем. Meister Eckhart), то есть учитель Экхарт, известный также как Иоганн Экхарт (Johannes Eckhart) и Экхарт из Хоххайма или Хоххаймский (Eckhart von Hochheim; ок. 1260; Хохгайм (Тюрингия) — ок. 1328; Авиньон) — средневековый немецкий теолог и философ, один из крупнейших христианских мистиков.

³⁶⁸ Майстер Экхарт. «О созерцании Бога и о блаженстве»

³⁶⁹ Майстер Экхарт. «Духовные проповеди и рассуждения»

³⁷⁰ **Плерома** (греч. πλήρωμα, «наполнение, полнота, множество») — термин в греческой философии, одно из центральных понятий в гностицизме, обозначающее божественную полноту.

³⁷¹ **Кенома** (греч. κενωμα, от κενός – пустота, вакуум) – субстанция изначального зияющего пространства, известного как Хаос.

³⁷² **Идам**, также йидам, иштадевата (кит. 神體, шэнь-ти, санскр. इष्टदेवता, iṣṭadevatā IAST), Вайли yid dam, сокращение от тибетского yid-kyi-dam-tshig) — умозрительная форма

«созерцательного божества», т. е. условного образа, визуализируемого в сознании адепта именно как «порождение пустоты» – источника магической силы (нуль-энергии), позволяющей активировать парадоксальные установки эмансипативного характера.

IX. 2. Аватары богов индуизма

Те трижды семь, что движутся,
Неся все формы, –
Пусть Повелитель Речи силы их,
(Их) суть дарует мне сегодня!

Атхарваведа, I. 1. На сохранение священного знания

В своем стремлении постичь небо и свое место во вселенной, древние люди научились выделять прежде всего Солнце с Луной и орбиты их движения, разделив небосвод на три области: эклиптику³⁷³, а также области выше и ниже ее (верхний и нижний миры). Троичное членение мира – наиболее универсальное и древнее из всех существующих. С ним связано представление о Тримурти – индусской Троице: Брахме-Вишну-Шиве.

Аватары Брахмы и Сарасвати

Брахма и Сарасвати почитаются в индуизме и других дхармических религиях (буддизме, джайнизме и сикхизме) в качестве творящего аспекта Бога и Его супруги (шакти). Наиболее известен сикхский список из семи аватар Брахмы, отождествляемых с семью мудрецами-поэтами. Возможно, здесь мы видим позднюю аналогию с семью ведийскими мудрецами (саптариши), парадигматически перекликающимися с семью мудрецами Древней Греции и Древнего Китая (семь мудрецов Бамбуковой рощи).

Символизм числа семь связан с образом семи планет, которые люди научились выделять среди бесчисленных объектов звездного неба на заре становления астрономической науки. С этим же символизмом связаны семь форм Сарасвати во вселенной.

№	10 аспектов Сарасвати	Значение	7 форм Сарасвати во вселенной ³⁷⁴	Значение	7 аватар Брахмы ³⁷⁵
1	Савитри	Супруга Брахмы	Чинтамани Сарасвати	Драгоценная Сарасвати	Вальмики (автор Рамаяны)
2	Гаятри	Мать Вед	Гьяна Сарасвати	Мудрая Сарасвати	Кашьяпа (автор Ригведы)
3	Вакадеви / Вагишвари	Богиня речи	Нила Сарасвати	Синяя Сарасвати	Шукра (гуру асуров)
4	Винапани	Держащая вино	Гхата Сарасвати	Сарасвати с	Бачеса

просветлённого существа в Ваджраяне. С идами связаны тантрические практики, медитации, изображения, скульптуры и мантры.

³⁷³ **Эклиптика** (от лат. (linea) ecliptica, от др.-греч. ἑκλειψις — затмение) — большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое годичное движение Солнца. Соответственно плоскость эклиптики — плоскость обращения Земли вокруг Солнца (земной орбиты).

³⁷⁴ Меру Тантра (тантрический трактат, не ранее XVII в.)

³⁷⁵ Дасам Грантх (книга сикхского гуру Гобиндана Сингха)

				горшком	
5	Пуштака-дхарани	Книгочтея	Кини Сарасвати	Цветочная Сарасвати	Вьяса (автор Махабхараты)
6	Варадханаяки	Благодетельная	Антарикша Сарасвати	Небесная Сарасвати	Кхата Риши
7	Шарада	Любительница осени	Маха Сарасвати	Великая Сарасвати	Калидаса (автор Шакунталы)
8	Ванмдаяни	Дарующая речь (Шабдабрахма)			
9	Сварадаяни / Талабрахма	Дарующая музыку (Талабрахма)			
10	Дхьянадаяни	Дарующая мудрость (Надабрахма)			

Вишну – Бог-хранитель. Он связан с аспектом сохранения вселенной и божественными принципами ее функционирования, Дхармой. Наиболее известны **десять аватар Вишну** (дашаватара), связанные с различными мифологическими и историческими событиями. Древнейший символизм десятки, вероятно, имеет отношение к десяти пальцам на руках как основе науки счета и соразмерности.

№	Вишну	Образ	Легенда	Этап в эволюции
1	Матсья	Человек-рыба	Спас от потопа первочеловека Ману, убил демона Хаягриву и вернул похищенные им Веды	Рыбы
2	Курма	Черепашка	Выступил основой для мутовки при пахтании богами и асурами космического океана	Земноводные
3	Вараха	Вепрь	Убил демона Хираньякшу и вынес на клыках утопленную последним землю со дна океана	Млекопитающие
4	Нара-симха	Человек-лев	Убил терроризировавшего мир демона Хираньякашипу	Человеко-подобные (приматы)
5	Вамана	Карлик	Покрыл вселенную-трилоку (три мира) тремя шагами	Недо-люди (архантропы)
6	Парашурама	Рама с топором	Истребитель кшатриев, передал власть над землей брахманам	Древние воины
7	Рама	Царь Айодхьи	Воплощение идеального домохозяина (муж Ситы). Главный герой эпоса «Рамаяна»	Древние земледельцы (Сита = грядка)
8	Кришна	Пастушок	Верховный гуру. Главный герой эпоса «Махабхарата»	Древние скотоводы
9	Будда	Мудрец	Почитается индусами как божество обмана, явившееся с целью выявления неверных	Древние мыслители
10	Калки	Разрушитель	Черный всадник на белом коне. Завершит Кали-югу и восстановит на земле дхарму (высший закон).	Аватара грядущего

Развернутые списки аватар Вишну

Приведенные ниже вайшнавский и сикхский списки аватар Вишну содержат по десять основных (вышеприведенных) аватар Вишну, а также дополнительные имена и образы, несколько различающиеся между собой. Число 24 соответствует количеству часов в сутках, а в астрономической

перспективе близко числу тысячелетий в прецессионном туре (круговое движение оси вращения земли)³⁷⁶.

№	Имя ³⁷⁷	Образ	Имя ³⁷⁸	Образ
1	Матсья	Рыба-человек	Матсья	Рыба-человек
2	Курма	Черепаша	Курма	Черепаша
3	Нара-Нараяна	Близнецы	Нараяна	Двойник Нары
4	Мохини	Роковая женщина	Мохини	Роковая женщина
5	Вараха	Вепрь	Вараха	Вепрь
6	Нарасимха	Человеко-лев	Нарасимха	Человеко-лев
7	Вамана	Карлик	Бавана (Вамана)	Карлик
8	Парашурама	Рама с топором	Парашурама	Рама с топором
9	Вьяса	Составитель Вед	Брахма	Бог-творец
10	Капила	Риши	Рудра (Шива)	Бог-разрушитель
11	Кумары	4 сына Брахмы	Джаландхара	Царь асуров
12	Даттарея	Тримурти	Бишан (Вишну)	Бог-хранитель
13	Хаягрива	Человек-лошадь	Шешайи (Шеш)	Тысячеглавый змей
14	Ришабха	Тиртханкар	Арихант Дев	Божественный архат
15	Пришнигарбха	Первочеловек	Ману Раджа	Первочеловек
16	Дханвантари	Автор Аюрведы	Дханвантари	Автор Аюрведы
17	Ягья	Вишну как Индра	Сураджа (Сурья)	Солнце
18	Нарада	Странник	Чандара (Чандра)	Луна
19	Рама(чандра)	Царь Айодхьи	Рама	Царь Айодхьи
20	Баларама	Брат Рамы	Баларама	Брат Рамы
21	Кришна	Пастушок	Кришна	Пастушок
22	Притху	Идеальный царь	Нара	Двойник Нараяны
23	Будда	Просветленный	Будда	Просветленный
24	Калки	Разрушитель	Калки	Разрушитель
25	Хамса	Лебедь		

Шива – Бог-разрушитель. Его космическая активность проявляет себя в периоды декомпозиции вселенной, ее распада и исчезновения. В индуизме существует большое количество списков его аватар, а также аватар аватар (к примеру, список аватар Ганеши, сына Шивы и Парвати, одновременно считающегося аватарой самого Шивы).

Список из **28 аватар Шивы-Йогешвары** – один из самых известных. Символизм числа 28, по всей видимости, связан с количеством дней в лунном месяце. На это косвенно указывает иконическая связь Шивы с образом Луны, традиционно украшающей прическу Йогешвары. Это также могут быть 28 накшатр (лунных созвездий) индийского календаря.

Имена аватар Шивы в приведенных ниже списках могут несколько различаться с именами шиваитских аватар в других редакциях.

№	28 аватар Шивы-Йогешвары ³⁷⁹	28 аватар Шивы (альтернативный список)	11 аватар Рудры ³⁸⁰	Аватары, явленные Брахме в 19-23 кальпах ³⁸¹
---	---	--	--------------------------------	---

³⁷⁶ По современным данным прецессионный тур составляет 25765 лет.

³⁷⁷ Бхагавата Пурана

³⁷⁸ Дасам Грантх (сикхский источник)

³⁷⁹ Шива Пурана (Шатарудра Самхита)

³⁸⁰ Там же (сыновья Кашьяпы и Сурабхи)

1	Швета Муни	Ардханишвар	Капали	Свайоджата
2	Сутара Риши	Нанди	Пингала	Ракта
3	Дамана Риши	Шарабх	Бхима	Вамадева
4	Сухотра	Грихпати	Вирупакша	Питаваसा
5	Канка	Нилкантх	Вилохита	Татпуруша
6	Логакши	Дурваса Риши	Шаства	Агхора
7	Джайгишавья	Махеш	Аджапада	Вишварупа
8	Дашибахана	Хануман	Ахирбудхнья	Ишана
9	Ришав (Ришабха)	Бришабх (Ришабха)	Шамбху	
10	Бхригу /Бипра	Пиппалада	Чанда	
11	Кали / Угра	Вайшьянатх	Бхава	
12	Пуру / Атри	Йатинатх		
13	Бали	Кришна Даршан		
14	Гаутама	Авадхутешвара		
15	Ведаваршин / Ведашира	Бхикшуварья		
16	Гокарна	Сурешвара		
17	Грихасвами / Гухаваси	Брамхчари		
18	Шикханди	Сунатнартак		
19	Джатамали	Саддху		
20	Аттахаса	Вибху-ашватхама		
21	Дарука	Кирата		
22	Лангали Бхима	Вибхадра		
23	Швета	(Кала)Бхайрав		
24	Шули	Аллама		
25	Данди / Мундишвара	Кханбода		
26	Сахишну	Шарабха		
27	Сомашарма	Двиджешвара		
28	Йогатама / Лакулиша	Ади Шанкара		

Аватары Парвати, Лакшми и Кали

Парвати и Лакшми – женские половины (консорты, супруги, шакти) Шивы и Вишну. Они имеют большое количество собственных проявлений, из которых наиболее популярны приведенные ниже. Символизм восьмерки, скорее всего, имеет основание в исчислении пространства, неба («небесное число» у шумеров), и связано с определением пространственных координат. Число 9 может быть связано с «девятью небесами» древнего шаманизма (сферы семи планет, плюс сфера неподвижных звезд и еще одна, лежащая за пределами последней).

№	9 аватар Дурги / Навадурга	Аватары Парвати (Шива)	Аватары Лакшми (Вишну)	8 аватар Лакшми / Ашталакшми
1	Шаллапутри	Дурга	Шридеви	Ади Лакшми
2	Брахмачарини	Кали	Бхудеви	Дханья Лакшми
3	Чандрагханта	Чанди	Дхарини	Дхарья Лакшми
4	Кушаманда	Минакши	Сита	Гаджа Лакшми
5	Скандамата	Камакши	Радха	Сантана Лакшми
6	Катъяяни	Лалита	Яшодхара	Виджая Лакшми
7	Каларатри	Акхиланде-швари	Рукмини	Видья Лакшми
8	Махагаури	Аннапурна	Сатьябхама	Дхана Лакшми
9	Сиддхидатри			

Другие женские аватары и манифестации

Помимо трех богов Тримурти (Брахмы, Вишну, Шивы), связанных с соответствующим сампрадаями (линиями традиционного посвящения), в индуизме существует «четвертое лицо» – Великая Мать или Ади-Парашакти (первичная высшая шакти)³⁸², которая имеет собственную сампрадаю в виде шактизма.

Существует традиционная корреляция между аватарами Великой Матери (Парашакти) с аватарами Вишну (в качестве порождаемых этими аватарами мудростей-махавидий)³⁸³ с одной стороны и аватарами Шивы-Ягнешвары (по принципу шакта-шакти)³⁸⁴ – с другой. В приведенных ниже списках в левой графе (Махавидья / Шакти) сначала дается имя мудрости-махавидьи как порождение Вишну (Вишну-сампрадая), а в скобках указано имя Шивы как божественного супруга-консорта-шакты (Шива-сампрадая).

В правой графе (Маа Кали) приводятся имена богини в ипостаси Кали – патрона независимой Кали-сампрадаи. Практическое дублирование имен во всех линиях (сампрадаях) отражает специфику дхармических божеств, часто действующих по принципу нераздельности-неслиянности.

10 мудростей Ади-Пара-Шакти (Высшей шакти) + 10 шакти Шивы-Ягнешвары (Владыки жертвоприношений) + 10 аватар Маа Кали

№	Махавидья / Шакти	Образ и характер	Маа Кали	Образ и характер
1	Дхумавати (Дхумаван)	Вдова, богиня смерти	Дхумавати	Богиня-вдова
2	Багаламуххи (Багаламухх)	Парализующая врагов	Багала Кали	Вырывает языки у демонов
3	Бхайрави (Бхайрав)	Страх и ужас	Бхайрави Кали	Предвестница смерти
4	Чхиннамаста (Чхиннамастак)	Само-обезглавливающаяся	Чхиннамаста	Держит в руках свою голову
5	Шодаши Шривидья (Шодаша Шривидьеша) / Парвати	Прекрасная в трех мирах, Мокша Мукула / Лалита-Трипура-сундари	Шодаши	Юная соблазнительница, вырастающая из пупка Шивы
6	Матанги (Матанг) / Сарасвати	Богиня мудрости и искусства	Матанги Кали / Чандалини	Гневная форма Сарасвати
7	Тара / Нил Сарасвати	Поводырь, спасительница	Тара	Голубая богиня в тигровой шкуре
8	Махакали (Махакал) / Каликула	Пожирательница времени	Шамсана Кали	Двурукая форма, почитаема в местах кремаций
9	Камала / Лакшми	Богиня лотоса	Камала	Богиня процветания с двумя слонами по бокам
10	Бала Бхуванеш (Бал Бхуванеш)	Мать мира, чье тело – космос	Дакшина Кали / Чамунда	Танцует на теле Шивы

³⁸² Некий аналог христианской «Софии» как «четвертой ипостаси», богословие которой развивалось, прежде всего, русскими софиологами (Владимир Соловьев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Лев Карсавин и др.

³⁸³ Гухьятигухья-тантра

³⁸⁴ Шатарудра Самхита (Шива Пурана)

IX. 3. Будды, бодхисаттвы и защитники веры

Буддизм, как религиозно-культурная традиция, представляет собой своеобразную рационализацию брахманизма (позднего ведизма). В принципе, в буддийской философии нет места ни для Бога-Творца, ни для Тримурти. Однако, она не отрицает наличия небесных сил в качестве своеобразных эквивалентов ведийских богов, пусть и не столь всемогущих. Отношения буддийского архата с дэвами и асурами – предмет сугубо мистический, глубоко личный, однако структура вселенной и человека сохраняет в буддизме вполне традиционную для брахманизма основу.

Момент рационализации связан в буддизме, прежде всего, с западным влиянием: сначала (дособорная эпоха) персидским, затем (после первых соборов), затем – эллинистическим. Интеллектуальное противостояние буддизма и брахманизма чем-то напоминает конфликт между гностицизмом и официальным христианством в первые века нашей эры. С одной стороны мы видим попытку подчинить свободную мысль жесткой догматике централизованного культа, с другой – истолковать культурную традицию в духе эмансипации личности от «воли богов».

В конце концов, трансформированный в результате этих споров брахманизм, в лице индуизма, признал Будду в качестве очередной инкарнации Господа Вишну, но – в качестве «бога обмана», проверяющего своих преданных на прочность веры. Буддизм же, принявший форму Махаяны, признал ведийских богов, но – в качестве подчиненных Будде сущностей. Их имена в изобилии встречаются в списках буддийского пантеона, а канонические истории про Будду и его последователей жанрово очень сильно напоминают мифологические сюжеты, почерпнутые из индуизма.

Буддисты считают, что их мастер, Гаутама Будда (Шакьямуни) не просто прозрел сам по себе, но следовал древней сампрадае просветленных мудрецов как будд, предшествовавших ему во времени. Так выстраивается институциональная картина мира, аналогичная представлениям индуизма о связи земных гуру с космическими силами и потусторонними сущностями, дарующим человеку высшие знания – Веды. Герои инициатических буддийских легенд путешествуют, наравне с ведийскими мудрецами, через вселенную со всеми ее многочисленными мирами, воплощаясь в нужное время в нужном месте.

Наиболее известный список буддийской сампрадаи, завершающийся фигурой Будды Шакьямуни, содержит 28 имен будд прошлого и одно имя будды грядущего периода. При этом 24 первых будды относятся к предшествовавшему космическому циклу (санскр. вьюхакальпа, «славный эон»), а 5 последующих будд (включая будду будущего) – к настоящему

циклу (санскр. Бхадракальпа, «благоприятный эон»). Показательно, что несмотря на отмену в буддийской сангхе всякого ранжира по кастам, у большинства из означенных в этом списке будд указывается их кастовое происхождение. Имена и названия мест даны на пали.

28 будд прошлого + будда будущего + прошлые перерожденцы будды Гаутамы Шакьямуни

№	Имя будды	Каста	Место рождения	Родители	Воплощение Гаутамы в ту же эпоху
1	Танханкара			Царь Сунандха и царица Сунандхаа	
2	Медханкара			Судхева и Ясодхара	
3	Сарананкара			Сумангала и Яваватхи	
4	Дипанкара	Брахман	Раммаватинагара	Судхева и Сумедхая	Сумедха (тж. Сумати или Мегха Манавя, богатый брахман)
5	Конданья	Кшатрий	Раммаватинагара	Сундана и Суджата	Виджитави (чакравартин в Чандаватинагаре, Маддджимадеша)
6	Мангала	Брахман	Уттаранагара	Уттара и Уттараа	Суручи (из Сирибрахмана)
7	Сумана	Кшатрий	Мекхаланагара	Судхассана и Сирима	Царь Атуло, наг
8	Ревата	Брахман	Судханнаватинагара	Випала и Випула	Ведийский Брахман
9	Собхита	Кшатрий	Судхамманагара	Судхамманагара и Судхамманараа	Суджата (брахман из Раммавати)
10	Аномадасси	Брахман	Чандаватинагара	Ясава и Ясодара	Царь якшей
11	Падума	Кшатрий	Чампаянагара	Асама и Асамаа	Лев
12	Нарада		Дхаммаватинагара	Царь Судхева и Анопама	Гималайский отшельник
13	Падумуттара	Кшатрий	Хамсаватинагара	Анурула и Суджата	Джитило, аскет
14	Сумедха	Кшатрий	Судасанагара	Сумедха и Сумедхаа	Уроженец Уттара
15	Суджата		Сумангаланагара	Угата и Паббавати	Чакравартин
16	Пиядасси		Суданнагара	Судата и Субаддха	Кассапа (брахман из Сириваттангары)
17	Аттхадасси	Кшатрий	Сонанагара	Сагара и Судассана	Сусино, бразман
18	Дхамма-дасси	Кшатрий	Сурананагара	Суранамаха и Сунанада	Индра, царь богов (дэвов)
19	Сиддхартха		Вибхаранагара	Удени и Супхаса	Мангал, брахман
20	Тисса		Кхеменагара	Янасандо и Падума	Царь Суджата из Ясаватинагары
21	Пхусса	Кшатрий	Каши	Джаясена и Сиремая	Виджитави
22	Випасси	Кшатрий	Бандхуватинагара	Випасси и Випасси	Царь Атула
23	Сикхи	Кшатрий	Арунаваттинагара	Арунаватти и Папхаватти	Ариндамо из Парибхуттангары
24	Вессабху	Кшатрий	Анупаманагара	Суппалиттха и Яшавати	Садассана из Сарабхаваттинагары
25	Какусандха	Брахман	Кхемаватинагара	Брахман Агидатта ³⁸⁵ и Викаша	Царь Кхема
26	Когагамана	Брахман	Собхаватинагара	Брахман Яннадатта и Уттара	Царь Паббата из горной страны Митхила

³⁸⁵ Пурохита-брахман царя Кхемы

27	Кассапа	Брахман	Баранасинагара	Брахман Брахмадатта и Дханавати	Джотипала из Ваппуллы
28	Гаутама	Кшатрий	Лумбини	Царь Суддходана и Майя	Сиддхартха Гаутама
29	Майтрея	Брахман			

Будды махаянского культа³⁸⁶

№	Имя будды	Значение
1	Шакьямуни	Отшельник из шакьев
2	Ваджра-прамарди	Достигнутый через ваджру
3	Ратнаршиш	Лучистая драгоценность
4	Нагешвараджа	Царь нагов
5	Вирасена	Армия героев
6	Вирананди	Восхищенный герой
7	Ратнагни	Драгоценный огонь
8	Ратначанапрабха	Драгоценный лунный свет
9	Амогхадарши	Значимое видение
10	Ратначандра	Драгоценная Луна
11	Вимала	Нержавеющий
12	Шурадатта	Славный дар
13	Брахма	Чистый
14	Брахмадатта	Чистый дар
15	Варуна	Бог вод
16	Варунадева	Божество Бога вод
17	Бхадрашри	Славное благо
18	Чанданашри	Славное сандаловое дерево
19	Анантауджас	Бесконечное великолепие
20	Прабхашри	Славный свет
21	Ашокашри	Беспечальная слава
22	Нараяна	Дитя бесстрастия
23	Кусумашри	Славный цветок
24	Татхагата Брахмаджйотивикридатабхайгья	Ясное знание игры лучей чистого света
25	Татхагата Падмаджйотирвикридатабхайгья	Ясное знание игры лучей чистого лотоса
26	Дханашри	Славное сокровище
27	Смритишри	Славная осознанность
28	Супарикрититанамагхешри	Знаменитое славное имя
29	Индракетудхаджараджа	Царь венчающего суверена победного знамени
30	Сурикранташри	Славный полный усмиритель
31	Юдхадджая	Чрезвычайно победоносный в сражении
32	Викрантагами	Славное превосходство через смирение
33	Самантавабхасавьюшастри	Славные манифестации всепросветленности
34	Ратнападмавикраи	Драгоценный лотос всемирения
35	Ратнападмасупратиштхитасайлендра- раджа	Всесмиряющий драгоценный лотос, архат, совершенный будда, царь хозяина гор, твердо сидящий на драгоценности и лотосе

Кроме того, существуют списки из 1000 и более будд. Здесь тоже можно увидеть корреляцию с индийской космологией, согласно которой одна кальпа (день Брахмы) состоит из 1000 маха-юг (по четыре юги в каждой: Сатья-, Трета-, Двапара- и Кали-юга). В махаянском буддизме аналогом

³⁸⁶ Трискандхадхарма-сутра

Брахмы³⁸⁷ выступает Ади-Будда (санскр. «изначальный будда») – «духовный отец» всех будд и бодхисаттв во всех циклах вселенной.

Тантрические Будды и Шакти + Будды медицины + Видья-раджи и Дхармапалы

№	Будда Ваджраяны	Тара / Шакти-консорт	Будда медицины / Бхайшаджья-гуру	Мастер прозрения / Видья-раджа	Защитник дхармы / Дхармапала
1	Ваджрасаттва	Сьяма Тара (зеленая)	Шриджинг Шакьямуни	Хаягрива	Хаягрива
2	Ваджрадхара	Сита Тара (белая)	Супарикиртита Намашри (Сунамана)	Махамаюри	Пехар
3	Самантабhadра	Курукулла (красная)	Сварагхоша Раджа	Рагараджа	Лхамо
4	Вайрочана	Угра Тара (черная)	Сурванабhadравимала (Ратнапрабхаса)	Ачаланатха	Махакала
5	Акшобхья	Бхрикути Тара (желтая)	Ашокат(там)ашри	Трилока-виджая	Яма
6	Ратнасамбхавя	Ваджра Тара (синяя)	Дхармакирти-сагарагхоша	Амрита Кундалин (Видьяраджа)	Кубера
7	Амитаба / Амитаюс	Читтамани Тара (изумрудная)	Абхигья(на)раджа	Раджа Бхайрава	Ямантака
8	Амогхасиддхи	Кхадиравани Тара (акациевая)	Бхайшаджьягуру Вайдурьяпрабха Раджа	Ваджраякса	Джамсаран

Восемь бодхисаттв (мужские и женские ипостаси)

№	Мужское имя	Функция	Женское имя	Функция
1	Кшитигарбха	Помощь обитателям ада	Ласья (Сарасвати)	Богиня красоты
2	Акашагарбха	Бесконечное счастье	Малья (Чунда)	Богиня гирлянды
3	Ваджрапани	Защитник Будды	Гита (Белая Тара)	Богиня пения
4	Авалокитешвара	Бесконечное сострадание будд	Нирти (Акациевая Тара)	Богиня танца
5	Сарваниварана-вишкамбхин	Устранение препятствий в медитации	Пушпа (Ситатапатра)	Богиня цветов
6	Майтрея	Доброжелательность	Дхупа (Маричи)	Богиня благовоний
7	Самантабhadра	Дхарма и праджня	Алока (Ушнишавиджая)	Богиня света
8	Манджушри	Высшая мудрость-Праджняпарамита	Гандха (Парнашабари)	Богиня аромата

IX. 4. Джайнские тиртханкары

Космология джайнизма является, пожалуй, наиболее развитой в сравнении с другими дхармическими религиями³⁸⁸. Никто с такой тщательностью не разрабатывал концептуальные модели макро- и микрокосма, как

³⁸⁷ Именно **аналогом**, а не тождеством, поскольку Ади-Будда не является творцом сансарной вселенной, но «порождает» купирующие влияние ее структур духовные сущности.

³⁸⁸ С формальной точки зрения буддийский космос является лишь фрагментом джайнского, структура которого просчитана на несколько порядков дальше.

последователи Джины Махавиры – последнего тиртханкары (санскр. «строитель брода»), указавшего людям путь к духовному освобождению (мокше) по ту сторону «реки человеческой тщеты». Согласно джайнской философии, мир вечен, и колесо времени (калачакра) никогда не остановится. Однако, просветленный человек, в отличие от даже более могущественных по сравнению с ним богов (глобальных сил вселенной), в состоянии выйти из порочного круга судьбы и достичь личного спасения. В джайнских списках указываются тиртханкары как текущей, т. е. нисходящей эпохи (утсарпини), так и будущей, восходящей (авасарпини).

**24 джайнских тиртханкары прошлого и 24 тиртханкара будущего,
с указанием прошлых перерождений Джины Махавиры**

№	Утсарпини	Символ	Цвет	Авасарпини	Махавира в прошлой жизни
1	Ришабханатха (Адинатха)	бык	золотой	Падманабха	Бимбисара (царь Магадхи)
2	Аджитнатха	слон	золотой	Сурдев	Супаршва (дядя Махавиры)
3	Самбхаванатха	конь	золотой	Супаршва	Удайн (внук Бимбисары)
4	Абхинандаматха	обезьяна	золотой	Свампрабх	Аскет Поттил
5	Суматинатха	гусь	золотой	Сарванубхути	Шравака Дридхаятха
6	Падмапрабха	лотос	красный	Девшрути	Шрешти (сын Картика)
7	Супаршванатха	свастика	золотой	Удайнатх	Шравак Шамкха
8	Чандрапрабха	полумесяц	белый	Педхалпутра	Шравак Ананда
9	Пушпадантха	крокодил / макара	белый	Поттил	Шравак Сунанд
10	Шиталанатха	шриватса / узел счастья	золотой	Шаттак	Шравак Шаттак
11	Шреянасантха	носорог	золотой	Муниврат	Деваки (мать Кришны)
12	Васупуджья	буйвол	красный	Амам	Кришна
13	Вималанатха	кабан	золотой	Шринишкашай	Сатьяки Рудра
14	Анантанатха	дикобраз / сокол	золотой	Нишпулак	Баларама (брат Кришны)
15	Дхарманатха	ваджра	золотой	Нимам	Шравика Сулса
16	Шантинатха	антилопа / олень	золотой	Читрагупта	Рохини Деви (мать брата Кришны)
17	Кунтхунатха	козел	золотой	Самадхинатх	Ревати Гатхапатни
18	Аранатха	нандьяварта / свастичный орнамент	золотой	Самварнатх	Шравак Шаттилак
19	Маллинатха	горшок	синий	Яшодхар	Риши Двипаян
20	Мунисуврата	черепаха	черный	Виджай	Карна (царь Анги)
21	Наминатха	синий лотос	золотой	Мальядев	Ниргрантхапутра (Малланарада)
22	Неминатха	раковина	черный	Девачандра	Шравак Амбадх
23	Паршванатха	змея	синий	Анантвирья	Шравак Амар
24	Махавира	лев	золотой	Шрибхадракар	Шанак

Изучая списки аватар и перерожденцев, некрудно убедиться, что некоторые имена кочуют из списка в список, из одной сампрадаи в другую, даже преодолевая границы религиозных традиций.

IX. 5. Ось мира

Аналогичный трансфер сил небесных, хотя и в меньшей степени, можно наблюдать в монотеистических религиях, где почитаются одни и те же пророки и потусторонние силы, имена ангелов и архангелов. Главная общая святыня всех монотеистов – Храмовая гора в Иерусалиме. Аналогичная святыня всех дхармистов – гора Кайлас в Трансгималаях. Возвышающийся на Храмовой горе³⁸⁹ Купол скалы³⁹⁰ удивительным образом напоминает по своей форме купол Кайласа, а вся мечеть Купола скалы в целом похожа на гигантскую черепаху, предстающую с определенного ракурса взору паломника к Горе Девяти свастик³⁹¹, причем символизм числа «девяти небес» здесь резонирует с «девятью ангельскими чинами» Дионисия Ареопагита³⁹². В обоих случаях мы видим отголоски мистики Краеугольного камня мироздания. Он же – Камень основания³⁹³, Пуп земли³⁹⁴, Бенбен³⁹⁵, Ось мира³⁹⁶ – Мория³⁹⁷, Меру³⁹⁸.

18. 12. 2016

Лондон, Мазвелл-хилл

³⁸⁹ **Храмовая гора** (араб. الشريف القدس الحرم, аль-Харам аль-Кудс аш-Шариф — «благородное святилище»; ивр. הַר הַבַּיִת, Хар а-Баит) — обнесённая высокими стенами прямоугольная площадь, возвышающаяся над остальными частями Старого города Иерусалима.

³⁹⁰ **Купол скалы**, иногда переводят как мечеть Купола над Скалой (араб. الصخرة قبة مسجد — Масджид Куббат ас-Сахра; ивр. קִיפּוֹת הַלֵּוֹי קִיפּוֹת אֶל־סֵלָא Киппат а-Села) — исламское святилище над камнем основания на Храмовой горе в Иерусалиме.

³⁹¹ **Гора Девяти свастик** – одно из образных названий Кайласа.

³⁹² **Дионисий Ареопагит** (греч. Διονύσιος ο Αρεοπαγίτης) — афинский мыслитель, христианский святой. Согласно церковному преданию, Дионисий Ареопагит был учеником ап. Павла (Деян. 17:34) и первым епископом г. Афины. Автор трактата «Ареопагитики».

³⁹³ **Камень Основания**, также Краеугольный камень (ивр. אבן השתייה — эвен а-штиа, араб. صخره — сахра) — скала на Храмовой горе, над которой располагалась Святая святых Иерусалимского храма. В иудаизме считается краеугольным камнем мироздания, поскольку именно с неё Господь начал Сотворение мира.

³⁹⁴ **Пуп земли** — космологическое понятие центра мира в различных религиозно-мифологических традициях (напр. Омфал [др.-греч. ὀμφαλός — пуп] — посвященный Аполлону камень, считавшийся Пупом Земли; Куско [кечуа Qusqu, Qosqo] — Пуп Земли; Те-Пито-те-хенуа [рап. Te-Pito-te-henua — Пуп Земли] — ритуальная площадка с большим круглым камнем в центре, на острове Пасхи).

³⁹⁵ **Бенбен** (Бен-бен) — холм, который появился из первичных вод Нуна. Согласно мифологии египтян, бог-творец Атум спустился вниз на холм и стал размышлять о том, каких создать богов. В Текстах пирамид, в главах 587 и 600, говорится о том, что Атум перенёс себя на «холм». Там же сказано, что холм превратился в небольшую пирамиду, которая находилась в Иуну (Гелиополь), она была местом пребывания Атума. **Камень Бенбен** был назван в честь первичного холма. Он был священным камнем в храме солнца в Гелиополе. Он был местом, на которое упали первые лучи солнца. Считается, что он был праобразом обелисков и пирамидионов четырёхгранных пирамид.

³⁹⁶ **Ось мира** (лат. Axis mundi) — в мифологии и религии ось, связывающая небо и землю. В культурах практически всех народов Земли существуют мифологемы и образы, соответствующие религиозному понятию «оси мира».

³⁹⁷ Хар а-**Мория** (ивр. הַר הַמּוֹרִיָּה) – другое название Храмовой горы (см. выше).

³⁹⁸ **Мэру** (санскр. मेरु), или Сумеру «благая Меру» — священная гора в космологии индуизма и буддизма, где она рассматривается как центр всех материальных и духовных вселенных.